
ПЕРВОЕ
СОВЕТСКОЕ
ПРАВИТЕЛЬСТВО
РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ
СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ
ПОЛИТИЗДАТ

Совѣтъ Народны

Всероссійскій Съѣздъ Совѣтовъ
янскихъ Депутат

Образовать для управленія страной,
временное рабочее и крестьянское правит
томъ Народныхъ комиссаровъ. Завѣдыван
жизни поручается комиссіямъ, составъ ко
жизнь провозглашенной Съѣздомъ програм
низаціями рабочихъ, работницъ, матросов
ственная власть принадлежитъ коллегія
Народныхъ комиссаровъ.

Контроль надъ дѣятельностью народ
принадлежитъ Всероссійскому Съѣзду Со
скихъ Депутатовъ и его Центральн. Исп.

Въ настоящій моментъ Совѣтъ Народ
дующихъ лицъ:

Предсѣдатель Совѣта—Владиміръ У
Народный Комиссаръ по внутреннимъ
Земледѣлія—В. П. Милютинъ;
Труда—А. Г. Шляпниковъ;
По дѣламъ военнымъ и морскимъ—
ковъ), Н. В. Крыленко и Ф. М. Дыбенко;
По дѣламъ Торговли и Промышленно
Народнаго Просвѣщенія—А. В. Луна
Финансовъ—И. И. Скворцовъ (Степа
По дѣламъ иностраннымъ—Л. Д. Бр
Юстиціи—Г. И. Оппоковъ (Ломовъ);
По дѣламъ продовольствія—И. А. Те
Почтъ и телеграфовъ—Н. П. Авиловъ
Предсѣдателемъ по дѣламъ націонал
Постъ Народнаго Комиссара по дѣлам
замѣщеннымъ.

захр. фонд

ыхъ Комиссаровъ.

Рабочихъ, Солдатскихъ и Кресть-
овъ, постановляетъ:

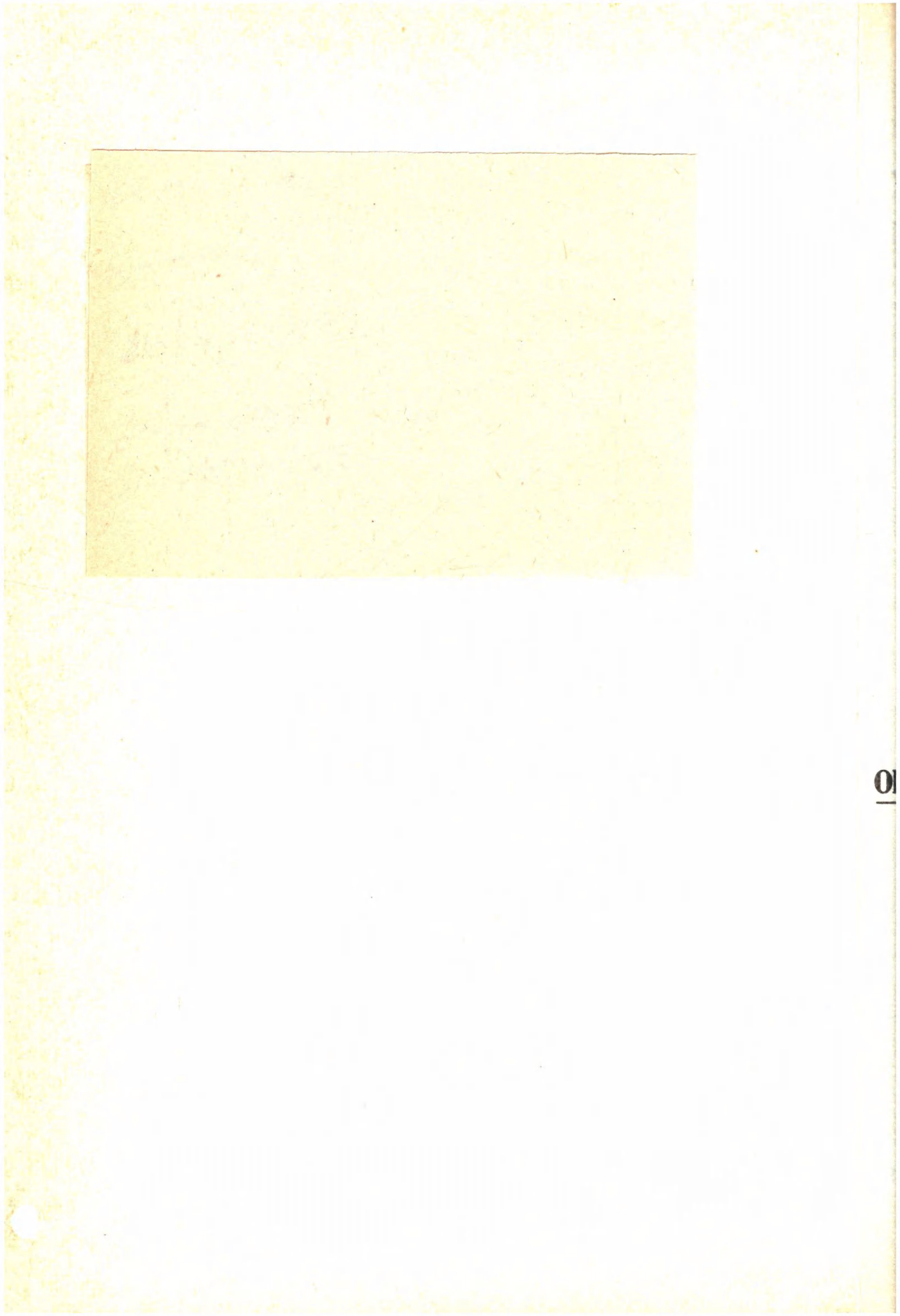
впредь до созыва Учредительнаго Собранія,
тельство, которое будетъ именоваться Совѣ-
ніе отдѣльными отраслями государственной
оторыхъ долженъ обезпечить проведеніе въ
ммы, въ тѣсномъ единеніи съ массовыми орга-
ъ, солдатъ, крестьянъ и служащихъ. Правитель-
предсѣдателей этихъ комиссій, т. е. Совѣту

одныхъ комиссаровъ и право смѣщенія ихъ
вѣтовъ Рабочихъ, Крестьянскихъ и Солдат-
Комитету.
одныхъ Комиссаровъ составляется изъ слѣ-

Ульяновъ (Ленинъ);
ъ дѣламъ—А. И. Рыковъ;

-комитетъ въ составѣ: В. А. Овсѣенко (Анто-

ости—В. П. Ногинъ;
ачарскій;
пановъ);
онштейнъ (Троцкій);
;
еодоровичъ;
ъ (Глѣбовъ);
ьностей—І. В. Джугашвили (Сталинъ).
мъ желѣзнодорожнымъ временно остается не

Москва
Издательство
политической
литературы
1991

ББК 63.3(2)711.2
П26

Научный редактор
доктор исторических наук
А. П. НЕНАРОКОВ

П $\frac{0902020000-033}{079(02)-91}$ 232—90

ISBN 5—250—00919—0

От издательства

Три-четыре года назад мысль о создании книги, которую мы предлагаем сегодня, казалась неосуществимой. Тогда простое упоминание в газетах фамилий многих из тех, кто входил в первое Советское правительство, становилось сенсацией. Имена многих из них на долгие десятилетия были вычеркнуты из истории, а если и упоминались, то лишь в негативном плане. История обезлюдела. Голос ее звучал фальшиво. Торжествовала система догм, запретов и умолчаний.

Книги-близнецы повторяли друг друга. Трактовали события тенденциозно и схематично. Все еще продолжалось возвеличивание Сталина и его ближайшего окружения. Хотя после XX съезда многим казалось, что подобное неповторимо. «Я думаю,— утверждал бывший управляющий делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевич,— что тяжелые времена возвеличения одной личности раз и навсегда прошли. История наша заговорит теперь полным голосом о деятелях революции, расставит всех по местам, где они на самом деле были, и расскажет грядущим поколениям всю правду-истину».

Это было написано в 1955 году. Но только 30 лет спустя начали создаваться условия для восстановления исторической правды.

Предлагаемая книга содержит очерки о народных комиссарах — членах первого Советского правительства. В ней охватывается исторический период, который Владимир Ильич охарактеризовал как самостоятельный этап пролетарской революции — с 26 октября 1917 года до июля 1918 года, когда была принята Конституция РСФСР, обобщившая начальный опыт советского государственного строительства.

Авторы не претендуют на подробный рассказ обо всех аспектах деятельности первого Совета Народных Комиссаров и всех его членах, это еще предстоит сделать в будущем. И тем не менее очерки, включенные в книгу, позволяют понять и почувствовать обстановку тех исторических дней, когда в невероятно сложных условиях, порожденных войной, разрухой, саботажем, да и неопытностью первых советских наркомов в делах государственного управления был создан и пущен в ход новый аппарат пролетарской власти.

Все тогда делалось впервые. Впервые российским большевикам, руководимым В. И. Лениным, предстояло претворить в жизнь лозунги, с помощью которых они сплачивали массы, поднимали их на революцию, привели к победе Октября.

Первое Советское правительство — Совет Народных Комиссаров — было образовано на II съезде Советов в октябре 1917 года. Председателем СНК стал В. И. Ленин. Официальная историко-партийная наука немало потрудилась, чтобы создать казенно-благостный, иконообразный портрет Ленина. А сегодня, в обстановке актуальных политических дискуссий перестроечных дней, В. И. Ленин зачастую становится мишенью для критиков разных оттенков — ультралевых и ультраправых, националистов и шовинистов. Автор очерка о Владимире Ильиче Ленине, включенного в эту книгу, стремится показать его как выдающегося государственного деятеля, проанализировать противоречивую, быстро менявшуюся российскую действительность, требовавшую немедленных оперативных решений, воссоздать и оценить деятельность Владимира Ильича по руководству правительством, подбору народных комиссаров. «Перед глазами Владимира Ильича,— вспоминала Н. К. Крупская,— вырисовывался облик народного комиссара, нового типа министра, организатора и руководителя той или иной отрасли, государственной работы, тесно связанного с массами,— типа, зародившегося в огне революции».

Найти людей, способных справиться с новым, чрезвычайно ответственным делом, было непросто. Ведь предстояло построить новый тип государственного аппарата. «Желающих попасть в наркомы было немного,— вспоминал нарком юстиции Г. И. Ломов,— не потому, чтоб дрожали за свои шкуры, а потому, что боялись не справиться с работой».

Декретом Всероссийского съезда Советов были утверждены следующие члены СНК: «Председатель Совета — Владимир Ульянов (Ленин); народный комиссар по внутренним делам — А. И. Рыков; земледелия — В. П. Милютин; труда — А. Г. Шляпников; по делам военным и морским — комитет в составе: В. А. Овсеенко (Антонов), Н. В. Крыленко и П. Е. Дыбенко; по делам торговли и промышленности — В. П. Ногин; народного просвещения — А. В. Луначарский; финансов — И. И. Скворцов (Степанов); по делам иностранным — Л. Д. Бронштейн (Троцкий); юстиции — Г. И. Оппоков (Ломов); по делам продовольствия — И. А. Теодорович; почт и телеграфов — Н. П. Авилов (Глебов); председатель по делам национальностей — И. В. Джугашвили (Сталин)». В такой последовательности очерки о них расположены в сборнике.

4 ноября 1917 года СНК столкнулся со сложной политической ситуацией. Руководимый меньшевиками и эсерами Всероссийский Исполнительный комитет профсоюза железнодорожников (ВИКЖЕЛЬ) предъявил большевикам требование создать «однородно-социалистическое правительство», состоящее из представителей всех социалистических партий. ВЦИК отверг это требование. Тогда группа народных комиссаров в знак протеста вышла из состава правительства. Возобладали классовые интересы большевиков, и это во многом определило дальнейший ход революции. Однако такой шаг, как несогласие с ленинской позицией, не поломал жизнь тех наркомов, которые вышли из СНК. В. И. Ленин умел работать с инакомыслящими и, зная их деловые качества, использовать на других, тоже весьма ответственных постах. И только после смерти Владимира Ильича Сталин припомнил его сторонникам все их «прегрешения», чтобы убрать представителей старой партийной гвардии со своего пути, установить свою диктатуру.

Хотелось бы остановиться еще на одном вопросе, который сегодня также служит предметом определенных дискуссий,— как сложилось однопартийное Советское правительство. Известно, что на II съезде Советов присутствовали не только большевики, но и левые эсеры (меньшевики, правые эсеры и бундовцы ушли со съезда). Левым эсерам было предложено войти в Советское правительство. «К участию в правительстве,— писал Ленин,— мы приглашали всех, ...мы хотели советского коалиционного правительства»[1]. Но левые эсеры отказались от этого предложения, и ЦК РСДРП(б) утвердил состав однопартийного большевистского правительства и вынес свое предложение на II съезд Советов, который поддержал его подавляющим большинством. Однако 17 (30) ноября 1917 года левые эсеры согласились войти в состав СНК. Наркомом земледелия стал А. Л. Колегаев, юстиции — И. З. Штейнберг, почт и телеграфов — П. П. Прошьян, местного самоуправления — В. Е. Трутовский, имуществ Российской Республики — В. А. Карелин, «без портфеля, но с решающим голосом» — В. А. Алгасов; в январе 1918 года статус наркома получил член коллегии Наркомата финансов А. И. Бриллиантов.

В марте 1918 года, потерпев поражение на IV Чрезвычайном съезде Советов, где большевики добились ратификации Брестского мирного договора, левые эсеры отказались от дальнейшего учас-

---

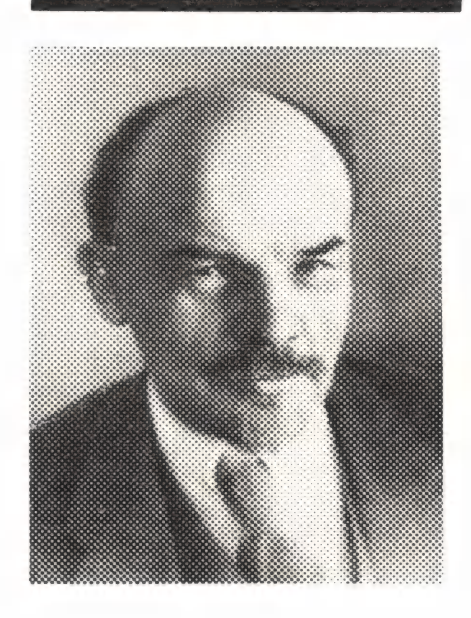
[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 36—37.

тия в Советском правительстве, разорвав соглашение с большевиками. С марта 1918 года правительство Советской республики стало однопартийным, приняв на себя всю ответственность за судьбу революции и народа.

При сборе материала авторы очерков столкнулись с большими трудностями — они изучали архивные источники, разыскивали родных и близких наркомов, вели «раскопки» в журналах 20-х годов. Авторы стремились избежать старых подходов к предмету исторического исследования, схематизма, черно-белой классификации явлений, однобокой категоричности в оценках деятелей прошлого, помня о том, что самое опасное — заменить одни штампы и иконы другими, создать новых идолов, что нам предстоит еще научиться терпимо относиться к ошибкам и заблуждениям, которых, конечно, было в те дни немало.

Написанные историками, писателями, журналистами, очерки различаются и по способу изложения, и по наполненности фактами. Это вполне естественно: книгу стоит рассматривать как попытку серьезного разговора о нашем историческом прошлом, который будет продолжен.

В. И. ЛЕНИН И СОВНАРКОМ

Писать о малоинтересном или, наоборот, о вызывающем всеобщий интерес одинаково трудно. Особенно нелегко (так было всегда) писать о великих людях. Тем более о тех из них, кто так или иначе повлиял на судьбы своих народов и стран, а иногда даже на развитие всей мировой цивилизации. В числе немногих последних — Владимир Ильич Ленин. Популярная в 20-е годы американская газета «New York American» отмечала: «Мы должны назвать его (В. И. Ленина.— *М. И.*) человеком замечательным и великим — великим по силе духа, настойчивости и по необычайному успеху, сопутствовавшему ему. Успеха, подобного этому, нет больше в мировой истории. Нельзя назвать больше ни одного человека, кроме Ленина, теоретика и мечтателя, который бы при жизни собственными глазами увидел осуществление его теории в жизни, притом в таком колоссальном масштабе».

Такой вывод был тогда, пожалуй, бесспорен для громадного большинства современников Ленина, независимо от их политических убеждений и отношения к его личности. Так, один из видных руководителей германской социал-демократии и лидеров II Интернационала Карл Каутский, с которым В. И. Ленин особенно много и резко полемизировал, писал в письме, напечатанном в «Известиях» 29 января 1924 года: «...мы должны оценить всего человека, а не только несколько лет его жизни, не только несколько сторон его деятельности, и все личное должно замолчать. Наши разногласия не должны делать нас слепыми к величию усопшего. Он был колоссальной фигурой, каких мало в мировой истории...» Отдавая должное непреклонной силе воли Ленина, его поразительной гибкости, энциклопедическим знаниям и личному бескорыстию, К. Каутский уверенно заключал: «...все трудящиеся народы России, все трудящиеся народы всего мира без различия направлений будут с благодарностью вспоминать всех своих великих борцов-пионеров, которые десятилетиями в борьбе и невзгодах подготовляли русскую революцию и потом привели ее к победе. Имя Ленина не будет отсутствовать в этом пантеоне также у тех, которые в настоящее время являются противниками Коммунистической партии».

И в современных условиях, вне зависимости от характера оценки (положительной или отрицательной) значения В. И. Ленина как исторической личности, и друзья, и недруги социализма сходятся в одном: В. И. Ленин относится к тем выдающимся политическим деятелям, идеи и дела которых оказали важнейшее влияние на направление и темпы общественного прогресса, на коренное изменение в XX веке политической карты и социального облика планеты.

Чтобы убедиться в этом, приведем хотя бы оценку деятельности В. И. Ленина, содержащуюся в таком авторитетном издании, как «Британская энциклопедия»: «Если большевистская революция является — как некоторые называют ее — самым значительным политическим событием двадцатого столетия, тогда Ленин должен рассматриваться, считая это благом или злом, как самый значительный политический лидер нашего столетия. Не только в Советском Союзе, но и многие некоммунистические ученые считают его одновременно величайшим революционным лидером и революционным государственным деятелем в истории, а также величайшим революционным мыслителем после Маркса».

Ленин остается одним из самых широко издаваемых авторов в мире наряду с Библией и Сименоном. Достаточно сказать, что одна только библиография литературы о Ленине, его трудах и де-

лах, опубликованная на русском языке в течение 1956—1976 годов, составила девять томов библиографического справочника. Его произведения переведены на 222 языка народов мира.

К настоящему времени сложилась поистине огромная Лениниана — целая библиотека разнообразной исторической, публицистической и художественной литературы. Почти вся она так или иначе касается деятельности Ленина как лидера РКП(б) и Председателя Совета Народных Комиссаров. Его жизнь прослежена и изучена, кажется, до мелочей. 12 томов фундаментальной «Биографической хроники» воспроизводят чуть ли не каждый его день и час. Число воспоминаний о Ленине, больших и малых, наверное, вообще с трудом поддается учету. Во всяком случае, уже к началу 60-х годов их было опубликовано свыше 13,5 тысяч.

И тем не менее сегодня мы особенно остро чувствуем недостаточность информации о Ленине. Ведь даже в 55 томах Полного собрания сочинений В. И. Ленина опубликовано только около 9 тысяч наиболее важных его произведений и документов. Между тем в Центральном партийном архиве ИМЛ при ЦК КПСС хранится свыше 34 тысяч рукописей ленинских трудов и писем, разнообразных документов, резолюций и пометок основателя Советского государства.

И, как бы предчувствуя, что после его смерти официальная идеология и официальная историография однозначно используют его образ политического лидера, он еще летом 1917 года в известной работе «Государство и революция» писал, что в истории не раз были случаи, когда после смерти великих революционеров и мыслителей делались попытки «превратить их в безвредные иконы, так сказать, канонизировать их, предоставить известную славу их *имени*... выхолащивая *содержание* революционного учения, притупляя его революционное острие, опошляя его»[1]. Именно так и произошло, к сожалению, с именем и важнейшими заветами В. И. Ленина, выраженными в его последних письмах и статьях, созданных 23 декабря 1922 года — 2 марта 1923 года.

Прямым следствием установившегося режима монопольной власти И. В. Сталина, при котором аппарат правящей партии, слившись с государственным механизмом, превратился в особое тоталитарное образование, в государство-партию, или партократию, стала всеобщая идеологизация всех сторон жизни общества. Отныне свои представления о В. И. Ленине и ленинизме, об истории революции и социализме советские люди получали из рук Сталина. Выпестованный им мощный и разветвленный идеологический

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 33. С. 5.

аппарат — своеобразное оруэлловское Министерство Правды — неустанно пропагандировал и внедрял в сознание людей установки фальсифицированного клише сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)». С тех пор и до недавнего времени советские люди оказались в положении, сравнимом, пожалуй, с состоянием пришельца в сказочный Изумрудный город, которому бдительная стража выдавала зеленые очки, чтобы он, как и все жители города, верил, что все вокруг сделано из чистого изумруда.

И что любопытно: чем более Сталину и последующим руководителям партии и правительства хотелось слышать дифирамбы в свой адрес, тем более усердствовали они, возвеличивая и обожествляя образ В. И. Ленина, выстраиваясь за ним колонной верных учеников и продолжателей его дела, вопреки и его собственной воле и предостережениям Н. К. Крупской, высказанным еще в траурные январские дни 1924 года. «Большая у меня просьба к вам,— говорила она тогда,— не давайте своей печали по Ильичу уходить во внешнее почтение его личности. Не устраивайте ему памятников, дворцов его имени, пышных торжеств в его память и т. д.— всему этому он придавал при жизни так мало значения, так тяготился всем этим. Помните, как много еще нищеты, неустройства в нашей стране. Хотите почтить имя Владимира Ильича — устраивайте ясли, детские сады, дома, школы, библиотеки, амбулатории, больницы, дома для инвалидов и т. д., а самое главное — давайте во всем проводить в жизнь его заветы».

Мы знаем, насколько «серьезно» отнеслись к этим словам... По мере свертывания ленинской новой экономической политики и введения сталинского режима этика партийной, а также всей общественной жизни страны постепенно заполнялась социально-утилитарным содержанием, а мораль все больше и больше стала отождествляться с партийно-государственной целесообразностью. Преемники В. И. Ленина, постоянно подчеркивая и выпячивая приоритет классовых интересов и противоречий, по существу, забыли о подлинных идеалах и ценностях социализма и о традиционной общечеловеческой нравственности, заменив ее собственным эрзацем. Этим они нанесли колоссальный ущерб и самому авторитету вождя Октября и основателю Советского государства.

Так, к сожалению, в полной мере сбылись опасения поэта, который уже в 1924 году писал:

За него дрожу,
как за зеницу глаза,
Чтоб конфетной
не был
красотой оболган.

Мы настолько привыкли за прошедшие полвека к подаче «стерильного» образа Ленина в пропаганде, науке, литературе и искусстве именно в такой «засахаренной» обертке, что, когда М. Шатров представил на суд общественности пьесы «Брестский мир» и «Дальше, дальше, дальше...», где нетрадиционная и неоднозначная фигура Ленина вызывала размышления, сам этот факт привел к бурной полемике и даже протестам некоторых читателей.

Только сейчас мы оказались в состоянии более или менее трезво и хладнокровно, а главное — безбоязненно взглянуть на события семидесятилетней давности и задать вопросы, еще вчера казавшиеся недопустимыми и чуть ли не кощунственными. Мы всматриваемся в свое прошлое, пытаясь разобраться в причинно-следственной цепи событий, приведших страну буквально на грань катастрофы, найти истоки длившейся не одно десятилетие трагедии многострадального советского народа, и вновь возвращаемся к самому началу — в год 1917-й, год драматичный и переломный в жизни России, в истории всего XX века.

Подхваченная штормовым ветром революционных перемен, страна оказалась на перепутье решающего выбора. Никогда в России столько не спорили, не говорили, не убеждали. Не только в столицах — в Петрограде и Москве, но и в провинции городские площади, парки, театры, концертные залы, аудитории учебных заведений, в которых уже почти не находилось места для научных докладов, семинаров и лекций, кипели от накала политических дискуссий. Вся страна, от заводов и фабрик до воинских казарм, превратилась в один сплошной нескончаемый митинг. В идеях, лозунгах, призывах не было недостатка. И за каждым из них стояли группы, течения, партии, видевшие и выдвигавшие свой вариант развития. Российский политический спектр этого времени был крайне многообразен, насчитывая до ста цветов и оттенков. Заметим, что сегодня большинство из нас, как дальтоники, в состоянии выделить в ней, дай бог, три-четыре цвета.

И это вполне понятно, так как уже много лет все мы (за исключением узкого круга специалистов) не только почти ничего не знали о противостоявших или не стыковавшихся с большевиками партиях, но и о яркой индивидуальности самих большевистских лидеров. Сейчас, когда открываются двери спецхранов и из спецфондов возвращаются «арестованные» и «закрытые» для свободного пользования многие ценнейшие печатные издания, документальные и мемуарные материалы, стало возможным восполнить этот пробел. В связи с этим приоткрылась завеса и над историей формирования и деятельности первого Советского правительства во главе с В. И. Лениным.

...Утром в среду 26 октября (8 ноября по новому стилю) 1917 года на улицах Петрограда было еще темно, порывами налетал сырой осенний ветер и кое-где прямо на мостовых все еще горели костры. Их неровный свет вырывал из тьмы опоясанных патронными лентами людей — пикеты рабочих-красногвардейцев, матросов, солдат. Вооруженное восстание народа совершилось. Еще накануне, в первый день пролетарской революции, эти люди успели прочесть на афишных тумбах, стенах домов, заборах волнующие слова обращения Петроградского военно-революционного комитета: «Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено»[1]. Теперь люди у костров уже знали, что они победили, что взят Зимний дворец — последний оплот последнего буржуазного правительства в истории России...

В решающей битве за власть на стороне революции, ощущавшей поддержку многомиллионных масс трудящихся по всей стране, выступало около 300 тысяч бойцов-красногвардейцев, солдат и матросов. В числе защитников Зимнего дворца оказалось 37 офицеров, 696 юнкеров, 75 солдат — всего лишь 808 человек. Гигантский перевес руководимых большевиками революционных сил над силами контрреволюции предопределил быструю и почти бескровную победу, носившую скорее политический, а не военный характер. Достаточно напомнить, что если в период Февральской революции было более 1300 убитых и раненых, то в дни Октября в Петрограде убитых было 6, раненых 50.

Опубликованное утром 25 октября 1917 года в газете «Рабочий и солдат», распространенное в виде многочисленных листовок и переданное в эфир радиостанцией «Авроры» обращение Петроградского ВРК «К гражданам России!» известило о победе Октябрьского вооруженного восстания и низложении Временного правительства. А в 10 часов 40 минут вечера того же знаменательного дня в Смольном открылся II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. В белоколонном актовом зале Смольного собрались представители более 400 местных Советов страны — посланцы широких масс трудящихся центральных районов России, Урала, Сибири, Дальнего Востока и ее национальных окраин, а также 199 делегатов от армии и флота. В сохранившихся документах съезда нет сведений об участии в его работе делегатов всего лишь двух губерний и одной области из 80 административных единиц, существовавших в стране в октябре 1917 года. На съезд

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 1

прибыли делегаты Украины, Белоруссии, Латвии и Средней Азии, Азербайджана и Армении, Литвы и Эстонии, Грузии и Молдавии, Татарии и Карелии, Крыма, Уфимской губернии, Ижевска, Саранска и т. д. Кроме делегатов на заседаниях съезда присутствовали многочисленные гости — представители отечественной и зарубежной прессы, делегации фабрик и заводов, революционных частей Петроградского гарнизона и боевых кораблей Балтийского флота.

Вот как описывает Смольный тех исторических дней Джон Рид, присутствовавший на заседаниях съезда как корреспондент ряда американских газет и журналов: «Освещенные огромными белыми люстрами, на скамьях и стульях, в проходах, на подоконниках, даже на краю возвышения для президиума, сидели представители рабочих и солдат всей России. То в тревожной тишине, то в диком шуме ждали они председательского звонка. Помещение не отапливалось, но в нем было жарко от испарений человеческих тел. Неприятный синий табачный дым поднимался вверх и висел в спертом воздухе. Время от времени кто-нибудь из руководящих лиц поднимался на трибуну и просил товарищей перестать курить. Тогда все присутствующие, в том числе и сами курящие, поднимали крик: «Товарищи, не курите!»... и курение продолжалось...

На возвышении сидели лидеры старого ЦИК. В последний раз доводилось им вести заседание непокорных Советов, которыми они правили с первых дней революции. Теперь Советы восстали против них... Было 10 часов 40 минут вечера.

Дан, бесцветный человек с дряблым лицом, в мешковатом мундире военного врача, позвонил в колокольчик. Сразу наступила напряженная тишина, нарушаемая лишь спорами и бранью людей, теснившихся у входа...»

По многочисленным свидетельствам очевидцев, работа съезда, особенно его первого заседания, характеризовалась чрезвычайно напряженной атмосферой. Нервное, колеблющееся настроение многих депутатов отражало происходившую в Смольном и за его стенами величайшую историческую драму. Объявив от имени ЦИК 1-го созыва съезд открытым, один из меньшевистских лидеров, Ф. И. Дан, вынужден был признать его законность. Вместе с тем в своем кратком вступительном слове он призвал делегатов оказать поддержку министрам-социалистам, «самоотверженно» выполнявшим свой долг в окруженном, но еще не взятом революционными силами Зимнем дворце. Однако если на I съезде Советов в июне 1917 года большевиков было 105 или около 10 процентов всех делегатов, то теперь (по уточненным в новейших исследованиях советских историков данным) — 525, или около 50 процентов всех

делегатов II съезда. Вместе с имевшими 179 мандатов левыми эсерами большевики составили решающее большинство, что определило как весь ход работы съезда, так и характер его решений.

Вопрос о создании нового правительства находился в центре внимания съезда. Его решение должно было подвести итог всей работе. Постановка этого важнейшего вопроса на съезде была вызвана необходимостью организации новой, Советской власти и создания ее руководящего органа.

Из протоколов ЦК РСДРП(б) видно, что уже 21 октября, еще до начала работы II Всероссийского съезда Советов, Центральный Комитет, обстоятельно обсудив вопрос о подготовке к съезду, наряду с составлением тезисов докладов о войне и о земле, поручил В. И. Ленину составить также тезисы по вопросу о власти. По-видимому, не позднее 25 октября Ленин написал известные заметки об организации нового аппарата управления Россией. В ленинских заметках была прежде всего отмечена исключительная важность создания Советского правительства в кратчайший срок: «Немедленное создание... *комиссии* народных комиссаров... (м[инист]ры и т[овари]щи м[инист]ра»). Изложенная в ленинском наброске основная схема организации нового аппарата управления страной, помимо будущего рабочего и крестьянского правительства и его главы («министра-председателя»), намечала также создание и других центральных правительственных органов (комиссии революционного порядка, комиссии законодательных предположений и ряда комиссий по различным отраслям государственной жизни страны). Наряду с этим В. И. Ленин указал в своем наброске несколько кандидатур (в их числе были Л. Б. Каменев, А. В. Луначарский, Н. К. Крупская, В. Д. Бонч-Бруевич) на некоторые ответственные государственные посты и наметил программу деятельности будущего правительства как в общем виде — «введ[ение] немедл[енно] прогр[аммы]-мин[имум] (с[оциалистов]-р[еволюционеров] и с[оциал]-д[емократов])», так и в виде первых его шагов по решению отдельных важных вопросов внутренней и внешней политики (организация братания на всех фронтах, ограничение размеров жалованья государственных служащих и др.

В последующие дни, по мере успешного развития пролетарской революции, деятельность ЦК РСДРП(б) по подготовке создания нового правительства все более активизировалась. Уже 24 октября, в первый день восстания, Центральный Комитет признал необходимым вступить в политический контакт с левыми эсерами по вопросу об их вхождении в правительство. Вопросы организации

новой власти и формирования будущего Советского правительства явились также одной из главных тем обсуждения и двух следующих заседаний ЦК большевистской партии.

В ночь с 24 на 25 октября в расположенной рядом с актовым залом комнате большевистской фракции, вскоре после прибытия в Смольный Ленина состоялось экстренное заседание ЦК партии. К утру 25 октября, когда Петроград полностью вышел из-под контроля изолированного в Зимнем дворце Временного правительства, стал очевиден успех восстания. Это и предопределило принятие принципиального решения о необходимости сформирования на II Всероссийском съезде Советов нового, Советского правительства. На заседании, продолжавшемся с перерывами почти всю ночь, ЦК РСДРП(б) решил назвать будущее правительство России Советом Народных Комиссаров и наметил кандидатов в его состав. Как отмечал в своем дневнике В. П. Милютин, «...Троцкий нашел то слово, на котором сразу все сошлись — «Народный комиссар». «Да, это хорошо»,— сейчас же подхватил Ленин. Это пахнет революцией». А правительство назвать «Совет Народных Комиссаров»,— подхватил Каменев».

Вот свидетельство еще одного участника этого заседания.

Л. Б. Каменев: «...в нижнем этаже Смольного в маленькой 36-й комнате под председательством Ленина вырабатывался первый список Народных Комиссаров, который я на следующий день огласил на съезде. Помню, как тов. Ленин предложил назвать новую власть Рабоче-Крестьянским правительством. Тут же были прочтены и рассмотрены написанные лично Лениным декреты о земле и мире. Эти декреты были приняты почти без прений и без поправок: было решено отменить старое название министров и заменить их званием народных комиссаров, а правительство, помнится, по моему предложению, было названо «Советом Народных Комиссаров».

Как вспоминал позднее А. В. Луначарский, «сначала Ленин не хотел войти в правительство. Я, говорит, буду работать в ЦК партии... Но мы говорим,— нет. Мы на это не согласились. Заставили его самого отвечать в первую голову. А то быть только критиком всякому приятно...» Об этом же писал в подготовленной в 1927 году по просьбе Истпарта специальной «Анкете участника Октябрьского переворота» член ЦК большевистской партии в те дни А. А. Иоффе: «Владимир Ильич сначала категорически отказывался быть председателем Совнаркома и только ввиду настояний всего ЦК согласился». «Владимир Ильич на этом заседании,— пишет далее А. А. Иоффе,— несмотря на то что оно было утром

после совершенно бессонной и страшно нервно-напряженной ночи, был чрезвычайно бодр и очень весел, поддразнивал мрачно настроенных противников восстания и на их замечания, что мы едва ли продержимся две недели, отвечал: «Ничего, когда пройдут 2 года и мы все еще будем у власти, вы будете говорить, что еще 2 года продержимся...»

Учитывая многоукладность социально-экономических условий России, преобладание в стране сельского населения, большевики во главе с В. И. Лениным считали возможным и даже желательным участие в Советском правительстве вместе с партией рабочего класса представителей других демократических партий, выражающих интересы и пользующихся поддержкой различных слоев трудящихся, и прежде всего, конечно, трудового крестьянства. Как засвидетельствовал секретарь эсеровской фракции ВЦИК 1-го и 2-го созывов П. В. Бухарцев, участвовавший 25 октября в переговорах о совместной работе и организации власти, «в целях сотрудничества с социалистами-революционерами большевики выдвинули социализацию земли, а также обещали всем социалистическим партиям, которые останутся на съезде, дружную совместную работу всюду, сообразно пропорциональному представительству на съезде».

Но, как известно, лидеры меньшевиков и эсеров вплоть до начала работы II Всероссийского съезда Советов были настроены на спасение обанкротившегося Временного правительства А. Ф. Керенского. И когда в соответствии с соглашением бюро партийных фракций съезда о создании его президиума по принципу пропорционального представительства В. А. Аванесов предложил персональный состав от большевиков и левых эсеров (это обеспечивало большевикам 14 мест, эсерам — 7, меньшевикам — 3, меньшевикам-интернационалистам — 1), руководители правоэсероменьшевистского блока отказались от участия в президиуме. Это подтверждало распространившиеся среди делегатов сведения о том, что, как вспоминал один из лидеров левых эсеров С. Д. Мстиславский, «правые социалистические партии, оказавшиеся в ничтожном меньшинстве, со съезда уйдут независимо от его программы и тактики». И все же дальнейший ход событий был далеко не ясен.

Вскоре после того, как в президиум съезда были избраны представители большевиков (В. И. Ленин, В. А. Антонов-Овсеенко, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, А. М. Коллонтай, Н. В. Крыленко, А. В. Луначарский, М. К. Муранов, В. П. Ногин, Д. Б. Рязанов, А. И. Рыков, Э. М. Склянский, П. И. Стучка, Л. Д. Троцкий) и левых эсеров (М. Л. Гутман, Г. Д. Закс, Б. Д. Камков, В. А. Каре-

лин, И. К. Каховская, С. Д. Мстиславский, М. А. Спиридонова) и Л. Б. Каменев занял место председательствующего, слово для заявления от меньшевиков-интернационалистов взял Л. Мартов. Широко известный и одинаково авторитетный для российских и зарубежных социал-демократов, он, как никто лучше, пожалуй, подходил для поиска компромисса в возникшей критической ситуации.

Это выступление Л. Мартова было опубликовано в конце 1917 года Кронштадтским комитетом РСДРП(б) в сборнике «2-й Всероссийский съезд Советов. Первые шаги Советского правительства». В нем, в частности, говорилось: «Задача съезда заключается прежде всего в том, чтобы решить вопрос о власти... и мы считали бы свой долг неисполненным, если бы не обратились к съезду с предложением сделать все необходимое для мирного разрешения кризиса, для создания власти, которая была бы признана всей демократией... Мирный исход возможен... Необходимо избрать делегацию для переговоров с другими социалистическими партиями и организациями, чтобы достигнуть прекращения начавшегося столкновения». Заявление Л. Мартова сразу же поддержали представители левых эсеров, объединенных социал-демократов интернационалистов и фронтовой группы делегатов.

В этот ответственный момент можно, думается, без преувеличения сказать, что весь последующий ход событий не только в зале Смольного, но и в развитии революции и даже, быть может, в судьбе России зависел от позиции большевиков, имевших, как уже отмечалось, большинство делегатских мандатов. Вполне определенно и недвусмысленно ее выразил А. В. Луначарский, принадлежавший, как и Л. Б. Каменев, к умеренному, «миролюбивому» крылу большевиков. В изданных Центрархивом в 1928 году материалах съезда об этом записано: «Тов. Луначарский заявляет, что фракция большевиков решительно ничего не имеет против предложения Мартова. Напротив, она заинтересована в том, чтобы все фракции выяснили свою точку зрения на происходящие события и сказали бы, в чем они видят выход из создавшегося положения». «Предложение Мартова,— гласит далее протокол,— ставится на голосование и единогласно (! — *М. И.*) принимается».

Это голосование могло стать поистине историческим. Единодушно высказавшись за немедленные переговоры по вопросу о власти представителей всех советских партий, съезд открыл, таким образом, путь к созданию многопартийного Советского правительства. Но... увы, вслед за тем съезду пришлось выдержать настоящий шквал «внеочередных» заявлений представителей различных меньшевистских и эсеровских группировок. Тон задали вы-

ступления двух представителей армейских комитетов офицеров— меньшевиков Я. Хараша и Г. Кучина. Обвинив большевиков в «политическом лицемерии» и совершении «преступной авантюры», первый из них потребовал «отмежеваться от всего того, что здесь происходит», и «оказать упорное сопротивление попыткам захватить власть». Столь же категорично заявив о «несвоевременности» и «неправомочности» съезда, Кучин призвал «спасать революцию от этой безумной попытки» и мобилизовать в этих целях все «сознательные силы в армии и стране». Эти резкие и оскорбительные обвинения тотчас же получили жесткий отпор большевистских армейских делегатов, которых поддержало большинство присутствующих на заседании.

В результате ожесточенных прений и неудавшихся попыток повести за собой или хотя бы расколоть делегатов, фракции меньшевиков и правых эсеров демонстративно покинули первое заседание съезда 25 октября. Перед уходом их представители огласили декларацию об осуждении большевистского «военного заговора», неправомочности II съезда Советов, невозможности совместной работы с большевиками и необходимости переговоров с Временным правительством для образования власти, опирающейся «на все слои демократии». По воспоминаниям делегата съезда от Вятской губернии члена большевистской партии с 1909 года А. П. Спундэ, «даже среди самих меньшевиков и эсеров по этому вопросу не оказалось единства, а для нас это был решенный вопрос, ибо пропасть между нами и министрами-социалистами была уже непреодолимо велика. Но было внутренне тяжело видеть, что люди, бывшие еще недавно нашими товарищами в борьбе с царизмом, искренне считающие себя защитниками народа, уходят из блещущего огнями Смольного в темный, скупо освещенный город».

Демонстративный уход меньшевиков и эсеров окончательно переломил атмосферу съезда, большинство которого, включая и основную часть большевистской фракции, еще недавно явно склонялось к достижению компромисса в вопросе о власти. И так же как раньше делегаты съезда бурно аплодировали Мартову, теперь они приветствовали одного из лучших большевистских ораторов — Л. Троцкого, представлявшего радикальное крыло партии и чутко уловившего перемены в настроении делегатов. «Восстание народных масс,— чеканил с трибуны Троцкий,— не нуждается в оправдании. То, что произошло,— это восстание, а не заговор. Мы закаляли революционную энергию петербургских рабочих и солдат. Мы открыто ковали волю масс на восстание, а не на заговор... Народные массы шли под нашим знаменем, и наше восстание победило. И теперь нам предлагают: откажитесь от своей победы, идите

на уступки, заключите соглашение. С кем? Я спрашиваю: с кем мы должны заключить соглашение? С теми жалкими кучками, которые ушли отсюда или которые делают эти предложения? Но ведь мы видели их целиком. Больше за ними нет никого в России. С ними должны заключить соглашение, как равноправные стороны, миллионы рабочих и крестьян, представленных на этом съезде, которых они не в первый и не в последний раз готовы променять на милость буржуазии? Нет, тут соглашение не годится. Тем, кто отсюда ушел и кто выступает с предложениями, мы должны сказать: вы — жалкие единицы, вы — банкроты, ваша роль сыграна. И отправляйтесь туда, где вам отныне надлежит быть: в сорную корзину истории...»

Вскоре стало очевидно, что, несмотря на отчаянные попытки вторично выступившего Мартова вернуть делегатов к обсуждению его первоначального предложения, а также солидаризировавшихся с ним представителей исполкома Совета крестьянских депутатов, левых эсеров и других, принципиальная позиция съезда по кардинальному вопросу о власти уже определилась. Исключительную важность и непоправимость случившегося для судьбы революции и страны честно признал Н. Н. Суханов: «Мы ушли, совершенно развязав руки большевикам, сделав их полными господами всего положения, уступив им целиком всю арену революции.

Борьба на съезде за единый демократический фронт могла иметь успех... Уходя со съезда, оставляя большевиков с одними левыми эсеровскими ребятами и слабой группкой новожизненцев, мы своими руками отдали большевикам монополию над Советом, над массами, над революцией. По собственной неразумной воле мы обеспечили победу всей «линии» Ленина...»

Так открывшийся, казалось бы, путь к соглашению всех социалистических партий оказался взорванным — и (что важно отметить) вовсе не по инициативе большевиков. Именно поэтому В. И. Ленин, выступая на четвертый день после победы Октябрьского вооруженного восстания на совещании полковых представителей Петроградского гарнизона, говорил: «Не наша вина, что эсеры и меньшевики ушли... К участию в правительстве мы приглашали всех... Здесь все знают, что эсеры и меньшевики ушли потому, что остались в меньшинстве. Петроградский гарнизон это знает. Он знает, что мы хотели Советского коалиционного правительства. Мы из Совета не исключали никого. Если они не хотели совместной работы, тем хуже для них»[1].

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 36—37.

Выступая за соглашение с другими партиями по вопросу о составе правительства на основе платформы II Всероссийского съезда Советов и принятых им решений, ЦК РСДРП(б) 26 октября предложил включить в состав формируемого Советского правительства кандидатуры трех видных членов левоэсеровского руководства — Б. Д. Камкова, В. В. Спиро и В. А. Карелина. «В памяти осталась обстановка этого совещания,— вспоминала позднее Н. К. Крупская.— Какая-то комната в Смольном с мягкими темно-красными диванчиками. На одном из диванчиков сидит Спиридонова, около нее стоит Ильич и мягко как-то и страстно в чем-то ее убеждает». Но левые эсеры продолжали упорно настаивать на создании «однородного социалистического правительства» из представителей «всей демократии», включая меньшевиков и правых эсеров, покинувших II съезд Советов. «В оглашенном здесь списке членов нового правительства,— признал В. А. Карелин, выступая на вечернем заседании съезда 26 октября,— могло бы быть и несколько левых с.-р. Но если бы мы пошли на такую комбинацию, то мы этим углубили бы существующие в рядах революционной демократии разногласия. Но наша задача заключается в том, чтобы примирить все части демократии».

Договоренности с левыми эсерами достичь тогда не удалось. И на должности первых народных комиссаров было решено выдвинуть одних большевиков.

Предварительный список возможных кандидатов в состав будущего Советского правительства, намеченный на заседании ЦК РСДРП(б) в ночь с 24 на 25 октября, вскоре был уточнен окончательно, хотя подобрать членов будущего Совнаркома — «руководителей обновленной России» — было нелегко. А. В. Луначарский вспоминал впоследствии: «Мне казалось, что выбор часто слишком случаен, я все боялся слишком большого несоответствия между гигантскими задачами и выбираемыми людьми, которых я хорошо знал и которые казались мне не подготовленными для той или другой специальности. Ленин досадливо отмахивался от меня и в то же время с улыбкой говорил: «Пока — там посмотрим — нужны ответственные люди на все посты; если окажутся негодными — сумеем переменить». Как он был прав...» И все же, когда утром 26 октября на большевистской фракции съезда Ленин от имени ЦК сделал доклад о составе нового правительства, то, как вспоминал позднее С. А. Лозовский, являвшийся в Октябрьские дни секретарем Центрального совета профессиональных союзов, первые слова: «Председатель Совета Народных Комиссаров — Владимир Ильич Ульянов (Ленин)» — произвели потрясающее впечатление на всю фракцию. Как-то жутко стало: каждый пони-

мал всю серьезность сделанного шага, причем ближайшее будущее представлялось пока еще в тумане».

Наряду с рассмотрением состава будущего Советского правительства совещание ЦК РСДРП(б) и членов большевистской фракции II съезда Советов 26 октября одобрило предложенный В. И. Лениным проект декрета об образовании Рабочего и Крестьянского правительства. В полном соответствии с ленинским проектом было решено поставить во главе управления «отдельными отраслями государственной жизни» комиссии, которые должны были обеспечить проведение в жизнь провозглашенной съездом программы социалистического строительства. Как рассказывает Н. Н. Суханов, решение это было принято, по-видимому, не без учета опыта Великой французской революции и Парижской коммуны. «Коллегии будут управлять, как в Конвенте...» — так, по словам Н. Н. Суханова, ответил мимоходом на заданный им вопрос («Скажите, как вы будете управлять?») Л. Б. Каменев, один из участников упомянутого выше заседания ЦК РСДРП(б). Руководители этих комиссий — народные комиссары — и должны были составить новое правительство — Совет Народных Комиссаров. Слово «Совет» в названии будущего правительства указывало, что оно рождено революционным творчеством трудящихся России. Новое название «комиссары» противопоставлялось старому — «министры», тогда неразрывно связанному с буржуазно-помещичьей государственной машиной насилия и эксплуатации. И наконец, слово «народный» должно было отразить характер и направленность нового, пролетарского правительства — правительства рабочих и крестьян.

Совет Народных Комиссаров, на который, согласно декрету съезда от 26 октября, возлагалось осуществление правительственной власти в стране под контролем Всероссийского съезда Советов и его Центрального Исполнительного Комитета, образовывался из председателей 12 комиссий: народных комиссаров по внутренним делам — А. И. Рыков, земледелия — В. П. Милютин, труда — А. Г. Шляпников, по делам торговли и промышленности — В. П. Ногин, народного просвещения — А. В. Луначарский, финансов — И. И. Скворцов-Степанов, по делам юстиции — Г. И. Оппоков (Ломов), иностранным делам — Л. Д. Бронштейн (Троцкий), по делам продовольствия — И. А. Теодорович, почт и телеграфов — Н. П. Авилов (Глебов), по делам национальностей — И. В. Джугашвили (Сталин) и трех членов Комитета по военным и морским делам — В. А. Антонов-Овсеенко, Н. В. Крыленко и П. Е. Дыбенко. Пост наркома по делам железнодорожным был временно оставлен незамещенным.

«Провозглашается новое правительство...» — записано об этом в репортерском блокноте присутствовавшего на заседании Джона Рида.— С трибуны объявляется состав Совета Народных Комиссаров, причем каждое имя приветствуется аплодисментами в зависимости от революционных заслуг его владельца». Имя В. И. Ленина, отмечает Джон Рид, вызывает «несмолкающую бурю оваций». Одобрив «этот список чисто большевистского правительства», съезд избрал Председателем Совета Народных Комиссаров вождя пролетарской революции В. И. Ленина. Небезынтересно отметить, что в репортерских блокнотах Джона Рида, относящихся к 26 октября (по времени еще до сформирования Совета Народных Комиссаров), имеется запись о предполагавшемся уже тогда включении в состав нового правительства Г. В. Чичерина, ранее работавшего в российском МИД: «Чичерина, интернированного в Англии, думают назначить министром иностранных дел». И действительно, уже в январе 1918 года возвратившийся из Англии Г. В. Чичерин сначала фактически, а затем и официально возглавил всю работу Наркоминдела.

Первое Советское правительство начало свою деятельность в составе, определенном декретом 26 октября, кроме И. И. Скворцова-Степанова и Г. И. Оппокова (Ломова), которые находились в Москве и, перегруженные партийной и советской работой, так и не вступили в должности народных комиссаров финансов и юстиции. Поэтому во главе Наркомфина был поставлен активный участник Февральской и Октябрьской революций, комиссар ВРК в Государственном банке В. Р. Менжинский, а Народного комиссариата юстиции — делегат II Всероссийского съезда и член ВЦИК Совета П. И. Стучка, юрист по образованию и бывший присяжный поверенный.

Вскоре состав Совнаркома подвергся новым изменениям. В ноябре 1917 года был заполнен остававшийся до этого в правительстве вакантный пост наркома по делам железнодорожным: по инициативе В. И. Ленина временным заместителем народного комиссара путей сообщения был назначен один из активных деятелей железнодорожного и водно-транспортного движения в России М. Т. Елизаров. Назначения на другие посты получили вскоре Н. В. Крыленко и В. А. Антонов-Овсеенко, первый из которых был назначен верховным главнокомандующим вместо отстраненного СНК от исполнения обязанностей главковерха генерала Духонина, а второй — сначала главнокомандующим по обороне Петрограда и командующим Петроградским военным округом, а затем главнокомандующим советскими войсками, действовавшими на юге страны против контрреволюционных войск Каледина. Образованный

ранее в составе СНК Комитет по военным и морским делам уже в ноябре был преобразован в самостоятельные комиссариаты по военным и по морским делам, во главе которых встали Н. И. Подвойский и П. Е. Дыбенко.

В дополнение к декрету об образовании Совета Народных Комиссаров А. М. Коллонтай была назначена 30 октября народным комиссаром общественного призрения, 19 ноября во главе Народного комиссариата государственного контроля был поставлен Э. Э. Эссен. Деятельность образованной в начале декабря Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем возглавил Ф. Э. Дзержинский, 12 декабря председателем ВСНХ на правах народного комиссара по организации и регулированию производства был утвержден В. В. Оболенский (Н. Осинский) и, наконец, 31 января 1918 года членом Совнаркома с правом совещательного голоса в качестве представителя Совета врачебных коллегий был утвержден доктор А. Н. Винокуров.

В ноябре 1917 года в составе Совета Народных Комиссаров произошли также изменения, связанные с обострением политической борьбы вокруг вопроса о правительственной власти. Как известно, Советской власти в это время пришлось вести борьбу с антисоветскими мятежами в Петрограде и Москве и наступлением войск Керенского—Краснова на революционную столицу. Именно в эти дни, когда шла исключительно напряженная борьба за само существование Советской власти, Викжель (Всероссийский исполнительный комитет союза железнодорожников) организовал в здании бывшего министерства путей сообщения заседание комиссии по выработке соглашения между партиями и организациями. Л. Б. Каменев, Г. Е. Зиновьев и поддержавшие их некоторые члены Совнаркома (В. П. Ногин, А. И. Рыков, В. П. Милютин) решили уступить требованию меньшевистско-эсеровского блока о создании однородного социалистического правительства, включая ушедших 25 октября с заседания II Всероссийского съезда меньшевиков и правых эсеров. При этом фактически было достигнуто предварительное соглашение об организации взамен ВЦИК так называемого «Народного Совета» и кардинальном изменении состава будущего правительства, в котором не нашлось места В. И. Ленину и Л. Д. Троцкому, а отдельным представителям большевиков отводились явно второстепенные роли. Это означало, что они согласились с тем, о чем писала в те напряженнейшие дни газета «Новая жизнь»: «...ясно, что в России — стране крестьянской и мелкобуржуазной по преимуществу — отстаивать и углублять завоевания революции возможно лишь при

активной поддержке мелкобуржуазных партий». Л. Б. Каменев и другие, как указывал впоследствии В. И. Ленин, опасались тогда, что «большевики слишком изолируют себя, слишком рискованно идут на восстание, слишком неуступчивы к известной части меньшевиков и «социалистов-революционеров»[1]. Эта часть большевистских лидеров (Л. Б. Каменев, А. И. Рыков, В. П. Милютин, Г. Е. Зиновьев, В. П. Ногин и др.) вне широкой коалиции видела «только один путь: сохранение чисто большевистского правительства средствами политического террора...». Другая часть — большинство во главе с В. И. Лениным,— по существу, придерживалась точки зрения, высказанной Л. Д. Троцким 1 ноября 1917 года на заседании ЦК РСДРП(б) по поводу предложения соглашательского Викжеля о создании широкого представительного органа «всей демократии», перед которым было бы ответственно правительство,— «...незачем было устраивать восстания, если мы не получим большинства... ясно, что они не хотят нашей программы. Мы должны иметь 75% (мест.— *М. И.*)». На ультимативное требование большинства ЦК РСДРП(б) «подчиниться партийной дисциплине и проводить ту политику, которая формулирована в принятой ЦК резолюции товарища Ленина», оппозиционеры ответили выходом из состава ЦК (Каменев, Зиновьев, Ногин, Рыков, Милютин) и СНК (Рыков, Ногин, Милютин). С ними солидаризировались также народный комиссар по продовольствию И. А. Теодорович, народный комиссар труда А. Г. Шляпников и заведующий отделом законодательных предположений Комиссариата труда Ю. Ларин (М. А. Лурье). А. Г. Шляпников и И. А. Теодорович, однако, не сложили с себя обязанности народных комиссаров и продолжали работать в составе Советского правительства.

В связи с этими разногласиями в ЦК РСДРП(б) и Совнаркоме буржуазная газета «День» поспешила объявить 7 ноября о «провале» власти Совета Народных Комиссаров: «Дело накануне краха, и это сознают друзья Ленина. Понимает ли это Ленин?» В тот же день на страницах большевистской «Правды» был дан быстрый и решительный ответ. В опубликованном обращении ЦК РСДРП(б) ко всем членам партии и трудящимся России, автором которого был В. И. Ленин, говорилось: «Мы твердо стоим на принципе Советской власти, т. е. власти *большинства*, получившегося на последнем съезде Советов, мы были согласны и *остаемся согласны* разделить власть с меньшинством Советов, при условии лояльного, честного обязательства этого меньшинства подчиняться большинству и проводить программу, *одобренную всем* Всероссийским Вторым

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 417.

съездом Советов и состоящую в постепенных, но твердых и неуклонных шагах к социализму. «В России не должно быть иного правительства, кроме *Советского правительства*»,— подчеркивалось в обращении. Вместе с тем далее разъяснялось, что поскольку большинство съезда Советов поддержало большевиков, то именно «правительство, составленное этой партией, является поэтому Советским правительством»[1]. «Страна ответила громом негодования...— засвидетельствовал Джон Рид.— Народ негодовал на дезертиров, и это негодование заливало ЦИК. Несколько дней Смольный буквально затоплялся яростными делегациями и целыми комитетами от фронтов, от Поволжья, от петроградских заводов». Подобные наблюдения зафиксировал в своих ноябрьских записях в дневнике 1917 года академик В. И. Вернадский, входивший в состав ЦК партии кадетов: «...в сущности, массы за большевиков...» (3 ноября, Петроград); «...Несомненно, в большевистском движении много глубокого, народного...» (14 ноября, Петроград).

Твердая позиция руководимых В. И. Лениным ЦК РСДРП(б) и СНК была действительно поддержана не только местными партийными организациями, но и Советами и революционными трудящимися всей страны, и прежде всего Москвы и Петрограда. Так, вслед за широкой волной многотысячных митингов и собраний, прошедших на Адмиралтейском, Невском судостроительном и механическом, Обуховском, Ижорском, Русско-Балтийском, Кабельном, Оптическом, Гейслера и многих других заводах и фабриках, решительно осудивших линию оппозиционной группы, резкая отповедь поведению правосоциалистических лидеров была дана и на бурном собрании представителей частей Петроградского гарнизона, состоявшемся 11 ноября в солдатском клубе Преображенского полка и продолжавшемся 13 часов. Гарнизонное собрание приняло резолюцию, в которой говорилось: «...во-первых, вынести резкое порицание тем партиям, которые, прикрываясь лозунгом соглашения, на самом деле хотят сорвать завоевания, добытые народом в дни Октябрьской революции; во-вторых, выразить полное доверие ЦИК Советов и Совету Народных Комиссаров и обещать полную поддержку».

Удивительный реализм, дальнозоркость, уверенность в победе пролетарской революции и огромный авторитет В. И. Ленина в значительной мере способствовали сохранению единства партии и ее ЦК, обеспечили быстрый и успешный исход развернувшейся вокруг состава первого Советского правительства острейшей поли-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 72, 76.

тической борьбы. Громадную работу провел он по укреплению Совнаркома и пополнению его состава лучшими представителями партии. «Ленин,— писал А. Ломов,— энергично искал кандидатов в наркомы и на ответственные посты. И после этого ЦК тут же оформлял очередное назначение. Разногласий не было». 8 ноября вместо Л. Б. Каменева, отстраненного в соответствии с решением ЦК РСДРП(б) от председательствования в ЦИК, по предложению В. И. Ленина председателем Центрального Исполнительного Комитета Советов избирается Я. М. Свердлов. На ответственный пост наркома внутренних дел вместо А. И. Рыкова, ставшего в дальнейшем одним из руководителей Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ), был выдвинут делегат II Всероссийского съезда Советов, бывший токарь мариупольского завода «Провиданс» и член IV Государственной думы Г. И. Петровский; заместителем наркома земледелия В. П. Милютина был назначен работавший ранее в Московском губернском земстве А. Г. Шлихтер и т. д.

Впоследствии, вспоминая об этом, В. И. Ленин писал: «...ряд превосходных коммунистов в России сделали ошибку, о которой у нас неохотно теперь вспоминают. Почему неохотно? Потому, что без особой надобности неправильно вспоминать такие ошибки, которые вполне исправлены... товарищи ушли демонстративно со всех ответственных постов и партийной и советской работы к величайшей радости врагов советской революции. Дело дошло до крайне ожесточенной полемики в печати со стороны Цека нашей партии против ушедших в отставку. А через несколько недель — самое большое через несколько месяцев — все эти товарищи увидели свою ошибку и вернулись на самые ответственные партийные и советские посты»[1].

Так завершился первый кризис в Совете Народных Комиссаров и в Центральном Комитете партии большевиков, возникший на почве различия взглядов ее лидеров на возможность создания и однородного социалистического правительства. Казалось бы, все достаточно ясно и на этом можно поставить точку. Но, к сожалению, в советской историографии эта важная и вместе с тем сложная тема остается одним из наименее изученных «белых пятен» на исторической карте Октябрьской революции, так как лозунг однородного социалистического правительства и события, связанные с борьбой за его создание, трактовались только как попытка «мирным путем» отстранить ленинскую партию от власти.

Особый интерес представляет специальное изучение вопроса о ленинской тактике левого блока на различных этапах развития ре-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 417.

волюционного движения в России — как в дооктябрьский, так и особенно в послеоктябрьский периоды. Значение такого рассмотрения станет понятным, если обратиться, в частности, к ленинской работе «Наши задачи и Совет рабочих депутатов». В этой работе, представляющей собой письмо в редакцию ЦО РСДРП «Новая жизнь» от 2—4 ноября 1905 года, В. И. Ленин писал: «Мне сдается, что нецелесообразно было бы со стороны Совета примыкать всецело к одной какой-либо партии». И далее, сознавая, что «это мнение удивит, вероятно, читателей», он подробно разъяснял важность того, чтобы Советы привлекали в свой состав «депутатов не от рабочих только, а во-первых, от матросов и солдат, во-вторых, от революционного крестьянства, в-третьих, от революционной буржуазной интеллигенции»[1].

Вернемся, однако, к составу первого Советского правительства. Все указанные выше и другие персональные назначения и перемещения (в связи с созданием новых советских ведомств, ввиду отсутствия или отъезда ряда членов Совнаркома в различные районы страны и т. д.) не меняли принципиальной сущности и классового характера избранного II Всероссийским съездом Советов Совета Народных Комиссаров, который не только по способу создания, но и по своему составу коренным образом отличался от царского и буржуазных правительств старой России.

Большая часть членов Совнаркома пришла в революцию из семей рабочих и крестьян, демократической интеллигенции, широких кругов служащих и военнослужащих. Некоторые (например, А. М. Коллонтай, А. В. Луначарский, Л. Д. Троцкий) были выходцами из привилегированной буржуазно-дворянской или обеспеченной мелкобуржуазной среды. Объединив в своем составе русских и украинцев, белорусов и евреев, поляков и латышей, армян и грузин, руководимое В. И. Лениным первое Советское правительство вместе с тем представляло собой весьма показательную картину, отражая фактически всю географию огромной России — от ее важнейших промышленных центров до отдаленных национальных окраин. Ленинский Совнарком явился образцом подлинно интернационального союза представителей трудящихся многонациональной страны.

Трудящиеся России с полным основанием могли гордиться составом Советского правительства, образованного из видных деятелей большевистской партии, крупнейших ее трибунов и организаторов. Из 92 человек, постоянно и активно участвовавших в работе первого Советского правительства в 1917—1918 годах (на-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 62, 66.

родные комиссары, заместители наркомов, ведущие члены коллегий комиссариатов), 90 были большевиками (более половины из них — 51 человек — вступили в партию до 1904 года, 20 человек — с 1904 до 1908 года, 19 человек — с 1908 до октября 1917 года). Первое Советское правительство было молодым по возрасту членов Совнаркома и других ведущих руководителей: 15 человек имели возраст от 55 до 47 лет (старейшими являлись М. Т. Елизаров — 55 лет и М. С. Ольминский — 54 года; 47 лет было в 1917 году В. И. Ленину, И. И. Скворцову-Степанову, А. Д. Цюрупе и др.); 38 человек — от 46 до 37 лет (именно 37 лет исполнилось в 1917 году И. В. Сталину и Л. Д. Троцкому); 33 человека — от 36 до 27 лет; 4 человека были моложе 27 лет (Ф. Ф. Раскольников, Э. М. Склянский, Г. Ф. Федоров, В. Я. Чубарь). 51 человек из этого состава Совнаркома имели высшее или незаконченное высшее образование, 18 человек — среднее или специальное образование, продолженное в «революционных университетах» царских тюрем, ссылок и эмиграции. В начале 1918 года замечательный русский ученый К. А. Тимирязев писал, что «за тысячелетнее существование России в рядах правительства нельзя было найти столько честности, ума, знания, таланта и преданности своему народу, как в рядах большевиков».

На должности наркомов и другие ответственные посты в советском государственном аппарате ленинская партия выдвинула юристов и медиков, журналистов и военных, инженеров и экономистов, химиков и математиков, биологов и статистиков, многие из которых учились за границей или жили там в эмиграции, прекрасно владели иностранными языками, являлись блестящими ораторами и публицистами. Это отмечали даже те, кто по своим взглядам был далек от большевизма. «...Первый Совет Народных Комиссаров,— писал, например, руководитель миссии Красного Креста США в России в 1917 году полковник Р. Робинс,— если основываться на количестве книг, написанных его членами, и языков, которыми они владели, по своей культуре и образованности был выше любого кабинета министров в мире».

За начальный, «смольнинский» период деятельности первого Советского правительства сохранилась одна-единственная фотография Совнаркома, относящаяся к январю—февралю 1918 года. На ней запечатлены (слева направо): И. З. Штейнберг, И. И. Скворцов-Степанов, Б. Д. Камков, В. Д. Бонч-Бруевич, В. Е. Трутовский, А. Г. Шляпников, П. П. Прошьян, В. И. Ленин, И. В. Сталин, А. М. Коллонтай, П. Е. Дыбенко, Е. К. Кокшарова, Н. И. Подвойский, Н. П. Горбунов, В. И. Невский, А. В. Шотман, Г. В. Чичерин. Небезынтересно, что редко публиковавшаяся

фотография эта, за считанными исключениями, всегда воспроизводилась в печати (даже в таких солидных изданиях, как специальный двухтомник «Ленин. Собрание фотографий и кинокадров». М., 1980. Изд. 2-е) с «глухой» подписью: «В. И. Ленин в Смольном на заседании Совета Народных Комиссаров». Отсутствие «расшифровки» — обозначения лиц, присутствовавших тогда на заседании ленинского Совнаркома, разумеется, не случайно. Указать фамилии этих лиц означало признать, что в составе первого Советского правительства при В. И. Ленине могли, оказывается, находиться не только одни большевики (пятеро из запечатленных на фотографии были впоследствии уничтожены Сталиным), но и представители другой партии. Вот почему уникальность этого снимка состоит не только в том, что он единственный. Одновременно эта фотография представляет собой всем очевидное свидетельство совместного участия в работе руководимого В. И. Лениным первого Советского правительства лидеров большевиков и левых эсеров.

Как уже отмечалось, первый состав Совнаркома был однопартийным. Предложение о сотрудничестве было отвергнуто тогда фракцией левых эсеров, «не пожелавших,— как указывал В. И. Ленин на заседании ВЦИК 4 ноября 1917 года,— разделить со своими соседями слева ответственность в эти тяжелые, критические дни»[1]. Однако для дальнейшего упрочения власти Советов и успешного продолжения строительства нового государства исключительное значение имело завоевание прочной поддержки трудового крестьянства, укрепление его союза с рабочим классом. Партии большевиков, выступавшей за объединение всех трудящихся России под руководством рабочего класса, пришлось выдержать напряженную борьбу с буржуазными и мелкобуржуазными партиями за широкие массы крестьянства. Важнейшими моментами этой борьбы явились состоявшиеся в Петрограде в ноябре — начале декабря 1917 года Чрезвычайный и II Всероссийские съезды Советов крестьянских депутатов, завершившиеся образованием единого ВЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Победа левых эсеров сначала на Чрезвычайном, а затем на II Всероссийском крестьянском съездах, выступивших в блоке с большевиками, определила успешное завершение переговоров ЦК левоэсеровской партии с Совнаркомом, в результате которых в ночь с 9 на 10 декабря было достигнуто окончательное соглашение о вхождении семи представителей левых эсеров в состав Со-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 56.

ветского правительства. А. Л. Колегаев остался наркомом земледелия, И. З. Штейнберг занял пост народного комиссара юстиции, П. П. Прошьян — пост народного комиссара почт и телеграфов. Представители левых эсеров встали также во главе двух новых комиссариатов — местного самоуправления и имуществ республики. Соглашение было заключено на основе социалистической платформы большевиков. Лидеры левых эсеров обязались проводить в своей деятельности общую политику Совета Народных Комиссаров.

Самой жизнью поставленные перед необходимостью сделать решительный выбор, левые эсеры, учитывая все возраставшие симпатии крестьянских масс к большевистской партии и Советской власти, оказались вынуждены порвать с правым крылом своей партии, а также и со всем контрреволюционным лагерем и заключили правительственный блок с большевиками. «Вам, должно быть, известно, с каким трудом мы вошли в состав правительства — вопрос этот решался самой жизнью»,— говорил об этом позднее, весной 1918 года, П. П. Прошьян, выступая с докладом ЦК на съезде партии левых эсеров. Тем, кто строил какие-то иллюзии в отношении использования в этот период левых эсеров в борьбе против Советской власти, пришлось теперь от них отказаться. Естественно, что вся буржуазная и соглашательская пресса тотчас же единодушно предала левых эсеров анафеме, объявив их партией «придворных критиков» большевистского правительства, приковавших себя к «колеснице Ленина» и обреченных вместе с ней на неминуемую и скорую политическую гибель.

Принципиально иную оценку вхождению левых эсеров в Совет Народных Комиссаров дали большевики. Как писал В. И. Ленин в письме в редакцию «Правды», напечатанном в газете 19 ноября 1917 года, правительственный союз большевистской партии с левыми эсерами может быть «честной коалицией», ибо «коренного расхождения интересов наемных рабочих с интересами трудящихся и эксплуатируемых крестьян *нет*. Социализм *вполне* может удовлетворить интересы тех и других»[1]. В рассматриваемый период в целом этого удалось достигнуть. Совместное участие большевиков и левых эсеров в деятельности Советского правительства и ВЦИК Советов действительно имело важное значение в закреплении победы Октябрьской революции, в упрочении союза рабочего класса и трудового крестьянства. Выступая 11 января 1918 года на III Всероссийском съезде Советов с отчетом о деятельности Советского правительства, В. И. Ленин отметил это, заявив под друж-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 102.

ные аплодисменты делегатов съезда: «...на основании двухмесячного опыта совместной работы я должен сказать определенно, что у нас по большинству вопросов вырабатывается решение единогласное»[1].

Как известно, в дальнейшем пути недавних союзников по советской правительственной коалиции бесповоротно разошлись. И отнюдь не по вине большевиков: уже 16 марта в знак протеста против ратификации Брестского мирного договора левые эсеры отозвали своих представителей из Совнаркома, а затем в начале июля того же 1918 года пошли на открытое вооруженное *выступление* против Советской власти. Однако сам факт их достаточно длительного и плодотворного в целом сотрудничества с большевиками неоспоримо опровергает утверждения о якобы изначальном нежелании В. И. Ленина и его сторонников разделить власть с другими социалистическими партиями.

На том же III Всероссийском съезде Советов было принято предложение исключить из установленного ранее наименования Советского правительства слово «временное». Высший исполнительный орган новой власти — Совет Народных Комиссаров, связавший в единую систему Советы всей страны, было решено теперь именовать: «Рабочее и Крестьянское правительство Российской Советской Республики».

Это произошло спустя всего лишь несколько дней после того, как в 4 часа дня 5 января 1918 года в Таврическом дворце в Петрограде на свое первое и последнее заседание собрались депутаты Всероссийского Учредительного собрания. Фактическая история выборов в Учредительное собрание, обстоятельств созыва, проведения и роспуска одного из самых коротких буржуазных парламентов, продолжавшегося всего лишь около 12 часов, достаточно хорошо исследована. Однако не будет преувеличением сказать, что до сих пор не удалось осуществить всесторонний и аргументированный анализ этой сложнейшей применительно к условиям России начала XX века проблемы, включающей целый ряд вопросов, и сегодня образующих предмет самых острых дискуссий в нашем обществе.

Могло ли Учредительное собрание предоставить иной, альтернативный состоявшемуся путь развития революции и страны? Каковы были реальные шансы на достижение разумного компромисса между представленными в нем политическими силами? Насколько обоснованны обвинения Ленина и большевиков в том, что именно они (и только они) виноваты в ликвидации открывшейся,

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 264.

казалось бы, возможности сотрудничества демократических партий в рамках законно избранного общероссийского парламента? В чем, наконец, состоят главные уроки исторической драмы, разыгравшейся тогда в стенах Таврического дворца, но имевшей, как теперь становится все более ясно, далеко идущие последствия для всей последующей судьбы страны.

В поисках таких ответов обязательно надо учитывать конкретно-исторические условия и особенности развития России на рубеже XIX—XX столетий. Российская Государственная дума — бледная копия европейских парламентов,— период жизни которой составил чуть более десятилетия, увы, не смогла утвердить прочных традиций подлинно демократических политических институтов и свобод. Попытки создать действительно всенародное Учредительное собрание, пользующееся всеобщей поддержкой, не удались. Причем в равной мере это относится и к до-, и к послеоктябрьскому периоду. Как вспоминал один из членов руководства партии эсеров Н. Святицкий, «Учредительное собрание бесславно погибло... не потому, что у нас не было индивидуальной решимости погибнуть вместе с ним... Обстоятельства... заключались... не в матросском окрике, а в том равнодушии, с каким отнесся народ к нашему разгону и которое позволило Ленину махнуть на нас рукой...»

И это неудивительно. Потребность в политических свободах и общечеловеческая культура — вещи неразрывные. Ее и не могло быть в массе при наличии в России начала XX века трех четвертей неграмотного населения, старшее поколение которого помнило еще крепостное право.

Думается, надо иметь в виду и то, что на единственном заседании Учредительного собрания 5 января 1918 года встретились стороны, которые к этому времени уже плохо понимали, а точнее, даже не желали слушать друг друга. И это несмотря на то, что созыв Учредительного собрания был программным требованием всех социалистических партий страны — эсеров, большевиков, меньшевиков, украинских и других национальных группировок социалистов, а именно их представители составили подавляющее число депутатов.

Неизменно выдвигая на первый план классовый подход и классовые оценки, бесспорный лидер и идеолог большевиков В. И. Ленин, как известно, был убежденным сторонником государства типа Парижской коммуны. Вместе с тем признавая сохранение при социализме принципа буржуазного права без буржуазии, то есть равенства всех перед законом, он указывал на невозможность социализма без осуществления полной демократии. Вот почему еще

в 1905 году Ленин обращал внимание на важность участия в Советах представителей всех революционных и демократических партий: «Мы не боимся такой широты и разношерстности состава, а желаем ее, ибо без объединения пролетариата и крестьянства, без боевого сближения социал-демократов и революционных демократов невозможен полный успех великой русской революции»[1]. Вот почему уже после победы Октября, в марте 1918 года, он предлагал разработать в изменившихся условиях «новую программу Советской власти, нисколько не отрекаясь от использования буржуазного парламентаризма», в том случае, «если ход борьбы отбросит нас назад»[2].

Следует также помнить, что успех политического диалога в Учредительном собрании, как и вся кардинальная проблема мирного или немирного перехода власти к Советам и последующего развития революции, зависел не только от одних большевиков, но и от их оппонентов.

Развитие событий после свержения царизма убедительно показало, что правительство нового режима, в каких бы сочетаниях ни садились в министерские кресла лидеры буржуазных и соглашательских мелкобуржуазных партий, и не собиралось решать, по существу, острейшие политические и социально-экономические вопросы. Ярким проявлением недовольства политикой Временного правительства явились политические кризисы 1917 года (апрельский, июньский и июльский), когда трудящиеся на собственном опыте разочаровались в «коалиции» меньшевиков и эсеров с буржуазией и убедились в правильности политической линии ленинской партии.

Однако меньшевистско-эсеровские лидеры, находившиеся в плену буржуазных представлений об «отсталой России» и «неспособности» ее народных масс к самостоятельному участию в историческом процессе, и не помышляли о дальнейшем развитии революции, тем более о выходе ее за буржуазно-демократические рамки. Так было весной 1917 года, когда они отвергли сделанное в Апрельских тезисах В. И. Ленина предложение Советам (меньшевистско-эсеровским!) взять власть в свои руки, оставив за большевиками, находившимися тогда в меньшинстве, роль политической оппозиции. Так было и осенью того же года, когда после разгрома корниловщины В. И. Ленин в начале сентября предлагал лидерам меньшевиков и эсеров образовать без буржуазных партий правительство «целиком и исключительно ответственное

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 66.
[2] Там же. Т. 36. С. 53—54, 58.

перед Советами». Большевики, оставаясь в оппозиции, отказались бы «от выставления немедленно требования перехода власти к пролетариату и беднейшим крестьянам, от революционных методов борьбы за это требование». Все это обеспечило бы, подчеркивал Ленин, «мирное движение революции вперед, *мирное изживание* партийной борьбы внутри Советов»[1].

Но, как известно, меньшевистско-эсеровское руководство вновь отказалось от предложенного компромисса. Между тем тогда же, в первой половине сентября, опровергая распространявшийся буржуазной прессой миф об «угрозе» гражданской войны в случае образования союза большевиков с меньшевиками и эсерами, Ленин уверенно писал: «Если есть абсолютно бесспорный, абсолютно доказанный фактами урок революции, то только тот, что исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделал бы гражданскую войну в России невозможной. Ибо против такого союза, против Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов никакая буржуазией начатая гражданская война немыслима, этакая «война» не дошла бы даже ни до одного сражения...»[2]

В условиях наступившего в 1917 году в России общенационального кризиса проявилась явная неспособность Временного правительства решить вопросы о мире и о земле, многие другие важнейшие социально-экономические проблемы жизни страны. «Топтались везде — и в армии, и в аграрном вопросе, и в вопросе о войне и мире,— вынужден был признать позднее сам А. Ф. Керенский.— Можно сказать, все государство топталось на месте, зацепившись за кадетский пень». Несмотря на все это, лидеры меньшевиков и эсеров по-прежнему цеплялись за коалицию с буржуазными партиями и всячески уклонялись от сближения с набиравшими силу большевиками. В результате в очередной раз был упущен шанс не свернуть на тот путь, который вел страну к тяжелейшим испытаниям.

Вот почему уже позднее, выступая 2 марта 1920 года с докладом на заседании I Всероссийского съезда трудовых казаков, В. И. Ленин имел достаточно оснований, чтобы напомнить: «Эсеры и меньшевики проделали опыт, нельзя ли обойтись с капиталистами по-мирному и перейти от них к социальной реформе. Они подобру хотели перейти в России к социальной реформе, только чтобы не обижать капиталистов. Они забыли, что господа капи-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 135.
[2] Там же. С. 222.

талисты есть капиталисты и что их можно только победить. Они говорят, что большевики залили страну кровью в гражданской войне. Но разве вы, господа эсеры и меньшевики, не имели 8 месяцев для вашего опыта? Разве с февраля до октября 1917 года вы не были у власти вместе с Керенским, когда вам помогали все кадеты, вся Антанта, все самые богатые страны мира? Тогда вашей программой было социальное преобразование без гражданской войны. Нашелся ли бы на свете хоть один дурак, который пошел бы на революцию, если бы вы действительно начали социальную реформу? Почему же вы этого не сделали? Потому что ваша программа была пустой программой, была вздорным мечтанием»[1].

Рассматривая историю создания первого Советского правительства, нельзя не привести хотя бы несколько штрихов из облика Ленина — Председателя Совнаркома. «Что он (В. И. Ленин.— *М. И.*) совершил, знают все в мире; главная часть современной истории так или иначе связана с его делами и их последствиями,— справедливо отмечал в своих «Заметках по истории современности» известный советский публицист Эрнст Генри.— Что он думал, что написал, как боролся, как побеждал — тоже общеизвестно. Но о стиле его повседневной работы... о том, как сидя за письменным столом в своем кабинете, он час за часом делал свое дело, чего как руководитель требовал от себя и других, знают гораздо меньше».

После победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде В. И. Ленин сначала в Смольном, а затем в Московском Кремле изо дня в день вел поистине титаническую теоретическую, политическую и организаторскую работу. «Все, что касалось Советского государства, России, партии, должно было проходить через его голову,— с почтительным удивлением констатировала германская газета «Франкфуртер Цайтунг».— Важнейшие правительственные постановления, длинные тезисы для дискуссии на партийных съездах, полемические брошюры... все это он писал сам. Положительно нельзя не изумляться, что этот человек сумел выработать себе столь ясное понимание текущей политики и столь твердую уверенность и глазомер в своей колоссальной исторической работе...» При этом, как справедливо подметил Д. И. Курский, собственно сочинения Ленина (несмотря на их громадный объем) составляли «лишь $^1/_{20}$ его работы, его наследства. Главная часть его творчества происходила повседневно в телефонных разговорах, в личных указаниях, в коротеньких записках, где несколько строчек являлись иногда ясным и сжатым трактатом программного вопроса».

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 178—179.

Это было действительно так. Председатель Совета Народных Комиссаров, говорилось в одном из документов Управления делами Совнаркома, датированном 30 октября 1918 года, «занимается усиленным умственным трудом и работает неограниченное число часов». Вот, например, красноречивое свидетельство корреспондента шведской газеты «Фолькетс дагблад политикен», получившего 20 января 1918 года интервью у главы Советского правительства: «...чувствует себя прекрасно, несмотря на огромное бремя работы, которое почти не оставляет ему времени для сна. У меня есть только одна мечта, сказал он, отдохнуть хотя бы полчаса»[1].

Вот краткий перечень проделанного Председателем Совета Народных Комиссаров в один из его обычных и отнюдь не самых напряженных рабочих дней, продолжавшихся, как правило, далеко за полночь...

Этот день, 18 ноября 1917 года, как и всегда, начался с просмотра газет и корреспонденции. Председателя Совнаркома ожидали на письменном столе горы бумаг. Свежие выпуски газет, заграничные издания, телеграммы, сводки наркоматов... Здесь, как в фокусе, сходились важнейшие вопросы жизни страны — военные, экономические, культурные. И казалось невозможным сразу разобраться в этом бумажном потоке и быстро принять необходимое, нередко единственно правильное решение. Но секретари Совнаркома, покидая кабинет Ленина после сообщения о срочных делах и о выполнении сделанных накануне распоряжений, знали: через несколько часов все будет прочитано. Умение Ленина мгновенно схватывать содержание газетной статьи, письма или документа, едва бросив на них взгляд, было действительно удивительно. «Если бы не видеть десятки и сотни раз это изумительное чтение документов, то, право, и поверить было бы невозможно,— отмечал первый управляющий делами Советского правительства В. Д. Бонч-Бруевич.— Надо было обладать той изумительной изощренной памятью, мгновенностью восприятия, какая была у Владимира Ильича...»

Тогда же Ленин беседует с А. А. Иоффе перед его отъездом в Брест-Литовск в качестве председателя делегации для переговоров со странами германской коалиции; дает указания о позиции делегации на переговорах; во время беседы делает пометки о необходимости дать распоряжение коменданту Николаевского вокзала Петрограда о предоставлении делегации вагона и др.

В первой же половине дня Ленин принимает руководящих ра-

---

[1] Ленинский сборник XXXVII. С. 67.

ботников Народного комиссариата по продовольствию П. А. Козьмина и А. С. Якубова и беседует с ними о положении дел в комиссариате; подписывает несколько документов о новых назначениях на ответственные посты в советском правительственном аппарате.

В течение этого же дня (до 17 часов) Ленин принимает участие в работе Всероссийского Чрезвычайного съезда Советов крестьянских депутатов, дважды выступив в ходе заседания, а затем с заключительным словом по аграрному вопросу.

Возвратившись в Смольный, Ленин пишет затем в связи с заданным ему на заседании съезда вопросом о социализации земли письмо «Союз рабочих с трудящимися и эксплуатируемыми крестьянами» и направляет его в редакцию «Правды». На следующий день эта статья была опубликована в газете.

А в 19 часов все того же 18 ноября, как и обычно, В. И. Ленин в качестве председательствующего открыл очередное заседание Совета Народных Комиссаров. Он пишет проект постановления об окладах высшим чиновникам и служащим и размерах вознаграждения народным комиссарам; вносит исправления в проект декрета о Петроградском телеграфном агентстве и подписывает его.

В чрезвычайных условиях первых послеоктябрьских месяцев на заседаниях Совнаркома рассматривалось обычно 15—20, а то и больше вопросов. Так и 18 ноября в повестку заседания правительства было включено около 20 различных вопросов государственной и хозяйственной жизни страны: проект декрета об организации Высшего совета народного хозяйства; национализации заводов Донецкого бассейна, о квартирном законе... о письме Центральной комендатуры рабочей Красной гвардии... о Комитете по народному здравоохранению... о реквизиции сельскохозяйственных машин и орудий... просьба казачьего комитета об ассигновании средств на издание органа трудового казачества... проекты декретов о гражданском браке и о расторжении брака и др. При обсуждении внеочередного заявления П. Е. Дыбенко о реквизиции продовольствия морского ведомства Совет Народных Комиссаров поручает ему расследовать этот вопрос и в случае необходимости обратиться за содействием к В. И. Ленину.

В тот же вечер в соответствии с указаниями, полученными сотрудниками аппарата Совнаркома от Ленина, от его имени была отправлена ответная телеграмма Подольскому Совету, в которой сообщалось, что право роспуска городских дум и организации выборов в новые думы предоставляется местным Советам. И так изо дня в день, из месяца в месяц.

Заседания Советского правительства и созданного 30 ноября 1918 года Совета Обороны (преобразованного в апреле 1920 года

в Совет Труда и Обороны) собирались в те годы почти каждый вечер. Они проходили в так называемом Красном зале — примыкавшей к рабочему кабинету В. И. Ленина большой комнате, где от стола Председателя СНК и СТО параллельно окнам стояли два длинных стола под красным сукном. Как сообщалось в одном из документов Управления делами СНК, относящихся к июню 1918 года, «занятия в Совете Народных Комиссаров продолжаются ежедневно до 2—3 часов ночи...»

Уже 18 декабря 1917 года Советское правительство утвердило написанную Лениным инструкцию «о том, как ставить вопросы на повестку». Для внесения вопроса на рассмотрение Совнаркома обязательно требовалось представить краткую пояснительную записку (не более 2—3 страниц), проект декрета или постановления СНК или СТО и отзывы о нем всех заинтересованных народных комиссариатов и ведомств. Вместе с другими ленинскими указаниями эта инструкция легла в основу повседневной деятельности СНК, СТО и Малого Совнаркома и явилась образцом для постановки работы коллегий народных комиссариатов и всех других органов советского государственного аппарата в центре и на местах.

«Обычная картина заседания Совнаркома,— вспоминал первый советский нарком здравоохранения Н. А. Семашко,— была такова... Спешишь попасть на заседание минута в минуту без всякого опоздания. Владимир Ильич сам был точен, как часовая стрелка, такой же точности он требовал от всех нас...» Опоздание Ленин рассматривал как нарушение рабочей дисциплины и недопустимую потерю времени. Особыми постановлениями ВЦИК и СНК за неаккуратное посещение заседаний и опоздания без уважительных причин были установлены строгие взыскания (выговор с занесением в протокол, денежный штраф, выговор в печати и т. д.). Разговаривать на заседаниях Совнаркома не разрешалось: все присутствовавшие (кроме докладчиков и выступавших в прениях) обменивались мнениями в письменной форме — записками.

В начале апреля 1919 года во время одного из заседаний Советского правительства В. И. Ленин написал следующую записку наркому юстиции Д. И. Курскому: «Пора утвердить *общий* регламент СНК. 1. Докладчикам 10 минут. 2. Ораторам 1-й раз — 5, 2-й раз — 3 минуты. 3. Говорить не > (более.— *М. И.*) 2-х раз. 4. К порядку 1 за и 1 против по 1 минуте. 5. Изъятия по *особым* постановлениям СНК»[1]. Предложенный Д. И. Курским в соответствии с ленинскими указаниями регламент был утвержден 5 ап-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 274.

реля 1919 года, и Ленин, как председательствующий на заседаниях Совнаркома, всегда неукоснительно его придерживался. Любителям пространных выступлений, поглядывая на часы, постоянно напоминал: «Тут, товарищи, не митинг; агитацией заниматься нечего, нужно говорить только дело». По свидетельству секретаря Совнаркома Л. А. Фотиевой, заметка Ленина «Об очистке русского языка» была написана им во время одного из заседаний. Весьма выразителен подзаголовок: «Размышления на досуге, т. е. при слушании речей на собраниях».

При протоколах СНК сохранилось большое количество листков со сделанными В. И. Лениным записями фамилий участников заседаний и пометками против каждой из них о времени начала и конца выступления. «При Ленине в Совнаркоме было дельно и оживленно,— свидетельствует первый нарком просвещения А. В. Луначарский.— Уже при нем утвердились внешние приемы рассмотрения дел: чрезвычайная строгость в определении времени ораторов, будь то свои докладчики или докладчики со стороны, будь то участники в дискуссии. Требовалась чрезвычайная сжатость и деловитость от каждого высказывающегося. В Совнаркоме царило какое-то сгущенное настроение, казалось, что самое время сделалось более плотным, так много фактов, мыслей и решений вмещалось в каждую минуту».

Председательствуя на заседаниях, В. И. Ленин развивал исключительно активную деятельность. «Во-первых,— вспоминал член коллегии Наркомпрода Л. И. Рузер,— он ведет собрание, но ведет его самым настоящим образом. Строго следит за порядком, за оратором, за временем, которое ему уделяется, за курением. В то же время он принимает самое живое участие в прениях по каждому вопросу. Очень редко бывало, чтобы Владимир Ильич не выступал по какому-нибудь вопросу с основательным разбором его и совершенно определенным мнением. Для этого ему, конечно, нужно было внимательно слушать каждого оратора и раздумывать над его доводами. Все это не мешало ему делать третьего дела. Он всегда в то же время либо брал какую-либо канцелярскую справку для обсуждаемого вопроса, либо доставал энциклопедический словарь, атлас или другую книгу и вооружался данными для дискуссии. Часто он корректировал тут же, на заседании, свои статьи или речи, продолжая по-прежнему вести собрание... Но было еще одно дело, которым он занимался среди всех своих работ на заседаниях Совнаркома. Это его знаменитые записки. Переписываясь записками с наркомами, он тут же на заседаниях часто двигал какое-нибудь дело, касающееся какого-либо комиссариата или отдельного товарища».

Это редкостное умение Ленина «раздваивать и даже растраивать свое внимание» неизменно вызывало удивление участников заседаний Советского правительства, а иногда даже казалось неправдоподобным, особенно тогда, когда, взяв слово, Председатель Совнаркома с поразительной точностью и проницательностью отмечал важные для обсуждаемого вопроса положительные и отрицательные стороны доклада и последующих выступлений.

Вся эта огромная и разносторонняя работа, постоянно осуществлявшаяся Лениным в ходе заседаний Совнаркома изо дня в день, была, разумеется, чрезвычайно напряженным и трудоемким делом. «Узнав, что такое раздвоение внимания вызывает сильное утомление,— вспоминает Л. А. Фотиева,— я попросила товарищей пересылать ответы на записки Владимира Ильича через меня, с тем что я буду передавать их ему после заседания. Не получая ответов и заметив скопление у меня бумажек, Владимир Ильич написал мне записку: «Вы, кажись, интригуете против меня? Где ответы на мои записки?» Пришлось отдать ему ответы. Так и кончилась ничем моя попытка вмешаться в порядок его работы».

Как опытный капитан, быстро и уверенно вел В. И. Ленин заседание Совнаркома сквозь «рифы» неясностей, споров и противоречий. «С первого же момента заседания,— писал Д. И. Курский,— понимаешь и видишь, что руль в исключительно надежных руках, что, дав высказаться делом там, где это нужно, товарищ Ленин уже изумительно точно сформулирует постановление, а если видит, что ораторы не схватывают сути или уклоняются от правильного пути, товарищ Ленин берет слово, и нужно было видеть, как мастерски он поворачивал вопрос, как глубоко обосновывал свое предложение». Этот же момент, весьма характерный для ленинского стиля работы, особо отметил также С. С. Пестковский, в те годы заместитель наркома по делам национальностей: «Ленин... всегда умел повернуть дискуссию на конкретные рельсы. Если докладчик или кто-либо из выступавших «плавал», Ленин всегда «умел повернуть руль к пристани».

Яркое описание того, как своеобразно и умело Ленин руководил работой Советского правительства, оставил Н. А. Семашко: «Во время дебатов Владимир Ильич любил прислушиваться, «что скажут другие». Внимательно прищурив один глаз и сверля другим, он пристально слушал оратора, неумолимо одергивая многословных. Иногда охотников выступать по какому-либо докладу не находилось. Тогда Владимир Ильич любил «вызывать»... И потом как председатель резюмировал. В этом резюме тоже было нечто чрезвычайно характерное и замечательное. Обычно многие председатели «обкрадывали» ораторов: у одного возьмут одно, у другого —

другое и вносят предложения, могущие объединить возможно большее число участников. У Ленина выходило не так: он давал не компромиссную, а резкую и определенную установку. И речи ораторов давали ему материал лишь для большей аргументации его предложения...»

Заседания правительства, проходившие под председательством Ленина, были настоящей школой государственного управления для всех наркомов и других советских руководителей. «Это был первый и единственный в то время в мире университет, где наркомы учились, как надо строить рабоче-крестьянскую власть»,— писал впоследствии Г. И. Петровский, возглавлявший Наркомвнудел. «Он требовал от нас... сведений о том, как проходит фактическая передача предприятий в руки новых правлений, не разваливаем ли мы национализированных предприятий, какова выработка, кто, где и на каком предприятии назначен управляющим и т. д.»,— свидетельствует Г. И. Оппоков (Ломов), ставший в 1918 году одним из руководителей ВСНХ. «Сколько раз,— вспоминала секретарь СНК М. Н. Скрыпник,— Владимир Ильич на заседании Совнаркома опускал докладчиков с небес на грешную землю одним простым и лаконичным вопросом: «А сколько это будет стоить?» Не отходить от практических задач реальной жизни, не увлекаться несбыточными планами, общими рассуждениями, учиться все рассчитывать, не забывая, конечно, и о перспективах,— этому постоянно учил Ленин советских государственных деятелей.

При этом Ленин, имевший исключительно высокий авторитет, обладавший широчайшими государственными полномочиями, никогда не навязывал участникам заседаний своего мнения, всегда неукоснительно следовал принципу коллективности руководства. «...Владимир Ильич никогда не решал вопросы, в которых был заинтересован и коллектив, единолично, как Председатель Совнаркома. Он поощрял инициативу каждого работника, не давил своим авторитетом, а убеждал. Лесть, подхалимство, угодничество были немыслимы в окружении Ленина. На заседаниях Совнаркома или Совета Обороны все выступавшие свободно высказывали свои мнения по обсуждавшимся вопросам. Вопросы решались голосованием. Нередко происходили ожесточенные споры; случалось, что большинством членов СНК принималось решение, с которым Владимир Ильич не был согласен. Он безоговорочно подчинялся большинству. Однако если вопрос имел принципиальное значение, Ленин, действуя в рамках партийных и советских норм, продолжал отстаивать свое мнение, переносил вопрос в высшую инстанцию, во ВЦИК, в Политбюро, на пленум ЦК и иногда доходил до съезда партии»,— вспоминала Л. А. Фотиева.

Все это определяло одну из важнейших и, пожалуй, наиболее характерных особенностей стиля деятельности первого Советского правительства: четкая организованность и строгий деловой порядок в работе руководимого Лениным Совнаркома неизменно сочетались со свободной, творческой обстановкой, удачно обеспечивавшей при решении государственных дел и подлинный коллективизм, и всемерное использование знаний, опыта, талантов всех без исключения участников его заседаний. «Присмотритесь, как он председательствует в Совнаркоме,— писал в статье «Товарищ Ленин» один из ветеранов большевистской партии, Н. Л. Мещеряков,— как выступает на съездах и собраниях. Внимательнее, чем кто-либо другой, он выслушивает всякого оратора. Он не торопится выступать со своими речами, со своим мнением. А когда он высказывает его, он не старается подчинять других своим авторитетом. Он действует исключительно силой логики. В его речах вы никогда не услышите слово «я»...»

Всей своей деятельностью на посту Председателя Совнаркома и Совета Труда и Обороны В. И. Ленин неизменно показывал пример подлинно коллегиального подхода к решению любых вопросов государственной жизни. «Я не могу идти против воли и решения коллег по Совету»,— писал он, в частности, в письме М. Ф. Андреевой [1]. Весьма показательно в этой связи и свидетельство японского журналиста Р. Накахиры, взявшего 3 июня 1920 года интервью у Ленина. Накахира пишет, что, когда на следующий день он принес в Секретариат Совнаркома запись интервью, «Ленин прочитал ее очень внимательно, сделал поправки. Например, он вычеркнул такие выражения, как: «Ленин решил», «Ленин отказал». Как мне сказали потом, он заметил при этом, что решает или отказывает не Ленин. Все вопросы решает рабоче-крестьянское правительство».

По образному выражению Джона Рида, от Смольного, а затем и Московского Кремля, где под руководством В. И. Ленина работал Совет Народных Комиссаров, словно от перегруженной током динамо-машины во все концы летели искры. Ими были знаменитые декреты Советской власти, размноженные в сотнях тысяч экземпляров, с удивительной быстротой распространявшиеся по всей России.

В обстановке творческого энтузиазма и подлинной принципиальности, создававшейся В. И. Лениным, каждый из присутствовавших на заседании правительства, будь то народный комиссар или лицо, приглашенное по какому-либо вопросу, вносил свой по-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 49.

сильный вклад в дружную коллективную работу Советского правительства. «Сам Ленин,— засвидетельствовал в 1923 году А. В. Луначарский,— чрезвычайно находчив при этом, быстро находит соответствующие слова и фразы, взвешивает их с разных концов, иногда отклоняет. Чрезвычайно рад всякой помощи со стороны. Когда кому-нибудь удавалось найти вполне подходящую формулу: «вот, вот, это у вас хорошо сказанулось, диктуйте-ка»,— говорит в таких случаях Ленин. Если те или другие слова покажутся ему сомнительными, он опять, вперив глаза в пространство, задумывается и говорит: «скажем лучше так». Иногда формулу, предложенную им самим с полной уверенностью, он отменяет, со смехом выслушав меткую критику».

Все это во многом помогало Совнаркому и Совету Обороны под руководством Ленина успешно осуществлять изо дня в день разработку, принятие и издание многочисленных декретов и постановлений, с помощью которых в первые годы Советской власти проходила ликвидация всех форм социального и национального угнетения, закладывались основы нового общественного и государственного строя. «Работали в Совнаркоме споро, работали бодро, работали с шутками,— вспоминал А. В. Луначарский.— Ленин добродушно принимался хохотать, когда ловил кого-нибудь на курьезном противоречии, а за ним смеялся и весь длинный стол крупнейших революционеров, и новых людей нашего времени — над шутками ли самого председателя, который очень любил сострить, или кого-либо из докладчиков. Но сейчас же после этого бурного смеха наступала вновь та же бодрая серьезность и так же быстро, быстро текла река докладов, обмена мнений, решений».

Как известно, именно Лениным собственноручно написаны проекты многих основополагающих законодательных актов Советской власти, начиная с исторических документов II Всероссийского съезда Советов: обращения съезда о победе Октябрьской революции и ее ближайших задачах, декретов о мире, о земле, об образовании Советского правительства.

Среди декретов, созданных лично Председателем Совнаркома, особое место занимают обращения и воззвания к рабочим и работницам, матросам и солдатам, крестьянам и служащим. Придавая исключительно важное значение революционному творчеству масс, Ленин в послеоктябрьские годы неоднократно выступал с обращениями к трудящимся России, которые разъясняли все основные мероприятия Советской власти, указывали пути к их практическому осуществлению на местах, призывали рабочих, солдат и крестьян еще теснее сплотиться вокруг своего правительства, вокруг своих Советов. Особенно ярко и доходчиво об этом говорилось в широко

известном обращении Председателя Совнаркома «К населению» от 5 ноября 1917 года. «Товарищи трудящиеся! — писал Ленин.— Помните, что *вы сами* теперь управляете государством. Никто вам не поможет, если вы сами не объединитесь и не возьмете *все дела* государства в *свои* руки. *Ваши* Советы — отныне органы государственной власти, полномочные, решающие органы»[1].

О громадном объеме законодательной работы Председателя Совета Народных Комиссаров, ее поистине революционном размахе говорят следующие цифры. Только за время с ноября 1917 года по начало марта 1918 года сохранились ленинские рукописи 47 проектов и 36 рукописей проектов постановлений и декретов с правкой Ленина. Всего за период с октября 1917 года по ноябрь 1922 года в настоящее время удалось выявить более трех тысяч ленинских декретов, включая акты, непосредственно разработанные В. И. Лениным, подготовленные под его руководством или с его участием, а также акты, подписанные им. При этом следует иметь в виду, что Ленин являлся также автором многочисленных решений и постановлений Советского правительства — и по текущим вопросам его деятельности, и по самым разным вопросам социально-экономической политики страны,— которые обычно диктовались Председателем Совнаркома секретарям по ходу заседания.

Обратившись к томам фундаментального издания «Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника», легко убедиться, что не было ни одного сколько-нибудь значительного начинания в сфере государственной и общественно-политической жизни Советской республики, у истоков которого не стоял бы В. И. Ленин. Вопросы социалистических преобразований и вооруженной борьбы с интервентами и внутренней контрреволюцией, внешней политики и национально-государственного строительства; ликвидация разрухи, голода, топливного кризиса и восстановление народного хозяйства, организация советского здравоохранения и культурное строительство, развитие отечественной науки и освоение природных богатств страны, разработка и осуществление знаменитого плана ГОЭЛРО — пожалуй, невозможно перечислить все самые разнообразные вопросы, которые постоянно находились в поле зрения Председателя Совнаркома.

С первых послеоктябрьских дней, когда в боях с войсками Керенского—Краснова на Пулковских высотах решалось, быть или не быть Советской власти, Ленин непосредственно контролировал и направлял деятельность руководства народных комиссариатов

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 66.

по военным и морским делам, командующих вооруженными силами республики на всех фронтах, систематически получая в этих целях всю необходимую информацию (оперативные и политические сводки, информационные бюллетени, доклады и т. д.).

Как вспоминает одна из первых сотрудниц аппарата Совнаркома, М. И. Гляссер, с начала гражданской войны кабинет Ленина стал «главным штабом всех военных действий. На его столе почти всегда лежали военные карты... Он требовал себе подробнейших донесений обо всех деталях операций, рассылал десятки телеграмм на все фронты, созывал (иногда по ночам) комиссии и совещания для разрешения тех или иных военных вопросов». Об огромном объеме военно-организаторской деятельности В. И. Ленина и руководимых им Совнаркома и Совета Обороны красноречиво свидетельствуют следующие данные: с ноября 1917 года по ноябрь 1920 года Ленин написал более 600 писем и телеграмм по различным вопросам обороны страны, военного строительства и ведения вооруженной борьбы.

В сложнейшей обстановке первых послеоктябрьских лет в поле зрения Председателя Совнаркома неизменно были вопросы международных отношений. Один из важнейших наркоматов — Наркоминдел с момента его организации находился под постоянным наблюдением и контролем Ленина, под руководством которого настойчиво проводился в жизнь миролюбивый внешнеполитический курс республики. По словам наркома по иностранным делам Г. В. Чичерина, «в первые годы существования нашей республики я по нескольку раз в день разговаривал с ним (Лениным.— *М. И.*) по телефону... кроме частых непосредственных бесед, и нередко обсуждал с ним все детали сколько-нибудь важных текущих дипломатических дел. Сразу схватывая существо каждого вопроса и сразу давая ему самое широкое политическое освещение, Владимир Ильич всегда в своих разговорах делал самый блестящий анализ дипломатического положения, и его советы (нередко он предлагал сразу самый текст ответа другому правительству) могли служить образцами дипломатического искусства и гибкости».

Образцом «неподражаемого политического реализма», по выражению Г. В. Чичерина, и дипломатического мастерства явилась разработанная и осуществленная под руководством Ленина принципиальная линия борьбы за выход Советской России из империалистической войны и заключение мира. Ленинские документы этого напряженнейшего периода (октябрь 1917 года — март 1918 года) — многочисленные выступления на заседаниях ЦК партии, Совнаркома, перед трудящимися, целый ряд статей, инструкций

и телеграмм советским дипломатам — показывают выдающуюся роль вождя революции в практическом обеспечении только что родившемуся пролетарскому государству жизненно необходимой мирной передышки. Ограничимся свидетельством по данному вопросу лишь одного, но, пожалуй, представляющего особый интерес очевидца, ибо им является... один из активнейших деятелей милитаристских реакционных кругов Германии, кайзеровский генерал Макс Гофман, возглавлявший германскую делегацию на брест-литовских мирных переговорах. «Я часто раздумывал о том,— писал он впоследствии в своей книге «Война упущенных возможностей»,— не лучше ли было бы, если бы имперское правительство и верховное военное командование (Германии.— *М. И.*) уклонились от всяких переговоров с большевистскими властями. Тем самым мы дали им возможность заключить мир и таким образом исполнить страстное желание народных масс, мы им помогли прочно захватить власть и удержать ее».

Из всей массы государственных вопросов в центре внимания В. И. Ленина как Председателя Совета Народных Комиссаров всегда были особенно актуальные, наиболее существенные в данный момент проблемы, имевшие первостепенное значение для судеб пролетарского государства. Такой важнейшей проблемой стал в России весной и летом 1918 года вызванный четырехлетней войной и связанной с ней хозяйственной разрухой продовольственный кризис, серьезно обострившийся в результате военной интервенции и экономической блокады, организованных международным империализмом против Республики Советов.

С первых же дней после победы Октябрьской революции Ленин внимательно следил за состоянием продовольственного положения в стране, и прежде всего в Петрограде, Москве и других крупных промышленных центрах, вникая во все детали снабжения их хлебом и другими продуктами. По указанию Председателя Совнаркома к нему регулярно поступали необходимые материалы по продовольственному делу (телеграммы, сводки и т. п.). По воспоминаниям М. Н. Скрыпник, информации о движении продовольственных грузов он требовал и утром и вечером; «все донесения со всех концов Ильич сам лично зачитывал, не пропуская ни одной телеграммы». Ленин работал так, свидетельствует также М. И. Гляссер, «как будто за каждый пуд хлеба или вагон дров, застрявшие в пути по вине чьей-нибудь халатности, он сам лично отвечал и требовал того же от других... Он заказывал себе справки о количестве заготовленного где-нибудь в Сибири или на Кавказе и подвезенного к крупным промышленным центрам хлеба или топлива, сам подсчитывал и делал расчеты — как их распределить

и на сколько хватит, созывал ежедневные совещания для изыскания всяких экстренных мер и увязки работы отдельных ведомств». 14 января 1918 года Председатель Совнаркома составил образец сводки о поступлении хлебных грузов, которая должна была ежедневно представляться ему к 12 часам дня Народным комиссариатом продовольствия и Петроградской городской продовольственной управой. Сводка должна была содержать ответ на следующие вопросы: 1) находится вагонов хлеба к такому-то числу; 2) прибыло за сегодня; 3) находится в пути на расстоянии не свыше 100 верст от Петрограда; 4) на расстоянии 100—300 верст от Петрограда; 5) на расстоянии 300—1000 верст от Петрограда [1].

В первые же послеоктябрьские месяцы, как вспоминает А. Д. Цюрупа, ленинская мысль «упорно работала над вопросом о хлебной монополии, как единственно возможном и правильном разрешении продовольственного вопроса в сложившихся условиях... В январе 1918 года на заседании чрезвычайной комиссии по продовольствию и транспорту мне был передан проект декрета «о заготовках хлеба», написанный рукой Владимира Ильича... С этого момента Владимир Ильич твердо, решительно и неуклонно проводил хлебную монополию и ту продовольственную политику, которая осуществлялась в течение 1918, 1919 и 1920 гг.».

В. И. Ленин постоянно поддерживал письменную и телеграфную связь с местными партийными и советскими организациями, с уполномоченными СНК, направленными в наиболее богатые продовольствием районы страны, направлял их работу, оказывал необходимое содействие в организации и деятельности продотрядов. Достаточно сказать, что только в мае—августе 1918 года Председателем Совнаркома было отправлено руководящим работникам продовольственных органов страны более 80 различных документов, из них 33 телеграммы. Все это и позволило А. Д. Цюрупе, ближайшему помощнику Ленина по руководству продовольственным фронтом в тот напряженный период, с полным основанием писать, что «благодаря именно его (В. И. Ленина.— *М. И.*) безоговорочной решительности, его политическому и нередко организационному руководству было сделано то, что было сделано, и что в труднейшую эпоху, переживавшуюся Советской властью, продовольственный вопрос разрешался так, как он разрешался. Без его активного и непосредственного участия в разрешении стоявших в порядке дня острейших и сложнейших продовольственных задач проблема снабжения страны не получила бы разрешения и,

---

[1] См.: Ленинский сборник XVIII. С. 211.

может быть, трудящиеся не вынесли бы обрушившихся на них продовольственных испытаний».

Основные положения ленинской программы большевиков по национальному вопросу были, как известно, воплощены в «Декларации прав народов России», опубликованной Совнаркомом 3 ноября 1917 года за подписями В. И. Ленина и наркома по делам национальностей И. В. Сталина. Подтвердив провозглашенное в декрете о мире право наций на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, декларация вместе с тем сформулировала и законодательно закрепила такие важнейшие принципы деятельности социалистического государства в области национальных отношений, как полное равенство и суверенность народов, отмена всех и всяких национально-религиозных привилегий и ограничений, свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России, а также подчеркнула необходимость подлинно интернационального союза трудящихся всех, больших и малых, наций и национальностей в их борьбе против эксплуатации и угнетения.

Признав право народов Финляндии, Украины и Польши на государственную независимость, расторгнув по собственной инициативе все неравноправные соглашения, навязанные ранее царским и Временным правительствами вместе с другими империалистическими государствами народам Персии и Турции, руководимый В. И. Лениным Совет Народных Комиссаров перед всем миром убедительно продемонстрировал, что слова рабоче-крестьянской власти не расходятся с ее делами. Последовательное проведение подлинно интернациональной политики помогло Советской власти завоевать доверие трудящихся масс многочисленных народов России и обеспечить их поддержку в строительстве первого в мире многонационального социалистического государства.

Но каким бы тяжелым ни было положение, Ленин, Совет Народных Комиссаров уверенно смотрели в будущее, камень за камнем закладывали фундамент социалистического развития новой, Советской России. «Точно так же, как история нашей партии является одновременно историей и жизни Владимира Ильича,— отмечала 25 января 1924 года «Экономическая газета»,— хозяйственное строительство советских республик во всем его многообразии, даже в деталях, во всех отраслях работы сливается с личностью Ленина... Владимир Ильич определял не только основные линии экономической политики, он определял и политику партии в отдельных отраслях хозяйства. Наша продовольственная политика (хлебная монополия и т. д.), сельскохозяйственная политика,

промышленная политика, финансовая и т. д.— все исходит от Владимира Ильича».

Даже в самые напряженные периоды гражданской войны Ленин, осуществляя руководство обороной страны, думал о ее будущем, твердо и последовательно направлял строительство экономических основ социализма. Об этом со всей очевидностью свидетельствует хотя бы тот факт, что в бюджете РСФСР на 1918—1920 годы были, в частности, предусмотрены крупные ассигнования на подготовительные мероприятия и строительство электростанций на Свири и Волхове, в Шатуре и Кашире, орошение пустынных земель Туркестана, шлюзование рек Сухоны и Северной Двины, первоначальные работы по сооружению Волго-Донского канала. В эти же годы Ленин заботится о подготовке схемы периодических отчетов о работе по развитию производительных сил всех или главнейших отраслей хозяйства, об увеличении добычи горючих сланцев и нефти, о восстановлении и развитии Донбасса, распространении через печать достижений химической науки и технологии, о возможности энергетического использования Волги, строительстве гидроэлектростанций и т. д.

Особое внимание Ленин уделял социалистическому преобразованию экономики России на основе ее электрификации, всестороннему развитию отечественной науки и техники, оказанию всемерной поддержки ученым-новаторам, изучению и освоению природных богатств страны. При самом непосредственном участии Председателя Совета Народных Комиссаров и его неизменной помощи, писал секретарь Совнаркома, впоследствии академик Н. П. Горбунов, «было положено основание и дан ход таким начинаниям, как, например, радиотелефонное строительство... использование горючих сланцев и сапропелей, механизация дровяных заготовок, изготовление в России химически чистых реактивов, исследование Курской магнитной аномалии, орошение Муганских голодных степей, тепловозы, Волховское строительство, электропахота, учреждение государственного электротехнического исследовательского института, образование электротехнического факультета Московского высшего технического училища, сельскохозяйственная выставка. Нет почти ни одного начинания в Советской России в области научно-технических работ, которое не было бы связано с именем Владимира Ильича».

К названному Н. П. Горбуновым можно добавить организацию целого ряда других крупных научно-исследовательских центров и институтов, таких, как Центральный аэрогидродинамический институт (ЦАГИ) под руководством профессора Н. Е. Жуковского, Петроградский физико-технический институт во главе с ака-

демиком А. Ф. Иоффе, Атомная комиссия, Государственный оптический институт, Институт удобрений и т. д., проведение научно-технических и биологических экспедиций в районы освоения Северного морского пути, в Хибины, на Кара-Богаз, Таймыр и многое другое.

Объявив общенародным достоянием музеи, библиотеки, театры, печать, руководимое Лениным первое Советское правительство сразу же приступило к организации громадной работы по ликвидации тягчайшего наследия буржуазно-помещичьего строя — неграмотности, развернуло широкое культурное строительство. Никто, как Ленин, не понимал так глубоко и не умел выразить так просто революционное значение просвещения. «Не просвещения как орудия пропаганды, а просвещения вообще, формального образования прежде всего,— писал заместитель наркома просвещения М. Н. Покровский.— Чтобы быть революционером, сознательным борцом за свои и чужие права, нужно быть грамотным,— это минимум». Чрезвычайно важную роль в организации массового движения по борьбе с неграмотностью сыграл декрет Совета Народных Комиссаров от 26 декабря 1919 года о ликвидации безграмотности среди населения РСФСР, подписанный Лениным.

Подлинную заботу ленинского Совнаркома о подъеме просвещения и культуры народа были вынуждены признавать даже те, кого никак нельзя было заподозрить в особых симпатиях к Советской России. Вот выдержка из отчета американского дипломата У. Буллита о его поездке в нашу страну весной 1919 года, с которым он выступил перед комиссией по иностранным делам сената США в сентябре того же года: «Театры оперы и балета работают, как в мирное время. Во всех частях России открыты тысячи новых школ, и Советское правительство, по-видимому, в полтора года сделало больше для просвещения народа, чем царизм за пятьдесят лет... Достижения Народного комиссариата просвещения, руководимого Луначарским, очень значительны: все русские классики переизданы в количестве от трех до пяти миллионов экземпляров и продаются населению по низким ценам».

В поле зрения Ленина неизменно были и многие другие вопросы культурного строительства. «Дорогой Владимир Ильич! — писал 3 мая 1920 года А. В. Луначарский.— Вы обещали мне обращать некоторое внимание на мое красноармейское хозяйство. Поэтому я очень прошу Вас принять тов. Елену Константиновну Малиновскую по поводу некоторых вопросов, связанных с судьбами театров. Вам очень легко будет оказать нам некоторую поддержку и помочь поставить это дело на колеса». Можно не сомневаться в том, что Наркомпрос и театры Советской России получили необ-

ходимую им поддержку Председателя Совнаркома,— на тексте письма А. В. Луначарского в соответствии с указанием Ленина один из секретарей СНК сделал красноречивую пометку: «Просит в среду или в четверг». Сколько было таких важных государственных дел, которые В. И. Ленину приходилось «ставить на колеса...»

Успешное выполнение громадной работы одновременно в Совнаркоме, Совете Труда и Обороны, Центральном Комитете РКП(б) и других руководящих органах республики, а также большая общественно-политическая и научно-публицистическая деятельность удавались В. И. Ленину не только благодаря его выдающимся личным качествам, но и во многом благодаря исключительной четкости и организованности в работе. Выдвинув перед партией и всеми трудящимися весной 1918 года в качестве первоочередной и главнейшей задачи «именно практичность и деловитость организационной работы»[1], Председатель СНК и СТО в своей повседневной деятельности являл собой образец высокой культуры управления, организованности и деловитости.

Вот авторитетное свидетельство по этому поводу народного комиссара иностранных дел Г. В. Чичерина: «Где бы он (Ленин.— *М. И.*) ни находился, вся его работа, весь день были всегда строго систематически распределены. Такая же строгая система господствовала в его книгах, в его бумагах... И в нашей советской работе он был учителем строгого проведения систематичности. Он всегда требовал, чтобы всякое дело было в порядке, чтобы строго применялась нумерация, чтобы законные формы были соблюдены...»

От всех советских учреждений и работников Председатель СНК и СТО неизменно требовал обязательного соблюдения законов и декретов Советской власти, партийной и государственной дисциплины: «...ибо если мы (руководители.— *М. И.*) добросовестно учим дисциплине рабочих и крестьян, то мы обязаны начать с самих себя»[2]. Известно, например, что на запрос секретаря СНК Л. А. Фотиевой, нельзя ли обойти декрет «О недопустимости совместной службы родственников в советских учреждениях», Ленин в ответ написал: «*Обойти* декретов нельзя: за одно такое предложение отдают под суд»[3]. По поручению Ленина член коллегии Наркомюста А. Г. Гойхбарг написал специальную брошюру с популярным разъяснением постановления VI Всероссийского Чрезвычайного съезда Советов от 8 ноября 1918 года о точном соблюдении законов. Когда же брошюра была напечатана, то

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 159.

[2] Там же. Т. 50. С. 63.

[3] Там же. С. 266, 474.

Председатель СНК разослал ее 6 сентября 1919 года всем наркомам и членам коллегий комиссариатов вместе с запиской: «Препровождая при сем брошюру: «Исполняйте законы советской республики», обращаю внимание на перепечатанный в ней *закон*, изданный VI Всер[оссийским] Съездом Советов. Напоминаю о безусловной необходимости строгого исполнения этого закона»[1]. Ленин резко осуждал любые попытки партийных, советских и хозяйственных органов поставить членов партии в привилегированное положение, выгородить их не только в тех случаях, когда они сами нарушали советские законы, но и если они не вели принципиальную борьбу с бюрократизмом, со взяточничеством, с коррупцией. Он требовал устранить всякую возможность использования положения правящей партии для ослабления ответственности коммунистов за нарушение советских законов, несоблюдение партийной и государственной дисциплины.

Вместе с тем для Председателя Совнаркома было характерно строгое и требовательное отношение к выполнению установленного в работе советского государственного аппарата порядка, в соответствии с которым коллективность руководства, коллегиальность обсуждения и решения вопросов обязательно должны были сочетаться с личной ответственностью работников за порученное им дело. «Коллегиальное обсуждение и решение всех вопросов управления в советских учреждениях,— указывал в связи с этим В. И. Ленин,— должно сопровождаться установлением самой *точной ответственности каждого* из состоящих на любой советской должности лиц за *выполнение определенных*, ясно и недвусмысленно очерченных заданий и *практических* работ»[2]. От каждого советского и партийного работника Председатель СНК требовал полной ответственности, самостоятельности и инициативы при выполнении принятых решений. «Наихудшим недостатком в работе наших учреждений,— свидетельствует Л. А. Фотиева,— Владимир Ильич считал недостаток самостоятельности, единоличной, персональной ответственности за выполняемую работу и отсутствие проверки исполнения, «проверки того, что вышло на деле», как говорил он».

Ни за что так не попадало от Председателя Совнаркома большим и малым руководителям, как за «безрукость». Ленин беспощадно воевал с волокитой и бюрократизмом, бесхозяйственностью и расхлябанностью, в каких бы формах они ни проявлялись. Так, 20 июля 1918 года Совет Народных Комиссаров, заслушав на

---

[1] Ленинский сборник VIII. С. 19.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 365.

своем заседании заявление Ленина о неисполнении заместителем наркома торговли и промышленности М. Г. Бронским поручения СНК от 15 мая о созыве комиссии для выработки проекта концессионного договора с иностранцами, постановил поставить М. Г. Бронскому на вид совершенно недопустимую оттяжку, допущенную им в исполнении поручения Совнаркома, и объявить ему за это выговор.

Особое значение придавал Ленин проверке исполнения («*Проверять людей и проверять фактическое исполнение дела* — в этом, еще раз в этом, только в этом теперь гвоздь всей работы, всей политики»[1]), тому, как практически выполнялись решения Советского правительства и его личные указания, и был чрезвычайно требователен, когда речь шла о точном выполнении даже самых малых дел, вроде своевременной передачи телефонограммы или доставки пакета. К каждому протоколу Совнаркома прилагался листок исполнения, в котором указывалось, что сделано по каждому пункту протокола. В соответствии с указаниями Председателя Совнаркома в телефонной комнате при его кабинете было установлено круглосуточное дежурство, сотрудники Управления делами вели систематически просматривавшиеся Лениным особые журналы, где отмечались все полученные и отправленные телеграммы и телефонограммы. Наркомы и работники аппарата Советского правительства регулярно докладывали Председателю Совнаркома о проделанной работе.

Ленинские требования постоянно вести решительную борьбу с недобросовестностью и некомпетентностью, с бюрократическими извращениями, с любыми проволочками, затяжками и формальными отписками вместо конкретного делового решения вопросов, к сожалению, не потеряли актуальности и в наше время, которому весьма созвучны ленинские слова: «Машина советской администрации должна работать аккуратно, четко, быстро. От ее расхлябанности не только страдают интересы частных лиц, но и все дело управления принимает характер мнимый, призрачный»[2].

В. И. Ленин был очень требовательным руководителем. Но работалось рядом с ним легко и радостно. Определялось это ленинским отношением к людям. И проделанная в сложнейших условиях первых лет существования Советской власти огромная работа по организации социалистического строительства и налаживанию деятельности нового государственного аппарата во многом оказалась успешной именно благодаря большому доверию, кото-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 16.

[2] Там же. Т. 54. С. 101.

рое оказывал В. И. Ленин как ответственным, так и рядовым сотрудникам, как членам большевистской партии, так и беспартийным. «Это доверие, внимание, с которым Владимир Ильич прислушивался к мнениям товарищей,— писал Н. П. Горбунов,— та повышенная оценка, с которой он подходил к отдельным, даже рядовым, работникам, возлагая на них зачастую очень ответственные задания,— все это создавало у всех соприкасающихся с ним особый энтузиазм в работе...»

Характерной особенностью ленинского стиля руководства, его альфой и омегой было неизменное стремление к тесной неразрывной связи с массами, повседневному общению с трудящимися: «Жить в *гуще.* Знать *настроения.* Знать *все.* Понимать массу. Уметь подойти. Завоевать ее *абсолютное* доверие. Не оторваться руководителям от руководимой массы, авангарду от всей армии труда»[1].

Прочная, постоянная связь с трудовым народом, эта, пожалуй, одна из наиболее отличительных черт Ленина как Председателя Совнаркома по самому своему существу была связана с научно-творческим характером всей его государственной деятельности. Первостепенное значение для правильного руководства он придавал наличию точной и всесторонней информации, необходимой для принятия обоснованных решений. «Прошу сообщить все факты», «дайте информацию», «сообщайте чаще и подробнее», «шлите подробные данные», «соберите все необходимые материалы» — постоянно требует Ленин при рассмотрении ЦК РКП(б) и Советским правительством самых разных вопросов.

Обширнейшая переписка, систематические встречи с рабочими и крестьянами, учеными и деятелями культуры, партийными, хозяйственными и военными работниками, многочисленные выступления на собраниях и митингах трудящихся были для Ленина не только средством органической связи с массами, но одновременно и важнейшим источником разнообразнейшей информации, тщательный анализ которой позволял принимать правильные решения.

«Конечно, имея за плечами университетское образование, много томов собственных сочинений, побывав во многих странах в годы эмиграции, Ленин теоретически знал несравненно больше тамбовского крестьянина,— писал американский журналист А. Р. Вильямс.— Но, с другой стороны, крестьянин, прошедший тяжелую трудовую и жизненную школу, мог поделиться с Лениным своим богатым практическим опытом. Этот крестьянин накопил в

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 497.

себе народную мудрость. Все это крайне интересовало Ленина. Как все истинно великие люди, Ленин понимал, что даже у самого неграмотного человека можно кое-чему научиться. Таким образом он получал информацию из различных мест и от самых разных людей. Тысячи собранных фактов он тщательно отбирал, взвешивал и анализировал... Ему не приходилось строить догадок о том, что думают и чувствуют сибирский крестьянин, красноармеец или донской казак. Он прекрасно знал чувства и мысли петроградского литейщика, волжского грузчика или московской работницы».

Вот почему приемная Ленина (и в Смольном, и в Кремле), по меткому определению А. Р. Вильямса, действительно была «величайшей в мире приемной». Вот почему глава первого Советского правительства, подчеркивавший, что «мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознает»[1], всегда находил в своем заполненном до предела рабочем дне время для приема многочисленных посетителей — крестьянских ходоков, делегаций рабочих и солдат-фронтовиков, советских и партийных работников, представителей интеллигенции, деятелей международного рабочего движения, иностранных дипломатов и журналистов. «Чем велик Ленин? — образно и вместе с тем удивительно точно писал впоследствии о своей встрече 9 февраля 1921 года с Председателем Совнаркома сибирский крестьянин О. И. Чернов.— А вот чем. Он не меня, конечно, слушал, как персону необыкновенную, а через меня он слушал все крестьянство...»

Наряду с приемом чрезвычайно важное место в повседневной деятельности Ленина занимала переписка с местными советскими и партийными организациями, различными учреждениями и ведомствами, отдельными лицами. Лишь известная пока его переписка за пять послеоктябрьских лет составляет свыше 3600 документов, то есть примерно 720 писем в год, около 60 писем в месяц, в среднем два письма ежедневно. Количество же писем, телеграмм, записок и прочей корреспонденции, полученной главой первого Советского правительства от его соратников, трудящихся Советской страны и из-за рубежа, исчисляется многими тысячами.

18 января 1919 года В. И. Ленин подписал специальное распоряжение управляющему делами СНК В. Д. Бонч-Бруевичу докладывать ему о всех письменных жалобах в течение 24 часов и об устных — в течение 48 часов, а также завести в Управлении делами особую регистрацию жалоб и возложить на канцелярию Управления делами особую регистрацию жалоб и тщательный над-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 112.

зор за исполнением резолюций Председателя Совнаркома и Совета Обороны по этим жалобам. Многочисленные архивные документы и воспоминания очевидцев убедительно показывают, какое большое внимание неизменно проявлял В. И. Ленин к телеграммам, резолюциям, письмам и запросам с мест, как тщательно следил он за принятием по ним необходимых мер.

Еще одной важнейшей стороной деятельности Председателя Совнаркома было его постоянное и активное участие в работе различных конференций и съездов, многочисленные выступления перед рабочими, солдатами и крестьянами на митингах и собраниях на заводах и фабриках, в воинских частях и подмосковных деревнях и т. д. Это, разумеется, не было случайностью. Ленин многократно подчеркивал большую важность устной пропаганды для успеха пролетарской революции и социалистического строительства, считал первейшей обязанностью каждого советского и партийного ответственного работника регулярно лично информировать трудящихся о внутреннем и международном положении страны, о важнейших мероприятиях Советского правительства. Поэтому при поддержке Ленина примерно с весны 1918 года в Москве еженедельно, по пятницам, проводились массовые митинги, на которых выступали члены ЦК РКП(б) и Совнаркома, видные советские, партийные и профсоюзные руководители. Только со времени переезда Совета Народных Комиссаров из Петрограда в Москву, то есть с марта 1918 года по начало марта 1923 года, Ленин выступил, по неполным данным, в Москве и Подмосковье около 250 раз.

Все эти встречи и выступления на многочисленных митингах, собраниях и съездах, так же как и письма из разных городов и сел страны и почти ежедневные беседы с посетителями приемной Совнаркома, были для В. И. Ленина средством органической связи с трудящимися России. Многие такие встречи и письма давали Председателю Совнаркома важнейшие факты для принятия ответственных государственных решений. Все это позволяло главе первого Советского правительства, как говорила Н. К. Крупская, «прикладывать ухо к земле», быть постоянно в курсе нужд и настроений народа, улавливать и развивать то ценное и новое, что рождали народный опыт и революционное творчество масс.

Именно так и произошло после окончания ожесточенной и кровопролитной гражданской войны в России, когда стала очевидна гибельность для страны продолжения политики «военного коммунизма». Осознав ошибочность предоктябрьских оценок жизнеспособности капитализма и надежд на успешное развитие мировой революции, Ленин смог расслышать, что стоит за кронштадт-

скими залпами и выстрелами на Тамбовщине, в Сибири и Закавказье, и, провозгласив в 1921 году переход к «гражданскому миру», сумел убедить партию большевиков остановиться на пути «декретирования коммунизма», начать проводить «всерьез и надолго» более реалистичную, отвечавшую жизненным интересам населения и изменившимся условиям, политику — нэп.

Вот почему, например, известный английский политический и профсоюзный деятель Том Шоу, в целом критически относившийся к ленинским идеям и возможности их осуществления, вскоре после смерти первого Председателя Совнаркома в письме, напечатанном в газете «Известия» 29 января 1924 года, написал о Ленине, «что как человек он был, безусловно, бесстрашен, безусловно, честен, а в частности, всегда готов был признать, что та или другая часть его теории не осуществилась на практике, всегда готов был сделать отсюда необходимые выводы. Это последнее качество, быть может, самое редкое у политиков и у тех, кто имеет большое влияние на массы».

Есть достаточно оснований полагать, что в последний период жизни Ленин пришел к выводу о необходимости предпринять также ряд «перемен в нашем политическом строе»[1]. И, уже будучи тяжело больным, он попытался, как известно, что-либо изменить и в политической сфере, но не успел. Дни его были сочтены, а его последние статьи и письма за 23 декабря 1922 года — 2 марта 1923 года, известные как «Политическое завещание В. И. Ленина», «заботами» его же ближайших сподвижников не только были преданы забвению, но и практически даже дезавуированы.

Знать и помнить все это особенно важно сейчас, когда имеют место попытки доказать прямую якобы преемственность политики Ленина и Сталина, объявить Ленина чуть ли не предтечей сталинщины, перекладывая таким образом на основателя Советского государства вину за культ личности и его трагические последствия. Хорошо сказал в этой связи М. Шатров в интервью, напечатанном в журнале «Эхо планеты» в апреле 1990 года: «Какая страшная ирония истории! Сталин, чтобы доказать, что он продолжатель дела Ленина и Октября, уничтожил людей, знавших Ленина и его программу!.. Я могу сказать, что сталинизм — это продолжение большевизма. Но — как его отрицание. Как контрреволюция, рожденная революцией. И если великого инквизитора Торквемаду, на руках которого тонны крови, считать выразителем идей Христа, тогда и Сталина можно считать выразителем идей Октября. Только в этом случае».

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 343.

До тех пор, пока мы будем многие события Октябрьской революции, гражданской войны, нэпа и последующих лет рассматривать вне всестороннего анализа исторического контекста времени, пока мы будем выводить всю политику Ленина не из реалий тогдашней действительности, а из Маркса, политику Сталина — из Ленина (добавим к тому же часто поверхностно прочитанного), мы вряд ли приблизимся к правде истории, к правильному пониманию многообразного и сложного феномена суровой драмы советского народа. Не следует забывать слов Ж. Жореса о деятелях Великой французской революции, вполне, думается, справедливых и в отношении бурных событий революционного 1917 года и первых послеоктябрьских лет: «Великие вершители революции и демократии, трудившиеся и сражавшиеся более века назад, не ответственны перед нами за дело, которое могло быть выполнено только несколькими поколениями. Судить о них так, словно они должны были завершить драму, словно истории не предстояло продолжаться после них,— сущее ребячество и несправедливость. Их дело неизбежно было ограниченным; но оно было великим».

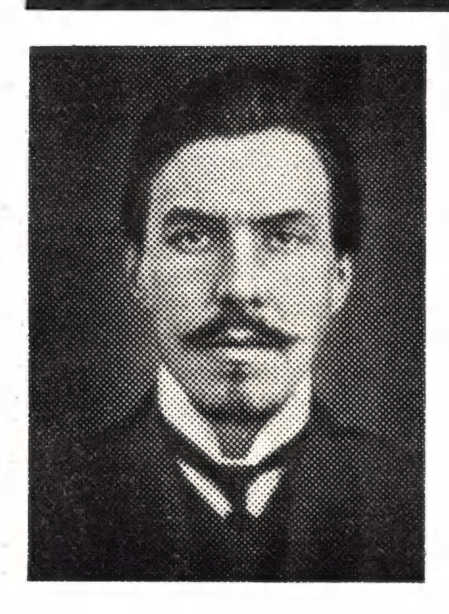
Решить все эти сложные и ответственные задачи можно только с позиций честного и правдивого осознания и осмысления опыта прошлого и проблем настоящего и будущего. «Пролетариату нужна *правда* и о живых политических деятелях, и о мертвых,— писал еще в ноябре 1910 года В. И. Ленин,— ибо те, кто действительно заслуживает имя политического деятеля, не умирают для политики, когда наступает их физическая смерть»[1]. С этими словами трудно не согласиться. Разумеется, с одним лишь уточнением: правда об исторических деятелях жизненно необходима не только пролетариату, но и всем без исключения людям. Ибо, как указывал сам В. И. Ленин в письме Е. С. Варге от 1 сентября 1921 года, «правда не должна зависеть от того, кому она должна служить»[2]. Эти ленинские слова — веление судьбоносного для нашей страны времени.

Ирошников М. П.—
доктор исторических наук

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 8—9.
[2] Там же. Т. 54. С. 446.

Народный комиссар внутренних дел
А. И. РЫКОВ

В октябре 1917 года в переполненном зале Смольного фамилия Алексея Ивановича Рыкова при перечислении членов первого Советского правительства была названа сразу после фамилии Председателя СНК. Пройдет немногим более шести лет, и он станет преемником Ленина на постах Председателя Совнаркома СССР и Председателя Совнаркома РСФСР.

А еще через 14 лет, гулкой мартовской ночью 1938 года, Рыкова повезут в арестантском коробе «воронка» навстречу гибели, объявив «врагом народа». Военной коллегией Верховного суда СССР он будет приговорен по делу так называемого «правотроцкистского блока» «к высшей мере уголовного наказания — расстрелу». Прошли десятилетия, прежде чем честное имя одного из ленинских соратников было возвращено советскому народу.

Алексей Иванович Рыков родился в 1881 году. Отец его, крестьянин Вятской губернии, умер в 1890 году от холеры, четырьмя годами раньше он лишился матери. Родственники помогли Алексею окончить гимназию. Затем он поступил на юридический факультет Казанского университета. Но учение оказалось недолгим.

В 1898 году Рыков вступил в ряды Российской социал-демократической партии. Встреча и личное знакомство молодого революционера с В. И. Лениным окончательно высветили ему путь в революционной борьбе. Это произошло в 1903 году, накануне II съезда РСДРП, положившего начало большевизму как течению политической мысли и как политической партии.

Большевик Рыков к тому времени уже перешел на нелегальное положение, стал профессиональным революционером. В 1905 году 24-летний революционер был избран в ЦК партии, оставаясь в его составе с некоторыми перерывами более тридцати лет. Он вел партийную работу в Ярославле и Костроме, Нижнем Новгороде, Москве, Петербурге, прошел через тюрьмы, ссылки, аресты. Из последней, самой долгой ссылки в суровом Нарыме его освободила Февральская революция 1917 года.

Ее Рыков встретил, будучи опытным революционером-организатором. Тем не менее он не сразу понял значение крутого поворота в истории страны, возможность перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

В очерках, содержащих биографию Рыкова, изданных в 20-е годы, его позиция в период подготовки и проведения Октября либо замалчивалась, либо утверждалось, что он сразу «целиком и полностью» принял ленинскую программу революции. На самом деле было не так. Однако и не так, как начали писать с конца 30-х годов о его «выступлении в 1917 году против ленинского курса партии на социалистическую революцию». В действительности, несмотря на занятую им тогда позицию, деятельность Рыкова была неотделима от революционной борьбы руководимой Лениным большевистской партии.

На следующий день после возвращения Ленина из эмиграции московские газеты уже сообщили о его речи на площади Финляндского вокзала. Она комментировалась по-разному. «Приезд Ленина,— отмечал Рыков,— подлил масла в огонь. Он выдвинул неожиданно для всех крайнюю максималистскую программу, резко отказавшись от всякой совместной работы с меньшевиками. Рабочие массы ясно поняли, что появился их пролетарский вождь».

Возможно, эти слова в какой-то мере выражают настрой, с которым Рыков отправился в Петроград как делегат Московской го-

родской партийной организации на VII (Апрельскую) Всероссийскую конференцию РСДРП(б).

У Рыкова не вызывало никаких сомнений, что Ленин является высочайшим авторитетом в партии и подлинным вождем трудящихся масс. Вместе с тем это совсем не означало ни для Рыкова, ни для любого другого большевика невозможность шагнуть на волнолом мнений, обосновать свое видение той или иной проблемы, в том числе и такой, по которой уже была известна ленинская позиция. Собственно, ведь именно для этого — коллективного обмена мнениями и на такой основе выработки решений — и съезжались они на партийные конференции и съезды.

Между тем уже сам доклад Ленина, открывший конференцию и посвященный обоснованию борьбы за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, был полемичен и рассчитан на дискуссионное обсуждение «текущего момента». Едва начав доклад, Ленин прервал его и попросил зачитать (это сделал А. С. Бубнов) резолюцию московских большевиков. Затем, сопоставляя ряд ее положений (разделявшихся в том числе и Рыковым) с предлагаемой им самим резолюцией, он подверг эти положения (об оценке Временного правительства, контроле над ним со стороны Советов и др.) критическому разбору. В духе полемики Ленин рассмотрел и другие задачи большевиков, раскрыл необходимость борьбы за «движение ко второму этапу нашей революции»[1].

С окончанием его доклада слово о порядке работы взял Ф. Э. Дзержинский, представлявший, как и Рыков, Московскую организацию. Отметив, что «многие не согласны принципиально с тезисами докладчика», он внес предложение выслушать товарищей, выражающих «другую точку зрения на текущий момент».

Выступая на конференции, Рыков утверждал, что большевики потеряют поддержку масс, выдвигая лозунг пролетарской революции. «Россия — самая мелкобуржуазная страна в Европе. Рассчитывать на сочувствие масс социалистической революции невозможно... Толчок к социальной революции должен быть дан с Запада. Толчок от революционной солдатской руки идет на Запад, там он превращается в социалистическую революцию, которая будет опорой нашей революции».

Такая постановка вопроса, казалось, опиралась на положения классического марксизма. Но, считал Ленин, только формально, а на деле это невольно вело к выхолащиванию творческого подхода к революционному учению. В своем заключительном слове

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 453.

он отмечал: «Тов. Рыков говорит, что социализм должен прийти из других стран, с более развитой промышленностью. Но это не так. Нельзя сказать, кто начнет и кто кончит. Это не марксизм, а пародия на марксизм». В свое время Маркс считал, что Франция начнет, «а немец доделает». А ведь русский пролетариат добился в 1917 году «больше, чем кто-либо»[1].

Одной из органически присущих большевику Рыкову черт являлась высокая партийная дисциплинированность. Не пройдет и полугода со времени апрельских споров, как Рыков убежденно заявит на заседании Советов рабочих и солдатских депутатов Москвы: «Без захвата власти рабочими и крестьянами немыслимо торжество революции, немыслимо спасение родины». А еще через несколько месяцев, в мае 1918 года, с гордостью скажет: «Русскому рабочему классу выпало на долю необычайное счастье — быть авангардом и застрельщиком социалистического переворота».

Эти заявления Рыкова осенью 1917 и весной 1918 годов крупными штрихами отражают его отход от представлений весны 1917 года, совершавшийся, конечно, не разом, а в результате повседневной революционной практики.

В мае Рыкова избирают членом президиума, он становится товарищем (заместителем) председателя Московского Совета рабочих депутатов (Московский Совет солдатских депутатов существовал тогда отдельно, их слияние произошло в ноябре). Хотя к началу лета большевики являлись самой крупной фракцией Совета (около трети делегатов), руководство им оставалось в руках действовавших совместно меньшевиков и эсеров, которых поддерживали мелкие «социалистические» фракции, а также часть беспартийных депутатов.

Работая под руководством МК, Рыков наладил связь с большевистскими организациями в районах, вместе с ними и опираясь на них, повел борьбу за революционно-пролетарское воздействие на Совет.

То была титаническая и одновременно повседневно-будничная работа, забиравшая все силы. Случалось, что так и не добравшись до дома, Алексей Иванович оставался ночевать в здании Совета, благо здесь от генерал-губернаторского быта сохранились диваны.

А свой дом уже имелся. Впрочем, строго говоря, свое жилище он еще не обрел. Его жена Нина Семеновна и дочь Наташа, приехавшие из Ростова, первоначально разместились в квартире писателя Викентия Вересаева, троюродного брата большевика

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 363.

Петра Смидовича. Дружеские отношения со Смидовичем у Рыкова сложились еще во времена подполья. Тем не менее пусть пока и не в своем жилье, но семья Рыковых наконец-то собралась вместе.

Однако в известной мере — относительно. Не успела Нина Семеновна устроиться в Москве, как пришлось собирать мужа в длительную поездку. Хотя основная работа Рыкова шла в Московской большевистской организации и местном Совете, ему почти ежемесячно приходилось выезжать в Петроград. В июне он провел там почти три недели, будучи делегатом I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, на котором его избрали кандидатом в члены ВЦИК от московских трудящихся.

В двадцатых числах июля Рыков опять отправился в Петроград для участия в работе VI съезда партии, который нацелил партию и революционный пролетариат на вооруженное восстание, свержение Временного правительства и победу пролетарской революции. Съезд избрал Рыкова членом ЦК.

Приближался Октябрь. Московский Совет делегировал А. И. Рыкова на II Всероссийский съезд Советов.

27 октября съезд перешел к рассмотрению вопроса о правительстве. Каменев огласил декрет об образовании правительства. Ульянов (Ленин)... Рыков... Милютин... Шляпников... После каждого имени — взрыв аплодисментов.

Под утро Троцкий сообщил результаты еще одного, теперь уже последнего, голосования. В новом ВЦИКе большевики получили решающий перевес — две трети мест. Как и на предшествующем съезде, Рыков был избран кандидатом в члены ВЦИК.

Рыков присутствовал на первом заседании Совета Народных Комиссаров. Перед всеми народными комиссарами встали сотни вопросов, малых и великих. Они стремительной лавиной обрушились и на народного комиссара по внутренним делам. Рыков пробыл на этом посту совсем недолго, чуть больше недели, а если говорить точно, девять дней. Они стали совсем нелегкими, надо было неотложно подготовить ряд важнейших декретов и вместе с тем брать в руки аппарат бывшего министерства внутренних дел.

Немедленно был введен в действие декрет «О рабочей милиции»:

«1. Все Советы рабочих и солдатских депутатов учреждают рабочую милицию.

2. Рабочая милиция находится всецело и исключительно в ведении Совета рабочих и солдатских депутатов.

3. Военные и гражданские власти обязаны содействовать вооружению рабочей милиции и снабжению ее техническими силами, вплоть до снабжения ее казенным оружием».

Рыков подписал его на следующий день после избрания в Совнарком, 28 октября. По новому стилю эта дата приходится на 10 ноября, она и теперь отмечается как День советской милиции, только фамилия подписавшего декрет о ее создании на долгие годы как-то «забылась»...

Примечателен еще один декрет, скрепленный в те дни рукой Алексея Ивановича Рыкова.— «О передаче жилищ в ведение городов». «Городские самоуправления имеют право на основании утверждаемых ими правил и норм вселять в имеющиеся жилые помещения граждан, нуждающихся в помещении или живущих в перенаселенных или опасных для здоровья квартирах». Тем самым было положено начало знаменитой в свое время «войне этажей» — переселению городских низов из каморок, подвалов и трущоб в квартиры буржуазии и крупных чиновников, других зажиточных горожан.

Когда принимались эти, а также другие первые декреты и делались самые начальные шаги к повседневной советской работе, в газетах замелькало малоизвестное до того слово — Викжель. Ему суждено было навсегда войти в память Рыкова, ассоциируясь в ней с одним из самых драматических решений в его жизни. Непосредственно к Викжелю Алексей Иванович никогда никакого отношения не имел. Однако борьба, развернувшаяся в конце октября — начале ноября, в которой видное место занял Викжель, прямо отразилась на октябрьской позиции Рыкова, выявила его представление о характере революционных событий, о возможности блока с «революционной демократией».

29 октября (11 ноября), через два дня после окончания II съезда Советов, представители Викжеля выступили с заявлением во ВЦИКе по вопросу о власти и одновременно разослали телеграмму «Всем, всем, всем»: «В стране нет власти... Образовавшийся в Петрограде Совет Народных Комиссаров, как опирающийся только на одну партию, не может встретить признания и опоры во всей стране». Викжель потребовал создания так называемого однородного социалистического правительства.

В тот же день на заседании ЦК было единогласно (Ленин на заседании отсутствовал) принято: «ЦК признает необходимым расширение базы правительства и возможное изменение его состава». При проведении следом поименного голосования по вопросу «вхождения в правительство всех советских партий до народных социалистов» Рыков, голосовавший за такое вхождение, оказался среди меньшинства. Так обнаружилась «трещина между ними», как констатировал он, обращаясь к большинству ЦК на заседании, состоявшемся назавтра.

В последующие дни Рыков не принял ленинскую критику сторонников переговоров об «однородном социалистическом правительстве», оказался среди тех, кто дал, по определению Владимира Ильича, запугать себя буржуазии. 4 (17) ноября Каменев, Рыков, Милютин, Зиновьев и Ногин вышли из состава ЦК РСДРП(б). Одновременно Ногин, Рыков, Милютин, Теодорович и Шляпников заявили на заседании ВЦИК, что «слагают с себя звание народных комиссаров».

В тех конкретных условиях Ленин оценил их попытку уклонения от власти как измену делу пролетариата [1]. Эта кризисная ситуация развивалась в сложной обстановке. Накануне, 2 (15) ноября, под влиянием слухов о разрушениях в Московском Кремле, якобы имевших место во время взятия его революционными рабочими и солдатами, подал в отставку нарком просвещения А. В. Луначарский. Правда, убедившись в ложности таких сообщений, он тут же забрал свою отставку назад. О сложности обстановки свидетельствует и запись беседы 6 (19) ноября только что ставшей наркомом общественного призрения (впоследствии Наркомат соцобеспечения) Александры Коллонтай с Жаком Садулем. «Коллонтай,— отметил французский социалист,— сожалеет о неосмотрительном поступке Рыкова и еще одного наркома, подавших в отставку. Они дезертируют с поля боя. Их поступок внесет разлад в большевистские массы. Они сработали против революции. Что до нее лично, то она останется на своем посту, хотя у нее вызывают опасение взбалмошность, импульсивность, нервозность Троцкого и слишком теоретические тенденции Ленина. Она хотела бы привести своих товарищей к союзу с меньшевиками, необходимому для спасения революции».

Надо полагать, что сделанный шаг дался Рыкову совсем не легко. Не менее трудно было и убедительно объяснить массам свой выход на обочину революции в ее решающие дни. Вездесущий Д. Рид, выехавший 8 (21) ноября в Москву, в том числе и для того, чтобы лично убедиться в несостоятельности слухов о «кремлевских разрушениях», вспоминает, что на одной из железнодорожных станций «увидел Ногина и Рыкова, отколовшихся комиссаров, которые возвращались в Москву для того, чтобы изложить свои жалобы перед собственным Советом».

Через пару дней, уже в Москве, Д. Риду довелось наблюдать одно из собраний, на котором обсуждался доклад Ногина и Рыкова об их выходе из правительства. Собрание проводилось в нынешнем Доме Союзов, и поначалу постепенно заполнявшийся Ко-

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 47.

лонный зал был настроен вроде бы благодушно. Но атмосфера резко изменилась, как только стали прибывать представители рабочих районов.

Ногину, который выступал от себя и от Рыкова, пришлось туго. Его «стали осыпать,— свидетельствует Д. Рид,— насмешками и бранью. Напрасно пытался он оправдаться, его не хотели слушать. Он оставил Совет Народных Комиссаров, он дезертировал со своего поста в самом разгаре боя!.. На трибуну поднялся взбешенный, неумолимо логичный Бухарин и разнес Ногина в пух и прах. Резолюция о поддержке Совета Народных Комиссаров собрала подавляющее большинство голосов. Так сказала свое слово Москва...» Коллонтай ошиблась, полагая, что отставка Рыкова, Ногина и других «внесет разлад в большевистские массы». У нее напрасно вызывали опасения и «слишком теоретические тенденции Ленина». Они оказались вполне реалистическими, включая и данный эпизод, по поводу которого Владимир Ильич сразу уверенно заявил, что «московские рабочие массы не пойдут за Рыковым и Ногиным»[1].

29 ноября (12 декабря) фамилия Рыкова последний раз упоминается в протоколах ЦК 1917 года. Один из пунктов утвержденной повестки дня заседания ЦК гласил: заявление четверки. В этот день была рассмотрена просьба Рыкова, Каменева, Милютина и Ногина «об обратном приеме их в ЦК». По настоянию Ленина ответ был отрицательным.

Минует три года, и Ленин, мысленно вернувшись в неповторимую осень семнадцатого, отметит, что перед самой Октябрьской революцией и вскоре после нее ряд превосходных коммунистов «сделали ошибку, о которой у нас неохотно теперь вспоминают. Почему неохотно? Потому, что без особой надобности неправильно вспоминать такие ошибки, которые вполне исправлены». Эти виднейшие большевики и коммунисты, добавил Владимир Ильич, «через несколько недель — самое большее через несколько месяцев — увидели свою ошибку и вернулись на самые ответственные партийные и советские посты»[2].

Так оно и было. Менее чем через три месяца Рыков был вновь включен в состав правительства, на этот раз в качестве члена коллегии Народного комиссариата продовольствия. Соответствующее решение Совнаркома об этом состоялось 15 февраля 1918 года.

Ко времени ноябрьского возвращения Рыкова из Петрограда в Москву запасов муки в городе оставалось, при самой жесткой

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 58.
[2] Там же. Т. 41. С. 417.

экономии, на три-четыре дня. В лексике москвичей замелькало невеселое словечко «четвертушка» — четверть фунта, 100 граммов — такова была дневная норма выдачи хлеба на человека.

Возглавив Московский продовольственный комитет, Рыков как комиссар по продовольствию немедленно выехал в южные районы — хлебную гущу страны. Он «проталкивал» застрявшие на железнодорожных путях хлебные составы, организовал новые в Туле, Орле, Тамбове, родном Поволжье. Занимался продовольственными делами и вместе с тем оказывал помощь в укреплении власти местных Советов. «Советская неразбериха на юге во всем разгаре,— писал он с дороги в Москву.— Нет людей, нет еще умения работать, а дела много, и самого ответственного. О том, что делается у нас на севере с отсутствием хлеба, здесь и понятия не имеют. По всем городам выдается по полтора фунта (600 граммов) хлеба в день на человека». Немалую работу провел Алексей Иванович в северных районах Украины. «Приехал сегодня в Харьков,— сообщал он в декабре,— и два состава хлеба выхлопотал для Москвы, стало немножечко легче».

«Немножечко легче» стало и с продовольственным снабжением Москвы, норма выдачи хлеба оторвалась от «четвертушки», повысилась до 300 граммов.

В первые послеоктябрьские месяцы в РСФСР сложились укрупненные административно-территориальные районы — областные объединения Советов. Одно из таких объединений образовали губернии Центрального промышленного района во главе с избранным в декабре 1917 года Московским областным Советом. В состав его исполкома в качестве комиссара продовольствия этого обширного региона вошел и Рыков. Позже, в марте, в такой же должности (оставаясь членом коллегии Наркомпрода РСФСР) он был включен в созданный тогда Московский областной совет народных комиссаров. Впрочем, находиться в нем Алексею Ивановичу довелось совсем недолго.

3 апреля Совнарком РСФСР обсудил вопрос о назначении Рыкова на правах члена правительства председателем Высшего совета народного хозяйства — ВСНХ РСФСР.

Впоследствии, анализируя события первого послеоктябрьского периода, Рыков отмечал, что перед установившейся в стране диктатурой пролетариата в форме Советской власти встали двоякого рода задачи: разрушительные и созидательные. «Октябрь,— говорил он,— имеет два лица, две стороны: одну, обращенную к прошлому, другую — к будущему. В начальный период Октябрьской революции на первый план, естественно, выдвигалась разрушительная программа — программа ликвидации войны, остатков

монархии, разрушения старого государственного аппарата, упразднения сословий, привилегий, уничтожения национального гнета». Но тогда же, подчеркивал Рыков, встала и задача создания нового, социалистического общества; «обе эти задачи мы должны были осуществлять одновременно».

Сохранилось свидетельство о начале работы Рыкова на новом посту: «Сотрудников нет. Ничего не убрано, не налажено. Всюду пыль, грязь. И вот среди этого беспорядка появляется Алексей Иванович Рыков в своем потертом пиджачке. Ко всему присматривается, обо всем расспрашивает...»

Подбор людей, формирование кадров, способных вести повседневную деятельность ВСНХ, стали одной из первоочередных забот Рыкова. Рыков был в числе тех большевистских руководителей, которые сумели приобрести немалый авторитет в кругах старой интеллигенции, сыграли выдающуюся роль в формировании кадров «спецов».

Приход Рыкова в ВСНХ положил начало его почти пятилетнему непосредственному, если и не каждодневному, то, во всяком случае, постоянному общению с Владимиром Ильичем.

Глава Совнаркома начал работать в своем кремлевском кабинете с 19 марта 1918 года. На исходе ближайших двух недель здесь начал бывать и новый глава ВСНХ. Апрель 1918 года положил начало более чем двенадцатилетнему периоду, в течение которого А. И. Рыков так или иначе стоял у руля советской экономики. Он заявил себя сторонником того пути социалистического строительства, который весной 1918 года смог только обозначиться, получив развитие в проведении экономической политики 20-х годов. Иначе говоря, он был сторонником определенной политической линии, и это, вероятно, сказалось на его дальнейшей судьбе — выдвижении весной 1918 года на пост руководителя народного хозяйства, а затем, через две весны, в 1921 году, назначении заместителем Ленина сначала по СТО и чуть позже по Совнаркому.

Весна 1918 года, вселявшая надежды на возможность приступа к мирному строительству нового общества, сменилась периодом грозных испытаний для молодой Советской республики.

Развернувшаяся с лета 1918 года борьба с интервентами и внутренней контрреволюцией определила в качестве главной и решающей задачи вооруженную защиту завоеваний Октября, превращение Страны Советов в единый военный лагерь.

Весной 1919 года, в канун решающих сражений с армиями Колчака, Деникина, Юденича, на заседании ВЦИК был заслушан

доклад Рыкова «О положении промышленности». В условиях нарастающей борьбы на фронтах, голода и разрухи в тылу он бескомпромиссно высказался за установление в стране экономической диктатуры, которая не считалась бы с интересами отдельных групп и лиц, а, мобилизовав все ресурсы на захваченной врагами территории, использовала их там, где они нужны были прежде всего. «Мы не можем жить в данное время без принуждения,— заявил Рыков, выражая чрезвычайность возникшего положения.— Необходимо заставить лодыря и тунеядца под страхом кары работать на рабочих и крестьян, чтобы спасти их от голода и нищеты». Чрезвычайность положения диктовала и необходимость «применения отдельных черт из жизни армии» в ведении народного хозяйства, организации его управления.

«Главкизм»... Милитаризация труда... Всеобщая трудовая повинность... Продразверстка... Эти и некоторые другие суровые понятия прочно связаны в исторической памяти с объединительным для них понятием, возникшим в конце гражданской войны, «военный коммунизм».

Система «военного коммунизма», считал Рыков, соответствовала тому времени, когда необходимо было бросить все силы и все ресурсы на дело непосредственной защиты пролетарской власти, непосредственной защиты пролетарского Советского государства. Политика «военного коммунизма», отмечал он, себя оправдала в том смысле, что дала необходимую победу над классовым врагом, без которой невозможно было мирное строительство.

Военная деятельность Рыкова была тесно взаимосвязана с его работой в ВСНХ, она была как бы важнейшим ответвлением этой работы, которое постепенно приобрело в значительной мере самостоятельный характер.

Уже летом 1918 года Рыков и другие руководители ВСНХ были серьезно озабочены организацией материально-технического обеспечения борьбы на фронтах. 16 августа 1918 года Совнарком постановил образовать при ВСНХ (с участием ВЦСПС) Чрезвычайную комиссию по производству предметов военного снаряжения. Ей было поручено обеспечение военного производства и контроль за выполнением армейских заказов. Комиссия не случайно получила наименование Чрезвычайной, ее решения были обязательны для всех предприятий и учреждений. Возглавил комиссию член президиума ВСНХ Л. Б. Красин, который еженедельно отчитывался о проделанной оборонной работе Совнаркому и ВСНХ.

Комиссия просуществовала недолго — менее трех месяцев. Быстро разросшиеся масштабы вооруженной борьбы потребовали реорганизовать ее и создать еще более авторитетный орган.

В связи с этим 2 ноября 1918 года при ВСНХ была учреждена Чрезвычайная комиссия по снабжению Красной Армии — Чрезкомснаб. В нее, во-первых, вошел более широкий круг представителей — от ВЦИК, ВСНХ, ВЦСПС и Наркомвоена, во-вторых, значительно усилились ее полномочия и функции, в-третьих, она получила возможность создать собственные местные органы в лице окружных чрезкомснабов и губернских уполномоченных. Комиссию, как и предшествующую, возглавил Л. Б. Красин, однако, оставаясь членом президиума ВСНХ, он с созданием Совета Рабочей и Крестьянской Обороны одновременно стал и его членом. Этому высшему чрезвычайному органу (точнее, так называемому Малому Совету Обороны) была непосредственно подчинена и комиссия.

3 июля 1919 года пленум ЦК РКП(б), обсудив необходимость централизации снабжения армии, постановил: «Немедленно объединить всю организацию снабжения армии. Техническое проведение поручить одному лицу (члену Реввоенсовета республики А. И. Рыкову), который получает диктаторские полномочия в области снабжения армии».

Отметим, что, получая мандат на организацию снабжения армии, Рыков вместе с тем остался на одном из высших государственных постов — председателем ВСНХ, что усиливало концентрацию предоставленной ему власти. Однако такая концентрация была в интересах обороны страны — в одних руках сосредоточивалось управление экономикой, прежде всего промышленностью, и организация снабжения армии.

Одновременно Алексей Иванович получил еще одно высокое назначение — стал членом Революционного Военного Совета Республики (РВСР), осуществлявшего непосредственное руководство армией и флотом, а также всеми учреждениями военного и морского ведомств.

Постановление ЦК о предоставлении Рыкову диктаторских полномочий было реализовано принятием декрета ВЦИК «Об изменении в организации дела снабжения Красной Армии», опубликованного затем в газете «Известия». Этим декретом Рыков назначался на вновь учрежденный пост Чрезвычайного уполномоченного Совета Рабочей и Крестьянской Обороны по снабжению Красной Армии и Флота. В обращение вошла еще одна аббревиатура — Чусоснабарм. Впрочем, в силу тяжелопроизносимости ее, употребляли другую, сокращенную — ЧУСО — Чрезвычайный уполномоченный Совета Обороны.

Согласно декрету ВЦИК, в подчинение ЧУСО были переданы все органы снабжения наркомвоенмора, а также центральные и

местные органы Чрезкомснаба и Центрвоензага (Центрального отдела военных заготовок). При этом Рыкову было дано право переформировывать подведомственные учреждения, объединять параллельные и ликвидировать излишние органы, назначать и смещать любых должностных лиц, имеющих отношение к материально-техническому снабжению армии.

Не ломая в спешке уже сложившееся, Рыков в кратчайший срок сумел в корне изменить всю работу, подобрать и расставить энергичных и знающих людей. ЧУСО образовал собственный аппарат (к 1921 году — около 500 человек). Его представители действовали во многих районах страны. При командовании фронтов и армий были созданы управления уполномоченных ЧУСО, а в губерниях, на территории которых находились фронты,— его инспекции.

В сентябре 1919 года Рыкова освободили от обязанностей члена РВСР. Он вошел в чрезвычайный советский орган — стал членом Совета Рабочей и Крестьянской Обороны. Это укрепило значение ЧУСО, усилило его координацию военного снабжения с общехозяйственной жизнью страны.

В том же месяце Рыков подписал приказ об учреждении Совета военной промышленности, которому были подчинены почти 60 военных заводов. Возглавил совет хорошо известный Рыкову по ВСНХ инженер-большевик П. А. Богданов. Действуя совместно, привлекая специалистов, они сумели наладить снабжение сырьем и топливом оборонных предприятий, усилить их людскими ресурсами, обеспечить максимально возможный по тому времени выпуск продукции.

Рыков не раз выезжал на Тульский, Ижевский, Симбирский и другие заводы. Вообще личный поезд ЧУСО в те тревожные месяцы почти не покидал прифронтовые районы, а по мере разгрома врага продвигался в освобожденные районы, активно включался в восстановление Советской власти, налаживание пострадавшего от войны хозяйства.

Те сверхчрезвычайные меры, которые были приняты ЦК партии и правительством с лета 1919 года по снабжению армии, в общем оправдали себя. Ленин отметил это лаконичной фразой: «Рыков, когда работал в Чусоснабарме, сумел подтянуть дело, и дело шло»[1]. В августе 1921 года аппарат ЧУСО был ликвидирован, а его сотрудники перешли на работу в ВСНХ.

Деятельность Рыкова во главе ВСНХ и на посту Чрезвычайного уполномоченного Совета Обороны — главные вехи его первых

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 114.

послеоктябрьских лет. Вместе с тем он активно участвовал во всей общественно-политической жизни Советской страны, был делегатом IV—VIII Всероссийских съездов Советов (1918—1920 годы), избирался в составы ВЦИК, входил в руководящие органы ВЦСПС, был членом правления Всероссийского хозяйственного центра рабочей кооперации, руководил рядом государственных комиссий и т. д.

На IX съезде РКП(б) Алексей Иванович вновь был избран членом ЦК партии, а на состоявшемся следом пленуме — членом его Оргбюро.

В мае 1921 года прошел последний под руководством Рыкова IV Всероссийский съезд советов народного хозяйства. Председателем ВСНХ стал П. А. Богданов.

В жизни Рыкова начиналась новая полоса, наиболее тесно и непосредственно связанная с государственной деятельностью Ленина.

26 мая 1921 года Президиум ВЦИК постановил: «Назначить тов. Рыкова заместителем председателя Совета Труда и Обороны с оставлением в Совнаркоме с правом решающего голоса». Две недели спустя, 8 июня, Рыков впервые председательствует как заместитель Ленина на заседании СТО, а 5 июля — и на заседании Совнаркома. О его активном вхождении в повседневную работу этих органов свидетельствуют многочисленные ленинские деловые письма и записки к нему, относящиеся к лету — началу осени 1921 года.

На должности заместителя председателя СТО Алексей Иванович находился семь месяцев. 29 декабря 1921 года сессия ВЦИК, образованного IX Всероссийским съездом Советов (это был последний съезд Советов, в работе которого участвовал Ленин), избрала Рыкова и Цюрупу заместителями Председателя СНК РСФСР.

Алексей Иванович активно включился в текущую работу Совнаркома и СТО. «Беседовал с Цюрупой и Рыковым,— писал Ленин 21 марта 1922 года.— Надеюсь, что работа пойдет хорошо»[1]. Двумя днями позже он отметил, что они втроем готовят положение о новой постановке работы СНК и СТО «с наибольшей проверкой исполнения»[2]. 24 марта Рыков впервые после приезда из Германии ведет заседание СТО, а 4 апреля — председательствует в Совнаркоме.

В 1922 году А. И. Рыков, по предложению В. И. Ленина, стал

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 55.
[2] Там же. С. 61.

членом Политбюро ЦК РКП(б) (наряду с этим оставаясь до лета 1924 года и членом Оргбюро)[1].

В составе этого высшего партийного органа ему предстояло работать свыше восьми лет, до конца 1930 года. Таким образом, его деятельность обеспечивала как бы тройную связь — исполнительной (СНК и СТО) и законодательной (ВЦИК) властей с высшим партийным руководством (Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б)). Заметим, что такое его положение в известной степени предопределяло потенциальную возможность выдвижения в преемники главы Советского правительства.

В. И. Ленин придавал большое значение работе своих заместителей, связывая ее с совершенствованием деятельности высших звеньев советского государственного аппарата. 12 декабря 1922 года, в свой последний рабочий день, проведенный в кремлевском кабинете, Владимир Ильич имел двухчасовую беседу с Рыковым, Каменевым и Цюрупой о распределении обязанностей между ними. Беседа оказалась неоконченной. На следующий день, 13 декабря, Владимир Ильич, вынужденный из-за состояния здоровья прекратить работу, пишет своим заместителям письмо, в котором предлагает им при распределении своих дел учесть, что для председательствования, контроля за правильностью формулировок документов и т. д. «больше подходит т. Каменев, тогда как функции чисто административные свойственны Цюрупе и Рыкову»[2]. Эти рекомендации были учтены после образования правительства СССР. Вместе с тем в тот, начальный, период его деятельности на Рыкова и Цюрупу легла большая дополнительная работа: первый из них возглавил в 1923 году создание общесоюзного ВСНХ, второй до 1925 года руководил Госпланом СССР.

Кончина Ленина застала Рыкова прикованным к постели, он был серьезно болен. Настолько, что не смог немедленно отправиться вместе с другими членами Политбюро в Горки. И все же он не мог не быть там. Как ему удалось туда добраться, превозмогая болезнь,— неизвестно. Кадры кинохроники запечатлели Алексея Ивановича бережно поддерживающим изголовье гроба учителя и вождя, когда его выносили из дома в Горках.

2 февраля 1924 года сессия вновь избранного ЦИК СССР рассмотрела вопрос о составе СНК СССР. Его Председателем был

---

[1] В литературе 20-х годов было принято считать, что Рыков стал членом Политбюро ЦК в 1919 году (см.: Энциклопедический словарь Гранат. Т. 41. Ч. II. Приложение. Стб. 230). Эту дату иногда некритически воспроизводят и в современных работах либо переносят на апрель 1923 года (в соответствии с данными Советской исторической энциклопедии. Т. 10. Стб. 592), что также неверно.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 331.

утвержден Рыков, назначенный в тот же день постановлением ВЦИК и Председателем СНК РСФСР...

Ленин и Рыков — это совсем еще не затронутая историками тема. Их личные отношения продолжались 20 лет, а с 1918 до конца 1922 года были едва ли не повседневными. Подсчитано, что в томах ленинского Полного собрания сочинений Рыков упоминается почти 200 раз, а в многотомнике «Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника» и того чаще — 550 раз. А ведь и собрание сочинений, и особенно хроника не зафиксировали все факты их общения. Ленин не раз и порой резко, как это было ему свойственно в час полемики, критиковал Рыкова. Но вместе с тем считал его одним из виднейших и преданных партии деятелей.

...А. И. Рыков стал жертвой сталинских репрессий, обрушившихся на старую партийную гвардию.

Процесс по делу «правотроцкистского блока» «вызревал» целый год в недрах зловещего ежовского ведомства, курируемого непосредственно Сталиным. Он был настолько ловко заранее отрепетирован, что стал единственным среди политических процессов тех лет, полный текст стенографического отчета которого был опубликован специальной увесистой (708 страниц) книгой. Вопреки замыслу издателей она стала одним из страшных документов сталинщины, ее преступлений, чудовищного надругательства и насилия над личностью.

По материалам сфальсифицированного в ходе следствия и судебного разбирательства А. И. Рыков в марте 1938 года был приговорен к расстрелу. На долгие годы его имя было вычеркнуто из истории. Были арестованы его жена и дочь...

В июне 1988 года, Комитет Партийного Контроля при ЦК КПСС рассмотрел вопрос о А. И. Рыкове и, учитывая необоснованность политических обвинений, предъявленных ему при исключении из партии, его полную реабилитацию в судебном порядке, а также принимая во внимание его заслуги перед партией и Советским государством, восстановил его членство в рядах КПСС.

Шелестов Д. К.—
доктор исторических наук

Комарицын С. Г.

Народный комиссар земледелия
В. П. МИЛЮТИН

Начавшиеся в результате победы Октябрьской революции аграрные преобразования требовали организации налаженного сверху донизу аппарата перераспределения земельного фонда, перестройки земельных отношений. Направлять и координировать эту нелегкую работу был призван Народный комиссариат земледелия РСФСР.

Первым народным комиссаром земледелия стал В. П. Милютин. Владимир Павлович был одним из немногих в ЦК партии большевиков, кто имел экономическое образование, и одним из немногих в партии вообще, кто занимался аграрным вопросом [1]. Правда,

[1] См.: *Милютин В. П.* Роль труда в сельском хозяйстве в связи с войной. Харьков, 1914; Сельскохозяйственные рабочие и война. Пг., 1917; Рабочий класс в сельском хозяйстве. Пг., 1917; Земельный вопрос в России. Смоленск, 1918; и др.

обращает на себя внимание одна особенность: Милютин занимался главным образом положением сельскохозяйственных рабочих, аграрный вопрос его интересовал прежде всего с точки зрения интересов сельскохозяйственного пролетариата, крестьянским же требованиям должного внимания он не уделял. Как показали послеоктябрьские работы Милютина, крестьянские интересы ему были чужды. Он был против раздела земли, отобранной у помещиков, в пользу мелких крестьян. Более того, он полагал, что «не только земля должна считаться национальной собственностью, но и продукт этой земли — хлеб»[1], и нигилистически относился к крестьянской кооперации. Поэтому Милютин был далеко не лучшей кандидатурой на пост наркома земледелия, но он оказался одним из немногих в руководстве партии, кто обладал не только опытом партийной работы, авторитетом, но и некоторыми навыками экономиста в аграрной области, хотя опять же как публициста, а не практика.

В специфических знаниях сельскохозяйственной экономики, организации и функционирования крестьянского хозяйства Милютин, безусловно, проигрывал своим предшественникам: министру земледелия С. Л. Маслову, товарищу министра А. В. Чаянову, А. Н. Челинцеву — специалистам высшей квалификации. Они знали сельскохозяйственную науку и в то же время умели выращивать хлеб, понимали сущность крестьянского хозяйства и мотивацию его хозяйственной деятельности (его, так сказать, политэкономию), прекрасно знали рынок и рыночную конъюнктуру и т. д. Но они не являлись большевиками, следовательно, в одном только этом Милютин имел преимущество, причем преимущество решающее.

В послереволюционных анкетах в графе «Профессия» Милютин писал: «Литератор», а главным занятием до революции называл «литературу и партийную работу». Впрочем, это было характерно почти для всех народных комиссаров и руководителей разных уровней нового государства. Мало кто из них имел квалифицированную профессию и тем более практику. Все они учились урывками. Систематическое образование было редкостью. Они являлись профессиональными революционерами. Это осталось в прошлом. Главным становилось умение управлять государством, экономикой, компетентно решать вопросы социальные, культурные и пр., большие и малые. А этому никто не учился. Правда, многие вскоре научились руководить. Но руководить еще не значит управлять.

---

[1] См.: Экономическая политика в области сельского хозяйства (Интервью с зам. председателя ВСНХ В. П. Милютиным) //Экономическая жизнь. 1918. 10 декабря.

Отсутствие кадров специалистов явилось одной из причин рано возникшей традиции назначенства некомпетентного руководства и интенсивной бюрократизации советского аппарата.

Все это непростые вопросы. Однако вправе ли мы подходить со столь строгими мерками к людям, совершившим величайший переворот в истории? Думаю, что вправе. Именно потому, что эти люди задались целью совершить величайшие преобразования общества, мы должны знать, насколько профессионально (каждый в своей области) они были подготовлены к решению поставленных задач.

Итак, вернемся к началу жизненного пути Милютина.

Родился он в 1884 году в деревне Туганцево Льговского уезда Курской губернии в семье сельского учителя. В 1903 году Милютин поступил на юридический факультет Петербургского университета, окончить который, как несколько позднее и Московский коммерческий институт, ему не удалось — мешала ранняя увлеченность революционными идеями.

...21 апреля 1914 года мещанин города Суджа Курской губернии Владимир Павлович Милютин, в то время проживавший в Москве, подал заявление градоначальнику города Москвы с просьбой выдать ему свидетельство о благонадежности в связи с предстоящим в июне призывом в армию в качестве вольноопределяющегося.

В соответствии с порядком прохождения подобного рода дел канцелярия московского градоначальника запросила сыскную полицию сообщить сведения о политической благонадежности Милютина Владимира Павловича.

Справки навели быстро, и ответ, как и просили в канцелярии градоначальника, последовал на следующий же день. Он был благоприятен для проверяемого: «по делам не проходил», «сведений о розыске и судимости Владимира Милютина не имеется и дел о нем не производилось».

Но одновременно канцелярия градоначальника направила запрос приставу 2-го участка Пресненской части, где проживал Милютин (Б. Грузинская ул., Зоологический тупик, д. 7, кв. 9).

Ответ начинался неплохо. Сообщалось, что студент Московского коммерческого института Милютин, православного вероисповедания, прибыл в Москву 28 февраля 1914 года из г. Суджа, ранее не проживал, что он «скромного нрава и образа жизни», что сведений «о судимости или состояния под следствием» нет. Однако в документе упоминалось, что 19 апреля «был произведен у него обыск», а сам Милютин был арестован и отправлен в Арбатский полицейский участок.

Второе донесение решительным образом меняло дело. Срочно делается запрос в отделение по охране общественной безопасности в городе Москве. Оттуда 30 апреля приходит исчерпывающая справка, из которой следует, что собирающийся на военную службу Милютин Владимир Павлович «в 1906 году был задержан в Льговском уезде Курской губернии за подстрекательство крестьян к беспорядкам, за что ему было воспрещено жительство в названной губернии...»[1].

Однако фактически революционная деятельность Милютина, как следует из более поздних его личных документов, началась раньше — примерно с 1903 года.

Свое место Милютин определил среди социал-демократов. Первоначально он примыкал к меньшевикам. Так, в 1909 году он находился среди меньшевиков-ликвидаторов, группировавшихся вокруг московских журналов «Возрождение», «Жизнь», «Дело жизни».

Эта группа меньшевиков пытается создать подпольную революционную организацию. Не все проходит удачно. В 1910 году, как следует из той же справки охранки, «Милютину за прикосновенность к Московской организации Российской социал-демократической рабочей партии было... воспрещено жительство в столицах и столичных губерниях на два года, считая срок с 20 декабря 1910 года».

Когда Милютину объявили это постановление, то он избрал местом жительства Тверь, но туда не явился, а поселился в Туле, где и продолжал вести революционную работу.

Именно в это время у него происходит разрыв с меньшевиками и он переходит на платформу большевиков.

Летом 1911 года, его, как «изобличенного в принадлежности к Тульской организации Российской социал-демократической рабочей партии, г. Министр Внутренних Дел постановил: подчинить Милютина гласному надзору полиции в избранном им самим месте жительства, за исключением столиц и Тульской губернии, воспретив ему также жительство в городах, в коих имеются университеты, на два года, считая срок с 8 июня 1911 года...».

Итак, молодой человек, которому нет еще и тридцати лет, в расцвете сил определил свою жизнь — жизнь профессионального революционера. Неудивительно, что в 1912 году он вновь выслан в Вологодскую губернию, где, по сведениям негласного надзора, «вел иногороднюю конспиративную переписку партийного харак-

[1] Центральный государственный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ), ф. 46, оп. 14, д. 2978, л. 6.

тера, имел связь в г. Вологде с более деятельными социал-демократами».

Вот какой путь, зафиксированный охранкой, прошел молодой человек к 1914 году, когда подал московскому градоначальнику заявление с просьбой выдать ему свидетельство о политической благонадежности. Кстати, такое свидетельство 27 мая 1914 года было направлено в Суджинское присутствие по военной повинности, в котором говорилось, что «неблагоприятных сведений о нем по делам общеуголовного характера в управление градоначальника не поступало».

Но московская охранка не располагала полными сведениями о революционной деятельности Милютина. В противном случае вряд ли бы мог считаться политически благонадежным человеком Милютин, который восемь раз арестовывался, просидел в общей сложности пять лет в тюрьме, в том числе два года в одиночной камере в знаменитых «Крестах» (1907—1909 годы), два года находился в ссылке. Это была расплата за революционную работу в Курске, Туле, Петербурге, Вологде, Москве и других городах.

Нам неизвестно, чем закончилась военная «карьера» Милютина. Февральскую революцию он встретил в Саратове. Он член Саратовского комитета РСДРП(б). В марте участвовал в работе одной из первых в революционной России областной конференции Советов рабочих и солдатских депутатов Поволжья и Урала. 2 марта его избирают в исполком Саратовского Совета рабочих и солдатских депутатов, а от Совета его избирают в общественный исполнительный комитет города Саратова. Затем он становится председателем Саратовского Совета рабочих и солдатских депутатов. Одновременно он является одним из редакторов газеты «Известия Саратовского Совета рабочих и солдатских депутатов». Его избирают членом Учредительного собрания от Саратовского избирательного округа. Он активно проповедует идеи демократической республики. Эти идеи широкого революционного демократического движения трудящихся найдут свое отражение сразу же после Октября, когда Милютин будет отстаивать предложение о создании единого коалиционного правительства всех социалистических партий.

Саратовские большевики посылают Милютина делегатом на VII Апрельскую конференцию большевиков, где его избирают в ЦК. Летом он участвует в работе I Всероссийского съезда Советов и входит в состав большевистской фракции ЦИК, избранного на съезде.

Активная политическая деятельность Милютина обусловила его переезд в Петроград. Его выбирают товарищем председателя

Петроградской городской думы. Он участвует в работе Демократического совещания.

Укрепляется его положение в центральных органах партии большевиков. Он делегат VI съезда партии, где его вновь избирают в ЦК.

После съезда ЦК принимает решение об издании нового теоретического журнала «Просвещение». В состав редакции журнала избираются А. В. Луначарский, В. П. Милютин, М. С. Урицкий.

Накануне вооруженного восстания, 21 октября 1917 года, ЦК РСДРП(б) поручает Милютину, Я. М. Свердлову и И. В. Сталину руководство большевистской фракцией II Всероссийского съезда Советов. Утром 24 октября на экстренном заседании ЦК, когда распределялись обязанности между членами ЦК на время вооруженного восстания, Милютин назначается организатором продовольственного дела.

И вот свершилось.

Сохранились дневниковые записи Милютина, в которых зафиксировано, как рождалось первое Советское правительство. Ввиду того, что они имеют самое непосредственное отношение к нашей книге, приведу полностью довольно большой фрагмент: «24 октября, часов в 12 ночи или же позднее, так как в бурные дни Октябрьского переворота время в счет не шло, многие из нас не спали в течение нескольких суток. Центральный Комитет партии большевиков заседал в комнате № 36 в первом этаже Смольного. Посреди комнаты — стол, вокруг — несколько стульев, на полу сброшено чье-то пальто... В углу прямо на полу лежит тов. Берзин, Ян Берзин, в то время член ЦК. Ему нездоровится. В комнате исключительно члены ЦК, т. е. Ленин, Троцкий, Сталин, Смилга, Каменев, Зиновьев и я, остальные разошлись по домам. Время от времени стук в дверь: поступают сообщения о ходе событий; вопрос еще не решен — на нашей ли стороне победа или нет; но соотношение сил вполне определилось — перевес на нашей стороне. Но как сложатся события? Что может произойти, какие ждут отдельные случайности,— этого никто не знает. Настроение у всех какое-то «обычное», делаем дело, как нужно делать. Дело интересное и нужное. Все несколько утомлены бессонными ночами, но напряжение нервов, важность совершающегося — все это делает незаметным утомленность, наоборот, веселые разговоры прерываются разными шутливыми замечаниями.

Идет обсуждение дальнейших планов действий. В один из перерывов я предложил составить список будущего правительства. Взял карандаш и клочок бумаги и сел за стол. Предложение некоторым показалось настолько преждевременным, что они отнес-

лись к нему, как к шутке. Но в конце концов все приняли участие. И вот тут возник вопрос, как назвать новое правительство, его членов. «Временное правительство» всем показалось затасканным, и потом само слово «временное» отнюдь не отвечало нашим видам. Все, конечно, на свете временно, но мы не хотели придавать новому правительству такого специфического значения, как это делал сначала Львов с компанией и затем Керенский с его друзьями. Название членов правительства «министрами» еще более отдавало бюрократической затхлостью. И вот тут Троцкий нашел то слово, на которое сразу все согласились — «Народный комиссар». «Да, это хорошо,— сейчас же подхватил тов. Ленин,— это пахнет революцией».

Так в комнате № 36 Смольного родилось новое рабочее правительство и новое название»[1].

С чего начал Владимир Павлович?

27 октября на совместном заседании СНК и ВЦИК Милютин заявил о своем решении срочно собрать крестьянский съезд и предложил ВЦИК избрать комиссию по его подготовке. Сообщение было встречено с глубоким одобрением. Фракция левых эсеров не только отнеслась положительно к самой идее, но и высказалась за желательность контактов с «левой частью ЦИК крестьянских депутатов, которая, несомненно, поддержит решение собрания». Комиссии в составе пяти человек (три левых эсера: Л. П. Гриневич, А. Л. Колегаев, В. Б. Спиро, большевик М. К. Муранов и «украинский социалист» П. Г. Василюк) рекомендовалось тотчас же приступить к работе.

Все это было чрезвычайно важно, ибо этими первыми шагами совместной деятельности СНК и ВЦИК закладывался фундамент двух основных высших органов Советского государства: чисто большевистского по составу СНК и многопартийного ВЦИК.

На посту наркома земледелия Милютин пробыл недолго — до 4 ноября. Что успел он сделать? В своих воспоминаниях Милютин писал: «В знаменитую ночь переворота с 24 на 25 октября, когда в первом этаже Смольного в небольшой комнатке составлялся список первого Совета Народных Комиссаров, в ту же ночь вырабатывался и первый основной декрет о земле. Я вошел в первый Совет Народных Комиссаров в качестве народного комиссара земледелия. Первый декрет о земле был набросан мной и т. Лариным, но окончательная формулировка и написание проекта декрета о земле принадлежит т. Ленину. Мы были лишены возможности долгого

[1] *Милютин В.* О Ленине. Л., 1924. С. 4—6.

обсуждения, маленькая комната, стол, несколько стульев, входили и уходили товарищи, сообщавшие о ходе событий...»[1] Факт весьма примечательный и малоизвестный.

Далее из воспоминаний Милютина мы узнаем о дальнейших шагах по проведению декрета «О земле». «Первая забота наша была — прежде всего связаться с местами. Я помню, что главная моя деятельность в эти дни заключалась в том, что рассылал различного рода эмиссаров на места».

Посланцам согласно «Инструкции эмиссарам, посылаемым в провинцию», подписанной Лениным и Милютиным не позднее 2 ноября 1917 года, поручалось выяснение положения земельного вопроса в той или иной губернии, получение информации о том, как принят на местах декрет «О земле» и т. д. Эмиссары обязывались выяснить, какие меры принимались для перехода помещичьей земли в руки волостных земельных комитетов и Советов крестьянских депутатов и т. д.

Эти крестьянские организации должны были сыграть решающую роль в ликвидации помещичьего землевладения. 3 (16) ноября В. П. Милютин подписал постановление о волостных земельных комитетах, на которые возлагалась «скорейшая и окончательная ликвидация всех пережитков крепостного права», сохранившихся в деревне, полное уничтожение всех кабальных отношений, как-то: испольщины, отработочной системы, натуральной аренды и т. п. Земельные комитеты мыслились как самостоятельные органы, избираемые на основании всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права.

Волостные земельные комитеты должны были брать на учет все земли в пределах волости. На них же возлагались обязанности по охране лесов, вод и пр. и установление порядка их пользования. Земельным комитетам предписывалось определить площади пахотной земли, подлежащие обязательной обработке, следить за своевременной и правильной их обработкой и обсеменением, следить за правильным распределением отведенных участков между отдельными хозяйствами и т. д. На земельные комитеты ложилась конкретная обязанность проведения земельной реформы на местах, определение размеров трудовой и продовольственной норм, установление избытка или недостатка земельного фонда, определение категории хозяйств, нужда которых удовлетворяется в первую очередь, порядка землепользования для малоземельных, безземельных и т. п. На обязанность земельных комитетов возлагалось также принятие мер к сохранению культурных хозяйств.

---

[1] *Милютин В.* Первые шаги//Сельскохозяйственная жизнь. 1922. № 7. С. 29.

Сравнительно второстепенную, по словам Милютина, задачу «составляло овладение центральным аппаратом земледелия, где оказывалось сопротивление» чиновников. Поэтому Народного комиссариата земледелия как центрального аппарата управления поначалу не существовало. Вся работа велась в Смольном. «Дело ликвидации помещичьего строя,— утверждал Милютин,— осуществляли крестьянские массы, органы на местах, и они являлись тем настоящим аппаратом Народного комиссариата земледелия, который нужно было регулировать».

Начатое Милютиным энергичное проведение в жизнь декрета «О земле» неожиданно прервали события 4 ноября. Викжель предъявил большевикам требование создать «однородное социалистическое правительство», состоящее из представителей всех социалистических партий.

И сейчас попытка создания «однородного социалистического правительства» рассматривается многими как соглашательский шаг, а любая уступка мелкобуржуазной демократии — гибельная для революции. Так ли это?

Уже в тот же день В. И. Ленин будет стремиться заключить блок со всеми левыми социалистическими силами, и левыми эсерами прежде всего. Привлечение в мелкокрестьянской стране к управлению государством представителей различных социалистических партий не ослабляло бы революцию, а укрепляло ее. Это было тем более необходимо, что перед революцией стояло в первую очередь решение задач не столько социалистических (многие из таковых были бы преждевременными), сколько буржуазно-демократических.

4 ноября во многом определило дальнейшие шаги революции, как и ее судьбу в целом.

Классовые интересы большевиков оказались сильнее общенациональных. 4 ноября 1917 года нам еще предстоит серьезно осмыслить. Но уже бесспорно: отказ от левого блока сужал политическую и социальную базу революции, толкая социалистические партии в лагерь контрреволюции. Наконец, все это обостряло обстановку и усиливало до неизбежности гражданскую войну.

Дерзкий шаг Милютина не оказался роковым для его политической карьеры. Он избирался делегатом всех съездов партии (с VI по XVI), входил в состав ЦК и ЦИК. (Правда, он, член состава ЦК периода свершения Октябрьского восстания, так и не оказался в первой обойме вождей партии.) И по советской линии все шло вроде бы хорошо: он член ЦИК СССР, занимал ряд ведущих постов, правда, чаще всего в качестве зама.

Может быть, кто-то время от времени напоминал ему те ноябрь-

ские дни 1917 года. Вполне возможно, что его поступок стал именно тем «крючком», на котором в дальнейшем его держал Сталин.

Но в те дни будущий «изменник революции» принимает деятельное участие в организации экономического отдела ВЦИК, председателем которого он стал. В декабре костяк этого отдела составил экономический штаб революции — ВСНХ. Владимир Павлович был назначен членом президиума ВСНХ (7 мая — 30 ноября 1918 года), а затем в течение ряда лет являлся заместителем председателя ВСНХ (30 ноября 1918 года — 25 мая 1921 года).

Здесь он работал рука об руку с А. И. Рыковым (председателем ВСНХ), Г. И. Ломовым (также зам. председателя ВСНХ), В. Я. Чубарем, Я. Э. Рудзутаком, Л. Б. Красиным, В. П. Ногиным, Ю. Лариным и другими.

Одновременно в эти годы В. П. Милютин являлся членом Совета Труда и Обороны республики.

Милютин, можно сказать, был одним из «крестных отцов» пресловутой системы «главкизма», рожденной в недрах ВСНХ. Этот разросшийся монстр представлял собой довольно неуклюжую бюрократическую систему, полностью лишенную стимулов саморазвития, ибо ею была парализована местная инициатива. Методами ударности эта система могла добиваться временного приращения производства, но не более. «Главкизм» подмял под себя не только национализированную промышленность и кооперацию, но и мелкое кустарное производство, не говоря уже о крестьянском хозяйстве.

Жесткая централизация управления экономикой, получившая наиболее яркое выражение через «главкизм», была важнейшим проявлением политики «военного коммунизма». Поэтому не случайно, что при переходе к нэпу руководителей ВСНХ как верных приверженцев принципов «военного коммунизма» «дружно» перебрасывают на другую работу.

В 1922—1924 годах Милютин — представитель Коминтерна в Австрии и на Балканах.

Сказанное не означает, однако, что Милютин был заскорузлым адептом политики «военного коммунизма». Напротив, он быстро понял сущность перехода к нэпу. Одним из немногих он усвоил противоречивость нэпа и выступал за разумное сочетание хозяйственной инициативы, хозрасчета с плановым хозяйством. Об этом, в частности, свидетельствует его выступление на XI съезде РКП(б).

После двухгодичной работы в Коминтерне Милютина назначают членом коллегии НК РКИ.

Почти одновременно, в 1925 году, его утверждают заместителем председателя Коммунистической академии. В этой должности он пробыл до 1927 года, курируя преимущественно секцию экономики. Преподавательскую работу он сочетает с научной, много пишет по актуальным экономическим вопросам, в том числе такие крупные работы, как «Аграрная политика в СССР» (М.—Л., 1926), «История экономического развития СССР (1917—1927)» (М.—Л., 1928) и др.

Как и для всех марксистов того времени, для Милютина исторический мировой процесс представлялся как переломная, переходная эпоха, когда «капиталистическая система сходит с мировой арены, заменяясь социалистической». Под этим углом зрения им рассматривалось и развитие экономики СССР.

Взгляды Милютина в сильнейшей мере формировались под воздействием «военно-коммунистических» (если можно так сказать) работ Н. И. Бухарина («Экономика переходного периода»), Е. С. Варги («Проблемы экономической политики при пролетарской диктатуре»). Чувствуется и влияние Л. Д. Троцкого.

Так, говоря о трудовом стимуле при организации труда, Милютин писал: «Здесь, очевидно, будет переплетаться целый ряд методов: с одной стороны — воздействия, принуждения, с другой — методов воспитания».

Настойчиво проводя идеи планового хозяйства, как важнейшего принципа, отличающего социалистическую экономику от капиталистической, Милютин не оставлял возможности для проявления этого качества в буржуазном мире, зиждившемся на якобы стихийных началах. Эта ошибка, в общем-то свойственная всем марксистам, со временем выросла в стойкое, непоколебимое убеждение.

В эти же годы формируются и другие ошибочные постулаты, например, взгляды на науку за рубежом. Так, Милютин утверждал, что «буржуазная наука, в полном соответствии с положением капиталистического строя, находится в безвыходном тупике».

Человеку, который окончательно сформировался в годы величайших социальных утопий, в годы «пафоса первых пятилеток», трудно предъявлять какие-то обвинения, счеты, претензии. Он весь, как и сама эпоха,— сгусток величайших ошибок и заблуждений.

Милютин считался специалистом в области аграрного сектора экономики. Но то, что он проповедовал, было не только и не столько его личным мнением. Это было убеждение человека своего времени, человека системы, в которой он функционировал.

Трагедия большевизма состояла, помимо прочего, и в том, что большевики не поняли крестьянства. Лишь В. И. Ленин перед

смертью увидел возможность включения единоличного крестьянского хозяйства в общественное производство с помощью кооперации. Однако для всех остальных большевиков задача включения подменялась задачей преобразования крестьянина. Он должен был трансформироваться в рабочего фабричного типа. А наиболее простой и всеобщий путь к этому — «социалистическое» преобразование сельского хозяйства на основе всеобщей коллективизации.

«В чем заключается наша установка, когда мы уходим к разрешению практических задач, связанных с перестройкой сельского хозяйства? Здесь мы следовали основным методологическим положениям, намеченным Марксом и Лениным в отношении сельского хозяйства, а именно, что основное развитие сельского хозяйства совпадает с законами промышленного развития. Конечно, в сельском хозяйстве имеются свои особенности, с которыми необходимо считаться, но в главном направление развития сельского хозяйства идет по тем же законам, по которым развивается и промышленность»[1].

Однако русские экономисты — представители организационно-производственного направления экономической мысли, в частности А. В. Чаянов, доказали, что, во-первых, сельское хозяйство в отличие от промышленности, имеет пределы своего укрупнения, поскольку находится в зависимости от природных факторов. Во-вторых, крестьянские хозяйства, составлявшие основу сельскохозяйственного производства России — это особая социально-экономическая структура, которая неподвластна законам развития классической политэкономии. Она не укладывается ни в схему государственного планового развития, ни в схему развития на основе капиталистического рынка. Смысл ее существования, мотивация труда определяются не государством и не стремлением к максимальной прибыли, а исключительно интересами и величиной семьи. И именно крестьянское хозяйство в своем огромном большинстве представляло собой предприятие семейно-трудового типа.

Такая концепция никоим образом не устраивала преобразователей типа Милютина, готовых буквально все подчинить плановому началу и плановому воздействию [2].

Конец 20-х годов ознаменовался активизацией выступлений аграрников-марксистов, группировавшихся в Комакадемии, про-

---

[1] *Милютин В.* Вопросы социалистической реконструкции сельского хозяйства: Доклад на собрании партактива Хамовнического района 23 января 1930 г. Харьков, 1930. С. 3.

[2] Кстати, в 30-е годы Милютин был заместителем председателя Госплана СССР.

тив так называемых неонародников, старых профессоров, против старых специалистов вообще, как якобы ярых противников социалистических преобразований. Апогеем их разгрома стала конференция аграрников-марксистов, состоявшаяся в декабре 1929 года, где выступил И. В. Сталин. В. П. Милютин сделал доклад, в котором подверг уничтожающей критике работы представителей организационно-производственного направления русской экономической мысли: А. В. Чаянова, А. Н. Челинцева, Н. П. Макарова и др. В сущности, конференция подготовила почву для ареста этих ученых, который и последовал летом 1930 года.

1 октября 1930 года в Аграрном институте Комакадемии Милютин выступил с докладом «Контрреволюционное вредительство в сельском хозяйстве», в котором подвел итог кампании — разгрому выдающихся экономистов: Н. Д. Кондратьева, А. В. Чаянова, Н. П. Макарова и других.

Судьба была к нему неблагосклонна. И он вскоре разделил участь «вредителей».

Государственная система, сложившаяся в СССР в 30-е годы, была идеальной с точки зрения унификации и нивелировки личности, на каком бы высоком посту она ни находилась. В. П. Милютин, хотя и занимал в это время заметное место на идеологическом фронте, не был самостоятелен. Он был рупор эпохи, а точнее — системы.

Кабанов В. В.—
доктор исторических наук

Народный комиссар труда
А. Г. ШЛЯПНИКОВ

Об А. Г. Шляпникове мало известно читателю. Поэтому начнем очерк с краткой биографической справки.

А. Г. Шляпников родился в 1885 году в городе Муроме. После окончания трехгодичной начальной школы — на заработках, рабочий стаж 16 лет. Член партии с 1901 года. Один из создателей Муромской организации РСДРП(б). Во время первой российской революции руководитель выступления муромских рабочих. С 1908 года в эмиграции, работал на заводах Англии, Франции и Германии. Состоял членом Французской социалистической партии. В годы первой мировой войны возглавлял Русское бюро ЦК. В дни Февральской революции находился в Петрограде. С момента создания Петроградского Совета — член исполкома.

Итак, наступил 1917 год — год Октябрьской революции.

...Кузьма Антонович Гвоздев, еще недавно рабочий завода «Эриксон», а ныне министр труда Временного правительства, после 20 октября 1917 года в своем кабинете в Мраморном дворце, судя по всему, не появлялся. В Зимнем началась череда бесконечных экстренных совещаний, заседаний, переговоров... А 26-го, вечером, в здание министерства явился другой бывший рабочий завода «Эриксон» — Александр Шляпников. По предъявлении мандата ВРК и билета члена ВЦИК он с помощью дежуривших курьеров и сторожей «овладел» Мраморным дворцом. Вместо тридцатичетырехлетнего меньшевика-оборонца и министра пришел его тридцатидвухлетний «сменщик» — большевик и народный комиссар.

Один из первых сотрудников комиссариата, Владислав Петрович Тыдман, спустя 50 лет вспоминал:

«Я получил путевку [1]— письмо к новому народному комиссару тов. Шляпникову А. Г. и с ним отправился в Мраморный дворец, где находилась его комиссия.

В главной парадной, выходящей во двор, меня холодно, но вежливо встретил седобородый швейцар с золотыми галунами и на мой вопрос о Шляпникове столь же холодно указал мне пальцем на двери приемной. Мне сказали в Смольном, что все сотрудники старого министерства труда бастуют, и поэтому я удивился, что этот барственный швейцар, оставшийся от министра Гвоздева, не бастует... Услышав приглушенные голоса из-за массивной двери, я постучал и увидел за столом нового «министра», т. е. наркома, А. Г. Шляпникова, шатена средних лет и среднего роста, с усами, с внешностью и манерами типичного интеллигента. Когда я представился и протянул ему направление, он быстро пробежал его глазами и выразил свое удовлетворение. Улыбнувшись, он сказал: «Вот здесь и вся наша комиссия. Вы будете седьмым».

Начавшаяся еще до моего прихода непринужденная товарищеская беседа, сопровождаемая шутками, как-то сразу заставила меня проникнуться симпатией к этим людям, с которыми мне предстояло работать. Шляпников выдвинул ящик стола и предложил мне закурить из большой коробки папирос, сказав при этом «Гвоздевские». Оснований для шуток было много...»[2]

Эсеры и особенно меньшевики тоже «шутили». Например, насчет того, что Шляпников якобы купил свой пост за 50 тысяч руб-

---

[1] 30 октября 1917 года.

[2] *Тыдман В. П.* Как рождался Наркомат труда. Машинописная копия. Музей Революции СССР.

лей: так было интерпретировано постановление Центрального правления союза рабочих-металлистов от 25 октября об ассигновании денежных средств на нужды ВРК. Единомышленники Гвоздева в первые послеоктябрьские месяцы осыпали наркома обвинениями в штрейкбрехерстве, в преднамеренной клевете. Но гнев идейных противников оказался бессилен. Все эти обвинения стали лишь иллюстрацией к эпилогу трехлетнего спора большевиков с меньшевиками-оборонцами, с гвоздевцами...

Пройдут годы, и перед Шляпниковым, уже бывшим наркомом, встанет задача отобразить события семнадцатого года, в том числе свое участие в них, свой путь в Мраморный дворец. И наверное, не случайно его многотомный труд начинается с описания весны и лета 1914 года.

Накануне войны судьба впервые сталкивает будущих министра и наркома. С начала войны Шляпников из рабочего-эмигранта превратился в ответственнейшего партийного работника, а Кузьма Антонович Гвоздев из хорошего слесаря — в председателя «рабочей группы» при Военно-промышленном комитете.

Весной 1914 года французский гражданин, некий Жакоб Ноэ, прибыл в столицу Российской империи. На Петербургской стороне он отыскал помещение союза металлистов, предъявил членскую книжку «Парижского союза рабочих-механиков» и попросил содействия в поисках работы. Инженеры и мастера встретили иностранца довольно любезно. Изъяснялся гражданин Ноэ на ломаном русском языке с помощью русско-французского словаря. Знание немецкого вскоре позволило ему найти работу в первой механической мастерской завода «Новый Лесснер». Мастер, прибалтийский немец, поставил его на токарный станок. Жакоб вошел в работу быстро, чему особенно рад был сменщик, оказавшийся горьким пьяницей. И французу порой приходилось работать за двоих. Но новичку были рады еще и по иной причине. Он мог ответить на многие интересовавшие рабочих вопросы. Например, о положении трудящихся в других странах, о теории и практике социализма, об особенностях труда и быта рабочих-металлистов... Правда, на вопросы, знает ли он Ленина, Мартова и других известных революционеров-эмигрантов, Ноэ ограничивался однозначными фразами типа «как не знать». Со временем новолесснеровские рабочие стали замечать за французом странности: по ходу своих повествований тот начинал почему-то украшать свою речь владимирским говором. Товарищи поражались его способности к быстрому изу-

---

[1] Свою жизнь оба они кончат в застенках ГУЛАГа, только Гвоздев, дождавшись освобождения в 1956 году, вскоре умер.

чению языка. Ноэ объяснял это практикой русского языка в Париже. Ему верили и помогали, даже добились от начальника увольнения пьяницы-сменщика.

Вообще-то француз не только токарничал и вел просветительские беседы. Бывали встречи иного рода, на которых велись иные разговоры. Как-то большевики Выборгского района прислали за ним гонца с приглашением участвовать в торжественном, но полулегальном банкете, который устраивали думские фракции большевиков и меньшевиков в честь приехавшего в Россию председателя Международного социалистического бюро II Интернационала Эмиля Вандервельде. В ресторане Палкина в небольшой комнате собралось много гостей. От большевиков выступил Г. И. Петровский, которого переводил Ноэ. Затем, к удивлению собравшихся, по поручению большевиков выступил сам Ноэ. В ответ на заявление меньшевиков о расколе он доказал, что питерский пролетариат в своей борьбе един. Француз Ноэ почему-то говорил «наша партия», «интрига меньшевиков», «наши стачки и массовки», «мы имеем большинство за собой», «профессиональные союзы за нами». Эта речь взволновала меньшевиков. Они перебивали, возмущались... Наутро гражданин Ноэ был снова у своего станка.

Вскоре после банкета француз-большевик «заявил расчет» и перебрался на завод «Эриксон». В первом токарном отделении, куда его приняли, сосредоточивался весь цвет рабочих-меньшевиков, там же работал и уже известный нам Кузьма Гвоздев. Ноэ сразу же повел кампанию борьбы за уравнивание заработной платы рабочих однородных профессий. Меньшевики, бывшие у администрации на привилегированном положении, решили дать бой французу. У его станка всегда собиралась большая толпа. Однажды кто-то из тех, кто видел Ноэ на встрече Вандервельде и знал по Парижу, стал высказывать сомнения в том, что его действительная родина Франция. Но рабочие заявили: если с французом случится неприятность, то кому-то очень не поздоровится. Здесь же отметим, что если бы у Жакоба, зарабатывавшего по тем временам немало — 5 рублей в день, спросили, как он распоряжается своими средствами, то узнали бы, что часть заработка переводится старушке матери. Это было правдой. Однако деньги шли вовсе не в Шампань или Бретань, а в захолустный городок Муром, женщине из старообрядческой семьи Хеонии Николаевнё Шляпниковой. Но такими сведениями не располагали даже самые дотошные недруги подданного Французской Республики.

Споры вокруг заработков были прерваны политическими событиями. Сперва июльскими стачками и демонстрациями, а затем начавшейся войной. Ноэ вместе с россиянами убегал от казачьих

нагаек, прятался по разным домам, писал листовки против войны, дискутировал, агитировал. Спустя годы гражданин Ноэ, ставший наконец Александром Шляпниковым, так вспоминал то время:

«Никогда за всю мою жизнь я не пользовался на родине такой свободой, неприкосновенностью личности и даже уважением дворника, как за эти шесть месяцев жизни в Питере в качестве французского гражданина. И эти шесть месяцев пролетели, как солнечный майский день, оставив лучшие воспоминания о рабочей борьбе, солидарности, готовности к жертвам»[1].

Будучи представителем Петербургского комитета и думской фракции, гражданин Ноэ в конце сентября 1914 года беспрепятственно миновал русско-финскую, а затем и финско-шведскую границу. С октября начинается интенсивная переписка между В. И. Лениным и А. Г. Шляпниковым. Известно более тридцати ленинских писем к нему, написанных за период 1914—1916 годов. Если добавить сюда еще десятки писем Н. К. Крупской и Г. Е. Зиновьева, тогда сложится верное представление о той роли, которая отводилась Шляпникову как основному связующему звену между заграничным ЦК и партийными комитетами в России.

Наркомат труда был первым советским правительственным учреждением, который, несмотря на саботаж служащих, наладил свою работу. Меньшевистский «Новый луч» в те дни писал: «...в других ведомствах также почти никакой работы не ведется, за исключением разве министерства труда, где комиссар Шляпников печет, как блины, декреты о регулировании или расстройстве хозяйственной жизни, да разве еще в министерстве государственного призрения, где комиссар г-жа Коллонтай обучает хорошим манерам горничных, назначенных классными дамами в институты»[2].

Автор этой ехидной заметки, видимо, не случайно упомянул рядом имена двух наркомов. Шляпников в своих воспоминаниях указывает место и год их знакомства — Берлин, 1912 год. Он работал там под именем французского гражданина Густава Бурна. В одном из писем В. И. Ленина Шляпникову о Коллонтай сказано — «ваша жена».

1914—1916 годы — годы их совместной жизни. О любви генеральской дочери и бывшей меньшевички к рабочему-эмигранту, большевику (он был моложе ее на 13 лет) можно, наверное, рассказать весьма романтическую историю. Но еще больше можно

---

[1] *Шляпников А.* Канун семнадцатого года. М., 1920. Ч. 1. С. 31.

[2] Новый луч. 1917. 10 декабря.

сказать об их влиянии друг на друга. Вероятно, переход Коллонтай на большевистские позиции произошел не без воздействия Шляпникова. И не только «заграничная жизнь» и упорное самообразование Шляпникова (знание нескольких европейских языков, владение публицистическим пером), но и общение с Александрой Коллонтай сделали из муромского мастерового рабочего-интеллигента.

Шляпников гордился своей рабочей профессией («Меня так потянуло к родному станку, так захотелось слиться с зубчатой, коленчатой, шумящей стихией, что я решил отказаться от почетного и видного положения «центрового» партийного работника и пойти на завод»[1],— писал Шляпников о своем возвращении в Россию в 1914 году). Он принадлежал к наиболее грамотному и культурному отряду рабочего класса.

Профсоюзы металлистов объединяли авангард пролетариата России, и к осени 1917 года в их рядах было более 400 тысяч членов. В мае 1917 года Шляпников был избран председателем ЦК союза металлистов. Накануне Октябрьского восстания при его содействии в распоряжение ВРК был предоставлен помимо крупных денежных средств весь технический аппарат ЦК союза. Опыт профсоюзной работы позволил Александру Гавриловичу стать автором или соавтором большинства первых рабочих декретов, в том числе принятого с небольшими поправками ВЦИК декрета о рабочем контроле.

Выполнение наркомовских обязанностей было лишь малой толикой того, чем приходилось заниматься бывшему токарю в первый год Советской власти. Он помогал в организации работ других наркоматов, участвовал в образовании ВСНХ. В первые же недели занялся вопросами, связанными с конфискацией предприятий (по его докладу первой была конфискована Ликинская мануфактура Смирнова).

Одна неотложная задача сменяла другую: то надо решить проблему транспорта и топлива, то проблему разгрузки петроградской промышленности. В марте 1918 года Шляпников назначается председателем комиссии по эвакуации Петрограда в связи с немецкой опасностью. В том же месяце его направляют в Нижний Новгород для налаживания волжского речного транспорта...

Шляпников остро чувствовал свою личную ответственность за происходящее. Единственный рабочий в Совнаркоме, он, надо полагать, видел в создании «однородного социалистического правительства» (то есть состоящего из представителей всех партий,

---

[1] *Шляпников А.* Канун семнадцатого года. Ч. I. С. 3.

называвших себя социалистическими) наиболее реальную перспективу для облегчения экономического положения российского пролетариата в условиях тяжелейшей разрухи. Присоединившись к наркомам, выступившим в начале ноября 1917 года против однопартийного состава правительства, Шляпников не сложил тем не менее с себя звания наркома. В «Правде» (от 7 ноября) появилось такое сообщение:

ОТ КОМИССАРА ТРУДА

Настоящим заявляю, что сообщение газет «Новая жизнь» и др. о моем уходе из Совета Народных Комиссаров не соответствует действительности. Присоединяя свою подпись к письменному заявлению в Центр. Исп. Ком., не предназначенному к опубликованию, присоединяясь лишь в вопросе оценки текущего момента, я решительным образом отверг тактику отказа от несения обязанностей, возложенных партией и съездом Советов, а также снятия с себя ответственности в переживаемый нами момент. Поэтому прошу считать все слухи о моем уходе ложными.

Народный комиссар труда
Александр Шляпников.

Более того, вскоре он возглавил еще один наркомат — торговли и промышленности. Шляпников остался на своем посту и потому, что считал себя ответственным перед 400-тысячным отрядом рабочего класса, чьим организатором и профсоюзным лидером он стал после Февральской революции. Его солидарность с ушедшими в отставку «в вопросе оценки текущего момента» объясняется отчасти и его позицией накануне Октябрьского восстания: он поддерживал курс на вооруженное восстание, но был противником непродуманных действий. Шляпников указывал на сложность экономического положения страны, призывал не забывать о нуждах рабочего класса.

Спустя три года именно его октябрьский «опыт ответственности» перед рабочим классом, опыт практика экономического строительства, приобретенный за время первого («мирного») послеоктябрьского периода, подскажет ему единственно правильный, с его точки зрения, вариант управления народным хозяйством.

Как же сложилась дальнейшая судьба Шляпникова?

В сентябре 1920 года на IX Всероссийской конференции РКП(б) впервые прозвучало словосочетание «рабочая оппозиция». Через два месяца на Московской губернской конференции РКП(б) (20—22 ноября 1920 года) «рабочая оппозиция» заявила

о себе как уже вполне сформировавшаяся группа — в основном из ответственных работников профсоюзного движения. Вскоре была развернута дискуссия о профсоюзах.

Еще на пленуме ЦК РКП(б) 12 января 1920 года было принято специальное постановление и циркулярное письмо всем организациям о порядке проведения дискуссии в РКП(б). Коммунистам предоставлялась полная свобода для обсуждения спорных вопросов. Партийным организациям разрешалось защищать и развивать свою точку зрения перед партией как в печати, так и путем посылки своих докладчиков в другие организации. На страницах газет широко освещался ход внутрипартийной борьбы, результаты голосования платформ.

Автором тезисов «рабочей оппозиции» был А. Г. Шляпников. Ни сам он, ни его единомышленники вовсе не желали ослабления руководящей роли партии в управлении народным хозяйством. Не был Шляпников ни выразителем «рабочей аристократии» (обвинение Бухарина), поскольку в бытность свою рабочим нещадно боролся с этой самой «аристократией», ни «анархо-синдикалистом» (обвинение сторонников «платформы десяти») в буквальном смысле этого термина. Просто его точка зрения отражала опыт партийцев, работавших в профсоюзах. Не мировоззрение — а опыт.

В общих положениях тезисов «рабочей оппозиции» констатировалось: «Система и методы строительства, опирающиеся на громоздкую бюрократическую машину, исключает всякую творческую инициативу и самодеятельность организованных в союзы производителей... препятствует достижению максимальных производительных результатов, что вносит разлад, недоверие и разложение в ряды рабочих...»[1]

В одном из выступлений во время дискуссии Шляпников, в частности, говорил: «Выдвинутые в свое время лозунги «и кухарка должна уметь управлять государством» на практике получили иное направление. На деле проводится принцип «не вмешивайся» и «не твое дело». По этому пути мы прошли так далеко, что упразднили собрания фабричных и заводских рабочих, свели на нет деятельность коммунистических ячеек, работу общих собраний и т. д. Вместо включения в дело управления всех, до последней кухарки, на деле получилось обратное: наши государственные мужи превратились в кухарок, изготовляющих такие блюда, которые должны осчастливить многомиллионную массу трудящихся».

---

[1] Десятый съезд РКП(б): Стенографический отчет. М., 1963. С. 687.

Утром 8 марта 1921 года открылся X съезд партии. В числе 15 делегатов Шляпников был избран в состав президиума.

В выступлениях на съезде Шляпников вновь подверг критике политику партии: партия не имеет былой спайки, нет органической связи между членами партии и ее руководящими органами (что и породило «рабочую оппозицию»); грозит опасность отрыва партии от масс. Шляпников видел нависшую над партией угрозу, но оказался бессилен предложить конструктивную альтернативу. Однако в шляпниковских тезисах, хотя и они были путаными и многословными, можно найти то, что беспокоит нас и сегодня,— прообраз советов трудовых коллективов, элементы хозрасчета, и критика бюрократизма звучит вполне актуально. Например, такая «картинка», нарисованная Шляпниковым в одном из выступлений накануне съезда: «Если мы посмотрим на линию управления нашим государством, то мы увидим, что увеличивается часть организма, которая ест паек, и уменьшается та часть, которая работает и которая мыслит. Получается картина огромнейшего живота с очень тоненькими ручками и ножками и с крохотной головкой, и этот желудок задавит нас в конце концов. Надо положить конец этому вырастанию»[1].

В тезисах «рабочей оппозиции» было много наивного, теоретически беспомощного. Обо всем этом тогда же убедительно сказал В. И. Ленин. Но в речах лидеров оппозиции, в первую очередь А. Г. Шляпникова, звучало и то, что спустя несколько лет после X съезда стало пророчески актуальным.

Абсолютным большинством голосов на съезде была принята ленинская резолюция по вопросу о профсоюзах («платформа десяти»). Однако в избранную съездом профсоюзную комиссию из 11 человек Шляпников вошел равноправным членом.

А борьба не утихала. Бурю возмущения у лидеров «рабочей оппозиции» вызвали предложенные Лениным проекты резолюций «О единстве партии» и «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии». Шляпников так отреагировал на текст первой из этих резолюций: «Ничего более демагогического и клеветнического, чем эта резолюция, я не видел и не слышал в своей жизни за 20 лет пребывания в партии»[2]. По поводу второй резолюции Шляпников от имени группы «рабочей оппозиции» заявил, что резолюция «носит явно демагогический и недопустимый характер,

[1] Бюллетень 2-го Всероссийского съезда горнорабочих. 1921. № 2. 26 января. С. 3.

[2] Десятый съезд РКП(б): Стенографический отчет. С. 530.

вводит в рабочую среду нашей партии раскол и натравливает мелкобуржуазные чиновные элементы партии на рабочую часть»[1].

На X съезде Шляпников во второй и последний раз стал членом ЦК. Оба раза он выдвигался в высший партийный орган по инициативе В. И. Ленина. Справедливости ради укажем на то, что полемика между Лениным и Шляпниковым — лишь одна из страниц в истории их взаимоотношений. «Ведь мы с товарищем Шляпниковым знаем друг друга много, много лет, еще во время работы в подполье и в эмиграции» — эти слова Ленина мы находим в одном из выступлений все на том же X съезде. Именно по совету Ленина Шляпников, эмигрировав в 1908 году из России, поехал на поиски заработка в столицу Франции. Потом они будут встречаться в Париже. Ленин возложит на «токаря Беленина» ответственнейшую миссию: осуществлять связь заграничного ЦК с Россией и быть там проводником его политики, осуществлять практически руководство партией большевиков в условиях подполья. В 1915 году Шляпников был кооптирован в ЦК партии. Он непосредственно занимался организацией возвращения В. И. Ленина в Россию и его встречи.

А сколько ответственных поручений пришлось выполнять Шляпникову в первые послеоктябрьские месяцы! Именно он в связи с надвигающейся продовольственной катастрофой будет 30 мая 1918 года назначен по инициативе В. И. Ленина общим руководителем продовольственного дела на юге России...

Говорить о том, как высок был для Шляпникова авторитет В. И. Ленина, излишне. Но авторитет не означал запрета на спор, на отстаивание собственной позиции.

Лидеров «рабочей оппозиции», распущенной на X съезде, в том числе Шляпникова, погубил не факт полемики с Лениным, не ее острота, а то, что основной мишенью критики так или иначе оказался партийный аппарат. Шляпников был одним из тех большевиков, кто испытал на себе немилость этого аппарата.

1921 год сыграл роковую роль в судьбе Александра Шляпникова. 8 августа В. И. Ленин получил копию письма некоего К. И. Фролова, в котором сообщалось о выступлении Шляпникова 26 июля на многолюдном партийном собрании членов ячейки РКП(б) Московской электрической станции с резкой критикой

[1] Десятый съезд РКП(б): Стенографический отчет. С. 531.

некоторых постановлений правительства, в частности решения ВСНХ о сдаче ряда предприятий в аренду, принятого в соответствии с общей политикой ЦК. 9 августа на объединенном заседании пленума ЦК и Центральной контрольной комиссии обсуждался вопрос о нарушении Шляпниковым партийной дисциплины. На основании пункта 7 резолюции «О единстве партии» (в нем говорилось о возможности применения в случае нарушения дисциплины или допущения фракционности такой крайней меры, как исключение члена ЦК из партии) Ленин потребовал вывести Шляпникова из состава ЦК и исключить его из партии. Ленин мотивировал свое предложение тем, что ЦК партии не может допустить, чтобы кто-либо из его членов срывал политику ЦК.

Когда-то, в октябре 1917 года, Ленин требовал от партии исключения Каменева и Зиновьева. Но требование Ленина его соратниками поддержано не было. И сила партии заключалась в том, что в то время авторитет вождя не ослаблял авторитета его соратников — других руководителей партии. Теперь же большинство членов ЦК были готовы принести Шляпникова в жертву ради необходимого единства партии. При голосовании за исключение не хватило только одного голоса.

При Ленине это был единственный и крайний случай. Позднее резолюция «О единстве партии» станет применяться все чаще и толковаться все более произвольно. На X съезде, говоря о 7-м пункте резолюции, Ленин настойчиво подчеркивал, что это — «крайняя мера, которая применяется специально в сознании опасности обстановки». «Надеюсь,— говорил он,— мы ее применять не будем»[1]. Решено было этот пункт не предавать широкой гласности. (В скобках заметим, что Сталин огласил 7-й пункт на XIII партийной конференции, за несколько дней до смерти В. И. Ленина. Спустя 13 лет Сталин фактически уничтожил ленинскую гвардию большевиков. Все 13 лет Сталин клялся единством партии, добиваясь его массовыми репрессиями.)

22 февраля 1922 года, за месяц до открытия XI съезда РКП(б), в Исполком Коминтерна поступило письменное заявление, подписанное некоторыми членами бывшей «рабочей оппозиции». Документ этот получил известность как «Заявление 22-х». В нем говорилось об отсутствии подлинного единства партии, о подавлении рабочей самостоятельности, инициативы, о борьбе с инакомыслием всеми средствами, об опеке и давлении бюрократии. «Такие методы работы приводят к карьеризму, интриганству и лакейству,

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 108.

а рабочие отвечают на это уходом из партии», – писали в заявлении Шляпников и его товарищи. Копию заявления Исполком Коминтерна направил в Политбюро РКП(б), которое единогласно приняло резолюцию, где позиция «22-х» осуждалась, указывалось, что они «своим поведением резко противоречат обязательным постановлениям X съезда РКП относительно единства партии и об анархо-синдикалистском уклоне»[1].

XI съезд партии постановил: «В отношении тт. Шляпникова, Медведева и Коллонтай... в случае проявления со стороны этих товарищей в дальнейшем подобного антипартийного отношения, исключить упомянутых товарищей из партии».

После XI съезда партии Шляпников оказался как бы не у дел. Сталин, кстати не принимавший активного участия в борьбе с «рабочей оппозицией», в одном из своих выступлений на XII съезде по поводу положения бывших оппозиционеров заявил: «Косиор сказал, что ЦК занимался тенденциозным подбором работников снизу доверху, причем в результате такого подбора целый ряд товарищей, ответственнейших, от Троцкого до Шляпникова, оказался без работы. Товарищи, я должен опровергнуть это обвинение, потому что оно ни в какой степени не соответствует действительности... О т. Шляпникове: несколько месяцев тому назад ему была предоставлена работа[2], он заявил о болезни, консилиум состоялся, признал его абсолютно негодным на ближайший период для ответственной работы, сам он пожелал взять работу в Истпарте и на это получил согласие ЦК...»[3]

В конце 1920 года вышла первая часть воспоминаний А. Г. Шляпникова «Канун семнадцатого года (воспоминания и документы о рабочем движении и революционном подполье за 1914—1917)». А в 1923 году была завершена первая книга «Семнадцатого года». Книги выдержали несколько изданий. Работу над воспоминаниями Шляпников начал сразу же по возвращении с Западного фронта (мирная передышка перед польской кампанией). Работе над воспоминаниями способствовало пребывание в Скандинавии весной и летом 1920 года — в странах, где протекала его революционная деятельность в годы первой мировой войны.

---

[1] Отчет комиссии съезда. М., 1922. С. 23.

[2] Полпредом в Афганистане.

[3] Двенадцатый съезд РКП(б): Стенографический отчет. М., 1968. С. 198—199.

Александр Гаврилович не был профессиональным публицистом, литератором. Его предыдущие опыты носили достаточно случайный характер. Теперь же он видел свой революционный долг в том, чтобы противопоставить свое освещение недавних событий буржуазным мемуаристам. Как отмечал рецензент первой книги «Семнадцатого года» Г. Лелевич, «Шляпников значительно дополняет и еще более значительно исправляет картину, нарисованную бесчисленными мемуаристами и «историками» (Милюков, Суханов, Деникин, Станкевич и многие другие), писавшими о Февральской революции». Его воспоминания содержат также анализ событий, в частности тех, свидетелем которых он не был. Его книги — это не только воспоминания, но и исторические исследования целого периода. При этом эти исследования носят откровенно идеологический, партийный характер. Шляпников показал себя незаурядным историком-марксистом. Именно это подчеркивал тот же рецензент: «Главная ценность книги Шляпникова в том и заключается, что она впервые вскрывает организующую роль нашей большевистской партии в февральских событиях. Страницы, посвященные описанию Бюро ЦК и ПК накануне февраля и большевистской работе в армии, останутся навсегда первоклассными историческими источниками. Эти страницы показывают, что Февральская революция явилась результатом не только стихийного недовольства, но и ни на минуту не прекращавшейся кротовой работы революционного подполья»[1].

Книги Шляпникова в те годы явились пособиями для вузов и школ. Для своей работы он использовал колоссальное количество документальных источников; многие из материалов и документов были введены в научный оборот именно благодаря его публикациям. В этом — неоспоримая заслуга Шляпникова.

Отношение к книгам Шляпникова резко изменилось в 1925 году, когда вышла вторая книга «Семнадцатого года» («март»), в которой была глава, содержащая немало критических замечаний по адресу Сталина.

Как бескомпромиссная память Шляпникова-мемуариста, так и его историко-революционные концепции становились все более и более неуместными. Вовсю уже шла перелицовка истории в «нужном» направлении. К ярлыку оппозиционера добавился ярлык небольшевистского историка. Нелепость последнего тем очевиднее, что западные историографы Февральской революции еди-

---

[1] *Лелевич Г.* Печать и революция. М., 1924. Кн. 2. С. 215, 216.

нодушно сожалеют как раз о большевистской ортодоксальности ценных для науки шляпниковских трудов...

В I томе «Записок о революции» Н. Суханова, написанных еще в 1919 году, находим любопытную характеристику Шляпникова: «Партийный патриот и, можно сказать, фанатик, готовый оценивать всю революцию с точки зрения преуспеяния большевистской партии, опытный конспиратор, отличный техник-организатор и хороший практик профессионального движения, он совсем не был политик, способный ухватить и обобщить сущность создающейся конъюнктуры»[1].

В каком-то смысле Суханов был прав. Шляпников оказался неважным политиком. Он не умел схватывать и обобщать «сущность создающейся конъюнктуры»...

Деятельность Шляпникова на посту наркома труда прервала гражданская война. Деятельность в профессиональном движении — участие в «рабочей оппозиции». Работу мемуариста, историка, публициста прервала внутрипартийная борьба второй половины 20-х годов.

После XI съезда вплоть до 1926 года Шляпников во внутрипартийных дискуссиях участия практически не принимал. Правда, к некоторым действиям тогдашнего большинства ЦК он продолжал относиться критически. Основная опасность, как и прежде, виделась ему в растущем влиянии на партию «мелкобуржуазной стихии», в бюрократизации партийного и хозяйственного аппарата. Но если тревоги и опасения за судьбу революции и высказывались, то только в личных беседах, в том числе с членами ЦК. Ни с Троцким, ни с Зиновьевым и Каменевым Шляпников не сближался. Уроки фракционных выступлений «рабочей оппозиции» даром не прошли, в первую очередь это касалось твердого соблюдения партийной дисциплины... Но времена изменились. Дисциплинированность бывшего оппозиционера удовлетворить Сталина уже не могла. Ему важно было выявить и уничтожить своих потенциальных противников. Для дискредитации Шляпникова Сталин использует метод грубой провокации, мастером которой он был.

В 1924 году органами ГПУ было перехвачено личное письмо С. П. Медведева, адресованное товарищам в Баку[2]. В 1926 году письмо «идет в ход» и, неожиданно для его автора, публикуется

---

[1] *Суханов Ник.* Записки о революции. Берлин; Пг., 1922—1923. Т. 1. С. 94.
[2] См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 10. С. 64—66.

в «Правде» с искажениями и соответствующими комментариями... Шляпников был по натуре человеком осторожным, с людьми быстро не сходился, поступки совершал обдуманно, взвешенно. Провокатора чуял за версту. Ведь недаром он знавал Черномазова, Шурканова, Малиновского, но не попадался на «крючки» этих и других «асов» дореволюционной политической провокации. Именно поэтому у него не возникало сомнений в характере возни, постоянно затевавшейся с середины 20-х годов вокруг него и его товарищей — С. П. Медведева, Г. И. Бруно и других.

Но на этот раз провокация удается. Медведев — друг Шляпникова. Шляпников, как верный товарищ, бросается на его защиту. Ему дают возможность высказаться и «любезно» предоставляют место на страницах журнала «Большевик». В своей статье «О демонстративной атаке и правой опасности в партии» Шляпников не только полемизировал со сталинским большинством, он отчасти раскрыл «тайну» сталинских методов борьбы с инакомыслящими: «...руководители ЦК, неоднократно предлагая нам работать, требовали от нас признания их линии и борьбы с ленинградской оппозицией. Как дисциплинированные члены партии, мы соглашались на работу, но борьбу с оппозицией... объявили гибельной. Нас пытались вызвать на эту борьбу, бередя наши чувства обиды на тех, кто особенно яро боролся с нами на XI съезде партии. Нам прямо и косвенно говорили о том, кто являлся вдохновителем избиения «рабочей оппозиции». Из тех же кругов нам стало известно, что В. И. Ленин не пошел на призывы части членов ЦК, требовавших от него выступления на XI съезде за наше исключение из партии. Но как бы иногда ни были горьки личные обиды и воспоминания, мы не сочли возможным подчиниться мотивам политической и личной мести...»[1]

Сталин был много талантливее своих дореволюционных предшественников по провокациям, и такая «мелочь», как уличение в интриганстве, его испугать не могла. Главное — цель публикацией статьи была достигнута: Шляпникова изобличают как неугомонного бывшего лидера бывшей «рабочей оппозиции» и «пристегивают» к «зиновьевскому блоку».

Перед ним вновь встала угроза исключения из партии... Все заканчивается тем, что «Правда» публикует открытое письмо Шляпникова и Медведева с признанием ошибочности своих взглядов [2].

---

[1] *Шляпников А.* О демонстративной атаке и правой опасности в партии//Большевик. 1926. № 17. С. 73.

[2] См.: Правда. 1926. 31 октября.

Репрессии против видных деятелей партии начались задолго до 1937 года. Они еще не были кровавыми. Первоначально целью их было не физическое уничтожение, а моральное. Удар по Шляпникову в 1926 году тем легче было нанести, что «грехи» бывшей «рабочей оппозиции» оставались еще свежи в памяти. Требовалось об этих грехах лишь почаще напоминать... Подлинной трагедией Шляпникова стала та атмосфера в партии, которая культивировалась и будущими палачами, и будущими жертвами. Товарищи по партии окружили Шляпникова подозрением и недоверием, отчуждением и недоброжелательством. Шляпников, одним из первых деятелей, имевших крупные и неоспоримые заслуги перед партией и революцией, испытал на себе все формы самого грубого и тенденциозного преследования, оказался в положении одинокого и травимого изгоя. Это ему принадлежат слова: «Разлагающая наши ряды система внутрипартийного сыска, доносов, шельмования и угроз»[1].

Из партии Шляпникова исключили в 1933 году, охарактеризовав как «разложившегося» и «двурушника». В том же году он был сослан на Кольский полуостров. Эта первая ссылка оказалась недолгой. В Москву, к семье, Александр Гаврилович вернулся через несколько месяцев. Свободы ему было отпущено еще на один год. Но эта свобода становилась все более странной. Работы не было. Предыдущие девять лет (1924—32 годы), когда в политической жизни страны он уже не принимал активного участия, ему все же доверяли руководящие административно-хозяйственные посты, правда почти каждые два года перемещали с высоких должностей на более низкие. Теперь ничего подобного уже не предлагалось. Шляпников писал письма в ЦК с просьбой о трудоустройстве, но ответов не получал. Просился на завод рабочим — был наложен запрет.

Выстрел в С. М. Кирова ускорил неизбежный арест, который последовал в новогоднюю ночь 1935 года. Почти целый год он провел сначала в Бутырской тюрьме, затем в Верхнеуральском политизоляторе. В это время усиленно обрабатывались члены так называемой «зиновьевско-каменевской банды» для предстоящего открытого процесса. Сделать Шляпникова членом «банды» с выводом на открытый процесс не удалось. В декабре 1935 года ему был вынесен приговор — новая ссылка. Местом ссылки определили Астрахань. Может быть, случайно, а может быть, в насмешку определили город, где он некогда председательствовал в РВС фронта. Теперь бывшему главе РВС предстояло искать рабо-

[1] *Шляпников А.* О демонстративной атаке...//Большевик. 1926. № 17. С. 73.

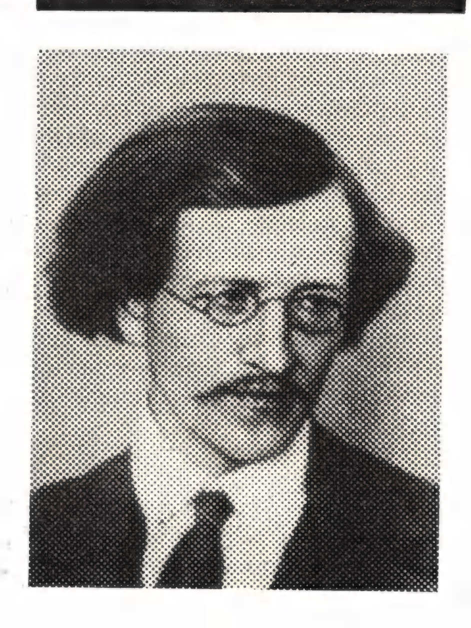
ту. После некоторых мытарств таковая нашлась — «заместитель начальника городского транспортного отдела».

Шел 1937 год. В мае его арестовали и из Астрахани отвезли в Москву, на Лубянку. Была арестована и его жена, Екатерина Сергеевна.

В определении Верховного суда СССР о реабилитации Екатерины Сергеевны Шляпниковой есть такие строки о А. Г. Шляпникове: «...себя виновным не признал, жену свою ничем не оклеветал и не опорочил».

Беленкин Б. И.

Член Комитета по военным и морским делам В. А. АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО

Гудел от людских голосов Смольный. И в Зимнем, и в штабе военного округа, располагавшемся там же, на Дворцовой площади, о сне не помышляли.

Поздно вечером к Антонову-Овсеенко подошел Свердлов.

— Ильич вас хочет видеть,— сказал он.— Не задерживайтесь.

Вместе с Подвойским и Невским Антонов-Овсеенко выезжает на встречу с Лениным. Открытый автомобиль мчится по темным улицам мимо мрачных домов с дремлющими кое-где у ворот дворниками. Сделав несколько поворотов, берет направление на Выборгскую сторону. Остановились. Дальше — пешком. Соблюдая осмотрительность, дворами прошли на Сердобольскую улицу. Вот и дом, номер 35. Зашли. Постучались в квартиру Павловых. На условный стук дверь открыл сам хозяин, Дмитрий Александрович.

— Так, так. Знаю. Входите. Владимир Ильич сейчас придет.

Ожидать пришлось недолго. Перед руководителями «Военки» появился седой, в очках, довольно бодрый старичок добродушного вида, похожий на учителя или музыканта. Владимир Ильич был так загримирован, что его узнали только по голосу, когда он поздоровался.

Антонов-Овсеенко подробно доложил о готовности моряков Балтфлота поддержать восстание. Отвечая на вопросы, сказал, что хорошо знает состояние Гельсингфорсского и отчасти Кронштадтского гарнизонов. Моряки могут приблизиться к Петрограду по железной дороге, а в крайнем случае подойти к столице с моря...

Ленин вникал в каждую деталь, вносил свои коррективы. Когда же Подвойский высказался за отсрочку восстания дней на десять, Владимир Ильич категорически возразил, отметив, что затяжка даст передышку Временному правительству, позволит противнику подготовиться и перехватить инициативу.

Конкретные указания Владимира Ильича по обсуждавшимся вопросам, его непоколебимая уверенность в успехе, деловая четкость вдохновили руководителей Военной организации, рассеяли их сомнения. В сознание прочно врезалось: подготовке восстания — полный ход!

К моменту описываемых событий Антонову-Овсеенко исполнилось 34 года. Обладатель могучего баса, он внешне несколько проигрывал: невысокий, худощавый интеллигент в очках, с непокорной шевелюрой длинных волос, небольшими усами и бородкой, в стареньком, обычно распахнутом пальто. Но всех, кто встречался с ним, поражали его глаза, взгляд такой силы, что собеседник понимал: это человек большой воли, он многое испытал на своем веку, прошел трудные жизненные университеты.

Действительно, жизнь Владимира Александровича Антонова-Овсеенко изобиловала событиями необыкновенными.

Незадолго до смерти участник русско-турецкой кампании, награжденный боевыми орденами, перенесший тяжелые ранения, капитан Александр Анисимович Овсеенко дал сыну напутствие, чтобы тот шел его дорогой — стал военным. Исполняя волю отца, Владимир оканчивает пехотное юнкерское училище в Петербурге. В Варшаве, куда прибыл для прохождения службы, он (к тому времени член РСДРП) создает в 40-м Колыванском полку военно-революционную организацию, налаживает связи с местными партийцами, знакомится с Дзержинским, принимает вместе с ними участие в подготовке вооруженного выступления.

После ареста, а затем побега из Варшавского тюремного замка Антонов-Овсеенко переходит на нелегальное положение, становится профессиональным революционером. Он активно участвует в революции 1905—1907 годов, работает в Кронштадте и Питере, избирается членом Петербургского комитета РСДРП, редактирует газету «Казарма» — орган военного отдела ПК.

В марте 1906 года Антонов-Овсеенко под партийным псевдонимом Дольницкий участвовал в 1-й Всероссийской конференции военных организаций, был арестован. Но и в столице не удалось стражникам удержать в заточении отважного революционера: подготовленный им групповой побег боевиков наделал в Москве много шума. Затем он был арестован в Севастополе, приговорен военным судом к смертной казни через повешение. Снова организует дерзкий побег со взрывом тюремной стены. Возвратившись в Москву, ведет партийную работу под именем Антона Гука. После очередного ареста — спасло то, что полиция не смогла раскрыть его личность,— Владимир Александрович вынужден был выехать за границу.

Накануне Октябрьского вооруженного восстания Антонов-Овсеенко — один из руководителей Петроградского военно-революционного комитета. Он входит в круг особо доверенных лиц, которые под руководством Владимира Ильича разрабатывали оперативно-стратегический план вооруженного восстания и координировали действия боевых сил революции.

В те дни американский журналист Джон Рид писал:

«В одной из комнат верхнего этажа сидел тонколицый, длинноволосый человек... когда-то офицер царской армии, а потом революционер и ссыльный, некто Овсеенко по кличке Антонов, математик и шахматист. Он разрабатывал планы захвата столицы».

20 октября состоялось первое пленарное заседание Военно-революционного комитета. На другой день выделено бюро ВРК: Антонов-Овсеенко, Лазимир, Подвойский, Садовский, Сухарьков.

В Смольный ворвалась улица. Всюду рабочие, солдаты, матросы, в воздухе устоявшийся запах табака. При входе — караульное помещение Главного штаба Красной гвардии. Этажом выше — свободнее: многие из комнат, недавно занимавшихся отделами ЦИКа, заперты, в остальных — исполком Петроградского Совета, другие общественные организации. ЦИК теперь — в Мариинском дворце, вместе с Предпарламентом. Там — руководители почти всех российских партий (правых и левых их крыльев), кроме большевиков. Меньшевики и эсеры тоже отрядили в Смольный своих

представителей. На третьем этаже — ВРК, штаб революции. В помещение под номером «75» то и дело входят и выходят люди.

Только что прибыв с Литейного, из «Военки», Антонов-Овсеенко стремительно преодолел лестничные марши, вошел в 75-ю. От его внимания не ускользнуло, что в Смольном появились делегаты II съезда Советов. Их еще мало. Но до его открытия, когда все должно свершиться, время еще есть. А вот у самого Антонова-Овсеенко каждая минута на учете. Требуется обеспечить точную и исчерпывающую информацию обо всех действиях противника, то есть разведку.

Петропавловская крепость — главная опора правительства — пала 23 октября без единого выстрела. Комиссаром крепостного гарнизона стал активный работник большевистской «Военки» прапорщик Благонравов. Его решительные действия (арест коменданта — полковника Васильева), оперативность и распорядительность позволили четко организовать вооружение многотысячных отрядов красногвардейцев.

Напряженной, нервной была ночь на 24-е в Смольном. Идет подготовка очередного номера «Рабочего пути», который должен выйти с требованием перехода власти к Советам, фактически директива — свергнуть правительство измены и голода.

Рано утром в комнату, где висела карта, постучался дежурный по ВРК.

— В 5 часов 30 минут,— озабоченно доложил он,— в типографию явился комиссар милиции Рождественского района с отрядом юнкеров, предъявил приказ Полковникова о немедленном закрытии наших газет. Налетчики, угрожая оружием, приступили к уничтожению стереотипов отливов...

— Началось! — произнес Антонов-Овсеенко. Он не был ни удивлен, ни растерян.

Срочно проинформирован ЦК партии. Незамедлительный ответ: отправить в типографию охрану и озаботиться своевременным выпуском газеты.

Отдается приказ Литовскому полку: немедленно выгнать юнкеров из типографии и обеспечить выход газет; в подкрепление будет послан броневик.

Одновременно, также по указанию ЦК, вырабатывается приказ ВРК всем полковым комитетам и комиссарам: «Петроградскому Совету грозит прямая опасность... Предписывается привести полк в боевую готовность, ждите дальнейших распоряжений». Подготавливается обращение Военно-революционного комитета к рабочим, солдатам и всем трудящимся.

С рассветом состоялось чрезвычайное заседание Центрального

Комитета. Решено: ни одному из членов ЦК из Смольного не уходить. Петербургскому комитету установить в Смольном постоянное дежурство. Заслушивается сообщение ВРК о последних событиях, распределяются обязанности по руководству отдельными участками восстания: Свердлову поручено наблюдение за Временным правительством, Бубнову — наблюдение за железными дорогами, Дзержинскому — обеспечить захват почты и телеграфа, Ломову и Ногину — связь с Москвой; Петропавловская крепость должна стать запасным штабом восстания (в случае нападения на Смольный). Военно-революционному комитету предложено действовать решительно и оперативно.

Первой военной акцией штаба округа, куда спешно приехал Керенский, был приказ о разведении мостов через Неву. Но еще утром Военно-революционный комитет выслал для охраны мостов красногвардейцев. Лишь на Николаевском мосту юнкерам с помощью «ударников» удалось оттеснить красногвардейцев и временно захватить его.

— Всеми имеющимися у вас средствами,— дает указание морякам «Авроры» Антонов-Овсеенко,— восстановить движение по Николаевскому мосту.

Но капитан «Авроры» под предлогом, что мелок фарватер, отказывается вести судно. Комиссар ВРК распорядился произвести промерку — глубина оказалась достаточной. Капитан и другие офицеры арестованы. Судно повел лоцман. Через некоторое время в Смольный сообщено: при приближении «Авроры» юнкера, находившиеся на мосту, бежали. Мост сведен, охраняется.

По радио Антонов-Овсеенко отсылает шифрованную телеграмму: «Центробалт. Дыбенко. Высылай устав». Это означало — Центробалт должен немедленно направить в Петроград боевые корабли и пятитысячный отряд моряков.

Поздно вечером в Смольный пришел Ленин.

Утром 25-го ВРК выработал дальнейший план действий: оцепить Зимний дворец и Дворцовую площадь плотным кольцом и повести наступление, сжимая его. Для руководства операцией выделена тройка: Антонов-Овсеенко, Подвойский, Чудновский. В Смольный был вызван комиссар Петропавловской крепости.

— Товарищ Благонравов! Для руководства наступлением на Зимний Петропавловку решено сделать нашим полевым штабом,— обратился к нему Владимир Александрович.

Еще раз договорились: бомбардировка Зимнего (при оказании сопротивления) должна начаться сегодня не позднее 9 часов

вечера по особому сигналу из крепости, детали должны выработать Антонов-Овсеенко и Благонравов на месте.

— Как только наши войска будут готовы к бою,— скажет несколько позже Владимир Александрович Благонравову,— на флагшток крепости надо поднять фонарь. По этому сигналу «Аврора» откроет огонь холостыми, для устрашения. Потом будем действовать. Для связи с вами крейсер вышлет паровой катер.

То разгорается, то гаснет перестрелка. Все выходы с Дворцовой площади блокированы броневиками ВРК. Антонов-Овсеенко с отрядом, который поддерживают три броневика, руководит наступлением на Миллионной. Только приблизились к воротам — выстрел с Петропавловки. Почти в то же мгновение раздался залп «Авроры»...

В 10 часов 40 минут в беломраморном зале Смольного открылся II Всероссийский съезд Советов. Президиум, по соглашению бюро фракций, составлен на пропорциональных началах. От большевиков избрано 14 человек во главе с Лениным; из руководителей Петроградского ВРК и Военной организации — Антонов-Овсеенко и Крыленко. Об избрании в президиум Владимир Александрович пока не знает — он на позициях.

Последняя атака Зимнего началась около полуночи. Антонов-Овсеенко с револьвером в руке и Чудновский ворвались во дворец через подъезд императрицы. За ними устремились главные силы атакующих, впереди которых — отряд красногвардейцев Петроградской стороны.

Начались поиски свергнутого правительства. В Малахитовом зале — обычном месте заседаний — никого не оказалось. Коридором прошли в Ротонду, потом в Арабский зал. Там обнаружили отряд вооруженных юнкеров, охраняющих вход. Их сопротивление было недолгим. Антонов-Овсеенко распахнул двери:

— Именем Военно-революционного комитета объявляю вас арестованными!

Произошло это в 1 час 50 минут ночи.

Министры называют фамилии: Кишкин, Терещенко, Малянтович, Вердеревский... Всего — 13, двое арестованы павловцами раньше. Антонов-Овсеенко отбирает у них документы и, сформировав караул, выводит бывших министров из Зимнего.

В 3 часа 10 минут возобновилось заседание II съезда Советов. Аплодисментами встретили делегаты сообщение о взятии Зимнего дворца и об аресте министров Временного правительства.

Под бурю оваций принимается написанное Лениным воззвание о взятии съездом власти, о переходе власти на местах к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

На следующий день, после принятия декретов о мире и о земле, съезд утвердил состав правительства — Совет Народных Комиссаров во главе с Лениным. Важное значение сразу же было придано Комитету по военным и морским делам, наркомами которого стали: Антонов-Овсеенко — военное министерство и внутренний фронт, Дыбенко — морское министерство, Крыленко — внешний фронт.

Пожалуй, справедливо будет сказать, что первым из наркоматов в активную работу включился именно Комитет по военным и морским делам. К этому вынуждала складывавшаяся обстановка. Еще 25 октября генерал Краснов отдал приказ о продвижении корпуса к столице, с тем чтобы нанести революционному Петрограду внезапный удар. 27 октября войска Краснова вступили в Гатчину, затем — в Царское Село.

Антонов-Овсеенко участвует в разработке оперативного плана, содействует формированию красногвардейских полков, выезжает на боевые позиции. В результате принятых мер контрреволюционная акция Керенского — Краснова потерпела поражение.

В. И. Ленин, хорошо зная организаторские способности Антонова-Овсеенко, направлял его на самые трудные участки борьбы с внутренними и внешними врагами революции.

Приведем лишь небольшую часть из многотомника «Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника», которая свидетельствует о характере выполняемых Антоновым-Овсеенко поручений.

Год 1917-й

Декабрь, 8. «Ленин пишет удостоверение В. А. Антонову-Овсеенко о том, что он «уполномочивается для общего руководства операциями против калединских войск и их пособников»; подписывает машинописный текст удостоверения и распоряжение Антонову-Овсеенко «ежедневно по прямому проводу (лично или через адъютанта) извещать Совет Народных Комиссаров о том, кого именно назначает он или другие военные власти ответственными лицами по распоряжению отдельными операциями».

Декабрь, 9 или 10. «Ленин вызывает к себе представителя от большевиков Украины С. С. Бакинского, ознакомив его с задачами, поставленными перед В. А. Антоновым-Овсеенко как наркомом по борьбе с контрреволюцией на Юге России, предлагает ему немедленно выехать в Харьков, чтобы способствовать налаживанию деловых, товарищеских отношений между Антоновым-Овсеенко и местными партийными и советскими работниками; пишет

записку и удостоверение Бакинскому о данном ему поручении».

Декабрь, 15. «Ленин говорит по прямому проводу (ранее 5 час. 50 мин.) с находящимся в Харькове В. А. Антоновым-Овсеенко».

Декабрь, 20. «Ленин подписывает распоряжение... об отпуске В. А. Антонову-Овсеенко... 5 млн руб. на содержание войск, действующих против Каледина».

Декабрь, ранее 23. «Ленин посылает председателя Бюро комиссаров по авиации и воздухоплаванию А. В. Можаева в Харьков с пакетом и деньгами для В. А. Антонова-Овсеенко».

Декабрь, 29. «Ленин, ознакомившись с докладом В. А. Антонова-Овсеенко в СНК... посылает ему телеграмму, в которой одобряет его решительность в борьбе с калединцами».

Год 1918-й

Январь, 15. «Ленин пишет письмо в Харьков... Орджоникидзе и наркому Антонову-Овсеенко, в котором требует принятия самых энергичных и революционных мер для отправки хлеба в Петроград»[1].

Январь, в ночь с 16 на 17-е. «Ленин в телеграмме в Харьков В. А. Антонову-Овсеенко, отправленной в 0 час. 18 мин., приветствует победу советских войск, занявших город Черкассы и ст. Бахмач, и требует направить все усилия для подвоза в Петроград хлеба».

Январь, 17. «Ленин знакомится с полученным по прямому проводу докладом наркома В. А. Антонова-Овсеенко... в котором сообщалось, что ВРК донских казаков (Донревком) предлагает объединение действий против контрреволюционных войск Каледина и просит помощи обмундированием, оружием и деньгами, а также содержалась просьба к Советскому правительству сделать официальное разъяснение по вопросу о казачьих землях на Дону.

В ответной телеграмме Антонову-Овсеенко Ленин приветствует присоединение донских казаков, сообщает, что их делегация уже входит в состав III Всероссийского съезда Советов; относительно земельной политики на Дону советует иметь в виду резолюцию «О федеральных учреждениях Российской республики»...»[2]

Чтобы представить всю сложность обстановки, в которой пришлось действовать Антонову-Овсеенко, необходимо обратиться

---

[1] Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. М., 1974. Т. 5. С. 118, 122, 134, 147, 153, 158, 205.

[2] Там же. С. 212.

к событиям на Украине в дни Октября, развивавшимся своеобразно и драматично. 27 октября объединенное заседание Совета рабочих и солдатских депутатов приняло большевистскую резолюцию о присоединении к восставшему Петрограду и передаче власти Киевскому ВРК. Однако по распоряжению штаба Киевского военного округа члены Военно-революционного комитета были арестованы. Образованный в ответ на эту акцию новый ревком призвал трудящихся к оружию. Три дня шел в Киеве жестокий бой, вынудивший войска Временного правительства капитулировать. Но плоды победы достались не сражавшимся рабочим и солдатам, а украинской буржуазии. Стянув в город националистически настроенные части, Центральная рада захватила правительственные учреждения, объявила себя высшей властью и отказалась признать Советское правительство, Украинская рада стала опасным очагом контрреволюции. В Киев начали съезжаться корниловские генералы и офицеры, бывшие министры Временного правительства, представители военных миссий Антанты.

По инициативе местных партийных организаций в ноябре 1917 года были приняты меры к созданию единого руководящего большевистского центра Украины. Центральный Комитет партии поддержал эту инициативу и высказался за создание социал-демократической рабочей партии Украины в составе РСДРП(б).

Решающие военные действия против Каледина, который вошел в контакт с Центральной радой, развернулись в середине января 1918 года. Кроме Черкасс и Бахмача советские войска овладели Полтавой, Лозовой, Кременчугом, Конотопом, некоторыми другими городами. Калединцы вынуждены были отойти к Ростову и Новочеркасску, в их рядах началось разложение. В связи с успехами красногвардейцев, солдат и матросов взялись за оружие трудящиеся Екатеринослава, Одессы, Николаева, Мариуполя. 26 января рабочие-арсенальцы, поднявшие восстание против Центральной рады, и войска под командованием Антонова-Овсеенко освободили Киев. В целях поддержания в городе общественного порядка Владимир Александрович объявил, что будет беспощадно бороться с погромами, мародерством и иными противозаконными действиями в отношении населения.

С калединщиной было покончено. Эта победа и последовавшее за ней заключение Брестского мира обеспечили Республике Советов первую мирную передышку, сыгравшую большую роль в подготовке условий для дальнейшей борьбы с белогвардейцами и интервентами.

Наряду с военно-оперативной и политической работой Антонов-Овсеенко и Орджоникидзе большое внимание уделяли продо-

вольственным вопросам. Страна находилась на грани голода, а в центральных губерниях положение было просто катастрофическим — наряд на хлеб для них в декабре 1917 года оказался выполненным всего лишь на 7 процентов. В то же время продовольственные запасы на Украине позволяли ликвидировать кризисное положение. В одной лишь Херсонской губернии имелось на складах три с половиной миллиона пудов хлебных продуктов, не считая того, что можно было получить путем заготовок. Однако поставка продуктов сильно тормозилась не только потому, что существенно сократилась пропускная способность железных дорог (Московско-Курской — более чем в 12 раз), но главным образом вследствие саботажа чиновников, отказывавшихся под разными предлогами отправлять хлеб даже в соседний, Донецкий бассейн, рабочие которого твердо стали на сторону Советской власти. Антонов-Овсеенко и Орджоникидзе со всей присущей им энергией оказывали помощь и всяческое содействие партийным и советским учреждениям Украины взять продовольственное дело в свои руки. И хлеб пошел: 20 января было отправлено 33 вагона с провиантом в Полоцк (для 3-й армии), 25 января — 53 вагона в Петроград, затем еще 12 маршрутных поездов — в Москву и Петроград.

При всей остроте продовольственного вопроса В. И. Ленин требовал от Антонова-Овсеенко «действовать не иначе как в полном согласии с Лугановским и по его указаниям как народного секретаря суверенной Украинской республики»[1]. «...Наше вмешательство во внутренние дела Украины, поскольку это не вызывается военной необходимостью,— подчеркивал Владимир Ильич в другой адресованной ему телеграмме,— нежелательно. Удобнее проводить те или иные мероприятия через органы местной власти...»[2]

Такие предостережения Ленина были вызваны, в частности, тем, что по прибытии на Украину Антонов-Овсеенко стал назначать комиссарами станций и населенных пунктов лиц по своему усмотрению. В результате возникли трения. Принятые Антоновым-Овсеенко решения пришлось отменить, и впредь такие назначения стали производиться из числа кандидатур, выдвигавшихся местными Советами.

Но одновременно Владимир Ильич одобрил действия Антонова-Овсеенко, когда он арестовал в Харькове 15 крупных капиталистов за то, что они отказались выплатить рабочим заработную плату в связи с введением Советской властью 8-часового рабочего дня.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 44.
[2] Там же. С. 34.

Вызвав предпринимателей на беседу, Владимир Александрович предложил им немедленно изыскать для расплаты с рабочими миллион рублей. Так как те отказались выполнить требование наркома по военным делам, он водворил их в один из вагонов своего поезда, предупредив, что если деньги не будут внесены в срок, то им придется отправиться на тяжелые физические работы. Это подействовало, промышленники дали указание о выплате денег и были освобождены из-под ареста. Этот факт рассматривался 30 декабря 1917 года на заседании СНК РСФСР при обсуждении деятельности Антонова-Овсеенко на Украине. В принятом решении Совнарком отметил, что приветствует его решительные действия в борьбе с калединскими войсками и их пособниками и считает, что «командующий войсками вправе применить против грозящих вызвать безработицу и голод капиталистов-саботажников репрессии вплоть до отдачи виновных в принудительные работы на рудники». Через день, по предложению Ленина, в это постановление было внесено добавление: «Как только будет возможно создание революционных трибуналов, они немедленно рассматривают каждый случай назначения на принудительные работы и либо определяют срок пребывания на работах, либо освобождают арестованных». Полное доверие Антонову-Овсеенко было выражено в те же дни и делегатами Харьковской партконференции.

На фронтах гражданской войны Антонов-Овсеенко находился до середины 1919 года. В мае 1918 года, по предложению В. И. Ленина, он был введен в состав Высшего военного совета. 8 августа Владимир Ильич обсуждает с ним вопросы по обороне Петрограда, а через несколько дней направляет Антонова-Овсеенко в Берлин для переговоров с германским правительством.

Вскоре, однако, обстановка изменилась: происшедшая в Германии революция создала благоприятные условия для освобождения оккупированных немцами территорий. Для оказания помощи трудящимся Украины 17 ноября 1918 года была создана группа войск, положившая начало созданию Украинского фронта, командующим которого стал Антонов-Овсеенко. Через несколько дней комфронта, координируя действия частей Красной Армии со все возраставшими украинскими повстанческими отрядами, повел наступление в направлении Чернигова и Харькова...

Затем Владимиру Александровичу пришлось поработать членом губкома и председателем исполкома Тамбовского Совета. «Неспокойные времена,— писал он об этом периоде своей деятельности.— Фронт близко... В губернии бродят шайки «зеленых», в городе... белые готовят восстание. Губком превращен в крепость.

У подъезда часовой из комотряда, на площадке лестницы — другой, на посту. В передней — скамьи, бревна на случай баррикадировать двери. В губкоме — постоянное дежурство нескольких человек для связи. В углу кабинета секретаря — кучка винтовок, ящик с патронами. На балконе — в сторону площади — пулемет. Полевой телефон — с заводским комитетом, с чека, на случай разрыва обычной городской связи». Работа, полная опасностей и лишений, отказ от личного во имя общего — такова была жизнь многих партийцев в стране, жившей несколько лет боевым лагерем.

В 1920—1921 годах Антонов-Овсеенко — заместитель председателя Малого Совнаркома РСФСР, а с 1922 года — начальник политуправления Реввоенсовета республики.

С избранием Сталина генеральным секретарем все ощутимее стал формироваться угодный ему аппарат. Тревожась за судьбу партии и считая необходимым обсудить создавшееся положение, Антонов-Овсеенко подписал вместе с рядом известных партийцев так называемое «Заявление 46-ти». В нем содержался критический анализ экономического положения страны, складывающейся антидемократичной практики партийного руководства. Авторы заявления констатировали: «Режим, установившийся в партии, совершенно нетерпим. Он убивает самодеятельность партии, подменяя партию подобранным чиновничьим аппаратом...»

Сталин же и его окружение восприняли «Заявление 46-ти» о необходимости демократизации партийной деятельности как выпад против партии. В подготовленной и принятой затем объединенным пленумом ЦК и ЦКК резолюции авторы «Заявления 46-ти» были названы фракционерами и раскольниками. Вместе с тем ни текст заявления, ни резолюция пленума опубликованы не были.

Антонов-Овсеенко не мог согласиться с такими «ярлыками» и в связи с арестом его помощника по ПУРу Дворжеца написал в ЦК резкое письмо в его защиту. В ответ на это 12 января 1924 года Сталин на заседании Оргбюро ЦК обвинил Владимира Александровича во фракционной деятельности. А спустя несколько дней, на пленуме ЦК, Антонов-Овсеенко скажет:

«Все обвинения в том, что ПУР был мною превращен в штаб фракции, отметаю с презрением — никто этого не доказал и никогда доказать не сможет. А до тех пор, пока это не доказано, смысл моего устранения будет один — еще до съезда партии свести групповые счеты со слишком партийно-выдержанным, неспособным на фракционные маневры товарищем... Я отнюдь не заблуждаюсь, что этой широко ведущейся кампании дан определенный тон, и ни кем другим, как товарищем Сталиным».

Таких выступлений против себя генсек не забывал. Более того, практически все, кто подписал «Заявление 46-ти», потом будут уничтожены. А пока Антонова-Овсеенко направили на дипломатическую работу. Сначала он едет в Китай для ведения переговоров, затем назначается полномочным представителем в Чехословакии, потом — в Польше.

Следует сказать, что ядро работников Наркоминдела, возглавлявшегося Чичериным, составляли революционеры, доказавшие свою преданность партии и народу практическими поступками и делами, высокообразованные и квалифицированные.

И на новом поприще Антонов-Овсеенко трудился с полной отдачей сил. При его активном содействии в Чехословакии создается «Общество экономического и культурного сближения с новой Россией», подписывается ряд соглашений и договоров с Польшей. Владимир Александрович по-прежнему общителен, вокруг него много друзей, российских и зарубежных. Вот только внешне заметно изменился. Всякого много было в эти годы. В том числе и такого, что ставило его жизнь (который уже раз!) на волосок от гибели. После убийства полпреда Войкова такая же участь готовилась и ему. Спасла случайность. Дворник соседнего дома обнаружил провод к спрятанному в сарае часовому механизму. Вызванные на место чиновники варшавской прокуратуры засвидетельствовали: часовой механизм соединен с большим снарядом, опущенным в дымоход, расположенный рядом с квартирой Антонова-Овсеенко...

Возвратившемуся же из Польши Антонову-Овсеенко Сталин предложил работать в Осоавиахиме, заместителем председателя. Это предложение Владимир Александрович не принял. Осенью 1934 года его назначают прокурором РСФСР. Поначалу новая работа захватила его. Опираясь на постановление ЦИК и СНК СССР «О революционной законности», принятое в 1932 году, Антонов-Овсеенко повел решительную борьбу за устранение отрицательных явлений во взаимоотношениях прокуроров с местными органами, противоречивших ленинским принципам организации и деятельности прокуратуры, активно поддерживал и ставил в пример умелых, настойчивых и принципиальных работников. Принимал он меры и к повышению качества расследования преступлений. Но чем дальше, тем больше стало ощущаться падение роли прокуратуры и суда, заметное возвышение органов НКВД. Особенно же трудно стало работать после назначения на должность прокурора СССР Вышинского, человека с сомнительным прошлым, грубого, с фарисейскими замашками, пользовавшегося расположением и доверием Сталина.

В 1936 году его назначают генеральным консулом в сражающуюся Испанию. Он отлично разбирался в общей обстановке, всесторонне знал фронт, часто встречался с трудящимися Каталонии, бойцами и командирами республиканцев и интернациональных бригад, пользовался у них большим уважением; в нем, по отзыву Долорес Ибаррури, они видели «представителя великого советского народа, стремившегося помочь испанской демократии, которая билась насмерть со своими озверелыми врагами».

А из Москвы продолжали поступать страшные вести: осуждены и расстреляны за измену Родине Тухачевский, Якир, Примаков и еще пятеро видных военачальников Красной Армии, с которыми бок о бок воевал в гражданскую, арестованы и ведется следствие в отношении Дыбенко и Крыленко — тех, с кем входил в первый состав Советского правительства. Встречавшийся с Антоновым-Овсеенко в Испании Илья Эренбург отметит потом, что душевное состояние Владимира Александровича было в те дни тяжелым, он предчувствовал предстоящую личную трагедию. По другим сведениям, Антонов-Овсеенко не верил, что и его могут подвергнуть репрессиям. Возможно, не верил, но неверие это было зыбким.

В конце августа 1937 года Антонова-Овсеенко вызвали в Москву. В октябре того же года, незадолго до двадцатилетнего юбилея Октябрьской революции, его арестовали без санкции прокурора. Предъявленное обвинение выглядело нелепо, в нем, можно сказать, все было поставлено с ног на голову: «...в 1936 г., будучи командирован в Барселону и занимая там должность генерального консула СССР, вошел в организационную связь с германским генеральным консулом, связался с ПОУМовской (троцкистской.— *Авт.*) организацией в Барселоне и фактически руководил ее деятельностью в борьбе против Испанской республики».

Вменялось ему в вину как «активная троцкистская деятельность» и подписание «Заявления 46-ти», а также использование занимаемых должностей во время работы в ПУРе, Чехословакии, Литве, Польше. Не хватало только того, чтобы обвинить руководителя штурма Зимнего, например, в «излишней» гуманности при аресте Временного правительства (не допустил самосуда). Правда, Сталин не забудет и об «эпизоде» с Зимним: предложит кинорежиссеру Ромму, снимавшему к юбилейной дате фильм «Ленин в Октябре», уйти от исторической правды и показать, что арестом министров руководило другое лицо, непременно — рабочий. Роль этого лица выпало сыграть актеру В. В. Ванину.

На суде, состоявшемся 8 февраля 1938 года, Антонов-Овсеенко не признал себя виновным. Но сфабрикованные «доказательства» сделали свое черное дело...

О последних днях Владимира Александровича рассказал сын М. П. Томского Юрий, которого арестовали совсем мальчишкой после самоубийства отца. Антонова-Овсеенко водворили в ту же общую камеру, где находился и он. У него был явно нездоровый вид, опухшие ноги. Но держался он бодро, с большим достоинством.

Среди тех, кто стал жертвой сталинщины, были и те, кого расстреляли, и те, кто расстреливал, и те, кто одобрял эти расстрелы. Однако так ли уж слепа была доверчивость народа? Сегодня мы возвращаем честные имена одним, проклинаем других, стыдимся за третьих. История все расставляет на свои места.

«В один солнечный день,— вспоминал Ю. М. Томский,— в камеру через козырек проник воробей, посидел немного на подоконнике и улетел.

— Сегодня кого-то вызовут,— сказал один из заключенных.

Через четверть часа надзиратель вызвал Антонова-Овсеенко. Владимир Александрович начал прощаться с нами, потом достал черное драповое пальто, снял пиджак, ботинки, раздал почти всю свою одежду и встал полураздетый посреди камеры.

— Я прошу того, кто доживет до свободы, передать людям, что Антонов-Овсеенко был большевиком и остался большевиком до последнего дня».

В феврале 1956 года, ровно через 17 лет, военная коллегия Верховного суда СССР отменила приговор в отношении Антонова-Овсеенко и прекратила дело за отсутствием в его действиях состава преступления.

Глазунов М. М.,
Митрофанов Б. А.

Член Комитета по военным и морским делам
Н. В. КРЫЛЕНКО

9 ноября 1917 года российские газеты ошеломили читателя неслыханной новостью: большевики назначили Верховным главнокомандующим какого-то прапорщика. Казалось бы, за месяцы, прошедшие после свержения государя императора, граждане России привыкли ничему не удивляться, но тут только руками развели — высшим начальником Вооруженных Сил государства становился самый низший офицерский чин. Даже тем юнкерам, которые числились в категории малоуспевающих, при окончании училища вручались погоны подпоручика, и любой прапорщик по субординации обязан был им подчиняться. Да и вообще этот чин, отмененный еще в царствование Александра III, был возрожден в военное время для привлечения на армейскую службу людей, получивших высшее или даже среднее образование.

С начала войны пост Верховного главнокомандующего занимал дядя царя великий князь Николай Николаевич, позже его сменил сам Николай II. После февральской революции Главковерхами русской армии были попеременно генералы М. В. Алексеев, А. А. Брусилов, Л. Г. Корнилов, а с конца августа эту ношу взял на себя глава Временного правительства (он же — военный и морской министр) А. Ф. Керенский. В руках Главковерха сосредоточивалось управление военными операциями, разработка стратегических планов, руководство работающими на оборону промышленностью и транспортом, объединение усилий государственных учреждений. Это было лицо, облеченное на время военных действий чрезвычайной властью. И вот теперь Советское правительство решило назначить Верховным главнокомандующим члена Совнаркома прапорщика Н. В. Крыленко.

Новость была встречена по-разному — обыватели недоумевали, политические противники большевиков злорадствовали, ибо посчитали это назначение серьезной ошибкой, за которую Совнаркому очень скоро придется расплачиваться. В армии генералитет и офицерство и не собирались принимать всерьез приказов Совнаркома, которого они не признавали и, разумеется, не намеревались подчиняться какому-то Крыленко...

Однако все те, кто посчитал назначение прапорщика на пост Главковерха ошибкой или откровенной глупостью, не видели очевидной истины, которая все объясняла. Да, действительно, должность Верховного главнокомандующего для того и создавалась, чтобы занимавший ее человек мог в силу своего положения, своих возможностей, профессиональных знаний способствовать успеху военных действий. Но в случае с назначением Крыленко надо было учитывать то обстоятельство, что и Ленину, и другим членам Совнаркома не нужен был Главковерх, умеющий вести войну, им нужен был на этом посту человек, способный остановить ее.

И уже в течение нескольких ближайших дней стало бесспорным фактом, что Николай Васильевич Крыленко в силу своего ума, жизненного опыта, организаторского таланта, своей способности влиять на солдат российской армии и вести их за собой как раз и есть такой человек. К той роли, которую ему предстояло сыграть на авансцене истории, он был подготовлен всей предшествующей жизнью.

Родился Николай Васильевич 2 мая 1885 года в Сычевском уезде Смоленской губернии, куда его родители были высланы за участие в революционном движении. И сам он, пойдя по их стопам,

стал участвовать в нем с ранних лет. Отец его — Василий Абрамович Крыленко — вступил в нелегальный кружок в ту пору, когда был студентом Петербургского университета. В том же учебном заведении, учась на историко-филологическом факультете, связал свою жизнь с революцией и Николай Крыленко. Девятнадцати лет от роду он вступил в ряды Российской социал-демократической рабочей партии.

Из тех, кто начал заниматься нелегальной работой еще на студенческой скамье, мало кому удалось завершить свое образование. Но Крыленко сумел сделать это — попав, как и отец, после ареста в ссылку, он добился разрешения приехать в Петербург, сдал государственные экзамены и получил официальный диплом об окончании университета. Потом он окончил юридический факультет. Лишь через годы, уже после Октябрьской революции, новая власть использует полученные им в университете знания по прямому назначению, а до той поры ему придется зарабатывать на хлеб различной работой — преподавать в школе литературу и историю, быть газетчиком, выполнять роль формального референта думской фракции большевиков.

Но эта легальная, открытая посторонним взглядам жизнь была лишь прикрытием напряженной нелегальной работы. Еще студентом он создавал рабочие кружки на заводах и фабриках Выборгской стороны и за Невской заставой. В годы первой русской революции Крыленко — организатор митингов и забастовок питерских рабочих, член Военной организации при Петербургском комитете РСДРП. В этот же период и боевое крещение — огнестрельное ранение во время перестрелки с жандармами. В первый раз он был арестован в июне 1907 года. Затем последовал скорый суд и ссылка в Люблин.

Получив разрешение преподавать в польских школах, Крыленко использовал эту возможность для того, чтобы пропагандировать идеи социализма среди старшеклассников. И это делалось чуть ли не в открытую — и школьники, и их родители, недовольные политикой царского правительства, держали язык за зубами, не проговаривались властям о настроениях молодого преподавателя. Знали, но молчали. Зато никто в Люблине не ведал, что этот человек с помощью местных контрабандистов создал «окно» на границе, обеспечил надежную и бесперебойную связь с находящимися в эмиграции товарищами. С помощью Крыленко десятки партийных функционеров смогли беспрепятственно пересечь границу в обоих направлениях. Позже, когда Ленин перебрался из Парижа в Краков, а потом в Поронин, Николай Васильевич и сам не раз переходил нелегально границу, чтобы встретиться с ним.

Именно по рекомендации Ленина Крыленко, у которого окончился срок ссылки, вернулся в Петербург, стал помогать товарищам в выпуске газеты «Правда», готовил тексты выступлений для рабочих-большевиков, избранных в Государственную думу. Секретарем большевистской фракции IV Думы была в это время Елена Федоровна Розмирович. Эта обаятельная, интеллигентная женщина двадцати восьми лет, уже исчислявшая свой партийный стаж десятью годами, была дважды арестована охранкой и заключена в крепость, приговаривалась к высылке в Нарымский край, испытала лишения эмигрантской жизни в Париже, Вене, Кракове, Базеле. Ленин, знавший ее по периоду эмиграции, считал: «...работник это очень крупный и ценный для партии»[1].

Встретившись в Петербурге, Крыленко и Розмирович связали свои судьбы. Их и арестовали, и сослали теперь вместе — по общему делу социал-демократической организации. Вместе и бежали из ссылки, перебравшись из России в Швейцарию, сообща участвовали в Бернской партийной конференции, проходившей под руководством Ленина. Летом 1915 года Николая Васильевича и Елену Федоровну Центральный Комитет РСДРП направил в Москву на нелегальную работу, но, к сожалению, охранка, получившая донесение провокатора, быстро вышла на их след, и в ноябре супруги оказались в одной тюрьме. А с начала 1916 года пути их по воле властей разошлись — Розмирович отправили на пять лет в Иркутскую губернию, а ее мужа мобилизовали в армию и послали на Юго-Западный фронт.

Подобно многим своим сверстникам, окончившим высшие учебные заведения, Крыленко еще в довоенное время отслужил один год вольноопределяющимся в пехотном полку, но теперь стал прапорщиком военного времени. Почему-то начальство сочло, что дипломированному юристу теперь следует послужить офицером службы связи, но отнюдь не в штабе, а на передовой. Вместе с командой солдат-связистов Крыленко обеспечивал телефонную связь между батальонами и ротами 13-го Финляндского пехотного полка, тянул провода от командных пунктов к окопам, устранял обрывы под огнем противника.

За год службы на фронте он многое испытал, со всей очевидностью осознал полнейшую бессмысленность гигантской бойни, в которой, неизвестно за что, гибли, становились калеками, сходили с ума солдаты и офицеры, плакали на пепелищах жители прифронтовой полосы, оставшиеся без крова и без каких-либо средств к существованию. Он узнал фронт изнутри — промерзшие

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 52. С. 133.

или залитые водой окопы, гниющие трупы на ничейной земле, кровь и вонь полковых лазаретов, короткие минуты атак и долгие недели отступлений, отчаяние солдат, пьянство офицеров, воровство интендантов... И он всем сердцем возненавидел эту войну.

Февральская революция, которая смела монархию вместе с ее гигантским аппаратом подавления, круто изменившая жизнь страны, всколыхнула и армию. Миллионы солдат, еще вчера не слышавших самого слова «демократия», вдруг оказались втянутыми в половодье ее бурного становления. «Нижний чин», прежде полностью бесправный, приобретал невиданную дотоле возможность свободно выражать свое мнение, мог теперь защищать от посягательств свое человеческое достоинство. И уже одно это ошеломляло. В жизнь армии стремительно вошло новое понятие — выборные комитеты. Они выбирались в ротах, дивизиях, армиях. Прапорщик Крыленко, которого солдаты любили за его храбрость, правдивость, умение находить общий с ними язык, разделять их горести и беды, был избран председателем дивизионного комитета, а затем вошел в высший выборный орган 11-й армии.

Не покончив с войной, Февральская революция заметно повлияла на ее ход — на всех фронтах установилось затишье. Русское командование, обескураженное событиями революции, находилось в шоковом состоянии и на какой-то срок вообще перестало разрабатывать военные операции, а германское выжидало, как повернется дело в России, отказавшись на время от активных действий. В этой обстановке зародилось небывалое прежде явление — братание русских и немецких солдат. Одно из них на участке 13-го Финляндского полка организовал прапорщик Крыленко. В этот день русские и немецкие солдаты, еще с утра смотревшие друг на друга сквозь прорези прицелов, встретились на разделявшей их окопы «ничейной земле», пожимали друг другу руки, закуривали от одного огня, не зная языка, пытались объясниться, рассказать, как не хотят они воевать. Крыленко, как мог, помогал своим однополчанам понять собеседников.

По возвращении в свои окопы прапорщик был немедленно вызван в штаб полка. По законам военного времени ему грозил полевой суд и суровый приговор за измену отечеству. Но солдаты не позволили расправиться с ним — пригрозили поднять штаб полка на штыки, если тронут «их прапорщика».

4 апреля 1917 года делегат Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов Крыленко вместе с группой участвовавших в совещании большевиков слушал тезисы вернувшегося из-за границы Ленина «О задачах пролетариата в данной революции». Ленинские тезисы Николай Васильевич принял бе-

зоговорочно и с того дня посвятил себя целиком выполнению поставленных в них задач. Он выступал на митингах, собраниях, конференциях, которые в ту бурную пору проводились чуть ли не ежедневно, писал статьи в газеты, листовки, тексты обращений к солдатам, разъясняя им смысл политики большевиков.

Одну из крыленковских прокламаций, обращенную к солдатам 11-й армии, Ленин пространно процитировал в одной из статей, опубликованных в «Правде», и высоко оценил ее, отметив, что в ней выражена суть решений партии по текущему моменту. Позицию большевиков Крыленко отстаивал и в выступлениях на съезде делегатов Юго-Западного фронта, на I Всероссийском съезде рабочих и солдатских депутатов, на Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б).

Способности прапорщика Крыленко, его ораторский талант, умение анализировать события и делать выводы из них были замечены и оценены. I Всероссийский съезд Советов избрал его в состав Центрального Исполнительного Комитета, а конференция фронтовых и тыловых организаций — в состав Бюро военных организаций при Центральном Комитете большевистской партии. В число членов «Военки» вошли видные партийные работники. Стоит отметить, что среди них была и жена Крыленко — Елена Федоровна Розмирович, вернувшаяся весной в Петроград после сибирской ссылки.

Итак, с лета семнадцатого года Николай Васильевич стал одним из руководителей организации, которая призвана была повернуть армию на большевистские позиции и привести ее под знамена новой революции. Однако Временное правительство, испытывающее постоянный дискомфорт от такого острого и опасного оппонента, каким был Крыленко, вскоре приказало арестовать его. Это произошло в то время, когда власти получили формальный повод для преследования большевиков, обвинив их в попытке организовать вооруженное восстание в Петрограде в первые дни июля. Однако что касается самого Крыленко, то следует иметь в виду, что к моменту наступления кризисных событий в Питере он попросту отсутствовал в столице, ибо в канун их выехал в командировку — вначале в Киев, а оттуда в Могилев. Здесь его арестовали и отправили обратным путем — через Киев в Петроград.

Надо сказать, что военно-судное управление военного министерства, расследовавшее «преступления» прапорщика, оказалось в весьма трудном положении. Привлечь его к ответственности за события в Петрограде было нельзя, потому что он отсутствовал. Тогда попытались обвинить Крыленко в том, что из-за него сорва-

лось наступление войск Юго-Западного фронта. Но попробуй доказать это, если во время подготовки наступления и его осуществления он как раз находился в Петрограде. Военно-судному управлению не оставалось ничего другого, как прекратить дело и выпустить обвиняемого. Но случилось нечто из ряда вон выходящее — на поданной ему докладной глава Временного правительства наложил резолюцию: «Содержать прапорщика Крыленко под стражей по моему личному приказу». Очень странное распоряжение с точки зрения законности и тем более непонятное, если учесть, что исходило оно от юриста.

Правда, современники, близко знакомые с премьер-министром, дружно отмечали его злопамятность. Может быть, она сыграла свою роль? Наверняка Керенский запомнил выступление Крыленко на одном из заседаний I Всероссийского съезда Советов, когда тот резко раскритиковал политику Временного правительства и его главы...

В июле были арестованы многие большевики, которые вели революционную пропаганду среди солдат. В одно время с Крыленко в тюрьмах находились активные работники «Военки»: М. К. Тер-Арутюнянц, В. В. Сахаров, Р. Ф. Сиверс, П. В. Дашкевич. Из Гельсингфорса привезли в «Кресты» В. А. Антонова-Овсеенко и П. Е. Дыбенко, из Кронштадта — Ф. Ф. Раскольникова и С. Г. Рошаля. После корниловского мятежа почти все они по требованию масс были освобождены и в дни Октября приняли участие в организации вооруженного восстания.

Съезд Советов Северной области, в котором участвовали представители Петрограда, Москвы, Новгорода, Пскова, Вологды, Гельсингфорса, Выборга, Ревеля и других городов, некоторые историки справедливо называют «генеральной репетицией» II Всероссийского съезда Советов. Заседания его начались 11 октября 1917 года, а председателем делегаты единодушно избрали прапорщика Крыленко, недавно вышедшего из тюрьмы. Пять дней спустя на нелегальном заседании Центрального Комитета РСДРП(б) он решительно поддержал ленинский курс на вооруженное восстание.

Николай Васильевич был одним из создателей Военно-революционного комитета при Петроградском Совете и стал одним из самых действенных его работников. 24—25 октября Крыленко вместе с товарищами по комитету обеспечивал планомерный захват всех стратегических пунктов в Петрограде, организовывал осаду, а затем и штурм Зимнего дворца. В последующие дни ВРК был центральным штабом борьбы с контрреволюционными войсками Керенского — Краснова, с мятежом юнкеров в Петрограде.

II Всероссийский съезд Советов, взявший всю полноту власти в свои руки, формируя первое Советское правительство, ввел в его состав и прапорщика Крыленко, члена Комитета по военным и морским делам. Первоначально в этом высшем органе военной власти (вскоре он стал называться Народным комиссариатом) не было четкого распределения обязанностей и каждый из наркомов направлялся на тот или иной участок работы в зависимости от обстоятельств. Но постепенно члены Наркомвоена стали как бы специализироваться. И главным делом Крыленко на ближайшие месяцы стало создание условий для скорейшего начала мирных переговоров.

И после того как Ленин произнес знаменитые слова о том, что наконец свершилась революция, о необходимости которой все время говорили большевики, положение в Петрограде оставалось неустойчивым. Достаточно напомнить о том, что Временное правительство, объявленное низложенным, еще продолжало заседать в Зимнем дворце и, пользуясь неотключенными средствами связи, отдавало распоряжения Ставке и командующим фронтами. Вскоре после ареста правительства сбежавший из столицы Керенский двинул на Питер казачьи сотни конного корпуса генерала Краснова. А в самом городе подняли мятеж юнкера военных училищ.

Крыленко, как и его товарищи по военной коллегии, забыл в это тревожное время об отдыхе и сне. Удавалось лишь на считанные минуты провалиться в сон, сидя за письменным столом или в автомобиле. Он занимался формированием матросских и солдатских отрядов, их вооружением и снабжением, отправкой на фронт под Пулково и под Гатчину, блокированием военных училищ. Приходилось выезжать для выступлений в воинские части, которые заявили о своем отказе участвовать в борьбе на той или иной стороне.

Серьезные колебания проявили в эти дни солдаты броневого дивизиона, расположенного в Михайловском манеже. Там шли непрерывные митинги, и противникам большевиков удалось провести резолюцию о нейтралитете. Тревожило и то обстоятельство, что во время мятежа юнкерам удалось угнать из манежа несколько броневиков, а затем использовать их в уличных боях. Для переговоров с солдатами новое правительство направило народного комиссара Крыленко. Свидетелем состоявшегося митинга оказался американский журналист Джон Рид, который подробно описал выступление прапорщика, сумевшего переубедить своих слушателей, внушить им, что они должны принять активное участие в защите завоеваний революции.

«Крыленко еле держался на ногах от усталости,— писал Рид.—

Но чем дальше он говорил, тем яснее проступала в его голосе глубокая искренность, скрывавшаяся за словами. Кончив свою речь, он пошатнулся и чуть не упал. Сотни рук поддержали его, и высокий, темный манеж задрожал от грохота аплодисментов и восторженных криков».

С солдатами воинских частей Крыленко быстро находил общий язык. А вот с чиновниками-офицерами из военного министерства взаимоприемлемого разговора никак не получалось. Это ведомство, в стенах которого работали многие сотни офицеров и генералов, располагавшее самым крупным бюджетом среди всех государственных учреждений царской России, мало изменилось после Февральской революции. Большинство работавших здесь военных чиновников оставались в душе приверженцами монархии. Они и Керенского с его министрами терпели с большим трудом, а большевиков, как говорится, и на дух не восприняли, отнесясь к Октябрьскому вооруженному восстанию как к бандитской узурпации власти. Они не хотели и речи вести о каком-либо сотрудничестве с Совнаркомом.

Когда на третий день революции народный комиссар Крыленко явился в огромное здание военного министерства, расположенное на набережной Мойки, он увидел его безжизненным — в наступивших сумерках не светилось ни одно окно гигантского фасада. Швейцар объяснил, что кто-то отключил подачу электроэнергии. Раздобыв свечу, Крыленко обошел этажи, заглядывая сквозь раскрытые настежь двери в комнаты и залы. Кругом он видел брошенные на пол бумаги, выдвинутые ящики столов, распахнутые створки шкафов. Обитатели этих помещений распростились с ними всерьез...

Вскоре на улицах и площадях Петрограда появился подписанный народным комиссаром Крыленко приказ, в котором предписывалось всем чинам военного и морского ведомств, а также штаба округа немедленно приступить к исполнению своих обязанностей. Значительная часть чиновников военного министерства подчинилась приказу и вернулась в свои канцелярии. Однако повиновение оказалось чисто формальным. Находясь на своих рабочих местах, генералы и офицеры военведа откровенно саботировали распоряжения новой власти.

Но самому Крыленко заниматься делами министерства и борьбой с саботажем его чиновников в дальнейшем уже не пришлось. Он переключился на дела Ставки Верховного главнокомандующего.

Декрет Совнаркома о мире мог приобрести реальное значение лишь после конкретных шагов по его претворению в жизнь. И они

последовали незамедлительно, ибо достижение мира становилось вопросом вопросов для измученного войной народа, и от того, как быстро будет решаться эта задача, зависело отношение миллионов людей к новой власти, а в конечном счете судьба самой революции. Вот почему в тот же самый день, когда было всенародно объявлено о ее победоносном свершении, начался поиск действенных мер по осуществлению декрета. Однако мятеж Керенского — Краснова, выступление юнкеров питерских училищ, саботаж чиновников бывших правительственных ведомств отодвинули начало этой ответственнейшей работы на несколько дней.

7 ноября 1917 года генерал-лейтенант Н. Н. Духонин, которому недавно поручили исполнять обязанности Верховного главнокомандующего, получил предписание Совнаркома «обратиться к военным властям неприятельских армий с предложением немедленного приостановления военных действий в целях открытия мирных переговоров». Разумеется, генерал, не желающий ни в коей мере признавать новую власть, считающий народных комиссаров кучкой заговорщиков-узурпаторов, и не подумал браться за выполнение этого приказа. Ничего не отвечая Совнаркому, он тем временем довел до сведения командного состава армии текст полученного им предписания, сам смысл которого свидетельствовал, по мнению генералитета, об изменнических связях большевиков с германским штабом. Вставала реальная угроза дальнейшим взаимоотношениям России с союзниками.

Не получая ответа от Духонина, Совет Народных Комиссаров поручил Ленину, Сталину и Крыленко запросить Ставку о причинах промедления с началом мирных переговоров. Представители правительства повели разговор с Духониным по прямому проводу из помещения штаба Петроградского военного округа в ночь на 9 ноября. Позднее Ленин вспоминал об этом событии так: «мы знали, что идем на переговоры с врагом, а когда имеешь дело с врагом, то нельзя откладывать своих действий. Результатов переговоров мы не знали. Но у нас была решимость. Необходимо было принять решение тут же у прямого провода»[1].

Нелегким был этот ночной разговор, длившийся два с половиной часа. Поначалу к аппарату в Ставке подошел генерал-квартирмейстер Дитерихс, сообщивший, что Главковерх спит, а сам он не в состоянии ответить, почему до сих пор ничего не сделано для начала мирных переговоров. Крыленко напомнил о политической ответственности, и тогда в телеграфный разговор включился Духонин. Но и он уходил от ответа, задавал встречные вопросы,

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 87.

делая вид, что хочет прояснить обстановку. Тогда из Петрограда пришло ультимативное требование немедленно и безоговорочно приступить к переговорам. Он перестал хитрить, напрямую передал свой отказ подчиниться, ибо Совет Народных Комиссаров не имеет прав центральной правительственной власти, поддержанной армией и страной.

После открытого генеральского вызова наступил момент для принятия незамедлительного решения. И оно было принято тремя представителями Совнаркома в штабе Петроградского военного округа в пятом часу утра 9 ноября. Ленин продиктовал юзистке приказ об увольнении Духонина от занимаемой должности. «Мы предписываем вам,— говорилось далее в приказе,— под страхом ответственности по законам военного времени продолжать ведение дела, пока не прибудет в Ставку новый главнокомандующий или лицо, уполномоченное им на принятие от вас дел. Главнокомандующим назначается прапорщик Крыленко».

Духонин был ошеломлен таким поворотом дел, но, на свою беду, не принял ситуацию достаточно серьезно. О состоявшемся разговоре он оповестил по прямому проводу начальника Генерального штаба В. В. Марушевского и управляющего военным министерством А. А. Маниковского. Полученное им предписание он счел лишь блефом со стороны большевиков и сделал при этом вывод: «Как правительственная власть они, несомненно, бессильны...» Но пока высшие чины армии тешили себя иллюзиями, новая власть действовала быстро и решительно. В то же утро 9 ноября представители Совнаркома прямо из штаба округа поехали на военно-морскую радиостанцию «Новая Голландия» и передали в эфир сообщение для всех полковых, дивизионных, корпусных, армейских и других комитетов о смещении Духонина и назначении на его место прапорщика Крыленко. Пока руководители военного ведомства и командующие фронтами в своих телеграммах утешали Духонина тем, что по-прежнему признают лишь его руководителем Ставки, миллионы солдат на фронте и в тылу были оповещены радиограммой Совнаркома о новом назначении и приняли его как должное.

Отношение огромной массы солдат определялось прежде всего тем, что в переданном по радио сообщении Советское правительство заявляло им, что теперь дело мира в их руках. Совнарком уведомлял, что дает право полкам, стоящим на позициях, выбирать уполномоченных для вступления в переговоры о перемирии с неприятелем. Одновременно обращение призывало солдат не дать контрреволюционным генералам сорвать великое дело мира.

Противники большевиков поначалу опять-таки не приняли их

всерьез. Генерал Марушевский заявил, что такого рода действия «обозначают совершенно определенно анархию». Лидер эсеров В. М. Чернов с издевкой писал о мире «повзводно и поротно». Но и генерал, и партийный руководитель, так же как и большинство не признавших новую власть, не поняли значения этого прямого обращения к солдатским массам, которое резко изменяло всю политическую обстановку на фронте, ибо отныне отношение к делу мира становилось главным признаком, по которому многомиллионная армия четко разделялась на два лагеря. Примерно год спустя в статье «Смерть старой армии» Крыленко отмечал: «Это был безусловно правильный шаг, рассчитанный не столько на непосредственные практические результаты от переговоров, сколько на установление полного и беспрекословного господства новой власти на фронте. С момента предоставления этого права полкам и дивизиям и приказа расправляться со всяким, кто посмеет воспрепятствовать переговорам, дело революции в армии было выиграно, а дело контрреволюции *безнадежно проиграно*».

Военные действия как бы парализовались, а немцы, как и ожидалось, заняли выжидательную позицию. Теперь нужны были безотлагательные практические шаги по установлению официального перемирия. И они последовали. Их не остановили ни отчаянные попытки генералитета продолжать войну, ни грозная дипломатическая нота, полученная от начальников военных миссий союзных держав в Петрограде, в которой правительства Антанты протестовали против того, чтобы Россия заключала перемирие или приостанавливала военные действия. В противном случае союзники угрожали самыми тяжелыми последствиями.

Совнарком правильно рассчитал, что воля солдатских масс поможет преодолеть любое сопротивление. Осуществление первых практических мер по установлению перемирия было поручено народному комиссару Крыленко. Всего два дня спустя после обращения членов правительства к армии молодой Главковерх был готов к выезду на фронт. Вместе с ним должны были выехать и члены специально сформированной для ведения переговоров делегации, председателем которой был назначен А. А. Иоффе, а секретарем — Л. М. Карахан. Предстояла в подлинном смысле слова поездка в неизвестность, потому что Северный фронт, куда направлялся из Петрограда специальный эшелон, возглавлял ярый противник перемирия генерал В. А. Черемисов, да и армиями, корпусами, дивизиями фронта командовали люди, настроенные против сепаратного мира. В их руках были особо доверенные подразделения — ударные батальоны, казачьи сотни, конвойные команды, нацеленные на выполнение любого приказа. А сопрово-

ждал Крыленко и делегацию лишь небольшой отряд матросов и красногвардейцев в полсотни человек.

Главковерх не делал из своего маршрута никакого секрета — он заранее объявил, что направляется в Двинск, в штаб 5-й армии (было намечено, что именно с ее позиций парламентеры перейдут линию фронта). Когда в Могилеве стало известно об этом, генерал Духонин и председатель общеармейского комитета при Ставке штабс-капитан Перекрестов направили приказ начальнику 1-й Финляндской стрелковой дивизии, стоявшей в Шклове по пути следования нового Главковерха. В приказе предписывалось не пускать идущий из Петрограда эшелон дальше Орши и «вооруженной силой воспрепятствовать вооруженному конвою прапорщика Крыленко продолжать путь дальше».

Так Ставка вступила в прямое противоборство с новым Главковерхом. Но в Шклове случилось на первый взгляд невероятное — начальник дивизии, считавший Духонина единственно законным руководителем Ставки, не выполнил его приказа, не посмел выполнить. Солдаты с восторгом встречали народного комиссара, который ехал на фронт для того, чтобы наконец покончить с ненавистной войной, и было бы безумием проявить в их присутствии какую-либо враждебность к нему.

Но если солдаты безоговорочно признали прапорщика Верховным главнокомандующим, то высшие военачальники сочли для себя невозможным выполнять его приказы или являться к нему по его вызову. Первый случай прямого неповиновения произошел в Пскове, где располагался штаб Северного фронта. Еще с промежуточной станции Крыленко телеграфировал главкосеву В. А. Черемисову: «Еду специальным поездом № 409. Жду вас на вокзале». Главковерх предполагал обсудить с генералом ряд вопросов. Но на псковском вокзале Черемисова не оказалось. Не принял он и приглашения, переданного по телефону и письменно.

Неповиновение выглядело демонстративно, и нельзя было оставить его безнаказанным. Председатель Псковского военно-революционного комитета старый партиец Б. П. Позерн, ставший комиссаром Северного фронта, получил предписание, отстранявшее главкосева от должности. В эти же дни в Минске фронтовой Военно-революционный комитет отстранил от должности главнокомандующего армиями Западного фронта генерала П. С. Балуева, отказавшегося начать переговоры о перемирии. На его место временно назначили командира одного из полков подполковника В. В. Каменщикова — члена большевистской партии.

Утром 12 ноября специальный поезд № 409 прибыл на станцию Двинск, где Крыленко встретила с воинскими почестями делегация

комитета 5-й армии. На путях стояли подготовленные к отправке эшелоны. Солдаты, высыпавшие из теплушек, плотным кольцом окружили Главковерха, выражали ему свою признательность, просили побыстрее начать «замирение с германцем». Но командующий армией В. Г. Болдырев, получив по телефону приглашение явиться в вагон Крыленко, уклонился от встречи. Не пришел он и на заседание армейского комитета, послал вместо себя офицера штаба Красовского, вручив ему тексты дипломатических союзнических нот.

Духонин, его окружение и весь генералитет отнеслись к нотам более чем серьезно. Высшее военное руководство армии рассчитывало, что предупреждение союзников должно образумить большевиков в их стремлении заключить сепаратный мир. Вот почему представленные на заседание армейского комитета ноты должны были произвести ошеломляющий эффект и заставить образумиться «самозваного Главковерха» и «комитетчиков». Однако ничего подобного не случилось. Когда в ходе заседания штабс-капитан Красовский рассказал присутствующим о предостережении правительств союзных держав, он уловил появившуюся на лицах членов комитета растерянность. Казалось, намеченная цель близка. Но Крыленко незамедлительно ответил, что ноты его не смущают.

— По моему мнению,— добавил он,— это типичная политика запугивания, которую союзники не в силах провести в жизнь.

Солдаты одобрительно зашумели. Кто-то предложил не терять времени и наметить конкретные меры для начала переговоров с немцами. Все согласились с этим и для начала решили наметить кандидатов в парламентарии. Нужны были люди, твердо убежденные в необходимости немедленного заключения мира, достаточно образованные для ведения переговоров и владеющие немецким языком.

Два таких человека нашлись в составе самого армейского комитета — военный врач Михаил Сагалович и вольноопределяющийся Георгий Мерен. Третьего отыскали в 9-м гусарском Киевском полку. Это был военный летчик поручик Владимир Шнеур. Отобрав парламентеров, Крыленко, не теряя времени, засел за составление официального письменного полномочия для них. Через несколько часов текст был готов. Народный комиссар по военным и морским делам, Верховный главнокомандующий армиями Российской Республики письменно предоставлял им право обратиться к командованию немецкими войсками с запросом, согласно ли оно прислать своих уполномоченных для открытия немедленных переговоров. Их целью должно явиться установление перемирия на всех фронтах, а затем и подписание мирного договора.

13 ноября над окопом, занимаемым одним из подразделений 19-го армейского корпуса, появился белый флаг. Вслед за этим на бруствер поднялись три парламентера, которых, как положено международными правилами, сопровождал трубач. Неся белый флаг, они направились в сторону немецких позиций. Стоявший в окопе Крыленко смотрел, как медленно идут они по изрытому воронками полю. Рядом с ним стояли члены будущей — пока еще никем не признанной делегации Советской России, которой предстояло вести переговоры с Германией. Но пока никто из них не ведал, согласятся ли вообще немцы вступать в официальные отношения с представителями новой власти, сочтут ли они возможным принять полномочия, данные им прапорщиком Крыленко, которого Совнарком назначил Верховным главнокомандующим.

Парламентеры вместе с трубачом спрыгнули в немецкую траншею и скрылись из виду. Теперь оставалось только одно — ждать. Крыленко вместе с товарищами вернулся в Двинск и оттуда уже ночью связался по прямому проводу с Могилевом. Там к аппарату подошел комиссар при Ставке В. Б. Станкевич — человек, которого он хорошо знал еще до войны, когда тот был активным сотрудником меньшевистского журнала «Современник». Позже кончил школу прапорщиков, а после Февральской революции был комиссаром Временного правительства на Северном фронте, затем — в Ставке. Станкевич враждебно отнесся и к Октябрьской революции, и к новому правительству, и к идее заключения мира. Когда он узнал от Крыленко, что парламентеры уже пересекли линию фронта, то назвал эту попытку самочинной и в запальчивости добавил, что власти Крыленко как Верховного главнокомандующего армия не признает. Категорически отверг он и указание сообщить войскам через средства связи Ставки о недопустимости какой-либо перестройки до возвращения парламентеров.

О своем разговоре с Крыленко комиссар уже несуществующего Временного правительства поспешил сообщить Духонину. К удивлению Станкевича, шаги, предпринятые «самозваным Главковерхом» были расценены как начало крушения власти большевиков. Логика рассуждений штабистов была такова: немцы ни при каких обстоятельствах не признают прав крыленковских посланцев и, разумеется, откажутся вести переговоры с «незаконной» властью. А раз так, то получается, что Крыленко вырыл ловушку и для себя, и для Совнаркома, представителем которого он является. Узнав об отказе немцев, солдаты прозреют и поймут, что большевики их обманывают — никакого мира они дать не в состоянии. И тогда участь захвативших власть «предателей» будет решена...

А тем временем в Двинске Крыленко с тревогой и надеждой

ожидал возвращения парламентеров. Они вернулись неожиданно скоро — меньше через сутки после того, как перешли линию фронта. Сам этот факт, казалось, не сулил ничего хорошего, но из первых же слов возвратившихся стало ясным: согласие на переговоры получено! А сами события, как рассказывали парламентеры, развивались с непостижимой быстротой. Их полномочия были признаны, что называется, с ходу, а с того момента, как они впервые спустились в неприятельскую траншею, понадобилось всего лишь четыре часа для того, чтобы их предложения были переданы по всем инстанциям, чтобы германское верховное командование обдумало их и сообщило о своем согласии вести переговоры на принципах, предложенных Главковерхом Крыленко. А всего четыре часа спустя в штабе дивизионного генерала Гофмейстера было подписано соглашение о том, что официальная встреча представителей воюющих сторон начнется в Брест-Литовске в 12 часов дня по среднеевропейскому времени 19 ноября 1917 года. Было обусловлено также, что русской делегации предоставляется специальный поезд и прямой провод для связи со своим руководством.

После подписания соглашения генерал Гофмейстер сообщил парламентерам, что верховное командование приказало германским войскам прекратить стрельбу на всем фронте, если она не будет вызываться действиями русской стороны. Узнав об этом, Крыленко немедленно издал аналогичный приказ по армии и флоту. В нем содержалось и предостережение в адрес тех, кто попытался бы сорвать начинающееся перемирие: «Всякого, кто будет скрывать или противодействовать распространению этого приказа, предаю революционному суду местных полковых комитетов вне обычных формальностей».

Впервые после трех лет войны смолкла канонада на тысячекилометровом русско-германском фронте, перестала литься людская кровь. Десятки миллионов измученных войною людей поняли: вот он, первый реальный шаг к долгожданному миру. А вскоре — 22 ноября — в Брест-Литовске было подписано и официальное соглашение двух сторон о перемирии.

Но этот огромный успех политики мира был достигнут вопреки духонинской Ставке, при ее настойчивом сопротивлении и непрекращающихся попытках помешать переговорам. Духонин, находясь в окружении верных ему воинских частей, пользуясь поддержкой генералитета, игнорировал приказ Совнаркома, отрешавший его от должности. Он пользовался поддержкой расположенного в Могилеве общеармейского комитета, в котором большинство составляли эсеры и меньшевики, избранные в его состав в то время, когда солдаты еще верили обещаниям соглашательских

партий. Комитетчики, как и генералы, не признавали власти Совета Народных Комиссаров и считали недопустимым переход аппарата Ставки в руки прапорщика Крыленко.

Но дело было, разумеется, не только в том, что в Могилеве демонстративно отказывались повиноваться новой власти. Главная опасность состояла в том, что Ставка на глазах превращалась в центр контрреволюции. Держа в руках средства управления армией, она пока еще бесконтрольно пользовалась ими и начала стягивать на подступы к Петрограду войска, выполнявшие ее приказы. Много лет спустя советские историки найдут в архивах телеграфные ленты переговоров штаба Верховного главнокомандующего с главнокомандующими фронтами, и тогда станет ясным в деталях план военного заговора против новой власти. Вызванные с Юго-Западного фронта корпуса, а также расположенные неподалеку от столицы казачьи дивизии предполагалось внезапно двинуть на революционный Питер, разоружить его гарнизон, разогнать Советы и все демократические организации, расстрелять и перевешать всех непокорных — и не только большевиков, но и иных «социалистов».

Но если детали этого плана не могли быть известны Совнаркому в те дни, то сам факт переброски и сосредоточения войск на подступах к Петрограду не мог остаться незамеченным, а цель, для которой проводилась эта операция, в общих чертах была ясна. Возникла необходимость немедля ликвидировать возникшую опасность, овладеть аппаратом управления войсками, использовать его для преобразования армии, обеспечения начавшихся переговоров о мире. Выполнение этой задачи Совнарком возложил на народного комиссара Крыленко.

17 ноября Духонину доложили, что из Петрограда выехал в направлении на Могилев сводный отряд революционных войск. Получив сведения о его численности и составе, генерал особенно не встревожился, ибо считал, что располагает для защиты Ставки силами во много раз большими. Собравшийся на совещание общеармейский комитет заявил, что будет бороться за Ставку «всеми доступными и возможными способами». Комиссар Станкевич призвал войска отстаивать ее «во что бы то ни стало». Командир 1-го ударного полка подполковник В. К. Манакин от имени всех ударников заявил, что они «готовы умереть до последнего, защищая Ставку и Верховного главнокомандующего».

Однако ближайшие трое суток показали, что в непредсказуемой революционной обстановке опасно полагаться на формальную численность подготовленных для защиты Могилева войск и на торжественные заверения о готовности сражаться. По приказанию

Крыленко из частей Западного фронта срочно формировались отряды, которые заблокировали железнодорожные узлы, заняли крупные станции, лишив сторонников Духонина возможности маневрировать своими силами. Часть отрядов была нацелена непосредственно на Могилев.

Хотя вышедшим из Питера эшелонам была по всему пути обеспечена «зеленая улица», Крыленко не спешил, делая длительные остановки на станциях, прощупывая настроение расположенных вблизи гарнизонов. И в какой бы город ни прибывал его отряд, он повсюду находил полную поддержку солдат и избранных ими комитетов. Из прифронтовых частей поступали в его адрес приветственные телеграммы. Но самое важное заключалось в том, что войска, на которые надеялся Духонин, беспрепятственно пропускали крыленковский отряд. Представители казаков заверяли, что они хотят лишь одного — чтобы их самих не трогали. Из Финляндской дивизии сообщали, что она вообще не намерена драться с кем-либо. Легионеры польского корпуса генерала Довбор-Мусницкого, обещавшего Ставке свою помощь, торжественно заявили, что будут соблюдать полный нейтралитет «во внутренних делах России».

Чем ближе продвигались к Могилеву крыленковские эшелоны, тем напряженнее становилась обстановка в самом городе. Заседавший здесь общеармейский комитет на глазах терял свою воинственность и стал высказываться в том духе, что надо отказаться от самой идеи вооруженного сопротивления. Вечером 18 ноября представители частей Могилевского гарнизона, а также входившие в местный Совет большевики и интернационалисты создали Военно-революционный комитет, который к полуночи был признан и утвержден исполкомом Совета. ВРК, возглавленный левым эсером Усановым, заявил, что берет всю полноту власти в городе в свои руки.

Через сутки погрузились в эшелоны и покинули Могилев ударные батальоны — последняя сила, на которую мог опереться Духонин. Военно-революционный комитет, объявив, что признает единственно законным и народным Главковерхом прапорщика Крыленко, отдал приказ о роспуске общеармейского комитета. Духонин, верховный комиссар Временного правительства Станкевич, помощник начальника штаба по политическим делам Вырубов были отправлены под домашний арест.

Но еще до этого Духонин успел подписать приказ об освобождении из быховской тюрьмы генерала Корнилова и его ближайших сподвижников по контрреволюционному мятежу в августе 1917 года — генералов Деникина, Лукомского, Маркова, Романовского, Эрдели и других. Фиксируя свою подпись на бумаге, бывший Глав-

коверх сказал присутствующим с ноткой обреченности: «Этим распоряжением я подписал себе смертный приговор». И события следующего дня подтвердили это мрачное предсказание по поводу собственной судьбы...

Утром 20 ноября представители Могилевского ревкома встретили эшелоны Крыленко на станции. Первым прибыл головной отряд под начальством прапорщика В. В. Сахарова, затем отряды балтийских матросов, которыми командовал мичман С. Д. Павлов, и поезд Верховного главнокомандующего. В городе было беспокойно. Прибывшие из Петрограда балтийцы и солдаты Литовского полка прошли по улицам города под звуки военного оркестра, приветствуемые жителями. Заехав в Военно-революционный комитет, Крыленко отправился в Ставку, чтобы принять дела. Никаких недоразумений при этом у него не возникло.

Однако ситуация в городе стала быстро накаляться. Поводом для волнений послужил пущенный кем-то слух о том, что генерал Корнилов идет на Могилев во главе Текинского полка и что под Жлобином уже начался бой. Возникали митинги, солдаты и матросы арестовывали генералов, требовали выдачи Духонина. Пытаясь его спасти, мичман Павлов отвез бывшего Главковерха на станцию, поместил в крыленковский салон-вагон, распорядился об охране.

Крыленко находился в Ставке, когда ему сообщили, что собравшаяся у его поезда толпа требует выдачи Духонина и пытается силой вытащить его из вагона. Бросив все дела, Главковерх на автомобиле помчался на станцию. Но ни его приезд, ни уговоры разойтись не возымели действия...

Позже в белогвардейском стане его называли прямым виновником убийства Духонина. Еще позже, уже в наши дни иные публицисты, ссылаясь на «неправедность» Крыленко на процессе над Промпартией или в «шахтинском деле», пытаются найти логическую связь между этими судилищами и тем, что произошло на станции Могилев 20 ноября 1917 года. Но это искусственная «привязка» — в тот день Крыленко, по свидетельствам очевидцев, сделал все возможное, чтобы не допустить самосуда, однако его самого, схватив за руки, выволокли из вагона и держали до тех пор, пока не растерзали генерала.

Это убийство стало печальным прецедентом. В годы гражданской войны существовала своего рода формула: «Отправить в штаб Духонина». То есть расстрелять.

Трагический эпизод на станции Могилев не мог не встревожить работавших в Ставке генералов и офицеров. Когда Крыленко своим приказом освободил всех арестованных штабников и просил

их приступить к своим обязанностям, многие из них вернулись к делам, что называется, через силу, решив покинуть город при первом удобном случае. Зато солдаты повсеместно горячо приветствовали нового главу Ставки, слали ему поздравления. Типична в этом отношении телеграмма делегатов съезда армий Западного фронта, которые передавали товарищеский привет «Верховному главнокомандующему, занявшему последнее гнездо контрреволюции» и выражали уверенность в том, что отныне «армии победоносной рабоче-крестьянской революции спаяны воедино одним аппаратом высшего управления».

Однако реальная обстановка вовсе не давала повода для подобного оптимизма. Уже после официального вступления в должность, о котором он объявил в обращении к армии и флоту, Крыленко столкнулся со случаями неповиновения со стороны командующих воинскими соединениями, с попытками игнорировать его приказы. Николай Васильевич, ознакомившись с положением дел, понял, что без надежных помощников ему никак не обойтись. И прежде всего нужен был человек на пост начальника штаба Ставки. Такого человека он нашел в лице командующего Могилевским гарнизоном генерал-лейтенанта М. Д. Бонч-Бруевича.

Михаил Дмитриевич был родным братом Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича — старейшего члена большевистской партии, ставшего первым управляющим делами Совнаркома. Генерал-лейтенант охотно принял предложение. Выбор Крыленко оказался на редкость удачен — новый начальник штаба, являвшийся прекрасным специалистом военного дела, сумел привлечь к работе немало бывших генералов царской армии, которые впоследствии оказали весомую помощь в создании Вооруженных Сил Советской республики.

Большую роль в реорганизации Ставки сыграл специально созданный при ней Военно-революционный комитет, который возглавил прапорщик А. Ф. Боярский. Комиссары ВРК были направлены во все службы и управления Ставки и взяли под контроль всю деятельность аппарата. Комитет активно помогал Главковерху в разработке мер по демократизации старой армии. Проект, представленный в Совнарком, вскоре был одобрен, и 16 декабря 1917 года были обнародованы два новых государственных документа — Декрет об уравнении в правах всех военнослужащих и Декрет о выборном начале и об организации власти в армии. Оба документа были подписаны председателем Совнаркома Лениным и народным комиссаром Крыленко.

Ставка Верховного главнокомандующего создавалась в 1914 году как орган для ведения военных действий, но с ноября семнад-

цатого, когда замолкли пушки по всему русско-германскому фронту, а сама его линия застыла в неподвижности, отпала необходимость в разработке наступательных и оборонительных операций. Теперь основные усилия служб Ставки сосредоточивались вокруг вопросов снабжения, медицинского обеспечения, хозяйственных дел. И все же, пока переговоры в Брест-Литовске не завершились официальным подписанием мира, угроза возобновления военных действий оставалась и необходимость содержать на линии фронта огромную армию отнюдь не снималась.

Это понимала и Ставка, и командный состав на позициях, но этого никак не хотели понять миллионы солдат. Пушки молчали, мир казался уже достигнутым, война окончившейся, и неясно было, для чего им оставаться в промерзших окопах и душных землянках, когда дома накопилось столько работы, по которой истосковались руки. И солдаты стали уходить с позиций в тыл явочным порядком. Дезертирство достигло небывалых размеров, и с каждым днем его масштабы расширялись. Остановить его в тех условиях уже было невозможно. Армия разваливалась на глазах.

Но в это же время появились тревожные симптомы консолидации сил внутренней контрреволюции, пытавшейся создать новые воинские формирования из офицеров и солдат старой армии. Очаги контрреволюции возникли на Дону, в оренбургских степях и других местах. Необходимо было создавать собственные силы для борьбы с врагами Советской власти. 22 декабря при Ставке начал действовать Революционный полевой штаб. Начальником отдела укомплектования Крыленко назначил подполковника В. В. Каменщикова, а во главе оперативного отдела поставил полковника И. И. Вацетиса. Оба этих офицера впоследствии сыграли видную роль в начавшейся гражданской войне.

С каждым днем все острее осознавалась необходимость создания новой рабоче-крестьянской армии. Но как это сделать, не было ясным ни Ставке, ни правительству. Когда 16 декабря Крыленко представил Совнаркому свой доклад о переходных формах устройства армии в период демобилизации, в тот день правительство не приняло никакого решения по докладу, ибо в деле создания Вооруженных Сил республики еще многое было неясным. Ленин позднее со всей откровенностью описывал сложившуюся тогда ситуацию: «Мы шли от опыта к опыту, мы пробовали создать добровольческую армию, идя ощупью, нащупывая, пробуя, каким путем при данной обстановке может быть решена задача»[1]. И одним из самых активных участников этого нелегкого поиска был Крыленко. Воен-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 138.

ная коллегия, членом которой он был, шаг за шагом шла к намеченной цели.

В конце декабря Главковерх подписал приказ о создании народно-социалистической гвардии, а затем издал специальную инструкцию о порядке ее формирования. Это был один из вариантов образования добровольческой армии. По всем фронтам и в тылу началась запись добровольцев. А 15 января появился декрет Совнаркома об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Формирование ее было возложено на специально учрежденную Всероссийскую коллегию, в состав которой вошли Н. В. Крыленко, К. А. Мехоношин и Н. И. Подвойский.

Запись в армию достигла довольно широких масштабов. Добровольческие армейские подразделения создавались в Петрограде, Москве, в Иваново-Вознесенске, в городах Урала и других местах. Вступали в Красную Армию и фронтовики, иногда целыми воинскими частями. Менее чем за полтора месяца после опубликования декрета об РККА только на Северном и Западном фронтах в нее влилось до 40 тысяч человек.

С 18 февраля 1918 года, нарушив условия перемирия, германские войска перешли в наступление по всему фронту. Старая армия к этому времени, точнее, ее остатки оказались совершенно небоеспособными и, не оказывая сопротивления захватчикам, отступали в полном беспорядке, бросая оружие и снаряжение. Отдельные отряды добровольцев, брошенные навстречу наступавшим немецким частям, не могли остановить их продвижения. 23 февраля в «Правде» был опубликован приказ Главковерха Крыленко о революционной мобилизации, который предписывал открыть во всех районных Советах и районных штабах Красной Армии новые пункты для записи добровольцев, население городов мобилизовывалось на рытье окопов.

В тот же день Николай Васильевич участвовал в заседании Центрального Комитета партии, на котором твердо поддержал предложение Ленина о немедленном принятии условий мира, предъявленных Германией. А вечером Крыленко выступил на объединенном заседании фракции большевиков и левых эсеров Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, раскрыв перед его участниками всю бесперспективность дальнейших боевых действий против немцев. А на следующий день, когда ВЦИК принял ленинское предложение о подписании мира, на долю Крыленко выпало сообщить об этом решении германскому командованию...

Николай Васильевич Крыленко находился на посту Верховного главнокомандующего до 9 марта 1918 года, когда решением

Совнаркома он был освобожден от обязанностей Главковерха в связи с упразднением этой должности. Но еще за несколько дней до этого была упразднена и сама Ставка. Всю полноту военной власти взял на себя новый орган — Высший Военный Совет республики. Но объективности ради следует отметить, что ликвидация должности Верховного главнокомандующего стала формальным поводом для отстранения Крыленко от военных дел. Основная причина изложена в автобиографии им самим: «ввиду принципиальных разногласий по вопросу формирования Красной Армии». Главное, в чем он разошелся во мнениях со своими коллегами по военному ведомству, был вопрос о военных специалистах. На протяжении четырех месяцев, постоянно встречаясь с представителями командования старой армии, Николай Васильевич видел в их лице врагов Советской власти, яростно сопротивлявшихся ее решениям, делавшим все возможное, чтобы сорвать переговоры с немцами, а затем и заключение мира. Он не доверял им и считал невозможным привлечь их к строительству Вооруженных Сил республики.

В ту пору он, как и многие другие радикально настроенные большевики, еще не пришел к пониманию столь простой (с точки зрения сегодняшнего дня) истины, что строить что-либо без специалистов — дело, чреватое тяжелыми последствиями. Но в этом ему вскоре и самому пришлось убедиться после того, как он получил от Совнаркома назначение, как он сам выразился в той же автобиографии, «в ведомство юстиции по отделу исключительных судов».

Революция полностью ликвидировала всю старую правовую систему. Так что утверждение Крыленко о том, что он был направлен в ведомство юстиции, выглядит чисто условно. Советскую систему юстиции еще предстояло создать, а Николаю Васильевичу Крыленко было предназначено стать одним из основных ее творцов. Но на это уйдет много лет, и на этом пути будет совершено немало ошибок.

Что касается назначения «по отделу исключительных судов», то его следует пояснить. В 1918 году параллельно существовали два вида советского судопроизводства — народные суды и революционные трибуналы. Первые, редко имевшие в своем составе людей с юридическим образованием, не обладавшие сводом законов, которыми следовало руководствоваться, действовавшие по принципу «правовой самодеятельности», занимались в основном гражданскими делами. Вторые были призваны вершить суд прежде всего над классовыми противниками, заниматься политическими делами. Именно во вторую систему судопроизводства был направ-

лен Крыленко. В июне 1918 года он стал председателем Верховного трибунала при ВЦИК. Выступал государственным обвинителем в ряде политических судебных процессов, в том числе и на процессе правых эсеров, организовавших покушение на В. И. Ленина.

Крыленко хорошо осознавал несовершенство правовых институтов того времени и многое сделал для создания советского суда и прокуратуры. Его по праву считают главным организатором судебной реформы 1922 года, создавшей единую систему судопроизводства на всей территории РСФСР. После 1931 года он был назначен наркомом юстиции РСФСР, а с 1936 года — СССР.

Он получил широкую известность как автор многих работ по теории права, участвовал в разработке кодексов законов, в подготовке Конституций СССР и РСФСР, заведовал кафедрой в Московском институте советского права и преподавал в Институте красной профессуры. Крыленко был человеком разносторонних интересов.

В нынешнее время в ряде печатных работ порой встречаются упреки, а то и прямые обвинения в том, что Крыленко был одним из основоположников сталинского террора. Разумеется, этот незаурядный человек был носителем взглядов своего времени. В ту пору, когда не были еще созданы многие советские законы, он был вынужден руководствоваться в решении дел здравым смыслом и «революционной» целесообразностью. Но ведь и никто не сделал больше него для упорядочения судебной системы, для воспитания новых поколений советских юристов. И именно он, а не кто другой в декабре 1927 года осмелился высказать свои сомнения в выступлении на XV съезде партии и пытался доказать, что прокуратура обязана руководствоваться законом, а не произвольно толкуемой целесообразностью. Попытался и был осмеян...

А в 1938 году он и сам стал жертвой сталинского террора.

Архипенко В. К.

Член Комитета по военным и морским делам П. Е. ДЫБЕНКО

Когда в ночь на 27 октября 1917 года II Всероссийский съезд Советов утвердил состав первого правительства победившей революции в количестве пятнадцати человек, в состав Совета Народных Комиссаров вошел и матрос Балтийского флота Павел Дыбенко, двадцати восьми лет от роду.

Позднее члены первого Совнаркома, вспоминая о начале новой, неведомой для всех них деятельности по управлению страной, считали необходимым отметить, что в этом деле у них не было ни малейшего опыта. Зато у каждого был огромный опыт революционной борьбы, способность к действиям, умение самостоятельно принимать решения. И конечно же, огромное значение имело одно обстоятельство, уже давно подмеченное как советскими, так и зарубежными историками,— высокий образовательный уровень

этих людей, знакомых с философией, политической экономией, социологией, историей отнюдь не понаслышке. И среди этих, обладающих глубокими знаниями, людей вдруг оказывается простой матрос, «официальное образование» которого подтверждено лишь свидетельством об окончании двухклассного городского училища. Отчего же Ленин, размышлявший о составе первого правительства, посчитал нужным ввести его в правительство? Почему рядовой матрос, по любым меркам малообразованный, удостоен столь высокого доверия?

Чтобы лучше понять это, стоит вспомнить хотя бы об основных вехах жизни этого незаурядного человека, об особенностях его нелегкой противоречивой судьбы.

Павел Ефимович Дыбенко был родом из крестьянской семьи, которая, как он сам писал, «при девяти душах имела три десятины земли, одну лошадь и одну корову». И отец и мать, чтобы прокормить семью, занимались поденной работой, а потом вынуждены были отправлять в наймиты и своих детей. Павел был старшим сыном, и ему уже с семилетнего возраста пришлось познать тяжесть подневольного труда — он помогал боронить, возить удобрения, пасти скот. Зимой попробовали отдать его в обучение к поповской дочке, но, когда она стала вбивать в него грамоту тумаками, он сбежал от нее и тем самым еще малолеткой доказал строптивость своего характера. Премудрости букваря он постиг в народной сельской школе, где учительница, в отличие от поповны, отнеслась к нему с лаской и вниманием. Именно ей он обязан тем, что смог продолжать обучение в городском двухклассном училище. Хотя и с большим трудом, но ей удалось уговорить родителей Павла, не желавших отпускать сына в город и тем самым лишиться пары рабочих рук.

Каждый класс училища был двухгодичным. Зимой Павел учился, а на каникулах работал у мелкопоместных дворян, зарабатывая на учебники и одежду. Училище он закончил в 14 лет. Родители настойчиво звали его домой. Но в деревню Павел решил не возвращаться, поступил в казначейство на канцелярскую работу, однако с каждым месяцем ему становилось все труднее дышать в затхлой атмосфере казенного провинциального учреждения. Его потянуло к морю, о котором он знал лишь из книг.

Семнадцатилетним он приехал в Ригу искать свое счастье. Да только знания, полученные ранее в училище, и навыки, приобретенные в казначействе, не помогли пробиться «в люди». Зато природное здоровье да и силенка, которой судьба его не обделила,

помогли зарабатывать на жизнь. Павел стал грузчиком в Рижском порту. Правда, к зиме работа прекращалась, но заработанных денег хватало только, чтобы прожить до следующей навигации. Он поступил было работать на рижский холодильник, но, когда примкнул к начавшейся здесь забастовке, его немедленно уволили, и пришлось немало победствовать без работы.

В 1911 году подоспело время призыва на военную службу. Дыбенко попытался увильнуть, но не тут-то было — его сразу же разыскали, взяли под стражу и отправили по этапу на родину в Новозыбков. А там члены призывной комиссии, поглядев на статного парня, в один голос решили: направить на флот. И наверняка быть бы ему по всем статьям в гвардейском экипаже, обслуживающем царскую семью, но помешала лаконичная справка из рижского полицейского управления: «политически неблагонадежен» (припомнили ему участие в забастовке).

Учение во 2-м Балтийском флотском экипаже, в классе электриков и на учебном судне «Двина», далось ему легко, а вот с дисциплиной никак не мог свыкнуться. Среди других матросов Дыбенко выделялся независимым характером, обостренным чувством собственного достоинства. Эти свойства его натуры никак не вписывались в обстановку флотской муштры и жесткой дисциплины. Офицеров раздражал этот рослый матрос с дерзким взглядом, никогда не боявшийся высказывать свое мнение. Но службу он нес исправно и дело знал досконально, так что в этом придраться к нему было трудно. Хотя, впрочем, все же придирались. И пришлось Павлу изведать едва ли не полный набор уставных наказаний, вплоть до карцера.

В декабре 1912 года Дыбенко направили на линейный корабль «Император Павел I», считавшийся одним из лучших на Балтийском флоте. Команда хорошо приняла Павла — матросам пришлись по душе смелость его суждений, широта натуры, готовность помочь товарищам, способность к острому и меткому слову. Он осмеливался выражать вслух недовольство порядками на корабле и во всем государстве российском, открыто говорил, что нельзя быть стадом баранов, что надо объединяться для отпора. Но именно эта открытость вызвала настороженное отношение к нему со стороны складывающейся на корабле подпольной большевистской организации, которая окрепла и повела активную работу в ходе начавшейся войны. Один из активных подпольщиков — Николай Ховрин — позднее вспоминал, что члены организации опасались вступать в контакт с Дыбенко, резонно считая, что его слишком смелые речи могут быстро дойти до ушей агентов охранки. И это, несомненно, задержало вхождение Павла в работу подполья.

Весной шестнадцатого года Павла направили в составе морского батальона на фронт под Ригу. Но распропагандированные матросы не только сами отказались участвовать в наступлении, но и склонили к тому же расположенный по соседству 45-й Сибирский полк. Батальон был срочно отозван с фронта и расформирован. Многих, в том числе и Дыбенко, арестовали.

Февральскую революцию Павел встретил, будучи матросом-баталером на транспорте «Щ», куда его определили после отсидки. И с первых же ее дней выявилось, что те свойства характера Дыбенко, которые лишь мешали ему на царской службе, оказались как нельзя более кстати в водовороте революционных событий. Он берется за дело горячо и напористо, выступает на матросских митингах и собраниях, организует печатание листовок, группирует вокруг себя матросов-большевиков. Когда по заданию ЦК РСДРП в Гельсингфорс приехали Ильин-Женевский, Жемчужин, Зинченко, Пелихов и другие партийные работники, именно Дыбенко помог им собрать местных большевиков на транспорте «Щ». Первым его партийным поручением был поиск типографского станка. Вместе с матросом Марусевым он разыскал его в одной из типографий и, не задумываясь, конфисковал. Этот решительный акт послужил началом для издания в Гельсингфорсе легальной большевистской газеты «Волна». В начале апреля, с образованием Гельсингфорсского комитета РСДРП, Дыбенко был избран в состав его исполнительной комиссии, а несколько позже в графе, где отмечались поручения членам комиссии, появилось четыре буквы: ЦКБФ. Так обозначалась новая выборная матросская организация — Центральный комитет Балтийского флота, сыгравшая исключительно важную роль в развитии революционных событий не только на Балтике, но и во всей России. Дыбенко был одним из ее создателей, одним из авторов ее устава и первым ее председателем. Центробалт утверждал свое положение истинно революционным путем. Когда руководство Гельсингфорсского Совета, увидевшее в создании новой организации попытку ущемить его власть, отказалось предоставить ей помещение, Дыбенко предложил явочным путем занять стоявшее у стенки посыльное судно «Виола». Что и было сделано. Услышав опасение одного из товарищей, что, мол, могут и выгнать, Дыбенко усмехнулся, сказав коротко: «Не посмеют. А коли что, так вызовем караул с «Петропавловска».

30 апреля на корабли, расположенные в Гельсингфорсе, Кронштадте, Ревеле и других базах, поступило извещение: «Центральный комитет Балтийского флота просит все вопросы, касающиеся внутренней и административной жизни всего флота, для их окончательного решения направлять к нему».

Для окончательного решения! В этом была вся соль. Центробалт недвусмысленно заявлял, что отныне намерен контролировать все действия командования и отменять его решения, если они представляют угрозу для революции. Встревожилось не только командование флота, но и Временное правительство. Конфликт стал неизбежен. 9 мая в Гельсингфорс прибыл Керенский (в то время военный и морской министр), восторженно встреченный в местном Совете, где преобладали представители эсеров и меньшевиков. Вечером он потребовал, чтобы весь состав Центробалта явился к нему для объяснений на судно «Кречет», где располагался штаб флота. Дыбенко наотрез отказался, ответил по телефону адъютанту Керенского: «Помилуйте! Центробалт ведь учреждение. Мы полагаем, что не учреждение ходит к министру, а министр ходит в учреждение...» Министр был взбешен, но на «Виолу» все-таки пришел. Грозился пересмотреть весь состав выборного ЦКБФ. Правда, угрозу выполнить не решился.

С каждым днем Центробалт все более укреплял свой авторитет. Состав этого комитета был весьма пестрым — входили в него эсеры, меньшевики, анархисты. Большевики были в меньшинстве. Но все-таки они определяли политическую линию выборного матросского комитета, во главе которого стоял Дыбенко. Находившийся в то время в Гельсингфорсе видный деятель партии Антонов-Овсеенко так отзывался о нем: «Хозяйственный, тароватый мужик. Ворочает легко, толково, с хорошей хитрецой и громадной долей здравого смысла П. Дыбенко большим делом».

Другой же сотоварищ Дыбенко по партийной работе — М. Рошаль, признавая, что Дыбенко обладает способностями крупного организатора, счел нужным сказать и об анархистских чертах его характера: «Несдержанность его натуры, преувеличенное самомнение требовали неослабного контроля и наблюдения за его работой со стороны Гельсингфорсского комитета. Надо сказать, что с авторитетом нашей партийной организации он считался неизменно».

В июльские дни Керенский припомнил председателю Центробалта его строптивость. Прибывший в Петроград во главе делегации Балтфлота Дыбенко был арестован. В подвале Зимнего дворца юнкера избили его прикладами и направили в тюрьму «Кресты». В заключении он находился до середины сентября. Член ЦКБФ Ховрин вспоминал о его возвращении: «Выглядел он похудевшим, бледным, но энергичным. Его встретили шумно. Каждый старался пожать руку, сказать хоть несколько дружеских слов».

За время отсутствия Дыбенко в жизни Балтийского флота произошли серьезные изменения — после корниловщины команды всех кораблей стали поддерживать исключительно большевистские

лозунги. 19 сентября, когда в Центробалте обсуждалось решение Временного правительства распустить в Петрограде матросскую организацию «Центрофлот», Дыбенко предложил записать в резолюции, что этот разгон незаконен, что распускать выборные организации может только тот, кто их выбирал. В принятой резолюции говорилось: «Ввиду того, что Временное правительство не считается с этим, пленарное заседание заявляет, что больше распоряжений Временного правительства не исполняет и власти его не признает...»

Нешуточные слова! Постановление, принятое по предложению Дыбенко, подкреплялось всей мощью Балтфлота, ибо к той поре команды всех его кораблей безоговорочно подчинялись Центробалту. Они во многом определили последующее развитие революции. Когда месяц спустя на заседании ЦК РСДРП обсуждался вопрос о вооруженном восстании и сроках его проведения, прозвучал довод и о том, что Балтийский флот, в сущности, уже восстал, поскольку перестал признавать власть правительства.

Предоктябрьские дни — один из самых напряженных периодов в жизни Дыбенко. Центробалт, руководимый им, одно за одним принимает решения, которые напрямую готовят флот к выступлению. Из Петрограда затребованы 15 тысяч винтовок, 500 пулеметов и тысяча револьверов. На крупных кораблях и береговых частях создаются боевые взводы, готовые в любую минуту выступить по приказу ЦКБФ. Установлен строгий контроль за телеграфом, телефоном и другими средствами связи. Вынесено решение об аресте комиссара Временного правительства при штабе флота. Передан приказ команде крейсера «Аврора» ни под каким предлогом не покидать Петрограда. Под всеми этими распоряжениями стоит подпись Дыбенко, в руках которого практически сосредоточилось больше власти, чем у командующего флотом.

За предшествующие месяцы рядовой балтийский матрос вырос в крупную политическую фигуру. Его имя известно по всей России. Рабочие, солдаты, матросы говорят о нем с любовью и уважением, контрреволюционеры — с ненавистью. Народ ему доверяет. Подавляющим большинством голосов его избирают на II Всероссийский съезд Советов и в Учредительное собрание.

Отправляя своих делегатов на съезд, центробалтовцы наказывали им голосовать за немедленное взятие власти. Дыбенко не смог поехать в Петроград с другими делегатами: Петроградский военно-революционный комитет предписал ему оставаться в Гельсингфорсе, чтобы в нужный момент обеспечить высылку боевых кораблей и матросских отрядов на помощь восставшим.

В хмурый осенний день 24 октября на улицы Гельсингфорса вышли вооруженные матросские патрули, город затих в тревожном ожидании. У всех аппаратов связи несли дежурство контролеры Центробалта. Вечером в тронном зале Мариинского дворца на совместное заседание собрались члены ЦКБФ, Гельсингфорсского Совета, Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии. Председатель исполкома Совета А. Л. Шейнман объяснил: собрались для того, чтобы выяснить, на какие реальные силы может рассчитывать начавшаяся в Питере революция. Поднимаясь на трибуну, представители кораблей и частей докладывали о полной готовности идти на помощь восставшим. Дошла очередь и до Дыбенко. Волнуясь, он произнес:

— Товарищи! Настала пора доказать, как надо умирать за революцию!

Зал взорвался аплодисментами, под высокими сводами зазвучала торжественная мелодия «Марсельезы». И только кончилось заседание, как посыльный с узла связи вручил Дыбенко телеграмму. В ней всего несколько слов: «Центробалт. Дыбенко. Высылай устав». Этот условный текст означал, что петроградский ВРК ждет боевые корабли.

В 21 час 40 минут в штаб флота поступило распоряжение Центробалта направить в Петроград три эскадренных миноносца. Командиру «Самсона» оно было передано напрямую. В 3 часа ночи с гельсингфорсского вокзала отправился первый эшелон с матросами, а следом, с интервалом в несколько часов,— еще два.

Весть о победе пролетарской революции была встречена в главной базе Балтийского флота с величайшим восторгом. 26 октября Дыбенко подписал радиограмму всем морским силам Балтики, сообщая о переходе власти к Советам. В этот день он в последний раз присутствовал на заседании ЦКБФ как его председатель. Уже следующее заседание шло под председательством Н. Ф. Измайлова — матроса-большевика с учебного судна «Африка», с которым Дыбенко работал в трех созывах Центробалта.

Павла Ефимовича ждали новые дела. Получив вызов, он поехал в Петроград — теперь уже как народный комиссар, но по прибытии получил приказ немедленно отправляться под Пулково, чтобы возглавить там матросские отряды, которые вместе с солдатами и красногвардейцами вели бои с мятежными казаками генерала Краснова. К вечеру 30 октября революционные войска перешли в решительное наступление. А на следующий день с царскосельской радиостанции была передана в адрес Центробалта радиограмма:

«Призываю всех товарищей к спокойствию. Час поражения врагов революции близок. Они отступили от Царского Села и преследуются нами. Доблестью товарищей-матросов все восхищаются, и стоящие на позициях шлют привет всему Балтийскому флоту. Народный комиссар Дыбенко».

Вечером к нему привели двух казаков и офицера, приехавших из Гатчины, где располагались основные силы мятежников и находился сбежавший из Петрограда премьер-министр Керенский. Прибывшие рассказали, что в Гатчине готовы начать переговоры. Узнав об этом, Дыбенко попытался тут же связаться со Смольным, но — увы — связь не работала. И тогда он, на свой страх и риск, решил сам отправиться в стан мятежников. Прихватил с собой лишь комиссара одного из отрядов матроса Трушина. Воспользовавшись санитарной машиной, они около 4 часов утра приехали в Гатчину, и Дыбенко сразу же направился в казарму. Дежурные подняли спящих, и вскоре во дворе зашумел митинг. Станичники с удивлением и любопытством разглядывали народного комиссара. Матрос как матрос — бушлат, бескозырка, сдвинутая на затылок так, что в глаза сразу бросается волнистый чуб. Если бы не усы и бородка, то выглядел бы совсем молодым. Дыбенко говорил о бессмысленности братоубийственной войны, о необходимости сложить оружие. Казаки мялись — надо бы и со своим комитетом посоветоваться.

Однако в Гатчинском дворце, встретившись с представителями комитета, состоящего в основном из офицеров, Дыбенко понял, что от переговоров толку не будет. И тогда он принимает решение, которое может в корне все изменить,— предлагает казакам, пришедшим с ним во дворец, переизбрать комитет. Тут же, на месте. Не теряя ни минуты, народный комиссар провел перевыборы и уже с новым составом быстро оговорил условия сдачи.

Пока в одном крыле дворца происходили бурные события, перетрусивший до неприличия Керенский гневно укорял генерала Краснова в предательстве. Тот, пожав плечами, посоветовал низложенному премьер-министру взять себя в руки и поехать в Петроград с белым флагом, пообещав дать ему охрану. Но Керенский нервничал все больше.

— Вы знаете, что здесь Дыбенко? — спросил он неожиданно.

— Я не знаю, кто такой Дыбенко,— ответствовал генерал.

— Это мой враг!..

Керенский скрылся из дворца, не прислушавшись к генеральскому совету. А тем временем народный комиссар довел переговоры до конца. Позднее в автобиографии он коротко отметил: «Лично арестовал Краснова и доставил в Смольный». Вечером 1 ноября

в Гатчину вступили солдаты Финляндского полка и матросы. С мятежом было покончено.

Первые дни после введения его в состав Совнаркома Дыбенко даже не сумел побывать в стенах ведомства, которым ему надлежало теперь руководить. И первоначальную работу по слому старого аппарата провели его товарищи по флоту. Ко времени вооруженного восстания в Петрограде существовало два высших органа управления флотом — «казенный» в лице морского министерства, аппарат которого состоял из офицеров и адмиралов, служивших здесь еще в царское время, и «Центрофлот», созданный в июне семнадцатого года на I Всероссийском съезде Советов из делегатов — представителей флотов, а также флотилий и ставший высшей инстанцией для всех выборных флотских комитетов. В составе «Центрофлота» преобладали меньшевики и эсеры. И тот и другой орган отнеслись к установлению новой власти враждебно.

Когда в Петрограде образовался контрреволюционный «Комитет спасения родины и революции», большинство центрофлотовцев высказалось 27 октября за присоединение к нему. На совещании матросской секции II Всероссийского съезда Советов 27 октября было принято решение распустить «Центрофлот». В тот же день караул матросов под командованием Николая Ховрина — товарища Дыбенко по службе на «Павле I» и по работе в Центробалте — закрыл заседание центрофлотовцев. Та же матросская секция создала новый полномочный орган — Военно-морской революционный комитет (ВМРК), который возглавил матрос-подводник Иван Вахрамеев. ВМРК взял на себя на первых порах всю основную работу по решению задач, выдвигаемых новым правительством перед революционными моряками. На него и опирался в своей работе назначенный комиссаром по морским делам Дыбенко.

Обстановка в столице оставалась напряженной, и молодой нарком с помощью ВМРК организовывал матросские отряды для охраны важнейших объектов города, в том числе Смольного института и Петропавловской крепости, использовал их для обеспечения порядка на улицах, для борьбы со спекулянтами и погромщиками, для разоружения школ прапорщиков и юнкерских училищ, для ликвидации подпольных складов оружия и ареста контрреволюционно настроенных офицеров, для конфискации бумаги в типографиях буржуазных газет. Народные комиссары, возглавившие по распоряжению Совнаркома государственные учреждения, постоянно обращались в ВМРК к Дыбенко с просьбами прислать им в помощь матросов. Сотни моряков были

направлены для работы в министерства внутренних дел, финансов, народного образования, продовольствия и другие ведомства, на узлы связи, вокзалы, продовольственные склады.

10 ноября приехавший в Гельсингфорс Дыбенко рассказывал на заседании Центробалта о первых послереволюционных днях на внутреннем фронте, о действиях балтийцев против контрреволюции, об обстановке в Петрограде и в стране. Впервые на этом заседании представители моряков Балтфлота услышали от него и о той сложной обстановке, которая сложилась в морском ведомстве.

С саботажем чиновников министерств пришлось столкнуться всем без исключения народным комиссарам, направленным Совнаркомом в старые ведомства, но в морведе ситуация оказалась, пожалуй, наиболее запутанной. И связано это было с действиями контр-адмирала Д. Н. Вердеревского. Он был единственным членом Временного правительства, сохранившим во время осады Зимнего полное хладнокровие. Пользуясь тем, что телефоны дворца оказались невыключенными, незадолго до ареста Вердеревский распорядился: капитану I ранга С. А. Кукелю приступить к исполнению обязанностей морского министра. Тот безотлагательно издал приказ по флоту о том, что принимает на себя этот пост «до появления у власти признанного большинством демократии правительства».

К самому Вердеревскому в Совнаркоме отношение было скорее благожелательным, ибо знали о том, что в бытность его командующим Балтийским флотом, а затем морским министром он лояльно относился к выборным матросским комитетам, не отказывался сотрудничать с ними, не примыкал к контрреволюционным организациям. Уже на следующий день после победы революции Николай Ховрин, разговаривая по прямому проводу с находившимся в Гельсингфорсе Дыбенко, сообщил ему: «Арестованный Вердеревский находится в Петропавловской крепости. Кроме того, имел разговор с Крыленко в Революционном комитете, который высказался, что есть намерение привлечь Вердеревского в министерство. Конструкция власти коллегиальная».

Любопытно, что и руководители главных управлений морского ведомства на состоявшемся в начале ноября совещании решили просить освобожденного из-под ареста Вердеревского принять на себя управление министерством. Адмирал однозначно откликнулся на просьбы и новой власти, и прежних своих коллег по ведомству — он соглашался участвовать лишь в оперативном техническо-хозяйственном управлении. Однако на тексте резолюции совещания руководителей главных управлений приписал: «...но не считаю

для себя возможным: 1. носить звание министра, 2. участвовать в заседаниях правительства, не признанного всем народом, 3. брать на себя ответственность за какие бы то ни было политические решения».

В этих условиях в Совнаркоме решено было создать для управления флотом Верховную морскую коллегию, и она была образована специальным постановлением 7 ноября. В ее состав вошли балтийский матрос П. Е. Дыбенко, черноморский матрос В. В. Ковальский и капитан I ранга М. В. Иванов.

О Ковальском в документах и исторических исследованиях сведений мало. Известно, что он был матросом линейного корабля «Евстафий», делегатом II Всероссийского съезда Советов с правом решающего голоса и членом его большевистской фракции. Сколько-нибудь заметного следа в работе Верховной морской коллегии он не оставил и вскоре исчез из ее состава.

Иное дело Модест Васильевич Иванов. Имя его хорошо известно по революционным событиям семнадцатого года на Балтике. После Февральской революции он стал одним из первых выборных командиров на флоте. Матросы избрали его командиром 2-й бригады крейсеров. Он был одним из немногих морских офицеров, безоговорочно принявших революцию, поверивший в благотворность ее целей для народа. В глазах морского офицерства он был явно одиозной фигурой, но рядовые матросы его любили и доверяли ему. Он без колебаний перешел на сторону Советской власти, и, когда Центробалт прислал ему телеграмму с предложением войти в состав Морской коллегии, он незамедлительно откликнулся, выразив свое решение одним словом: «Согласен».

Но было еще одно приглашение, исходившее от председателя Совета Народных Комиссаров. В телеграмме Иванову Ленин не просто предлагал ему войти в состав коллегии, но и стать управляющим морским министерством. И на это предложение офицер флота ответил согласием. Впоследствии он писал, что ленинскую телеграмму он воспринял как оказавшую ему высокое доверие. И факты свидетельствуют о том, что всей своей последующей работой в Красном флоте он оправдал его.

Но офицеры и адмиралы старого морведа не пожелали признать ни народного комиссара Дыбенко, ни управляющего министерством Иванова, как олицетворение новой власти. 8 ноября, выступая в Центробалте, капитан I ранга Иванов резко высказался о саботаже в морском министерстве. Два дня спустя Дыбенко рассказал центробалтовцам о кое-каких подробностях. Недавние чины императорского флота теперь грозили народному комиссару забастовкой, на что получили от него такой ответ: «Кто не желает

работать офицерами, то все офицеры будут переодеты матросами и будут посланы в кочегарку» (так дословно сказано в протоколе заседания ЦКБФ от 10 ноября 1917 года).

Но угроза угрозой, а предстояло на деле обеспечить нормальное функционирование ведомства в новых, с каждым днем усложняющихся условиях. И прежде всего нужно было решительно покончить с саботажем. 14 ноября Дыбенко и Иванов пришли в Адмиралтейство, где размещалось морское министерство, и предложили капитану I ранга Кукелю сдать дела по управлению ведомством. Тот, собрав высших руководителей морведа, заявил, что своей должности он не сдаст «лицу, назначенному властью, не признанной большинством демократии и опирающейся исключительно на штыки...». Он говорил далее, что действия новой власти, начавшей переговоры о заключении сепаратного мира с Германией, являются изменой, что они преступны и пагубны для России. Все присутствующие дружно поддержали Кукеля.

Во второй половине того же дня Дыбенко пригласил к себе руководителей главных управлений морведа, потребовав от них немедленного ответа: признают ли они назначение Иванова и собираются ли они работать с новой властью. Получив отказ, он приказал арестовать Кукеля. Но тот успел формально передать свой пост контр-адмиралу графу А. П. Капнисту. Когда же арестовали и этого «исполняющего», он в свою очередь передал должность капитану I ранга К. И. Игнатьеву, но и это не помогло — последнего претендента на пост тут же отчислили в «резерв чинов». Продолжить игру с передачей поста он больше не решился.

16 ноября был обнародован приказ по флоту и морскому ведомству, который поставил вопрос очень жестко:

«Всем служащим морского ведомства, во исполнение чаяний и требований народа, верховная коллегия предписывает немедленно приступить к исполнению своих обязанностей. Не приступившие к исполнению своих обязанностей до 18 ноября с. г. увольняются со службы и будут объявлены и преданы суду как враги народа. Подписал управляющий морским министерством капитан I ранга Модест Иванов».

Впрочем, Дыбенко и Иванову уже было ясно — от чинов морведа никакой конструктивной работы ожидать не приходится. Нужны были новые люди, готовые взять на свои плечи весь груз преобразовательской работы. Таких людей Дыбенко нашел прежде всего среди членов Военно-морского революционного комитета.

Решающую роль в реорганизации управления флотом сыграл I Всероссийский съезд военного флота, открывшийся в Петрограде 18 ноября. Дыбенко выступал на нем с докладом о реформе

морведа. Олицетворением бюрократической системы старого морского министерства и высшим органом в его структуре был адмиралтейств-совет. Призванный решать важнейшие проблемы жизни флота — судостроения, вооружения, создания портов и доков, воспитания и обучения флотских кадров,— он с годами погряз в груде мелких хозяйственных вопросов. Убеленные сединами адмиралы часами обсуждали, какими должны быть кольца для салфеток в офицерских кают-компаниях, или капканы для корабельных крыс, или пуговицы на матросских шинелях... По предложению Дыбенко Всероссийский съезд военного флота упразднил ставший обузой для флота адмиралтейств-совет. Была утверждена новая схема управления морведом и образована Верховная морская коллегия в составе П. Е. Дыбенко, капитана I ранга М. В. Иванова, контр-адмирала А. С. Максимова и мичмана Ф. Ф. Раскольникова (последний решением съезда был произведен в лейтенанты).

27 ноября приказом Верховной коллегии были назначены комиссары во все управления и службы ведомства. Комиссаром Моргенштаба стал лейтенант Ф. Ф. Раскольников, Главного морского штаба — матрос Южного района службы связи Балтфлота В. П. Евдокимов, Главного управления кораблестроения — инженер-механик крейсера «Громобой» Грундман, Главного хозяйственного управления — матрос линкора «Республика» В. М. Марусев, Управления морской строительной частью — мичман того же корабля М. И. Заблоцкий, Гидрографического управления — матрос посыльного судна «Кречет» Ф. С. Аверичкин, Военно-морского судного управления — солдат Кронштадтского крепостного полка Е. Ф. Зинченко, Управления санитарной части — врач кронштадтского морского госпиталя В. И. Дешевой. Почти всех Дыбенко хорошо знал по совместной партийной работе, по Центробалту.

Преодолеть саботаж чинов морведа и всего морского офицерства можно было, лишь сломав существующий аппарат. Верховная морская коллегия решила ввести коллегиальное управление не только в министерстве, но и на флотах. Это решение встретило резкое сопротивление штабных чинов, командиров кораблей и боевых частей. В Гельсингфорсе собрание офицеров базы потребовало отменить приказ об упразднении должности командующего флотом. В противном случае собравшиеся грозили сложить с себя офицерские полномочия. Но исполнить свою угрозу на деле они не решились, побоявшись реакции команд кораблей. Непосредственное руководство флотом взял в свои руки специально образованный Центробалтом военный отдел. Возглавил его матрос боль-

шевик Н. Ф. Измайлов, а военным специалистом при нем был утвержден признавший Советскую власть капитан I ранга А. А. Ружек.

Конец 1917 года оказался для наркома Дыбенко периодом напряженнейшей работы. Каждый день был наполнен неотложными делами — с утра Павел Ефимович участвовал в заседаниях Совнаркома, потом ехал в Адмиралтейство, где завершалась реорганизация морведа, решал с членами коллегии вопросы жизни флота, принимал приехавших с мест моряков, разбирая их просьбы и заявления. А после рабочего дня обычно направлялся в матросские казармы, где едва ли не каждый вечер проводились кипевшие страстями собрания.

Из всех проблем, которыми ему пришлось заниматься, самой острой была продовольственная. С каждым днем в Петрограде, Кронштадте, Гельсингфорсе и Ревеле все ощутимее чувствовался недостаток продуктов и приходилось употреблять неимоверные усилия для того, чтобы хотя и в урезанном виде, но регулярно снабжать команды кораблей. Характерно, что, приехав в Центробалт, чтобы отчитаться о проделанной работе, Дыбенко начал свое выступление со слов: «Что и говорить, это была проблема номер один. Комиссара и мое внимание было обращено на снабжение всех продуктами». Действительно, это была проблема номер один. Центробалтовцы посчитали, что в целом нарком со своей задачей справился — никаких претензий по поводу снабжения ему не предъявляли.

На том же заседании Дыбенко рассказал и о решении других вопросов — о том, как он заказывал в Туле винтовки для матросских отрядов, как налаживал на судостроительных заводах изготовление земледельческих орудий, как реквизировал в Петроградском порту имущество частных владельцев, как решал проблему с обмундированием. Центробалт одобрил его работу.

С началом нового, 1918 года забот у Дыбенко прибавилось. Приближался день открытия Учредительного собрания, и Совнаркому стало известно, что контрреволюция готова выступить против новой власти. 1 января правые эсеры организовали покушение на Ленина. Ехавший с ним в машине швейцарский социалист Фриц Платтен успел прикрыть его своим телом и был при этом ранен. По городу распространялись листовки с призывом к всеобщей забастовке, эсеровские агитаторы уговаривали солдат гарнизона выступить против большевиков с оружием в руках, намечали вывести к Таврическому дворцу машины 5-го бронедивизиона. Учитывая тревожную обстановку, Совнарком поручил Дыбенко вызвать в Петроград моряков из Гельсингфорса. Нарком немед-

ленно отправил в Центробалт телеграмму: «Срочно, не позднее 4 января прислать на двое-трое суток 1000 матросов для охраны и борьбы против контрреволюции в день 5 января. Отряд выслать с винтовками и патронами,— если нет, то оружие будет выдано на месте». Аналогичное распоряжение Дыбенко отправил и в Кронштадт.

5 января отряды моряков сосредоточились у Таврического дворца и на подступах к нему, матросские патрули держали под контролем питерские улицы и дворы. В 3 часа дня Дыбенко вместе с руководителем политического отдела морведа Василием Мясниковым объехал караулы, а потом направился в Таврический дворец. Павел Ефимович был сам депутатом Учредительного собрания. В ходе выборов, проведенных среди балтийских моряков, за список кандидатов от большевистской партии, куда входили Ленин и Дыбенко, проголосовали 60 тысяч балтийцев. Еще до открытия Учредительного собрания Павел Ефимович знал, что большинство его членов будут выступать против декретов Советской власти о земле и мире. Он помнил, как три недели тому назад на заседании ВЦИК Ленин сказал о том, что в нынешних условиях лозунг «Вся власть Учредительному собранию» означает на деле — «Вся власть Каледину». И, зная об этом, Дыбенко был решительно настроен против большинства «Учредилки».

Когда началось заседание и приступили к формированию президиума, нарком по морским делам послал председательствующему записку, изрядно насмешившую забивших антресоли красногвардейцев, солдат и матросов, ибо в ней Дыбенко предложил избрать секретарями президиума Керенского и Корнилова. А после того как ему было предоставлено слово, он от имени всего военного флота уже всерьез заявил:

— Мы признаем только Советскую власть. За Советскую власть наши штыки, наше оружие!..

Большинство Учредительного собрания отвергло предложенную Свердловым от имени ВЦИК «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», не признало декретов, принятых II Всероссийским съездом Советов. И после этого, как известно, большевики решили покинуть зал заседаний. В коридоре матросы из караула, окружив Ленина, попросили у него разрешения разогнать оставшуюся часть Учредительного собрания. И Дыбенко, и секретарь Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевич позже писали в воспоминаниях, что Владимир Ильич не согласился с этой просьбой. Более того, он сейчас же написал на листке бумаги распоряжение наркому по морским делам: «Предписывается товарищам солдатам и матросам, несущим караульную службу в стенах

Таврического дворца, не допускать никаких насилий к контрреволюционной части Учредительного собрания и, свободно выпуская всех из Таврического дворца, никого не впускать в него без особых приказаний».

Это требование Ленина не было выполнено. Под утро, поняв, что заседание затягивается до бесконечности, матросы стали роптать. Начальник караула, нетерпеливый и вспыльчивый Анатолий Железняков, подойдя к Дыбенко, неожиданно спросил:

— Что мне будет, если я не выполню приказания товарища Ленина?

Народный комиссар — такой же балтийский матрос,— долго не раздумывая, решил взять ответственность на себя.

— «Учредилку» разгоните,— ответил он коротко,— а завтра разберемся.

Получив столь недвусмысленную поддержку, Железняков тут же отправился в зал и, сославшись на то, что им получена инструкция, предложил всем присутствующим покинуть зал заседания потому, что караул устал. На следующее утро Раскольников и Дыбенко рассказали Ленину о том, что произошло после его ухода. Оба побаивались, что Владимир Ильич отругает их, но он отнесся к услышанному спокойно, а когда узнал, что председательствующий Чернов без малейшего сопротивления подчинился требованию начальника караула, даже развеселился.

Но официально Учредительное собрание было распущено 7 января декретом ВЦИК, а декрет был единодушно утвержден на состоявшемся вскоре III Всероссийском съезде Советов.

Дыбенко продолжал работу по реорганизации военно-морских сил. Переводились на коллегиальное управление Морской генеральный штаб и Главный штаб, все управление морведа. 8 января было обнародовано «Положение о демократизации флота», в котором оговаривался порядок деятельности центральных комитетов флотов, при которых создавались политические отделы. Огромных усилий потребовала начавшаяся демобилизация моряков. И по-прежнему на первом плане стоял вопрос о матросских отрядах. Со всех концов страны шли телеграммы, письма, поступали устные заявления в адрес Совнаркома, Наркомата по морским делам, Центробалта.

«Немедленно командируйте сознательных матросов Балтийского флота в количестве 60 человек»,— телеграфировал Арзамасский Совет. «Прислать для борьбы со спекуляцией 500 товарищей-матросов»,— предлагал командующий Московским военным округом. «Прошу выслать две тысячи матросов для работы в железнодорожных депо»,— писал в телеграмме комиссар Северного

района и Западной Сибири. Наркомвоен требовал моряков для сопровождения главкома Крыленко в Ставку, Сызранский военно-революционный комитет просил прислать «наилучших балтийцев» для организации красногвардейских дружин. По подсчетам историка С. С. Хесина, в первые после революции месяцы матросы были направлены более чем в 140 районов и пунктов, только Балтфлот за два с половиной месяца после Октября направил свыше 80 отрядов и групп общей численностью не менее 40 тысяч человек.

14 января нарком Дыбенко получил очередное предписание Совнаркома об организации матросских отрядов — на этот раз для помощи финским рабочим — и тут же занялся этим неотложным делом. А на следующий день дежурный телеграфист узла связи в Адмиралтействе принял из Гельсингфорса юзограмму: Центробалт выразил недоверие Дыбенко и потребовал его отзыва из Верховной морской коллегии. Что и говорить, известие было ошеломляющим. Народного комиссара по морским делам не удивляло, когда против него выступало морское офицерство — иного отношения, в сущности, нельзя было ожидать. Но от Центробалта?! Ведь этот комитет в какой-то мере его детище, от него он получал поддержку во всех начинаниях, видел опору в чудовищно сложном деле реорганизации флота. И вот теперь, как удар в спину... Надо было немедленно ехать в Гельсингфорс.

Поехали вместе с Раскольниковым. Встретивший их Измайлов рассказал, что обстановка сильно осложнилась: после того как многие центробалтовцы-большевики ушли работать в советский государственный аппарат, в отряды, направленные на борьбу с контрреволюцией, в Гельсингфорсе заметно возросло влияние эсеровских, меньшевистских и анархистских организаций. Прошедшие в начале года перевыборы ряда членов ЦКБФ изменили в значительной мере его состав. Этим и объяснялось постановление, принятое 15 января большинством голосов. Правда, уже на следующий день от имени военного отдела, который он возглавлял, Измайлов обратился ко всем судовым комитетам с призывом начать решительную борьбу против тех, кто настаивал на принятии решения, направленного против демократизации флота. «Необходимо обезоруживать все эти элементы,— говорилось в обращении,— и полностью изолировать их из нашей матросской семьи, которая будет дружно бороться за идеи народовластия с контрреволюцией и справа и слева».

19 января Раскольников и Дыбенко выступили на заседании Центробалта с отчетом о деятельности Верховной морской коллегии, рассказали о том, как проводится реорганизация управления

флотом, ознакомили собравшихся с планом дальнейшей работы. И когда центробалтовцы из первых рук получили сведения о том, что происходит на самом деле, они признали ошибочность своего недавнего постановления и отменили его. В новом решении Центробалт одобрил план работы Народного комиссариата по морским делам и постановил «считать деятельность т. Дыбенко соответствующей народному избраннику».

К концу января 1918 года была завершена работа над декретом Совнаркома о роспуске старого и организации социалистического рабоче-крестьянского флота. Вскоре он был принят и опубликован. Под декретом вслед за подписью Председателя СНК Ленина стояла подпись наркома Дыбенко. В этот же день Совнарком утвердил коллегию Народного комиссариата по морским делам, куда кроме Дыбенко вошли И. И. Вахрамеев, Ф. Ф. Раскольников, С. Е. Сакс.

Начиналось создание нового флота, который предполагалось сделать сугубо добровольческим. Однако очень скоро новой коллегии пришлось в самом срочном порядке заняться непредвиденным делом — спасать боевые и вспомогательные корабли, боеприпасы, топливо, продовольствие от возможного их захвата немецкими войсками. 15 февраля (по новому стилю) Совнарком заслушал доклад народного комиссара Дыбенко «О стратегическом положении на море в случае активных действий Германии». А три дня спустя Советское правительство узнало о начавшемся наступлении австро-германских войск по всему фронту...

Из военно-морских баз первой оказалась в опасности ревельская. Там заканчивали зимовку крейсеры, подводные лодки, тральщики, транспорты. Оборонять город было некому, ибо проведенная незадолго до этого мобилизация личного состава Ревельского укрепленного района практически оголила фронт. 18 февраля Дыбенко и новый начальник Морского генерального штаба Е. А. Беренс передали базе приказ оказывать возможное сопротивление наступающему противнику и немедленно начать эвакуацию кораблей и имущества. Приказ был выполнен — перед вступлением германских войск в Ревель корабли ушли сквозь ледовые поля в Гельсингфорс. Но и над главной базой Балтийского флота уже нависла опасность десанта. Нужны были срочные меры для эвакуации линкоров, крейсеров, эсминцев и всех других кораблей в Кронштадт в условиях сложной ледовой обстановки в Финском заливе.

После начала немецкого наступления Дыбенко в срочном порядке сформировал из моряков «Северный летучий отряд» и сам возглавил его. Газета «Известия» в номере за 1 марта, помес-

тив извещение о выступлении этого отряда на фронт, сообщила, что он «объявляет красный террор немецкой буржуазии». Но под Нарвой, куда были направлены моряки, газетная угроза обернулась полным конфузом. Второпях собранные, необстрелянные, не умевшие действовать в сухопутной обстановке, матросы, встретившись с регулярными частями немецкой армии, дрогнули и оставили поле боя.

Дыбенко был немедленно отозван и предан суду Революционного трибунала. Но еще до начала суда партийная организация нашла нужным исключить его из рядов партии. Это был тяжелейший удар для человека, который связал с ней судьбу еще до революции.

Любопытная деталь того времени. Находясь под следствием, Дыбенко продолжал руководить заседаниями коллегии Народного комиссариата по морским делам, выезжал в Кронштадт, проверяя, как там готовятся к приему кораблей, которые должны были прийти из гельсингфорсской базы. Когда Совнарком принял решение о переезде правительства из Петрограда в Москву, Дыбенко вместе с комендантом Смольного, матросом с крейсера «Диана» П. Д. Мальковым, сформировал отряд моряков для сопровождения правительственного поезда.

Когда следствие закончилось и состоялся суд, Революционный трибунал оправдал Дыбенко. Большую роль в этом решении сыграло заключение военных экспертов, которые пришли к выводу, что командование боевого участка поставило перед Дыбенко такие задачи, как «прорыв к Нарве», к решению которых он, не будучи военным специалистом, совершенно не был подготовлен. Но от должности народного комиссара по морским делам Совнарком его освободил. И бывший нарком попросил послать его на фронт. Недавнему матросу пришлось переучиваться в огне сухопутных сражений. Природные способности, воля и настойчивость помогли ему стать хорошим командиром. Своей беззаветной преданностью идеям революции, доказанной в боях, отвагой и умением выполнять самые сложные боевые задачи он заслужил право вновь занять свое место в рядах партии.

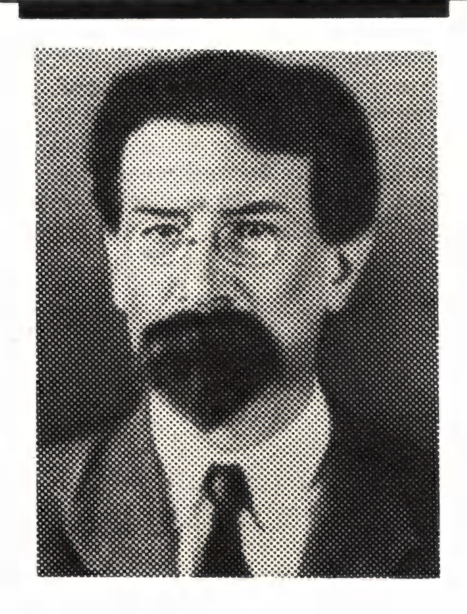
В годы гражданской войны Павлу Ефимовичу Дыбенко довелось возглавлять отряды, командовать группами войск, армией, но больше всего он известен в истории тех дней, как начдив Дыбенко. Во главе дивизии он участвовал в боях на юге Украины, в Крыму, под Царицыном, на Северном Кавказе, в Таврии. А в марте 1921 года ему было поручено возглавить Сводную дивизию, которую он повел на штурм мятежного Кронштадта. После взятия крепости он стал ее комендантом.

Тремя орденами Красного Знамени был награжден начдив Дыбенко за личную храбрость и умелое руководство войсками. Его имя вошло в историю гражданской войны как имя одного из талантливейших командиров-самородков. После того как отгремели бои, Павел Ефимович закончил Академию Генерального штаба, занимал ряд командных должностей.

Последние годы своей жизни П. Е. Дыбенко возглавлял сначала Приволжский, а затем Ленинградский военные округа. В Ленинград — город столь памятный ему — он приехал в июне 1937 года, за четыре месяца до торжественной двадцатилетней годовщины Октябрьской революции, в победу которой он внес немалый вклад. Но вскоре он был обвинен, арестован вместе с тысячами командиров Красной Армии и расстрелян. Его жизнь оборвалась 7 июля 1938 года.

Архипенко В. К.

Народный комиссар торговли и промышленности
В. П. НОГИН

Весна 1924 года. Идет подготовка к XIII съезду партии, который должен был открыться 23 мая. В этот день газета «Правда» публикует извещение, что накануне в Солдатенковской больнице скончался один из старейших членов партии Виктор Павлович Ногин.

«Сходят со сцены старые партийные товарищи,— говорилось в газете,— строившие здание партии... о них немного говорили, но подразумевалось само собой, что они и телом и душой преданы партии, для нее живут, ею дышат».

«В самые глухие годы реакции,— вспоминала В. Н. Яковлева (их пути впервые пересеклись в 1911 году в тульской тюрьме),— когда с партией оставались только наиболее верные и наиболее стойкие... когда вокруг кишмя-кишело провокаторами, Макар

(партийный псевдоним Ногина.— *Т. К.*) ездил по России, налаживал нелегальную работу в качестве члена ЦК».

В. П. Ногин родился в Москве 2 февраля 1878 года в семье приказчика мануфактурной фирмы и белошвейки. В 1892 году окончил городское училище в городе Калязине Тверской губернии. Пятнадцатилетним мальчиком поступил в контору Богородско-Глуховской мануфактуры, затем перешел в красильню, где проработал три года. В 1896 году, переехав в Петербург, нанялся подмастерьем в красильню на фабрике Паля за Невской заставой. А уже через два года Ногин, как активный участник и организатор забастовочного движения, перешел работать на Невский механический завод, становится членом петербургской группы «Рабочее знамя», которая была в то время наиболее левым крылом социал-демократии.

Вскоре во время забастовки его арестовывают и после года предварительного заключения высылают под гласный надзор полиции в Полтаву сроком на три года.

Но и там он продолжает работу в нелегальных рабочих кружках. В августе 1900 года, почувствовав за собой слежку, бежит через Кёнигсберг в Лондон. С этого момента и надолго он становится «нелегалом», профессиональным революционером. Через несколько недель Ногин получает письмо от Ленина. Завязывается переписка, а затем состоялось и личное знакомство. В июле 1901 года по пути в Россию Виктор Павлович заезжает в Мюнхен к Ленину, с которым обсуждает предстоящую работу.

В Москву он приезжает уже в качестве агента «Искры». В его чемодане с двойным дном — первые номера «Искры», «Зари» и некоторые другие издания. Издание «Искры», ее распространение в России, создание целой сети искровских организаций — это настоящий подвиг небольшого коллектива людей под руководством Ленина, которые сумели регулярно печатать тиражом в 8—10 тысяч экземпляров большую политическую газету, транспортировать ее на родину, собирать корреспонденцию, поддерживать связи со множеством городов России, и все это — с самыми ограниченными средствами и вдали от родины. Вместе с Н. Э. Бауманом, А. С. Бубновым, И. В. Бабушкиным Ногин создает московский центр «Искры». Затем проводит такую же работу и в Петербурге. Но 1 октября 1901 года Ногина арестовывают по делу «Искры». Долгие месяцы проводит он в Трубецком бастионе Петропавловской крепости в ожидании приговора, по которому ему предстояла ссылка в Сибирь. И вновь побег, частые переезды

в надежде уйти от слежки и вновь аресты, и вновь побеги, а в промежутках — агент Оргкомитета по созыву II съезда партии, после которого он становится большевиком, работая с августа 1905 года в женевской группе большевиков.

После октябрьской амнистии 1905 года Ногин вернулся в Россию, стал членом Петербургского комитета партии, возглавил ее военную организацию. Он добывал оружие, организовывал обучение боевых дружин, помог наладить издание газеты «Казарма» для солдат и матросов, участвовал в транспортировке оружия в помощь восставшей Москве.

Виктор Павлович был одним из создателей российского профсоюзного движения и самым горячим сторонником работы партии в профсоюзах тогда, когда этот вопрос, по словам Г. Е. Зиновьева, «был еще спорным в наших рядах» (Правда, 1924. 23 мая).

В 1906—1907 годах Ногин много работает по созданию профсоюзов в Баку, Москве, его избирают председателем Центрального бюро московских профсоюзов, на V Лондонском съезде партии он становится членом ЦК партии. Вопрос об отношении к профсоюзам и другим беспартийным рабочим организациям, ставший особенно актуальным после поражения революции 1905 года, был поставлен в повестку дня V съезда РСДРП (май—июнь 1907 года). Здесь выявились глубокие принципиальные разногласия во взглядах на этот вопрос. Меньшевики, считая, что революция кончилась и попытки оживить ее бесполезны, настаивали исключительно на легальной деятельности. Съезд отверг их «теорию» нейтральности профсоюзов и принял решение усилить работу по созданию профсоюзов и социал-демократической пропаганде в них. Эту точку зрения активно отстаивал на съезде Ногин. А через месяц на III конференции РСДРП в городе Котке (Финляндия) вопрос о взаимоотношениях партии и профсоюзов обсуждался уже более подробно. Эта конференция явилась поворотным пунктом в смысле изменения точки зрения большевиков на профсоюзы. Аргументация Ногина, выступившего здесь с докладом, убедила многих большевиков, до этого скептически относившихся к профсоюзам (в том числе и Ленина, в чем позднее он сам признался [1]), в необходимости «тесной связи партии с профсоюзами и необходимости участия (и участия наиболее энергичного) в профессиональном и кооперативном рабочем движении»[2].

Зиму 1909/10 года Ногин работал в России как член ЦК партии, ездил в Париж, принимал участие в январском Пленуме ЦК партии, восстанавливал в Москве Русское бюро ЦК.

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 108.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 145, оп. 1, д. 6, л. 40.

Это были очень тяжелые годы для подпольщиков: как никогда активизировалась деятельность царской охранки. За 1907—1910 годы только московские городской и окружной комитеты партии подвергались разгрому одиннадцать раз.

13 мая 1910 года Ногин, под именем прапорщика Петра Дмитриевича Шидловского, был арестован после свидания с Малиновским на явочной квартире. Его снова отправили в Тобольскую губернию, откуда он через несколько дней бежал. В это же время был арестован и Ф. Ф. Раскольников на квартире М. И. Ульяновой, а затем Иннокентий (И. Дубровинский). Позднее, в августе 1912 года, Ногин и Раскольников встретились в красноярской пересыльной тюрьме. «Мы оба,— вспоминал Раскольников,— были уверены, что Малиновский — провокатор, и предупредили об этом кого могли»[1].

От бесконечных побегов Ногина устали даже жандармы, поэтому после очередного ареста 25 марта 1911 года в Туле его решено было упрятать понадежнее, отправив в село Абый Верхоянского округа. Как и многие большевики, Ногин в тюрьмах и ссылке много читал, изучал историю рабочего движения, овладел тремя иностранными языками. О верхоянской ссылке позднее, в 1915—1916 годах, он написал книгу «На полюсе холода».

Как-то, вспоминая прошлое, Виктор Павлович подсчитал количество тюрем в России, известных ему по личному сидению в них. Их оказалось 50...

Когда в 1914 году окончился срок ссылки, с первым пароходом Ногин выехал из Якутии.

Началась первая мировая война. Виктор Павлович не был призван в армию: столь опасный для империи государственный преступник по личному распоряжению Николая II был лишен всех прав, и в том числе права поступления на военную службу. Поэтому, летом 1915 года Ногин работает контролером в городской управе в Саратове. Как член саратовской группы большевиков участвует в издании «Нашей газеты». Летом 1916 года переезжает в Москву, поступает на службу во Всероссийский союз городов в отдел беженцев Бюро труда и... занимается восстановлением подпольных партийных организаций.

В феврале 1917 года Ногин — один из инициаторов создания Московского Совета рабочих депутатов. Он был избран членом президиума, затем товарищем председателя, с 19 сентября 1917 года — председателем Московского Совета рабочих депута-

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 145, оп. 1, д. 74, л. 19 об.

тов. Он участвует в Апрельской конференции партии, на которой его избирают членом ЦК партии.

Старая Россия уходила в прошлое. Наступали иные времена, и то, о чем мечтали большевики, во имя чего они отдавали свои жизни, уже стучалось в двери.

На II Всероссийском съезде Советов В. П. Ногин был избран в состав первого Советского правительства — Совета Народных Комиссаров — наркомом торговли и промышленности республики. Но новая страница его биографии началась весьма драматично...

Октябрьские дни 1917 года, как вспоминал один из очевидцев, были днями «поистине «смуты великой» в нашей партийной среде... На всем лежала печать борьбы, исход которой был неведом»[1]. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде победило относительно быстро, тогда как в Москве (а Ногин в эти дни был здесь) еще продолжались кровопролитные бои. В Петроград Ногин попал в самый разгар «разногласий» по вопросу о взятии власти.

Центром пересечения различных сил неожиданно оказалась одна до этого совершенно незаметная в политической жизни страны организация — формально беспартийный профессиональный союз — Викжель. Угрожая остановкой железных дорог, Викжель потребовал начать переговоры о создании «однородного социалистического правительства» из представителей всех советских партий (тогда под советскими партиями подразумевались те, которые входили в состав Советов, то есть большевики, меньшевики, эсеры).

На переговоры были делегированы люди, как потом оказалось, готовые пойти по пути компромиссов и уступок дальше других членов ЦК. 1 (14) ноября состоялось заседание Петроградского комитета РСДРП(б), где сразу же вспыхнул спор. Революционную линию партии против соглашения защищали Ленин и Л. Д. Троцкий (Ленин: «Зиновьев и Каменев говорят, что мы не захватим власти... Чего им хочется? Чтобы началась поножовщина?.. Я не могу даже говорить об этом серьезно. Троцкий давно сказал, что объединение невозможно»). Была она поддержана Н. П. Авиловым-Глебовым («Они не поведут нашей политики. Другого выхода нет, как сказать: «уйдите»), А. И. Слуцким («Соглашение с ними есть замаскированный путь отступления от власти») и другими. За соглашение выступили Ногин («Дело не в соглашении, а в вопросе: как быть, если мы оттолкнем все другие партии?.. Это значит,

---

[1] *Шляпников А. Г.* Октябрь//Утро Страны Советов. Л., 1988. С. 134.

что распадутся Советы») и А. В. Луначарский («Мы будем стремиться к соглашению»)[1]. 2 (15) ноября ЦК партии принял решение, отвергавшее, как писал Ленин, «мелкое торгашество за присоединение к Советам организаций не советского типа» и подтверждавшее, что «...уступки ультиматумам и угрозам ...равносильны полному отречению не только от Советской власти, но и от демократизма...»[2]. Эта резолюция была принята большинством голосов. Против голосовали Л. Б. Каменев, Г. Е. Зиновьев, А. И. Рыков, В. П. Милютин и В. П. Ногин. Нарушив решение ЦК, в этот же день Каменев и Зиновьев, как члены ВЦИК, навязали последнему решение о разделе власти с мелкобуржуазными партиями и о продолжении переговоров с Викжелем. Тогда 3 (16) ноября ЦК обратился с ультиматумом к Каменеву, Зиновьеву, Рыкову, Милютину, Ногину, в котором потребовал отказаться от дезорганизующей линии и подчиниться партийной дисциплине. Меньшинство отвергло ультиматум, и 4 (17) ноября на заседании пленума ВЦИК Ногин от имени группы наркомов сделал заявление о том, что они выступают за образование правительства из всех советских партий, так как в противном случае есть только один путь удержать власть — силой. Поэтому, говорил он, мы «слагаем с себя перед ЦИК звание народных комиссаров»[3]. К этому решению Ногина подтолкнули московские события тех дней. 3 (16) ноября на заседании СНК Ногин делал доклад о положении в Москве: о тяжелых боях в разных районах города, о том, что контрреволюция «окопалась и укрепилась», «попытки к соглашению не имели результатов», в городе начались пожары. Революционных сил было мало, да еще, говорил Ногин, «с нашей стороны была страшная неорганизованность». Ногин считал, что в такой ситуации большевикам одним не справиться. «Поэтому,— говорил он,— чрезвычайно важно привлечь на свою сторону Викжель». Это дало бы, считал он, «и гражданскую и военную победу. В противном случае мы будем уничтожены»[4]. Ленин возражал ему, считая совершенно неприемлемым никакие соглашения с Викжелем, а для поддержки Москвы предложил укрепить ее революционными силами из Петрограда.

Так Ногин оказался в числе тех, кто настаивал на переговорах с Викжелем, с теми, кто поддерживал требования «однородного социалистического правительства». Позднее он напишет: «В нача-

---

[1] См.: Вопросы истории. 1989. № 10. С. 122—126.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 44—45.
[3] Протоколы ВЦИК II созыва. М., 1918. С. 27.
[4] Утро Страны Советов. С. 148—149.

ле ноября сделал ошибку. Я вышел из состава Совета Народных Комиссаров и Центрального Комитета»[1].

Корни этой позиции Ногина следует искать раньше.

Выводы Ленина, изложенные в Апрельских тезисах, провозглашали необходимость восстания и социалистической революции, хотя Ленин лишь вскользь затрагивал вопрос о сроках. Они повергли многих большевиков в состояние замешательства. Многие в партии без энтузиазма отнеслись к ленинскому призыву к восстанию, ссылаясь на то, что в России не созрели условия для пролетарской революции. Их сопротивление включало как публичную оппозицию (Зиновьев, Каменев, Рыков, Ногин), так и широко распространенные колебания верхушки партии, страшившейся борьбы за власть. Ногин был в числе тех, кто ошибочно считал, что поддержка курса на социалистическую революцию приведет партию к отрыву от масс. Исходным в их рассуждениях было убеждение, что программа-минимум должна быть полностью реализована «до социализма». Кроме того, Ногин в апреле 1917 года не видел тех сил, на которые можно было бы опереться. Мы не оспариваем той основной предпосылки, говорил Ногин на Апрельской конференции, что надвигается социальная революция, Ленин говорит, что центрами должны стать Советы, но что они собой представляют? Советы не могут быть опорой, так как в одних местах они «сильно закрепились, в других держатся за власть одной рукой»[2].

Через девять лет после этих событий Н. И. Бухарин так объяснял позицию противников восстания. «Раз у нас, считали они, буржуазная революция еще далеко не закончена, то, стало быть, и диктатура пролетариата — в данных условиях — задача неосуществимая, затея несбыточная и опасная», «нельзя звать пролетариат на восстание, ибо разгром его предусмотреть можно с астрономической точностью». Они не верили в возможность удержать власть без привлечения других партий. Отсюда, писал Бухарин, и письма против восстания, отсюда и выходы из ЦК и СНК, «бегство с поля битвы»[3].

Ленин осудил их поступок, назвал его дезертирством. На заседании ВЦИК 4 (17) ноября Ленин сказал: «Пусть несколько наших товарищей встали на платформу, ничего общего с большевизмом не имеющую. Но московские рабочие массы не пойдут за Рыковым и Ногиным». Товарищи из Московской партийной

---

[1] ЦПА, ф. 145, оп. 1, д. 6, л. 15.

[2] Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б): Протоколы. М., 1958. С. 106.

[3] *Бухарин Н. И.* Избранные произведения. М., 1988. С. 299—300.

организации действительно сурово критиковали Ногина за этот выход, за неверие в силы рабочего класса.

Ногин одним из первых вернулся к практической работе. В конце ноября 1917 года Московский совет профсоюзов избрал его областным комиссаром труда. С апреля 1918 года Ногин становится заместителем наркома труда республики, а затем почти год (с конца 1918 года до конца 1919 года) посвящает рабочей кооперации. И не случайно. Еще в 1908 году Ногин принимал участие в организации рабочего кооператива потребителей «Солидарность» — одного из самых устойчивых объединений, на базе которого был в 1917 году создан крупнейший центр рабочих кооперативов Москвы — Московский центральный рабочий кооператив (МЦРК). В 1916—1917 годах Ногин работал секретарем отдела Общества потребителей «Кооперация». Уже в канун революции многие рабочие кооперативы выросли в крупные организации с миллионными оборотами, объединявшие десятки тысяч человек. Самым крупным из них был МЦРК. В конце 1918 года он объединял, включая семьи пайщиков-рабочих, более 500 тысяч человек, имел собственное огородное хозяйство, свои рыбные промыслы на Каспии, свои магазины, столовые, чайные, клубы, библиотеки, школы; издавал журнал «Рабочий мир», где печатались А. Блок, С. Есенин, А. Ремизов, Б. Пильняк, Б. Пастернак, А. Сольц, А. Коллонтай, К. Тимирязев и другие. МЦРК был пайщиком двух театров: Московского Художественного и театра Совета рабочих депутатов (ныне имени Моссовета).

Еще в августе 1917 года был создан Всероссийский совет рабочей кооперации (ВСРК) — единый центр всей российской кооперации, однако заправляли в нем главным образом меньшевики и эсеры, упорно защищавшие «нейтралитет» и «независимость» рабочей кооперации от Советской власти. Переломить ситуацию удалось лишь в декабре 1918 года на III съезде рабочей кооперации, где и столкнулись две точки зрения и две фракции — большевиков и «независимцев», то есть меньшевиков и эсеров. Председательствовал на съезде Ногин. Был избран новый состав ВСРК во главе с Ногиным. Съезд осудил стремление старых кооператоров из Центросоюза отгородиться от Советской власти, что угрожало срывом всего дела продовольственного снабжения страны. По настоянию Ногина в резолюции было записано, что две трети состава правления Центросоюза должно принадлежать представителям рабочей кооперации — самой мощной и активной части российской потребительской кооперации. Однако Центросоюз отверг это требование. Полгода президиум ВСРК и Ногин вели переговоры об объединении Центросоюза и рабочей кооперации, но без-

результатно. И в августе 1919 года ЦК партии принял решение о слиянии рабочей кооперации с Центросоюзом.

Почему Ногин настаивал на этом? Он считал, что объединение сил рабочей, общегражданской и сельской потребительской кооперации позволит создать мощный хозяйственный аппарат, деятельность которого должна быть направлена всецело на решение вопросов снабжения населения предметами потребления. В архиве Ногина сохранилась неопубликованная рукопись, посвященная вопросам кооперативного строительства. В ней Ногин, как будто заглядывая в день сегодняшний, писал: если в производстве со временем основной руководящей ячейкой должно стать правление фабрики или завода («производственные объединения рабочих сделаются основой их политической власти»,— писал он), то в деле снабжения населения «потребительские коммуны, организованные на кооперативных началах», то есть на паевых началах, станут основной хозяйственной единицей будущего общества, обеспечивающей население всем необходимым [1]. Другими словами — «строй цивилизованных кооператоров», о котором писал в своем «Завещании» Ленин.

После съезда Ногин вошел в состав правления обновленного Центросоюза, но его ждала другая работа. Еще в октябре 1918 года он избирается членом президиума ВСНХ и с этого времени прочно связывает свою работу с восстановлением промышленности в целом и текстильной в частности. Именно здесь с наибольшей отдачей проявились его организаторские способности, склонность к вдумчивому, глубокому анализу ситуации внутри страны и конъюнктуры на зарубежных рынках, умение последовательно и твердо проводить намеченную линию.

За два года (1918—1920), с момента национализации, текстильная промышленность пережила такое стремительное падение, которое можно назвать только катастрофой: с 7 миллионов веретен летом 1917 года дошла к лету 1920 года до 350 тысяч веретен. Фабрики закрывались одна за другой — сначала из-за недостатка хлопка, потом из-за недостатка топлива.

Большую сложность представляло пустить фабрики после длительной остановки, особенно при отсутствии достаточного количества техников и квалифицированных рабочих, а на подготовку таких кадров нужны были годы. И все-таки с лета 1920 года омертвевшие за войну фабрики начали оживать.

В марте 1920 года Ногин, который теперь возглавляет Главтекстиль ВСНХ, в составе одной из первых советских зарубежных

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 145, оп. 1, д. 54, л. 10—12.

делегаций выехал в Англию. Зная хорошо текстильную промышленность, он осуществлял всю экономическую работу делегации — разыскал старых поставщиков сырья, запчастей, машин для русских текстильных фабрик, установил контакты с ними, приступил к размещению заказов, что было задачей не из легких, так как вся Европа еще жила под знаком бойкота Советской России, объявленного Антантой. Ногин принял самое ближайшее участие в разработке того плана импорта, который, по свидетельству Л. Б. Красина, был впервые разработан этой делегацией в общегосударственном масштабе и послан на утверждение в Москву. Уже тогда Ногин убедился в том, что всю систему управления текстильной промышленностью необходимо менять. Построенная по принципу жесткой централизации, организация текстильной промышленности делала отдельные фабрики абсолютно во всем бесправными. От главка фабрики получали по сметам деньги, по спискам — продовольствие, по нарядам — сырье, топливо, материалы. Самостоятельность предприятий была крайне ограниченна. Фабрики не обладали собственными оборотными средствами, снабжение и распределение готовой продукции производилось без оплаты потребителем по нарядам в строго централизованном порядке. Фабрики и заводы не могли вступать друг с другом в непосредственные хозяйственные связи. В июле 1920 года он возвращается в Москву. Здесь его ждало новое назначение.

В 1920 году Совнарком РСФСР принял решение о восстановлении хлопковой культуры в Туркестане. На правах наркомата здесь был создан Хлопковый комитет. Его первые шаги осложнялись тяжелейшей разрухой на транспорте: Ташкентская дорога была парализована, и подвоз хлопка из Туркестана в районы текстильных фабрик почти прекратился. Советское правительство неоднократно оказывало финансовую помощь Туркестанской республике для развития хлопководства. 29 января 1920 года Совнарком отпустил на заготовку хлопка и шерсти в Туркестане 1 миллиард рублей, 21 февраля 1920 года было принято еще одно постановление о направлении в Туркестан поезда с мануфактурой и нитками в обмен на хлопок.

11 апреля 1921 года для упрочения федеративных связей и проведения политики Советской власти по национальному вопросу в Туркестане была создана Комиссия ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана (Турккомиссия), председателем которой назначили М. П. Томского. Для него это была совершенно новая сфера деятельности, а ситуация в республике сложилась тяжелая: только что была отменена продразверстка (а также сырьевая и фуражная разверстка), началась земельно-водная реформа. Томский не су-

мел сработаться с местными руководителями. 13 сентября 1921 года Ленин в письме к А. А. Иоффе пишет, что разногласия между Томским и некоторыми членами Туркбюро ЦК партии (в частности, с Г. И. Сафаровым) приводят к осложнению межнациональных отношений. Для нас, предостерегал Ленин, «дьявольски важно **завоевать** доверие... *доказать,* что мы *не* империалисты... Это мировой вопрос, без преувеличения мировой. Тут надо быть архистрогим»[1]. В связи с этим 14 октября 1921 года Политбюро принимает решение о новом составе и Туркбюро, и Туркомиссии. Ленин предлагает послать в Туркестан Ногина. В ноябре 1921 года Турккомиссия в составе А. А. Иоффе (председатель), Я. З. Сурица, Я. Х. Петерса, В. П. Ногина, А. Рахимбаева и других начала свою работу в республике. Уже в Ташкенте, ознакомившись с положением дел, Ногин пришел к выводу, что хозяйственное и политическое положение Туркестана «заставляет бить в набат». Новая экономическая политика проводилась там слабо. Ногин сообщал в центр, что в республике весьма популярны проекты уничтожения государственной монополии на хлопок. Не считаясь с тем, что на хлопок «никогда не было разверстки», писал Ногин, и что декреты СНК о восстановительной программе обеспечивали дехкан снабжением «в таком количестве, какого никто из крестьян остальных частей РСФСР от государства не получал»[2], противники государственной монополии успели провести ряд постановлений, направленных к срыву нэпа. Турккомиссии предстояло не только отстоять монополию, но и разработать немедленно ряд поощрительных мер для развития хлопководства в этом регионе. Позднее А. А. Иоффе, вспоминая об этих днях, писал, что все, кто знал Ногина и до этой поездки, еще раз удивлялись его неутомимости, энергии и революционной самоотверженности, тем более что он уже тогда сильно страдал от болезни желудка. Сколько раз, писал Иоффе, Ногин ворчал, глотая порошки: «Вы, черти, тут меня вашей едой доконаете...» Время в Туркестане было тяжелое. Народы края в этот период переживали свою Октябрьскую революцию, и в это же время начал вводиться нэп, то есть, как отмечал Иоффе, в Туркестане одновременно был и 1917 и 1921 год. Еще держались внутренние фронты, воевать приходилось перманентно и почти повсеместно.

Турккомиссия решала самый разнообразный круг вопросов: о золотой валюте для Туркестана, о заключении договора с Бухарой на продажу каракуля, о борьбе с эпидемиями, о восстановле-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 53. С. 190.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 145, оп. 1, д. 13, л. 2.

нии транспорта, о закупках продовольствия в Бухаре, о борьбе с басмачами и контрабандистами и даже об ассигновании 100 миллионов рублей на срочные работы по укреплению падающего минарета Улугбека в Самарканде.

Ситуация с налаживанием производства хлопка сложилась критическая. Хлопковые районы своего хлеба не имели, питались только привозным, а транспорт не работал. И создалось такое положение, когда в хлебных районах не знали, что делать с пшеницей, а в хлопковых — хлопок был дешевле хлеба, и поэтому дехкане не собирались на следующий сезон его сеять. Тогда Ногин начал выдавать ссуды и премии под будущий посев хлопка, сам встречался с хлопководами и убеждал их в выгодности дела. И в результате он сумел и старые запасы вывезти, и посевы расширить.

С началом восстановления промышленности на основе нэпа система «главкизма» пришла в столкновение с новой экономической политикой. Нэп жестко требовал рентабельности предприятий. Прежний путь — по нарядам главков — не гарантировал рентабельность сделок. В конце лета 1921 года начинают возникать тресты. Эта форма очень быстро привилась в текстильной промышленности. Но тресты не только производили конечный продукт, но и должны были его продать. Они начали торговать, не зная условий рынка, его емкости, не умея определить природу колебания цен. Да еще кроме этого на трестах лежала забота о заготовке продовольствия для своих рабочих и сырья и топлива для фабрик. И каждый неудачный шаг трестов грозил им большими расходами, так как посредники, а проще — спекулянты-перекупщики присасывались к ним. Ногин понимал, что трест должен быть полновластным господином на предприятии и на рынке.

Решение о синдицировании промышленности ВСНХ принял 21 января 1922 года по проекту, который был разработан специальной комиссией под председательством Ногина. Энтузиаст и идеолог синдицирования, Ногин стал председателем самого крупного тогда синдиката — Всероссийского текстильного синдиката (ВТС), а позднее возглавил Всероссийский совет синдикатов.

Синдикаты были вызваны к жизни тем хаосом в торговле, который образовался при первых шагах нэпа. Теперь схема управления стала такой. Вопросы регулирования всей текстильной промышленности, выработка планов, программ, согласование их с планами других отраслей промышленности возлагались на текстильную секцию центрального производственного управления ВСНХ. При этом никаких оперативных заданий секция на себя не брала. Все дело управления предприятиями принадлежало правлениям трестов. При этом правления были выборными орга-

нами, формирование которых проходило при участии губсовнархозов и профсоюзов. Что касается продажи продукции трестов, заготовку для них продовольствия, топлива, сырья, а также кредита — все это теперь делал синдикат. ВТС становился как бы исполнительным органом правления трестов. «Наиболее верными близкими ценителями работ синдикатов,— писал Ногин,— являются сами тресты».

Благодаря синдикатам тресты освобождались от посредников. ВТС боролся против безудержного взвинчивания цен, которое проявляли сырьевые организации.

В октябре 1922 года Ногин выступает со статьей «Долой перекупщиков». В ней он обнародовал результаты обследования, которое ВТС провел в сентябре 1922 года. Обследование выявило, что целый ряд самых разнообразных организаций и учреждений — перекупщиков продавали закупленные у трестов текстильные товары по очень высоким ценам.

— Нельзя ли обойтись без них, то есть без посредников между трестом и покупателем? — спрашивал Ногин. И отвечал: можно и нужно, поручив эту работу исключительно синдикатам.

Синдикаты были встречены хорошо, хотя и с известной долей скептицизма. Руководители некоторых трестов считали, что синдикаты скатываются к «главкизму». Ногин говорил: «Плохие синдикаты обречены на распад, а хорошие обязательно превратятся в тресты», то есть в такие органы, которые управляют уже не только торговлей, но и самим производством. Жизнь скоро это подтвердила.

За полтора года ВТС сумел организовать достаточно сильный заготовительный аппарат, это удешевляло расходы трестов и позволяло им понизить цены. С другой стороны, ВТС повысил цены на сырье (хлопок, лен, коноплю) и тем дал возможность крестьянину получить больший доход, чем от хлеба.

Таким образом, ВТС занимался организацией рынка, развертывал сеть оптовых баз, через которые продукция поступала в торговлю, налаживал торговый аппарат, выяснял потребности рынка и устанавливал ассортимент. Все это привело к улучшению дел на фабриках, а затем стало возможным и уменьшение расходов в производстве.

Был ли ВТС исключением? К моменту кризиса сбыта (1923 год) текстильная промышленность почти восстановила свой довоенный объем производства. В этой отрасли гораздо быстрее был оборот капитала, чем в металлургии или в машиностроении, доходы почти сразу же подпитывали новые производства. Несмотря на трудности, перебои в кредите, несмотря на ряд сбоев, полученных из-за

краха разных частных фирм, процесс оздоровления продолжался. «Мы вылезаем,— писал Ногин,— из трясины бестоварья». В 1923 году синдикаты прочно утвердились в хозяйственной жизни. Но далеко не все из них работали так, как ВТС.

ВТС Ногина был демократическим представителем коллективных интересов предприятий перед другими отраслями и перед государством. И в то же время ВТС был представителем государственных интересов перед своими предприятиями. ВТС был похож на западные акционерные компании, с той только разницей, что у ВТС капитал принадлежал государству.

Уже в 1922 году ВТС вышел на внешние рынки. ВСНХ РСФСР разрешил ему открыть свои представительства в Берлине, Лондоне, Риге. ВТС занялся импортом хлопка, связавшись с крупнейшим в то время экспортером — США. Это была не простая операция, так как все закупки хлопка для Европы были монополизированы гамбургскими купцами-перекупщиками. Поездка Ногина в 1924 году как представителя ВТС в США вызвала переполох среди гамбургских перекупщиков. Его сбивали с толку, запугивали, доказывая невыгодность прямых связей с Америкой. До конца 1923 года ВТС закупал значительное количество хлопка через Бремен, до 2 миллионов пудов, переплачивая миллионы перекупщикам. До этой поездки ВТС не имел возможности получить кредит в каком-либо иностранном банке. «Мы принуждены были пользоваться,— писал Ногин,— только кредитом хлопкоторговцев, который был не только дорог, так как приходилось платить за него большие проценты, но и вызывал переплату в ценах и отражался на качестве хлопка, так как мы очень часто принуждены были брать хлопок именно у тех фирм, которые оказывали нам кредит»[1]. Посетив ряд банков в США, Ногин скоро понял, что для успеха дела, для получения кредитов надо открыть контору. И... открыл общество с основным капиталом в 1 миллион долларов. С его помощью он смог правильно организовать закупку хлопка, получить кредиты от одного из крупнейших американских банков. Так ВТС разбил гамбургскую монополию, установил прямые связи с США, освободился от необходимости оплачивать дорогостоящие услуги перекупщиков.

В США Ногин посетил до 30 фабрик и заводов. Отметил для себя три главных момента: специализацию, разделение труда и механизацию. Каждая фабрика давала не более двух-трех сортов ткани (а у нас — до сотни), отдельные фабрики давали только один вид продукции. «Меньше сортов, больше выработка»,—

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 145, оп. 1, д. 20, л. 22.

замечает Ногин. Ни одна фабрика не занимается торговлей, торгуют комиссионные фирмы: они забирают товар у фабрик и распределяют по своим отделениям. Ни на одной фабрике он не увидел склада готовых изделий: считалось, что работа на склад нерентабельна, если нет заказов — фабрика останавливалась. Эта поездка была полезной во всех отношениях, но, главное, Ногин убедился, что курс, взятый ВТС, был правилен.

У него было много планов и замыслов по развитию текстильной промышленности, которая оставалась его главным делом, хотя ему часто приходилось отвлекаться для решения других важных дел. В 1920 году он был председателем Комиссии ВСНХ по ревизии горного дела, затем членом Комиссии ВЦИК по разграничению функций местных органов и центральных учреждений. С марта 1921 года возглавляет Особое совещание при СТО по сырью, является членом Комиссии ВЦИК по районированию, а летом 1921 года становится членом Международного бюро красных профсоюзов (Профинтерна).

Знаком высокого доверия стало избрание Ногина X съездом партии (март 1921 года) в Центральную ревизионную комиссию партии. Комиссия обнаружила много недостатков в работе аппарата ЦК. В одних отделах — отсутствие системы в сборе и обработке информации, в других — большое количество очень полезной информации, которой никто не интересуется и не использует ее. Значительную часть дел, от которых порой зависела судьба местных партийных организаций, вели в аппарате ЦК люди мало кому известные. Через год в докладе на XI съезде партии Ногин говорил, что, как показало обследование, аппарат ЦК — это «средостение между ЦК и местными организациями», так как во главе отделов не члены ЦК, а товарищи, которым съезд и не поручал эту работу, в партии они никому не известны, это «партийная бюрократия, партийные чиновники», и предлагал поставить во главе отделов обязательно членов ЦК. Это предложение было поддержано. Делегат от Московской организации РКП(б) И. Н. Стуков прямо сказал, что «ревизионная комиссия увидела все то, что не хотелось видеть ЦК». Упрекнув Молотова за его доклад, который пропитан насквозь «бесшабашным канцелярским благодушием и оптимизмом», Стуков заметил, что Ногин первый раз «сказал нам правду».

Через год на XII съезде партии (апрель 1923 года) Ногин снова возвращается к этому вопросу, заметив, что решение предыдущего съезда о назначении заведующими отделами членов ЦК не выполнено. Одной из причин такой настойчивости Ногина было то, что буквально за один только год (а это был год без Ленина) про-

изошли существенные изменения в самом аппарате ЦК: была введена должность генерального секретаря ЦК (на этот пост был избран Сталин), аппарат начал бурно расти, количество дел, проходивших через отделы и Секретариат, также увеличивалось, времени для их тщательного рассмотрения не хватало, решения принимались в том виде, в каком их предлагали отделы. То есть все очевиднее была угроза бюрократизации аппарата. Эти недостатки были свойственны всем отделам. Говоря об Агитпропотделе ЦК, Ногин сказал, что в этом отделе, равном по объему «среднему наркомату», так много бумаг, что они даже не записываются никак. На это Троцкий с места заметил: «Бюрократизма нет». Ногин ответил: «Бюрократизма нет, но зато есть хаос»[1].

Видя, какую силу постепенно набирает аппарат ЦК с его молодым составом работников, но сомнительным уровнем их теоретической и политической подготовки и отсутствием практического опыта, Ногин считал, что тем более важно, чтобы во главе отделов ЦК стояли члены ЦК, старая партийная гвардия. «Меня просили обратить внимание,— сказал он,— что в последнее время в нашей партии происходит некоторое оттирание старых партийных работников».

Ногин собирался выступить с докладом о работе ЦРК и на XIII съезде партии, который должен был открыться 23 мая 1924 года, но в 5 часов утра 22 мая он скончался.

Как-то в беседе с Г. М. Кржижановским Ленин сказал, что вряд ли среди большевиков найдется такой чудак, который проживет более 60 лет, а на вопрос «почему» ответил, что коммунист должен гореть и сгорать. Ногин «сгорел» на 47-м году жизни. Его прах покоится в Кремлевской стене.

Коржихина Т. П.—
доктор исторических наук

---

[1] Двенадцатый съезд РКП(б): Стенографический отчет. С. 75.

Народный комиссар просвещения
А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ

День назначения Совета Народных Комиссаров — 27 октября 1917 года — не мог не запомниться первым советским наркомам, и тем более такой впечатлительной, эмоциональной натуре, как Анатолий Васильевич Луначарский. В 1918 году был опубликован его яркий, взволнованный очерк «Смольный в великую ночь». «Весь Смольный ярко освещен. Возбужденные толпы народа снуют по всем его коридорам... Вспоминаешь, как какую-то особенную музыку, как какой-то особенный психологический запах, эту тогдашнюю взрывчатую атмосферу. Это были часы, в которые все казалось гигантским и в которые все висело на волоске, часы и каждая минута которых приносили с собой огромные известия... Кто пережил это, тот никогда этого не забудет, для того Смольный останется центром его жизни».

В такой атмосфере в одной из комнат Смольного, «где стулья были забросаны пальто и шапками и где все теснились вокруг плохо освещенного стола... выбирали руководителей обновленной России». Особенно запомнился Владимир Ильич, «веселый, не покладая рук работающий», который «с изумительным равновесием душевным всматривался в исполинские задачи и брался за них руками так, как берется опытный лоцман за рулевое колесо океанского гиганта-парохода». В ответ на сомнения Луначарского, боявшегося, по его словам, слишком большого несоответствия между гигантскими задачами и людьми, выбираемыми народными комиссарами, Владимир Ильич говорил: «Нужны ответственные люди на все посты; если не пригодятся — сумеем переменить»[1].

В числе «ответственных людей» был и А. В. Луначарский — нарком по просвещению. Ему, единственному из первого состава Советского правительства, довелось проработать на этом посту 12 лет. Этот феномен имеет целый ряд объяснений.

А. В. Луначарский родился в Полтаве, воспитывался в семье прогрессивно настроенной интеллигенции. Семнадцатилетним гимназистом вступил в революционное движение. Это закрыло ему дорогу к высшему образованию в России. В 1895 году он приехал в Цюрих, где интенсивно занялся в университете вопросами философии, истории, социологии. Знакомство с Г. В. Плехановым, видными деятелями социалистического движения Европы расширило диапазон его марксистского образования. В 1896 году вернулся в Россию, работал в социал-демократических организациях Москвы, Калуги, Вологды, причем в последних двух городах, как и в Тотьме, А. В. Луначарский был в качестве ссыльного. Несколько раз пришлось ему сидеть в царской тюрьме, в том числе четыре месяца в Таганской — в одиночном заключении.

В 1903 году А. В. Луначарский стал большевиком. В конце 1904 года В. И. Ленин вызвал его за границу для работы в большевистских газетах «Вперед» и «Пролетарий». Партийная кличка Воинов была не случайной — Анатолий Васильевич проявил себя в эти годы как непримиримый борец, блестящий полемист, пропагандист идей большевизма. По поручению В. И. Ленина он выступал как участник революции 1905—1907 годов с докладом о вооруженном восстании на III съезде партии.

Годы реакции на время отделили А. В. Луначарского от большевиков — он стал участником группы «Вперед», увлекся идеалистическими идеями в философии, «богостроительством». Однако

[1] *Луначарский А. В.* Воспоминания и впечатления. М., 1968. С. 173.

надежда В. И. Ленина на его возвращение оправдалась уже в 1914 году, когда А. В. Луначарский занял интернационалистические позиции в вопросах войны и мира. Вернувшись после Февральской революции из эмиграции, он вошел в группу «межрайонцев» и вновь был принят на VI съезде в ряды РСДРП(б). По поручению ЦК А. В. Луначарский вел активную агитационно-пропагандистскую работу в Петрограде: заведующий литературным отделом «Правды», лектор ПК, заместитель городского головы от большевистской фракции. На всех этих постах он блестяще пропагандировал программу и тактику большевиков, звал к свержению буржуазного Временного правительства. Этому была посвящена и его яркая речь в городской думе вечером 24 октября. А через сутки, вечером 25 октября, Луначарский был избран в состав президиума II Всероссийского съезда Советов, на котором от имени большевистской фракции огласил написанное В. И. Лениным воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам!».

В ночь на 27 октября А. В. Луначарского избирают в состав Совета Народных Комиссаров в качестве народного комиссара по просвещению. На этом посту он работает до своего назначения в 1929 году председателем Ученого комитета при ЦИК СССР (до 1933 года). А. В. Луначарский был членом ВЦИК и ЦИК СССР всех созывов. В последние, как и в предыдущие, годы жизни он вел большую научную и популяризаторскую работу. Библиографический указатель его опубликованных трудов (1975 год) насчитывает свыше 4 тысяч названий, в том числе Собрание сочинений в восьми томах. Эти труды охватывают широчайший круг проблем истории, литературы и литературоведения, истории искусства и критики, этики и эстетики. Анатолий Васильевич — автор пьес и рассказов, стихотворений и мемуаров, солидных научных книг, рецензий и фельетонов.

Тяжелая болезнь сердца и глаз омрачила последние годы жизни А. В. Луначарского. Назначенный в 1933 году первым советским полпредом в Испании, он умер 26 декабря на пути к месту новой работы в Ментоне (Франция), где ему воздвигнут памятник. 2 января 1934 года прах А. В. Луначарского был захоронен в Кремлевской стене.

«Умирающие на посту в нашей партии не умирают целиком, в самой лучшей своей части, в той, в которой при жизни им было дороже всего,— они остаются бессмертными». Эти слова А. В. Луначарского подтверждаются примером его жизни и деятельности.

Сначала несколько фактических данных. А. В. Луначарский входил в четверку членов Совнаркома, которые отличались от остальных по возрасту и стажу революционной работы. Ровесниками были В. И. Ленин и И. И. Скворцов-Степанов, на 5 лет моложе и тоже ровесниками были А. В. Луначарский и И. А. Теодорович. Их возраст — возраст зрелости среди молодых, тридцатилетних, наркомов. Только В. И. Ленин, А. В. Луначарский и И. А. Теодорович имели партийный стаж с 1895 года. Жизненный и партийный опыт, естественно, не могли не сказываться в работе. И все-таки главным представляется иное.

Многолетний соратник А. В. Луначарского по Наркомпросу П. И. Лебедев-Полянский вспоминал в 1926 году, что еще в первые дни Февральской революции в разговоре с ним Анатолий Васильевич «строил планы»: с победой рабочего класса Ленин будет премьер-министром, Троцкий — министром иностранных дел, я — министром народного просвещения. В этом полушутливом прогнозе все оказалось верным. И это не случайно. В отношении себя А. В. Луначарский с самого начала стези профессионального революционера сознательно сделал выбор — его всегда интересовали проблемы культуры, искусства, образования.

В начале 90-х годов А. В. Луначарский приступил к активной литературно-публицистической деятельности, появились его первые крупные работы по эстетике, философии. Преподавательская работа в партийных школах и кружках на Капри, в Болонье, Париже, где он читал курсы всеобщей истории искусства, истории русской литературы, сопровождалась особым интересом к проблемам народного образования.

В Швейцарии Луначарский посещал школы и народные дома, изучал специальную литературу. Постепенно в результате огромной целенаправленной работы по самообразованию, знакомству с культурными центрами Европы, пристальному вниманию ко всем сторонам современной культурной жизни (до Октября в русских и иностранных газетах и журналах Луначарский опубликовал сотни статей и рецензий на темы литературы, театра, искусства, просвещения) рождался органический сплав поистине энциклопедических знаний Анатолия Васильевича в области культуры, причем знаний, осмысленных, по его словам, «под углом зрения революции и ее великих задач».

Глубокие раздумья над судьбами культуры и грядущей революции привели Луначарского к осознанию культурной миссии партии, передовой партийной интеллигенции. В ноябре 1907 года в письме к Горькому, как известно также размышлявшему над этой

важной проблемой, Анатолий Васильевич в ноябре 1907 года так «просто и крепко», по словам Горького, сформулировал принципиально важный тезис: «Мы — единственный мост, соединяющий культуру с народными массами».

Прошло десять лет, победила Февральская революция, принесшая народу власть, хотя и неполную, и А. В. Луначарский получил возможность работать на ниве народного просвещения. Избранный от большевистской фракции заместителем петроградского городского головы, он одновременно стал председателем культурно-просветительной секции думы. В секции, а также в районных думах в это время работала значительная группа большевиков: Н. К. Крупская, П. И. Лебедев-Полянский, Л. Р. Менжинская, В. М. Познер, Ф. И. Калинин, Е. Ф. Книпович и другие. Просветительная деятельность широко велась среди рабочих, военных, интеллигенции. 16—19 октября была созвана 1-я конференция пролетарских культурно-просветительных обществ, избравшая А. В. Луначарского почетным председателем Центрального комитета организации, которая позднее стала называться Пролеткультом. Выступления Луначарского в печати, на заседаниях в думе, на митингах создавали ему большой авторитет и в рабочих кругах, и среди творческой интеллигенции. Показателен такой факт: незадолго до Октябрьских дней известный актер Ю. М. Юрьев попросил Анатолия Васильевича изложить культурную программу большевиков в кругу театральных деятелей. С альтернативой предложили выступить известному кадету В. Д. Набокову, который, однако, уклонился от доклада, признав широту планов оппонента-большевика.

Бесспорно, А. В. Луначарский сознательно и целеустремленно готовился к реализации культурной программы большевиков. И еще одним доказательством этого может служить его работа «Культурные задачи рабочего класса», выпущенная в 1917 году, незадолго до Октября. В ней — концентрат взглядов А. В. Луначарского на культуру и вместе с тем политическая программа. И сегодня, 70 лет спустя, поражает глубина и зрелость его мыслей о культуре общечеловеческой и классовой, отношении пролетариата к культурному наследию, о роли интеллигенции, о социалистической культуре. Пророчески звучат слова: «В области искусства пролетариат тоже обретет своих Марксов, рядом со своими Бебелями». И как будто сегодняшним бурным спорам отвечает А. В. Луначарский утверждением, что интернационализация культуры отнюдь не предполагает «уничтожения национальных мотивов в общечеловеческой симфонии, а лишь их более богатую и свободную гармонизацию».

Таким был А. В. Луначарский перед Октябрем — человеком, ум, способности и энергия которого были устремлены к четко осознанной цели соединить культуру с народными массами.

В. И. Ленин знал и высоко ценил именно эту, главную особенность, определяющую и своеобразие личности Анатолия Васильевича, и его ценность как партийного руководителя. Поэтому назначение Луначарского наркомом по просвещению было одновременно и закономерным, и перспективным актом. Нарком не только хорошо знал дело, но и умел широко мыслить и мечтать о культуре и человеке будущего. Вот как представлял он себе подлинно образованного, интеллигентного человека в «правильном» социалистическом обществе: «Такой человек слышит весь концерт, который играют вокруг него, все звуки для него доступны, все они сливаются в одну гармонию, которую мы называем культурой. И в то же самое время сам он играет на одном очередном инструменте, играет хорошо и делает свой ценный вклад в общее богатство, а это общее богатство все в целом отражается в его сознании, в его сердце». Так Луначарский рисовал идеал в 1918 году, выступая на открытии курсов инструкторов по внешкольному образованию.

Умел мечтать, выработал программу, долго готовился к воплощению замыслов, но, конечно, не мог, как и остальные члены молодого Советского правительства, предвидеть тех огромных трудностей, с которыми им пришлось столкнуться уже в самом начале деятельности Совнаркома.

27 октября состоялись первые два — утром и днем — заседания Совнаркома. Среди трех его решений, наряду с постановлением правительства о созыве Учредительного собрания в назначенный срок и проектом Положения о рабочем контроле, был Декрет о печати, определивший позиции Советской власти в отношении буржуазной печати. А первым документом наркома А. В. Луначарского стало воззвание к гражданам России «О народном просвещении», опубликованное 29 октября. В нем провозглашались общие направления просветительной деятельности: «добиться в кратчайший срок всеобщей грамотности», организация «единой для всех граждан абсолютно светской школы», поддержка всяческих форм культурно-просветительного движения рабочих и крестьян. Объявляя о том, что общее руководство просвещением поручается вновь организуемой Государственной комиссии по народному просвещению, председателем которой является нарком по просвещению, воззвание подчеркивало искреннее желание сотрудничать не только с широкой общественностью, но и с создан-

ным после Февраля Государственным комитетом по народному образованию и с аппаратом бывшего министерства народного просвещения.

Обнародовав программу действий, нарком сразу же приступил к формированию Государственной комиссии по народному просвещению. Уже 9 ноября ее состав и функции были утверждены декретом ВЦИК и СНК. В комиссии было 15 отделов, в том числе по введению всеобщей грамотности, министерских учебных заведений, дошкольного воспитания и внешкольного образования, научный, искусств и другие. Ядро в комиссии составили большевики, работавшие до Октября в области просвещения,— Н. К. Крупская, П. И. Лебедев-Полянский, Л. Р. Менжинская, В. М. Бонч-Бруевич, Д. И. Лещенко, Д. А. Лазуркина, В. М. Познер и другие. Позднее комиссия трансформировалась в руководящий орган Наркомпроса — его коллегию. Оценивая в 1927 году работу Наркомпроса и наркома, его заместитель М. Н. Покровский отметил стабильный состав коллегии, которая «всегда была одной из самых дружных коллегий», и объяснил это «личным характером» Луначарского, его умением «без боев» вести дело, постоянно воодушевлять коллег своим энтузиазмом. Другой заместитель наркома — Н. К. Крупская нашла для обозначения роли Луначарского в Наркомпросе, в том числе среди опытнейших партийцев, еще более важное определение. В труднейших условиях после Октября, говорила она, в Наркомпросе можно было работать только при условии, что «есть человек, который знает, куда надо идти». Уже в декабре 1917 года был в основном сформирован аппарат Наркомпроса. Таким образом, формирование советского государственного органа по народному просвещению прошло быстро и организованно.

Трудности, с которыми встретился нарком А. В. Луначарский, были немалые. Одни объяснялись новизной задач, отсутствием опыта у самого Совнаркома и его звеньев — наркоматов, сопротивлением свергнутых классов, недостатком средств,— они были общими и предсказуемыми. Но вот то неприятие социалистической революции и Советской власти, которым ответила интеллигенция, еще недавно восторженно рукоплескавшая свержению самодержавия и называвшая себя демократической, было во многом неожиданным и грозило провалом многих культурных планов. Забастовки учителей, отказ актеров бывших императорских театров играть перед новым зрителем, саботаж чиновников министерства просвещения — это только штрихи общей напряженной картины. Доходило и до личных инцидентов.

В этих условиях А. В. Луначарский важнейшей задачей считал

установление контактов с творческой интеллигенцией всеми доступными путями. Митинги, доклады, личные беседы, выступления в печати, приемы посетителей — в итоге сотни, тысячи людей слушали страстное, убеждающее слово Луначарского и медленно, но неуклонно «прозревали». «Крупнейшим оратором революции», «лучшим оратором в мире» называли Луначарского такие разные, но опытные деятели, как М. Н. Покровский и А. А. Богданов. Перед любой аудиторией, будь то тысячная толпа на митинге или десяток низших служащих бывшего министерства просвещения, Анатолий Васильевич говорил с одинаковой эрудицией и убедительностью. Убеждали вера и искренность Луначарского. Токи понимания и симпатии передавались взаимно слушающим и оратору. Так было, например, 17 декабря 1917 года, когда Луначарский выступал на четырех собраниях, а перед этим с наркомом продовольствия А. Г. Шлихтером более двух часов приветствовал колонны рабочих и солдат у могил жертв Февральской революции на Марсовом поле (напомним, что выразительные надписи на могилах героев принадлежат перу Луначарского). Какая громадная нагрузка! Но назавтра в письме жене Анатолий Васильевич пишет: «Вчерашний день принадлежал к числу счастливейших».

В переходе к сотрудничеству с Советской властью таких лучших представителей интеллигенции, как А. А. Блок, А. Ф. Кони, Ф. И. Шаляпин, С. А. Венгеров, А. Н. Бенуа, В. М. Бехтерев, А. И. Южин, Ю. М. Юрьев и другие, велика личная заслуга А. В. Луначарского. Благодаря его позиции Российская Академия наук в лице ее непременного секретаря академика С. Ф. Ольденбурга уже в январе 1918 года заявила о своей готовности сотрудничать с Наркомпросом. Можно утверждать, что Луначарский лучше других коммунистов-руководителей воспринял и реализовал на практике мудрые советы В. И. Ленина о бережном отношении к специалистам, к интеллигенции вообще.

Вернемся к непосредственному участию Луначарского в работе Совнаркома. Подготовка законопроектов и внесение их на утверждение правительства составляли одну из важных сторон работы наркомов. Руководимая Луначарским Госкомиссия по просвещению с ноября 1917 года по июнь 1918 года подготовила свыше 30 декретов, постановлений и циркуляров, которые сформировали новую систему организации народного просвещения, ликвидировали отсталые, антидемократические институты, развивали инициативу масс. Школа и учитель, печать и издательское дело, внешкольное образование и охрана культурных ценностей — вот первоочередные задачи законодателей зимы и весны 1918 года.

Важнейшие законодательные акты скреплены подписями

В. И. Ленина и А. В. Луначарского: о роспуске Государственного комитета по народному образованию (20 ноября), о передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Наркомпроса (11 декабря), о прибавках жалованья учителям (2 января 1918 года), об охране предметов старины и искусства, принадлежащих польскому народу (12 января), и другие. Некоторые декреты принимались непосредственно по докладам Луначарского на Совнаркоме (например, об учителях) и во ВЦИКе. Не раз по поручению В. И. Ленина он готовил и проекты постановлений по вопросам вне компетенции наркома по просвещению. Например, 16 ноября 1917 года Луначарскому было поручено к утру следующего дня написать проект статьи-декларации с обоснованием необходимости издания декрета о революционных судах и ликвидации всех старых учебных учреждений.

Взаимопонимание между Владимиром Ильичем и Анатолием Васильевичем, безусловно, очень помогало работе наркома. Оно установилось с первых дней работы Совнаркома. А. В. Луначарский оставил в своих воспоминаниях свидетельства доверительных бесед в первые дни и месяцы, в ходе которых Владимир Ильич говорил о первоочередных задачах культурного преобразования страны, давал советы, например, о выпуске книг, доступных широким массам, о необходимости соблюдать осторожность при реформе высшей школы и в то же время о широком доступе в нее пролетарской молодежи. Владимиром Ильичем были рекомендованы наркому его ближайшие помощники М. Н. Покровский и Н. К. Крупская, некоторые другие работники Наркомпроса.

Случались иногда в их отношениях драматические эпизоды. Получив искаженную информацию о якобы огромных разрушениях в Кремле в ходе революционных боев, А. В. Луначарский 2 ноября 1917 года подал в отставку, о чем поспешила сообщить меньшевистская газета «Новая жизнь». В тот же день В. И. Ленин беседовал с Луначарским, доказывая ему, что подобные слухи не могут оправдать столь серьезный политический акт. «Весьма серьезная «обработка» со стороны великого вождя», по признанию Луначарского, не только убедила наркома, взявшего заявление об отставке назад, но придала ему новые силы. 3 ноября А. В. Луначарский написал взволнованное и яркое обращение ко всем гражданам России «Берегите народное достояние».

Хочется привести несколько фраз из этого документа — они много говорят о самой личности наркома, его искренности, эмоциональности, вере в добро и людей.

«Непередаваемо страшно быть комиссаром просвещения в дни свирепой, беспощадной, уничтожающей войны и стихийного разру-

шения... Нельзя оставаться на посту, где ты бессилен. Поэтому я подал в отставку. Но мои товарищи, народные комиссары, считают отставку недопустимой. Я остаюсь на посту... Но я умоляю вас, товарищи, поддержите меня, помогите мне. Храните для себя и потомства красы нашей земли. Будьте стражами народного достояния». К этим доверительным словам, идущим от сердца к сердцу человека, а не к абстрактным «народным массам», прислушивались многие и становились союзниками молодой власти. 7 ноября Анатолий Васильевич выступил в «Известиях» со статьей «В трудный час», где признал свою ошибку и, главное, сделал вывод, которому затем следовал во всей своей дальнейшей работе. «Каковы бы ни были наши разногласия — мы не смеем дезорганизовывать тот центральный государственный аппарат, количественно и так слабый, которым вынужден пока пользоваться трудовой народ в своей первой самостоятельной борьбе».

Тема «Ленин и Луначарский», документально подтвержденная обширными материалами 80-го тома «Литературного наследства», тем не менее ждет своего исследователя. Но и сейчас очевидно, что их связывала не только дружная совместная работа в Совнаркоме. Иначе как объяснить известные признания Владимира Ильича: «Этот человек не только знает все и не только талантлив — этот человек любое партийное поручение выполнит, и выполнит превосходно», «На редкость богато одаренная натура... Я его, знаете ли, люблю, отличный товарищ!»[1]

Не нужно доказывать, что А. В. Луначарский с огромным уважением относился к вождю партии и революции, высоко ценил его советы, его вкусы, искренне любил его как человека. И многому, думается, учился у Владимира Ильича. В стиле руководства Луначарского Наркомпросом ощутимы черты сходства с руководством Ленина Совнаркомом.

Многие наркомы отмечали обстановку непринужденности, даже порой веселости в Совнаркоме, что прекрасно сочеталось с деловитостью и четкой организацией дела. «В Совнаркоме царило какое-то сгущенное настроение,— вспоминал Луначарский,— казалось, что самое время сделалось более плотным, так много фактов, мыслей и решений вмещалось в каждую данную минуту». Если организационная сторона не всегда удавалась Луначарскому-наркому, в чем он самокритично признавался, то умение создать атмосферу дружной, целенаправленной работы отличало его

[1] Литературное наследство. М., 1971. Т. 80. С. XXXIII; *Горький М.* Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1952. Т. 17. С. 21.

всегда. Знакомство с протоколами Государственной комиссии по просвещению, на заседаниях которой помимо ее членов часто присутствовали приглашенные специалисты в той или иной области культуры, убедительно показывает талант А. В. Луначарского как политического руководителя. Умение выслушать доводы всех сторон, порой крайне противоречивые, и сделать обобщение, сконцентрировать внимание на главной задаче, широкий подход к любой проблеме, чувство нового — все это проявлялось в работе наркома, напоминая ленинский стиль руководства. Даже в том, что заседания комиссии проходили интересно, живо и весело, чувствовалась перекличка с буднями Совнаркома.

Приведем пример постановки А. В. Луначарским важных проблем. На заседании комиссии 13 декабря 1917 года он выступил по вопросу о реформе школы и предложил разработать «широкий план реформы» на основе такой методики: 1) составить критическую картину дела в России и Западной Европе, 2) нарисовать идеальную картину школьного дела, 3) разработать планы-минимумы его реорганизации, 4) организовать образцовые учебные заведения. Такой подход, сочетающий учет мирового педагогического наследия с современным опытом и реальными возможностями страны, был чрезвычайно плодотворен.

Не следует забывать, что область работы Наркомпроса в те годы была крайне широкой — не только собственно народное просвещение, но все отрасли культуры: театр, живопись, архитектура, кино, печать, радио, библиотеки, музеи, архивы, охрана памятников старины, народное творчество, клубы и другие центры культурной самодеятельности. Суметь объединить и направить все многообразные формы работы, имея при этом дело с миллионами людей, от неграмотных крестьян до академиков, было весьма непросто. Наркому вместе с соратниками по партии удалось с первых шагов организации нового, советского аппарата власти выработать принципы культурной политики. И во многом эти принципы рождались непосредственно в Наркомпросе — звене ленинского Совета Народных Комиссаров.

Многие считали, да и по сей день считают Анатолия Васильевича чрезвычайно мягким и даже уступчивым в принципиальных вопросах человеком. Это неправда. Мягкость и гибкость действительно были ему свойственны, но вытекали они не только из природных черт характера, но и из глубокого уважения к личности человека. Очень верно заметил много общавшийся с А. В. Луначарским сразу после революции К. И. Чуковский: при благодушных и деликатных манерах Анатолия Васильевича нельзя забывать, что «основную черту его духовного склада составля-

ет воинственность, воля к борьбе». Вспомним и впечатление Н. К. Крупской 1904 года — это «борец».

Подтверждения этому находим в стиле руководства А. В. Луначарским Комиссией по просвещению — тут и бескомпромиссность, и принципиальность, и умение убедить в своей правоте товарищей. Тут и коллективность в решении важных вопросов, и дух взаимного уважения даже при острых столкновениях мнений. Одним словом, Луначарский умел руководить подлинно демократично. Этот его опыт следует изучать и пропагандировать в наши дни, когда мы вновь учимся жить и работать в условиях демократии.

Работа в Совнаркоме и Наркомпросе занимала много времени. Почти ежедневно — заседания СНК, продолжавшиеся с 5—6 часов вечера до ночи, а днем — работа в комиссариате, прием посетителей, выступления и доклады. Сначала Луначарский, как и другие комиссары, работал в Смольном. 15 ноября 1917 года Совнарком предложил всем наркомам перевести свою повседневную деятельность в порученные им ведомства. Огромное здание бывшего министерства народного просвещения у Чернышева моста, вспоминала Н. К. Крупская, встретило наркома огромными пустыми комнатами, где на столах лежали неубранные бумаги, не было никаких служащих, кроме курьеров и уборщиц. В эти дни А. В. Луначарский обращается с призывами к сотрудничеству ко всем гражданам России, «Ко всем учащимся» (15 ноября), к артистам петроградских театров (до 6 декабря), «К учащейся молодежи» (27 февраля 1918 года). Очень скоро и приемная наркома, и даже его квартира наполняются людьми разных профессий, которые ищут у А. В. Луначарского ответа на жизненно важные и общественные вопросы. Авторитет его был очень высок, но он заключался, отмечает К. И. Чуковский, не в его посту, а в «обаянии его образованности, в пылком увлечении искусством, в его искреннем, ненапускном уважении к людям ума и таланта». Весь Петроград звал его Анатолием Васильевичем.

К весне 1918 года в настроениях интеллигенции обозначился поворот к признанию и сотрудничеству с Советской властью. И в этом была немалая заслуга А. В. Луначарского, выступавшего в качестве полномочного представителя Совета Народных Комиссаров. Он поддержал среди интеллигенции высокое звание народного комиссара.

Дадим слово его современникам. Старейший общественный деятель и юрист, почетный академик А. Ф. Кони, видавший на своем веку немало министров, утверждал, что Анатолий Васильевич — лучший из министров просвещения. Молодой поэт револю-

ции В. В. Маяковский буквально вторил старому сенатору: «Ни одна страна в мире не имеет такого министра народного просвещения». Коммунист с 1903 года, преемник Луначарского на посту наркома просвещения А. С. Бубнов называл его, в соответствии с терминологией тех лет, «приводным ремнем от партии к художественной интеллигенции».

Что касается языков, то напомним один лишь факт: летом 1920 года А. В. Луначарский выступал перед делегацией II Конгресса Коминтерна на английском, французском, итальянском и испанском языках. Кроме того, он говорил и читал на немецком, знал латынь.

Человек энциклопедических знаний и поистине вулканической энергии, А. В. Луначарский был глубоко творческой натурой. Это проявлялось не только в непосредственной работе в Совнаркоме, но далеко за ее пределами, хотя и было органически с ней связано. Несколько сухих цифр: за 22 года литературно-публицистической деятельности до Октября 1917 года Анатолий Васильевич опубликовал 833 работы, то есть в среднем по 38 работ в год. Начиная с 25 октября 1917 года и только в течение одного 1918 года вышли 203 работы наркома! Здесь доклады о деятельности Совнаркома и Наркомпроса во ВЦИК, на III Всероссийском съезде Советов. Здесь огромное число выступлений на митингах и собраниях, где обсуждались международные проблемы и сегодняшний день революции, роль интеллигенции и пролетариата в судьбах культуры, охрана памятников искусства и положение театров, организация советской школы и открытие памятника Софье Перовской. Чаще всего тогда публиковались краткие отчеты о выступлениях. Бытовало мнение, что Анатолий Васильевич всегда говорил экспромтом. Однажды на вопрос, как он может так хорошо выступать без подготовки, нарком ответил: «То есть как без подготовки? Я к этому готовился всю жизнь». И продолжал готовиться. Все близко знавшие Луначарского люди поражались его громадной работоспособности — до 17—18 часов в сутки.

Даже в самые трудные, первые месяцы работы, когда все приходилось делать впервые, А. В. Луначарский находил время написать брошюры об А. Н. Радищеве и К. Марксе (к столетию со дня его рождения), некрологи ушедшим из жизни революционерам — Г. В. Плеханову, М. С. Урицкому, В. Володарскому. Мимо него не прошли ни постановка оперы Н. А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже» в Мариинском театре, ни выход в свет очередного тома полного собрания сочинений А. П. Чехова. Нарком пишет предисловия к книге К. Каутского, хрестоматии футуристов «Ржаное поле» и к монографии К. И. Чу-

ковского об американском поэте Уитмене. Он создает драму для чтения «Фауст и город», переводит с французского «Письмо к русским революционерам» Р. Роллана и стихи М. Буке. Все это только в 1918 году.

Пишущий для театра драмы нарком, как никто другой, ценил все многообразие доставшегося трудовому народу культурного наследства, понимая вместе с тем реальную опасность утрат при неумении или нежелании правильно воспользоваться этим богатством. Еще до Октября он писал, что даже среди социалистов есть люди, провозглашающие «Долой буржуазную культуру!». Первые же меры Петроградского военно-революционного комитета и Совнаркома по охране Зимнего дворца, музеев, дворцов императорской фамилии и всех их художественных ценностей стали своеобразным камертоном в деятельности А. В. Луначарского. Известны его приказы — благодарности красногвардейцам, охранявшим Зимний, и тем дворцовым служащим, которые в ночь на 26 октября остались на своих постах. С другой стороны, он обратился к ученым и художественной интеллигенции и с их помощью уже в ноябре 1917 года организовал при Наркомпросе коллегию по делам музеев и охране памятников искусства и старины. Такая же организация возникла и в Москве. Анатолий Васильевич привлек к этому благородному делу А. Н. Бенуа, И. Э. Грабаря, В. А. Щуко, И. А. Фомина, И. А. Орбели, Н. Я. Марра, В. П. Зубова и многих других видных деятелей культуры. Уже 9 декабря 1917 года Совнарком принял постановление ассигновать Наркомпросу средства на охрану дворцов и музеев. 1918 год ознаменовался началом реставрации памятников Кремля, принятием 10 марта постановления об организации Комиссии по охране художественных и исторических ценностей, декрета 5 октября об учете и охране памятников искусства, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений.

Письмо наркома в Александринский театр в начале декабря 1917 года начиналось словами: «Занятый сложными делами по охране дворцов и музеев Республики...» Но в это же время необходимо было срочно спасать театры, потому что некоторые горячие головы считали их ненужной буржуазной роскошью. И нарком спешил в театры, помогал художникам и архитекторам, обсуждал с Александром Блоком планы издания русских классиков... «Если бы не было этого заботливого глаза, многое, несомненно, погибло бы в вихре социального переворота» — так оценила роль А. В. Луначарского в сохранении русского искусства и его выдающихся деятелей редакционная коллегия журнала «Народное просвещение» в статье о наркоме «Десять лет несменно на посту».

Если значительны заслуги А. В. Луначарского в привлечении интеллигенции на сторону Советской власти, то его отношение к проблеме культурного наследства тем более можно считать историческим достижением. По существу, и в теории, и на практике Луначарский заложил основы подлинно марксистского, то есть уважительного и бережного, отношения к культурному наследию, которое сказывалось на протяжении первого советского десятилетия.

О деятельности и роли А. В. Луначарского немало писали и еще больше говорили и его современники и потомки. Это понятно: яркая, неординарная личность всегда привлекает внимание и вызывает споры. При этом вырисовываются своего рода закономерности. Первые шаги наркома, первые годы его деятельности, пожалуй, всеми оценивались положительно, часто даже восторженно. Это как раз тот исторический отрезок работы Совнаркома, о котором говорит данная книга.

В начале 20-х годов прозвучала критика работы А. В. Луначарского и Наркомпроса со стороны В. И. Ленина — критика конструктивная и доброжелательная, пронизанная заботой об улучшении деятельности Наркомпроса в условиях все усложнявшихся культурных задач превращения России нэповской в Россию социалистическую. При этом Владимир Ильич всячески оберегал Луначарского от засилья чисто административной работы, помогая тем самым более полному раскрытию творческих возможностей Анатолия Васильевича.

Тогда же начались и не прекращаются по сей день споры о личных художественных пристрастиях и вкусах первого наркома по просвещению. Их поднимают сегодня и противники авангарда в искусстве. Думается, что здесь совершается первая несправедливость по отношению к А. В. Луначарскому. Деятели искусства левого направления — художники, скульпторы, актеры — первыми приветствовали победу социалистической революции и протянули руку сотрудничества Советскому правительству. Как государственный деятель, как нарком просвещения, Луначарский принял эту помощь — она нужна была стране, ее культуре. В этом, а не в личных вкусах причина назначений на ответственные посты в Наркомпросе художника Д. П. Штеренберга, В. Э. Мейерхольда, поддержки некоторых футуристов, скульпторов и художников авангарда. Борьба различных течений — от реалистических до авангардистских — во всех областях культуры — закономерное явление начала XX века. И прав был первый советский нарком, давая возможность всем этим направлениям самовыразиться. «Луначарский издавал левых и Пушкина, предвидя будущее» —

так кратко, но точно выразили писатели — современники Анатолия Васильевича его широкий, подлинно демократический подход к сложным проблемам искусства.

Но по отношению к А. В. Луначарскому была допущена и другая, еще большая несправедливость. Он не был репрессирован, как многие его коллеги по первому составу Совнаркома,— он рано умер. Однако устранение его с поста наркома в 1929 году нельзя, по-видимому, объяснить только состоянием здоровья. Этот вопрос предстоит еще исследовать. Бесспорно другое — после смерти А. В. Луначарского издание его работ прекратилось на долгую четверть века. Огромное творческое наследие марксиста-ленинца оказалось за бортом, а роль А. В. Луначарского как государственного и партийного деятеля путем длительного замалчивания была искажена.

Возвращение А. В. Луначарского к нам началось в 60-е годы, оно продолжается и, надо думать, ускорится, ибо открываются новые возможности более глубокого и объективного анализа опубликованных и неопубликованных материалов жизни и деятельности Анатолия Васильевича. Важно только не терять за деревьями леса, не делать общих выводов из отдельных просчетов (а они, конечно, были у Луначарского), а помнить об исторической роли первопроходцев — первых народных комиссаров, которую они достойно выполняли в труднейших условиях.

Самим ходом революции — гражданской войной, нищетой и разрухой в результате почти восьми лет кровопролития, начиная с 1914 года, первоочередностью задач восстановления народного хозяйства и организации нового государственного устройства — культурный фронт («Мы тоже на фронте, мы тоже ведем борьбу, мы тоже защищаем Октябрь»,— писал Луначарский в 1927 году) был отодвинут на задний план. На просвещение и культуру не хватало средств. Произошел отток квалифицированных кадров в области культуры и науки в результате эмиграции из Советской России. Только с учетом всех этих факторов можно правильно оценить сделанное Наркомпросом и его руководителем, в частности, за первые полгода Советской власти.

6 декабря 1917 года А. В. Луначарский писал А. М. Горькому по горячим следам революционных событий: «Да, этому делу я отдаю всю кровь и весь сок нервов и с никогда еще не переживавшимся мной напряжением сил, работая по 20 часов в сутки, я мало-помалу, словно прокладывая туннель сквозь гранит, продвигаюсь вперед». В таком темпе, с таким подъемом и накалом работал нарком просвещения в первые полгода, а затем и дальше — все 12 лет на этом посту. И как бы эту работу подытоживая, Горький

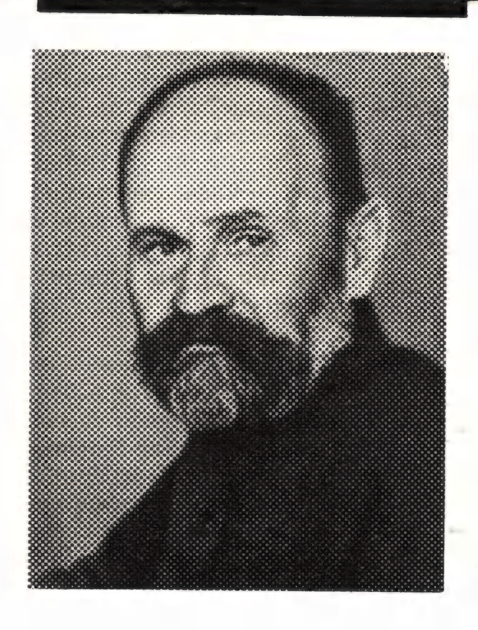
в октябре 1932 года говорил Анатолию Васильевичу: «Вы прожили тяжелую, но яркую жизнь, сделали большую работу. Вы долгое время, почти всю жизнь, шли плечо в плечо с Лениным и наиболее крупными, яркими товарищами...» — и уговаривал его начать писать книгу воспоминаний. В ответ Луначарский (он в это время лечился за границей) делился творческими планами «давно-давно задуманных и любовно обдуманных работ» — о «Фаусте» Гёте, о проблемах эстетики, этики и культуры, которые волнуют молодежь, об исследовании природы смеха как «грандиозного явления культуры». Вспоминая о последних днях жизни А. В. Луначарского, его жена Н. А. Луначарская-Розенель рассказала, что однажды он сказал своему врачу: «Я хочу еще пожить, хотя бы для того, чтобы написать книгу о Ленине. Это мой долг. Эта книга будет самым значительным из всего, что я сделал в жизни». К сожалению, этим планам не суждено было сбыться.

Но сбылось главное дело жизни А. В. Луначарского. На посту первого советского наркома по просвещению ему выпала честь «введения пролетариата во владение всей человеческой культурой».

Анатолий Васильевич очень любил Петроград — колыбель революции. Он единственный из членов Совнаркома остался, по разрешению В. И. Ленина, в Петрограде после переезда правительства в Москву, остался на некоторое время в качестве представителя Совнаркома и наркома Петроградской трудовой коммуны. Поэтому хочется закончить рассказ о его деятельности в первые революционные месяцы словами, написанными им и высеченными на плитах памятника на Марсовом поле: «В народе жив вечно, кто для народа жизнь положил, трудился, боролся и умер за общее благо».

Иванова Л. В.—
доктор исторических наук

Народный комиссар финансов
И. И. СКВОРЦОВ-СТЕПАНОВ

В декрете II Всероссийского съезда Советов об образовании Рабоче-Крестьянского правительства опубликован его состав. Наркомом финансов в нем значится Иван Иванович Скворцов-Степанов. Известно также, что утвержден он был на этот пост по предложению В. И. Ленина, но назначения не принял и к исполнению обязанностей наркома не приступил.

Буржуазная пресса поспешила поднять по этому поводу большой шум, утверждая, в частности, будто Скворцов-Степанов «отрицательно относится к Октябрьскому перевороту», а потому-де не хочет входить в большевистское правительство.

Отказ И. И. Скворцова-Степанова от поста наркома финансов его современники и соратники объясняли разными причинами. Его товарищ по работе в Московской организации большевиков

П. Г. Дауге вспоминал, что в разговоре с ним Иван Иванович назвал себя «плохим практиком финансового дела». В. Д. Бонч-Бруевич свидетельствовал, что «только невероятная перегруженность московскими делами заставила его отказаться от этой ответственной должности, которая требовала от него переезда в Петроград».

Ясно, что основным мотивом поступка Ивана Ивановича были не идейные расхождения, не стремление сохранить прежнее место жительства и уж вовсе не недостаток организаторских или практических способностей, а уверенность в том, что в Москве он, как ответственный редактор газет «Известия» и «Социал-демократ», как партийный литератор и пропагандист, принесет наибольшую пользу делу революции. Его доводы показались убедительными и ЦК РСДРП(б) и В. И. Ленину, так как вскоре его место в первом Советском правительстве занял его заместитель В. Р. Менжинский. Но сам факт выдвижения И. И. Скворцова-Степанова на пост наркома финансов свидетельствовал о его большом авторитете.

Что же все-таки заставило В. И. Ленина настоятельно рекомендовать Скворцова-Степанова в состав Совета Народных Комиссаров, который не случайно назывался самым интеллигентным и образованным правительством России? Прежде всего его обширные знания в области экономики, философии, истории, идейная убежденность и последовательность в отстаивании своих взглядов, глубокая порядочность — все то, что Г. М. Кржижановский определял как «многогранные дарования».

Иван Иванович Скворцов (лишь много позднее к этой его настоящей фамилии прибавится вторая — псевдоним в честь деда Степана Скворцова — Степанов) прошел большой и трудный путь профессионального революционера. Отдав дань народничеству, он в 1896 году окончательно определился как марксист, а вскоре, после II съезда РСДРП, стал большевиком. Вся его жизнь была тесно связана с Москвой. Как отмечает Г. М. Кржижановский, «он как бы сросся с Москвой, Московским центром, с Московской областью». Здесь он учился, здесь был впервые в 1896 году арестован, сюда вновь и вновь возвращался после очередных арестов и ссылок, отнявших в общей сложности восемь лет его жизни. И все годы, после окончания в 1890 году Московского учительского института, продолжал учиться, накапливать знания, изучать марксистскую литературу. Книги стали любимыми спутниками всей его жизни, их он, по собственным словам, «поглощал с вели-

кой яростью...». «Он был «самоучкой»,— говорил о нем Г. М. Кржижановский,— сам, своим неустанно продолжавшимся всю жизнь трудом выковывал, звено за звеном, весь свой интеллект и рос, непрерывно рос»[1].

В 1904 году, тридцати четырех лет от роду, когда заканчивалась его очередная двухлетняя ссылка в Восточную Сибирь, он был уже широко известен как талантливый публицист, глубокий экономист и социолог. Бывший вместе с ним в ссылке большевик Б. П. Позерн вспоминал: «Такие люди, как Иван Иванович Скворцов, отчетливостью своей мысли и ясностью своих суждений производили неотразимое впечатление. Это был лучший тип пропагандиста марксизма».

Высокообразованным марксистом, окончательно определившимся как твердый и последовательный большевик, вернулся в конце 1904 года из ссылки в Москву И. И. Скворцов-Степанов и сразу же включился в революционную борьбу.

После 9 января 1905 года одним из центров пропаганды московских большевиков, популярным среди рабочих, стал Музей содействия труду при Техническом обществе. Здесь устраивались лекции о текущих событиях, о положении пролетариев в России, о фабричном законодательстве. Неизменным участником этих лекций был Скворцов-Степанов. Он вел занятия в рабочих кружках Замоскворечья, нередко выступал в слободке близ Симонова монастыря, где жили рабочие завода «Динамо», на квартирах революционно настроенной интеллигенции.

Еще до ссылки Скворцов-Степанов был кооптирован в состав МК. К началу лета 1905 года при непосредственном участии И. И. Скворцова-Степанова, М. С. Ольминского, М. Н. Покровского, В. М. Шулятикова создается литературно-лекторская группа МК РСДРП. Большевики — члены группы выступали на рабочих и профсоюзных собраниях в Москве, выезжали в Тверь, Орел, Серпухов, Владимир, Казань, Ярославль, Рязань, Коломну и в другие города. Сбор от выступлений шел в партийную кассу.

М. Н. Покровский отмечал, что «настоящим, в подлинном смысле организатором» лекторской группы, ее душой стал Иван Иванович. «Это был уже тогда на редкость идейно выдержанный и самостоятельный человек... Маркса и Энгельса он знал великолепно, самоучкой овладел немецким языком для того, чтобы читать их в подлиннике,— но делалось все это не затем, чтобы повторять их слова, а с тем, чтобы усвоить их метод и мышление, их манеру подходить к фактам... Эта идейная четкость, идейная выдержан-

---

[1] *Кржижановский Г. М.* Соч. М.; Л., 1936. Т. 3. С. 411.

ность, я бы сказал, глубокая идейная честность... это качество И. И. внушало глубокое уважение...»

Скворцов-Степанов в те боевые дни и месяцы написал много листовок и прокламаций. Он входил в состав редакций всех московских социал-демократических газет, сотрудничал в них как автор. Регулярно печатаются статьи Ивана Ивановича и в петербургских партийных изданиях: «Новой жизни», выходившей под непосредственным руководством В. И. Ленина, «Волне», «Новом луче».

И. И. Скворцов-Степанов известен не только как партийный и государственный деятель и публицист, но и как переводчик «Капитала» К. Маркса.

К работе над переводом «Капитала» его привел постоянный интерес к марксистской литературе, а также участие в подготовке к изданию книги В. Блоса «Очерки по истории Германии в XIX веке», которая вышла в издательстве С. А. Скирмунта в середине 1905 года. Скворцов перевел эту книгу вместе с В. А. Базаровым. С ним судьба свела его еще в тульской ссылке в конце прошлого века. Они подружились и все эти годы совместно трудились над переводами марксистской литературы.

В мае 1905 года возникло книжное издательство «Колокол», в редколлегию которого вошли И. И. Скворцов-Степанов, М. Н. Покровский, Н. А. Рожков и М. Г. Лунц. За несколько месяцев ими было подготовлено и издано около 100 книг и брошюр марксистского направления, в том числе работы В. И. Ленина, А. В. Луначарского, Д. И. Курского и других большевиков.

И наконец, в 1906 году Скворцов-Степанов вместе с Базаровым переводит «Собрание исторических работ» К. Маркса. Отсюда пролегла прямая дорога к делу его жизни — переводу «Капитала».

Заказ на перевод «Капитала» Иван Иванович получил в конце 1906 года. Потребность в этой книге была очень велика. «Я знал,— вспоминал позднее старый большевик Н. С. Клестов-Ангарский,— как трудно достать эту давно распроданную книгу, и потому решил предложить представителю бумажных фабрик Пализена купцу Г. А. Блюменбергу издать эту работу Маркса. Тем более что буквально на днях купец интересовался, нет ли что-либо для издания, которое будет пользоваться большим спросом у читателя.

Долго совещались и подсчитывали купцы и наконец согласились. Теперь я должен был найти переводчиков и редактора.

В тот же вечер я отправился к Ивану Ивановичу Скворцову, которого знал по его работе в Московской организации».

Подробно обсудив план будущего издания, Скворцов-Степа-

нов привлек к переводу В. А. Базарова. В конце переговоров Блюменберг заявил, что «для успеха дела он хотел бы привлечь редактора с именем», и назвал это имя — В. И. Ленин.

Вскоре в газетах появилось объявление о подписке на «Капитал» в трех томах в переводе Базарова и Степанова под общей редакцией В. И. Ленина. Однако Владимир Ильич смог отредактировать лишь первую главу второго тома. Вынужденный вскоре покинуть Россию, он не смог продолжить работу над переводом «Капитала».

Издание книги заняло два года. Следует сказать, что в первом варианте перевода принимали участие кроме И. И. Скворцова-Степанова В. А. Базаров, М. А. Сильвин-Таганский и М. Г. Лунц, а в редактировании — А. А. Богданов. В последующих изданиях они уже не участвовали. Скворцов-Степанов и в дальнейшем совершенствовал перевод «Капитала», вносил в него все новые и новые уточнения. К русскому изданию книги Иван Иванович составил подробный указатель авторов, чьи произведения К. Маркс использовал в своем труде. Так Скворцов-Степанов стал, по сути дела, первым переводчиком, комментатором и редактором главного труда К. Маркса. Переведенный Скворцовым-Степановым «Капитал» изучали многие поколения русских марксистов. В. И. Ленин считал этот перевод лучшим, имеющим высокую научную ценность, он часто ссылался в своих трудах на него и на другие переводы произведений Маркса и Энгельса, которые сделал Иван Иванович.

Долгие годы революционной деятельности И. И. Скворцова-Степанова прошли под непосредственным влиянием В. И. Ленина и в тесном контакте с ним. Впервые Иван Иванович познакомился с ленинскими произведениями в тульской ссылке — в 1896 году. А в 1906 году произошла встреча В. И. Ленина и И. И. Скворцова-Степанова. Симпатия и взаимное доверие между ними возникли сразу и на всю жизнь. Через месяц — новая встреча на IV (Объединительном) съезде РСДРП, куда Иван Скворцов под псевдонимом Федоров был избран делегатом от Московской организации большевиков.

Совместная работа с Владимиром Ильичем еще больше сблизила их. Именно здесь, в Стокгольме, впервые стали они говорить о новом переводе «Капитала».

В разгар наступившей реакции, весной 1908 года, Иван Иванович навестил Ленина и Крупскую в Женеве. Время было трудное — возникли расхождения Ленина с группой «Вперед», с «богданов-

цами», со старыми друзьями Скворцова — Богдановым, Базаровым, Луначарским, вставшими на путь критики марксистской философии с идеалистических позиций. Иван Иванович тяжело переживал раскол Ленина с «богдановцами», пытался примирить их. Старый большевик М. А. Савельев писал в 1928 году: «Я знаю, какую массу труда и настойчивости проявлял Владимир Ильич, чтобы оторвать Ивана Ивановича от этой «богдановской скверны», и в этом отношении надо отдать справедливость Владимиру Ильичу: его настойчивость, его деятельная переписка с Иваном Ивановичем, его обращение к Ивану Ивановичу через посредство товарищей — все это делало свое дело...»

Скворцов подарил Ленину многие свои книги с дарственными надписями, полными уважения и симпатии. Вот одна из них — на переводе книги Р. Гильфердинга «Финансовый капитал» — «Дорогому товарищу Владимиру Ильичу Ленину (Ульянову) на память о совместной работе 1906—1918 гг. Переводчик». Все предреволюционные годы они шли рядом...

Осенью 1916 года Скворцов-Степанов вошел в состав Московского областного бюро ЦК РСДРП. Но основным смыслом его жизни оставалась издательская деятельность. С первых дней Февральской революции Иван Иванович, по его словам, «в постоянной работе по поручениям МК и ЦК». Он — редактор «Известий Московского Совета», газеты московских большевиков «Социал-демократ». Не было бумаги, типографий, но газета выходила регулярно — поддерживали революционные рабочие и солдаты. Сотрудничал Иван Иванович и в московском большевистском журнале «Спартак» и в петроградских изданиях. Подсчитано, что в 1917 году он опубликовал свыше 100 статей, не считая публикаций без подписи. Они могли бы составить объемистый том партийной публицистики.

Весной 1917 года большевики избрали его делегатом VII (Апрельской) партийной конференции. На I Московской областной конференции он выступил с докладом по аграрному вопросу, а на городской конференции большевиков — по нескольким вопросам повестки дня. В июне он был избран в Московскую городскую думу и возглавил ее большевистскую фракцию. Их было всего 23 депутата-большевика против двухсот кадетов, меньшевиков, эсеров... «Наша численная слабость нас не смущала,— вспоминал Иван Иванович.— Мы чувствовали за собой растущую силу. И это придавало всем нашим выступлениям решительность и активность. Мы меньше оборонялись, чем наступали». Их призыв к решительным действиям звучал и в Октябре, когда в боях устанавливалась Советская власть в Москве.

5 января 1918 года в Таврическом дворце в Петрограде собралось Учредительное собрание. Среди депутатов-большевиков — Скворцов-Степанов. Его вместе с Лениным избрали москвичи. С трибуны в ответ на угрозу эсера Лордкипанидзе «порвать с большевиками» он заявляет: «...между нами все кончено. Вы в одном мире — с кадетами и буржуазией, мы в другом мире — с крестьянами и рабочими».

В статье «Люди с того света» В. И. Ленин так отметил это выступление: «Прав был тов. Скворцов, который в двух-трех кратких, точно отчеканенных, простых, спокойных и в то же время беспощадно резких фразах сказал правым эсерам: «Между нами все кончено. Мы делаем до конца Октябрьскую революцию против буржуазии. Мы с вами на разных сторонах баррикады»[1].

После переезда правительства в Москву, когда «Социал-демократ» слился с «Правдой», Скворцов-Степанов переходит на работу в центральный орган партии, становится членом редколлегии, затем заместителем ответственного редактора. На страницах «Правды» уже в первые месяцы Советской власти появляются его многочисленные статьи по проблемам экономики, образования, внешней торговли. Продолжал он и работу переводчика, все активнее включался в организацию издательского дела в республике.

Учитывая большие научные заслуги Ивана Ивановича, ВЦИК в середине 1918 года утвердил его в числе первых 45 действительных членов Социалистической академии. Трудно перечислить все книги, написанные и опубликованные им в 20-е годы. Он по-прежнему выступает как крупный теоретик, блестящий публицист, историк международного рабочего движения. Но об одном его произведении хочется сказать особо. Речь идет о книге «Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства», написанной по прямому поручению В. И. Ленина.

«Диапазон, размах у Ивана Ивановича был огромный,— вспоминает Г. М. Кржижановский,— времени на составление этой работы ему дано было мало, и я на первых порах, признаться, думал, что он перебарщивает. Однако мы хотели сделать из этой книги совершенно оригинальное произведение, которое совсем не повторяло бы то, что написала Государственная комиссия по электрификации, а давала бы по возможности всякому свежему читателю еще и физические и общеэкономические основы для

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 229—230.

уразумения всей концепции». Глеб Максимилианович свидетельствует, что еще никогда не имел «такого соратника, такого работника, прочтение рукописей которого не только не предполагало дополнительную работу по переделке, а доставляло истинное удовольствие тому, у кого он по специальности учился»[1].

В. И. Ленин, написавший предисловие к книге, рекомендовал ее вниманию всех коммунистов. При этом отметил, что автору удалось дать удачное изложение труднейших и важнейших вопросов.

В последние годы жизни (Скворцов-Степанов умер в 1928 г.) он кроме редактирования «Известий», которое вновь принял на себя в 1925 году и вел до конца жизни, несколько месяцев руководил редакцией газеты «Ленинградская правда». В 1926 году он стал директором Института В. И. Ленина.

Скворцов-Степанов вырос в крупного общественного деятеля: товарищи по партии избирают его делегатом всех партийных съездов — с X по XV. На последнем съезде он стал членом ЦК ВКП(б).

О И. И. Скворцове-Степанове сохранилось много воспоминаний соратников, друзей, товарищей. Все они отмечают его простоту, доброту, отзывчивость и вместе с тем — твердость, принципиальность, честность и мужество.

Писатель Федор Гладков вспоминал: «Это был жизнерадостный подвижник, веселый революционер, жизнерадостный романтик. Этот тип людей, цельных, разносторонних в развитии своих способностей, высококультурных, часто встречался... в рядах нашей старой гвардии».

К этому следует прибавить постоянное чувство ответственности и преданности своему жизненному предназначению — журналистике, теоретической, научной работе и величайшую скромность. Именно эти качества помешали ему, думается, в октябре 1917 года принять на себя обязанности народного комиссара в первом Советском правительстве.

Качурина А. В. — кандидат
исторических наук

---

[1] *Кржижановский Г. М.* Соч. Т. 3. С. 413—414.

Народный комиссар по иностранным делам Л. Д. ТРОЦКИЙ (БРОНШТЕЙН)

С первых шагов по организации Советского правительства большую роль в нем играл Лев Давидович Троцкий. Он родился 26 октября 1879 года в деревне Яновка Херсонской губернии в семье зажиточного еврейского землевладельца Давида Бронштейна. В последних классах реального училища вступил в революционное движение, участвуя в нелегальных кружках в Одессе и Николаеве, был одним из основателей «Южно-русского рабочего союза» в Николаеве. Арестованный вместе с другими организаторами этого союза, провел более полутора лет в заключении в тюрьмах Николаева, Одессы и Москвы. В 1902 году бежал из ссылки из села Усть-Кут в Восточной Сибири, воспользовавшись фальшивым паспортом на имя Троцкого. Перебравшись в Лондон, Л. Д. Троцкий знакомится с В. И. Лениным, принимает ак-

тивное участие в подготовке и работе II съезда РСДРП в 1903 году. В ходе съезда он присоединяется к меньшевикам. Но в конце 1904 года фактически разрывает с ними и становится независимым, внефракционным социал-демократом.

В начале 1905 года Троцкий нелегально возвращается в Россию. Уже в 1902—1905 годах он становится заметным публицистом и оратором, самостоятельным и творческим марксистом. Вместе с немецко-русским социал-демократом Парвусом (А. Л. Гельфандом) Троцкий выдвигает и разрабатывает теорию «перманентной», то есть «непрерывной» революции. Согласно ей, начавшаяся в России революция должна быть непрерывной, то есть перейти от буржуазно-демократического этапа сразу к социалистическому и привести к установлению в России правительства диктатуры пролетариата, а победившая в России социалистическая революция должна быть распространена на страны Западной Европы, пролетариат которой стоит непосредственно перед завоеванием власти в социалистической революции; социалистическая Европа поможет пролетариату России построить социалистическое общество в отсталой, мелкобуржуазной стране. Троцкий принимает активное участие в революционном движении России. Под фамилией Яновский его избирают в Петербургский Совет, где он завоевывает популярность как наиболее радикальный оратор. В конце 1905 года Троцкий председательствует на последнем заседании Совета и, арестованный царской полицией, проводит почти год в тюрьме, а затем на судебном процессе по делу 50 активных деятелей Совета приговаривается к длительной ссылке на север Западной Сибири. Он не прекращает и в тюрьме публицистической работы. Именно в эти годы в практически-политическом плане он приближается к позиции большевиков.

По пути в ссылку Троцкому удается бежать, он появляется нелегально в Петербурге, а затем переезжает в Финляндию. Там встречается с Лениным и лидером левого крыла меньшевиков Ю. О. Мартовым. После участия в V съезде РСДРП Л. Д. Троцкий переезжает в Вену, где живет вплоть до августа 1914 года. Он активно участвует в социал-демократическом движении Австро-Венгрии и Германии, сотрудничает в австро-немецкой социалистической печати, знакомится с деятельностью социал-демократии Балканских стран. Сам он с 1908 по 1913 год выпускает в Вене популярную рабочую газету «Правда», нелегально переправляемую в Россию. Несмотря на попытки Ленина привлечь Троцкого к общепартийной работе, тот остается независимым и склонным к заключению временных союзов с противниками большевиков-ленинцев. Эти годы — время наибольшей отдаленности и даже

противостояния между В. И. Лениным и Л. Д. Троцким. Только во время первой мировой войны их взгляды на войну, интернационалистическая позиция объективно быстро сближаются. Но субъективно Ленин по-прежнему относится к Троцкому с недоверием и подозрительностью.

С началом войны, уже 3 августа 1914 года, Троцкий с семьей оказался высланным из Австро-Венгрии. Он переезжает в Швейцарию, затем во Францию, сотрудничает в интернационалистских газетах «Голос», «Наше слово». В конце 1916 года французские власти высылают Троцкого в Испанию, а оттуда — в Америку. Через несколько недель он уже в Нью-Йорке, работает в редакции левой газеты «Новый мир» на русском языке. Там уже сотрудничают Н. Бухарин, В. Володарский, С. Восков, Г. Чудновский, которые через несколько месяцев окунутся в водоворот политической борьбы революционной России.

Именно в США застает Троцкого весть о победе Февральской революции. Он едет на родину, но по пути в канадском порту Галифакс его задерживают английские власти и заключают в лагерь Амхерст для интернированных. Только заступничество Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов заставляет русское министерство иностранных дел ходатайствовать о его освобождении. Вечером 4 мая Троцкий прибывает на Финляндский вокзал в Петроград, где его приветствует член исполкома Петроградского Совета Г. Ф. Федоров от имени большевиков и лично от Ленина. 5 мая 1917 года Троцкий впервые выступает на общем собрании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, где открыто поддерживает большевистский лозунг передачи всей власти Советам.

Старые разногласия насчет «перманентной революции» теперь утратили свою силу. Итогом буржуазной революции в России стало двоевластие. В. И. Ленин в этих условиях выдвинул идею борьбы за переход революции к ее второму этапу, то есть к социалистической революции. Сходными были и рассуждения Троцкого. Сама логика вещей заставляла Троцкого стать ближайшим союзником большевиков. При встрече с Лениным он выразил желание немедленно войти в большевистскую партию, но тот рекомендовал не торопиться, а сделать это после гласного выяснения единства политической позиции. Троцкий вступает в межрайонную организацию объединенных социал-демократов и в ее составе на VI съезде большевистской партии принимается в члены РСДРП(б). Однако уже до этого налаживается тесное практическое сотрудничество Л. Д. Троцкого с большевиками: он пишет проекты ряда резолюций для большевистских фракций Петроградского Совета и

I Всероссийского съезда Советов. В июльские дни 1917 года Троцкий выступает в едином строю с большевиками. Когда Временное правительство издает приказ об аресте В. И. Ленина и Г. Е. Зиновьева по обвинению «в государственной измене», он требует, чтобы арестовали и его, так как отстаиваемая им политическая позиция ничем не отличалась от большевистской. Партия решила не подвергать риску жизнь Ленина и Зиновьева: ЦК рекомендовал перейти им на нелегальное положение. Троцкий же был арестован в ночь на 22 июля 1917 года и посажен в ту же тюрьму «Кресты», где он уже сидел в 1906 году. Арест и заключение сорвали намечавшееся выступление Троцкого на VI съезде РСДРП(б) с докладом о политическом положении. Вместо него ЦК предложил И. В. Сталину срочно подготовить доклад.

На VI съезде РСДРП(б) Троцкий был избран в Центральный Комитет партии. Вместе с ним туда вошел его соратник и многолетний друг А. А. Иоффе. После разгрома корниловщины Временное правительство вынуждено было освободить Троцкого под залог. С 5 сентября он активно включается в работу большевистской партии в столице, возглавляет большевистскую фракцию на Демократическом совещании, по нескольку раз в день выступает то во ВЦИК, то в Петроградском Совете, на солдатских и рабочих митингах. Популярность его, начавшая расти еще в мае—июне, теперь достигает высшей точки. 25 сентября 1917 года, по предложению ЦК РСДРП(б), Л. Д. Троцкий избирается председателем Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, перешедшего еще в начале сентября на большевистские позиции. Как член ЦК большевистской партии и председатель Совета, Троцкий принимает самое активное участие в подготовке и проведении Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде.

Хотя в конце сентября и в начале октября у Троцкого имелись расхождения с В. И. Лениным относительно сроков и способов начала восстания (Троцкий, в частности, связывал его начало с резолюцией II Всероссийского съезда Советов и реакцией на постановление о взятии власти со стороны самого Временного правительства), после возвращения Ленина из финляндского подполья они согласовывают свои позиции на двух заседаниях ЦК и на личной встрече с глазу на глаз между заседаниями 10 и 15 октября 1917 года. Троцкий занимает отрицательную позицию по отношению к поступку Каменева и Зиновьева и участвует в попытке смягчить негативные последствия выступления Каменева в газете «Новая жизнь» 18 октября. Он предотвращает внесение Каменевым сепаратной резолюции против восстания на вечернем заседании Петроградского Совета в тот же день.

Тем не менее в связи с этим выступлением и переносом даты открытия II Всероссийского съезда Советов на 25 октября Л. Д. Троцкий вновь проявлял колебания, стремясь отсрочить начало выступления до открытия съезда. Только начавшееся «контрнаступление» Керенского в ночь на 24 октября, закрытие газеты большевиков «Рабочий путь», угроза ареста членов Военно-революционного комитета Петроградского Совета заставили его выступить раньше. Вечером 24 октября наступательные действия ВРК наконец развернулись. Вскоре в Смольный пришел В. И. Ленин, и в ночь на 25-е восстание со стремительной быстротой начало развиваться.

Ночь на 25 октября 1917 года является начальной датой истории Советского правительства. Его «утробный период» был весьма кратким — всего двое суток. На ночном заседании ЦК РСДРП(б), по предложению В. И. Ленина, был обсужден вопрос о формировании нового правительства. Именно Троцкий в ответ на поставленный Лениным вопрос о названии новой власти, предложил заменить буржуазное слово «министр» революционными словами «комиссар», «народный комиссар». При подборе кандидатов на посты народных комиссаров Ленин предложил Троцкому занять пост комиссара по внутренним делам. Этот пост традиционно был самым важным в России на протяжении целого столетия. Но Троцкий отказался. На этот пост был тогда намечен Алексей Иванович Рыков. Троцкому же решили дать пост наркома по иностранным делам. И хотя Троцкий не имел никакого дипломатического опыта, а по своей натуре был скорее человеком прямым, весьма не дипломатичным, он согласился.

Вот фрагмент воспоминаний Л. Д. Троцкого о событиях ночи на 25 октября 1917 года и последующих часов, когда обсуждался вопрос о формировании правительства и его персональном составе:

«Власть завоевана, по крайней мере в Петрограде. Ленин еще не успел сменить свой воротник. На уставшем лице бодрствуют ленинские глаза. Он смотрит на меня дружественно, мягко, с угловатой застенчивостью, выражая внутреннюю близость.

— Знаете,— говорит он нерешительно,— сразу от преследований и подполья к власти...

Мы смотрим друг на друга и чуть смеемся. Все это длится не больше минуты, двух. Затем — простой переход к очередным делам.

Надо формировать правительство. Нас несколько членов Центрального Комитета. Летучее заседание в углу комнаты.

— Как назвать? — рассуждает вслух Ленин.— Только не министрами: гнусное, истрепанное название.

— Можно бы комиссарами,— предлагаю я,— но только теперь

слишком много комиссаров. Может быть, верховные комиссары?.. Нет, «верховные» звучит плохо. Нельзя ли «народные»?

— Народные комиссары? Что ж, это, пожалуй, подойдет,— соглашается Ленин.— А правительство в целом?

— Совет, конечно, Совет... Совет народных комиссаров? А?

— Совет народных комиссаров? — подхватывает Ленин,— это превосходно: ужасно пахнет революцией!»[1]

Далее Троцкий рассказывает, что на другой день Ленин предложил назначить его Председателем Совета Народных Комиссаров. «Я привскочил с места,— пишет Троцкий,— до такой степени это предложение показалось мне неожиданным и неуместным. «Почему же?» — настаивал Ленин.— Вы стояли во главе Петроградского Совета, когда он взял власть». Я предложил отвергнуть предложение без прений. Так и сделали»[2].

Троцкий рассказывает, что мысль об участии в правительстве, в управлении страной и его застигла врасплох. Он пытался оказаться вообще вне правительства, оставив за собой руководство партийной печатью. Но Ленин настаивал, чтобы Троцкий не только принял участие в правительстве, но и взял на себя управление внутренними делами. «Я возражал,— откровенно разъясняет Троцкий,— и в числе других доводов выдвинул национальный момент: стоит ли, мол, давать в руки врагам такое дополнительное оружие, как мое еврейство? Ленин был почти возмущен: «У нас великая международная революция,— какое значение могут иметь такие пустяки?» На эту тему возникло у нас полушутливое препирательство. «Революция-то великая,— отвечал я,— но дураков осталось еще немало».— «Да разве ж мы по дуракам равняемся?» — «Равняться не равняемся, а маленькую скидку на глупость иной раз приходится делать: к чему нам на первых же порах лишнее осложнение?..»[3]

Доводы Троцкого признали основательными Я. М. Свердлов и еще несколько членов ЦК. Ленин остался в меньшинстве. Однако из правительства Троцкого совсем не отпустили. А на партийную печать, настаивал Свердлов, необходимо поставить Н. И. Бухарина. «Льва Давидовича надо противопоставить Европе, пусть берет иностранные дела. Какие у нас теперь будут иностранные дела? — возражал Ленин. Но скрепя сердце он согласился. Скрепя сердце согласился и я. Так по инициативе Свердлова я оказался на четверть года во главе советской дипломатии»[4].

---

[1] *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь: Опыт автобиографии. Берлин, 1930. Т. 2. С. 59—60.
[2] Там же. С. 61.
[3] Там же. С. 62—63.
[4] Там же. С. 63.

Однако в первые дни после окончания II Всероссийского съезда Советов, который по докладу Л. Д. Троцкого утвердил постановление о создании Совета Народных Комиссаров как временного рабочего и крестьянского правительства (постановление было написано В. И. Лениным), а самого докладчика — народным комиссаром по иностранным делам, Троцкому пришлось заниматься именно внутренними делами: организацией отпора походу Керенского — Краснова, борьбой с оппозицией внутри ЦК против сохранения власти в руках однопартийного большевистского правительства. Он входит наряду с В. И. Лениным во все чрезвычайные органы для организации разгрома мятежников, участвует в заседаниях ЦК и ВРК, созданного 27 октября штаба ВРК.

К сожалению, не сохранились протоколы Центрального Комитета партии с 24 по 29 октября 1917 года. Вероятно, в связи с чрезвычайной обстановкой они просто не велись. Тем не менее газетная хроника тех дней в сочетании с сохранившимися документами ВРК и мемуарами дает возможность, хотя и схематично, показать основное направление работы Л. Д. Троцкого в дни 27 октября — 4 ноября 1917 года.

Так, он вместе с В. И. Лениным приходит 28 октября в штаб ВРК, контролирует его работу. В связи с тем что войска Керенского—Краснова к этому моменту заняли не только Гатчину, но и Царское Село и находились в 20—25 километрах от Петрограда, Ленин и Троцкий настояли на том, чтобы штаб ВРК немедленно переехал в помещение штаба Петроградского военного округа на Дворцовой площади (бывший штаб гвардейских войск) и воспользовался техническим аппаратом штаба и его системой связи. В 5 часов дня 28 октября Ленин и Троцкий приезжают в штаб округа и лично проверяют, как там начал работать штаб ВРК.

В ночь на 29 октября Троцкий вместе с Лениным приезжает на Путиловский завод, чтобы убедить рабочих усилить выпуск оружия, пушек, оборудовать блиндированный состав, который мог бы бороться с захваченным мятежниками бронепоездом. Утром 29 октября Троцкий вместе с Лениным участвует в контроле над разработкой Военно-революционным комитетом плана подавления мятежа юнкеров. Мятеж этот удалось к вечеру 29 октября полностью подавить, что сорвало планы контрреволюции, рассчитывавшей помочь наступлению Керенского на Петроград выступлением в самой столице.

27—31 октября Троцкий выступает на многих митингах и собраниях, особенно среди солдат Петроградского гарнизона, которые с большой неохотой уходили теперь на позиции. Речи Троцкого во многом способствовали перелому в настроении солдат наибо-

лее сознательных воинских частей. Благодаря энергичному руководству, привлечению военных специалистов, в частности полковников Муравьева и Вальдена, а также беззаветному мужеству матросов, красногвардейцев и солдат Петрограда попытки казаков прорваться 30 и 31 октября к Московскому шоссе у Пулковских высот потерпели неудачу. Действуя в направлении вдоль полотна Варшавской железной дороги между Царским Селом и Гатчиной, революционные войска создали угрозу окружения казаков в Царском, и казаки поспешно оставили его. 31 октября в решающем сражении у Пулковских высот казаки потерпели поражение. В ночь на 1 ноября начались переговоры П. Е. Дыбенко с представителями казаков в Гатчине о перемирии и ликвидации военного конфликта.

Но наряду с этими прямыми военными задачами Л. Д. Троцкий безоговорочно поддерживал В. И. Ленина, отстаивавшего власть, которую II Всероссийский съезд Советов вручил Совету Народных Комиссаров. Дело в том, что трудности первых дней существования Советской власти — прямая враждебность старого государственного аппарата, антисоветский блок, созданный партиями эсеров и меньшевиков в лице организованного в ночь на 26 октября «Комитета спасения родины и революции», затяжной характер борьбы за власть в Москве — вызвали у части членов ЦК РСДРП(б), занимавших ранее правую позицию и выступавших против восстания, надежды на то, что можно будет взять реванш и заставить Совнарком и персонально Ленина и Троцкого отдать власть так называемому «однородному социалистическому правительству». Лидерами этой группы стали Л. Б. Каменев и часть других членов ЦК и ответственных работников партии. Этому способствовало и то, что находившийся под эсеро-меньшевистским влиянием Викжель выдвинул ультиматум: если до 12 часов ночи 29 октября не начнутся переговоры о создании «однородного социалистического правительства — от народных социалистов до большевиков», то Викжель объявит всеобщую забастовку, что парализует всю хозяйственную жизнь в стране и сделает невозможным военную победу той или иной стороны. Ленин и Троцкий вынуждены были согласиться на ведение переговоров, однако отказались лично участвовать в них, передав дело лидерам «правой группы». В связи с обострением положения внутри партии Совет Народных Комиссаров, проведя свое первое заседание утром 27 октября, фактически больше не работал. Осуществляли свои функции только глава правительства Ленин и Троцкий, как его фактический заместитель.

29 октября 1917 года ЦК РСДРП(б) в отсутствие Ленина и

Троцкого постановил принять участие в переговорах при Викжеле и выделил туда свою делегацию. Ее возглавил Л. Б. Каменев. Хотя в протоколе этого заседания есть некоторые неясности, смысл принятых решений состоял в том, что делегации был дан мандат, разрешающий в случае необходимости лишить Ленина и Троцкого постов при составлении «однородного социалистического правительства». В ходе переговоров Каменев, Сокольников и Рязанов пошли на это. Меньшевики и эсеры соглашались из большевиков «взять» в «однородное правительство» только А. В. Луначарского и М. Н. Покровского. Недаром на заседании ЦК РСДРП(б) 1 ноября Л. Д. Троцкий справедливо сказал, что путем этих переговоров партии, в восстании не участвовавшие, хотят вырвать власть у тех, кто взял ее в бою.

Недавно у нас наконец опубликован протокол заседания Петербургского комитета РСДРП(б) от 1 ноября, на котором также обсуждался вопрос об «однородном социалистическом правительстве». Ленин и Троцкий хотели опереться на ПК и на созываемую в спешном порядке IV общегородскую конференцию большевиков в борьбе против соглашательского большинства ЦК. В. И. Ленин там резко выступил против позиции «правых» большевиков. Одновременно он высоко отозвался о позиции Троцкого. «Я не могу даже говорить об этом серьезно,— сказал Ленин об идее объединенного правительства.— Троцкий давно сказал, что объединение невозможно. Троцкий это понял, и с тех пор не было лучшего большевика».

Заслуживают внимания и выступления, произнесенные Троцким на этом заседании. «То, что мы переживаем,— говорил он,— это глубочайший социальный кризис. Сейчас пролетариат производит ломку и смену аппарата власти. Сопротивление их отражает процессы нашего роста. Их ненависть против нас нельзя смягчить никакими словами. Нам говорят, будто у нас с ними одна программа. Дать им несколько мест — и конец. А почему же они помогают Каледину, если программа у них с нами одна? Нет, буржуазия по всем своим классовым интересам против нас. Что же мы против этого сделаем путем соглашения с викжелевцами... Против нас насилие вооруженное, а чем повалить — тоже насилием. Луначарский говорит — льется кровь, что же делать? Не надо начинать было. Тогда признайте: самая большая ошибка сделана была даже не в октябре, а в конце февраля, когда открылась арена будущей гражданской войны.

Говорят, против Каледина поможет нам соглашение с Викжелем. Но почему сейчас они нас не поддерживают, если они к нам ближе? Они понимают: как ни плоха для них контрреволюция, она

верхушкам Викжеля даст больше, чем диктатура пролетариата. Сейчас они сохраняют нейтралитет, недружелюбный по отношению к нам. Они подпускают войска ударников и красновцев. В Викжеле мне лично запретили сообщить по прямому проводу в Москву, что дела наши в борьбе с Красновым хороши, ибо это-де «может поднять там дух», а викжелевцы, видите ли, нейтральны.

Соглашение с ними — это продолжение политики Гоца, Дана и др. Нам говорят: у нас нет ситца, керосина, поэтому нужно соглашение. Но я спрашиваю в 1001-й раз: каким образом соглашение с Гоцем и Даном нам может дать керосин?

Почему Черновы против нас? Они протестуют по всей своей психике, насквозь буржуазной. Они не способны проводить серьезные меры, направленные против буржуазии. Они против нас именно потому, что мы проводим крутые меры против буржуазии. А ведь никто еще не знает, какие жестокие меры мы вынуждены будем проводить. Все, что Черновы способны вносить в нашу работу,— это колебания. Но колебания в борьбе с врагами убьют наш авторитет в массах»[1].

Позиция Троцкого была четкая и определенная: он против коалиционного социалистического правительства, за сохранение власти в руках Совнаркома, составленного из одних большевиков. «Можно ли делить власть с теми элементами,— восклицает Троцкий,— которые и раньше саботировали Советы, а ныне извне борются против власти пролетариата? Все, кто согласны на это, упускают из виду спросить, способны ли те, с кем они хотят разделить власть, проводить нашу программу? Способны ли соглашатели проводить политику экономического террора? Нет. Если мы не способны осуществлять нашу программу, взяв власть, то должны пойти к солдатам и рабочим и признать себя банкротами. Но оставлять в коалиционном правительстве всего лишь несколько большевиков — это ничего не даст. Мы взяли власть, мы должны нести и ответственность».

Собрание выявило глубокие расхождения. Противниками Ленина и Троцкого выступили достаточно популярные в партии люди, такие, как А. В. Луначарский и В. П. Ногин. Луначарский даже позволил себе назвать Ленина «диктатором». Борьба по вопросу об «однородном социалистическом правительстве» обострялась. Каменев, как Председатель ВЦИК, опирался при этом не только на большевистскую фракцию, но и на левых эсеров, резко критиковавших большевистское однопартийное правительство, но все

---

[1] *Троцкий Л. Д.* Сталинская школа фальсификаций. Берлин, 1932. С. 125—126.

еще отказывавшихся войти в него. Троцкий поддерживает резолюцию Ленина с осуждением оппозиции внутри ЦК, он первым после Ленина подписывает ультиматум большинства ЦК меньшинству от 3 ноября 1917 года.

В тот же день состоялось второе заседание Совнаркома, почти целиком посвященное обсуждению вопроса о соглашении с другими партиями и положению в Москве. На нем В. П. Ногин, стремясь склонить СНК к соглашению с меньшевиками и эсерами, обрисовал обстановку в Москве как невыясненную, хотя разгром сил «Комитета общественной безопасности» там уже вполне определился. Ленин и Троцкий на этом заседании выступали за прекращение переговоров о соглашениях с партиями меньшевиков и эсеров.

В ответ на это 4 ноября 1917 года пять членов ЦК и еще десять наркомов и руководителей ведомств объявили о своем выходе в отставку, чтобы путем этой коллективной меры заставить Ленина и Троцкого сдать власть «однородному социалистическому правительству», но встретились со стальной твердостью. Обратившись к ЦИК Ленин получил полномочия на замещение освободившихся мест в правительстве. Вскоре Зиновьев, Каменев и другие оппозиционеры стали подавать заявления с просьбой разрешить им вернуться к работе в ЦК и в правительстве. Таким образом, этот первый правительственный кризис Советской власти был ликвидирован благодаря исключительной стойкости и солидарности Ленина и Троцкого. Но вся эта борьба отразилась на том, что Совет Народных Комиссаров как солидарное коллективное правительство фактически не действовал целых 20 дней после взятия власти. Реальная власть принадлежала в эти дни лидерам Совнаркома и Военно-революционному комитету Петроградского Совета, как чрезвычайному органу Советской власти. Только в начале декабря 1917 года он сдал ее Совнаркому.

В течение первых двух недель нарком по иностранным делам Л. Д. Троцкий и не показывался на «Певческом мосту», как звали в Петрограде министерство иностранных дел, расположенное справа от Арки Главного штаба, напротив Капеллы. Его деятельность, как и остальных членов правительства, протекала в Смольном. Именно там были написаны первые обращения к германскому военному командованию с предложением о заключении перемирия. Первое время Ленин и Троцкий работали в одном и том же кабинете, комнате № 67 Смольного. Затем Троцкий переехал в другое помещение. «Кабинет Ленина и мой,— вспоминал Троцкий,— были в Смольном расположены на противоположных концах здания. Коридор, нас соединявший или, вернее, разъединявший,

был так длинен, что Ленин шутя предлагал установить сообщение на велосипедах. Мы были связаны телефоном. Я несколько раз на дню проходил по бесконечному коридору, походившему на муравейник, в кабинет Ленина для совещаний с ним. Молодой матрос, именовавшийся секретарем Ленина, непрерывно бегал, перенося мне ленинские записки с двух- и трехкратным подчеркиванием наиболее существенных слов и с заключительным вопросом-ребром. Часто записочки сопровождались проектами декретов, требовавшими спешных отзывов. В архивах Совнаркома хранится немалое количество документов того времени, написанных частью Лениным, частью мною, текстов Ленина с моими поправками или моих предложений с дополнениями Ленина»[1].

Главной задачей тех дней по иностранному ведомству было пустить в ход машину заключения мира, вывести Россию из войны для успешного хода внутренней политики. 7 ноября Совнарком за подписями Ленина, Троцкого, комиссара по военным делам Крыленко, управляющего делами Бонч-Бруевича и секретаря СНК Горбунова отправил приказ Верховному главнокомандующему русской армии генералу Н. Н. Духонину (Духонин был до конца октября только начальником штаба Главковерха А. Ф. Керенского, но 1 ноября 1917 года тот, отправляясь из Гатчины, передал пост Главнокомандующего Духонину, с чем пришлось считаться и Советскому правительству). Приказ требовал от него без промедления обратиться к военным властям неприятельских армий с предложением немедленно приостановить военные действия с целью начать мирные переговоры.

Духонин, как известно, уклонился от выполнения приказа. Тогда СНК сместил его, но поручил оставаться на посту до прибытия вновь назначенного Главнокомандующего — прапорщика Н. В. Крыленко. Совнарком одновременно разрешал воинским частям вести переговоры и заключать перемирие с противостоящими им частями неприятельских армий.

15 ноября в «Правде» за подписями Троцкого и Ленина было напечатано обращение к «Народам воюющих стран» о том, что германский главнокомандующий согласен на заключение немедленного перемирия, чтобы открыть переговоры о демократическом мире, на основе признания самоопределения народов, мира без аннексий и контрибуций. Советское правительство предложило отложить начало переговоров еще на пять дней, до 19 ноября 1917 года, чтобы дать последний шанс своим союзникам присоединиться к переговорам. «Русская армия и русский народ не могут и не хотят

---

[1] *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. Т. 2. С. 64—65.

дольше ждать,— писал Троцкий.— 1 декабря мы приступаем к мирным переговорам. Если союзные народы не пришлют своих представителей, мы будем вести с немцами переговоры одни».

Тем временем, получив в свое распоряжение отряд красногвардейцев завода «Сименс-Шуккерт» с Васильевского острова, Л. Д. Троцкий сумел наконец занять помещение министерства иностранных дел на Певческом мосту и Дворцовой площади. Большинство старых сотрудников было уволено. Но часть осталась, включая и квалифицированных специалистов. Немедленно был создан новый издательский отдел под руководством матроса Н. Г. Маркина. Вместе с активным работником Василеостровской районной организации и ПК РСДРП(б) И. А. Залкиндом он начал издание тайных документов, заключенных Россией с союзниками по первой мировой войне («Сборники секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел»). Это означало выполнение одного из главных обещаний большевиков, которое они давали перед Октябрем. Всего было выпущено семь сборников протоколов и договоров. В упоминавшемся выше обращении Совнаркома от 15 ноября говорилось: «Мы опубликовали тайные договоры царя и буржуазии с союзниками и объявили эти договоры необязательными для русского народа».

Аппарат советского НКИД быстро рос: к 13 декабря в нем было уже 17 основных отделов и 126 человек штата.

Однако сам Троцкий все еще занимал свой кабинет в Смольном. Оттуда он отправлял радиограммы. Там же принимал являющихся к нему представителей союзников. Так, 18 ноября он принял начальника американской военной миссии генерала Джадсона. Беседа носила даже дружественный характер. Генерал интересовался, будет ли Советское правительство предпринимать шаги к миру совместно с союзниками. Троцкий ответил, что переговоры с державами Четверного союза будут проходить гласно и союзники могут примкнуть к ним на любом этапе. Затем в начале декабря состоялась его встреча с послом Франции в Петрограде Нулансом. Она окончилась безрезультатно. Резкое объяснение имел Троцкий и с начальником французской военной миссии генералом Нисселем в связи с антисоветским характером сообщений, распространяемых бюро информации при миссии. Вот почти и все официальные контакты, которые имел Троцкий как нарком иностранных дел в ноябре—декабре 1917 года в Петрограде.

Главным оставался контроль за деятельностью советской делегации, выехавшей в Брест-Литовск для переговоров с Германией и ее союзниками. 23 ноября было опубликовано правительственное сообщение о ходе переговоров. Главой германской делегации

был назначен принц Леопольд Баварский, немецкий главнокомандующий Восточным фронтом. Он поручил ведение переговоров своему начальнику штаба генералу Гофману. Советская делегация, возглавлявшаяся членом ЦК РСДРП (б) А. А. Иоффе и имевшая в своем составе военных экспертов, русских генералов, огласила при начале переговоров декларацию о принципах демократического мира без аннексий и контрибуций. Немцы заявили, что они люди военные и такими вопросами не занимаются. Был согласован срок перемирия на 28 дней, начиная с 10 декабря 1917 года. Если какая-либо из сторон не заявит о своем отказе за семь дней до начала военных действий, перемирие должно было автоматически продлеваться. В сообщении советской делегации констатировалось, что ни один представитель союзников не прибыл в Брест-Литовск. 27 ноября ВЦИК одобрил действия советской делегации на переговорах в Брест-Литовске, подтвердил ее полномочия и поручил предпринимать «все необходимые шаги для осуществления скорейшего перемирия в целях борьбы за всеобщий мир народов на демократических началах»[1].

«Мирные переговоры начались 9 декабря,— вспоминал Л. Д. Троцкий,— через полтора месяца после принятия декрета «О мире»: срок совершенно достаточный для того, чтобы страны Антанты могли определить свое отношение к вопросу. Наша делегация внесла с самого начала программное заявление об основах демократического мира. Противная сторона потребовала перерыва заседания. Возобновление работ откладывалось все далее и далее. Делегации Четверного союза испытывали всякого рода затруднения при формулировке ответа на нашу декларацию. 25 декабря ответ был дан. Правительства Четверного союза «присоединились» к демократической формуле мира: без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов. 28 декабря в Петрограде произошла колоссальная демонстрация в честь демократического мира. Не доверяя немецкому ответу, массы все же поняли его как огромную моральную победу революции. На другое утро наша делегация привезла нам из Брест-Литовска те чудовищные требования, которые Кюльман (германский министр иностранных дел.— *В. С.*) предъявил от имени центральных империй. «Для затягивания переговоров нужен затягиватель»,— говорил Ленин. По его настоянию я отправился в Брест-Литовск. Признаюсь, я ехал, как на пытку»[2].

С этого начинается сложная полоса в поведении и тактике

---

[1] Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 160.
[2] *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. Т. 2. С. 87.

Троцкого, которая до самого последнего времени трактовалась как «предательская», ибо она связана с отказом Троцкого подписать немецкие условия мира, директивой «ни мира, ни войны» и последовавшим нарушением немцами перемирия. Эту цепь можно продолжать и дальше — начавшееся 18 февраля 1918 года немецкое наступление, паническое бегство частей русской армии, занятие германскими войсками оставшейся ранее не оккупированной части Латвии, всей Эстонии, Нарвы, Пскова и части Псковской губернии. Наконец, предъявление германской стороной гораздо более тяжелых условий мира, чем в первый раз...

Да, ошибка, допущенная Троцким, несомненна, и впоследствии он сам признал ее. Но надо разобраться в ее причинах, а главное, проследить за конкретным поведением наркома по иностранным делам, когда перед Лениным вдруг появилась новая громадная внутренняя опасность — «левые коммунисты» во главе с Бухариным!

Итак, разберемся по порядку. Дадим снова слово Троцкому: «Переговоры тянулись. И нам, и нашим противникам приходилось сноситься по прямому проводу со своими правительствами. Провод нередко отказывался служить. Всегда ли действительно виною были физические причины, или же бывали мнимые повреждения, вызывавшиеся стремлением противника выиграть темп, этого мы не могли проверить. Перерывы заседаний бывали, во всяком случае, часто и длились иногда по нескольку дней. Во время одного из таких перерывов я совершил поездку в Варшаву. Город жил под немецким штыком. Интерес населения к советским дипломатам был очень велик, но выражался осторожно: никто не знал, чем все это кончится. Затягивание переговоров было в наших интересах. Для этой цели я, собственно, и поехал в Брест. Но я не могу приписать себе в этом отношении никакой заслуги. Мои партнеры помогали мне, как могли»[1].

Каковы же были немецкие условия мира, из-за которых шло само это затягивание переговоров? Германская сторона предложила, чтобы линия фронта, на которой остались войска в момент перемирия, была избрана в качестве временной границы между Россией и Германией с ее союзниками. Эта граница должна была бы существовать вплоть до заключения всеобщего мира. До той же поры оккупированные Германией территории Польши, Литвы, части Латвии должны были бы оставаться под управлением германской «полицейской власти». Русская армия, как хорошо знал Троцкий и как он узнавал из ответов на свои запросы, не могла

[1] *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. Т. 2. С. 94.

больше сражаться. Мечтать о военном изменении этой линии в пользу России или об угрозе силой не приходилось. Поэтому нужно было принимать эти условия после того, как немцы кончат дипломатическую игру и предъявят их ультимативно. Собственно, к этому сводились директивы В. И. Ленина Троцкому, как говорит об этом наша историографическая традиция. А пока ультиматума не было, нужно было «тянуть».

У Троцкого оказалось неожиданно много времени. После длительного периода он вновь получил возможность читать немецкие газеты и поначалу с жадностью набросился на них. Но вскоре и они не заполняли весь вынужденный досуг. Тогда Троцкому пришла такая идея: не написать ли между делом «Историю Октябрьской революции»? В составе делегации было несколько высококвалифицированных стенографисток из канцелярии бывшей Государственной думы. Им и стал он диктовать свою работу. Вскоре получилась книжка листов на восемь, предназначенная автором прежде всего для иностранного читателя. «Меньше всего я ожидал,— признавался Троцкий,— что Брест станет для меня местом литературной работы. Ленин был буквально счастлив, когда я привез с собой готовую рукопись об Октябрьской революции. Мы одинаково видели в ней один из скромных залогов будущего революционного реванша за тяжкий мир. Книжка была вскоре переведена на дюжину европейских и азиатских языков»[1].

И все же: во имя чего нужно было тянуть время, зачем читать немецкие газеты, ездить в Варшаву и сочинять брошюру об Октябре? На что, собственно, надеялись как Троцкий, так и Ленин, давший Троцкому такую директиву? Надо прямо сказать, что надеялись они на то, что революционный пример русских рабочих и солдат, свергнувших буржуазное Временное правительство, вызовет немедленное желание у немецких солдат и рабочих последовать их примеру и свергнуть кайзеровское правительство, обратить оружие против собственной буржуазии.

Разумеется, такое развитие событий было возможно, но никто не мог гарантировать, что оно пойдет именно этим путем. Впрочем, это позднее легко было так рассуждать. В обстановке первых легких успехов нашей революции известий о революции в Германии ждал и Ленин. 7 января 1918 года он написал 21 тезис за немедленное заключение мира, основывавшийся на предложенных немцами аннексионистских условиях. Но 21 января 1918 года при первых же, не оправдавшихся потом, непроверенных известиях о волнениях в Германии и Австрии написал 22-й тезис, прямо про-

---

[1] *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. Т. 2. С. 96.

тивоположный всем предыдущим. «Массовые стачки в Австрии и в Германии,— писал Ленин,— затем образование Советов рабочих депутатов в Берлине и в Вене, наконец начало 18—20 января вооруженных столкновений и уличных столкновений в Берлине, все это заставляет признать, как факт, что революция в Германии началась. Из этого факта вытекает возможность для нас еще в течение известного периода оттягивать и затягивать мирные переговоры»[1].

Таким образом, известный революционный романтизм не был чужд не только стороннику мировой революции Троцкому, но и осторожному Ленину.

Во время одного из перерывов в переговорах в начале января 1918 года Троцкий прибыл в Петроград и изложил Ленину и руководству партии суть немецких предложений. Последовала серия заседаний, на которых вопрос о заключении мира стал обсуждаться с предельной горячностью. 8 января, именно тогда, когда В. И. Ленин прочел свой 21-й тезис, результат голосования на расширенном заседании ЦК РСДРП(б) был таким: 15 человек за позицию В. И. Ленина: заключить сепаратный аннексионистский мир, 32 человека за ведение революционной войны с Германией, 16 — за то, чтобы объявить войну прекращенной, демобилизовать армию, но мира не подписывать. Последняя точка зрения представляла собой мнение Л. Д. Троцкого.

11 января 1918 года ЦК заседал один. После тщательного обсуждения мнения практически разделились. Ленин дважды выступал на этом заседании и критиковал точку зрения Троцкого. «То, что предлагает тов. Троцкий,— прекращение войны, отказ от подписания мира и демобилизация армии,— говорил он,— это интернациональная политическая демонстрация. Своим уводом войск мы достигаем того, что отдаем немцам Эстляндскую социалистическую республику. Говорят, что, заключая мир, мы этим самым развязываем руки японцам и американцам, которые тотчас завладеют Владивостоком. Но пока они дойдут только до Иркутска, мы сумеем укрепить нашу социалистическую республику. Подписывая мир, мы, конечно, предаем самоопределившуюся Польшу, но мы сохраняем Эстляндскую республику и даем возможность окрепнуть нашим завоеваниям. Конечно, мы делаем поворот направо, который ведет через весьма грязный хлев, но мы должны его сделать. Если немцы начнут наступать, то мы будем вынуждены подписать всякий мир, а тогда, конечно, он будет худшим. Для спасения социалистической республики три миллиарда контрибу-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 251—252.

ции не слишком дорогая цена. Подписывая мир теперь, мы воочию показываем широким массам, что империалисты (Германии, Англии и Франции), взявшие Ригу и Багдад, продолжают драться, а мы развиваемся, развивается социалистическая республика»[1].

Но, несмотря на всю силу убеждения, Ленин не смог одержать в этот раз победы. При голосовании девять человек против семи высказались за формулу Троцкого: «мы войну прекращаем, мира не подписываем». Тогда Ленин поставил на голосование еще одну формулу: «мы всячески затягиваем подписание мира». Она была принята 12 голосами при одном против.

Надо сказать, что Ленин не шел на открытый конфликт с Троцким. Пока Троцкий был в Брест-Литовске, Ленин мог переключиться на внутренние проблемы. И действительно, сделано было очень много. И в области создания первых структур для социалистического строительства и управления экономикой, и для борьбы с контрреволюцией. В последнем смысле наиболее удачной для большевиков акцией был созыв 5 января 1918 года Всероссийского Учредительного собрания. Открыв его и предложив одобрить декреты Советской власти, сведенные в «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», большевики получили отказ от эсеро-меньшевистского большинства членов Учредительного собрания. В свою очередь это дало большевикам видимость законного основания для немедленного роспуска Учредительного собрания. Тем самым одна из важнейших задач внутренней политики была решена. Добившись полукомпромисса на заседании ЦК 11 января, Ленин провел после этого III Всероссийский съезд Советов, на котором произошло полное объединение Советов рабочих и солдатских депутатов с Советами крестьянских депутатов, приняты «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» как первая часть будущей Советской Конституции и Закон о социализации земли.

В последней декаде января Троцкий вновь в Брест-Литовске. Он телеграфировал оттуда, что немцы затягивают переговоры. Прямой провод был выведен из строя. Множились слухи о революции в Германии и Австрии. Положение Троцкого осложняла прибывшая туда делегация Украинской Центральной рады, пытавшаяся вести с немцами отдельные переговоры в то время, как советские петроградско-московские сводные части взяли Харьков и двигались к Киеву. В отсутствие Троцкого немцы наконец предъ-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 257.

явили ультиматум — это произошло 15 (28) января 1918 года. Ленин ответил: «Наша точка зрения вам известна». Что это означало? Документ о том, что ЦК дал прямое указание на заключение мира, пока не опубликован. Поэтому, в сущности, у Троцкого была только одна «точка зрения»: постановление ЦК РСДРП(б) от 11 января, а именно «мы войну прекращаем, мира не заключаем» с дополнением «всячески затягиваем подписание мира». Затягивать было больше нельзя, значит, нужно было делать вывод. Троцкий его и сделал. Он прервал переговоры с заявлением о том, что Россия мира не подписывает, но состояние войны объявляет прекращенным и армию демобилизует. Поздно вечером 28 января (11 февраля) Троцкий отправляет телеграмму в Ставку Н. В. Крыленко с предписанием отдать приказ в ночь на 29 января о прекращении состояния войны с Германией и демобилизации русской армии.

Один из членов коллегии Ставки, С. Флоровский, телеграфирует об этом В. И. Ленину в Смольный. Ленин, обдумав этот важнейший факт, дает распоряжение секретарю Совнаркома Н. П. Горбунову отменить этот приказ всеми возможными способами [1]. Это решение подтверждается на заседании Совнаркома в ночь на 30 января: приказ Крыленко отменяется. Но в войска он уже попал. На ряде участков фронта началась стихийная демобилизация, которую не смог задержать и вторичный приказ об ее отмене.

Утром 21 января 1918 года в Смольном Ленин беседует с Троцким, только что прибывшим из Брест-Литовска. Содержание этой беседы неизвестно, но можно сделать вывод, что она не была легкой. Троцкий самоуверенно убеждал Ленина, что немецкое командование не посмеет наступать, а если такой приказ и будет отдан, солдаты не пойдут в бой. Заехав в Наркомат иностранных дел, Троцкий вздыхает с облегчением: на посту своего заместителя он видит Г. В. Чичерина, утвержденного в этой должности 13 января 1918 года. Во время Октябрьской революции Чичерин находился в английской тюрьме. Советское правительство настойчиво боролось за его освобождение. Только отказ в выдаче выездных виз английским гражданам, осуществленный в середине декабря по распоряжению Троцкого, заставил английские власти освободить Чичерина. Теперь Чичерин взял на себя всю практическую работу по руководству НКИД и налаживанию его деятельности.

А в Смольном в напряженном ожидании находились члены ЦК и СНК. Начнут ли немцы наступление? Недельный срок переми-

[1] См.: Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 5. С. 240.

рия после прекращения переговоров истекал 17 февраля 1918 года. И вот в этот день было получено сообщение германского командования от 16 февраля о том, что оно считает перемирие прекращенным и с 12 часов 18 февраля возобновляет военные действия.

Снова в ЦК начинается острейшая борьба. Ленин теперь с железным упорством требует немедленного принятия немецких условий мира и телеграфного сообщения Германии о согласии. Ему возражают и Троцкий со своими сторонниками, и Бухарин со своими. Но за это ленинское предложение подано только шесть голосов, а против — семь.

С фронта уже поступили сообщения о начале немецкого наступления и начавшемся беспорядочном отступлении русских войск. На заседании Совнаркома Ленину удается настоять на принятии решения о посылке телеграммы немцам, содержащей согласие на подписание мира. Одновременно отдается распоряжение о том, чтобы оказывать немцам любое, даже слабое сопротивление. Но никакие приказы не могли уже совладать с мощным желанием армии разойтись по домам — воевать она больше не могла. Немцы быстро продвигались вперед. В Петрограде и его окрестностях предпринимались экстренные меры по ускорению формирования новой Красной Армии, собирались красногвардейские части и партизанские отряды. Но 24 февраля, захватив Псков и выйдя на рубеж реки Наровы, немцы сами прекратили дальнейшее наступление.

Только 23 февраля были получены новые германские условия мира, гораздо более тяжелые, чем те, которые были предъявлены ультимативно 15 января и отвергнуты Троцким 28-го. На заседании ЦК РСДРП(б) 23 февраля большинством в семь голосов против четырех голосов «левых коммунистов» и при четырех воздержавшихся (Троцкий, Иоффе, Крестинский, Дзержинский) ленинское предложение было принято, а затем ВЦИК также утвердил принятие немецких условий. Советская власть была спасена, однако очень большой ценой, которая могла бы быть неизмеримо меньше, если бы Троцкий не был так уверен в своих прогнозах относительно близости германской революции и невозможности кайзеровских войск возобновить свое наступление.

Признав теперь свою ошибку, Троцкий стал помогать Ленину в его борьбе против «левых коммунистов», содействовать скорейшему принятию мира и его ратификации на IV экстренном съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Но дальнейшее пребывание его на посту народного комиссара по иностранным делам в этой ситуации было невозможным. После переезда Советского правительства в Москву 13 марта 1918 года Троцкого

назначают единоличным комиссаром по военным и морским делам взамен существовавшей там коллегии.

Эти дни были для Троцкого временем самокритичных раздумий, осознания своего просчета. Вместе с тем именно в ходе брестской эпопеи Троцкий смог убедиться в превосходстве аналитического ума Ленина, признал его первенство над собой. Об этом он откровенно заявил 3 октября 1918 года в одном из выступлений: «Я считаю в этом авторитетном собрании долгом заявить, что в тот час, когда многие из нас, и я в том числе, сомневались, нужно ли, допустимо ли подписывать Брест-Литовский мир, только тов. Ленин с упорством и несравненной прозорливостью утверждал против многих из нас, что нам нужно через это пройти, чтобы дотянуть до революции мирового пролетариата. И теперь мы должны признать, что правы были не мы»[1].

Перемещение Троцкого на новый пост было не «ссылкой», а выдвижением. Брестские события показали, что Советская власть без сильной и дисциплинированной армии может стать легкой добычей империалистических хищников. В связи с заключением Брестского мира не только вся Украина, часть Белоруссии и Псковской губернии стали объектом оккупации кайзеровской Германии, но и страны Антанты высадили свои экспедиционные части под предлогом охраны складов военного имущества в Мурманске, Владивостоке, а затем и в Архангельске. Старая же армия подлежала демобилизации. Лишь несколько тысяч человек предпочли организованно перейти в Красную Армию (так, в Петрограде, например, часть солдат гвардии Финляндского резервного полка объявила себя красным Финляндским полком), в нее перешли и некоторые автоброневые части, авиационные отряды. В целом же военное строительство надо было начинать с нуля.

Декрет от 15 (28) января 1918 года провозглашал добровольческий принцип создания Красной Армии. Доброволец заключал контракт на полгода, получал заработную плату, обмундирование и прочее. Через полгода он имел право возобновить или расторгнуть договор. К началу марта в эту добровольческую РККА записалось всего несколько десятков тысяч человек. В Петрограде, Москве и других крупных городах существовали красногвардейские отряды из рабочих. Они получали за свою службу средний заработок от предприятия, а потом и от государства. Эти отряды использовались Советской властью в первых боях с контрреволюцией на Украине, в Белоруссии, в Финляндии. Пока красногвардейцы воевали, многие предприятия, где они раньше работали,

---

[1] *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. Т. 2. С. 123.

остановились. Тогда часть их также перешла в Красную Армию. Словом, в марте 1918 года Советские Вооруженные Силы представляли собой пеструю, лоскутную картину из некоторых частей старой армии, вновь формируемых красноармейских добровольческих частей и красногвардейских, а также партизанских отрядов, созданных в момент немецкого наступления. Все это надо было объединить, решить массу организационных, снабженческих и кадровых вопросов.

Назначение Троцкого на высший военный пост исходило от В. И. Ленина и было поддержано Я. М. Свердловым по партийной и советской линиям.

«Был ли я подготовлен для военной работы? — задавался вопросом Троцкий в автобиографии.— Разумеется, нет. Мне не довелось даже служить в свое время в царской армии. Призывные годы прошли для меня в тюрьме, ссылке и эмиграции. В 1906 году суд лишил меня гражданских и воинских прав. Ближе я подошел к вопросам милитаризма во время Балканской войны, когда я несколько месяцев провел в Сербии, Болгарии и затем в Румынии. Но это был все же общеполитический, а не чисто военный подход. Мировая война всех вообще на свете приблизила к вопросам милитаризма, в том числе и меня. Повседневная работа в «Нашем слове» и сотрудничество в «Киевской мысли» побуждали меня новые сведения и наблюдения приводить в систему. Но дело шло все же прежде всего о войне как продолжении политики и об армии как ее орудии. Организационные и технические проблемы милитаризма все еще отступали для меня на задний план. Зато психология армии — казармы, траншеи, бои, госпитали — занимала меня чрезвычайно. Это позже весьма пригодилось... В капиталистических странах дело идет о поддержании существующей армии, т. е., в сущности, лишь о политическом прикрытии самодовлеющей системы милитаризма. У нас дело шло о том, чтобы смести начисто остатки старой армии и на ее месте строить под огнем новую, схемы которой нельзя было пока еще найти ни в одной книге. Это достаточно объясняет, почему к военной работе я подходил с неуверенностью и согласился на нее только потому, что некому было иначе взяться за нее.

Я не считал себя ни в малейшей степени стратегом и без всякого снисхождения относился к вызванному революцией в партии разливу стратегического дипломатизма. Правда, в трех случаях — в войне с Деникиным, в защите Петрограда и в войне с Пилсудским — я занимал самостоятельную стратегическую позицию и боролся за нее то против командования, то против большинства ЦК. Но в этих случаях стратегическая позиция моя определялась поли-

тическим и хозяйственным, а не чисто стратегическим углом зрения. Нужно, впрочем, сказать, что вопросы большой стратегии и не могут иначе решаться».

Но до вопросов «большой стратегии» было еще далеко. Троцкому приходилось в это время туго. Он учился на ходу, усваивал десятки новых понятий и сведений в день, вникал во все новые и новые тонкости организации армии и ее снабжения. 4 марта 1918 года, по его предложению, Совнарком создает Высший Совет Народной Обороны или Высший Военный Совет. Троцкий становится его председателем, подбирает кадры. От левых эсеров в Совет входит П. П. Прошьян. Своим заместителем по наркомату Троцкий делает двадцатишестилетнего военного врача Э. М. Склянского. На долгие годы он будет его главным помощником по всем военным делам. Когда Троцкого назначают 6 сентября 1918 года председателем Революционного Военного Совета республики (РВСР), Склянский становится его заместителем вплоть до 1924 года.

Троцкий принимает участие в разработке и проведении в жизнь всех важнейших декретов по военному ведомству в период март—июль 1918 года. Так, 8 апреля 1918 года Совнарком принимает декрет об учреждении волостных, уездных, губернских и окружных комиссариатов по военным делам. Система эта существует до настоящего времени. Тогда же создается Всероссийское бюро военных комиссаров (через год оно переименовывается в ПУР — Политуправление РККА при РВСР), 8 мая вместо Всероссийской коллегии по формированию Красной Армии был создан Всероссийский главный штаб. Усилиями всех этих органов к 20 апреля число красноармейцев и командиров было доведено до 196 тысяч. Однако этого количества было явно недостаточно. 22 апреля 1918 года вводится всеобщее воинское обучение граждан. Одновременно проводятся первые мобилизации бывших офицеров и генералов. Идея привлечения военных специалистов, как и старых буржуазных специалистов в народном хозяйстве, одновременно выдвигалась и обосновывалась В. И. Лениным и Л. Д. Троцким. Наконец, надо сказать и о том, что V Всероссийский съезд Советов принял 10 июля постановление «Об организации Красной Армии». Это постановление вводило вновь всеобщую воинскую повинность трудящихся с 18 до 40 лет. Оно открывало возможности для формирования действительно массовой армии.

Л. Д. Троцкий быстро понял значение внешних стимулов, наград и отличий для такой специфической среды, как военнослужащие. Еще в декабре 1917 года на волне общедемократического движения в армии были упразднены все воинские звания, знаки различия, ордена и медали. Но в апреле 1918 года Л. Д. Троцкий

издает приказ о введении нового отличия Красной Армии — красной звезды на головном уборе вместо старой «романовской» кокарды. В центр красной пятиконечной звезды с овальными гранями был помещен молот и плуг как символы союза двух классов — рабочих и крестьян, создающих новую армию. Разрабатываются образцы новых знамен для частей. Затем вводится наградное оружие, а в августе 1918 года Троцкий впервые предлагает ввести и орден «Красному воину» или «Воину-интернационалисту». В дальнейшей разработке эта идея привела к учреждению первого советского ордена — ордена Красного Знамени. И все же Троцкий как политический командир всей Красной Армии, как революционный военный министр еще не проявил себя в марте—июле 1918 года. Громкая слава, успехи и поражения, восторг сподвижников и интриги врагов ждали его в недалеком будущем, начавшемся с августа 1918 года.

В этот же период он выступает и как активный член ЦК (Политбюро еще не было, весь состав ЦК, избранный VII съездом партии, составлял 15 человек) и Совнаркома. «Перед заседаниями, на которых разбирались принципиальные вопросы или вопросы, приобретавшие важность вследствие столкновения ведомств, Ленин настаивал по телефону, чтоб я ознакомился заранее с вопросом. Современная литература о разногласиях Ленина и Троцкого перегружена апокрифами (написано в 1929 году.— *В. С.*). Бывали, конечно, и разногласия. Но неизмеримо чаще бывало так, что мы приходили к одному и тому же выводу, обменявшись двумя словами по телефону или независимо друг от друга. Когда выяснялось, что мы с ним смотрим на вопрос одинаково, то уж ни он, ни я не сомневались, что проведем нужное решение. В тех случаях, когда Ленин опасался чьей-либо серьезной оппозиции своим проектам, он напоминал мне по телефону: «Непременно приходите на заседание, я вам дам слово первому». Я брал слово на несколько минут, Ленин раза два за время моей речи говорил «правильно». Это предрешало вопрос.

Не потому, что другие боялись выступать против нас. Тогда и в помине не было нынешнего равнения по начальству и отвратительного страха скомпрометировать себя каким-нибудь неудобным словом или голосованием. Но чем меньше было бюрократического подобострастия, тем больше был авторитет руководства. При моем расхождении с Лениным могли вспыхнуть и вспыхивали иногда большие прения. В случае же нашего согласия обсуждение всегда было очень кратким. Когда нам не удавалось сговориться, мы обменивались во время заседания записочками. Если при этом обнаруживались расхождения, Ленин направлял прения к отсроч-

ке вопроса. Записочка о несогласии с ним бывала иногда написана в шутливом тоне, и тогда Ленин при чтении ее как-то вскидывался всем телом. Он был очень смешлив, когда уставал. Это в нем была детская черта. В этом мужественнейшем из людей вообще были детские черты. Я с торжеством наблюдал, как он забавно борется с приступом смеха, продолжая строго председательствовать. Его скулы выдавались тогда от напряжения еще более»[1].

Эти слова Троцкого о Ленине не случайны в его воспоминаниях. Уважение к Ленину, признание его исключительности и гениальности пронизывают все мемуары Троцкого. Они отражают действительный факт: Троцкий стал после Октября и особенно после Бреста наиболее близким к Ленину членом правительства и ЦК. Их сотрудничество крепло, и отдельные разногласия лишь оттеняли сотрудничество по большинству вопросов. Но свое место второго человека в партии и государстве Троцкий еще должен был завоевать...

Старцев В. И.—
доктор исторических наук

---

[1] *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. Т. 2. С. 79—80.

Народный комиссар юстиции
Г. И. ОППОКОВ (А. ЛОМОВ)

Делегат II Всероссийского съезда Советов А. Ломов писал в десятую годовщину революции: «Ночью — так около 3 часов утра, положение совершенно определилось: фактически власть находилась в наших руках. Надо было формировать правительство. Надо было налаживать деловую революционную работу... Рабочая революция вздымала на своих волнах новых деятелей, в буре и натиске рождалась новая эпоха в истории человечества. Как происходило формирование новой власти, нового правительства?

Наше положение было трудным до чрезвычайности. Среди нас было много прекраснейших высококвалифицированных работников, было много преданнейших революционеров, исколесивших Россию по всем направлениям, в кандалах прошедших от Петербурга, Варшавы, Москвы весь крестный путь до Якутии и Верхо-

янска, но всем надо было еще учиться управлять государством. Каждый из нас мог перечислить чуть ли не все тюрьмы в России с подробным описанием режима, который в них существовал. Мы знали, где бьют, где и как сажают в карцер, но мы не умели управлять государством и не были знакомы ни с банковской техникой, ни с работой министерств».

Ломов вспоминал, как Ленин в Смольном, поймав «очередную свою жертву», не выпускал ее до тех пор, пока не добивался от нее согласия занять пост наркома. «Желающих попасть в наркомы было немного. Не потому, что дрожали за свои шкуры, а потому, что боялись не справиться с работой. Ленин энергично искал кандидатов в наркомы и на ответственные посты. И после этого ЦК тут же оформлял очередное назначение. Разногласий никаких не было»[1].

Одной из таких «жертв» Ленина стал Ломов. Зная его как опытного профессионала-подпольщика, активно участвовавшего в подготовке восстания в Петрограде и Москве, человека целеустремленного, организованного, ищущего, Ленин выдвинул его кандидатуру на пост наркома юстиции.

В то время Ломову исполнилось 29 лет [2], а за плечами уже были годы борьбы и преследований, аресты, ссылки, тюрьма. С тринадцати лет, будучи гимназистом, он стал участвовать в работе социал-демократических кружков, а через 2 года, в 1903 году, вступил в Саратовскую организацию РСДРП, примкнув после ее раскола к большевистскому крылу партии. К этому времени относится первое упоминание в делах саратовской охранки о «предосудительном» поведении Георгия Оппокова: в списке участников первомайской сходки 23 апреля 1903 года на Зеленом острове значится: «Оппоков-гимназист».

С юношеским пылом он отдался революционной борьбе против царизма в годы первой русской революции: был организатором боевой дружины в Волжском судоходном районе, сотрудничал в газете «Саратовская волна», работал в нелегальной типографии, избирался членом Саратовского комитета партии. В сводке наблюдений охранки за март 1905 года имя семнадцатилетнего Г. И. Оппокова встречается в списке членов нелегального социал-демократического центра города. В петербургском легальном журнале «Новая жизнь», в котором печатались В. И. Ленин и

---

[1] Пролетарская революция. 1927. № 10 (69). С. 171—172.

[2] Г. И. Оппоков (Ломов — литературный псевдоним) родился в январе 1888 г. в г. Саратове. Сын дворянина. Его отец — управляющий Саратовским отделением Государственного банка, прослужив в этой должности более 30 лет, вынужден был ее оставить из-за революционных прегрешений сына Георгия. В автобиографии Ломов написал: «выходец из буржуазной интеллигентской среды».

М. Горький, появились первые корреспонденции Георгия Оппокова об ученическом движении в Саратове.

В 1906 году Георгий Оппоков поступил на юридический факультет Петербургского университета и стал активным членом Петербургской организации. Преследования и угроза ареста заставили Георгия Ипполитовича в конце 1907 года покинуть столицу и перебраться в Москву. Он был избран членом Московского окружного комитета РСДРП, а затем стал его секретарем. Отсюда послан делегатом на общерусскую конференцию большевиков в Финляндии. Там он и познакомился с В. И. Лениным.

В конце 1909 года Георгий Ипполитович — секретарь Петербургского комитета. Позже он вспоминал о своей работе в годы революции: «...жили нервной жизнью подпольщиков, окруженные провокаторами. Как было трудно тогда сохранить себя живым революционером среди измен, предательств и безнадежной обывательщины, ползущей на тебя со всех сторон».

Его вновь арестовывают и ссылают в Архангельскую губернию «под гласный надзор полиции». Работая среди рабочих лесопильных заводов и ссыльных, одновременно, как записал он потом в автобиографии, «начал с большим увлечением заниматься полярными исследованиями», участвовал в экспедициях в Крестовскую губу Новой Земли, в Чешскую губу Северного Ледовитого океана, «изъездил Северный Ледовитый океан и все тундры (на оленях, собаках, лошадях и т. д.)»[1].

Освобожденный в феврале 1913 года, Оппоков выехал в Саратов, а осенью вернулся в Москву, где вместе с А. И. Рыковым занялся восстановлением разгромленной охранкой Лефортовской партийной организации и организации профсоюза металлистов. Между ссылкой и новым арестом (в 1914 г.) успел сдать экстерном государственный экзамен и получить диплом об окончании университета. После недолгого заключения в Таганской тюрьме (не было явных улик) его выслали на три года из Москвы. Уехал в Саратов. Там снова партийная работа: создавал первые группы большевиков; вместе с М. С. Ольминским, В. П. Антоновым выпускал первую легальную большевистскую антивоенную газету «Наша газета».

За участие в железнодорожной забастовке, прошедшей под антивоенными лозунгами, ее организаторы — Оппоков, Антонов, Нацаренус — были арестованы и 10 февраля 1916 года высланы на три года в Сибирь. Местом ссылки определили село Качуга

---

[1] Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. Стб. 338.

Верхне-Ленского уезда. В этом селе было около ста политических заключенных, и больше половины — большевики, среди них Иннокентий Стуков, Георгий Оппоков, Станислав Косиор. Они поддерживали тесные связи с подпольными большевистскими организациями Сибири и центра России, вели большую пропагандистскую работу среди ссыльных. Весть о Февральской революции достигла Качуги 5 марта 1917 года. Ссыльные большевики добрались до Иркутска и оттуда поездом отправились в Москву.

За плечами у Георгия Оппокова было четырнадцать лет революционной деятельности. Его избирают членом Московского областного бюро РСДРП(б) и МК, заместителем председателя Московского Совета рабочих депутатов. По решению ЦК партии он принимает деятельное участие в подготовке VII (Апрельской) Всероссийской конференции большевиков и в самой конференции. 19 июля на Московской общегородской конференции РСДРП(б) его избирают делегатом на VI съезд РСДРП(б), а затем в президиум съезда и в состав ЦК партии. В августе 1917 года, после съезда, «политическое положение было чрезвычайно напряженным и продолжало все более обостряться,— писал Ломов в воспоминаниях.— В нашей партии и в ЦК боролись два течения: одни товарищи во главе с тов. Лениным стояли за форсирование вооруженного восстания, другие считали его преждевременным... Тт. Свердлов, Сталин, Троцкий в Петербурге и тт. Бухарин, Осинский, Яковлева, я, Стуков — в Московском областном бюро нашей партии вели линию к решительному бою с правительством Керенского. На точке зрения «умеренных» в Ленинграде стояли Каменев и Зиновьев, к ним же примыкала часть москвичей»[1]. Для Георгия Ипполитовича началась жизнь на колесах. Как член Московского областного бюро партии он разъезжает по рабочим центрам Центрально-промышленного района. Ярославль, Москва, Иваново-Вознесенск, Москва. Разъясняя решения съезда, Ломов в августе почти каждый день выступает на митингах и собраниях. Блестящий оратор, он пользовался неизменным успехом у рабочих, солдат, демократических масс.

После корниловских событий встал вопрос о восстановлении лозунга «Вся власть Советам!». На заседании МК РСДРП(б) разгорелся спор, брать ли власть Советам или нужно создавать другой орган власти, с более широким представительством от разных политических течений. Этот спор отвлекал от решения практической задачи — от борьбы за власть. Выступая на пленуме Мос-

---

[1] Пролетарская революция. 1927. № 10 (69). С. 166.

совета, Ломов говорил: «...центральный вопрос в условиях настоящего времени заключается не в том, чтобы выдумать, какая власть, в составе каких лиц нужна, а необходимо до этого постараться добиться завоевать эту власть... Мы готовим свои силы к борьбе за власть. Мы стараемся соединить широкие круги революционной демократии, чтобы в нужный момент эту власть завоевать силами революционной демократии. Органы этой власти выдвинутся и создадутся в процессе борьбы за власть. Такова наша точка зрения...»

3 октября Ломов в Петрограде на заседании ЦК партии доложил о положении дел в Московской области. Запись в протоколе: «...в области настроение крайне напряженное. Во многих местах мы в большинстве в Советах. Выдвигается массами требование о каких-либо конкретных мероприятиях»[1]. Позже, как отмечалось на III Московской конференции РСДРП(б), эта информация и представленная Ломовым резолюция Московского областного бюро с требованием к ЦК «взять ясную и определенную линию на восстание» способствовали усилению «левой части» ЦК.

Ломов вернулся в Москву, но через несколько дней был вызван телеграммой Свердлова на заседание ЦК. «Мы едем из Москвы на заседание ЦК в Петербург,— вспоминал Ломов.— Нам поручено отстаивать линию на восстание во что бы то ни стало...»[2].

Признав, что «вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело», ЦК предложил всем организациям партии руководствоваться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы. Это решение дало ясную ориентировку руководящим работникам МК и Московского областного бюро РСДРП(б) и сняло разногласия в их среде. «Мы знали о трудностях на этом пути,— писал Ломов.— Весь состав нашего Областного бюро, до конца спевшийся во всех вопросах, разъехался по области во все крупные рабочие центры. Мы условились о том, как на случай призыва к восстанию мы дадим знать местным организациям, установили шифр, подготовили программу первых шагов восставшего пролетариата»[3].

«Надо хорошо подготовиться,— говорил Ломов на заседании Московского совета профсоюзов 13 октября,— чтобы не быть разбитыми... Надо связаться с Питером, сговориться, какие там принимают меры, и в контакте со всеми организациями выступить».

На заседании узкого состава Московское областное бюро для

---

1 Протоколы ЦК РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958. С. 74.
2 Пролетарская революция. 1927. № 10 (69). С. 167.
3 Там же. С. 168.

руководства и координации действий в момент выступления создало Партийный боевой центр, в который от Областного бюро вошли И. Н. Стуков, В. В. Осинский и кандидатом А. Ломов.

17 октября на пленарном заседании Московского Совета рабочих и Совета солдатских депутатов между меньшевиками и большевиками при обсуждении вопроса об Учредительном собрании разгорелась дискуссия, которая переросла в обсуждение вопроса о переходе власти в руки Советов. Меньшевики И. А. Исув и Б. С. Кибрик предлагали «напрячь все силы, чтобы сомкнуть фронт (демократии) и готовиться к Учредительному собранию». Н. М. Лукин и А. Ломов, выступившие от большевистской фракции Московского областного бюро Советов, разъясняли, что, поскольку в России нет условий для проведения демократических выборов в Учредительное собрание, постольку необходим созыв съезда Советов, который создаст прочную базу для созыва Учредительного собрания. На заседании Ломов был избран делегатом на II Всероссийский съезд Советов.

Революция нарастала. По поручению МОБ РСДРП(б) Ломов и Ногин едут в Петроград, чтобы «связаться и сговориться» о совместном одновременном выступлении. 22 октября на заседании Петроградского Совета Ломов выступил с сообщением о разгроме войсками Временного правительства Калужского Совета, что означало начало организованного наступления контрреволюции.

24 октября Георгий Ипполитович участвует в заседании ЦК, где были распределены обязанности по руководству восстанием. В кратком протоколе заседания записано: «Поручается тт. Ломову и Ногину немедленно информировать Москву обо всем здесь происходящем»[1]. Было решено, что один из них должен обязательно ехать в Москву.

27 октября на II съезде Советов Г. И. Оппоков был утвержден народным комиссаром юстиции в составе первого Советского правительства. И в тот же день отправился в Москву, где накануне, 25 октября, был заочно избран в состав Военно-революционного комитета. «Мы бешено несемся в Москву,— вспоминал потом он.— Несмотря на то что последние две ночи как-то не пришлось спать, заснуть невозможно. Что-то там в Москве? Почему там затягивается восстание? Неужели Москва и провинция не поддержат победивший Петроград?.. Москва. С вокзала мчусь в Совет. В состав Московского военно-революционного комитета, который только что сформировался, входили... Усиевич, Муралов, я, Смирнов, Аросев и ряд других товарищей. Положение гораздо труднее, чем в Пе-

---

[1] Протоколы ЦК РСДРП(б). С. 120.

тербурге... Москва — это два лагеря... Еду на Курскую железную дорогу, на большое собрание. Меня встречают товарищи из Ревкома. Бурное собрание: мы ведем свою линию. Викжель «викжелит» вовсю. Но главное, что нужно для победы,— молодые, полные энтузиазма рабочие, крепкие ревкомы — налицо. Наши готовы на все»[1].

Как член Московского ВРК, Ломов, вместе с А. И. Рыковым, В. М. Смирновым, Н. И. Мураловым был в гуще восстания, которое затянулось до конца октября. Сложная обстановка в Москве заставила ВРК обратиться с просьбой о помощи в Петроград. Из Петрограда прибыл отряд моряков во главе с Федором Раскольниковым. Свою встречу с Ломовым в Военно-революционном комитете он описал так: «В комнате заседаний комитета находился тов. Ломов Г. И. (Оппоков), который выполнял всю текущую работу. Ему непрестанно приходилось выбегать в соседнюю канцелярию, чтобы отдать для переписки на машинке ту или иную заготовленную бумажку. Я вынес впечатление, что он в Москве производил организационную работу, аналогичную той, которую в Питере в первые дни революции нес на себе В. А. Антонов-Овсеенко. Тов. Ломов имел крайне утомленный вид — на его лице явственно отпечатались следы бессонных ночей. Однако эта физическая усталость ничуть не отражалась на работе, которая в его руках спорилась быстро и аккуратно. Тов. Ломов без всякой задержки выдал мне все нужные документы»[2].

Находясь в Москве, Ломов не принимал участия в работе Совета Народных Комиссаров. В это время важно было поставить «у руля» в Москве политически закаленных работников, способных отбивать атаки противников Советской власти. В состав президиума Моссовета были избраны М. Н. Покровский (председатель), А. Ломов (заместитель), П. Г. Смидович, И. И. Скворцов, К. Г. Максимов, Е. Н. Игнатов, В. П. Ногин, А. И. Рыков. Фактически руководить Советом пришлось Георгию Ипполитовичу, так как Покровский часто отсутствовал, разъезжал по своим научным делам. Даже ночевал он в Моссовете: «Койка у меня там стояла, фактически удавалось поспать 3—4 часа в сутки, но иногда и без сна». Под его руководством проходила национализация московских банков, предприятий, борьба с саботажем.

В конце 1917 — начале 1918 года значительную часть руководства Московского областного бюро РСДРП(б) составляли «левые коммунисты» (в их числе и Ломов). В период борьбы вокруг

---

[1] Пролетарская революция. 1927. № 10 (69). С. 174.
[2] *Раскольников Ф. Ф.* Кронштадт и Питер в 1917 году. М., 1990. С. 266.

заключения мирного договора с Германией узкий состав МОБ стал играть роль организационного центра «левых коммунистов» во всероссийском масштабе, выступив против мирной политики Советского правительства.

Еще до подписания Брестского мира лидеры «левых коммунистов» Н. И. Бухарин, Г. И. Оппоков и другие подали заявление о выходе из ЦК партии и отставке с постов народных комиссаров.

ЦК рассмотрел их заявление и предложил в связи с напряженнейшей обстановкой временно продолжать исполнять свои обязанности. После ратификации мирного договора «левые коммунисты» вновь заявили об отказе участвовать в работе Совета Народных Комиссаров, а Г. И. Оппоков, Н. И. Бухарин и М. С. Урицкий — в ЦК. Оппоков был избран в президиум ВСНХ, затем назначен заместителем председателя.

В 1921 году Ломов получает новое назначение — член Сибирского бюро ЦК РКП и председатель Сибпромбюро ВСНХ, член Сибревкома (до осени 1921 года). С осени 1921 по 1923 год работал в Екатеринбурге — был избран членом Уралбюро ЦК РКП и председателем Уральского экономического совета. В 1923 году назначен председателем Нефтесиндиката, далее — в 1926—1929 годах — работал на Украине председателем правления Донугля, являлся членом Политбюро ЦК Компартии Украины. Только одно перечисление должностей, занимаемых Ломовым, говорит о большой нагрузке. И можно понять его обращение в 1931 году к В. В. Куйбышеву, пригласившему Ломова к себе на пост зампреда Госплана: «Я не был в отпуске с 1922 года и, впрягаясь в большую работу, не хочу быть измученной лошадью».

В Госплане он проработал до 1934 года. А затем — член бюро Комиссии советского контроля. Был делегатом всех съездов партии и съездов Советов, проходивших в этот период.

Человек глубоких знаний, многосторонних интересов, Ломов был юристом и экономистом, публицистом и театральным критиком. В кругу близких ему людей были Н. И. Вавилов, Г. М. Кржижановский, Л. Б. Красин. По рассказам сына Ломова, Юрия Георгиевича, отец страстно любил музыку, книги, театр. Был в дружбе с Б. В. Щукиным, В. И. Качаловым, Рубеном Симоновым, Ц. Л. Мансуровой, В. В. Софроницким. Его статьи регулярно публиковались в созданной им «Экономической газете», в «Правде», «Известиях ВЦИК», журнале «Народное хозяйство». Много брошюр написал по хозяйственным вопросам. Хорошо знал Маяковского, Марину Цветаеву. В семье Ломовых многие годы хранился архив Цветаевой, а после ареста Георгия Ипполитовича его

жена передала цветаевский архив Елизавете Яковлевне Эфрон, своей подруге, сестре С. Я. Эфрона.

В 1924 году в издательстве «Московский рабочий» вышла брошюра А. Ломова «Алексей Иванович Рыков. Краткие биографические сведения». Георгия Ипполитовича связывали с Рыковым товарищеские отношения, долголетняя совместная партийная и советская работа. Когда начались аресты, Ломов предчувствовал неблагополучный исход и для себя. Но тем не менее в семью постоянно приходили дети уже арестованных — Татьяна Смилга, Юрий Карахан, сын Пятакова — Юра Васильев. В то время как многие от них отвернулись, Ломовы обращались с ними очень тепло и ласково, старались помочь им чем могли. Незадолго до ареста Георгий Ипполитович намеревался усыновить сына Пятакова, который жил с тяжело больной матерью.

Арестовали Георгия Ипполитовича Ломова 25 июня 1937 года. Ему было инкриминировано, по словам сына, «дружба с Бухариным и Рыковым и то, что он сдерживал «карающую руку правосудия в топливной и энергетической промышленности». Когда его уводили из дома, он сказал жене и детям: «Что бы про меня ни говорили — верьте, что ни перед людьми, ни перед партией я ни в чем не виноват».

В 1968 году в день восьмидесятилетия со дня рождения Ломова «Правда» писала: «Какой бы высокий пост Ломов ни занимал, он всегда оставался настоящим революционером, личностью яркой, беспокойной, ищущей. И еще: он всегда понимал, что, по известному определению Ленина, высшая должность на земле — быть человеком».

Кузьмина Т. Ф.—
кандидат исторических наук

Председатель по делам национальностей И. В. ДЖУГАШВИЛИ (СТАЛИН)

Когда 26 октября 1917 года В. И. Ленин писал проект постановления II Всероссийского съезда Советов «Об образовании рабочего и крестьянского правительства», последним в списке лиц, предлагаемых им в состав Совета Народных Комиссаров, он включил И. В. Джугашвили (Сталина). Ему предназначался пост председателя по делам национальностей.

Любопытно, что все псевдонимы, под которыми членов нового правительства, включая и его главу, хорошо знали в партии и партийной печати, давались в скобках после указания их подлинной фамилии. К руководству страной выдвигались новые лидеры, и они намеревались войти в историю не под кличками, столь щедро налипшими к ним за годы, в основном нелегальной, революционной деятельности. Но, по иронии судьбы, именно в этом естественном желании жизнь отказала им. В энциклопедических справочниках

всего мира биографические статьи о них открываются псевдонимами, ставшими символами, а подлинные фамилии заняли скромное место в скобках.

Фамилия Джугашвили и тогда мало что говорила, даже партийцы знали его как Давида, Кобу, Нижерадзе, Чижикова, Ивановича, Василия. Ему было без малого 38 лет. Шестнадцать из них он отдал профессиональной революционной работе. Нелегальной, полной опасностей, арестов (шесть — за период с 1902 по 1913 год), ссылок (их тоже шесть), побегов (четыре, и все удачные).

Интернационалистом-большевиком, как утверждал в 1922 году один из членов ЦК Коммунистической партии Грузии, Сергей Кавтарадзе, Джугашвили стал в 1904 году. «Раньше,— по свидетельству того же Кавтарадзе,— он был вроде бундовца на грузинский лад». Говорилось об этом открыто и вполне официально, но никогда и никакого опровержения не последовало.

В годы первой российской революции в Закавказье широкое распространение получили листовки, защищавшие большевистские взгляды по национальному вопросу. Их автор — Коба — отстаивал единство многонационального пролетарского отряда региона. Писал он просто, хотя и прямолинейно. Но именно в отсутствии полутонов, резкой полемичности формулировок, граничащих с грубостью, было нечто привлекающее читающую партийную публику. Это нередко импонировало ей больше излишнего, на ее взгляд, теоретизирования.

В декабре 1905 года в Таммерфорсе на I конференции РСДРП Коба в первый раз увидел Ленина. Тот несколько разочаровал его, ибо вел себя иначе, чем надлежало вести себя, по представлениям молодого революционера, «великому человеку»: появлялся в зале заседаний раньше других, опускался до обыкновенных бесед с обыкновенными делегатами, словом, «нарушал некоторые необходимые правила». Став вождем, Сталин никогда не позволял себе этого.

Две новые встречи с Лениным произошли на IV (Стокгольм, апрель 1906 года) и V (Лондон, май 1907 года) съездах партии. В отчетах о последнем из них, опубликованном в газете «Бакинский рабочий», впервые проскользнет фраза, свидетельствующая о неприязни, которую вызвала у провинциального функционера исключительная яркость и блеск его будущего «врага», европейски образованного и даже внешне рафинированного Льва Бронштейна — Троцкого. Коба назвал его «красивой ненужностью»[1]. Воз-

[1] *Сталин И. В.* Соч. Т. 2. С. 51.

можно, национальность Троцкого подвигла Сталина и на неблагодарный «анализ» национального состава съезда, где значительное число меньшевиков оказалось, по его подсчетам, евреями. В шутливом замечании, авторство которого было переадресовано другому человеку, что «меньшевики — еврейская фракция, большевики — истинно русская, стало быть, не мешало бы нам, большевикам, устроить в партии погром»[1], наметилась прямая линия к знаменитому анекдоту конца 20-х годов, принадлежащему Радеку. По воспоминаниям технического секретаря Политбюро Б. Бажанова, Радек как-то озадачил его вопросом: «Какая разница между Моисеем и Сталиным?» И, смеясь, ответил сам: «Моисей вывел евреев из пустыни, а Сталин — из Политбюро».

Джугашвили стал Сталиным во второй половине 90-х годов. Именно так он подписывал в то время большинство своих статей. Так он подписал и самую известную свою работу предреволюционного периода «Марксизм и национальный вопрос», написанную по просьбе Ленина.

Это было время, когда шло уточнение программных положений о праве наций на самоопределение, осознание места и роли национально-освободительного движения в революционной борьбе. Известно, что партийная программа 1903 года ограничивалась признанием «права нации на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства», связывая его с решением классовых задач пролетариата. Отсюда содержание этого права определялось как содействие самоопределению не народов и наций, а пролетариата в каждой национальности. Формы его осуществления виделись не в национальной автономии, поддержка которой оговаривалась исключительными обстоятельствами, а в утверждении политических и гражданских свобод, права всех, независимо от пола, языка, религии, расы, нации и т. д., на свободное демократическое самоопределение.

Грозовая предвоенная обстановка в Европе вызвала особый интерес к национальному вопросу. Одна за другой появились работы ряда видных социал-демократических специалистов, утверждавших необходимость борьбы за так называемую национально-культурную автономию. Поскольку это накладывалось на сепаратистские настроения в социал-демократии России, затушевывало единство классовых задач пролетариата и без политического самоопределения оставалось «пустым идеалом мещан», Ленин счел необходимым серьезно заняться этими проблемами, прежде всего определением нации, задач национально-освободительного движе-

---

[1] *Сталин И. В.* Соч. Т. 2. С. 50—51.

ния, соотнесенности в нем классовых и национальных начал.

Прорабатывая в конце 1912 года брошюру голландского социал-демократа профессора Амстердамского университета А. Паннекука «Классовая борьба и нации», Ленин трижды подчеркнет его утверждение о том, что определение нации, данное австрийским социал-демократом О. Бауэром, как «совокупности людей, объединенных общностью судьбы в характерную общность», является «совершенно правильным». К этому же утверждению относятся и вынесенные на поля книги два вопросительных знака. Ленин отдавал предпочтение более четким характеристикам. Он и выделил их в заметках на полях работы Паннекука: общность политико-экономического развития, общность языка, территории, культуры.

Бросается в глаза, что именно эти параметры, отвечая на вопрос: «Что такое нация?» — будет выделять и обосновывать Сталин.

Совпадения эти, конечно, не случайны. Во второй половине декабря 1912 года, именно тогда, когда Ленин завершал чтение брошюры Паннекука, Сталин нелегально прибыл в Краков для участия в совещании партийных работников и членов социал-демократической думской фракции большевиков, созванном ЦК РСДРП.

За короткое время это была уже вторая встреча его с Лениным в Кракове: в первой половине ноября он приезжал на заседания членов ЦК РСДРП. Естественно, что национальный вопрос, приобретший в то время особую остроту, не мог не обсуждаться. Похоже, что и сталинская статья «На пути к национализму (Письмо с Кавказа)», опубликованная в одном из январских номеров «Социал-демократа», была написана в Кракове.

Представляется бесспорным, что и выбор темы, и ее решение подсказаны Сталину Лениным, обеспокоенным в то время националистическими тенденциями, грозившими единству рабочих рядов. А если вспомнить, что Сталин не знал ни одного европейского языка и посему не мог иметь собственного суждения о том, как ставился вопрос в социал-демократической литературе, то ни о какой авторской самостоятельности в данном случае и речи быть не может.

Ссылок на А. Паннекука у Сталина нет, хотя Владимир Ильич в письме к Горькому на Капри в феврале 1913 года утверждал, что «один чудесный грузин засел и пишет для «Просвещения» большую статью, собрав *все* австрийские и пр. материалы»[1]. (Подчеркнуто Лениным.— *А. Н.*)

Пробить публикацию старательного Кобы стоило Владимиру Ильичу определенных усилий. Он дважды обращался насчет нее к Каменеву, ибо не все в партии разделяли содержащееся в статье

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 48. С. 162.

безоговорочное отрицание культурно-национальной автономии (например, секретарь большевистской думской фракции и Бюро ЦК РСДРП Е. Ф. Розмирович). Ленин настаивал на том, чтобы статья «чудесного грузина» была бы принята хотя бы как дискуссионная, что не помешало ему вскоре напрочь забыть фамилию своего протеже. В письме к Г. Е. Зиновьеву в июле 1915 года он спрашивает: «Не помните ли фамилию *К о б ы?*»[1] Чуть позже, адресуясь к Карпинскому, повторяет: «Большая просьба: узнайте (от Степко или Михи и т. п.) фамилию *«К о б ы»* (Иосиф Дж...?? мы забыли). Очень важно!!»[2]

Как видим, о какой-либо близости Ленина с молодым грузинским революционером говорить нельзя, хотя он щедро знакомил его в процессе работы над статьей по национальному вопросу с новейшими трудами по проблеме, со своими замечаниями и выводами. В том же письме Горькому (1913 год) Ленин сообщал: «Есть две хорошие с.-д. брошюры по национальному вопросу: Штрассера (речь идет о работе, которую Сталин, с подачи Бухарина, использовал даже со ссылкой на оригинал.— *А. Н.*) и Паннекука. Хотите, пришлю? Если у Вас найдется, кто переведет Вам с немецкого?»[3]

У Горького переводчиков не было. У Сталина нашлось. И даже не один, а два. Кроме Ленина переводчиком стал Бухарин, также находившийся в Вене, где шла работа над этим безусловно важным документом партии по национальному вопросу.

Основные направления критики О. Бауэра и определения признаков нации сделаны Сталиным с явным учетом ленинских, а может быть, и бухаринских замечаний. Да и остальные разделы сталинской работы не содержат ничего нового по сравнению с оценками и выводами, содержащимися в статьях и письмах Ленина того времени.

Главную цель сталинской статьи Ленин видел прежде всего в том, чтобы дать бой «за истину против сепаратистов и оппортунистов из Бунда и из ликвидаторов». С этой задачей автор вполне справился, что и дало основание Владимиру Ильичу высоко оценить работу Сталина и настаивать на ее публикации.

Однако ряд важнейших ленинских положений, обозначенных им при чтении Паннекука, в сталинском пересказе потерялись. Так, остались нераскрытыми следующие понятийные формулы: «значение политического момента», «решающее значение политико-экономического развития», «все они являются членами... империи» (речь шла о классах и народностях Германской империи). В разви-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 101.
[2] Там же. С. 161.
[3] Там же. Т. 48. С. 162.

тие последнего есть и более развернутое замечание Ленина: «Недооценено отличие Osteuropa от Westeuropa, которая — passim (повсюду.— *А. Н.*) верно отделена на основании того признака, что нация здесь= государству». У Сталина нет ни строки, раскрывающей данное положение. Между тем — в сочетании со стремлением правящих классов искусственно воздвигать национальные перегородки, сохранять национальные неравенство и гнет — именно это обстоятельство определило особенности и остроту национальной борьбы в Российской империи.

Формулировка основных признаков нации, критика сепаратистских тенденций в социал-демократии, культурно-национальной автономии как их теоретической основы и т. д. составили наиболее добротную часть сталинской работы. Вместе с тем ряд нюансов, которые в момент публикации были не особенно заметны, определили многие стереотипы сталинского мышления, проявившиеся позже, на посту председателя по делам национальностей в первом Советском правительстве, а еще ярче — на посту генерального секретаря ЦК партии.

На первое место среди них я бы поставил отсутствие четкой оценки великодержавного шовинизма и провоцирующей роли самодержавия, препятствовавшего свободному экономическому и культурному развитию угнетенных народов и всячески разжигавшего «национализм великороссов». У Сталина это ограничилось констатацией «поднявшейся сверху волны воинствующего национализма» и вызвавшей «ответную волну национализма снизу, переходящего порой в грубый шовинизм»[1].

Главное внимание автор сосредоточил именно на этой «ответной волне национализма снизу». Здесь и усиление сионизма среди евреев, и растущий шовинизм в Польше, и панисламизм среди татар, и усиление национализма среди армян, грузин, украинцев. В общем ряду стоял и «уклон обывателя в сторону антисемитизма». Причинно-следственные связи терялись окончательно. Местный национализм, «национализм снизу», как его еще называл Сталин, превращался в главную опасность, о чем он с настойчивостью, достойной лучшего приложения, будет твердить и несколько лет спустя после победы Октябрьской революции.

Больше всего беспокоило Сталина, что «цветы национализма» распускались на основе «разочарования в движении, неверия в общие силы», открыто проявившихся в годы реакции. Он так и записал: «Верили в «светлое будущее»,— и люди боролись вместе, независимо от национальности: общие вопросы прежде всего! Закра-

---

[1] *Сталин И. В.* Соч. Т. 2. С. 291.

лось в душу сомнение,— и люди начали расходиться по национальным квартирам: пусть каждый рассчитывает только на себя! «Национальная проблема» прежде всего!»[1] Весьма симптоматична происшедшая и здесь подмена понятий: не общность интересов классовой борьбы, в которой национальная проблема является составной частью, а «вера» в «светлое будущее» выступает силой, цементирующей единство движения за социальное и национальное освобождение.

И еще одно немаловажное обстоятельство. Отстаивая областную территориальную автономию, Сталин считал одним из основных ее преимуществ то, что «она не межует людей по нациям, она не укрепляет национальных перегородок, наоборот, она ломает эти перегородки и объединяет население для того, чтобы открыть дорогу для межевания другого рода, межевания по классам»[2]. Территориальная автономия, а не национальная государственность стала его символом веры.

Обращаясь к проблеме национальной культуры, Сталин счел нужным подчеркнуть: «Национальный вопрос на Кавказе может быть разрешен **лишь в духе вовлечения запоздалых наций и народностей в общее русло высшей культуры.** Только такое решение может быть прогрессивным и приемлемым для социал-демократии. Областная автономия Кавказа потому и приемлема, что она втягивает запоздалые нации в общее культурное развитие, она помогает им вылупиться из скорлупы мелконациональной замкнутости, она толкает их вперед и облегчает им доступ к благам высшей культуры»[3]. «Запоздалым нациям» — мингрельцам, абхазцам, аджарцам, сванам, лезгинам, осетинам и пр.— он отказывал в праве на автономию, и не только «национально-культурную».

«Культурно-национальная автономия» не связывалась ни с определенной территорией, ни с характером социально-экономического строя, ни с классовой борьбой трудящихся и была, по словам Ленина, концентрированным выражением отчаявшегося мелкого буржуа, убедившегося в невозможности решения национального вопроса в условиях капитализма. Это потребовало уточнения программного положения о праве наций на самоопределение. Указание на то, что оно не может замыкаться культурно-национальной автономией, а равно политическому самоопределению вплоть до образования самостоятельного государства и отделения, соответствовало, по Ленину, толкованию («по принципу и слово-

---

[1] *Сталин И. В.* Соч. Т. 2. С. 290.
[2] Там же. С. 362.
[3] Там же. С. 351.

употреблению»), принятому международной демократией с 1848 года, и было более точно «с точки зрения истории национального движения во всем мире».

Одновременно подчеркивалось, что право на отделение не означает неизбежности самого отделения. Утверждалась и предпочтительность единого централизованного государства, административное деление которого предполагалось таким, где все области, отличающиеся бытовыми особенностями или национальным составом населения, должны были пользоваться широким самоуправлением и автономией при учреждениях, построенных на основе всеобщего, равного и тайного голосования.

Это стало важным шагом в развитии программных представлений по национальному вопросу, хотя признание права на автономию не сопровождалось еще признанием федеративных отношений. При определении границ широкой областной автономии указание на согласование административного деления с национальным составом выдвигалось наряду с другими условиями — в первую очередь хозяйственными, затем бытовыми и т. д., что оставляло открытым вопрос о формах автономизации. Она могла идти как в рамках областной территориальной автономии, так и в направлении оформления национально-государственных образований, хотя и в рамках единого государства (Ленин тогда отрицал необходимость федеративного устройства, о чем и писал Шаумяну в декабре 1913 года). Все это требовало дальнейшей конкретизации и уточнений.

Будущий председатель по делам национальностей катастрофически отставал от развития ленинских представлений, не успевал понять многое из его обобщений и выводов.

Камнем преткновения стала выдвинутая Лениным весной 1917 года идея создания «свободного союза свободных республик» на основе утверждения власти Советов в рамках возникающих национальных государств, с учетом уровня готовности масс к восприятию классовых лозунгов. Тем самым был сделан важный шаг на пути наполнения идеи федерации новым содержанием. Но Сталин, по-прежнему отстаивая областную территориальную автономию, считал, в отличие от Ленина, создание самостоятельных республик решением чисто временных задач. Он все еще видел в унитарном государстве идеал решения всех национальных проблем.

На VII (Апрельской) Всероссийской партконференции 1917 года различия в подходах к проблемам самоопределения, национальной государственности и политической независимости проявились в полной мере. Сталину — его выделили официальным

докладчиком ЦК — надлежало разъяснять и отстаивать ленинскую точку зрения. Но справиться с этим он не смог.

Доклад носил слишком общий характер. Отметив зависимость национального гнета от степени демократизма и политических свобод в обществе, Сталин ограничился лишь признанием того, что, утверждая право наций на самоопределение, социал-демократы поднимают «борьбу против национального гнета на высоту борьбы против империализма, нашего нового врага»[1].

Справедливо обвинив докладчика в отсутствии анализа «действительно существующих отношений» и в стремлении оперировать «оценками феодального периода», группа партийцев (Г. Пятаков, Ф. Дзержинский, Ф. Махарадзе) выступила с заявлениями, будто требование национальной независимости в условиях империализма, разрушающего экономическую и культурную обособленность народов, утопично и реакционно. Национально-освободительные движения, как якобы игнорирующие плановое расслоение в мировом масштабе, объявлялись ими сепаратистскими. Социалистическим методом решения национального вопроса провозглашалась борьба под лозунгом «долой границы». Лишь вмешательство Ленина предотвратило принятие этих ошибочных установок. И хотя большинством голосов Апрельская конференция и приняла ленинскую резолюцию, наметившиеся разногласия, ход обсуждения и результаты голосования (56 — за, 16 — против и 18 — воздержавшихся) показали необходимость дальнейшей серьезной теоретической разработки национального вопроса и всестороннего разъяснения основных принципов национальной политики партии. Сталин от этой работы практически устранился.

В отличие от будущего наркомнаца, В. И. Ленин считал необходимым использовать для этого любую возможность и сам подавал в этом отношении пример. Месяц спустя после Апрельской конференции в «Наказ выбираемым по заводам и по полкам депутатам в Совет рабочих и солдатских депутатов» он внес особый пункт, требующий, чтобы большевистский депутат был безусловным противником насильственного удержания какого-либо народа в рамках бывшей империи.

Учитывая практическую значимость прежде всего проблем национальной государственности, форм государственного союза народов, Ленин продолжил исследование вопросов федерализации и централизма, а также местного самоуправления. В книге «Го-

---

[1] Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б): Протоколы. С. 209—210.

сударство и революция» (август—сентябрь 1917 года) он анализировал, в частности, взгляды Энгельса на федеративные и унитарные формы государственных образований. Показав, что, как и Маркс, Энгельс отстаивал с точки зрения пролетариата и пролетарской революции, демократический централизм, единую и нераздельную республику, Ленин отметил вместе с тем, что он не исключал и того, что при известных особых условиях, среди которых на первое место «выдвигается национальный вопрос», федеративная республика станет «шагом вперед».

Объясняя, что в этом нет ни тени отказа от критики недостатков федерации и понимания преимуществ единой, централистски-демократической республики, Ленин писал: «...централизм демократический Энгельс понимает отнюдь не в том бюрократическом смысле, в котором употребляют это понятие буржуазные и мелкобуржуазные идеологи, анархисты в числе последних. Централизм для Энгельса нисколько не исключает такого широкого местного самоуправления, которое, при добровольном отстаивании «коммунами» и областями единства государства, устраняет всякий бюрократизм и всякое «командование» сверху безусловно»[1].

Так постепенно в статьях и выступлениях В. И. Ленина по национальному вопросу, в документах партии последовательно выкристаллизовывались представления и возможности сочетания преимуществ централизованного демократического государства с федерацией на основе широкой областной автономии. В период после Февральской революции подход партии к практическому решению данной проблемы был уточнен и конкретизирован. Признание возможности федеративного устройства демократического государства означало признание за народами России права на самостоятельное управление в рамках национальной государственности, с действительно самостоятельным выбором союза или отделения.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции открыла простор для практической проверки выявившихся подходов и форм государственного и национально-государственного строительства.

Уже в первом обращении II Всероссийского съезда Советов «Рабочим, солдатам и крестьянам!», провозглашавшем переход всей власти в руки народа, специально оговаривалось, что новое правительство «обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение». Тогда же в Декрете о мире съезд квалифицировал как аннексию «всякое присоединение

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 33. С. 73.

к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно удерживаемая в границах данного государства нация». За каждой нацией признавалось самостоятельное право «решить без малейшего принуждения вопрос о формах государственного существования этой нации».

В концентрированном виде эти важнейшие принципы национальной политики партии были изложены 2 (15) ноября 1917 года в подписанной Лениным и Сталиным «Декларации прав народов России». Они включали в себя: суверенность и равенство народов, их право на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств, отмену всех национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений, свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих Россию. В обнародованном 22 ноября (5 декабря) обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» Совет Народных Комиссаров гарантировал народам страны возможность свободно и беспрепятственно устраивать свою жизнь, объявлял неприкосновенными их национальные и культурные учреждения. Особо подчеркивалось, что все это обеспечено самим характером советского строя и охраняется всей мощью Советов.

Декларируя государственно-правовое равенство народов и их культур, эти два документа стали отправными, определяющими смысл и содержание всей работы в направлении утверждения взаимодоверия и сотрудничества всех наций и народностей страны.

Опираясь именно на эти документы, Сталин, как наркомнац, подписал решения о возвращении национальных реликвий Украине, о выдаче «Священного Корана Османа» Краевому мусульманскому съезду Петроградского национального округа, о передаче мусульманскому трудовому народу башни Суюмбеки в Казани, мечети Караван-Сарай и Башкирского народного дома в Оренбурге. В этом же качестве он выступил на съезде социал-демократической рабочей партии Финляндии, когда от имени Совета Народных Комиссаров 14 ноября 1917 года объявил о признании за Финляндией права на самоопределение.

В начале 1918 года Сталин активно участвует в административном устройстве окраинных районов. Он руководил совещанием по созыву Учредительного съезда Советов Татаро-Башкирской Советской Республики, которая должна была послужить образцом

для организации крупных областных автономий с учетом национальной специфики, выезжал на Северный Кавказ, держал связь с Совнаркомом Украины. Но расплывчатость обозначенных в партийной программе в самом общем виде принципов федерации затрудняла практическую работу в этом направлении.

Положение осложнялось тем, что часть партийных деятелей, в том числе и Сталин, открыто придерживалась провозглашенных Программой партии принципов широкой областной автономии с учетом национальных особенностей. Известен факт, когда Сталин в разговоре по прямому проводу с руководителями Украинской Советской Республики в марте 1918 года заявил, что достаточно играть в правительство и республику и пора эту игру бросать.

При каждом удобном случае, чтобы не стимулировать так называемых «националистических тенденций», сторонники таких взглядов стояли за возможно более крупное территориальное объединение с «учетом национальной специфики». Это выразилось в проектах и практике создания не только Татаро-Башкирской, но и Горской республик, Туркестана, в отрицательном отношении к Белорусской республике, почти тут же преобразованной в Литовско-Белорусскую, и т. д.

Ленинское отношение к национально-государственному самоопределению народов получило четкое отражение в одной из реплик, адресованных Н. И. Бухарину во время доклада о партийной программе на VIII съезде РКП(б). Когда тот, со ссылкой на Сталина, заявил, что для советских народов с точки зрения социализма этот лозунг изжил себя, оставаясь правомерным лишь для народов колоний: готтентотов и бушменов из Южной и Восточной Африки, Ленин сказал:

— Слушая это перечисление, я думал: каким образом т. Бухарин забыл одну маленькую мелочь, забыл башкир? Бушменов в России не имеется, насчет готтентотов я тоже не слыхал, чтобы они претендовали на автономную республику, но ведь у нас есть башкиры, киргизы, целый ряд других народов, и по отношению к ним мы не можем отказать в признании. Мы не можем отказывать в этом ни одному из народов, живущих в пределах бывшей Российской империи...[1]

Фактически отрицая, что накопленный историей опыт национально-государственного строительства расширял путь программных представлений партии по национальному вопросу, Бухарин, а вместе с ним и Сталин, хотя он не выступил на съезде, видели

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 158.

в ленинском стремлении связать право наций на самоопределение с новым типом федерации лишь прямую констатацию сложившихся реалий, а не цель, которая должна была составить смысл национальной политики партии. Однако VIII съезд утвердил советскую федерацию как форму советско-многонационального государства. В Программе партии, принятой съездом, говорилось: «...как одну из переходных форм на пути к полному единству партия выставляет федеративное объединение государств, организованных по советскому типу».

Правда, в отношении к лозунгу о праве наций на самоопределение Ленину не удалось отстоять свою точку зрения. Раздел Программы «В области национальных отношений» не содержал ни этого лозунга, ни лозунга о самоопределении трудящихся масс каждой национальности. Это стало результатом определенного компромисса, который состоял в том, что, по настоянию Ленина, отвечая на вопрос, кто является «носителем воли нации к отделению», Программа провозглашала: «РКП стоит на исторически-классовой точке зрения, считаясь с тем, на какой ступени ее исторического развития стоит данная нация: на пути от средневековья к буржуазной демократии или от буржуазной демократии к советской или пролетарской демократии и т. п.»[1]. На VIII Всероссийской партийной конференции в декабре 1919 года Ленин восстановил лозунг о праве наций на самоопределение фактически в качестве программного, включив его в резолюцию «О Советской власти на Украине».

Работе в Наркомнаце Сталин уделял минимальное внимание. Многочисленные командировки на фронты гражданской войны, другие поручения полностью отвлекали его. К тому же его не могло не задеть и то, что ВЦИК в июне 1919 года, учитывая позицию, занятую им по отношению к самостоятельным советским национальным республикам, не поставил вопроса о включении наркома либо его представителя в созданную под председательством Каменева рабочую комиссию по вопросу о конкретных формах объединения РСФСР и советских республик. Тогда же, 5 июля 1919 года, Сталин первый раз поставил в Политбюро вопрос о роспуске Наркомнаца. Предложение будет отклонено, но он еще по меньшей мере дважды вернется к нему, добиваясь либо закрытия ведомства, либо освобождения от работы в нем.

Окончание гражданской войны и последовавший весной 1921 года переход к новой экономической политике способствовали росту, с одной стороны, великодержавных тенденций, с дру-

---

[1] Восьмой съезд РКП(б): Протоколы. М., 1959. С. 398.

гой — местничества и национализма. Сталин, как и некоторые партийные работники, видел в стремлении республик к укреплению своих суверенных прав главную преграду на пути к единству. Ленину потребовалось специально разъяснить, что становление и развитие национальной государственности не противоречат стремлению советских народов к объединению. «Федерация,— указывал он летом 1920 года,— уже на практике обнаружила свою целесообразность как в отношениях РСФСР к другим советским республикам (венгерской, финской, латвийской в прошлом, азербайджанской, украинской в настоящем), так и внутри РСФСР по отношению к национальностям, не имевшим раньше ни государственного существования, ни автономии (например, Башкирская и Татарская автономные республики в РСФСР, созданные в 1919 и 1920 годах)»[1].

Такой подход вызвал возражения наркомнаца. Он не видел существенного различия между украинским и башкирским типами федеративной связи. Выступая на X съезде партии с основным докладом по национальному вопросу, Сталин открыто утверждал, что РСФСР является «живым воплощением» искомой формы государственного союза республик. Однако резолюция съезда «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» подчеркнула целесообразность гибкого применения различных видов федерации, основанной на договорных отношениях с независимыми республиками, на автономии и промежуточных ступенях между ними.

Недовольство взглядами и работой наркомнаца зрело и на местах.

В апреле 1921 года в организационно-инструкторский отдел ЦК РКП(б) поступило письмо, подписанное представителями Татарской, Горской, Дагестанской, Башкирской республик, Карелии, Киргизии, Вотской, Чувашской областей, зырян, мордвы, чувашей, мари. В нем констатировалось: «...уже давно ясно определилось недовольство мест Наркомнацем в области практического осуществления им мероприятий, намеченных партийными и советскими съездами начал национальной политики».

Отметив, что Совет национальностей Наркомнаца, призванный стать центром, координирующим и определяющим всю работу как комиссариата, так и представительств автономных и договорных республик при правительстве РСФСР, авторы письма останавливались на тех причинах, по которым, согласно их мнению, этого не произошло. На первое место они ставили отсутствие точных представлений о функциях самого Совета националь-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 164.

ностей. В «Инструкции о реорганизации деятельности Наркомнаца», подписанной Сталиным во исполнение декрета СНК от 30 октября 1920 года «Об усилении деятельности Наркомнаца», в одном месте говорилось: «Все мероприятия Советской власти по национальным делам вносятся для разрешения в Совет национальностей», а в другом месте, что эти мероприятия «лишь обсуждаются» в Совете национальностей». В декрете же ВЦИК об образовании представительств, опубликованном в «Известиях ВЦИК» 6 ноября 1920 года, в их обязанности включались функции, относящиеся к ведению Наркомнаца, а следовательно и Совета национальностей.

Авторы письма, устанавливая «странный параллелизм действий одних и тех же лиц и организаций», спрашивали: «Зачем было вызывать к жизни Совет национальностей и принимать для него положение, давать ему те или иные функции, если надо непременно строить Наркомнац сверху, без ведома и участия Совета национальностей?» Их вывод был горек: «На деле Наркомнац продолжает оставаться такой же мертвой, неработоспособной организацией, как и год тому назад, бесполезной, безлюдной, оторванной от жизни национальностей и представительств республики...» Приостановить рассмотрение данного письма удалось лишь потому, что из организационно-инструкторского отдела оно было переслано В. М. Молотову, ставшему к тому времени секретарем ЦК, а из Секретариата ЦК 3 мая 1921 года было переслано Сталину в Наркомнац для заключения. Вопрос о центре, способном координировать и направлять по узловым направлениям жизнь наций и народностей страны, оставался открытым.

Между тем недостатки в работе Наркомнаца и некоторых партийных органов нарастали. Проявлениями их стали торопливость и администрирование в решении этого важнейшего для судеб страны вопроса. Свою роль сыграло и то, что многие из предлагавшихся тогда практических решений (поход на Варшаву, советизация Грузии, проведенная по настоянию Сталина и Орджоникидзе в форме ввода войск, национально-государственное размежевание и т. д.) предлагались с глубокой убежденностью в неизбежности скорой мировой революции. Это стимулировало силовые приемы.

Особенно серьезными стали ошибки руководства Кавказского (затем Закавказского) краевого бюро ЦК РКП(б) во главе с Орджоникидзе.

Стремление форсировать проведение объединения Закавказских республик без должной подготовительной работы среди населения, включая и его мелкобуржуазные слои, вызвало серьезное противодействие значительного большинства ЦК КП Грузии

(Филиппа Махарадзе и его сторонников — «филиппистов», а также Буду Мдивани и «будистов»), в Азербайджане — Н. Нариманова, Р. Ахундова и М. Гусейнова. Роковым стало и участие в этом конфликте Сталина, который летом 1921 года побывал в Грузии.

Именно Сталину принадлежат наиболее резкие формулировки, которыми в борьбе с так называемым национал-уклонизмом оперировал Заккрайком. Так, Сталин выводил все еще сохранявшееся влияние меньшевиков в Грузии из того, что, по его словам, «товарищи в Грузии сделали фетиш из тактики уступок, между тем как теперь время не политических уступок, а, наоборот, политического наступления, как в России». Это в корне отличалось от ленинских оценок и установок. Что, конечно, понимал и сам Сталин. Недаром в соответствующий том своих сочинений это свое выступление он не включил и в 1947 году.

Зато доклад «Об очередных задачах коммунизма в Грузии и Закавказье», с которым Сталин выступил 6 июля на общем собрании Тифлисской организации Коммунистической партии Грузии, перепечатывался часто и вошел в пятый том его сочинений. В докладе в самом общем виде повторялись ленинские установки по вопросу о необходимости развития хозяйственного строительства и объединения в связи с этим усилий республик Закавказья, обращалось внимание на необходимость исходить при этом из учета их внутренней специфики и особенностей международного положения, а также сохранения их независимости. Но эти заявления носили лозунговый характер, оставаясь, по сути, пустыми фразами, ибо перечеркивались призывами «ликвидировать националистические пережитки, вытравить их каленым железом», «раздавить гидру национализма», напоминанием слов Лассаля о том, что партия укрепляется тем, что очищает себя от скверны.

На деле сталинская нетерпимость обернулась объявлением «будистов» «национал-уклонистами». Это последовало вскоре после их обращения в ЦК РКП(б) с выражением несогласия по поводу форм и методов экономического объединения республик Закавказья, предлагаемых Кавбюро. Не возражая против необходимости шагов к единению, они протестовали против их форсирования и были поддержаны в этом Лениным. Знаменательно, что в данном случае Сталин вновь, уже 24 ноября 1921 года, просит освободить его от обязанностей наркома. Вряд ли это было простым совпадением. Отклонив просьбу Сталина, Политбюро 29 ноября приняло постановление, проект которого был написан Владимиром Ильичем. В нем идея федерации Закавказских республик признавалась «в смысле немедленного практического осуществления преждевременной».

Как указывалось в постановлении ЦК, «правильная и безусловно подлежащая осуществлению» идея Закфедерации требовала «известного периода времени для обсуждения, пропаганды и советского проведения снизу...». Слова «известного периода времени» являются сталинской правкой первоначального ленинского текста «несколько недель», которую Ленин принял. Это дало возможность Сталину на XII съезде партии (как известно, первом, на котором Ленин отсутствовал) в искаженном виде представить суть дела, приписав себе стремление не торопиться с решением вопросов Закфедерации, что не соответствовало действительности. Приведя текст проекта Ленина, Сталин умолчал о том, что Ленин был полностью не согласен с ним по предложенному первоначально проекту решения.

В концентрированном виде выражением взглядов тех, кто считал, что национальный вопрос имеет свой предел и этим пределом является вопрос о власти, стала сталинская установка на автономизацию.

Излагая в письме к Ленину от 22 сентября 1922 года основные положения своего проекта, Сталин утверждал: «Мы пришли к такому положению, когда существующий порядок отношений между центром и окраинами, т. е. отсутствие всякого порядка и полный хаос, становятся нетерпимыми, создают конфликты, обиды и раздражение, превращают в фикцию т. н. единое федеративное народное хозяйство, тормозят и парализуют всякую хозяйственную деятельность в общероссийском масштабе». Отсюда он делал вывод, что необходимо «одно из двух: **либо** действительная независимость и тогда — невмешательство центра.., и установления ВЦИК, СНК и СТО РСФСР не обязательны для независимых республик, **либо** действительное объединение советских республик в одно хозяйственное целое..., т. е. замена фиктивной независимости действительной внутренней автономией республик в смысле языка, культуры, юстиции, вну[тренних] дел, земледелия и прочее».

Сталин излагал свою позицию предельно откровенно. Он считал: «За четыре года гражданской войны, когда мы ввиду интервенции вынуждены были демонстрировать либерализм Москвы в национальном вопросе, мы успели воспитать среди коммунистов, помимо своей воли, настоящих и последовательных социал-независимцев, требующих настоящей независимости во всех смыслах и расценивающих вмешательство Цека РКП, как обман и лицемерие со стороны Москвы».

Формулировки Сталина жестки и циничны. «Мы,— писал он,— переживаем такую полосу развития, когда форма, закон, консти-

туция не могут быть игнорированы, когда молодое поколение коммунистов на окраинах игру в независимость отказывается понимать как игру, упорно признавая слова о независимости за чистую монету и также упорно требуя от нее проведения в жизнь буквы конституции независимых республик».

Итак, генеральный секретарь и нарком по делам национальностей рассматривал создание независимых республик «как игру», которую, мол, некоторые восприняли серьезно. Он предлагал положить конец «играм»: «Если мы теперь же не постараемся приспособить **форму** взаимоотношений между центрами и окраинами к **фактическим** взаимоотношениям, в силу которых окраины во всем основном безусловно должны подчиняться центру, т. е. если мы теперь же не заменим формальную (фиктивную) независимость формальной же (и вместе с тем реальной) автономией, то через год будет несравненно труднее отстоять фактическое единство советских республик».

И проект Сталина, и тон его письма не могли не вызвать беспокойства Ленина. По его просьбе в Горки, где он жил, приходя в себя от очередного приступа болезни, были пересланы как первоначальный проект комиссии Оргбюро, так и материалы обсуждений в Центральных Комитетах компартий республик и двух уже состоявшихся — 23 и 24 сентября заседаний комиссии Оргбюро, которая была создана для решения вопроса.

Содержание этих материалов показало, что поддержка сталинского проекта была весьма относительной. Только ЦК компартий Азербайджана и Армении высказалось за него без особых оговорок. Центральный Комитет Коммунистической партии Белоруссии отдал предпочтение сохранению договорных отношений. ЦК КП Грузии 15 сентября большинством голосов вообще отверг сталинский план, записав: «Предлагаемое на основании тезисов т. Сталина объединение в форме автономизации независимых республик считать преждевременным. Объединение хозяйственных усилий и общей политики считаем необходимым, но с сохранением всех атрибутов независимости».

ЦК КП(б)У специального обсуждения сталинского проекта автономизации провести не успел. Но Х. Г. Раковский, член комиссии и один из лидеров украинских коммунистов, в письме из Гурзуфа от 28 сентября констатировал, что внесенный Сталиным план нуждается в пересмотре, ибо «вместо того, чтобы довести начатое строительство до конца, поставив ясно и определенно вопрос о формах нашей государственной [жизни] и о строении наших центральных органов, вместо того, чтобы выработать действительную федерацию, которая обеспечивала бы для всех одина-

ковые условия революционного строительства, объединяла бы рабочий класс всех национальностей России на основах равноправия, данный проект проходит мимо этой задачи». Председатель Совнаркома Украины считал важным отметить и еще одно обстоятельство: «Данный проект игнорирует, что федерация не является однородным национальным государством. В этом отношении проект резолюции является поворотным во всей национальной политике нашей партии».

Естественно, что, даже бегло проглядев присланные ему документы, Ленин увидел в них, с одной стороны, все те же тенденции к таким формам централизации, которые, по сути, сливались со стародавними представлениями о «единой и неделимой» России, а с другой — стремление провести их в жизнь в неприемлемо сжатые сроки и путем использования той необъятной власти, что оказалась сосредоточенной в руках генсека.

Уже 26 сентября, после длительной — 2 часа 40 минут — беседы со Сталиным, в ходе которой речь шла о сталинском проекте «автономизации», В. И. Ленин, суммируя по горячим следам свои впечатления, в письме к Л. Б. Каменеву для членов Политбюро ЦК РКП(б) подчеркивал: «По-моему, вопрос архиважный. Сталин немного имеет устремление торопиться. Надо Вам (Вы когда-то имели намерение заняться этим и даже немного занимались) подумать хорошенько; Зиновьеву тоже»[1].

Расценивая идею «автономизации», то есть непосредственного вхождения независимых республик в РСФСР, как отступление от принципов пролетарского интернационализма, Ленин выдвинул новую форму союзного государства — на основе добровольного и равноправного объединения самостоятельных советских республик. Указывая на недопустимость бюрократического извращения идей объединения, он предупреждал против чрезмерного централизма, выступал за необходимость укрепления суверенитета и независимости каждой республики как обязательного условия сплочения народов. Полное равноправие, искренность, взаимное уважение, дружба, братское сотрудничество и взаимопонимание — вот на чем прежде всего должны быть основаны, по его мнению, межнациональные отношения в новом Советском союзном государстве. Ленин писал: «Мы признаем себя равноправными с Украинской ССР и др., и вместе и наравне с ними входим в новый союз, новую федерацию»[2].

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 211.

[2] Там же.

В том же письме от 26 сентября есть и другие важные моменты. Возьмем хотя бы первую фразу: «т. Каменев! Вы, наверное, получили уже от Сталина резолюцию его комиссии о вхождении независимых республик в РСФСР». В эту жесткую форму — «его комиссии» и замену официального названия резолюции «О взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками» — «о вхождении независимых республик в РСФСР» — Владимир Ильич вложил свое понимание особой роли Сталина не только в комиссии (ведь это была комиссия Оргбюро, и ее возглавлял Куйбышев), но и в определении всей линии генсека — «хватающей администрированием», торопливостью, невниманием к национальным чувствам и склонностью к политическим обвинениям за самостоятельность мышления. Последнее особенно хорошо видно из следующего ленинского замечания: «Завтра буду видеть Мдивани (грузинский коммунист, подозреваемый в «независимстве»)». Коммунист — это первое, что Ленин выделяет в оценке Мдивани, и тут же вместо приклеенного ему ярлыка «национал-уклонист» употребляет слово, означающее юридическую недосказанность обвинения,— «подозреваемый», и не в «национал-уклонизме», а в «независимстве».

В предпоследнем абзаце этого же письма содержится еще одна весьма существенная для понимания сталинской манеры поведения деталь. Владимир Ильич пишет: «Сталин согласился отложить внесение резолюции в Политбюро Цека до моего приезда. Я приезжаю в понедельник 2/X». Но, дав согласие, Сталин тут же нарушил свое слово. Заседание Политбюро состоялось 28 сентября.

Отношение Сталина к Ленину характеризуют и два новых документа, которые следует привести.

Первый — обмен записками между Каменевым и Сталиным на Политбюро 28 сентября, то есть на следующий день после получения ленинского письма.

Каменев. Ильич собрался на войну в защиту независимости. Предлагает мне повидаться с грузинами. Отказывается даже от вчерашних поправок. Звонила М. И. (Мария Ильинична.— *А. Н.*).

Сталин. Нужна, по-моему, твердость против Ильича. Если пара грузинских меньшевиков воздействует на грузинских коммунистов, а последние на Ильича, то, спрашивается, при чем тут «независимость»?

Каменев. Думаю, раз Вл(адимир) Ил(ьич) настаивает, хуже будет сопротивляться (последнее слово Каменев подчеркнул трижды.— *А. Н.*).

Сталин. Не знаю. Пусть делает по своему усмотрению.

«Твердостью против Ильича» стало назначение заседания Политбюро, вопреки воле Ленина, в его отсутствие. Настойчивое предложение Владимира Ильича Каменеву «встретиться с грузинами» и упоминание, что дальнейшие добавления и изменения проекта об объединении он будет делать на основании бесед с Мдивани, свидетельствуют о том, что Ленин был знаком с его позицией и считал необходимым считаться с ней.

27 сентября Каменев направил в Горки свои соображения по редактуре предложенного Лениным к обсуждению проекта. Как видно, звонком Марии Ильиничны Владимир Ильич конкретизировал свои предложения по поводу второй части § 2, где речь шла о взаимоотношениях союзных и республиканских органов власти. Каменев писал: «Вл(адимир) Иль(ич)! По-моему, или не трогать совсем вопроса о «независ(имости)» (что, видимо, уже невозможно) или провести Союз так, чтобы максимально сохранить формальную независимость, т. е. приблизительно по прилагаемой схеме.

Договор о Союзе должен включать обязательно:

а) пункт о праве одностороннего выхода из Союза,

б) точное распределение областей ведения».

На отдельном листе давалась схема высших органов Союза, предусматривающая союзный ЦИК, союзный СНК и предложения о слитных — союзно-республиканских и раздельных, то есть республиканских, комиссариатах. Намечалась также приблизительная пропорциональность представительства в союзном ЦИК, соответствующая численности населения: РСФСР — 73 процента, Украина — 23, ЗСФСР — 4,5, Белоруссия — 0,5 процента.

И. В. Сталин, соглашаясь с ленинскими поправками о необходимости вести речь об объединении независимых республик с РСФСР в Союз Советских Социалистических Республик, изложенными в письме Каменеву от 26 сентября, выступил против его (Ленина) и Каменева соображений о необходимости создания федеральных (общесоюзных) органов власти. Он делал особый упор на то, что реализация этого предложения должна непременно повести к созданию русского ЦИК и к выходу «восьми автономных республик (Татреспублика, Туркреспублика и прочее)» из состава РСФСР и к «объявлению последних независимыми наряду с Украиной и прочими независимыми республиками», к созданию «двух палат в Москве (русского и федерального) и вообще к глубоким перестройкам, что в данный момент не вызывается ни внутренней, ни внешней необходимостью».

Что касается соображений Ленина о слиянии в федеральные наркоматов финансов, продовольствия, труда и народного хо-

зяйства, Сталин отметил: «...по-моему, товарищ Ленин «поторопился» и чуть ниже продолжил: «Едва ли можно сомневаться в том, что эта «торопливость» «даст пищу независимцам» в ущерб национальному либерализму т. Ленина».

Попытки переадресовать Ленину его же собственные замечания о торопливости и нежелании давать «пищу» независимцам, сам тон и терминология письма выдают крайнее раздражение и показывают, что ленинское выступление в момент, когда дело с «автономизацией» уже казалось Сталину решенным, подействовало на него ошеломляюще.

Однако, внося в свой проект весьма кардинальные поправки, Сталин попытался обойти расхождения с Владимиром Ильичем и, скрыв, что тот является фактически автором нового варианта резолюции комиссии, разослал его членам и кандидатам ЦК РКП(б) за подписями Сталина, Орджоникидзе, Мясникова и Молотова. Более того, во вводной части к этому документу коренная разница между договором о вхождении в РСФСР и договором о создании Союза ССР смазывалась и утверждалось, что речь идет лишь «о несколько измененных, более точных формулировках», уточняющих разосланную ранее окончательную резолюцию комиссии Оргбюро ЦК, которая «в основе правильная и безусловно приемлемая».

Таким образом, Сталин лишил Владимира Ильича возможности изложить свои соображения лично на заседании Политбюро, нарушив данное ему обещание. Ленин по болезни не смог сделать этого и на заседании пленума ЦК РКП(б) 6 октября, когда, вопреки обыкновению, обсуждение одного вопроса — о принципах объединения — заняло целых три часа.

Стремление Сталина умалить различие двух проектов породило у Владимира Ильича тревогу в отношении того, насколько последовательно будут соблюдены в его отсутствие принципы пролетарского интернационализма. Любое отступление от них во имя некоего «единства государственного аппарата» квалифицировалось Лениным как великодержавный шовинизм.

Пленум ЦК полностью поддержал ленинские предложения. Как писал Б. Мдивани в письме С. Кавтарадзе от 8 октября 1922 года, «дело повернулось в сторону коммунистического разума». Мдивани нарисовал и общую картину обсуждения вопроса об объединении. «Сначала (без Ленина) нас били по-держимордовски (имеется в виду заседание комиссии Оргбюро.— *А. Н.*), а затем, когда вмешался Ленин, после нашего с ним свидания и подробной информации... принят добровольный союз на началах равноправия, и в результате всего этого удушливая атмосфера

против нас рассеялась... нападению подверглись великодержавники». Для характеристики напряженности работы важна и еще одна информация Мдивани: обсуждение вопроса шло три часа. В итоге была принята резолюция, составленная на основе указаний и рекомендаций Ленина. А в конце работы пленума Л. Б. Каменев огласил для сведения присутствующих поступившую на его имя от Владимира Ильича записку: «Т. Каменев! Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть. Как только избавлюсь от проклятого зуба, съем его всеми здоровыми зубами.

Надо *абсолютно* настоять, чтобы в союзном ЦИКе *председательствовали* по очереди

русский

украинец

грузин **и т. д.**

Абсолютно!

Ваш *Ленин*»[1].

Идея «автономизации», казалось, была похоронена, но последующие за решением пленума события показали ее живучесть. Конфликт между Заккрайкомом РКП(б) и ЦК Коммунистической партии Грузии обострился еще больше. В конце октября 1922 года ЦК КП Грузии коллективно подал в отставку. Такого в истории партии еще не бывало.

Взрыв произошел 19 октября 1922 года, когда на расширенном пленуме Тифлисского комитета члены КП Грузии К. М. Цинцадзе, М. С. Окуджава, С. И. Кавтарадзе и Ф. И. Махарадзе выступили с заявлениями, приветствующими решение пленума ЦК РКП(б) от 6 октября об объединении советских республик в Союз ССР, одновременно объявив о возбуждении ходатайства «относительно одного пункта», касающегося Закфедерации. Они считали ее в той форме, в какой она существовала к тому моменту, «не жизненной», а в той, в какой ее намечали, отступая от июльских договоренностей,— ошибочной, и предлагали рассмотреть возможность вхождения в СССР отдельными республиками.

Заявление ЦК КП Грузии было тут же квалифицировано как «недопустимое нарушение партийной дисциплины». Орджоникидзе объявил, что «дело будет передано в контрольную комиссию и в Москву». Весьма оскорбительно прозвучало утверждение, что «верхушка» Компартии Грузии является «шовинистической гнилью, которую немедленно надо отбросить», и «нам надоело считаться со стариками с седой бородой» (бороду носил Махарадзе.— *А. Н.*) и т. д.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 214.

В ночь с 20 на 21 октября, в 2 часа 55 минут по московскому времени, Котэ Цинцадзе, Сильвестр Тодрия, Ладо Думбадзе, Пармен Сабашвили, Филипп Махарадзе, Сергей Кавтарадзе и Ефрем Тодрия вызвали по прямому проводу секретаря ВЦИК Авеля Енукидзе и попросили передать Л. Б. Каменеву и Н. И. Бухарину: «Советская власть в Грузии никогда не находилась в таком угрожающем положении, как в данный момент».

Информируя о решении Заккрайкома освободить М. С. Окуджаву от обязанностей секретаря ЦК КП Грузии, они сообщали о решении грузинского ЦК выйти всем составом в отставку. «Все это,— подчеркивалось в обращении,— создано Орджоникидзе, для которого травля и интриги — главные орудия против товарищей, не лакействующих перед ним. Стало уже невмоготу жить и работать при его держимордовском режиме. Неужели мы не заслужили лучшего руководителя в смысле марксистском и товарищеском и обречены быть объектом самодурства».

Утром, по получении этой информации, Сталин усмотрел в данном заявлении ЦК КП Грузии прежде всего нарушение партдисциплины: оно адресовалось членам ЦК клером (без кодирования и шифра), минуя Секретариат, и кроме всего содержало предложение рассмотреть вопрос о раздельном вхождении Закавказских республик в будущий Союз, что требовало пересмотра решения пленума ЦК РКП(б) от 6 октября. Именно так Сталин и характеризовал этот документ в разговорах с Лениным, Каменевым и Бухариным.

Вероятно, именно этим объясняется совпадение ответных телеграмм В. И. Ленина, Л. Б. Каменева и Н. И. Бухарина, в одинаковых выражениях содержавших «удивление» неприличным тоном записки и тем, что она поступила «не через Секретариат ЦК». Однако в остальном тексте имелись определенные нюансы. Если Каменев с Бухариным обращали внимание на то, что рассмотрение вопроса о Закфедерации — компетенция пленума ЦК РКП(б) и только он может при необходимости пересмотреть его, заметим, не ставя при этом под сомнение право ЦК КП Грузии выступать с инициативой постановки такого вопроса, то Ленин вообще этого момента не касался. В ленинской телеграмме нет ни слова, осуждающего либо ставящего под сомнение право их обращения с просьбой о пересмотре вопроса относительно Закфедерации. Не содержалось в ней и осуждения самой позиции ЦК КП Грузии. Основной акцент Лениным был сделан на недопустимость тона, в котором дана в заявлении характеристика Орджоникидзе.

Серго, которого Ленин знал и высоко ценил, выступал сторонником и наиболее ярким представителем той части партийцев,

которым, пользуясь ленинскими словами, было присуще «увлечение чисто административной стороной дела»[1]. Разногласия между Орджоникидзе и грузинским партийным и советским руководством являлись предметом специальных разговоров еще во время сентябрьских встреч Владимира Ильича с Мдивани, Окуджавой, Думбадзе, Цинцадзе и, конечно, с самим Орджоникидзе, недостатки которого Ленин знал так же хорошо, как и достоинства. Осуждая административно-командный нажим и торопливость, присущие руководителям типа Серго, Ленин позже и по другому поводу отметит, что именно против них чаще всего и выдвигались обвинения «в чрезмерной аляповатости, фельдфебельстве, недостаточно солидной научной подготовке и т. п.»[2]. Все это, как видим, почти слово в слово совпадает с тем, что содержалось в характеристике Орджоникидзе, данной членами ЦК КПГ, но отличается тональностью.

Решения пленума ЦК РКП(б) от 6 октября во многом подорвали позиции сторонников форсированного административного решения проблем национально-государственного строительства. Это отмечал в упомянутом выше письме и Мдивани. Именно на это обращал внимание в своем ответе грузинским коммунистам и Владимир Ильич: «Я был убежден, что все разногласия исчерпаны резолюциями пленума *Цека* при моем косвенном участии и при прямом участии *Мдивани*. Поэтому я решительно осуждаю брань против *Орджоникидзе* и настаиваю на передаче вашего конфликта в приличном и лояльном тоне на разрешение Секретариата ЦК РКП, которому и передано ваше сообщение по прямому проводу»[3].

Ответная телеграмма на имя В. И. Ленина от 25 октября за подписями Ф. Махарадзе, С. Кавтарадзе, К. Цинцадзе, Л. Думбадзе, П. Сабашвили, М. Окуджавы, М. Торошелидзе, Е. Эшбы и С. Тодрия гласила: «...мы выражаем искреннее сожаление за огорчение, которое причинили Вам действительно резкой по тону телеграммой о взаимоотношениях между Цека Грузии и Заккрайкомом в лице т. Орджоникидзе и заверяем Вас — к этому вызвали слишком обострившиеся отношения. Вместе с тем мы подчеркиваем, что вполне разделяем постановление пленума Цека РКП от 6 октября, о чем вынесено единогласное постановление пленума ЦК КПГ 21 октября. Мы внесли незначительную правку: просить Цека РКП о пересмотре вопроса о вхождении в Союз Республики (имеется в виду Грузия.— *А. Н.*) не через Закфедерацию, которая еще

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 345.
[2] Там же. С. 350.
[3] Там же. Т. 54. С. 300.

не имеет своего ЦИК и Совнаркома, а в отдельности. По нашему мнению, это диктуется как внутренним, так и международным положением Грузии. Заккрайком в этом нашем ходатайстве усмотрел нарушение партдисциплины и вынес порицание».

Ни в одной из последующих ленинских статей, писем, записок не содержалось оценки этого обращения как ошибочного либо нарушающего партдисциплину: ЦК КП Грузии выступал не против решения пленума, а обращался с просьбой пересмотреть один из его пунктов. Сталинская оценка была диаметрально противоположна. Он прямо подталкивал Орджоникидзе к принятию крутых мер, своими заявлениями фактически разжигая страсти. Так, 21 октября, информируя Серго о полученной из Тифлиса телеграмме, Сталин, передавая ее смысл, писал, что Орджоникидзе предъявлены обвинения в том, что он «садится на голову, подавляет» ЦК Грузии. В другой шифрограмме тех дней Сталин откровенно заметил: «Мы намерены покончить со склокой в Грузии и основательно наказать грузинский ЦК». Такое заявление можно было воспринимать лишь как руководство к действию. Тем более что это здесь же подтверждалось и прямым указанием: «По моему мнению, надо взять решительную линию. Изгнать из ЦК всякие пережитки национализма». Интересуясь, получил ли Орджоникидзе копию телеграммы Ленина членам ЦК КП Грузии, Сталин, используя в шифровке в качестве ключевого грузинское слово, дал не только свое толкование ленинскому обращению, но и определил линию Заккрайкома: «...он взбешен «акедан» (исходя из этого.— *А. Н.*), недоволен грузинскими националистами».

23 октября Орджоникидзе телеграфировал Сталину: «По-моему, их надо отставить и создать новый ЦК». 24 октября Сталин санкционировал: «Удовлетворить ходатайство нынешнего ЦК Компартии Грузии об его уходе в отставку» ввиду явного несоответствия «задачам лояльного и своевременного проведения в жизнь директив ЦК РКП» . Характерно и то, как Сталин намечает, по его собственному выражению, «комбинации», при которых отзыв в Москву вышедших в отставку членов ЦК КПГ мог бы пройти наиболее «безболезненно». Рассуждая о том, что Махарадзе «можно было провести в Президиум союзного ЦИКа, а Кавтарадзе в члены ЦИКа или кандидатом к Филиппу или что-нибудь в этом роде», Сталин возвращается к той же формулировке: «При этой комбинации отзыв Цинцадзе прошел бы для внешнего мира незаметным». Характерным для сталинского стиля было и оброненное им пожелание: «Недурно было бы, кроме того, разложить фракцию национал-коммунистов, оторвав от нее Филиппа». Обе «комбинации» удались их автору в дальнейшем.

Только в обстановке нетерпимости и взаимной грубости, помноженных на особенности национальной психологии, стали возможны и недопустимые в личных отношениях между коммунистами оскорбления и даже рукоприкладство, которое позволил себе Орджоникидзе, ударивший А. Кабахидзе, назвавшего его «сталинским ишаком».

По заявлению старого состава ЦК Компартии Грузии, Политбюро ЦК РКП(б) в конце ноября направило в Грузию специальную комиссию в составе Ф. Э. Дзержинского (председатель), Д. З. Мануильского и В. С. Мицкевича-Капсукаса. При голосовании состава комиссии В. И. Ленин воздержался, не в последнюю очередь потому, что Сталин включил Мануильского вместо Л. С. Сосновского, члена партии с 1904 года, политическая позиция которого была более независима.

Уже в ходе работы комиссии, зная о поступившем от Кабахидзе заявлении в ЦКК, Сталин успокаивал Орджоникидзе, советуя ему «еще раз проверить сообщения об агрессивных действиях грузин и дать официальную справку по этому делу за подписью всех знакомых с делом людей... И ждать распоряжений из Москвы». И здесь же подчеркивал: «Будь осторожным и не преувеличивай опасность».

Ознакомившись с обстановкой, комиссия Дзержинского в середине декабря представила в Политбюро ЦК РКП(б) доклад, в котором политическая линия Заккрайкома одобрялась полностью, позиция же ушедшего в отставку состава ЦК КП Грузии была осуждена. Обвинения против Орджоникидзе были признаны не соответствующими действительности. Вместе с тем комиссия прошла мимо заявлений об атмосфере нетерпимости и фактах нарушения этических норм, не беседовала с заявителями и даже не упоминала об этих заявлениях в своем докладе. Точно так же она оставила без внимания и инцидент с рукоприкладством, хотя он приобрел огласку и фигурировал в числе обвинений, выдвигавшихся против Орджоникидзе.

В. И. Ленин работой комиссии остался недоволен. Он подозревал определенную заданность, и справедливость его подозрений подтвердил позже в разговоре с Л. А. Фотиевой Г. Е. Зиновьев, заявивший, что заключение «комиссия имела еще до отъезда из Москвы». «Из того, что сообщил тов. Дзержинский, стоявший во главе комиссии, посланной Центральным Комитетом для «расследования» грузинского инцидента, я мог вынести только самые большие опасения»[1],— продиктует Владимир Ильич в конце де-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 356, 361.

кабря. Он считал необходимым «доследовать или расследовать вновь все материалы комиссии Дзержинского на предмет исправления той громадной массы неправильностей и пристрастных суждений, которые там несомненно имеются. Политически — ответственными за всю эту поистине великорусско-националистическую кампанию,— подчеркивал Ленин,— следует сделать, конечно, Сталина и Дзержинского».

Владимир Ильич встречался с Дзержинским 12 декабря 1922 года, в первый же день по его возвращении из Тифлиса. Позднее, в январе 1923 года, он скажет Фотиевой: «Накануне моей болезни Дзержинский говорил мне о работе комиссии и об «инциденте», и это на меня очень тяжело повлияло». 13 декабря повторились два тяжелейших приступа. Болезнь наступала. «С большим трудом,— записано в истории болезни Ленина,— удалось уговорить Владимира Ильича не выступать ни в каких заседаниях и на время совершенно отказаться от работы. Владимир Ильич в конце концов на это согласился и сказал, что сегодня же начнет ликвидировать свои дела»[1].

14 декабря Ленин предполагал продиктовать письмо по национальному вопросу — об образовании СССР, но не смог тогда осуществить свое намерение. В ночь с 15 на 16 декабря наступило резкое ухудшение состояния его здоровья. Добившись права на диктовки, 27 или 28 декабря в общем перечне тем он назовет и тему: «О национальном вопросе и об интернационализме (в связи с последним конфликтом в грузинской партии)».

30 декабря, в день образования СССР и почти час в час с открытием I Всесоюзного съезда Советов, Владимир Ильич продиктует свои заметки «К вопросу о национальностях или об «автономизации».

Какой же суровой мерой судил себя Ленин, если, отдав все силы, знания и дар убеждения созданию единого многонационального государства, он именно в день его официального рождения начал диктовку с фразы: «Я, кажется, сильно виноват перед рабочими России за то, что не вмешался достаточно энергично и достаточно резко в пресловутый вопрос об автономизации, официально называемый, кажется, вопросом о союзе советских социалистических республик».

Отмечая, что в том «болоте», в которое завела «вся эта затея» с в корне неверной и несвоевременной идеей автономизации, повинны «торопливость и администраторское увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого «социал-национа-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 476, 708.

лизма», Ленин особо подчеркнул: «Озлобление вообще играет в политике обычно самую худую роль».

Касаясь «рукоприкладства» Орджоникидзе, Владимир Ильич замечал: «...я думаю, что никакой провокацией, никаким даже оскорблением нельзя оправдать этого русского рукоприкладства... Орджоникидзе был властью по отношению ко всем остальным гражданам на Кавказе. Орджоникидзе не имел права на ту раздражаемость, на которую он и Дзержинский ссылались. Орджоникидзе, напротив, обязан был вести себя с той выдержкой, с какой не обязан вести себя ни один обыкновенный гражданин, а тем более обвиняемый в «политическом» преступлении. А ведь в сущности говоря, социал-националы это были граждане, обвиняемые в политическом преступлении, и вся обстановка этого обвинения только так и могла его квалифицировать»[1].

Предполагая отрицательное отношение Ленина к итогам работы комиссии Дзержинского, Сталин форсировал утверждение ее доклада и предложений на Политбюро. 25 января 1923 года при большинстве воздержавшихся было принято решение разослать специальное письмо губкомам и обкомам по данному вопросу. Естественно, в нем нашли отражение сталинские оценки и его понимание сути дела.

Накануне Владимир Ильич вызвал Фотиеву и поручил ей «запросить у Дзержинского или Сталина материалы по грузинскому вопросу». Ей, Н. П. Горбунову и М. И. Гляссер поручалось детально изучить все документы. Цель — доклад Ленину, которому, как записала Фотиева, «требуется это для партийного съезда». Здесь же, в Дневнике дежурных секретарей, она отметила: «О том, что вопрос стоит в Политбюро, он, по-видимому, не знал».

Вплоть до начала февраля Владимир Ильич регулярно интересовался, получены ли необходимые ему материалы, и каждый раз получал отрицательный ответ. Сталин не выдавал их, ссылаясь на необходимость решения Политбюро по этому поводу. Наконец 1 февраля разрешение получить материалы последовало.

Почти одновременно, 6 февраля, Сталин через своего помощника Назаретяна отдал распоряжение М. И. Гляссер: немедленно ознакомить Ленина с письмом ЦК в губкомы и обкомы в связи с принятым 25 января решением Политбюро по грузинскому делу, а также с письмом о Конституции СССР. Когда Гляссер напомнила, что врачи не разрешают знакомить Ленина с текущими делами, а общий доклад для Владимира Ильича по материалам комиссии Дзержинского будет готов лишь через три недели, Ста-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 358.

лин передал, что можно и повременить, но информировать Ленина о грузинском деле нужно непременно лишь в комплексе с указанными документами.

Конечно, Владимир Ильич понимал, что и его, и тех, кому он поручил готовить ему доклад, будут стремиться подвести к признанию верности уже сделанных выводов и принятых решений. Вот почему он определил вопросы, которые его интересовали:

«1. За что старый ЦК КП Грузии обвинили в уклонизме.

2. Что им вменялось в вину, как нарушение партийной дисциплины.

3. За что обвиняют Заккрайком в подавлении ЦК КП Грузии.

4. Физические способы подавления («биомеханика»).

5. Линия ЦК (РКП(б).— *А. Н.*) в отсутствие Владимира Ильича и при Владимире Ильиче.

6. Отношение комиссии. Рассматривала ли она только обвинения против ЦК КП Грузии или также и против Заккрайкома? Рассматривала ли она случай биомеханики?

7. Настоящее положение (выборная кампания, меньшевики, подавление, национальная рознь)»[1].

Задания свидетельствовали о том, что Ленин знает предмет и акцентирует внимание на тех узловых проблемах, которые необходимы для составления собственного суждения. Характер и направленность вопросов предполагали развитие и дополнение и уже сделанных ранее Владимиром Ильичем наблюдений и оценок, содержавшихся в декабрьской диктовке «К вопросу о национальностях или об «автономизации».

14 февраля Фотиева записала: «Указания Владимира Ильича: намекнуть Сольцу (в то время члену Президиума ЦКК РКП(б) — *А. Н.*), что он на стороне обиженного (речь идет о подавшем заявление в ЦКК на Орджоникидзе Акакии Кабахидзе.— *А. Н.*). Дать понять кому-либо из обиженных (здесь — о членах старого ЦК КП Грузии.— *А. Н.*), что он на их стороне.

3 момента: 1. Нельзя драться. 2. Нужны уступки. 3. Нельзя сравнивать большое государство с маленьким.

Знал ли Сталин? Почему не реагировал?

Название «уклонисты» за уклон к шовинизму и меньшевизму доказывает этот самый уклон у великодержавников»[2].

3 марта Владимир Ильич получил докладную записку и заключение Н. П. Горбунова, Л. А. Фотиевой и М. И. Гляссер о материалах комиссии по грузинскому конфликту.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 606—607.
[2] Там же. С. 607.

Ознакомившись с материалами и понимая, что участие в работе намеченного на конец марта пленума ЦК для него проблематично, В. И. Ленин 5 марта диктует письмо Л. Д. Троцкому: «Уважаемый тов. Троцкий! Я просил бы Вас очень взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии. Дело это сейчас находится под «преследованием» Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив. Если бы Вы согласились взять на себя его защиту, то я мог бы быть спокойным. Если Вы почему-нибудь не согласитесь, то верните мне все дело. Я буду считать это признаком Вашего несогласия.

С наилучшим товарищеским приветом

Ленин»[1].

Получив эту записку и копию ленинской диктовки «К вопросу о национальностях или об «автономизации», Троцкий положил ленинские идеи в основу своих поправок к тезисам Сталина «О национальных моментах в партийном и государственном строительстве», которые должны были обсуждаться на предстоящем XII съезде. Им были опубликованы большие и важные статьи в «Правде»: 20 марта 1923 года — «Национальный вопрос и воспитание партийной молодежи» и 1 мая — «Еще раз — воспитание молодежи и национальный вопрос». В них он развивал и отстаивал ленинские подходы к решению национального вопроса. С этих же позиций он выступал и на национальной секции XII съезда и на созванном вскоре после него четвертом совещании ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей. Однако Троцкий, не желая поднимать борьбу за организационные перестройки, фактически уклонился от открытого осуждения Сталина, высказался отрицательно против ленинских предложений наказать Орджоникидзе и Дзержинского. Это обернулось предательством воли Ленина и во многом определило не только работу XII съезда, но и исход развернувшейся вскоре внутрипартийной борьбы, ускорило утверждение командно-бюрократической системы.

XII съезд РКП(б) наметил в общих чертах программу государственного устройства СССР, основанную на равенстве прав и обязанностей союзных республик как во взаимоотношениях между собой, так и в отношении к центральной власти Союза. II Всесоюзный съезд Советов в январе 1924 года утвердил первую Конституцию СССР, оформив создание союзного государства, в ко-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 329.

тором под видом федерации советских республик на деле был воплощен сталинский план «социалистического унитаризма».

Принятием первой Конституции СССР завершился начальный этап проводимой под руководством партии большой и сложной работы по созданию и укреплению Союза ССР в интересах всех наций и народностей страны. В 1923 году Наркомнац прекратил свое существование.

В последующие годы Союз Советских Социалистических Республик рос и укреплялся. Образовывались новые союзные и автономные республики и области, национальные округа. Шли процессы их политического, экономического и культурного развития. Но все они, как и позитивная динамика общественного прогресса в целом, были под влиянием растущей власти Сталина во многом искажены и заторможены.

Отступление от ленинских программных положений по национальному вопросу, неверные акценты в определении классовых подходов его решения, преувеличение роли союзной и форм национальной государственности при отсутствии реальной самостоятельности республик, торжество имперских амбиций — свидетельство тому, что в историческом плане отход от ленинизма начался именно со срывов в национальной политике. Сегодняшние проблемы в отношениях между центром и республиками, недостатки в экономическом, национальном и культурном развитии в отдельных регионах, в языковой политике, идеологической сфере, в подстегивании национальных чувств до националистических форм — лишь следствие этого.

Ненароков А. П.—
доктор исторических наук

Народный комиссар путей сообщения М. Т. ЕЛИЗАРОВ

Марк Тимофеевич Елизаров родился 22 марта 1863 года в семье крестьянина села Бестужевка Самарской губернии. Проявив недюжинные способности, он сумел окончить гимназию и поступить на физико-математический факультет Петербургского университета. В его стенах зародилась и окрепла его дружба с Александром Ульяновым и его сестрой Анной. Вместе они входили в Поволжское студенческое землячество. Тяжело пережил Марк Елизаров казнь Александра, своего друга и единомышленника.

Летом 1889 года Марк Тимофеевич породнился с Ульяновыми, женившись на Анне Ильиничне. Поручителем на их бракосочетании был девятнадцатилетний Владимир Ульянов. С этого же времени между ними завязывается прочная дружба.

В связи с тем что Елизаров «вращался» среди поднадзорных

полиции лиц, ему нелегко было найти работу даже с его университетским образованием. После долгих мытарств он поступил на должность помощника делопроизводителя управления государственных имуществ в Самаре, а после переезда семьи в Москву в 1893 году получил место счетовода в управлении Московско-Курской железной дороги.

Еще в Самаре Елизаров принял участие в работах одного из марксистских кружков. В Москве же он, Анна Ильинична, а также Мария Ильинична и Дмитрий Ильич Ульяновы активно работали в «Московском рабочем союзе». С этого времени возникают и укрепляются его связи с железнодорожниками, среди которых он вел революционную пропаганду. Рамки общественно-политической деятельности Елизарова постепенно расширялись. Под видом занятий по бухгалтерии он начал преподавать политическую экономию в Сокольничьих вечерне-воскресных классах.

Весной 1899 года Марк Тимофеевич поступил в Московское инженерное училище министерства путей сообщения. Хотя учиться он начал серьезно, у полиции все же были основания продолжать сомневаться в его «благонадежности».

«Спасибо» полицейским архивам! Благодаря перлюстрации, снятым копиям писем и материалам наблюдений многое дошло до нас из жизни революционеров.

Так, в июле 1896 года Елизаров эзоповским языком информировал Дмитрия Ильича Ульянова о подпольных собраниях: «Теперь у нас в Москве преинтересные подобные гастроли. Сначала выступил солист на Московско-Курской ж. д. (Видимо, не без помощи автора письма.— *Н. Т.*) Концерт вышел замечательный»[1]. Полиция фиксирует эту сторону занятий тридцатитрехлетнего студента инженерного училища: «М. Т. Елизаров занимается нелегальной деятельностью, участвует в кружковых революционных собраниях...»[2] В ночь на 1 марта 1901 года московская охранка произвела массовые обыски и аресты. Среди арестованных был и Елизаров. Свыше семи месяцев он находился в тюрьме. В октябре 1901 года по обвинению в принадлежности к московской группе социал-демократической рабочей партии его выслали в Сызрань под особый надзор полиции.

Елизаров не хотел терять связей с транспортом, которому уже были отданы годы жизни. С лета 1902 года он на железнодорожном строительстве в Ачинске, Томске. Вскоре сюда же приехала и Анна Ильинична. И вновь данные полицейского надзора: с 10

---

[1] *Елизаров П. П.* Марк Елизаров и семья Ульяновых. М., 1967. С. 35.
[2] Там же. С. 52.

июня по 23 декабря 1902 года Елизаров «вращался исключительно среди неблагонадежных»[1].

В конце декабря 1902 года Марк Тимофеевич стал работать в управлении Восточно-Китайской железной дороги в Даляне (Дальнем) и Порт-Артуре. В сентябре 1903 года истек двухлетний срок полицейского надзора, и Елизаров смог выехать за границу. Его «кругосветка» проходила через Японию, вокруг Азии и Индии, через Европу. В Париже Марк Тимофеевич встретился с Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной.

Возвратившись в Петербург в конце декабря 1903 года, Елизаров узнал о новой беде, обрушившейся на семью Ульяновых. В Киеве в ночь с 1 на 2 января 1904 года в ходе ликвидации Киевского комитета РСДРП были арестованы Анна Ильинична Елизарова, Мария Ильинична Ульянова, Дмитрий Ильич Ульянов и его жена. Он поддерживает Марию Александровну, хлопочет за арестованных, выполняет поручения В. И. Ленина.

Поселившись в Саблино, близ Петербурга, М. Т. Елизаров поступил бухгалтером службы пути на Николаевскую железную дорогу. Он постепенно расширял знакомство с революционно настроенными железнодорожниками. Высокообразованный, радикально настроенный и при этом отзывчивый и добрый, всегда готовый прийти на помощь наиболее нуждающимся, Марк Тимофеевич снискал среди коллег большое уважение. Он был одним из инициаторов и авторов нового пенсионного устава для железнодорожников.

После кровавых январских событий 1905 года, явившихся началом первой российской революции, М. Т. Елизаров принимал активное участие в революционном движении железнодорожников Петербургского узла. На I съезде железнодорожных служащих и рабочих в Москве в апреле 1905 года делегата от Николаевской дороги М. Т. Елизарова избирают в постоянное организационное бюро.

20 сентября 1905 года на Всероссийском делегатском съезде железнодорожных служащих председателем был избран делегат от Рязано-Уральской дороги М. Орехов, а одним из его товарищей — М. Елизаров. Он вошел также в число руководителей всеобщей октябрьской забастовки железнодорожников. Когда в начале декабря 1905 года были арестованы все члены комитета железнодорожников Петербургского узла, в их числе был и М. Т. Елизаров.

В конце февраля 1906 года его выслали в Сызрань под гласный

---

[1] *Елизаров П. П.* Марк Елизаров и семья Ульяновых. С. 70—72.

надзор полиции с запрещением работать на железных дорогах. В 1906—1908 годах Марк Тимофеевич сотрудничал в газете (был ее фактическим редактором), выходившей под названием «Сызрань», «Сызранское утро», в Самаре — в газете «Самарская лука», имевших социал-демократическое направление. В 1908—1913 годах Марк Тимофеевич работает инспектором в страховом обществе «Саламандра» — вначале в Сибири, а затем в Поволжье, в Саратове.

В начале 1913 года Елизаров получил приглашение на службу в Российское транспортное и страховое общество. Он с удовольствием взялся за дело. В одном из писем М. И. Ульяновой сообщал: «...какой простор (теперь) у меня! Ведь мне надо организовать (оказалось, я по призванию организатор...) Иртыш, Обь, Енисей, Лену, Амур!! Все это впереди». Продолжалась жизнь на колесах. Такой же она оставалась и после перехода Елизарова в страховое общество «Волга». Правда, здесь в его инспекторский район входили южные губернии. И только с весны 1916 года, когда М. Т. Елизаров стал директором-распорядителем пароходного общества «По Волге», он смог постоянно жить в Петрограде.

Февральская революция освободила Анну Ильиничну, заключенную в очередной раз в тюрьму, породила надежды. В Петрограде, на Широкой, 48/9, кв. 24, дождались возвращения Ильичей. По этому адресу В. И. Ленин прожил три месяца — с 3 апреля до 5 июля, когда вынужден был перейти на нелегальное положение...

Сразу же после победы вооруженного восстания в Петрограде В. И. Ленин наметил состав первого Советского правительства и представил его на утверждение II Всероссийского съезда Советов. В принятом постановлении указывалось, что пост народного комиссара путей сообщения временно остается незанятым. Предполагалось, что съезд железнодорожников выдвинет из своей среды подходящую кандидатуру. В ряде центральных ведомств, в том числе и в бывшем министерстве путей сообщения, имели место выступления их служащих, которые, не желая работать под руководством Совета Народных Комиссаров, пытались подчинить эти правительственные учреждения центральным органам своих профессиональных организаций. Антисоветскую кампанию возглавил Всероссийский исполнительный комитет союза железнодорожников (Викжель), который провозгласил себя руководителем ведомства путей сообщения. Он же организовал 29 октября, в момент выступления контрреволюционных сил под Петроградом и в Москве, заседание, на котором было предложено создать ко-

миссию по выработке соглашения между партиями и организациями.

Вырвать руководство железными дорогами из рук Викжеля, пресечь его попытки навязать свою волю молодому пролетарскому государству, стало одной из важных задач Советской власти. Возглавить эту работу должно было правительство, и прежде всего наркомат, ведающий наведением порядка на железных дорогах. В ноябре 1917 года пост народного комиссара по делам железнодорожным был предложен М. Т. Елизарову.

Марк Тимофеевич не сразу решился принять на себя огромную ответственность за руководство сложным, пришедшим в полное расстройство транспортным механизмом страны. К тому же он страдал болезнью сердца, и врачи не советовали ему браться за столь трудное дело, требовавшее огромного напряжения, полной отдачи физических и душевных сил. Об одном из эпизодов назначения Елизарова первым наркомом путей сообщения рассказал старый большевик Н. М. Анцелович в своих воспоминаниях о встречах с Лениным. «Как вы думаете,— спросил Владимир Ильич,— справится ли Елизаров с обязанностями народного комиссара путей сообщения?

Я сказал, что, по-моему, справится. Елизаров — хороший большевик и с транспортом знаком.

— Я тоже думаю, что справится,— продолжал Владимир Ильич.— Да вот он сам не хочет быть наркомом, и мне, понимаете, неудобно его уговаривать. Он муж моей сестры Анны Ильиничны, близкий мне человек. Прошу вас убедить его.

Я взялся выполнить это «дипломатическое» поручение. Поехал к Елизарову не один, а с группой железнодорожных рабочих, и мы убедили его согласиться пойти работать на транспорт»[1].

Сам М. Т. Елизаров чуть позже таким образом объяснял мотивы вступления на пост наркомпути. «Когда факт перехода власти к Советам совершился, когда нужно было взяться за творческую работу, вся буржуазия, как крупная, так и мелкая, забастовала. Все бессознательное чиновничество, запуганное от пеленок, было увлечено сознательными слугами буржуазии на путь саботажа.

Все начали говорить, что они не могут *нарушить присяги,* хотя спокойно нарушили ее восемь месяцев тому назад. Все это создало для Советов адски трудные условия работы. Саботаж не прекратился и тогда, когда к Центр. Исп. Комитету Совета Раб. и Солд. Депутатов присоединился и Крестьянский Съезд и когда уже

[1] Воспоминания о Ленине. М., 1957. С. 104.

всем стало ясно, что власть действительно в руках представителей большинства населения.

В это-то ужасное время мне и было предложено занять, хотя временно, пост Народного Комиссара Путей Сообщения.

Положение было таково: железные дороги — эта одна из самых сложных отраслей государственного хозяйства — пришли в полное расстройство. В 1905 году я в качестве железнодорожного работника наглядно убедился, что значат железные дороги, какую роль они могут сыграть в борьбе с контрреволюцией, и теперь я понимал, что если такой аппарат, как жел. дор., попадут в руки врагов народа, то дело спасения Родины погублено. Я знал, что *Викжель ведет двойную политику,* что он вертит и нашим, и вашим, и я согласился взять этот пост только временно, до тех пор, когда будет выдвинут более подходящий кандидат на него съездом железнодорожников. Все мои заботы были направлены на то, чтобы не допустить дороги до полного разрушения, чтобы заставить их работать наивозможно лучше, чтобы разгрузить узлы, чтобы улучшить дело подвоза продовольствия»[1].

В конце ноября вопрос с саботажем в бывшем Министерстве путей сообщения стоял очень остро. В это же время Викжель настаивал на передаче в его ведение железных дорог и на сформирование для управления МПС коллегии из представителей Викжеля и Управления внутренних водных путей и шоссейных дорог (Виквод). В связи с этим М. Т. Елизаров с помощью Совнаркома и лично В. И. Ленина предпринимает ряд шагов.

Вместе с В. И. Лениным 22 ноября он подписывает постановление СНК об увольнении начальника Управления по эксплуатации железных дорог П. Д. Кондаурова за отказ «принять участие в обсуждении срочных вопросов по урегулированию железнодорожного движения», а 25 ноября — приказ по министерству путей сообщения об увольнении директора канцелярии П. И. Корженевского.

Тогда же (22 ноября) М. Т. Елизаров дважды встречался с Лениным, обсуждал притязания Викжеля. Второй раз он пришел к Председателю СНК с делегатом ВРК Курской железной дороги П. П. Яковлевым, который проинформировал В. И. Ленина об отрицательном отношении железнодорожников Курской дороги к соглашению с Викжелем.

В начале декабря после увольнения за саботаж ряда ответственных чиновников отряд революционных войск во главе с

---

[1] Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 14 декабря.

комиссарами из «путейской коллегии» М. Т. Елизаровым и В. И. Невским занял бывшее министерство путей сообщения. Служащим было объявлено, что с 8 декабря в помещение будут допускаться только давшие подписку о подчинении всем распоряжениям народного комиссара.

Для создания аппарата управления новой рабоче-крестьянской власти большевистская партия и ее Центральный Комитет направляли свои лучшие силы — организаторов, теоретиков, пропагандистов. М. Т. Елизаров, предельно скромно оценивая собственную роль в партии, дал яркую характеристику ленинской когорте партийцев: «До сих пор я не был партийным борцом-большевиком, *но я всегда был среди них,* и мои симпатии, мое сочувствие, но и политические взгляды были в унисон с ними уже десятки лет. Я давно уже знаю многих среди этих славных идейных борцов за лучшее будущее, за счастье для всего народа и знаю, что эти борцы действительно люди идеи, преданные своему долгу до мозга костей, а не люди красивого слова»[1].

Преодоление чиновничьего саботажа и организация аппарата наркомата вряд ли оказались бы возможными без активного участия лучших представителей трудящихся, направленных по указанию ЦК РСДРП(б) и парторганизаций обеих столиц городскими и районными Советами, профсоюзами, фабзавкомами, Красной гвардией в распоряжение народных комиссаров.

С помощью рабочих и рядовых служащих Петроградского и Московского железнодорожных узлов, комиссаров, членов исполнительных комитетов и представителей рабочих и служащих различных железных дорог, а немного позднее и делегатов Чрезвычайного Всероссийского железнодорожного съезда создавался аппарат Народного комиссариата путей сообщения.

Из утвержденной 12 декабря В. И. Лениным, представленной в Совнарком ведомости на уплату жалованья служащим Комиссариата путей сообщения за ноябрь и декабрь 1917 года хорошо видно, как малочислен был этот аппарат в первое время. Помимо членов возглавлявшейся М. Т. Елизаровым коллегии (В. И. Невский, А. П. Шеломович, А. С. Бубнов, И. И. Неймант) в ведомости значились лишь секретарь ведомства путей сообщения В. Г. Дроздов, комиссар особых поручений С. С. Верещагин, комиссары Управления водных и шоссейных дорог А. В. Галкин, В. М. Зайцев, М. С. Малевич, секретарь экономического отдела управления Журнасеков, два счетовода, один конторщик, один сторож, четыре машиниста, а также комиссары Балтийского (Его-

---

[1] Известия ЦИК... 1917. 14 декабря.

ров, Виноградов), Царскосельского (Гаврилов, Пурин, Абрамов), Варшавского (Беляков, Бондарев, Клепецкий, Лепарк) и Николаевского (Лебит, Капильцев, Стуков) вокзалов Петрограда.

В формировании нового состава работников НКПС и налаживании его деятельности большую роль сыграли рабочие — члены партийной ячейки РСДРП(б) Главных мастерских Северо-Западной железной дороги во главе с секретарем железнодорожного райкома и членом ПК РСДРП(б) И. М. Москвиным и старыми большевиками П. Ананичевым и И. И. Неймантом, а также группа беспартийных рабочих-печатников из обслуживавшей бывшее министерство типографии. Именно они с частью низших служащих явились главной опорой образовавшегося в декабре 1917 года в комиссариате, возглавляемом М. Т. Елизаровым, небольшого коллектива сотрудников-большевиков и поддерживавших их сотрудников.

В ряде бывших министерств из числа тех сотрудников, которые выступили в поддержку Советской власти, были созданы инициативные группы, принявшие активное участие в налаживании аппарата наркоматов. Руководящий комитет служащих был создан и в бывшем министерстве путей сообщения.

«Вспоминая теперь работу Марка Тимофеевича,— писал В. И. Невский,— приходится признать, что, пожалуй, никто, кроме него, в эти бурные месяцы октября, ноября и декабря 1917 года и не справился бы с той стихией, которая бушевала на железных дорогах... Нужно было огромное знание дела, огромная выдержка и большие связи в железнодорожном мире, чтобы собрать хотя бы небольшие командные силы. Это сделал Марк Тимофеевич»[1].

Высшие органы государственного управления и лично В. И. Ленин уделяли большое внимание положению на железных дорогах. 2 декабря 1917 года, председательствуя на заседании СНК, Ленин дополняет повестку дня пунктами: «15) Железнодорожники... 18) Викжель». 11 декабря он вновь ставит на повестку дня СНК: «12. О тарифах железнодорожников (Свердлов)», и Совнарком обсуждает вопрос о тарифах железнодорожникам, установленных декретом ВЦИК от 2 (15) декабря 1917 года. 12 декабря Ленин подписал утвержденные СНК 11 декабря «Декрет о нормах оплаты труда железнодорожников, категориях служащих и о 8-часовом рабочем дне во всех отраслях железнодорожного труда» и постановление о выдаче аванса железнодорожникам в размере ставок, установленных этим декретом.

---

[1] *Елизаров П. П.* Марк Елизаров и семья Ульяновых. С. 122.

Декрету придавалось столь большое значение, что его подписали: Председатель ВЦИК Свердлов, Председатель Совнаркома Ленин, народный комиссар путей сообщения Елизаров, народный комиссар труда Шляпников, народный комиссар финансов Менжинский.

В декабре 1917 года состоялся Чрезвычайный Всероссийский съезд железнодорожных рабочих и мастеровых, работа которого проходила в основном под влиянием тех революционных сил на транспорте, которые организовали и сплотили вокруг себя Елизаров и другие большевики, пришедшие в Наркомпуть. Советская власть боролась за влияние в среде железнодорожников, шла по пути улучшения их материального положения, быта. М. Т. Елизаров, выступая 13 декабря на съезде, подчеркнул, что вопрос «о прибавках железнодорожникам решен в положительном смысле, но проведению его в жизнь воспрепятствовал саботаж чиновников. Совет Народных Комиссаров, принимая во внимание тяжелое положение железнодорожников, решил выдавать авансы, причем низшим категориям служащих больше, чем высшим»[1].

В тот же день Совнарком принял решение об ассигновании Наркомпути 18 600 рублей для выплаты жалованья работникам наркомата, а также 30 тысяч рублей на суточные делегатам Чрезвычайного Всероссийского съезда железнодорожных рабочих и мастеровых.

14 декабря за подписью М. Т. Елизарова в печати появился также «Приказ по Ведомству Народного Комиссариата Путей Сообщения», направленный на организацию и совершенствование медицинского обслуживания на всех казенных и частных железных дорогах.

В конце декабря 1917 — начале января 1918 года Марк Тимофеевич совершил длительную поездку по железным дорогам страны, во время которой стремился выяснить способы восстановления нормальной деятельности железнодорожного транспорта. По воспоминаниям одного из сопровождавших Елизарова, только путь от Сызрани до Петрограда продолжался «около трех или четырех дней». М. Т. Елизаров задерживался на узловых станциях для проведения бесед-совещаний, служебных и партийных встреч.

На транспорте продолжалась не только борьба с разрухой, продолжалась и политическая борьба. Викжель созвал II Чрезвычайный железнодорожный съезд, открывшийся 19 декабря

---

[1] См.: Известия ЦИК... 1917. 14 декабря. С. 4.

1917 года. Для того чтобы вырвать руководство из рук соглашателей и фактических противников Советской власти, Чрезвычайный Всероссийский съезд железнодорожных рабочих и мастеровых избрал и направил 78 делегатов на общежелезнодорожный съезд. 4 января 1918 года на съезде железнодорожников произошел раскол по основному вопросу — о признании Советской власти. Один из участников вспоминал: «Левый сектор съезда во главе с большевиками с пением революционных песен в знак протеста оставил зал заседаний и затем объявил себя Чрезвычайным Всероссийским железнодорожным съездом»[1]. В этот же день М. Т. Елизаров выступил на заседании Совнаркома с заявлением об антисоветской политике и действиях Викжеля.

После раскола на железнодорожном съезде левое крыло его фактически переняло власть у руководства Викжеля, представленного верхушкой служащих, и стало решать важнейшие вопросы транспорта по-новому. «Мы создали комиссии,— писал участник событий,— которые разработали положение об управлении железными дорогами, о народной железнодорожной милиции, о национализации частных железных дорог... Впервые почувствовав себя хозяевами железных дорог, мы вносили предложения по налаживанию их работы»[2].

Широко утвердившееся в нашей литературе представление о причинах ухода М. Т. Елизарова с поста наркома путей сообщения традиционно сосредоточивалось только на одной из них — обострение сердечной болезни. Однако существовала и другая причина, о которой, как правило, умалчивали. Дело в том, что на заседании Чрезвычайного Всероссийского железнодорожного съезда (левое крыло) 6 января 1918 года были оглашены две телеграммы Елизарова, вызвавшие «большое недовольство», «раздражение и недоумение» среди железнодорожников. Первая телеграмма касалась оплаты труда железнодорожников, вторая — ограничения прав железнодорожных комитетов в отношении самостоятельного увольнения представителей железнодорожной администрации [3].

Возможно, направляя эти телеграммы, М. Т. Елизаров считал, что предлагаемые им меры вполне обоснованы нехваткой средств, заботой об их экономии, о поддержке квалифицированных управленческих кадров. Однако, выступая на фракционном совещании большевиков, он признал, что телеграммы эти были разосланы

---

[1] Встречи с Лениным: Воспоминания железнодорожников. М., 1962. С. 61.
[2] Там же.
[3] См.: Известия ЦИК... 1918. 12 января. С. 5.

второпях, без обсуждения их с представительными органами железнодорожников и вне всякой связи с Советом Народных Комиссаров.

Роль третейского судьи в этой конфликтной ситуации взял на себя Совнарком. В. И. Ленин 7 января 1918 года принял делегированных к нему представителей железнодорожного съезда, подтвердил, что СНК стоит всецело на стороне трудящихся-железнодорожников и отменит телеграмму Елизарова № 18 от 2 (15) января 1918 года о нормах оплаты труда. Он также обещал собрать представителей железнодорожного съезда для совместного с Елизаровым благоприятного разрешения конфликта.

М. Т. Елизаров был очень огорчен, что его деятельность как народного комиссара путей сообщения в той или иной степени вошла в конфликт с массами железнодорожников. 7 января 1918 года он подал в отставку.

Вечером того же дня Совнарком рассмотрел заявление М. Т. Елизарова. Было принято решение отменить прежнее распоряжение, о чем сам Елизаров уведомил все железные дороги новой телеграммой, а также «Постановление о принятии к сведению и исполнению заявления М. Т. Елизарова о сложении им с себя полномочий и обязанностей народного комиссара путей сообщения».

Видимо, надо подчеркнуть, что это решение и Совнаркома, и самого Елизарова отнюдь не означало «списания в резерв» последнего. Опыт и знания большевика Елизарова были нужны и партии, и Советскому государству. При активном участии М. Т. Елизарова была разработана схема управления советским водным транспортом. Как представитель Совнаркома М. Т. Елизаров в феврале 1918 года участвовал в работе Всероссийского объединенного съезда рабочих водного транспорта.

23 марта 1918 года Совнарком принял решение назначить М. Т. Елизарова Главным Комиссаром по делам страхования. Таким образом, и этот опыт Елизарова пригодился Советскому государству.

С января 1919 года Марк Тимофеевич — член коллегии Наркомата торговли и промышленности. Умер М. Т. Елизаров от тифа 10 марта в Петрограде.

Таранев Н. М.

Народный комиссар земледелия А. Л. КОЛЕГАЕВ

Итак, левые эсеры согласились возглавить Наркомзем. Проходивший в то время Чрезвычайный Всероссийский съезд крестьянских депутатов 19 ноября утвердил на этот пост А. Л. Колегаева.

Андрей Лукич Колегаев родился в Сургуте Тюменской губернии 22 марта 1887 года. Землемер по образованию, он рано приобщился к другого рода деятельности — революционной. Девятнадцатилетним юношей в 1906 году он вступил в партию социалистов-революционеров.

Смелый и дерзкий революционер, он, однако, всю свою энергию расходовал на участие в террористических актах и экспроприациях. За этой категорией политических преступников полиция следила особенно тщательно. Четыре раза Колегаев привлекался к

ответственности по политическим делам, год провел в тюрьме и семь лет в эмиграции. Он пробовал пополнить свое образование в европейских университетах, но довести намеченное до конца ему не удалось.

После Февральской революции он служит в Казани поверенным общества Московско-Казанской железной дороги. Он, несомненно, пользуется авторитетом, и его избирают членом губернской земской управы. Колегаев занимал весьма радикальные позиции. Так, будучи председателем Казанского губернского съезда крестьянских депутатов (май 1917 года), он призывал крестьянство к борьбе за немедленную передачу земли крестьянским комитетам. Приехав в июле 1917 года в Петроград на совещание представителей губернских Советов крестьянских депутатов, на котором представители губерний подвергли резкой критике Главный земельный комитет и Временное правительство за медлительность в выработке временных аграрных законов, Колегаев в отличие от других ораторов, ограничивавшихся только просьбами или требованиями, заявил, что в промедлении виновато не только Временное правительство, но и крестьянство, которое не проявило достаточной активности.

Вернувшись в Казань, он опубликовал в местной газете статью «Захват», оправдывающую организованный переход помещичьих земель в ведение земельных комитетов. «Мы должны мешать всем самочинным захватам земель в собственность отдельных лиц, отдельных обществ... Другое дело, когда земля не захватывается самочинно, а берется для хозяйственного использования, для того, чтобы облегчить крестьянскую нужду до Учредительного собрания. И берется не без толку, не самовольно, а через земельные комитеты, организованно и справедливо»[1].

Поволжские левые эсеры имели положительный опыт работы с большевиками как в низовых Советах, так и на областных конференциях, в региональных объединениях. Во второй половине 1917 года большевики Казани сумели наладить плодотворные контакты с левым течением в городской эсеровской организации. Возглавлял его председатель Казанского губернского Совета крестьянских депутатов Колегаев. Группа левых эсеров издавала свою особую от правых газету «Социалист-революционер», на страницах которой пропагандировались взгляды, зачастую близкие большевикам. Группа пользовалась значительным авторитетом в поволжских деревнях, и сближение с ней усиливало влияние партии рабочего класса на крестьянство.

[1] Известия Казанского губернского Совета крестьянских депутатов. 1917. 28 июля.

Как известно, большинство левых эсеров накануне вооруженного восстания все же проявило колебания. И лишь немногие из них высказывались за необходимость совместной с большевиками работы в ВРК. Среди них был и Колегаев.

Существует устойчивое мнение, будто левые эсеры начали работу вяло, нерешительно, с излишним почтением к чинам министерства. Однако факты свидетельствуют о другом.

Еще до своего официального утверждения Совнаркомом и ВЦИК Колегаев вместе с избранной на Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов коллегией наркомата явился в бывшее министерство земледелия, и в час дня состоялось ее первое заседание.

Коллегия состояла исключительно из левых эсеров. В ее состав вошли: Н. Н. Алексеев, С. Ф. Рыбин, Л. Л. Костин, Г. И. Сухарьков, М. С. Животовский, Г. М. Иващенко, Н. С. Арефьев, И. Ф. Балыков, В. М. Качинский, П. И. Мелков, Н. Д. Пряжников, М. М. Аношин, Д. Г. Рыкин, А. Е. Феофилактов, П. М. Яценко.

Коллегия образовала две комиссии: по выработке положения о земельных комитетах и по выработке инструкций земельным комитетам. 21 и 22 ноября комиссии работали над этими документами.

23 ноября, опять же еще до своего официального утверждения, Колегаев издает приказ по Наркомзему, в котором объявляет о вступлении в должность.

24 ноября 1917 года ВЦИК утвердил А. Л. Колегаева народным комиссаром земледелия, а 25 ноября появилось постановление Совнаркома о назначении Колегаева народным комиссаром земледелия. В тот же день за подписью Колегаева рассылается всем губернским и уездным земельным комитетам телеграмма, в которой подтверждаются главные положения декрета «О земле»: «все земли с живым и мертвым инвентарем, служебными, жилыми постройками, продуктами объявлены народным достоянием» и поступают в ведение земельных комитетов; «частная собственность на землю отменена». Колегаев предупреждал, что «уничтожение, разгромы, поджоги и расхищение имений, инвентаря, построек, продуктов приносят огромный вред и убыток самому трудовому крестьянству». Комиссар требовал принять «все меры к охране в целости имущества в интересах трудового народа»[1].

Хотя этот документ и не вносил ничего нового по сравнению с декретом «О земле», он был чрезвычайно важен. Он означал,

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, д. 30, л. 29.

что с приходом в правительство левых эсеров линия II съезда Советов в аграрной политике не менялась.

Необычайно трудно было начать работу министерства земледелия. Чиновники спрятали всю необходимую документацию и покинули занимаемые министерством дома на Литейном и Морской. Лишь небольшая группа служащих не поддержала саботаж. Тогда Андрей Лукич предпринял весьма решительные шаги, невзирая на авторитеты. 29 ноября он издал приказ об увольнении товарища министра земледелия Н. И. Ракитникова «вследствие отказа его работать вместе с Советом Народных Комиссаров по проведению в жизнь постановления о передаче земель в ведение земельных комитетов»[1]. В тот же день был уволен и другой товарищ министра — А. В. Чаянов (без формулировки причин).

Тем временем спешно разрабатываются «Положение о земельных комитетах» и «Инструкция об урегулировании земельными комитетами земельных и сельскохозяйственных отношений». 13 декабря 1917 года «Положение» за подписью В. И. Ленина и А. Л. Колегаева было обнародовано.

Согласно ему, сохранялась старая структура земельных комитетов, в том числе предусматривался и Главный земельный комитет. Однако его прежний состав резко отрицательно относился к декрету «О земле» и призывал местные земельные органы не проводить его в жизнь.

19 декабря 1917 года Совнарком объявил распущенным Главный земельный комитет — орган, созданный при министерстве Временным правительством для подготовки земельной реформы.

Колегаев впоследствии писал: «С особым, явно им не заслуженным почтением остановились было мы перед Главным земельным комитетом. Как же: полгода люди работали по подготовке социализации земли! Потом, в январе, земельная волна прокатилась через этот комитет, через его изыскания «норм землепользования», с точным расчетом, где и сколько надо дать земли на рот — на пару рук, но без воли взять саму землю, чтобы эти нормы потом ввести в жизнь. И комитет незаметно умер. Конечно, была декларация о насилии, но спокойно, безвольно разошлись»[2].

Помимо подготовки аграрного законодательства, овладения аппаратом министерства земледелия левые эсеры уделяли внимание разъяснению аграрной политики крестьянским ходокам. Их принимали члены коллегии Л. Л. Костин и Г. М. Иващенко.

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, д. 30, л. 22.
[2] *Колегаев А. Л.* На рубеже//Сельскохозяйственная жизнь. 1922. № 7. С. 30.

Тем самым левые эсеры продолжали осуществлять ленинскую линию.

Таким образом, первые шаги левых эсеров в Наркомземе показали, что своей практической деятельностью они продемонстрировали реальную возможность блока двух партий.

Еще более этот блок укрепился после завершения 10 декабря работы II Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов. Съезд одобрил деятельность СНК и избрал новый состав ЦИК Советов крестьянских депутатов, вошедший во ВЦИК вместо временного состава, избранного Чрезвычайным Всероссийским крестьянским съездом. В результате переговоров СНК с ЦК партии левых эсеров в ночь с 9 на 10 декабря было достигнуто соглашение о вхождении семи представителей левых эсеров в состав Советского правительства. Левым эсерам была предоставлена возможность полной свободы действий.

Работа коллегии Наркомзема проходила в трудных условиях. Все еще продолжался саботаж служащих. Кадров не хватало. Трудности были и в самой коллегии. Одни члены по заданию ЦК партии левых эсеров направлялись на места, другие — во ВЦИК и другие организации. Произвольной перетасовке кадров способствовало то обстоятельство, что официально коллегия не была утверждена Совнаркомом. Поэтому нередко на ее заседания собиралось не более трех-четырех человек.

Лишь в январе 1918 года коллегия была окончательно сформирована в составе: А. Л. Колегаев, И. А. Майоров, Л. Л. Костин, А. Е. Феофилактов, Н. Н. Алексеев, Н. И. Фалеев. Последний оказался единственным из бывших товарищей министра (заведовавший лесным департаментом), оставшихся на посту.

Работа Наркомзема определялась созданием необходимых директивных документов по проведению земельной реформы. Декрет «О земле» лишь в принципиальных чертах определил суть предстоящих преобразований. И если общая концепция будущего закона была ясна и покоилась на двух главных принципах: отмене частной собственности на землю и уравнительном распределении ее между крестьянами, то в отношении характера устанавливаемой собственности было много неясного. Хотя упомянутые выше «Положение о земельных комитетах» и «Инструкция» довольно точно высвечивали позицию левых эсеров по этому вопросу, но согласятся ли с ней большевики?

Левые эсеры в этих документах трактовали собственность на землю как общенародное достояние. Большевики же будут отстаивать закрепление этого права за государством. Еще недавно нам казалось, что в этом споре не особенно много смысла, ибо

современный читатель неизменно отождествлял общенародную собственность с общегосударственной.

Но именно это различие станет центральным в споре левых эсеров и большевиков при обсуждении проекта Основного закона о социализации земли на III Всероссийском съезде Советов.

Этот проект был подготовлен левыми эсерами в чрезвычайном порядке. Уже в 1918 году автором законопроекта о социализации земли считали И. А. Майорова и А. Л. Колегаева. Сам же нарком скромно говорил, что проект разработан коллегией Наркомзема. Однако в те дни газеты разных направлений комментировали закон под характерными заголовками: «Колегаевский закон», «Колегаевская социализация» и т. д.

В 1922 году Колегаев писал: «Творец «закона о земле» — Илья Майоров, левый эсер, сын казанского крестьянина, бывший, кажется, на двух факультетах, но окончивший высшую школу в сибирской ссылке, человек с удивительно ясной головой, но дряблым сердцем безвольного мещанина, кончивший активным участием в левоэсеровском мятеже, активной борьбой с Советской властью и ГПУ»[1]. Итак, если в 1918 году Колегаев скромно говорил, что проект закона разработан в коллегии Наркомзема, то в 1922 году его авторство однозначно приписывает Майорову. Возможно, Андрей Лукич лукавил. В самом деле, целесообразно ли признавать свою причастность к созданию закона в 1922 году, когда он трактовался как насквозь пропитанный мелкобуржуазной ориентацией, и вновь, хотя бы памятью, связывать себя с партией, с которой порвал и которая именно в 1922 году предстала перед судом, обвиняемая в антисоветских действиях? Не лучше ли отречься?

Однако вернемся в 1918 год. На объединенном заседании крестьянской секции съезда Советов и съезда земельных комитетов 17 января 1918 года Майоров говорил: «Я должен вам сказать, что этот закон есть рамки или грубая статуя, которую предстоит всем обработать. Никто из нас не решится сказать, что этот закон совершенен. К тому же он вырабатывался в чрезвычайно спешном порядке, всего лишь в несколько дней, не было даже времени написать доклад к нему»[2].

Колегаев огласил законопроект — основную его часть из 19 пунктов и предложил ее принять без обсуждения. Предложение Колегаева после некоторых прений было принято. Законопроект поддержало большинство, 50 человек воздержались, один

[1] *Колегаев А. Л.* На рубеже//Сельскохозяйственная жизнь. 1922. № 7. С. 30.
[2] Голос трудового крестьянства. 1918. 20 января.

был против. Далее закон поступил в секции для детальной проработки. В тот же день Колегаев сказал: «Мы верим, что этот закон, который предложен вам, наиболее полно выражает волю народа, но он не может предусмотреть все и поэтому строчку за строчкой, букву за буквой пересмотрите сами и все, что не так, исправьте. Никто, кроме самих крестьян, отныне не может писать крестьянских законов».

Конечно же у левых эсеров, в том числе и у Колегаева, был определенный крестьянский «перекос». Так, приветствуя открывшийся 17 января 1918 года съезд земельных комитетов, Колегаев сказал: «Октябрьская революция покончила с царством помещиков, теперь наступает крестьянское царство»[1]. Подобные высказывания и настроения можно найти и в других его выступлениях. Однако означает ли это, что Колегаев, как и в целом левые эсеры, хотел опереться только на крестьянство, что его установка на мелких товаропроизводителей должна была покончить с диктатурой рабочего класса и со всей линией большевиков на развертывание революции в социалистическом направлении? А именно так представляли затем левых эсеров в политике и в историографии.

Однако высказывания Колегаева скорее эмоции, чем политическая линия. Эмоции человека, представлявшего партию крестьянства — самого многочисленного класса России, эмоции человека, с гордостью осознающего, что этот самый угнетаемый в прошлом класс выходит на историческую арену активным строителем и хозяином своей собственной жизни. Цель у большевиков и левых эсеров была одна, а вот способы ее достижения — разные. Да и сами представления о социализме не совпадали, да и не могли совпадать. И конечно, преувеличение роли своего класса — это, по-видимому, свойство любой партии. А разве большевики не переоценивали значения пролетариата в крестьянской стране? Разве не делалось ставок исключительно на силы пролетариата? Разве не выступало в этом свете крестьянство как некая безымянная дойная корова, годная лишь для того, чтобы из нее выкачивали ресурсы? (Что, кстати, и произошло позднее.)

Вот почему у левых эсеров постоянно были опасения в этом плане. Осенью 1918 года член ЦК партии А. М. Устинов писал: «Наше гениально задуманное здание не может постоянно не колебаться изнутри, пока оно будет держаться только на одном пролетариате, пока под него не будет подведен более широкий фундамент в лице пролетариата и трудового крестьянства». И далее: «Необходимо было бы строить новое социалистическое хозяйство

---

[1] Новая жизнь. 1918. 19 января.

общими усилиями всех трудовых элементов города и деревни»[1].

Окончательная доработка текста закона была многоэтапной: помимо комиссий закон обсуждался в партийных фракциях съезда, в президиуме съезда, в межпартийной согласительной комиссии. В последней, которую от левых эсеров возглавлял А. Л. Колегаев, а от большевиков В. И. Ленин, отработка текста проходила хоть и мирно, но бурно. Здесь большевики имели по части законотворчества явный перевес, поскольку Ленин был профессиональным юристом. Он внес много поправок в закон. На этой основе возникло немало недоразумений в советской историографии.

Например, считается, что левые эсеры были противниками коллективных форм земледелия и якобы стремились увековечить единоличное хозяйство и только решительное вмешательство Ленина исправило положение. Однако это не так.

В статье 11 проекта закона перед центральными и местными земельными комитетами ставилась задача развития «коллективного хозяйства в земледелии, как более выгодного в смысле экономии труда и продуктов, за счет хозяйств единоличных». В статье 20 указывалось, что землей могут пользоваться сельскохозяйственные товарищества и коммуны.

Среди левых эсеров, особенно в ЦК партии, существовало два течения. Одно, по словам члена ЦК А. М. Устинова, стремилось «принизить закон» о социализации земли еще на стадии его разработки «до понимания, до приемлемости его середняком и крестьянином и поэтому отстаивало индивидуальные формы хозяйства». Это течение представляли Колегаев и Майоров. Второе течение «считалось с процессом развития революции, хотело поднять понимание крестьянства до форм социализма и стояло за развитие коллективных форм хозяйства». Это течение представляли Натансон-Бобров, Трутовский, Устинов. И если на III съезде Советов при обсуждении закона в ЦК левых эсеров победило второе течение, то в практическом осуществлении его левые эсеры уделяли очень мало внимания коллективным формам.

Позднее, на II съезде партии левых эсеров (апрель 1918 года) эта линия была признана всем съездом, который в своей резолюции записал: «Но социализация земли не может быть самоцелью, а лишь средством к конечной цели проведения социализма. Навстречу этому идет естественный процесс широкого проявления коллективного труда на общественной земле»[2].

---

[1] *Устинов А.* Новое направление аграрной политики партии коммунистов-большевиков//Воля труда. 1919. 12 февраля. Еженедельник № 3.

[2] Резолюции и постановления I и II Всероссийских съездов партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). М., 1918. С. 52.

При подготовке закона большевики постарались еще более рельефно провести линию на развитие коллективных хозяйств. Однако попытки придать закону значение более «социалистическое», чем он был на самом деле,— занятие неблагодарное. Но именно этим занимались многие годы советские историки, пытавшиеся найти в законе как можно больше элементов, свидетельствовавших о том, что большевики переделали его на свой лад. Эсерам пришлось во многом уступить, но душой закона все равно оставалось уравнительное землепользование. Тому свидетельство и неоднократные признания В. И. Ленина. Вот одно из них, сделанное на совещании комитетов бедноты центральных губерний 8 ноября 1918 года: «Мы, большевики, были противниками закона о социализации земли. Но все же мы его подписывали, потому что мы не хотели идти против воли большинства крестьянства. Воля большинства для нас всегда обязательна, и идти против этой воли — значит совершать измену революции.

Мы не хотели навязывать крестьянству чуждой ему мысли о никчемности уравнительного распределения земли. Мы считали, что лучше, если сами трудящиеся крестьяне собственным горбом, на собственной шкуре увидят, что уравнительная дележка — вздор. Только тогда мы бы могли их спросить, где же выход из того разорения, из того кулацкого засилья, что происходит на почве дележки земли?

Дележка хороша была только для начала. Она должна была показать, что земля отходит от помещиков, что она переходит к крестьянам. Но этого недостаточно. Выход только в общественной обработке земли»[1].

Итак, с теорией ясно. А как дело обстояло на практике? Торопиться с коммунами не следовало, для крестьян это дело было новое, к которому они не были готовы. Что же касается желающих, то таковым комиссариат оказывал поддержку.

В числе инициаторов первых коммун выступили рабочие, и одними из первых — рабочие Петрограда, образовавшие в конце 1917 года Первое и Второе общества землеробов-коммунистов. Они собирались ехать в Сибирь и жить там коммунами. Рабочие обратились к В. И. Ленину, М. А. Спиридоновой с просьбой отвести им земли и помочь выехать. Широко известно в этой связи письмо Ленина к Колегаеву от 30 января 1918 года: «Т. Колегаев! Помогите, пожалуйста, подателям советом и указаниями (1-ое Российское общество землеробов-коммунистов) насчет того, как

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 179.

и *где* достать земли. Почин прекрасный, поддержите его всячески»[1].

Впервые вопрос о субсидиях трудовым артелям и кооперативам был возбужден на заседании коллегии Наркомзема 15 февраля 1918 года членом коллегии А. Е. Феофилактовым. Он отмечал, что необходимо иметь определенные руководящие указания о том, «когда, как, кому можно выдавать те или иные субсидии на трудовые артели и кооперативы», поскольку «желающих получить такие субсидии очень много и будет еще больше, в особенности в связи с безработицей».

Однако руководство Наркомзема не предложило ничего конструктивного, что опять-таки объяснялось отсутствием специально выделенных фондов на нужды коллективистского движения. Поэтому коллегия перекладывала возможность нахождения необходимых средств на местные органы.

Упорядочение финансирования коллективов происходит позднее — с лета 1918 года, когда для развития новых форм хозяйства Наркомзем получает 5 миллионов, 10 миллионов и, наконец, 1 миллиард рублей.

Так почему все-таки на определенной стадии обсуждения законопроекта о социализации земли левые эсеры вдруг почувствовали определенное разочарование и досаду?

Спор между большевиками и левыми эсерами, по словам А. М. Устинова, «чуть не приведший к разрыву» между партиями, разгорелся по поводу статьи 13 законопроекта. Она указывала, что главным источником на право пользования землей является личный труд, государство же в лице его различных органов имеет это право «как исключение из общего правила»[2]. Как писал А. М. Устинов, «большевикам хотелось устранить отстаиваемую нами исключительность этого источника и расширить рамки вмешательства государства в хозяйственную жизнь деревни путем насаждения «культурных хозяйств».

Мелкобуржуазная социализация, казалось, не давала возмож-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 38.

[2] Первоначально статья 13 законопроекта о социализации земли имела следующую редакцию: «Кроме личного труда право на пользование землей сельскохозяйственного назначения, как исключение из общего правила, дает цель, а именно: в тех случаях, когда органы Советской власти или правительственные органы (земельные комитеты) найдут необходимым, в целях поднятия сельскохозяйственной культуры, устроить сельскохозяйственные фермы или показательные поля, то они могут занимать из фонда запасных земель (бывших монастырских, казенных, удельных, кабинетских, помещичьих) определенные участки и обрабатывать их наемным трудом» (Голос трудового крестьянства. 1918. 2 января).

ности приступить широким фронтом к социалистическому строительству. Статьи 3 и 4 Крестьянского наказа существенно ограничивали право государства на пользование землей. И тем не менее именно в этих статьях В. И. Ленин нашел возможность передачи государству земли как объекта хозяйства, то есть последовательной национализации, открывающей социалистический путь развития сельского хозяйства.

Большевики добились обеспечения за государством беспрепятственного права пользоваться и распоряжаться землей, с тем чтобы на этой основе перейти к социалистическим преобразованиям в сельском хозяйстве по мере складывания благоприятных условий. Это, разумеется, нарушало стройную схему социализации с ее уравнительным распределением, рассчитанным на довольно продолжительный срок. Поэтому принципиальный спор по 13-й статье послужил началом разногласий между большевиками и левыми эсерами.

Однако неверно было бы привязывать вопрос о государственном землепользовании только к 13-й статье. Ведь по настоянию большевиков в законе были сняты все упоминания о земствах и земельных комитетах (статьи 6, 8, 9, 10, 11 и др.). Их место заняли Советы, а это означало, что государство в их лице получало все права пользования и распоряжения землей.

После утверждения закона Колегаев с горечью сказал: «Получился закон не о социализации, а о национализации земли»[1].

С утверждением закона о социализации земли земельные комитеты во главе с Главным земельным комитетом должны были прекратить свое существование. Но левым эсерам на объединенном заседании крестьянской секции и съезда земельных комитетов 26 января удалось, несмотря на возражение большевиков, провести решение о выборах совета Главного земельного комитета, который стал именоваться Главным земельным советом. Левые эсеры мотивировали необходимость этого учреждения тем, что среди членов ЦИК якобы не найдется большого количества работников для проведения в жизнь закона о социализации земли и что отказываться от избрания совета — значит «не доверять крестьянству проводить в жизнь закон о земле»[2].

По существу же идея создания совета, а затем и попытка поставить его в исключительное положение с подчинением только

---

[1] Цит. по кн.: *Шаров И. Ф.* Памяти бесстрашного большевика Семена Варфоломеевича Иванова//Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск, 1961. Вып. 4. С. 433.

[2] Голос трудового крестьянства. 1918. 30 января.

ВЦИК означала придать особую важность аграрному вопросу, аграрной политике. И в этом плане Наркомзем, как наркомат равный среди прочих наркоматов, вроде бы не мог возвысить аграрный вопрос над всеми прочими.

Естественно, этим поднимался бы и авторитет партии левых эсеров, ибо проводить аграрную политику было поручено им. Поэтому и при выборах Главного земельного совета левым эсерам удалось провести туда своих сторонников.

Первое заседание Главного земельного совета состоялось 14 февраля 1918 года. На нем присутствовало 43 члена совета, из них 18 человек из числа 25, избранных от крестьянской секции, и 25 человек, избранных от земельных комитетов. На первом же заседании встал вопрос о функциях совета. С докладом по этому вопросу выступил член коллегии Наркомзема Феофилактов, подчеркнувший, что Земельный совет должен стать высшим органом земельной политики. Положения, выдвинутые Феофилактовым, были поддержаны не только членами Земельного совета, но и присутствовавшими членами коллегии Наркомзема. Колегаев поддержал план Феофилактова.

В создании Земельного совета заключались бы и определенные гарантии ведения самостоятельности в земельной политике, невмешательства большевиков. В этом не было ничего особенного. При всей общности целей методы их достижения, да и сами представления о социализме в правящих советских партиях, отличались. Социальные устремления и способы их достижения при всей общности не могли быть одинаковыми у рабочих и крестьян. Соответственно эти различия отражали и действия партии пролетариата и партии крестьянства.

И эти отношения были непростыми. Первое серьезнейшее испытание они не выдержали. Брестский мир стал камнем преткновения. Блок двух партий стал распадаться. Левые эсеры вышли из состава правительства.

На этом можно было бы закончить рассказ о Колегаеве-наркоме, но незавершенность левоэсеровского руководства земельными делами не позволяет в полной мере раскрыть его личность. Последующие события дополняют штрихи к его портрету.

Трудно сказать, отвечал ли выход из состава правительства личным желаниям всех левоэсеровских комиссаров, ибо все они в своих заявлениях в СНК с просьбой освободить от выполнения возложенных обязанностей, поданных 18 марта, обосновывали свой выход одинаковой формулой: «согласно постановлению ЦК партии левых эсеров». Но о Колегаеве можно сказать определенно: для него этот шаг был вынужденный. 17 марта «Новая жизнь»

опубликовала его заявление, в котором он, высказываясь против ратификации Брестского мирного договора, вместе с тем решительно отметил, что «не следовало из-за этого саботировать Советскую власть, особенно в такой исключительно сложный момент». Да и заявление свое он подал не как все — 18, а 24 марта, причем заканчивается оно несколько неожиданно: «С товарищеским приветом»[1].

Его деятельность прервалась как-то вдруг. В тот день, 18 марта, когда правительство рассматривало вопрос о выходе левых эсеров из состава Совнаркома, в его повестке дня предполагалось рассмотреть доклад Колегаева о дополнительном отпуске для нужд Наркомзема 205 миллионов рублей.

Уйдя с поста наркома, Колегаев остается в составе коллегии Наркомзема. 6 апреля он назначается заведующим сразу тремя отделами: землемерно-техническим, счетно-сметным и хозяйственным. Однако развернуть работу он не успел, поскольку его направляют в Казань. Здесь он вновь занимает пост председателя Казанского губисполкома. Он проводит энергичную линию по отобранию документов на владение землей у всех бывших помещиков.

19 апреля 1918 года Колегаев выступил со статьей «Отвод от власти», в которой он порицал выход левых эсеров из СНК. Во всех вопросах, кроме земельного, заявлял Колегаев, «мы и большевики, партии социального переворота, можем лишь тактически расходиться. Выйти из состава правительства — значит поставить перед крестьянством вопрос: отойти от власти или отойти от нас, передав свои голоса тем, кто, мы знаем это, не может выявить волю крестьянства. Конечно, трудовое крестьянство предпочтет отойти от нас». Из этого положения, по мнению Колегаева, был один выход — «войти в центральную Советскую власть, идя вместе с большевиками во всех вопросах социальной революции, хотя бы и подчиняясь их большинству, когда мы являемся меньшинством в едином отряде революционного социализма...».

Другой выход эсеры видели в том, чтобы отвести от Советской власти крестьян. Однако этот рискованный шаг вряд ли сулил успех. Поэтому, скорее всего, по мнению Колегаева, сложится иная ситуация: «Первое — трудовое крестьянство отойдет от нас. Второе — революция пройдет мимо нас»[2].

Он примыкает к наиболее радикальной части левых эсеров, которые осудили левоэсеровский мятеж и не стремились к раз-

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 23, д. 10, л. 32.

[2] Знамя труда. 1918. 19 апреля.

рыву с большевиками. О позициях Колегаева в это время свидетельствует разговор В. И. Ленина по прямому проводу с членом РВС Восточного фронта К. А. Мехоношиным 7 июля 1918 года. На просьбу последнего сообщить, какую позицию занимает Колегаев, Ленин ответил: «Колегаев говорил мне лично, затем Зиновьеву и многим другим, что он, Колегаев, противник теперешней политики левоэсеровской партии». Он по-прежнему стремится к активной советской работе. 10 сентября 1918 года Президиум ВЦИК по заявлению фракции левых эсеров включил в состав ВЦИК восемь левых эсеров, в том числе Колегаева, Биценко, Устинова и других.

В Саратове по инициативе губернского комитета и некоторых влиятельных работников левоэсеровской партии сразу же после левоэсеровского мятежа началась подготовка Всероссийского съезда левых эсеров, не согласных с политикой своего ЦК. В опубликованной инициаторами созыва съезда платформе указывалось на недопустимость срыва Брестского мирного договора, террористических актов на советской территории и насильственного захвата власти. Эта группа левых эсеров собралась 25 сентября 1918 года в Саратове на Всероссийскую конференцию и образовала партию «революционного коммунизма», которая провозгласила тактику «классовой борьбы единым фронтом с большевиками против всех врагов Советской России во имя торжества социальной революции». В состав ЦК были избраны А. Н. Александров, А. А. Биценко, А. Л. Колегаев, М. А. Доброхотов, А. М. Устинов, Г. Н. Максимов, В. Н. Черный.

«Революционные коммунисты» издавали в Москве газету «Воля труда». В первом же ее номере они изложили свою платформу. Признавая главной руководящей силой русской революции партию большевиков, они обязались честно сотрудничать с ней, несмотря на некоторые теоретические расхождения. Программа партии предусматривала: «1) Недопустимость срыва Брестского мира. 2) Недопустимость террористических актов на советской территории. 3) Недопустимость активной борьбы с правящей партией коммунистов в целях насильственного захвата власти. 4) Недопустимость всей той политики, которая затемняет в массах классовый характер революции, идущей через гражданскую войну к социализму»[1].

В этой же газете появляется статья Колегаева, в которой он обвиняет государство и большевиков в незаконной национализации ряда крупных имений с целью организации в них советских

[1] Воля труда. 1918. 14 сентября.

хозяйств. Колегаев, опираясь на Основной закон о социализации земли, напоминает, что государству, согласно статье 20 закона, предоставлено право лишь для устройства образцовых ферм или опытно-показательных полей. По мнению Колегаева, результат подобных действий может быть один «...аграрные беспорядки, когда трудовая деревня увидит, что земля переходит в ведение чиновников из комиссариата... что трудовое население отстраняется от земли, что не оно распоряжается землей».

По этому поводу возникает полемика между активным сторонником «насаждения» коммун и совхозов В. Н. Мещеряковым (кстати, Мещеряков был единственным большевиком в левоэсеровской коллегии Наркомзема, исполняя обязанности секретаря коллегии) и А. Л. Колегаевым, в которой Мещеряков доказывает, что «сейчас основной вопрос всей текущей земельной политики — это строительство коммун, организация социалистического сельского хозяйства».

Осень 1918 года характерна тем, что для многих большевиков становится абсолютно непреложным факт, что первый этап аграрной революции — передача земли крестьянам — завершен, что крестьяне начинают изживать иллюзии уравнительного распределения земли, что необходимо переходить к следующему этапу — созданию социалистических форм сельского хозяйства.

Готовность крестьян к переходу к социализму была преувеличена, так как крестьянин еще не успел даже почувствовать себя хозяином на своей земле. Сторонники форсированного насаждения коммун и совхозов считали необходимым «тащить середняков к социализму путем коммунистических атак» и были убеждены, что «среднему крестьянству придется принять социалистические формы хозяйства и мышления и оно пойдет к социализму, хотя бы ворча и огрызаясь»[1]. И именно на этой основе возникают столкновения крестьян с органами Советской власти.

Получалось, что не так-то уж не прав был Колегаев, скорее наоборот. И тем не менее это обстоятельство не помешало ему в целом поддерживать советскую платформу и, более того, вступить в партию большевиков.

Колегаеву сразу же поручают ответственную работу. 2 января 1919 года Троцкий из Воронежа направляет телеграмму В. И. Ленину, главному начальнику снабжения Красной Армии И. И. Межлауку, заместителю председателя РВС республики Э. М. Склянскому, в которой говорилось: «Нам необходимо назначить энер-

---

[1] Правда. 1918. 5 ноября.

гичного, ответственного главхозуправа. Предлагаю товарища Колегаева»[1].

Очевидно, это предложение было принято и довольно быстро реализовано, ибо уже 23 января 1919 года Колегаев телеграфирует Ленину, Межлауку и Склянскому о своем выезде в Москву для доклада о положении дел со снабжением на юге. При этом Колегаев уточнил, что «просьба моя и Троцкого назначить мой доклад в Совете Обороны». В этой телеграмме Колегаев подписывается «полным титулом»: «Начснабюжфронтполитком А. Колегаев», из чего следует, что он является начальником снабжения армии Южного фронта.

По всей вероятности, начатая Колегаевым работа была в Москве одобрена. 26 января он назначается членом РВС Южного фронта (каковым оставался до 19 июня 1919 года).

Работа Колегаева-снабженца, видимо, стала выходить за рамки лишь армейского снабжения. Он озабочен также и заготовкой продовольствия для тыла: поэтому вскоре оформляется его назначение одновременно и в этом качестве.

13 февраля 1919 года Совнарком утверждает Колегаева председателем Особой продовольственной комиссии Южного фронта. Уже 14 февраля 1919 года он сообщает в Москву, в том числе В. И. Ленину, о необходимости создания продотрядов из рабочих Петрограда и Москвы для работы в прифронтовой полосе.

Видимо, работа на два фронта проходила трудно. Поэтому 21 февраля 1919 года Колегаев получает телеграмму от Сидельникова: «Практическая работа в качестве председателя фронткомиссии, надеемся, убедила Вас в необходимости отказаться от совместительства начснабфронтом». Сидельников намеревался подать рапорт об освобождении Колегаева от должности начснабфронтом. Колегаев же был решительно не согласен, о чем и сообщал 22 февраля 1919 года в Москву Ленину, Троцкому, Красину, Склянскому. Он писал: «Я остаюсь при прежнем мнении, что опродком... может работать фактически, а не только строить аппараты при условии использования организации начснабюж: практическая работа лишь подтвердила мое мнение. Мое назначение председателем опродкомюж я понял и понимаю как опыт в этом направлении. Отправка мною 80 вагонов хлеба в Москву лишь подтверждает правильность моей позиции»[2].

Очевидно, такое совмещение обязанностей устраивало Ленина. 10 марта 1919 года он просит Колегаева сообщить о выпол-

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 3, д. 526, л. 101.
[2] Там же, л. 106—107.

нении директивы ЦК РКП(б) по сбору продовольствия в Донской области. «Сколько именно ссыпано и как идет ссыпка? Достаточно ли у вас рабочих из центра для продовольственной работы?»[1]

Тогда же, в марте, Колегаев направил несколько телеграмм Ленину, в которых сообщает о создании продотрядов из рабочих Москвы и Петрограда, о сборе продовольствия в Донецкой области, о советском строительстве на Дону.

Судя по телеграммам Ленина, о которых речь пойдет ниже, правительство делало серьезную ставку на Донскую область как источник пополнения ресурсов для обескровленной республики. С этой целью помимо продотрядов рабочих предполагалось направить на Дон массу переселенцев из центральных губерний, которые не только бы позволяли им осваивать благодатный край, но с их помощью укреплять Советскую власть на Дону.

Положение на Дону было серьезным. Восстановление Советской власти в начале 1919 года проходило с большими осложнениями и ошибками. Здесь увлеклись созданием совхозов, были и перегибы при проведении продразверстки, происходило «расказачивание», осуществлялись репрессии против рядовых казаков.

Все это вызывало протест среди населения. Вспыхнувший в марте вешенский мятеж в скором времени охватил значительные слои казаков.

Положение на Дону с каждым днем становилось настолько тревожным, что сил, брошенных для подавления восстания, было явно недостаточно.

В начале июня число восставших достигло 25 тысяч, а вскоре они соединились с войсками Деникина. Положение для республики стало угрожающим. Срочно был сменен командующий Южным фронтом, заменены члены РВС, в том числе и Колегаев.

До июня 1919 года Колегаев был председателем Особой продовольственной комиссии Южного фронта (Опродком), затем по решению пленума ЦК партии 15 июня 1919 года был назначен в Центральный отдел военных заготовок.

Здесь Колегаев проработал до начала 1920 года. 26 января 1920 года последовал приказ РВС республики об освобождении Колегаева от занимаемой должности председателя Центрального отдела военных заготовок и об откомандировании его в распоряжение Главполитпути.

На два года Колегаев связывает свою судьбу с транспортом. 3 августа 1920 года Совнарком постановил утвердить Колегаева

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 268.

представителем от НКПС в Совете внешней торговли. В ноябре 1920 года он — председатель Основной транспортной комиссии.

10 апреля 1921 года В. И. Ленин направляет телеграмму в Ростов-на-Дону В. В. Фомину, в которой, в частности, говорилось: «В Цека решили назначить наркомом путей т. Дзержинского, первым замом Емшанова, вторым Вас. В коллегию ввести Колегаева и еще кого-нибудь из центра»[1].

14 апреля 1921 года Президиум ВЦИК назначил Ф. Э. Дзержинского наркомом путей сообщения. В помощь ему были введены в коллегию наркомата три новых члена, в том числе А. Л. Колегаев.

5 декабря 1921 года Ленин знакомится с материалами о плохом учете и хищениях оборудования предприятий, сдаваемых в аренду; пишет письмо заместителю председателя СТО А. Д. Цюрупе с предложением связаться с председателем Основной транспортной комиссии А. Л. Колегаевым и выработать ряд строжайших мер по предотвращению хищений.

Ленин писал Цюрупе: «Из прилагаемых бумаг Вы увидите, в чем дело.

Если нужна *личная информация,* позовите *Колегаева* (узнать, где он, можно у Троцкого). Колегаев расскажет интересное...»[2]

Не ранее 16 октября — не позднее 24 ноября 1922 года Ленин получает отношение председателя правления Москуста [3] А. Л. Колегаева наркому внешней торговли Л. Б. Красину с просьбой включить Москуст в число учреждений, имеющих право на получение товаров из-за границы.

Какое-то время (январь—август 1927 г.) Колегаев был членом Совета ВСНХ.

Далее сведения отсутствуют... По некоторым непроверенным данным, он работал в ЦСУ.

В 30-е годы Колегаев был репрессирован. Реабилитирован посмертно.

Фигура Колегаева за неимением достаточного материала проявилась в нашем рассказе фрагментарно, может быть, однобоко

---

[1] Ленинский сборник XX. С. 340.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 56.

[3] Москуст — Московский куст комбинированных предприятий при Реввоенсовете республики — создан осенью 1921 г. Он был организован на базе нескольких совхозов, находившихся в ведении военного ведомства, и взятых ими в аренду окрестных промышленных предприятий в целях соединения земледелия с промышленностью. Эти комбинированные предприятия, составив хозяйственное целое, имели задачей проверку снизу правильности и целесообразности принятых декретов по экономическим вопросам.

и даже схематично. Но хотелось бы обратить внимание на то, что материал, несмотря на свою скудность, все же дает вполне определенное представление о главном, составлявшем смысл политической карьеры, а, может быть, и всей жизни Колегаева. Вступив в ряды большевиков, он в душе, вероятно, оставался эсером. Но вне зависимости от партийной принадлежности ему, конечно же, были свойственны революционный романтизм, вера в свои идеалы, устремленность к, кажущейся до простоты ясной, цели. Он искренне хотел сделать крестьянство счастливым (как, впрочем, и другие народные радетели). Только путь эсеров к счастью лежал через несбыточные иллюзии. Более того, и он не предотвращал неизбежное: и трагическую судьбу крестьянства, и участь самого Колегаева.

Кабанов В. В.—
доктор исторических наук

Народный комиссар государственного призрения
А. М. КОЛЛОНТАЙ

В составе первого Советского правительства Александра Михайловна Коллонтай была единственной женщиной. Путь ее к Октябрю не был ни прямым, ни простым. На закате своих дней, размышляя о пережитом, она писала: «Собственно, я пережила не одну, а много жизней, настолько отдельные периоды моей жизни отличались друг от друга. Это не была легкая жизнь... Во мне было много контрастов, и жизнь моя соткана из периодов, резко отличных друг от друга...»[1]

Вглядимся в эти периоды, чтобы понять особенности личности Александры Коллонтай — личности самобытной, яркой, талантливой.

---

[1] *Коллонтай А. М.* Из моей жизни и работы. М., 1974. С. 367, 368.

Период первый... В своих воспоминаниях она называет его «Годы юности. Первый этап».

Александра Михайловна была дочерью царского генерала Домонтовича, родословная которого велась от знаменитого князя Довмонта Псковского, княжившего в XIII столетии в Пскове, принявшего монашество и признанного православной церковью Тимофеем Псковским. Отец рассказывал дочери Шуре, что мощи святого Довмонта и его меч, с которым князь совершал победоносные походы на тевтонских рыцарей, хранились в псковском монастыре, а когда кто-либо из рода Домонтовичей приезжал в Псков, монахи звонили в его честь во все колокола...

Итак, Шура Домонтович жила «благополучно в обеспеченной семье, где не знали ни бедности, ни голода», и ей уготована была легкая, беспечная жизнь светской дамы. Но судьба распорядилась иначе.

Родители, боясь вольнодумных идей, проникавших в те годы в гимназии и университеты, решили дать дочери домашнее образование. Так в доме появилась учительница Мария Ивановна Страхова, человек интеллигентный и разносторонне образованный, сочувствовавший идеям народовольцев. Она впервые зародила в сердце своей ученицы ненависть к несправедливости, критическое отношение к окружающему, вдохновила на поиски правды жизни. В 16 лет Шура сдала экзамены на аттестат зрелости и получила право быть учительницей.

Произошли изменения и в ее личной жизни. «И черноусыч, чернобрович, жених кузины — офицер...» — в шутку писал о будущем муже Александры поэт Игорь Северянин, приходившийся ей троюродным братом. Так она, вопреки желанию родителей, стала женой Владимира Коллонтай, сына ссыльного поселенца и участника польского восстания 1863 года.

И все же Александра Коллонтай не чувствовала себя по-настоящему счастливой в узком кругу семейных интересов. С большой радостью она принимает приглашение М. И. Страховой участвовать в деятельности Подвижного музея учебных пособий, размещавшегося в библиотеке известного русского библиографа и писателя Н. А. Рубакина, которая была подлинным очагом русского просветительства. Здесь Александра Коллонтай знакомится с Еленой Стасовой, которая уже активно работала в подполье. Она была одним из организаторов того партийного ядра в Питере, из которого позднее образовалась большевистская партия.

В будущем революционная работа свяжет их на долгие годы, а пока Коллонтай стала выполнять отдельные поручения, которые ей давали Стасова и ее друзья, читала нелегальные брошюры.

В 1898 году вышла из печати первая статья Александры Коллонтай «Основы воспитания по взглядам Добролюбова» в ежемесячном марксистском журнале «Образование». «Этой статьей я уже определила свою принадлежность к марксизму»,— напишет она впоследствии.

В течение всей жизни Коллонтай вела дневники, в которых стремилась предельно откровенно рассказать о себе, о своей эпохе.

«Почему я веду свои записки? Кому это нужно? — спрашивает она в одной из дневниковых тетрадок. И отвечает: «Живет во мне такое чувство: этим я научу молодежь, тех, кто будет жить после нас,— как мы работали, как жили, вечно преодолевая препятствия — не просто изо дня в день, а в постоянном стремлении, борьбе и преодолениях. И в творчестве! Оглядываюсь: всегда-то я шла через препятствия, смолоду была «мятежная». Никогда не останавливалась перед тем, как на это посмотрят «другие», что скажут...»

Мемуарное наследство А. М. Коллонтай — ее дневники, черновые наброски, беглые заметки в записных книжках, блокнотах, тетрадках — стало сегодня, к сожалению, почти библиографической редкостью, а часть ее дневников и поныне не опубликована, хранится в архивах. Помимо того, что они написаны отменным литературным языком, в мемуарах Коллонтай имеются острые наблюдения, меткие замечания, оценки текущих событий, размышления о будущем. И согласимся с ней, что ее записки представляют «известный интерес психологический, а быть может, и исторический...».

Следующий период своей жизни А. М. Коллонтай назовет в книге воспоминаний предельно точно: «Начало революционного пути». И относит его к 1898 году, к учебе в Цюрихском университете на факультете экономики и статистики. Она не ограничивается лекциями, посещает собрания профсоюзов, бывает в рабочих клубах. Читает, читает запоем, пытается разобраться в различных течениях социализма. Вспоминая студенческие годы, Коллонтай писала: «Увлекалась Лениным, а не Аксельродом, который царил над умами русских студентов в Цюрихе».

Осенью 1899 года в Петербурге состоялось боевое крещение Александры Коллонтай. Это произошло в доме отца Елены Дмитриевны Стасовой, куда «на чашку чая» собирались не только друзья и знакомые семьи, но и самая разнородная публика — почтенные адвокаты, художники и музыканты, кто-либо из ученого

и чиновного мира. Приходила и молодежь. На одном из таких собраний помощник присяжного поверенного Петр Бернгардович Струве, восходящая звезда «легального марксизма» сделал сообщение о Бернштейне, который «сказал новое слово в учении Карла Маркса», рекомендовал молодежи изучать его труды. Струве поддержали большинство присутствовавших.

— Простите,— вдруг раздалось из задних рядов зала.— Мы не вправе молчать. Бернштейн ведь полностью порвал с марксизмом.

Это сказала красивая и пылкая молодая женщина, Александра Коллонтай. В короткой страстной речи она стала доказывать, в чем неправы Бернштейн и Струве. Она писала впоследствии: «Я взяла слово. Дали мне его неохотно, как лицу, мало кому известному. Моя слишком горячая защита «ортодоксов» (левых) встречена была общим неодобрением и даже негодующим пожиманием плеч. Кто-то нашел, что неслыханная дерзость выступать против таких общепризнанных авторитетов, как Струве...»[1]

Но подобную «дерзость» в будущем она повторит не раз, идя непроторенной, своей, дорогой, отстаивая свои убеждения. Не всегда они совпадали с идеями большинства. Что ж, каждый человек имеет право на свое мнение, даже на ошибку — этого принципа всегда придерживалась Александра Коллонтай...

1903 год был рубежом для российской социал-демократии. После II съезда РСДРП глубокая пропасть легла между большевиками и меньшевиками. Какую позицию заняла Коллонтай? На этот вопрос она ответила так: «По душе ближе мне был большевизм, с его бескомпромиссностью и революционностью настроения, но обаяние личности Плеханова удерживало от разрыва с меньшевиками»[2]. После раскола внутри партии она не примкнула ни к большевикам, ни к меньшевикам.

Но, как пишет Коллонтай, «по мере нарастания революционного шквала 1905 года активная связь моя с большевиками крепла. Правда, я не порывала личных сношений с Плехановым, но уже зиму 1904/05 года определенно работала с большевиками...»[3]

9 января 1905 года Александра Коллонтай шла с демонстрантами к Зимнему дворцу. Захваченная революционным подъемом, она писала прокламации, статьи, участвовала в налаживании работы типографий, выступала на митингах.

---

[1] *Коллонтай А. М.* Из моей жизни и работы. С. 94—95.
[2] Там же. С. 96.
[3] Там же. С. 97.

В годы первой российской революции А. М. Коллонтай расходилась с большевиками по некоторым тактическим вопросам, вместе с меньшевиками ратовала за нейтральность профсоюзов, за их независимость от партии. Но вместе с большевиками она выступала против ликвидаторов, против буржуазного влияния в женском рабочем движении.

В годы революции Коллонтай самым активным образом включилась в работу среди женщин. Именно тогда она начала свой путь — от одного из первых организаторов женщин-работниц России до первой в России женщины-наркома и первой в мире женщины — посла государства.

«Женщины и их судьба занимали меня всю жизнь, и их-то участь толкнула меня к социализму»[1],— напишет впоследствии Коллонтай.

В 1907 году на Международном социалистическом конгрессе в Штутгарте она встретила Ленина, под его влиянием начала понимать, что тактика ее союзников по партии — меньшевиков во многом ее не удовлетворяет.

Вынужденная выехать из России в декабре 1908 года, она поселилась в Германии и вошла в немецкую социал-демократическую партию. И где бы ни жила она потом — в Финляндии, Франции, Швеции, Бельгии, Дании, США, Коллонтай была среди самых передовых людей, одержимых революционной идеей, была знакома с Розой Люксембург, Г. В. Плехановым, Полем и Лаурой Лафаргами, Августом Бебелем, Карлом Либкнехтом...

В 1915 году А. М. Коллонтай становится членом партии большевиков. В ее дневнике имеется запись: «За этот год чувствую, что окрепли органические связи с революционным крылом. Точно пройден какой-то рубикон... Это приобщение к тому революционному крылу, которое будут многие годы поносить, клясть, преследовать... Быть может, на этом пути ждет много новых страданий, боли, потребуются еще и еще жертвы!!!»[2]

В годы первой мировой войны А. М. Коллонтай начинает работать под непосредственным руководством В. И. Ленина, пропагандирует ленинскую программу войны, мира и революции. Брошюра Коллонтай «Кому нужна война?», тщательно отредактированная Лениным, выдержала несколько изданий в России и за границей, переиздавалась даже в 1917 году.

Известие о Февральской революции Коллонтай получила в Норвегии. В числе первых политических эмигрантов она возвра-

---

[1] *Коллонтай А. М.* Из моей жизни и работы. С. 371.

[2] Исторический архив. 1962. № 1. С. 129.

тилась в Россию, привезла два ленинских «Письма из далека». Ее сразу же вводят в редакцию «Правды», в состав Петроградского Совета. И вновь она окунулась в митинговую революционную атмосферу. С затаенным вниманием слушают Александру Коллонтай работницы Петрограда, матросы Балтфлота, солдаты Петроградского гарнизона. «Я сама горела, и мое горение передавалось слушателям,— вспоминала Коллонтай.— Я не доказывала, я увлекала их. Я уходила после митинга под гром рукоплесканий, шатаясь от усталости. Я дала аудитории частицу себя и была счастлива»[1].

3 апреля 1917 года А. М. Коллонтай была среди тех, кто встречал В. И. Ленина, возвратившегося из эмиграции. А когда на следующий день он выступил на объединенном собрании большевиков и меньшевиков, она поддержала ленинские Апрельские тезисы. «С этого дня,— записала она в дневнике,— буржуазные газеты ополчились против меня, писали обо мне не только злобные статьи, но и фельетоны в ироническом духе, корреспонденты называли меня «Валькирией революции»[2].

А у Александры Михайловны не было свободной минуты. Совещания, статьи в «Правде» и «Работнице», солдатские митинги, выступления в казармах, на крейсерах, дредноутах и эсминцах Балтики, военных кораблях Гельсингфорса, Кронштадта, участие в съезде финляндской социал-демократии, защита взглядов партии по национальному вопросу на I съезде Советов...

В конце июня Коллонтай едет в Швецию в качестве представителя ЦК РСДРП(б) на конференцию Циммервальдского объединения. Узнав о расстреле июльской демонстрации в Петрограде, спешит вернуться в Россию. Газета шведских социал-демократов предупреждала, что Коллонтай едет в «тюрьму Керенского». «Но об аресте,— пишет Александра Михайловна,— конечно, меньше всего думалось». И тем не менее сразу же она была арестована по распоряжению Временного правительства. Ее доставили в выборгскую женскую тюрьму, обвинили, что она произносила речи против войны, подвели под статью о государственной измене.

Коллонтай находилась в тюрьме, когда VI съезд РСДРП(б) избрал ее членом ЦК. М. Горький и Л. Красин обратились к министру внутренних дел Временного правительства с просьбой ос-

---

[1] Исторический архив. 1962. № 1. С. 131.

[2] *Коллонтай А. М.* Из моей жизни и работы. С. 256—257.

вободить ее под залог в 5 тысяч рублей, так как резко ухудшилось ее состояние здоровья, участились сердечные приступы. Так в канун надвигавшейся пролетарской революции она оказалась на свободе.

«Если меня спросят: какой был самый великий, самый памятный час в моей жизни,— писала Коллонтай,— я, не колеблясь, отвечу: час, в который была провозглашена власть Советов.

Никогда не забыть и ни с чем не сравнить нашей светлой и гордой радости, когда мы услыхали с трибуны II съезда Советов в Смольном простые и величавые слова исторического решения: «Вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

Она присутствовала на II съезде Советов, вошла в президиум съезда. В составе первого Советского правительства — Совета Народных Комиссаров — стала народным комиссаром госпризрения (социального обеспечения).

Своей наркомовской деятельности А. М. Коллонтай посвятила несколько очерков-воспоминаний. Они были опубликованы спустя десять лет после Октября, в 1927 году, а некоторые — в 40-х годах. В отличие от ее дореволюционных воспоминаний, здесь прежде всего ясно выражена классовая позиция в оценке событий и чувствуется больший схематизм при характеристиках людей. Тем не менее и они позволяют понять как особенности первых шагов строительства Советского государства, так и трудности формирования управленческого аппарата и даже увидеть истоки тех ошибок и просчетов, которые отрицательно проявились впоследствии.

С чего же начала первая женщина-нарком?

Спустя два дня после назначения она пришла в Смольный посоветоваться с Лениным.

— Поезжайте сейчас же занимать министерство государственного призрения. Это надо сделать теперь же,— сказал он.

И Коллонтай отправилась на Казанскую улицу, дом 7, где до революции помещалось филантропическое ведомство императрицы Марии Федоровны — именно там предстояло работать Наркомату государственного призрения. Но представительный швейцар — с бородой и в галунах — не пустил ее даже на лестницу. Так и уехала народный комиссар ни с чем.

Что же делать? Как занять министерство? Силой? Нет, служащие разбегутся. Кто же будет работать?

Решила созвать делегатское собрание младших служащих —

курьеров, сестер милосердия, истопников, счетоводов, переписчиков, сторожей, фельдшеров. Выбрали совет и на другой день отправились занимать министерство. Вошли в министерские кабинеты, в канцелярию. Там было пусто, разбросаны бумаги, на столах сиротливо стояли пишущие машинки. Но все шкафы заперты, не было ключей и от кассы, где спрятаны деньги.

Вот так все начиналось. Весь аппарат Наркомата госпризрения вначале состоял всего из двух человек — секретаря, Алеши Цветкова, и наркома, Александры Коллонтай. А работы было невпроворот.

Наркомат госпризрения ведал делами увечных воинов, воспитательными домами, институтами благородных девиц, богадельнями для стариков, приютами для сирот, протезными мастерскими, санаториями для больных туберкулезом, родильными домами, пенсионными делами. «У меня целое государство в государстве»,— шутила Александра Михайловна. И в это «государство» шли и шли люди: инвалиды, старики, больные, да и просто голодные. Спрашивали:

— Тут большевики помощь выдают? Зачем Советы власть брали, если о голодных никто заботиться не хочет?

Требовали работу, денег, жилья, дров. И все нужно сделать немедленно. Никакие ссылки на саботаж не годились.

Пошла Александра Михайловна Коллонтай на заводы, рассказала обо всем, просила помощи, говорила, что нужно отстоять советский наркомат. Решили образовать совет при народном комиссаре, как бы коллегию наркомата. Назначили ответственных за пенсионное дело, за доходные и воспитательные дома. Стали привлекать старых служащих, докторов. Коллонтай писала:

«Саботаж чиновников был разбит великой силой: духом классового единства и сознанием революционной ответственности членов союза младших служащих. И вместе с раскатами бури Октябрьской революции вливается новая, творческая жизнь строительства коммунизма в серые, сумрачные стены чиновнического здания на Казанской улице.

Наркомат спасен единой волей трудящихся, идущих под знаменем большевистского ЦК нашей партии»[1].

...Трудно было предугадать вопросы, которые приходилось решать наркому госпризрения. Как-то утром в квартире, где жила Александра Михайловна, раздался настойчивый звонок. Открыла дверь. Увидела мужика с бородой, в тулупе, лаптях.

— Здесь, что ли, комиссар от народа Коллонтай? Должен

---

[1] *Коллонтай А. М.* Из моей жизни и работы. С. 330—331.

его видеть. Тут ему записочка есть от ихнего главного большевика, от Ленина.

Она взяла клочок бумажки, на котором рукой Владимира Ильича написано: «Выдайте ему, сколько там причитается за лошадь, из сумм Госпризрения».

Оказалось, что еще при царе, до Февральской революции, у мужика реквизировали на военные нужды лошадь, обещали заплатить «по-божески». После Октябрьской революции он услышал: есть народ такой, большевики, они все рабочим и крестьянам вернут, что цари да помещики за время войны у народа поотняли — надо только записочку от главного большевика, Ленина получить. Вот и пошел он в Смольный.

Не сразу смогла Александра Коллонтай найти для него деньги. Но сумма, выплаченная ею за лошадь, была первой выплатой из кассы Наркомата госпризрения.

Да, чем только не занималась Коллонтай в те первые послереволюционные дни. В залах, на лестницах наркомата постоянно толпился народ. «Но напористее всех,— писала Коллонтай,— инвалиды войны. У них свой союз, они организованы и действуют твердо, настойчиво. От их требований не уйдешь. А требуют... крова... Нервные, издерганные, обидчивые, жалкие. Все больше крестьяне, со всех концов России. Действительно, положение трагическое... Число увечных в городе все прибывает. Нет жилья».

Однажды секретарь совета Алеша Цветков доложил Коллонтай, что найдено помещение на 500—600 человек с пристройками для складов продовольствия, кухней, баней, запасом дров, муки, растительного масла и бочек с сельдями. Это была Александро-Невская лавра, и жили там 60 монахов да несколько десятков послушников.

Как только услышал об этом Союз увечных воинов, стал требовать, чтобы заняли монастырь: «Чего, в самом деле, с шестьюдесятью жирными монахами церемонию разводить?» И Коллонтай подписала приказ о занятии помещения лавры. Она подробно описывала, как посланные ею люди пытались захватить монастырь силой, выгнать монахов, которые заперлись, засели в нем, как за крепостной стеной. «В те дни такие решения принимались просто. О том, чтобы «согласовать» да «связать», не подумали. Не отдавали себе отчета, что действие вразброд — каждый на свою голову — вредит общему плану, вносит дезорганизацию и в без того несобранный еще государственный организм, подрывает Советскую государственную власть»[1]. И Коллонтай рассказывает,

---

[1] *Коллонтай А. М.* Из моей жизни и работы. С. 334.

как по ее просьбе Дыбенко прислал отряд матросов, который с оркестром направился к монастырю. Монахи ударили в набат, «загудели громозвучные колокола Невской лавры. Всполошился народ... Повысыпали бабы, торговцы мелкие, мастеровые на улицу, сбежались к лавре. Крики, шум... Большевики монастырь грабить собрались! Не дадим! Умрем за веру православную! А матросы разъярились, особенно когда монахи среди толпы появились. Что с ними церемонии разводить! Не пускают в лавру, силой ее заберем!» Кто начал перестрелку, так и не удалось установить. Среди убитых оказался монах лавры»[1].

Когда до Смольного дошел слух о происшедшем, Совет Народных Комиссаров прислал приказ немедленно прекратить бесчинства и лавры не занимать. Пришлось Коллонтай ехать объясняться с Лениным. «Когда я рассказала, что наши товарищи решили провести и в монастыре революцию... Владимир Ильич сначала засмеялся своим заразительным умным смехом. Но тотчас нахмурился.

— Такие самовольные действия наркоматов недопустимы. Самочинности в таких архиважных вопросах общей политики не должно быть места.

Отчитал меня Владимир Ильич просто и вразумительно. Подумав немного, добавил: «Инцидент с лаврой приблизил вплотную практическое разрешение вопроса об отделении церкви от государства...»

Лавру, однако, так и не удалось превратить в общежитие для увечных. Для них было найдено другое помещение. Но попы и монахи не успокоились. Они сорганизовали торжественное шествие с иконами по Невскому, призывая народ отстаивать святыни церквей от поругания большевиками...

Меня же и тов. Цветкова... попы и церковь православная предали торжественно церковной анафеме...»[2]

Нужно отдать должное Коллонтай — она предельно откровенно описывает этот инцидент с Невской лаврой. Но у читающего об этом сегодня вряд ли не возникнет и такая мысль: какое жестокое было время! И еще: в воспоминаниях Коллонтай о событиях 1917—1918 годов на первый план выступает забота о массах людей, о социальных группах людей, обездоленных империалистической войной, голодом и разрухой. Но в ее воспоминаниях той поры почти исчезают конкретные люди, личности, о судьбе которых победившие классы вряд ли думали — их просто списывали со счетов.

---

[1] *Коллонтай А. М.* Из моей жизни и работы. С. 334—335.
[2] Там же. С. 335.

В статье «Старость — не проклятье, а заслуженный отдых» А. М. Коллонтай ставит вопрос об «организации общежитий для пожилых, отработавших свою долю, рабочих и работниц, которые должны быть истинными «Домами отдыха». Но, спрашивает она, «где взять сейчас такие дома, здания, приспособленные для намеченной цели? Дома, здания эти есть — это монастыри. Почему мы все еще опасливо ходим вокруг этих «черных гнезд»? Почему не как исключение, а повсеместно не используем эти великолепно оборудованные сооружения под «Дома отдыха», под «Дворцы материнства»?[1] Так что инцидент с Александро-Невской лаврой не был случайностью. И решение о «захвате» ее принимала высокообразованная, интеллигентная Александра Коллонтай. А ведь ей была хорошо известна и историческая ценность этого монастыря, основанного в 1710 году в честь Александра Невского, и что в стенах монастыря были похоронены А. В. Суворов, М. В. Ломоносов, М. И. Глинка, Д. И. Фонвизин, М. П. Мусоргский, П. И. Чайковский, Н. А. Римский-Корсаков, Ф. М. Достоевский...

К этой же теме Коллонтай обращается в статье «Пора покончить с «черными гнездами» (ноябрь 1918 года). Она спрашивает: «Что может быть более подходящим для санаториев, чем раскиданные по всей России *«черные гнезда»* — монастыри? Обычно они расположены за чертой города, среди полей, лугов; тут же сад, огород, коровы — значит, молоко для бедных!

И главное, отдельные комнаты-кельи для каждого больного! И все тут есть: и постели, и белье, и утварь, и вместительные кухни, и пекарни, и бани...

Скажут: занять монастыри под санатории, под здравницы! Кощунство! Ничуть. Разве лозунг Коммунистической России не гласит: кто не трудится — да не ест? А для кого еще тайна, что монастыри — гнезда тунеядцев?.. Кощунство терпеть «черные гнезда» сытых, здоровых людей, которые не несут свою лепту на строительство новой России»[2].

Что ж, понять ее можно, но вряд ли сегодня мы полностью согласимся с ее выводом: «Чем скорее «черные гнезда» обращены будут в приюты отдыха и восстановления боевых сил пролетариев, тем больше выигрыша для Коммунистической России»[3].

Одним из важнейших направлений деятельности Наркомата госпризрения была забота о женщинах и детях. 31 декабря 1917 года за подписью Коллонтай было опубликовано постановление об

---

[1] *Коллонтай А. М.* Избранные статьи и речи. М., 1972. С. 244.
[2] Там же. С. 248—249.
[3] Там же. С. 249.

организации отдела по охране материнства и младенчества. В нем говорилось: «Два миллиона едва затеплившихся жизней ежегодно гасли в России от темноты и несознательности угнетенного народа, от косности и равнодушия классового государства».

Охрана материнства и младенчества отныне должна была стать делом не частным, а государственным. В ведение наркомата перешли имевшиеся в стране немногочисленные ясли, консультации, приюты, основанные до революции благотворительными обществами, бывший Петроградский воспитательный дом.

Под руководством А. М. Коллонтай разрабатывались новые законы, которые должны были помочь женщине стать полноправным членом общества. Законы о расторжении брака и о гражданском браке устанавливали полное гражданское и моральное равенство супругов, уравнивали в правах детей внебрачных с законнорожденными. При участии Коллонтай были также разработаны положения об отпусках по беременности и родам, о пособиях молодым матерям.

«Что меня всегда радует теперь,— писала Коллонтай,— это тот сдвиг у нас — и отчасти во всем мире,— который произошел после 17 года в проблеме раскрепощения женщины.

Мы, наше поколение, пробивали стену...»

Созданы были специальные курсы, готовившие рабочих и крестьянок для работы в детских учреждениях. Лекции на курсах читала Александра Михайловна Коллонтай. Она сумела сплотить отряд врачей-энтузиастов — Н. Д. Королева, А. Е. Артеменко, М. В. Головинского,— которые активно участвовали в деятельности Наркомата госпризрения.

«Это были горячие и решительные месяцы нашей революции,— вспоминала А. М. Коллонтай.— Мы были голодные, редкую ночь удавалось выспаться, но мы работали со страстью, мы торопились строить новую жизнь. Мы чувствовали, что все, что делаем сегодня, нужно обязательно сегодня, пусть даже вчерне, завтра будет поздно, завтра предстоят новые задачи».

В январе 1918 года Отдел по охране материнства и младенчества приступил к устройству Дворца материнства и младенчества. Он должен был включать не только бывший воспитательный дом и бывший клинический повивально-гинекологический институт в Петрограде, но предстояло создать Музей охраны материнства, показательные ясли, консультации, молочную кухню, патронат. Александра Михайловна активно участвовала в разработке проекта Дворца материнства и младенчества, этого показательного учреждения Советской власти. Для него было выбрано зда-

ние Николаевского института. Однако в одну из ночей дворец был подожжен. Расследование не дало ничего определенного, но Коллонтай высказала предположение, что поджог организовала графиня, проживавшая в одном крыле Николаевского института. В очерке «Дворец материнства горит», впервые опубликованном в 1945 году, она приводит слова графини: «Пожар — это божеское наказание вам. Мы жили здесь по-божьему, благотворили, спасали младенцев. Мы держали нянь в порядке и строгой вере. А вы взяли да перестали платить жалованье батюшке...»[1]

Гражданская война внесла коррективы в деятельность наркома госпризрения. Летом 1918 года по направлению Центрального Комитета Коллонтай едет в Поволжье, поднимая трудящихся на борьбу против интервентов и белогвардейцев. В конце марта 1919 года она в Донбассе. ЦК КП(б)У выдал ей внушительный мандат, которым предписывалось «всем, всем, всем оказывать Коллонтай содействие». Затем ее посылают в Крымскую республику для политической работы в Красной Армии. Вместе с последними эшелонами она покинула Крым, когда деникинские банды заняли Симферополь. Украинское правительство назначило Коллонтай народным комиссаром агитации и пропаганды. Одновременно она вела работу среди киевских работниц и крестьянок. Но в конце августа ей пришлось эвакуироваться и из Киева, спасаясь от наступавших деникинцев.

В сентябре 1919 года она снова в Москве, снова ведет работу среди женщин, готовит созыв первой Международной конференции коммунисток, с большой увлеченностью работает в женотделе ЦК партии.

Двадцать первый год был очень трудным для А. М. Коллонтай. На X съезде партии, который принял решение о переходе от «военного коммунизма» к новой экономической политике, она выступила против ленинской линии. Делегатам съезда была роздана брошюра А. М. Коллонтай «Что такое «рабочая оппозиция», в которой содержалось требование передать управление хозяйством в руки профсоюзов, Всероссийскому съезду производителей.

В. И. Ленин резко критиковал взгляды «рабочей оппозиции» и брошюру А. М. Коллонтай. Съезд принял резолюцию о единстве партии, потребовал распустить все оппозиционные группировки. В то же время Ленин на съезде отмечал, что, «поскольку «рабочая оппозиция» защищала демократию, поскольку она ставила здоровые требования, мы сделаем максимум для сближения с нею»[2].

---

[1] *Коллонтай А. М.* Из моей жизни и работы. С. 344.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 55.

Не сразу отказалась Александра Михайловна от своих взглядов. На III конгрессе Коминтерна Коллонтай вновь выступила с защитой «рабочей оппозиции», так как считала, что «смолчать было бы трусостью». Выступила, но потом сожалела об этом. Делегаты конгресса одобрили платформу РКП(б).

«...Выступления закончились. Я иду через зал к выходу. Никто меня не замечает. Я знала, что это будет. Но это больно. Очень больно»,— запишет она в дневнике.

И еще одна запись:

«На душе у меня темно и тяжко. Ничего нет страшнее, больнее, чем разлад с партией. И зачем я выступила?»

В записных книжках последних дней жизни А. М. Коллонтай на вопрос: «Что я считаю моим самым ценным вкладом за мою шестидесятилетнюю революционную и государственную деятельность?» — отвечает:

«*Мой первый вклад,* конечно, то, что я дала в области борьбы за раскрепощение трудящихся женщин и утверждения их равноправности во всех областях труда, государственной деятельности, науки и пр. При этом я неразрывно связывала борьбу за раскрепощение и равноправность с двойной задачей женщины: она и гражданка и мать...

Много писала по женскому вопросу в иностранной и нашей прессе. Написала свой научный труд «Общество и материнство»...

После взятия власти и включения меня как наркома в первый кабинет Советской власти я конкретно стала проводить принципы охраны материнства...

По моей инициативе в 1918 году был созван [Первый] съезд работниц и крестьянок в Москве...

...Я считала и считаю, что без упразднения основ буржуазной морали равноправность женщины не может быть достигнута... Не сексуальные отношения определяют нравственный облик женщины, а ее ценность в области труда, общественно-полезного труда... Мои брошюры и статьи переводились на разные языки и имели широкое распространение и отклик... вызывали споры, но и создавались группы сторонниц, которые приходили в ряды друзей СССР и к пониманию общечеловеческих, великих задач партии»[1].

Брошюры и статьи А. М. Коллонтай по вопросам любви и брака вызывали не только споры, но и резкие, справедливые возражения. Она считала, что в противоположность буржуазному обществу, идеалом которого была законобрачная супружеская пара,

[1] *Коллонтай А. М.* Из моей жизни и работы. С. 364—366.

пролетариат создает свободный союз, основанный только на любви-товариществе, союз не обязательно длительный. По ее мнению, семья в коммунистическом обществе обречена на исчезновение, женщина не будет в материальной зависимости от мужа, заботы о воспитании детей все больше перейдут к государству, к обществу. Эти идеи А. М. Коллонтай считала настолько очевидными, что во время VIII съезда партии, когда обсуждалась новая Программа, она обратилась к Ленину с просьбой внести поправку «в отношении к женскому вопросу в целом и к семье в частности». По лицу Владимира Ильича она поняла, что он не одобряет поправку.

— Что вы хотите сказать этим выражением — исчезновение замкнутой формы семьи? — так Коллонтай передает реакцию Ленина.— Ишь куда вы хватили при коммунизме! Программа — вещь актуальная, надо исходить из практических надобностей. Нам, наоборот, надо семью удержать от развала, особенно сейчас надо детей сохранить...

А. М. Коллонтай обвиняли, что она выступает сторонницей так называемой «свободной любви». Известно, что В. И. Ленин в письмах Инессе Арманд подчеркивал, что требование «свободной любви» могло быть истолковано как требование свободы от серьезного в любви, от деторождения, как свободы адюльтера и т. п., то есть как понимают «свободу любви» представительницы буржуазии.

Вторым своим вкладом в борьбу за строительство нового общества А. М. Коллонтай считала интернациональную работу, особенно выделяла период империалистической войны, 1915—1916 годы. Она состояла в Международном бюро по работе среди работниц, возглавляемом Кларой Цеткин. В феврале 1918 года Коллонтай по решению ВЦИК во главе делегации выезжала за границу — в Швецию, Англию, Францию с дипломатической миссией для информации о положении в России. В 1921 году она была избрана в Исполком Коминтерна и стала заместителем Клары Цеткин в Международном женском секретариате Коммунистического Интернационала.

«*Третий мой вклад,*—пишет А. М. Коллонтай,— в политику укрепления Советского Союза — это моя работа по линии дипломатии с 1922 года по март 1945 года...»[1]

В октябре 1922 года А. М. Коллонтай назначена советником полпредства СССР в Норвегии, с мая 1923 года — главой полпредства и торгпредства СССР в Норвегии. При активном содейст-

[1] *Коллонтай А. М.* Из моей жизни и работы. С. 367.

вии А. М. Коллонтай в феврале 1924 года был подписан договор между СССР и Норвегией о взаимном признании. Норвегия стала одной из первых европейских стран, юридически признавшей Советское правительство. В том же году ее назначают послом Советского Союза в Норвегии.

В 1926—27 годах А. М. Коллонтай становится полпредом и торгпредом СССР в Мексике, в 1927—1930 годах — в Норвегии, в 1930 году — посланником Советского Союза в Швеции. Она добивается подписания договора о возвращении СССР золотых запасов, помещенных правительством Керенского в шведские банки, активно участвует в создании Шведско-Советского общества культурных связей, избирается почетным членом его правления. В 1942 году А. М. Коллонтай — глава дипломатического корпуса в Швеции, в 1945 году награждена орденом Трудового Красного Знамени за успешное выполнение заданий Советского правительства во время Великой Отечественной войны.

В 1946—1952 годах А. М. Коллонтай ведет большую работу в качестве советника Министерства иностранных дел СССР.

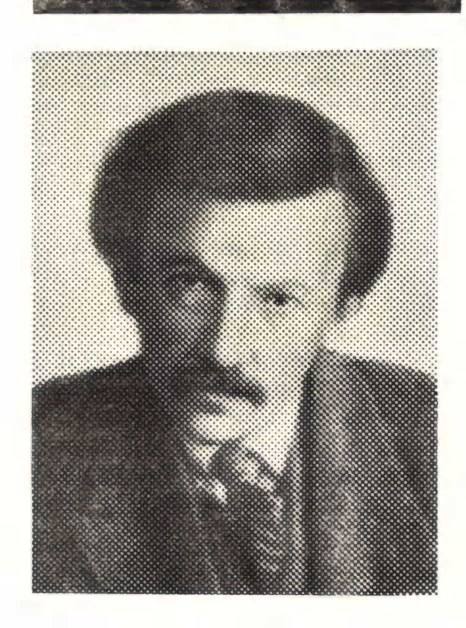
«В моей жизни было все — и достижения, и огромный труд, признание, популярность среди широких масс, преследования, ненависть, тюрьмы, неудачи и непонимание моей основной мысли (в женском [вопросе] и в постановке брачного вопроса), много больных разрывов с товарищами, расхождений с ними, но и долгие годы дружной, созвучной работы в партии (под руководством Ленина)» — так писала А. М. Коллонтай, размышляя о пережитом. «Советская Родина мне дорога как осуществленная греза. Это и есть государство моих грез, и я хочу, чтобы оно было совершенное и людям в нем жилось легче и счастливее...»[1]

Шкаренкова Г. П.

---

[1] *Коллонтай А. М.* Из моей жизни и работы. С. 371.

Народный комиссар финансов В. Р. МЕНЖИНСКИЙ

Народным комиссаром финансов в первом Советском правительстве был Вячеслав Рудольфович Менжинский, профессиональный революционер, талантливый политик. Он родился 19 августа 1874 года в Петербурге. Его отец, Рудольф Игнатьевич, был преподавателем истории, мать, Мария Александровна, принадлежала к кружку интеллигентов, стремившихся сделать высшее образование доступным для женщин.

После окончания гимназии Вячеслав Рудольфович учился на юридическом факультете Петербургского университета, который закончил в 1898 году. В автобиографии он писал: «В революционном движении как пропагандист работаю с 1895 года. В партию вступил в 1902 году в Петербурге. В 1905 году был членом лекторской группы при ЦК; работал также в Нарвском районе, затем

перешел в военную организацию, был членом Комитета Петербургской военной организации. По делу этой организации был арестован в 1906 году, но от явки в военный суд уклонился, эмигрировал за границу, где и пробыл до Февральской революции. С (лета) 1917 года снова в Петрограде — член бюро военной организации и редактор газеты «Солдат».

В эмиграции Менжинский знакомится с рабочим движением. С этой целью кроме Франции и Швейцарии, где подолгу жил, посетил Бельгию, Италию, Германию, Англию и Соединенные Штаты Америки. Слушал лекции в Сорбонне, изучал иностранные языки, свободно владел немецким, французским, английским, а всего знал 19 иностранных языков. Работал в редакциях большевистских газет, а после переезда из Швейцарии в Париж — в банке «Лионский кредит».

Менжинский, как и другие наркомы первого Советского правительства, был образованным марксистом. В личном листке члена РКП(б) он писал: «Теоретическая подготовка марксистская. Читал более или менее все, что выходило по теории марксизма до 1917 года. С тех пор не могу постоянно следить за наукой». Вместе с тем этот образованный марксист был человеком дела, понимал и чувствовал ответственность за порученное. Высокая дисциплинированность и исполнительность, постоянная требовательность к себе и подчиненным, революционная бдительность сделали Менжинского одним из организаторов победы пролетарской революции, Советской власти.

После Февральской революции партия большевиков под руководством В. И. Ленина вела подготовку трудящихся России к вооруженному восстанию. Менжинский вошел в состав Военно-революционного комитета Петроградского Совета.

На рассвете 24 октября в типографию, где печаталась газета «Солдат», явился отряд юнкеров. Комиссар Временного правительства объявил о запрещении правительством этой газеты и предъявил ордер на закрытие типографии и арест редактора. Типографские рабочие заявили, что без подписи ВРК ордер недействителен. Юнкера начали громить оборудование типографии, опечатали двери. ВРК, извещенный рабочими о погроме, принял постановление: типографии революционных газет открыть. Предложить редакциям и наборщикам продолжать выпуск газет. Почетную охрану революционных типографий ВРК возложил на солдат Литовского полка и 6-го запасного саперного батальона.

Менжинский из Смольного приехал в типографию. Номер газе-

ты «Солдат» был уже заново набран и сверстан. Подписав номер в печать, он снова отправился в Смольный, захватив с собой несколько оттисков газеты.

...Смольный гудел как улей. Его коридоры переполнены вооруженными солдатами и матросами. У подъезда толпились отряды Красной гвардии. На первом этаже шло заседание Центрального Комитета партии. Оставив в приемной свежие номера газеты «Солдат», Менжинский поднялся на третий этаж в Военно-революционный комитет.

В ночь с 24 на 25 октября ВРК назначил Менжинского своим комиссаром при министерстве финансов. С мандатом о назначении он отправился в казарму Павловского запасного полка, где получает безымянный пропуск: «Дан сей Комиссару Военно-Революционного Комитета при Министерстве финансов на право свободного и беспрепятственного следования по городу. Председатель полкового комитета Кикуль».

С этим пропуском Менжинский отправился к Главной конторе Государственного банка на Екатерининский канал (ныне канал Грибоедова, 32). Сюда же подошел отряд моряков гвардейского флотского экипажа. Комиссар отряда имел предписание ВРК: «Занять Главную контору Государственного банка к 6 часам утра 25 октября». Задача была выполнена точно. Телефонист управления петроградской милиции в бюллетене происшествий за 25 октября 1917 года записал:
«6 часов 30 мин (восставшими) занят Государственный банк»[1].

Кроме Главной конторы Госбанка были заняты Главное казначейство и экспедиция заготовления государственных бумаг.

После полудня 25 октября Менжинский с отрядом красногвардейцев прибыл в министерство финансов на Мойку, 43. В роскошном подъезде министерства стоял строгий швейцар в ливрее с золочеными пуговицами.

— Что вам угодно, господин? — спросил он вошедшего Менжинского.

— Я назначен комиссаром по министерству финансов. Проведите меня в кабинет министра!

Швейцар торопливо взял у Менжинского его заграничное пальто и шляпу, повесил на вешалку и проводил в кабинет министра.

Менжинский одного за другим вызывал министерских чиновников для беседы. Вдруг раздался телефонный звонок.

— Кто говорит? — спросил Менжинский.

---

[1] Красная летопись. 1927. № 2 (23). С. 128.

— Министр финансов. А со мной кто говорит?

— Комиссар Совета по министерству финансов.

Министр Бернацкий (он звонил из Зимнего дворца, где еще находилось Временное правительство) несколько секунд молчал, а затем, медленно подбирая слова, произнес:

— Я пришлю к вам товарища (заместителя) министра. И советую одно — берегите экспедицию заготовления государственных бумаг.

Утром 26 октября, придя в министерство, Менжинский узнал, что служащие Госбанка бастуют, что моряки, охранявшие Госбанк, ушли на фронт под Царское Село сражаться против Краснова и Керенского. Пустовали рабочие места и в самом министерстве. Служащим раздавали жалованье за три месяца вперед.

— Кто приказал? — спросил комиссар.

— Заместитель министра,— ответили ему.

Менжинский распорядился прекратить выдачу жалованья и усилить охрану Государственного банка.

Комиссар Семеновского полка докладывал ВРК: «25 октября караул Семеновского полка у Госбанка, сберегательной кассы и главного казначейства составлял 55 человек. 26 октября полк получил приказание об усилении охраны Государственного банка, которое исполнено.

26 октября прибыло 40 человек, два пулемета»[1].

В полдень к Менжинскому в министерство финансов пришел первый посетитель — рабочий завода «Эриксон» депутат Петроградского Совета А. Семенов. Рассказал, что у заводского кассира по дороге из банка на завод экспроприировали деньги, 450 тысяч, жалованье рабочим. По совету комиссара банка был в Смольном у Ленина. Семенов протянул Менжинскому записку. Развернув сложенную вдвое четвертушку бумаги, комиссар по финансам прочел: «Сим уполномочен Семенов привезти в Революционный комитет комиссара Менжинского. Член Военно-революционного Комитета Ленин»[2].

В Смольном Менжинский нашел В. И. Ленина на первом этаже, в комнате, где шло заседание ЦК партии. Увидев вошедшего Менжинского, Ленин быстро написал новую записку-распоряжение: «Немедленно выдать т. Семенову 500 тысяч рублей для раздачи жалованья рабочим завода «Эриксон».

«Сегодня суббота. Банк выдает деньги только до часу»,— подумал Менжинский, быстро вышел из комнаты и вместе с Семеновым поехал в Госбанк.

---

[1] Исторический архив. 1957. № 5. С. 99—100.

[2] Рабочие и крестьяне о Ленине. М., 1933. С. 94—95.

В тот день, 26 октября, в перерыве между утренним и вечерним заседаниями II съезда Советов ЦК обсуждал вопрос о формировании первого Советского правительства, чтобы его состав предложить на утверждение съезда. Вечером того же дня состоялась вторая встреча Менжинского с В. И. Лениным. Во время этой встречи Владимир Ильич и предложил Менжинскому войти в состав Совета Народных Комиссаров. Г. И. Ломов вспоминал: «Желающих попасть в наркомы было немного... Я помню одну сцену, живо врезавшуюся мне в память. В далеком коридоре Смольного, на втором этаже товарищ Ленин поймал очередную свою жертву — кажется, это был Менжинский. Ленин прочно ухватил Менжинского за пуговицу и, несмотря на все его попытки выскользнуть, не упускал от себя. Ленин напирал на то, чтобы Менжинский был немедленно назначен народным комиссаром финансов»[1].

Менжинский отказался от поста наркома. Он согласился лишь временно исполнять обязанности комиссара ВРК по министерству финансов. Наркомом финансов был на II съезде Советов утвержден И. И. Скворцов-Степанов, член Московского военно-революционного комитета. Но затянувшаяся борьба с контрреволюцией задержала его в Москве, и он не смог приехать в Петроград.

30 октября 1917 года В. И. Ленин подписал постановление Совнаркома о назначении Менжинского временным заместителем народного комиссара по министерству финансов.

«Назначение Менжинского,— вспоминал В. Д. Бонч-Бруевич,— состоялось поздно вечером. Тов. Менжинский был в то время чрезвычайно переутомлен... С одним из товарищей принес большой диван, поставил его около стены тут же в управлении делами и крупно написал на писчем листе бумаги: «Комиссариат финансов». Укрепив эту надпись над диваном, он лег спать на диван, мгновенно уснул...

Владимир Ильич вышел из кабинета, и я сказал ему:

— Смотрите! У нас уже организован и второй комиссариат, и тут же близехонько. Позвольте Вас познакомить с ним,— и я подвел Владимира Ильича к дивану, на котором тов. Менжинский блаженно спал.

Владимир Ильич прочел надпись, увидел спящего комиссара, самым добродушным образом расхохотался и заметил, что это очень хорошо, что комиссары начинают с того, что подкрепляются силами»[2].

---

[1] Пролетарская революция. 1927. № 10 (59). С. 171—173.

[2] *Бонч-Бруевич В. Д.* Воспоминания о Ленине. М., 1965. С. 120.

Вечером 30 октября Менжинского в Смольном разыскал американский журналист Джон Рид, чтобы из первых рук получить информацию о забастовке служащих.

О встрече с Менжинским он писал: «Наверху в столовой сидел забившись в угол человек... Лицо его заросло трехдневной щетиной. Он нервно писал что-то на грязном конверте и в раздумье покусывал карандаш. То был комиссар финансов Менжинский... У него был озабоченный вид. Забастовка всех министерств, сообщил он нам, производит свое действие... Но хуже всего то, что бастуют банки».

«Без денег,— говорил Менжинский,— мы совершенно беспомощны. Необходимо платить жалованье железнодорожникам, почтовым и телеграфным служащим... Банки закрыты, главный ключ положения — Государственный банк тоже не работает... а что до частных банков, то только что издан декрет, приказывающий им открыться завтра же, или мы откроем их сами!»[1]

Саботаж чиновников начался 25—26 октября по призыву образовавшегося «Комитета спасения родины и революции» и контрреволюционной Петроградской городской думы.

Под руководством В. И. Ленина Советы начали борьбу с саботажем и контрреволюцией. 7 декабря декретом Совнаркома была создана Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем. 8 декабря в состав этой комиссии был введен Менжинский.

15 ноября на заседании Совнаркома было решено, что народные комиссары должны перенести свою работу в соответствующие министерства и ведомства и собираться в Смольный только к вечеру для совещаний и осуществления контакта с другими демократическими организациями.

С этого дня рабочим местом Менжинского становится кабинет министра в министерстве финансов.

На министерство финансов сразу же после взятия власти большевиками выпала труднейшая задача — принять меры к повышению жизненного уровня. Для этого нужны были средства. А финансы страны были в самом плачевном состоянии. Государственный долг, составлявший до войны 9 миллиардов рублей, достиг к Октябрьской революции 55 миллиардов рублей. Денежное обращение было расстроено чрезмерным выпуском бумажных денег. Отпечатанные «керенки» даже не успевали разрезать.

Совет Народных Комиссаров предписал министерству финансов открыть в срочном порядке кредит до 25 миллионов рублей

---

[1] *Рид Д.* 10 дней, которые потрясли мир. М., 1957. С. 188—189.

на экстренные расходы по закупке продовольствия для армии и на другие нужды.

Трудность выполнения задачи усугубилась тем, что в начале своей деятельности Менжинскому и его помощникам пришлось столкнуться с упорным саботажем служащих бывшего министерства финансов, Государственного банка.

Бастовали и другие финансовые учреждения. «Были времена, когда почти единственными работниками во всем комиссариате были Менжинский и его несколько помощников, которые одни должны были подготавливать и проводить в жизнь финансовые мероприятия, вся же остальная сложная финансовая машина бездействовала»,— говорилось в Обзоре деятельности Народного комиссариата финансов, составленном в 1918 году.

Вечером 30 октября постановлением правительства за подписью В. И. Ленина и Менжинского было предписано «открыть 31 октября банки в обычные часы»[1]. Одновременно Менжинский за своей подписью предписал Комитету съездов банков: «31 октября открыть все банки для оплаты чеков... Неисполнение означенного приказа повлечет за собой самую строгую революционную ответственность»[2].

В тот же день, 30 октября, Совнарком направил в Государственный банк предписание, в котором предлагалось открыть в Петроградской конторе Госбанка счет на имя Совета Народных Комиссаров. Выдачи по данному счету должны производиться по требованиям Председателя Совета Народных Комиссаров или временного заместителя народного комиссара по министерству финансов. Тут же были образцы подписей В. Ульянова и В. Менжинского.

Однако на это предписание саботажники ответили забастовкой. Они надеялись на победу поднявших мятеж юнкеров в Петрограде и войск генерала Краснова под Пулковом.

Всю неделю шла острая, но в итоге безрезультатная борьба с забастовщиками. Вечером 8 ноября ВЦИК заслушал сообщение Менжинского о сопротивлении чиновников Госбанка, отказавших в выдаче денег Совнаркому на ординарные расходы. Усмотрев в поведении старших чиновников министерства финансов и Госбанка преступный саботаж, Центральный Исполнительный Комитет предложил Совету Народных Комиссаров принять самые энергичные меры для немедленной ликвидации саботажа контрреволюционных чиновников и призвал всех остальных служащих

[1] Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 30.
[2] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, д. 25, л. 57.

Госбанка, верных делу народа, оказать Советской власти всестороннее содействие. В тот же день Менжинский, собрав служащих Госбанка, объявил им строгий приказ по министерству финансов.

Вот его текст:

«Все служащие и чиновники, не признающие власти Совета Народных Комиссаров, считаются уволенными без сохранения права на пенсию...

Служащие и чиновники, желающие продолжать работу и всецело подчиняться революционной власти Совета Народных Комиссаров, должны в понедельник приступить к занятиям.

Списки приступивших к работе должны быть представлены в кабинет министра финансов (Мойка, 43) в понедельник 13 ноября сего года к 6 часам вечера.

Уволенные чиновники, пользующиеся казенной квартирой, должны ее очистить в течение трех дней, считая с 13 ноября сего года».

Этот приказ, подписанный В. Менжинским и секретарем СНК Н. Горбуновым, на следующий день, 25 (12) ноября, был опубликован в «Правде».

После чтения приказа присутствовавший при этом председатель ВРК Н. И. Подвойский предложил: отойти вправо тем, кто признает Советскую власть, и расписаться об этом на листе бумаги.

Саботажники устроили обструкцию, демонстративно отступив в левую сторону зала. На предложенной Подвойским бумаге никто не подписался. Но представители профсоюзного комитета служащих предложили вопрос о приказе обсудить на собрании служащих в понедельник 13 ноября.

Менжинский и Подвойский согласились подождать до 13 ноября. В понедельник состоялось общее собрание, а затем встреча Менжинского со всеми служащими Госбанка.

Обо всем, что было в эти дни в Госбанке, Менжинский информировал В. И. Ленина. Было решено назначить в банк нового комиссара — Осинского (В. В. Оболенского), члена партии большевиков, со всеми правами управляющего, а исполняющего обязанности управляющего А. К. Голубева уволить по его личной просьбе.

На следующей неделе Менжинскому с помощниками удалось овладеть ключами от кладовых банка, с помощью счетчиков и других служащих провести проверку кладовых и установить точную сумму находившихся у них денег. 17 ноября секретарь СНК Н. П. Горбунов получил в Госбанке для Совнаркома по доверен-

ности Ленина 5 миллионов рублей в счет 25-миллионного аванса. В тот же день Менжинский, Осинский и Горбунов составили и подписали акт, в котором указали, какие купюры и на какую сумму находились в каждом из привезенных в Смольный из банка мешков. На следующий день этот акт был опубликован в «Правде».

Большевикам удалось овладеть Государственным банком и поставить его на службу народу. О значении этой победы и роли в ней Менжинского Д. З. Мануильский писал: «В самые бурные дни бешеного сопротивления свергаемых классов, при истерическом вопле всей буржуазной печати он вошел как хозяин в помещение Государственного банка, крепкой рукой обуздал саботажников, с неизменной улыбкой раскрыл сейфы и твердо провел до конца волю пролетариата...»

Теперь предстояло поставить работу банка на службу Советской власти. Это была трудная задача. Среди большевиков, пришедших на работу в министерство финансов и в банк, не было ни одного человека, знакомого с банковской техникой в целом. Задача налаживания работы Госбанка, вспоминал комиссар Госбанка Осинский, «казалась трудной и невыполнимой. Служащие как раз и рассчитывали на то, что, не справившись с делами, мы позовем их обратно. Они не учли двух обстоятельств: их отсутствие заставляло нас ориентироваться гораздо скорее... Тот банк, который был нужен нам, был аппаратом в десять раз более простым и грубым, чем то учреждение, полное капиталистических функций, которое отдали в наши руки»[1].

Менжинский и пришедшие вместе с ним в министерство финансов большевики немедленно двинули гонцов в рабочие организации, районные Советы Петрограда с просьбой дать им людей, знакомых с банковским делом. Искали специалистов через советские и партийные учреждения. Помогали Менжинскому в этих поисках ЦК партии и ВЦИК. На место уволенных саботажников в финансовые органы пришли новые люди, знающие финансовое дело. На должность помощника народного комиссара прибыл из Москвы опытный финансист Д. П. Боголепов. Петроградский Совет направил на работу в банк членов партии, бывших банковских работников, супругов Соловей. В своих воспоминаниях Е. М. Соловей, комиссар отдела заграничных операций Госбанка, писала: «Шла я к Менжинскому с твердым намерением отказаться от этого назначения.

[1] Экономическая жизнь. 1918. 6 ноября.

Но товарищ Менжинский своим умелым подходом, высокой культурой, партийной убежденностью поколебал мое решение, и я пошла работать в банк... Сам Менжинский работал днем и ночью, все свое время он проводил то в Госбанке, то в Смольном, то в Наркомате финансов. Он своей преданностью (делу) и оперативностью заражал нас всех. Он терпеливо учил нас, разъяснял нам, как выполнить каждому работу на своем участке»[1].

Сам Менжинский, по словам А. Е. Аксельрода, «с поразительной быстротой осваивал финансовое хозяйство республики и давал директивы, всегда ясные и отчетливые». В работе был чрезвычайно требовательным, настойчивым и себя не щадил, мало спал, плохо питался. Несмотря на огромную занятость, проявляя заботу о подчиненных, был чуток и внимателен к товарищам [2].

Коммунисты, пришедшие на работу в Наркомфин, какое-то время не получали заработной платы. Пожаловались Менжинскому. По его распоряжению было написано представление в Совнарком о необходимости срочного решения вопроса о назначении и выплате жалованья членам комиссариата из средств Совнаркома, так как «проведение этого расхода по ассигновкам министерства в связи с саботажем чиновников невозможно, да и не всегда желательно».

Совет Народных Комиссаров рассмотрел это представление. В. И. Ленин вверху заявления написал: «Утверждено в засед. Совета, Ленин».

Наладить работу Государственного банка, этого основного нерва финансовой жизни страны, Менжинскому удалось только с громадным напряжением, только при помощи счетчиков и младших служащих, которые не примкнули к забастовке и дали вести первое время работу при минимальном количестве руководящих работников.

Советское правительство, овладев Государственным банком, получило возможность финансировать промышленность, местные Советы. Уже 19 ноября Совнарком обсуждал вопросы, связанные с распределением денег через Государственный банк. Было решено перевести 100 миллионов рублей для пополнения Московской конторы Госбанка, а 20 ноября на заседании Совнаркома Менжинский предложил всем наркомам прислать в Наркомат финансов своих представителей для обсуждения вопроса об ассигнованиях на ближайшие расходы.

---

[1] О Вячеславе Менжинском: Воспоминания, очерки, статьи. М., 1985. С. 113, 115.

[2] См. там же. С. 116.

Через Государственный банк Советское правительство пыталось осуществлять контроль над частными банками. Но банкиры, формально признав советский контроль над банками, готовили финансовый заговор против Советского государства. Об этом стало известно, и Советское правительство, по предложению Менжинского, обратилось к рабочим и солдатам с призывом изгнать из частных банков саботажников, обеспечить честный и твердый контроль над банками. Банкиры продолжали нарушать советские законы. Русский торгово-промышленный банк обратился с просьбой в Государственный банк о выдаче ссуды в сумме 150 миллионов рублей. К письменной просьбе была приложена рекомендация коллегии Госконтроля: Госбанку удовлетворить просьбу о ссуде. Рекомендацию подписали члены коллегии Портянко, Шаблинский и Шевников.

Наркомфин Менжинский опротестовал эту рекомендацию. По его протесту Совнарком 19 декабря принял написанную Лениным резолюцию: «СНК предлагает всем подписавшим 11.XII рекомендацию о выдаче ссуды в 150 000 000 рублей членам коллегии государственного контроля представить в течение 24 часов подробное письменное объяснение по этому поводу»[1].

Объяснение провинившихся Совнарком рассмотрел, поведение членов коллегии Госконтроля нашел ошибочным, принципиально недопустимым и признал невозможным работу коллегии в прежнем составе.

Факты нарушения банкирами соглашения с Государственным банком побудили Советское правительство ускорить проведение национализации частных банков.

Проект декрета было поручено составить Менжинскому. Однако этот проект не удовлетворил Ленина, и он разработал свой вариант, который и был принят Центральным Исполнительным Комитетом 14 декабря 1918 года.

Утром этого дня частные банки были заняты отрядами матросов. Изъятые ключи от касс и кладовых банков были сданы на хранение комиссару Государственного банка. Операция по занятию банков и изъятию ключей была проведена быстро и четко.

По словам В. И. Ленина, национализация банков «была одной из первых мер, направленных... для подрыва... возможности гнета капитала над миллионами... трудящихся...»[1].

---

[1] Ленинский сборник XXI. С. 154—155.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 273.

Из всех банков был создан единый народный банк. Национализация банков нанесла сильнейший удар по финансовому капиталу, не только русскому, но и международному. Другим сильным ударом по капиталу было аннулирование всех внешних государственных займов царского и Временного правительств.

Были упразднены Государственный дворянский и Крестьянский поземельный банки. Эта мера Советской власти была направлена на ликвидацию экономической базы классового господства помещиков.

По предложению Менжинского были прекращены платежи по купонам и дивидендам, запрещены все сделки с ценными бумагами. Наркомфин по инициативе Менжинского принял все возможные меры к тому, чтобы ценности не уплыли за границу. Петроградский военно-революционный комитет 11 ноября 1917 года принял постановление о том, чтобы «все иностранные подданные при выезде из страны подвергались на границе самому тщательному обыску во избежание вывоза за границу документов, золота и проч.».

Были приняты меры к тому, чтобы огромные ценности, золото, драгоценности, произведения искусства и т. п., сосредоточенные в хранилищах частных банков, в царских дворцах, были сохранены для народа. Их свозили в определенные для хранения музеи — Эрмитаж, Русский музей, банки и другие хранилища. Перевозка поручалась проверенным лицам.

Национализация частных банков, создание единого народного (государственного) банка означали подчинение старого финансового аппарата Советской власти.

Комиссариат складывался постепенно. В недрах старого министерства сложилась коллегия будущего народного комиссариата. Первое заседание коллегии прошло 10 января 1918 года. Протокол его сохранился в архиве.

Прежде всего было рассмотрено предложение о составе коллегии. В состав первой коллегии Народного комиссариата по финансовым делам вошли: народный комиссар финансов Вячеслав Рудольфович Менжинский, заместители наркома: Дмитрий Петрович Боголепов, Александр Петрович Спундэ, Александр Ефремович Аксельрод; члены коллегии: Михаил Степанович Александров (Ольминский), Григорий Яковлевич Сокольников, Георгий Леонидович Пятаков (от ВСНХ). Совет Народных Комиссаров 20 января (2 февраля) 1918 года утвердил Менжинского в должности наркома и состав коллегии Наркомфина.

На первом заседании коллегии было определено, что все проекты постановлений по финансовым вопросам вносятся в Совнарком от имени коллегии после всестороннего обсуждения на ней.

На заседании были обсуждены вопросы:

— об отношениях с ВСНХ — коллегия имеет право принимать любые решения, если они не противоречат постановлениям СНК, ВСНХ;

— о реорганизации совета Государственного банка;

— об иностранной валюте;

— на коллегии было решено аннулировать долг японским фирмам «ввиду тождественности этого долга с аннулированными долгами».

Было решено также отказать в кредитах чайным фирмам потому, что фирмы, предлагая чай, не дают гарантий доставки чая.

В деятельности Народного комиссариата финансов начинался новый период — период организации советского финансового хозяйства. Сам Менжинский с поразительной быстротой осваивал финансовое хозяйство республики, давал директивы всегда ясные и отчетливые. Особенно ярко эти качества у него проявились, когда В. И. Ленин после утверждения в Совнаркоме коллегии Наркомфина 2 февраля 1918 года дал указание составить смету доходов и расходов на 1918 год. Уже через неделю коллегия Наркомфина рассмотрела и одобрила выработанные под руководством Менжинского предложения ведомствам по составлению смет на 1918 год. При их составлении предлагалось с исключительной бережливостью отнестись к народным средствам и обсудить составленные сметы в совещаниях с представителями от Комиссариата финансов, ВСНХ и Государственного контроля.

Первый подлинно народный бюджет был составлен, рассмотрен и утвержден Советом Народных Комиссаров и впервые в истории России был опубликован в газетах.

Со всех концов страны ехали гонцы в Питер к Менжинскому за деньгами.

И откуда бы ни был гонец, Менжинский встречал его с неизменной доброжелательностью. Уважение к собеседнику, ум, личное обаяние производили на просителя неизгладимое впечатление. О своем впечатлении о встречах с Менжинским оставила воспоминания секретарь Московского военно-революционного комитета, заведующая культотделом Моссовета А. А. Додонова: «Военно-

революционный комитет поручил мне поехать в Петроград в декабре 1917 года получить распоряжение наркома Менжинского на выдачу Госбанком нужных сумм и доставить их в Москву. Мне выдали мандат без указания статей расхода и обоснования и сказали, что этого мандата достаточно, а что недостанет, Менжинский дополнит... В Смольном встречаю знакомого москвича В. А. Аванесова. От него узнаю, что ежедневно в 9 часов утра все наркомы собираются в Смольном рядом с комнатой Ленина. Здесь происходит обмен мнениями и решение неотложных вопросов.

Утром следующего дня прихожу в комнату, где должны собраться наркомы. Подхожу к Менжинскому. Читает ходатайство Военно-революционного комитета, ставит на углу бумаги резолюцию и предлагает немедленно ехать в Госбанк, так как в субботний день учреждения работают до 12 час. дня»[1].

Свидетельство другого гонца из Мурманска, члена большевистской партии Т. Д. Аверченко. Он пришел в Смольный к Ленину. Его выслушал В. Д. Бонч-Бруевич.

— Помощь на Мурманск направим. Прошение ваше доложу Ленину, хотя он сейчас очень занят.

«Оставив меня в своем кабинете,— вспоминал Аверченко,— он ушел к Ленину.

Вернулся спустя полчаса и, улыбаясь, говорит:

— Вас примет Менжинский, и денег пять миллионов получите... Вы знаете, где Государственный банк?

Я утвердительно ответил:

— Знаю.

— На самоуправление вам деньги даст Лацис,— и подал мне руку.

Попрощавшись, я отправился к Лацису, ведавшему в НКВД местными делами. А затем к Менжинскому в Наркомфин. Получил через банк пять миллионов. Мне дали вагон-теплушку и охрану. Возвратясь в Мурманск, лично доставил в тундру муку три тысячи пудов для голодавшего местного населения. 30 тысяч пудов муки отгрузили из Кандалакши для Петрограда».

Творчески участвуя в создании новой, советской экономики, Менжинский проводил четкую классовую линию. В. И. Ленин не раз подчеркивал огромное значение проведенных им мер в области финансовой политики для дела строительства социалистического

[1] Рассказывают участники Великого Октября. М., 1957. С. 258—260.

общества в стране. Ленин их называл первыми шагами к социализму.

В марте 1918 года в связи с германским наступлением на Восточном фронте, Советское правительство переехало из Петрограда в Москву. Менжинский по решению ЦК партии был оставлен в Петрограде. Руководство Наркомфином было возложено на его заместителя Гуковского.

В апреле 1918 года Менжинский был направлен в Германию генеральным консулом РСФСР в Берлине, а с 1919 года и до конца жизни работал в органах ВЧК—ОГПУ.

Умер Вячеслав Рудольфович 10 мая 1934 года и похоронен у Кремлевской стены на Красной площади.

Смирнов М. А.

Главный комиссар-управляющий Госбанком
Н. ОСИНСКИЙ (В. В. ОБОЛЕНСКИЙ)

В состав первого Советского правительства был включен Н. Осинский (настоящие имя и фамилия его — Валериан Валерианович Оболенский). Сегодня мы могли бы сказать, что тридцатилетний Осинский был представителем молодого поколения — это соответствовало бы современному пониманию возраста политического деятеля. Но в 1917 году тридцатилетние революционеры имели за плечами большой жизненный опыт и долгие годы подпольной работы. Это были зрелые люди, высокообразованные, самостоятельно мыслящие. Личность и судьба Н. Осинского (В. В. Оболенского) — тому свидетельство.

Валериан Валерианович Оболенский родился в 1887 году. Отец его был из мелкопоместных дворян, после окончания Ветеринарного института он служил управляющим на одном из конных заводов Курской губернии. Человек радикальных убеждений и высо-

кой культуры, он, как писал В. В. Оболенский в автобиографии [1], «усиленно заботился о том, чтобы дать детям наилучшее образование, нанимая нам учительниц для обучения иностранным языкам. По-немецки и по-французски я говорю с детства. Поощрял он детей и к чтению. Белинского и Добролюбова, не говоря уже о классиках-беллетристах, я мальчиком читал по его совету».

В 1897 году семья Оболенских переехала в Москву, где Валериан поступил в гимназию. В. В. Оболенский вспоминал впоследствии о гимназических годах: «Уже с четвертого класса гимназии я попал в кружок, занимавшийся сперва чтением беллетристики и литературно-критических сочинений, а также издававший гимназический журнал...» Это дало Оболенскому «отличную писательскую тренировку... Кружок наш эволюционировал к марксизму довольно медленно, но радикально-политического и материалистического направления был почти с самого начала».

Однако к 1905 году, к началу первой российской революции, гимназиста Оболенского все больше стала захватывать политика. «Мы и свою работу в гимназии повернули в политическое русло,— пишет он,— стали издавать ежедневную газету, устраивали в гимназии (где господствовал либеральный режим) рефераты и дискуссии на смежные с политикой темы и в то же время решили окончательно политически самоопределиться».

Осенью 1905 года Оболенский поступил в университет, но учиться ему не пришлось. В дни Декабрьского вооруженного восстания в Москве он был летучим репортером «Известий Московского Совета», бегал на сходки, демонстрации, работал в социал-демократическом клубе.

После разгрома Декабрьского восстания Оболенский на год уехал в Германию. В Мюнхене и Берлине он изучает политическую экономию, читает Плеханова и Ленина. Свое политическое образование Оболенский довершает в России, куда вернулся осенью 1906 года: с друзьями-единомышленниками штудирует не только марксистскую литературу, но и работы критиков марксизма из буржуазного и анархистского лагеря. В 1907 году организация большевиков приняла двадцатилетнего юношу в члены партии. Он так пишет в автобиографии: «...мы сочли себя вполне готовыми к тому, чтобы быть сознательными членами партии (мы так ставили себе этот вопрос), решили определенно проблему своей фракционной принадлежности и всей группой в шесть человек вступили в замоскворецкую районную организацию РСДРП(б)».

---

[1] Энциклопедический словарь Гранат. Т. 41. Ч. II. Приложение. Стб. 89—98.

Стоит отметить, что это произошло не в период подъема революции, а когда революция уже шла на убыль. Вступление в ряды партии большевиков было для Оболенского результатом серьезного обдумывания ее Программы, итогом сознательного выбора. Но нельзя не сказать и о том, что после вступления в РСДРП(б) путь его не был ни прямым, ни легким. Ему было свойственно стремление дать **свое** объяснение происходящему, найти **свое** решение вопросов, выдвигавшихся жизнью, теоретически осмыслить их. Это порой приводило его к выводам, не совпадавшим с линией большинства. Так, он отмечает в автобиографии, что «в разногласиях, возникших вокруг вопроса об участии в Гос. думе, я был «отзовистом» (отсюда идут корни последующего моего «левого коммунизма»)... что тем не менее я никогда не был богдановцем или эмпириокритиком какой-либо разновидности, но всегда был последовательным сторонником диалектического материализма».

Весной 1909 года, когда В. Оболенский вел партийный кружок на Пречистенских курсах, он познакомился с Н. Бухариным, который пришел на занятие кружка по поручению Московского комитета партии. Вместе с ним впоследствии они организовали большую студенческую сходку-протест против речи Пуришкевича в Думе, руководили студенческим движением. Их совместную работу прервал арест Бухарина. Вскоре был арестован и Оболенский и, как он пишет, «водворен в Сущевский полицейский дом, где вскорости зажил душа в душу в одной камере с Н. Бухариным».

Уже в это время его связывает с Бухариным огромный интерес к политической экономии. В 1908—1909 годах он прочел «работы экономистов-классиков и ряд работ буржуазных экономистов. Вместе со Смирновым, Членовым и Бухариным я выступал на университетских семинариях, защищая марксистскую точку зрения в политической экономии против ее критиков». Отмечаем это, помня, что ему как будущему члену первого Советского правительства, первому председателю ВСНХ очень пригодятся экономические знания, полученные в предреволюционные годы...

«Отсидка моя закончилась высылкой «с пунктами»,— пишет Оболенский.— Среди последних не числилась Тверь, куда я отбыл с Ек. Мих. Смирновой, моей женой. Здесь мы бедствовали первый год весьма усиленно, второй год — в ослабленном масштабе. Постепенно завязались связи с местной публикой, не говоря уже о других высланных... Из Твери же начал я посылать первые статьи в партийную прессу: сперва в «Звезду»... затем в «Правду» и «Просвещение» (за подписью Н. Осинский)».

Дочь Валериана Валериановича Оболенского считает, что ее отец взял себе литературный псевдоним в память народника Осинского, повешенного при Александре II. Этот псевдоним скоро и навсегда вытеснил его истинную фамилию. Так, и в Энциклопедическом словаре Гранат, и в энциклопедии «Великая Октябрьская социалистическая революция» имеется справка о Н. Осинском и лишь в скобках указаны его настоящие имя и фамилия.

В 1913 году Н. Осинский вместе с группой товарищей по поручению Центрального Комитета взялся за организацию ежедневной большевистской газеты «Наш путь». Но вышло всего 16 номеров, полиция арестовала всех создателей газеты. Н. Осинский был выслан в Харьков. Здесь он впервые серьезно занялся изучением экономики сельского хозяйства. В 1915—1916 годах выходят его книги «Урожаи хлебов на Юге России» и «Хлебные фрахты на Черноморско-Азовском побережье».

Февральская революция 1917 года застала Н. Осинского в Каменец-Подольске, где он находился после мобилизации на военную службу, работал в интендантстве. Оттуда, под предлогом командировки, он уехал в Москву. Он — член Московского комитета РСДРП(б), активный сотрудник газеты «Социал-демократ». «С Н. Бухариным и В. Смирновым,— пишет он в автобиографии,— мы провели печатную кампанию в корниловские дни. Мы ездили на партийный съезд в Питер. Мы вели работу по разработке партпрограммы, агитировали на митингах, выступали на съездах, конференциях фабзавкомов, в муниципальных органах и пр., словом, делали немало работы. В партийной среде мы быстро сориентировались на вооруженное восстание и вели за него усиленную агитацию...»

В дни Октябрьской революции Н. Осинский был в Харькове, где Совет уже взял власть в свои руки. Узнав о победе вооруженного восстания в Москве, он срочно выехал туда. «Я... прибыл в тот самый день, когда пушки перестали уже стрелять. Ревком посадил меня, как экономиста и бывшего «интенданта», продовольствовать воинские части. На этой работе, однако, я также просидел лишь пару дней: из Питера приехал Бубнов набирать людей в Питер на смену товарищам, ушедшим из ЦК и с ответственных постов. Решено было ехать мне и Смирнову».

Победившая социалистическая революция решала множество неотложных дел. И одним из важнейших было — овладеть Государственным банком. Право распоряжаться финансами принадлежало теперь Советскому правительству, но претворить это

право в жизнь было совсем непросто. Служащие Государственного банка оставляли без внимания правительственные декреты и требования, денег не выдавали.

В Государственный банк был направлен В. Р. Менжинский, назначенный после Октября заместителем наркома финансов. Но он был бессилен сломить саботаж служащих банка. Этому не помог даже арест директора Государственного банка Шипова, которого привезли в Смольный и держали под арестом. Секретарь СНК Н. П. Горбунов вспоминал о том, что арестованный «ночевал в одной комнате с тов. Менжинским и мною... Мне пришлось, к моей досаде, в виде особой вежливости (а вежливы и наивны были большевики вначале до того, что не расстреляли даже Краснова и из «вежливости», поверив его честному офицерскому слову, отпустили его на все четыре стороны) уступить ему свою койку и спать на стульях».

Сразу же по приезде в Петроград Осинский был назначен правительственным комиссаром Государственного банка. В одном из его писем говорилось: «Я был так занят, что не мог в точном смысле слова ни минуты оторваться от банковских дел. Были дни, когда мы там сидели от половины девятого утра до 10 вечера, не обедавши, а потом ехали в Смольный. И все время распоряжения, сообщения, прием всяких людей и пр. Мы занимаемся не очень-то почетным с виду делом — ломаем стачки чиновников банка и с каждым днем выигрываем почву. Теперь уж у меня куча помощников, и их, чиновников, дело проиграно. В принципе мы овладели банком. Как это ни странно, обнаружились у меня хотя и неполные, так сказать, но административные и организационные таланты. И то, что мы возьмем банк,— большое завоевание»[1].

Операция овладения Государственным банком была тщательно разработана. В. И. Ленин отдал распоряжение Военно-морскому революционному комитету:

«Уважаемые товарищи.

Благоволите предоставить в распоряжение комиссара Государственного банка десять энергичных товарищей, которые нужны для исполнения весьма ответственных поручений.

Эти товарищи должны прибыть завтра, 16 ноября, к 10 часам утра в здание Государственного банка и явиться к комиссару Банка Оболенскому».

Выполнить декрет Совнаркома о временном порядке производства выплаты денег Петроградской конторой Государственного

---

[1] См.: *Дробижев В. З.* Главный штаб социалистической промышленности. М., 1966. С. 66.

банка было поручено Н. П. Горбунову и Н. Осинскому. Осинский вспоминал: «В первый день мы не знали даже, сколько денежных хранилищ имеется в банке, сколькими ключами они запираются и где эти ключи находятся. И в первый же день т. Ленин со своим обычным умением брать быка за рога заявил нам, что, пока мы не принесем ему *ключей от кладовых,* мы будем только говорить о захвате банка».

Передавая Н. П. Горбунову декрет СНК, Владимир Ильич сказал: «Если денег не достанете, не возвращайтесь».

«Получив задание от Ленина,— вспоминал Горбунов,— мы вдвоем с тов. Осинским на автомобиле поехали в Государственный банк... Опираясь на низших служащих и курьеров, которые были на нашей стороне, а также угрожая Красной гвардией, которая якобы окружила уже банк, нам удалось проникнуть в помещение кассы банка, несмотря на всякие кунштюки, которые выделывали высшие чины Государственного банка, вроде ложных тревог и т. п., и заставить кассира выдать требуемую сумму. Мы производили приемку денег на счетном столе под взведенными курками оружия солдат военной охраны банка.

Был довольно рискованный момент, но все сошло благополучно. Затруднение вышло с мешками для денег. Мы ничего с собой не взяли. Кто-то из курьеров наконец одолжил пару каких-то старых больших мешков. Мы набили их деньгами доверху, взвалили на спину и потащили в автомобиль.

В Смольном также на себе дотащили их в кабинет Владимира Ильича. Владимира Ильича не было. В ожидании его я сел на мешки с револьвером в руках «для охраны». Сдал я их Владимиру Ильичу с особой торжественностью. Владимир Ильич принял их с таким видом, как будто иначе и быть не могло, но на самом деле остался очень доволен. В одной из соседних комнат отвели платяной шкаф под хранение первой советской казны, окружив этот шкаф полукругом из стульев и поставив часового. Особым декретом Совета Народных Комиссаров был установлен порядок хранения и пользования этими деньгами. Так было положено начало нашему первому советскому бюджету. Буржуазная печать по этому поводу потом всюду кричала об ограблении большевиками Государственного банка».

Декретом, о котором писал Н. П. Горбунов, явилось постановление об организации Финансового отдела при СНК, проект которого был рассмотрен Советским правительством.

Вот так начиналась советская финансовая система.

Нужно сказать, что за три дня до того, как Осинский был назначен правительственным комиссаром Госбанка и участвовал в

осуществлении операции по изъятию денежных средств на нужды революции, он, по поручению Совнаркома, участвовал в разработке декрета о создании высшего экономического органа страны, получившего в декабре 1917 года название Высший совет народного хозяйства (ВСНХ).

«Мы сломали стачку в банке,— писал Осинский,— и пустили его в ход на новых началах. Вслед за разрешением банковского кризиса (он имел тогда очень важное значение — не платит банк, все может остановиться) я перешел в только что сформировавшийся ВСНХ первым его председателем».

С первых дней существования ВСНХ стал главным центром по осуществлению национализации промышленности. Именно в этом видели первые хозяйственники главную его задачу. Характерно, что, когда Осинский в декабре 1917 года обратился в Совнарком с просьбой откомандировать в его распоряжение одного ответственного сотрудника Наркомата внутренних дел, он мотивировал свое заявление так: ВСНХ «должен быть организован в большом масштабе, быстро и технически совершенно. Без такой организации всякие проекты национализации производства повиснут в воздухе и работники ВСНХ не смогут взяться за их проведение в жизнь».

В феврале 1918 года Валериан Валерианович выехал в Харьков — проводить национализацию донецких копей и участвовать в учредительном съезде СНХ.

Дальнейший жизненный путь Осинского был очень сложным. «Когда в начале марта,— писал он в автобиографии,— я вернулся в Питер, в полном разгаре была дискуссия между партийным центром и «левыми коммунистами». Я был в числе последних, был главным автором их платформы, напечатанной в журнале «Коммунист», и занимал наиболее «левую» позицию. Ленин заслуженно высмеял меня тогда за мою идею «полевой революции». Вместе с другими левыми коммунистами, уходившими с ответственных постов, я в марте 1918 года покинул место председателя ВСНХ».

Осинский решительно выступал против заключения Брестского мира, против использования буржуазных специалистов в народном хозяйстве, укрепления единоначалия в управлении промышленностью и по ряду других коренных вопросов социалистического строительства.

Стоит особо сказать об отношении В. И. Ленина к Осинскому. Привлекая Валериана Валериановича в состав правительства, Владимир Ильич хорошо знал о его сильных и слабых сторонах, достоинствах и недостатках. Осинский писал, что Ленин высмеивал его — и это было не единожды — за страсть к теоретизиро-

ванию, которая порой уводила в сторону от общей линии, по словам Ленина, «торжественно сажала в калошу». Вместе с тем накануне X съезда партии в статье «Кризис партии» Владимир Ильич назвал Осинского в числе «высокоценных работников».

После работы в ВСНХ Осинский был председателем Тульского губисполкома, уполномоченным по продработе в ряде губерний, а затем стал одним из руководителей Наркомата земледелия. На всех этих постах он вел большую и очень важную для государства работу. И эту его работу очень ценил Ленин. «Осинский семенную кампанию вел великолепно,— писал он.— С ним работать надо было, несмотря на его «оппозиционную кампанию»... Когда Осинский ведет «оппозиционную кампанию», я говорю ему: «кампания вредная», а когда он ведет семенную кампанию, пальчики оближешь»[1]. Владимир Ильич считал необходимым правильно использовать такую «громадную силу, как Осинский». «Надо сделать так,— советовал Владимир Ильич,— чтобы эта сильная сторона была так обставлена, чтобы его слабая сторона была урезана»[2]. Да, характерной чертой Ленина как Председателя Совнаркома была терпимость к людям, мнение которых отличалось от его собственного, умение работать не в условиях единомыслия, покорного послушания, а в обстановке творческой дискуссии.

За свою жизнь (он прожил чуть более пятидесяти лет) Осинский сделал немало. Он был полпредом в Швеции, участником Генуэзской конференции, начальником Автодора и куратором строительства Горьковского автозавода. В середине 20-х годов Осинский возглавил Институт мировой экономики, в 1926 году стал управляющим ЦСУ СССР. «Борьба за верную цифру становится основным лозунгом переживаемого перирода в области учета... Мы выступаем в поход за верную цифру» — эти слова Осинского должны были стать программой деятельности центра советской статистики. Осинскому принадлежат работы по демографии, статистике, экономике сельского хозяйства и зарубежных стран, они и поныне не потеряли своего научного значения.

В 1929 году было закрыто ЦСУ и его издание «Вестник статистики». Но через два года, когда при Госплане было создано Центральное управление народнохозяйственного учета, его вновь возглавил Осинский.

С 1929 года Осинский работал заместителем председателя ВСНХ СССР, заместителем председателя Госплана СССР. В 20—30-х годах он был членом главной редакции первого издания

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 219—220.

[2] Там же. Т. 45. С. 123.

Большой Советской Энциклопедии. В 1932 году Осинский стал академиком АН СССР, в 1935 году — действительным членом ВАСХНИЛ.

Осинский был человеком высокой культуры. Талантливый журналист и писатель, он любил поэзию А. Ахматовой, был членом художественного совета театра имени Вахтангова.

Семья Валериана Валериановича, как и семьи многих руководящих работников, долгие годы жила в Кремле. В 1937 году Осинские переехали в печально известный «дом на набережной». Уже шли аресты видных коммунистов, деятелей партии и государства, квартиры их пустели. Семья Валериана Валериановича первоначально въехала в опустевшую квартиру военачальника Корка, потом в более просторную — Рыкова...

Страшен был этот дом, страшна судьба тех, кто поселялся в нем в те годы. Осенью 1937 года были арестованы Осинский, его жена и сын.

Спустя 30 лет был отменен приговор Военной коллегии от 1 сентября 1938 года в отношении Н. Осинского (В. В. Оболенского), дело за отсутствием состава преступления прекращено. Он восстановлен в партии, в правах академика.

Петрова Г. П.

Народный комиссар внутренних дел Г. И. ПЕТРОВСКИЙ

Когда в начале ноября 1917 года пришлось срочно подыскивать замену покинувшим свои посты наркомам и другим ответственным работникам правительства, В. И. Ленин, как Председатель Совнаркома, сам занимался этим срочным и важным делом. Именно им была подыскана кандидатура на замещение оказавшегося вакантным поста наркома по министерству внутренних дел, который занимал А. И. Рыков. Им стал Григорий Иванович Петровский. Член партии с 1897 года, он был депутатом IV Государственной думы и председателем большевистской фракции ее, что, по-видимому, сыграло решающую роль при его назначении. Тем более что Ленин давно и хорошо знал Петровского...

Григорий Иванович Петровский родился в 1878 году в Харькове. Семья была хлеборобской, но землю оставила и перебралась в город на более верные заработки. Отец портняжничал, а мать стирала белье. И все же Григория отдали в школу при семинарии. Однако проучился он там всего лишь два с половиной года, был исключен из-за невозможности вносить плату за обучение. Началась работа — поденная, разная, тяжелая.

С большим трудом юному Григорию Петровскому удается поступить в слесарную мастерскую. Недолго, однако, он слесарил — был выгнан из мастерской за жалобу на начальство. Опять несколько лет поденщины, тяжелых поисков работы, полуголодная жизнь. В поисках работы Г. Петровский уезжает в Екатеринослав, к брату, работавшему на Брянском заводе. Удалось наняться на завод. «Я проходил,— вспоминал Петровский,— как полагается, все этапы учебы в кузне, слесарне, на станках, пока наконец не попал на токарный станок в инструментальной мастерской мостового цеха, и отсюда уже фортуна профессиональной удачи пошла у меня в гору»[1]. Пошел и приличный заработок.

Тогда же, в 1896—1898 годах, Г. Петровский активно участвовал в революционной борьбе. В городе, по примеру Петербурга, образовался «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». В распространении листовок союза принимал участие и Петровский. Его наставником стал И. В. Бабушкин, подопечный же оказался толковым, сообразительным и ловким. Бабушкин называл Петровского своим главным помощником, он поручал ему множество сначала малых, потом больших революционных конспиративных дел. Именно от Бабушкина Петровский впервые узнал о Ленине, о петербургском «Союзе борьбы».

В 1900 году Петровский был впервые арестован в Николаеве за участие в забастовке. Год он провел в одиночной камере, «использовав» это время для самообразования — читал марксистские книги, занимался арифметикой, геометрией и немецким языком. По выходе из тюрьмы — работа на шахтах в Донбассе, арест, возвращение в Екатеринослав. Здесь Петровский и встретил 1905 год, встретил уже опытным пролетарским борцом, известным и авторитетным среди рабочих. После Кровавого воскресенья в Петербурге он организует в Екатеринославе демонстрации и митинги, выступает на них. «...На Брянском заводе социал-демократы призывали к организации отпора на митинге рабочих в 500 человек»[2],— отмечает Ленин в статье «Черные сотни и орга-

---

[1] Энциклопедический словарь Гранат. Т. 41. Ч. II. Приложение. Стб. 115.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 192.

низация восстания». Петровского избирают в стачечный комитет завода. В ходе стачки на рабочей окраине Екатеринослава — Чечелевке, по предложению Петровского, образуется «Чечелевская республика», управляемая Советом рабочих депутатов и через него городским комитетом большевиков (Петровский был членом и того и другого). «Республику» пришлось отстаивать с оружием в руках, и Петровский — в первых рядах защитников. «Республика» просуществовала 72 дня.

Наступила послереволюционная реакция. Петровский вынужден скрываться, скитаться по городам и весям и в конце концов уехать за границу. Оживление наступает в 1910—1911 годах. Осенью 1912 года Г. И. Петровского избирают в IV Государственную думу от рабочей курии Екатеринославской губернии, и он уезжает в столицу.

Начинается парламентская работа Петровского. Он осуществлял ее в составе социал-демократической, а затем большевистской думской фракции. Деятельность ее — один из выдающихся примеров использования легальных возможностей, сочетания их с нелегальными в деле защиты интересов трудящихся России, в антивоенной пропаганде и в конечном итоге в подготовке новой социальной революции. В. И. Ленин писал, что депутаты-большевики «блистали не краснобайством, не «вхожестью» в буржуазные, интеллигентские салоны... а связями с рабочими массами, самоотверженной работой в этих массах, выполнением скромных, невидных, тяжелых, неблагодарных, особенно опасных функций нелегального пропагандиста и организатора»[1]. Коллега Петровского по думской работе Ф. Н. Самойлов свидетельствует в своих воспоминаниях, что Ленин выделял Григория Ивановича как выдающегося депутата и партийного работника.

Работа большевистской фракции в Думе направлялась Петербургским комитетом и Центральным Комитетом партии, непосредственно Лениным. Он, живший тогда в австрийской части Польши, вызывал депутатов к себе, беседовал с ними, помогал готовить выступления с думской трибуны. В декабре 1912 года произошло знакомство Г. И. Петровского с В. И. Лениным. Было это в Кракове, где состоялось совещание большевиков.

...Ехали рабочие-депутаты к Ленину с некоторым опасением: все-таки он руководитель партии, а они простые рабочие. Каково же было их удивление и радость, когда с первых же минут они убедились в доброжелательности Владимира Ильича. Позднее Григорий Иванович рассказывал: «Своим отношением к человеку

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 172—173.

Ленин поднимал его, вселял уверенность в значимости его дел для революции. После бесед с Лениным я вырастал в собственных глазах, понимал, что Ленин ценит меня именно как рабочего-революционера».

На последнем краковском заседании большевиков Петровский был кооптирован в состав Центрального Комитета. В. И. Ленин, в частности, подготовил для Г. И. Петровского речь по национальному вопросу, которая была произнесена им с трибуны Государственной думы.

В зале заседаний Думы, в Таврическом дворце, членам большевистской фракции выступать было, по обыкновению, очень трудно: всячески мешали черносотенцы и правые. То громко упрекали оратора, дескать, государь допустил тебя, мерзавца, в Думу, а ты его же ругаешь, то кричали «читает, читает» (читать речь по бумажке запрещалось), одним словом, всячески старались сбить депутата-большевика. Председательствующий Родзянко часто прерывал: «Не то говорите». Или вообще лишал слова. Однако Григорий Иванович, зная, что речи публикуются, упорно продолжал говорить, пока его не выводил думский пристав. 32 раза выступал Г. И. Петровский в Думе в 1912—1914 годах. Сейчас при чтении стенографических отчетов о заседаниях поражаешься смелым, даже дерзким речам Петровского. Так, в одной из своих речей 1913 года, произнесенной при обсуждении деятельности министерства путей сообщения в связи с возросшим числом железнодорожных катастроф, он говорил:

— Если вы спросите нас, кто виноват в переутомлении и голодовке служащих, то мы вам ответим: виноват министр Рухлов.

Если вы спросите, кто виноват в том, что десятки и сотни служащих и рабочих кончают свою службу на железной дороге увечьем или смертью, то мы ответим вам: тот же министр Рухлов.

Если вы скажете, что за последние 37 дней убито около 100 несчастных пассажиров, или выходит, что убитых имеется по три человека на день, то мы скажем: убийцей является министр Рухлов.

За эту речь Петровскому было запрещено появляться на пяти заседаниях Думы.

С началом империалистической войны депутаты-большевики неизменно выступали против нее, несмотря на шовинистический угар, охвативший всю Думу. Эти выступления явились причиной ареста и суда над ними. Петровский как лидер большевистской фракции максимально использовал суд для разоблачения самодержавия. От имени всех судимых депутатов-большевиков он произнес яркую обвинительную речь.

Петровского поддержала защита, боровшаяся против обвинения народных депутатов.

Судебный процесс, речь Петровского (хотя и выхолощенная в газетных отчетах) вызвали широкое движение в поддержку обвиняемых не только в России, но и за ее рубежами. Тем не менее депутаты-большевики были осуждены на пожизненную каторгу и в июне 1915 года отправлены по этапу в Туруханский край. В середине 1916 года Петровский за «предосудительное поведение» (так была квалифицирована работа, которую он вел среди ссыльных) был арестован и переведен в Якутию.

Там и застала его Февральская революция. Петровский был освобожден и вернулся в Питер.

После недолгого пребывания в столице, встреч с Лениным, другими большевиками, участия в июньской и июльской демонстрациях Петровский с мандатом представителя ЦК РСДРП(б) уезжает в Екатеринослав, а затем направляется в Донбасс. Именно в этом рабочем районе он и его жена Доменика Федоровна были избраны по большевистскому списку в Учредительное собрание. В Донбассе Петровского застала весть об Октябрьской революции в Петрограде. На II съезд Советов, делегатом которого был избран Петровский, он попасть не сумел — слишком много оказалось дел на Украине. В Петроград удалось приехать лишь к середине ноября 1917 года.

Судя по воспоминаниям самого Петровского, назначение на пост народного комиссара по министерству внутренних дел оказалось для него полной неожиданностью. Вот как это произошло.

По приезде Петровский первым делом пришел в Смольный. Там он встретился с Лениным. Тот сказал:

— Как раз вовремя! Сейчас мы вас назначим наркомом внутренних дел. У нас Рыков сбежал с этого поста.

Петровский начал отказываться, взмолился, чтобы назначили кого-нибудь другого, у которого он готов быть помощником.

Ленин ответил:

— Во время революции от назначений не отказываются.— И добавил шутливо: — Дать Петровскому двух выборгских рабочих с винтовками, они его отведут в министерство внутренних дел, пусть тогда попробует отказаться.

17 ноября 1917 года В. И. Ленин подписал декрет Совнаркома о назначении Г. И. Петровского наркомом внутренних дел — именно так тогда называлась должность.

На нового наркома свалилась масса трудных дел, трудных не только и не столько из-за неведомости их, сколько по своей революционной сути. Необходимо было сломать старый аппарат власти, сконструировать и создать новый, советский. Но как, какими методами, в какой форме, с какими людьми?

Прежде всего нужно было преодолевать саботаж или даже прямое сопротивление чиновников министерства. На одном из заседаний Совнаркома, 19 ноября, Петровский вносит запрос о разрешении арестов в министерстве. Совнарком вынес решение: «арестовывать, если Петровский признает это необходимым». Он признал необходимым и на следующий же день подписал вместе с секретарем Совнаркома Н. П. Горбуновым предписание члену Петросовета П. А. Залуцкому явиться с отрядом матросов в МВД и потребовать от директоров департаментов и заведующих отделами сдать дела, кассу и ключи от сейфов; в случае отказа высокопоставленные чиновники подлежали аресту. Остальным должен быть предложен выбор: или подчиниться Советской власти и работать, или взять расчет и освободить казенные квартиры. Большинство чиновников предпочло быть уволенными.

Однако работа Наркомата внутренних дел началась. Была создана коллегия, в которую вошли большевики-подпольщики Лацис, Антонов-Саратовский, Правдин, Васильев-Южин и другие; все они имели огромный опыт революционной борьбы, но никогда не занимались административно-управленческой работой.

На первых порах Наркомвнуделу приходилось решать множество самых разнообразных вопросов в области здравоохранения, статистики, контрольно-ревизионной работы, жалованья красногвардейцам, борьбы с бандитизмом, коммунального хозяйства. На Наркомвнудел возлагались обязанности проведения всеобщей трудовой повинности, осуществления закона об отделении церкви от государства, устройства пленных и беженцев. Но самое главное — нужно было создать органы управления в стране сверху донизу, наладить их функционирование или, иначе говоря, осуществить передачу фактической реальной власти в руки Советов всех степеней. Это оказался многотрудный, болезненный процесс, и продолжался он практически весь 1918 год. И одновременно с этим — не прекращающаяся ни на один день борьба с саботажем, бандитизмом, контрреволюцией. 28 ноября В. И. Ленин, Г. И. Петровский, другие народные комиссары подписывают «Декрет об аресте вождей гражданской войны против революции», по которому руководители кадетской партии подлежали аресту и преданию суду революционного трибунала за активную поддержку корниловско-кадетского мятежа, другие антисовет-

ские выступления. Наркомвнудел возглавлял борьбу с контрреволюцией вплоть до 7 декабря, когда была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Одним из инициаторов создания ВЧК был Петровский — именно он сделал доклад на заседании Совнаркома 6 декабря, в котором обосновал необходимость комиссии. Петровский был одним из организаторов и рабоче-крестьянской милиции, занимался даже форменной одеждой для милиционеров.

В драматической эпопее с Брестским миром Петровский с самого начала был убежденным сторонником точки зрения Ленина и не менее убежденным противником «левых коммунистов». По настоянию Ленина и Свердлова он как нарком был включен в состав советской правительственной делегации для заключения мирного договора. На нем имеется его подпись.

Петровский состоял членом комиссии по разработке первой Конституции РСФСР; он и его наркомат проделали огромную работу по подготовке ее текста. Конституция была принята V съездом Советов, на котором Петровского избрали членом ВЦИК.

Вскоре после Всероссийского съезда Советов состоялся I съезд председателей губернских Советов и заведующих отделами управления губернских исполкомов. С речью на съезде выступил Ленин, доклад о деятельности Наркомвнудела за восемь месяцев сделал Петровский. Он подчеркнул опасность местничества, центробежных националистических тенденций, возникающих из неправильного понимания или прямого враждебного искажения лозунга права наций на самоопределение. Большое внимание он уделил демократическому централизму в управлении. «Важно,— говорил Петровский,— чтобы декреты и постановления центральной власти проводились в жизни так, чтобы враги не могли указывать на беспорядочность по пословице: «Что город, то норов» — и чтобы политика Советской власти пользовалась уважением, чтобы власть была мощной, имела бы моральную и административно-разумную дисциплину».

На съезде раздавалась критика в адрес местных органов ВЧК, которые игнорировали Советскую власть, нарушали законность, стремились уйти из-под любого контроля. Петровский организует обсуждение этого острого вопроса на местах и в печати, ставит его во ВЦИК. В результате ВЦИК принимает решение о контроле работы органов ВЧК исполкомами Советов.

Петровский как нарком, член ВЦИК и кандидат в члены ЦК партии — он стал таковым на VII экстренном съезде РКП(б) — много выступает перед трудящимися. Темы его выступлений самые разнообразные и актуальные: о работе и решениях V съезда Сове-

тов, «Украина и новый договор империалистов», об Интернационале, «Борьба с голодом и контрреволюция», о полугодовом юбилее Октябрьской революции, «Белый и красный террор».

Последняя тема становится все более горячей. Ширится гражданская война, увеличивается число контрреволюционных заговоров и их участников, вспыхивают мятежи, учащаются террористические акты против советских и партийных руководителей, активистов. 30 августа 1918 года член партии эсеров Ф. Каплан тяжело ранила В. И. Ленина. В тот же день в Петрограде был убит, и тоже эсером, председатель Петроградской ЧК М. С. Урицкий. Г. И. Петровский и нарком юстиции Д. И. Курский допрашивали схваченную Каплан. «Я спросил ее, почему она стреляла в Ленина,— вспоминал Петровский.— Каплан заявила, что считает Ленина врагом революции... Я подписал приговор Каплан». Она была расстреляна.

Вместе с В. Д. Бонч-Бруевичем и Д. И. Курским Петровский подписывает постановление Совнаркома РСФСР о красном терроре — в ответ на террор белый. Кроме того, Петровский направляет всем местным Советам циркулярное письмо, в котором предписывалось арестовать эсеровских вожаков и ввести институт заложников, отвечающих за террористические акты против представителей Советской власти. Вместе с тем нарком внутренних дел указывал, что причинами контрреволюционных выступлений в ряде губерний являются неумелые, грубые действия Совдепов, особенно при взимании чрезвычайных налогов и контрибуций, при проведении политики отделения церкви от государства. Петровский требовал выяснения причин антисоветских выступлений, требовал такта и выдержки при осуществлении тех или иных мероприятий.

Наркомом внутренних дел Г. И. Петровский был до марта 1919 года. Центральный Комитет партии и ВЦИК РСФСР посылают его на Украину, где Петровского избирают Председателем Всеукраинского ЦИК (ВУЦИК).

Но вскоре вся Украина была захвачена войсками Деникина, Петлюры, белополяков. В этих условиях создается Всеукраинский ревком, заменивший на время ВУЦИК. Председателем его стал Петровский. Осенью началось освобождение Украины. В самом конце 1919 года ревком обосновывается в только что освобожденном Харькове и продолжает руководить борьбой против деникинцев, петлюровцев, немецких и польских оккупантов.

19 февраля 1920 года, когда большая часть Украины была освобождена, Г. И. Петровский провел последнее заседание ревкома — он был распущен, а Президиум ВУЦИК и Совнарком

Украины восстановлены. Петровский снова Председатель ВУЦИК. Этот пост он занимал 20 лет.

Знания и опыт, полученные в Москве, в Совнаркоме РСФСР, в непосредственном общении с Лениным, Петровский успешно применял на Украине. Он стал руководителем, пользующимся настоящим авторитетом в народе.

Много сложных задач пришлось решать Председателю ВУЦИК: восстанавливать фабрики и заводы, налаживать сельское хозяйство в новых условиях, развивать просвещение, науку и культуру. Петровского окружают опытные, умные, преданные делу люди — руководители партии и республики, работники профсоюзов, науки и культуры. Среди них — С. В. Косиор, В. Я. Чубарь, Н. А. Скрыпник, Э. И. Квиринг, Г. Ф. Гринько, М. К. Владимиров, Ф. А. Артем (Сергеев), Ф. Я. Кон, Д. З. Мануильский, В. П. Затонский, Н. И. Подвойский, А. В. Иванов (секретарь ВУЦИК и ближайший помощник Г. И. Петровского), К. О. Киркиж, многие другие.

Среди его первых дел было принятие ВУЦИК постановления о создании на Украине комитетов незаможных селян (комнезамов), которые должны были объединить бедняков и маломощных середняков. Осенью 1920 года в Харькове состоялся первый съезд комитетов. Петровский всегда держал в поле зрения работу незаможников. В 1924 году на совещании представителей райкомов партии и сельских ячеек в Харькове он говорил о необходимости укрепления комнезамов, усиления сельсоветов, о вовлечении крестьян в кооперацию. Петровский руководил комнезамами вплоть до 1933 года, когда они были распущены по указанию из Москвы.

Председатель ВУЦИК проявлял глубокую заинтересованность в судьбе украинской молодежи, видя в ней будущее республики. По инициативе Петровского был разработан план ЦК ЛКСМ Украины об организации в республике нескольких тысяч фабрично-заводских семилеток и школ на селе. Председатель Совнаркома В. Я. Чубарь и нарком просвещения Н. А. Скрыпник поддержали предложение Г. И. Петровского. План был утвержден и начал осуществляться.

Когда на Украине начался нэп, Г. И. Петровский советовался с В. И. Лениным об условиях введения на Украине продналога — вопрос этот вызвал разногласия в Политбюро ЦК КП(б)У. Владимир Ильич рекомендовал А. Д. Цюрупе и Л. Б. Каменеву помочь ему в выборе правильного решения. Ленин был за немедленный переход от разверстки к налогу.

Григорий Иванович активно участвовал в создании единого союзного государства, стремился к укреплению государственного

союза УССР с РСФСР. Он прекрасно помнил слова Ленина, написанные еще в конце 1919 года, и руководствовался ими. «Мы хотим,— писал тогда Ленин,— *добровольного* союза наций,— такого союза, который не допускал бы никакого насилия одной нации над другой,— такого союза, который был бы основан на полнейшем доверии, на ясном сознании братского единства, на вполне добровольном согласии»[1].

Как известно, вопрос о создании единого Советского Союза Республик вызвал большие споры. ЦК КП(б)У подтвердил стремление укрепить государственный союз, но считал необходимым уточнить и конкретизировать правовые отношения республик. Созданная ЦК РКП(б) 11 мая 1922 года комиссия во главе с М. В. Фрунзе, членом которой был Г. И. Петровский, разрабатывая проекты соглашений о взаимоотношениях РСФСР и УССР, подчеркнула необходимость более высокой ступени государственных взаимоотношений в масштабе всей страны.

Выступивший против «автономизации» VII Всеукраинский съезд вынес решение о вступлении в Союз Социалистических Республик и о принятии Декларации. На I Всесоюзном съезде Советов, открывшемся 30 декабря 1922 года, Петровский избран одним из четырех равноправных сопредседателей ЦИК СССР.

Наступил скорбный январь 1924 года. Г. И. Петровский ехал в поезде вместе с М. В. Фрунзе на II съезд Советов СССР, когда им передали горестную телеграмму. Кончина Ленина была для Григория Ивановича невосполнимой утратой. Верность ленинским идеям он сохранил до последнего дня своей жизни.

4 февраля 1928 года, когда Григорию Ивановичу исполнилось 50 лет, «Правда» опубликовала несколько материалов о нем, среди которых обращала на себя внимание статья Н. К. Крупской. В ней говорилось: «Григорий Иванович является необычайно цельным представителем того типа революционного рабочего, который сложился в трудные годы борьбы с царизмом... теперь он всеукраинский староста. Все эти годы он отдавал себя целиком, всего без остатка, делу борьбы пролетариата. Вдумчивость, искренность его знают все».

Г. И. Петровский был горячим энтузиастом и активным проводником ленинских идей индустриализации Советской страны. Он многое сделал для развития промышленности на Украине. Днепрогэс, предприятия Днепропетровска, Запорожья, Кривого Рога, первые в стране исследования атомного ядра в Харькове — во всем этом есть большая доля труда и забот Петровского.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 43.

Когда началась коллективизация на Украине, Петровского очень беспокоили нарушения в проведении этого важного для всей страны дела. Из 25 тысяч коммунистов-рабочих, мобилизованных в деревню, на Украину прибыло 8 тысяч. Григорий Иванович сомневался, что эти люди достаточно знают условия жизни украинского села и смогут осуществить массовое добровольное вступление в колхоз. У них, как он говорил, был только энтузиазм. И он не ошибся — то и дело возникали факты грубого администрирования, особенно в отношении середняка.

Как-то раз поздно вечером Петровский решил посетить харьковскую тюрьму. Попросил дежурного вызвать начальника, тот скоро явился.

— Откройте камеру, где сидят крестьяне,— попросил Петровский.

Начальник испугался, но камеру открыл. Ждет, что будет дальше. Петровский вошел в камеру — всюду грязь, крестьян много, тесно сидят на полу.

— Расскажи, какое у тебя хозяйство? — спросил у одного.

— У меня, Григорий Иванович, была лошадь и две коровы, еще ребятишек полная хата.

«Узнали Председателя ВУЦИК»,— подумал Петровский.

— Так,— сказал он крестьянину,— выходи.

Начальник тюрьмы запротестовал. Пришлось ему разъяснить, что Председатель ВУЦИК имеет личное право помилования.

Расспрашивал Петровский и других крестьян о том, что за хозяйство, кто и как работал. И многих освободил из тюрьмы.

Начало 30-х годов ознаменовалось на Украине, искони хлебородной Украине, чудовищным голодом. Он был вызван грубо проводимой коллективизацией, разорением многих крестьянских хозяйств да еще усиленным экспортом хлеба, который забирался у крестьян подчистую. Вероятно, это был единственный в истории человечества организованный голод. Голодной смертью погибли миллионы жителей республики. И ни ВУЦИК, ни правительство Украины ничего не могли сделать, чтобы помочь голодающим и умирающим. Петровский много ездил по районам бедствия, видел собственными глазами муки людей. Он писал в ЦК партии и в ЦИК СССР, но помощи так и не дождался. Лишь создал себе репутацию сомневающегося в линии партии — таким его начали считать И. В. Сталин, В. М. Молотов, Л. М. Каганович. Тем более что еще во второй половине 20-х годов он протестовал против назначения Кагановича первым секретарем ЦК КП(б)У, а еще раньше выступал против сталинского плана «автономизации» при образовании Союза ССР.

Петровский был сторонником Сталина в борьбе с «оппозициями», считая это борьбой за единство партии. Отрицательно относился он и ко всяким «уклонам» на Украине, хотя в них обвинялись его старые товарищи и соратники. В 1934 году, выступая на XVII съезде ВКП(б), он говорил: «Мы не так легко отбили эти националистические атаки, потому что во главе национал-уклонистов, как вам известно, стоял старый большевик Скрыпник...» Петровский заявил, что «помощь со стороны ЦК, особенно присылка к нам известных уже вам товарищей, была вполне своевременна»[1]. Этими «известными товарищами» были П. П. Постышев, назначенный вторым секретарем ЦК Компартии Украины, и В. А. Балицкий, новый руководитель республиканского ОГПУ. Они были присланы для «наведения порядка» на Украине и погубили много невинных людей. Впрочем, вскоре и сами были репрессированы.

О том, какая «помощь» оказывалась Политбюро ЦК ВКП(б) Компартии Украины, свидетельствует такой факт.

Летом 1937 года, когда на Украине органы НКВД творили беззакония, даже не ставя в известность о своих действиях партийное и государственное руководство республики, Г. И. Петровский написал «всесоюзному старосте» М. И. Калинину. В письме он сообщал о многочисленных случаях нарушения закона и партийной демократии. Письмо это было, вероятно, не единственным такого рода. Подобные протесты и явились причиной того, что в августе 1937 года в Киев прибыла комиссия ЦК ВКП(б) в составе В. М. Молотова, Н. С. Хрущева и наркома внутренних дел Н. И. Ежова. Ее сопровождал большой отряд войск НКВД. На срочно созванном пленуме ЦК КП(б)У Молотов потребовал снять со всех партийных и государственных постов С. В. Косиора, Г. И. Петровского, П. П. Любченко, некоторых других и вывести их из состава ЦК. Первым же секретарем (вместо Косиора) избрать Н. С. Хрущева. Однако члены украинского ЦК отказались голосовать за эти предложения несмотря на уговоры и угрозы Молотова. Тогда Молотов, созвонившись со Сталиным, предложил всем членам украинского Политбюро отправиться в Москву на совместное с Политбюро ЦК ВКП(б) заседание. От этого отказаться было уже невозможно, хотя многие понимали, чем это грозит. Поехали все, за исключением Любченко, который застрелил жену и застрелился сам, «запутавшись в своих антисоветских связях», как написала «Правда» 2 сентября 1937 года.

По приезде в Москву часть членов и кандидатов в члены укра-

[1] XVII съезд ВКП(б): Стенографический отчет. М., 1934. С. 140, 141.

инского Политбюро была тотчас арестована. Остальные вернулись в Киев, но в последние недели 1937 года и в 1938 году исчезли один за другим. Были арестованы не только все члены Политбюро (за исключением Петровского) и кандидаты в него, но и Оргбюро, и Секретариата. Из 102 членов украинского ЦК партии уцелели только трое, из всех секретарей обкомов не осталось никого. Арестованы были также все 17 наркомов правительства Украины.

Приближались первые выборы в Верховный Совет СССР в соответствии с новой, сталинской Конституцией. 3 ноября появился предвыборный плакат с портретами главных кандидатов в депутаты — членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК ВКП(б). Но среди портретов кандидатов в Политбюро отсутствовали портреты П. П. Постышева, Р. И. Эйхе и Г. И. Петровского. Это был зловещий признак. Однако тогда он не оправдался — эти люди были избраны в высший орган государства. Впрочем, для Постышева, Эйхе, Косиора и многих других избрание в Верховный Совет СССР отнюдь не означало спасения.

Г. И. Петровский чувствовал, что щупальца НКВД приближаются к нему. Беда уже постигла его близких. В 1937 году был арестован его старший сын — Петр, член партии с 1915 года, участник гражданской войны, член исполкома КИМ и Коминтерна, редактор «Ленинградской правды». В 20-х годах он окончил Институт красной профессуры. В начале 30-х разделил убеждения М. Н. Рютина, видного партийного и советского работника, начавшего бороться против личной власти Сталина, порожденных ею беззаконий, искривлений в экономике и политике. П. Г. Петровский был в числе тех, кто подписал рютинский манифест «Ко всем членам ВКП(б)», документ потрясающей силы, изобличающий Сталина и предостерегающий партию. Все подписавшие этот документ были арестованы, исключены из партии и приговорены к длительным срокам заключения. В 1935 году П. Г. Петровского освободили, но в 1937-м снова арестовали и судили — уже за принадлежность к так называемому «правотроцкистскому блоку». Была арестована и его жена.

Г. И. Петровский много хлопотал о том, чтобы если уж не вызволить, то облегчить участь сына. Крупнейшие деятели партии и государства после нескольких попыток узнать о судьбе Петра в бессилии разводили руками. Берия навесил на доверенный ему наркомат слишком тяжелые замки, чтобы можно было выведать, что творится за его стенами на Лубянке. Петр Григорьевич Петровский исчез.

Второй сын, Леонид, командир Пролетарской дивизии, также не избежал репрессий. Его исключили из партии и уволили из

армии. Со дня на день он ждал ареста. Был арестован и муж дочери Г. И. Петровского, Антонины, председатель Черниговского облисполкома С. А. Загер.

Однако, несмотря на видимую опалу, Г. И. Петровский до середины 1938 года оставался главой Украинской Советской Социалистической Республики. В феврале к шестидесятилетию его даже награждают орденом Ленина. Но в июне Петровский был вызван в Москву, к Сталину. Разговор оказался коротким и тяжелым. Петровского освободили от занимаемых им должностей. Ему было приказано жить в Москве. Некоторое время он формально исполнял обязанности заместителя Председателя Президиума Верховного Совета СССР, даже подписал за М. И. Калинина несколько указов. Но 7 ноября 1938 года на Красной площади уже отсутствовал, что означало полное отстранение от каких-либо дел, и его имя перестало упоминаться в официальных сообщениях. Он жил без работы и без зарплаты, семья перебивалась на небольшой заработок жены.

Как-то в 1940 году Григорий Иванович случайно встретил Федора Николаевича Самойлова, работавшего тогда директором Музея Революции СССР. Старые соратники по большевистской фракции в IV Государственной думе, вместе отбывавшие царскую ссылку, обрадовались встрече. Ф. Н. Самойлов, узнав о тяжелом положении Петровского, предложил ему работать в музее заместителем директора по административной и хозяйственной части. Эта должность не была номенклатурной, на замещение ее не нужно было получать разрешение вышестоящих организаций.

Вскоре после смерти Сталина, 28 апреля 1953 года, Президиум Верховного Совета СССР принял указ о награждении Г. И. Петровского орденом Трудового Красного Знамени в связи с семидесятипятилетием со дня рождения и за заслуги перед Советским государством. Как известно, день рождения Петровского — 4 февраля, но тогда указ принят быть не мог: Сталин еще был жив. Указ означал восстановление доброго имени заслуженного ветерана и стал первым фактом процесса реабилитации жертв сталинских репрессий. Петровский еще до XX съезда КПСС добился реабилитации С. В. Косиора и многих других. На XX съезде, приветствуемый делегатами, он присутствовал в качестве почетного гостя.

Несмотря на преклонный возраст Григорий Иванович снова стал вести активную жизнь. Петровский встречался с рабочими Москвы, колхозниками Подмосковья, учеными и студентами, школьниками, военными. Он рассказывал о Ленине, о революционных событиях, о работе в IV Государственной думе, о якутской

ссылке, о работе в первом правительстве РСФСР и на Украине. Он стал писать статьи, которые публиковались в «Правде», «Известиях», «Советской России», «Комсомольской правде», «Труде», в журналах. По просьбе Академии наук УССР много работал над рукописью второго тома «Истории Украины».

Умер Григорий Иванович Петровский 9 января 1958 года. Как сообщили врачи — сердце его оказалось в рубцах от многочисленных инфарктов. Хоронили Петровского очень торжественно, на Красной площади, с воинскими почестями.

* * *

Один из старейших большевиков, М. С. Ольминский, писал о людях революции: «Жизнь каждого из них — частичка истории, камень в постройке великого коммунистического будущего. Нельзя жить без прошлого, без знания своей истории, и нельзя помнить историю, не зная ее деятелей». Эти слова как нельзя более подходят к Григорию Ивановичу Петровскому, его большой и яркой жизни.

Соколов Ю. В.

Народный комиссар почт и телеграфов
В. Н. ПОДБЕЛЬСКИЙ

1 марта 1920 года по Тверской улице в Москве двигалась похоронная процессия: тысячи людей провожали в последний путь одного из членов первого Советского правительства — наркома почт и телеграфов республики Вадима Николаевича Подбельского. Над его могилой, расположенной у Кремлевской стены, где похоронены многие герои революции, прозвучали прощальные слова Анатолия Васильевича Луначарского: «Вадим Подбельский является невиданным примером министра, который... сам разгружает вагоны, ставит телеграфные столбы... Он был героем трудового фронта, так как он отдавал делу свои силы без всякого счета... Ему хотелось так работать, чтобы рвались мускулы и скрипели кости...»

Это была яркая и справедливая оценка революционера, коммуниста, человека, который прожил так мало и так много успел. Ему было всего 32 года.

Вадим Николаевич Подбельский родился в ноябре 1887 года в Якутии. Он был третьим ребенком в семье политических ссыльных. Его отец, Папий Павлович Подбельский, активно участвовал в студенческом движении, разделял идеи «Народной воли», был другом Андрея Желябова. Во время одного из студенческих выступлений он публично дал пощечину министру просвещения Сабурову, за что был исключен из университета и сослан в Якутию. Мать Вадима, Екатерина Петровна Сарандович, слушательница Киевского повивального института, также была участницей народовольческого движения, готовила побеги из киевской и харьковской тюрем народовольцев Дейча, Стефановича и других. Арестованная царской охранкой, была приговорена к четырем годам каторжных работ. В Якутии в 1884 году Екатерина Петровна вышла замуж за П. П. Подбельского. Вадиму не было еще и полутора лет, когда его отца убили во время стычки политических ссыльных с отрядом охранников в Якутске.

В 1900 году Вадим Подбельский поступил в Тамбовскую гимназию, в пятом классе которой начинает интересоваться революционной литературой. Он читает Маркса, Энгельса, Вильгельма Либкнехта, Лаврова, Плеханова. Все чаще появляется на тайных сходках и собраниях молодежи.

Известие о Кровавом воскресенье 9 января 1905 года потрясло всю страну. Начались демонстрации, митинги учащейся молодежи — студентов, гимназистов, семинаристов. После одной из демонстраций Вадим Подбельский был арестован. Однако ненадолго: за отсутствием прямых улик его выпустили, продержав неделю в участке. Но это было боевым крещением Подбельского.

В 1905 году В. Подбельский вступил в семью тамбовских большевиков. Одним из его поручителей стала профессиональная революционерка Розалия Самойловна Землячка.

Постоянно чувствуя за собой слежку, он был вынужден покинуть Тамбов и в августе 1906 года эмигрировал во Францию, но уже в июле 1907 года нелегально возвращается обратно полный желания работать на пользу революции.

Обстановка к осени 1907 года резко изменилась: многие товарищи были арестованы, некоторые покинули город или отошли от революционного движения. Большевистская организация действовала в глубоком подполье. Вадим ведет пропаганду среди молодежи, создает новые группы и кружки. На собрании железнодорожников он познакомился с товарищем Никодимом из Москвы — большевиком А. Г. Шлихтером, только что вернувшимся с V (Лондонского) съезда партии. С огромным интересом слушал

Подбельский его рассказы о решениях съезда, о встречах с В. И. Лениным.

Подбельского вновь арестовывают, ему запрещено проживать в Тамбове и Тамбовской губернии. Он поселяется в Саратове и вскоре устанавливает связи с местным большевистским подпольем. Попытка нелегально вернуться в Тамбов закончилась очередным арестом и ссылкой на три года в Вологодскую губернию, сначала в небольшой городок Кадников, что в 42-х верстах от Вологды, потом в город Яренск, удаленный от Вологды на 265 верст.

В Яренске была большая колония ссыльных — люди разных взглядов, возрастов и профессий. Приезд в город большевиков — Ивана Фиолетова, Петра Смидовича, Вадима Подбельского, а позднее Александра Воронского — способствовал сплочению ссыльных. Вадим особенно подружился с Иваном Фиолетовым и Яковом Зевиным — будущими бакинскими комиссарами.

Все свободное время Вадим тратил на чтение. Он получает новые книги и газеты даже из Тамбова, от старых друзей и единомышленников. Власти отказывают Подбельскому в его неоднократных просьбах сдать экзамены экстерном за гимназический курс, поэтому учиться приходится самостоятельно.

Вадим делает свои первые шаги на редакторском поприще — организует выпуск на гектографе газеты под названием «Яренская колония ссыльных». В нее пишут корреспонденты из Усть-Сысольска, Вельска, Никольска и других дальних северных мест. В годы ссылки Подбельского в Яренске создается нелегальный комитет колонии политических ссыльных, его избирают секретарем этого комитета.

Встречались ссыльные обычно на почте в день поступления писем. Именно здесь увидел впервые Вадим Николаевич Анну Андреевну Ланину, активную участницу Воронежской организации РСДРП. Вскоре Анна Ланина становится его женой и соратницей на всю жизнь.

Активность Подбельского вызывала беспокойство властей. Обыски и аресты, новые этапы и ссылки — все это пришлось на долю молодой семьи Подбельских. Интересно, что среди обнаруженной во время одного из обысков литературы была и газета «Наш путь» — нелегальное московское издание, которое редактировал известный публицист большевик И. И. Скворцов-Степанов. С ним через несколько лет Вадим Николаевич встретится и будет работать бок о бок в Москве, а после революции их назовут в числе первых народных комиссаров. В Москве же встретит Подбельский и другого товарища по ссылке — Петра Смидовича.

В октябре 1911 года заканчивался срок ссылки Подбельского.

Попытки властей подвергнуть его новым репрессиям не удались. 20 октября товарищи проводили его в Тамбов.

После возвращения из ссылки Вадим Подбельский становится заметной фигурой среди тамбовских социал-демократов, все больше завоевывает авторитет как журналист. В газетах «Тамбовская жизнь», а через год в сменивших ее «Тамбовских откликах» Вадим Николаевич публикует очерки, фельетоны, информации под псевдонимом В. Торин, В. Ронский, Бука. Здесь же появляются и его аналитические статьи о положении рабочих и крестьян Тамбовской губернии, о деятельности местного кооператива.

С началом первой мировой войны на страницах «Тамбовских откликов» стали появляться материалы, направленные против захватнических войн и порабощения других народов. На редакцию налагались штрафы, делались неоднократные предупреждения редактору и издателю. Владелец типографии наконец отказался печатать «крамольную» газету. Однако удушить ее не удалось: типографское оборудование привезли из Моршанска, арендовали полуподвальное помещение на одной из центральных улиц Тамбова. Нашлись наборщики, печатники. С сентября 1914 года «Тамбовские отклики» начали печататься в собственной типографии. Это ненадолго отсрочило новые репрессии. 8 ноября 1914 года, после публикации статьи В. Торина «Частное хозяйство и государство», губернатор возбудил дело против Подбельского, чтобы добиться его ареста или высылки из Тамбова. В августе 1915 года Подбельские перебираются в Москву, чтобы быть ближе к центру революционных событий. Начинается один из самых сложных и интересных периодов жизни и деятельности Вадима Николаевича Подбельского: он окончательно определяется как талантливый журналист и один из руководителей Московской партийной организации.

Весной 1915 года Московская организация большевиков состояла из одиннадцати разрозненных групп. К октябрю того же года их количество увеличилось до тридцати, они объединяли около 550 членов. Активно действовали большевистские группы на заводах Михельсона, «Динамо», в мастерских Московско-Казанской железной дороги, в Сокольнических вагоноремонтных мастерских и на других предприятиях города. Подбельский связался с московскими большевиками, среди руководителей которых в то время были Р. С. Землячка и П. Г. Смидович, хорошо знавшие Вадима Николаевича. Он поступил на службу в земский союз, а через несколько месяцев перешел в редакцию влиятельной ли-

беральной газеты «Русское слово», которую издавал И. Д. Сытин.

Подбельского все чаще видят на заводах Густава Листа, Бромлея, Михельсона, на фабрике Цинделя, но особенно охотно он шел в московские типографии, на сходки наборщиков и печатников, на собрания в цехах. Он беседует с рабочими о положении в стране, передает им свежие номера большевистских газет. К концу 1916 года его хорошо знали московские большевики. Через него Московская организация РСДРП нередко получала подробную информацию о событиях в России и за границей. Когда в январе 1917 года МК РСДРП призвал рабочих выйти на демонстрацию в годовщину Кровавого воскресенья, Подбельский был среди тех, кто вывел массы на улицу. Около двух тысяч человек участвовало в тот день в демонстрации в центре города. Митинги прошли и на рабочих окраинах. Вслед за тем забастовали рабочие шестидесяти двух московских предприятий.

Пролетариат России готовился к решающим боям против самодержавия. Московский комитет партии предложил Подбельскому оставить сотрудничество в «Русском слове» и полностью сосредоточиться на пропагандистской работе.

Сразу после победы Февральской революции группе членов Московской партийной организации — И. И. Скворцову-Степанову, М. С. Ольминскому, П. Г. Смидовичу, В. Н. Подбельскому, Б. М. Волину, В. Н. Яковлевой — было поручено создать большевистский печатный орган — газету «Социал-демократ». В. Н. Подбельский стал ее техником-организатором. На него легла забота о бумаге, типографиях, транспорте, рабочих-полиграфистах. Во многом благодаря его усилиям удалось наладить регулярный выход этой ежедневной газеты, поднять ее авторитет.

В марте состоялось первое заседание Московского Совета рабочих депутатов. Вадима Николаевича избрали депутатом Моссовета и Совета Городского района. В эти же дни вместе с Р. С. Землячкой, П. Г. Смидовичем, Е. М. Ярославским он стал членом Московского комитета партии. В газете «Социал-демократ» почти ежедневно печатались объявления о выступлениях Подбельского, его статьи, хроника, репортажи.

В. Н. Подбельский вошел в делегацию московских большевиков на VI съезде партии, определившем курс на вооруженное восстание. Ему, самому молодому из членов делегации, было поручено выступить на съезде с сообщением о положении в Москве. Протоколы сохранили его речь на утреннем заседании 28 июля 1917 года. Характеризуя численность и влияние различных партий, он отмечает «полное единодушие в идейной работе между Москвой и Питером», которое «убеждает нас... в жизненности нашей пози-

ции и придает еще больше уверенности и энтузиазма нашей работе»[1].

Подбельский на съезде работал в секции, рассматривавшей материалы по пересмотру партийной Программы. Предложенная им резолюция по этому вопросу была принята большинством голосов.

Вадим Подбельский выступил на съезде и по вопросу об организации союзов молодежи. Он сказал, что в Москве практически существует два союза — признающий партийную платформу и беспартийный. «Большевики всегда отстаивали необходимость партийного союза молодежи, но беспартийный привлекает большую часть молодежи. Союз молодежи представляет собой прежде всего культурно-просветительную организацию, и его нельзя смешивать с профессиональным союзом, но и этот союз должен быть, по крайней мере, интернационалистическим...»[2]

Вернувшись в Москву со съезда, Подбельский помогает московской молодежи найти окончательные формы ее организации. При его участии создается молодежный клуб на Цветном бульваре, 25, где он регулярно выступает с лекциями и докладами.

Революционные события стремительно нарастали. Если в первой половине 1917 года ведущую роль в них играл Петроград, то в августе, в дни Государственного совещания и подавления корниловского мятежа, на передовые позиции вышла Москва. И хотя в дальнейшем решающие события происходили в Петрограде, массы московских рабочих в октябре 1917 года были готовы к бою с контрреволюцией.

О восстании в Петрограде Москва узнала лишь к полудню 25 октября из телефонограммы В. П. Ногина и В. П. Милютина. Было ясно, что необходимо всеми средствами поддержать петроградских рабочих и солдат. Именно об этом писала газета «Социал-демократ» 25 октября в передовой статье «Петроград и провинция».

В созданный в Москве Партийный центр по руководству восстанием вошли О. А. Пятницкий, М. Ф. Владимирский — от МК, И. Н. Стуков, В. Н. Яковлева — от Областного бюро, В. И. Соловьев — от Окружного комитета, Е. М. Ярославский — от Военной организации и Б. Г. Козелев — от профсоюзов. Решения Партий-

[1] Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года: Протоколы. М., 1958. С. 58, 59.

[2] Там же. С. 185.

ного центра были обязательны для всех партийных организаций и для большевиков, входивших в советский центр по руководству восстанием — Военно-революционный комитет.

Известно, однако, что в первые дни Партийный центр и Военно-революционный комитет не предпринимали решительных действий. Время было упущено: контрреволюция перешла в наступление. В Москве начались бои, закончившиеся победой революционных сил лишь 3 ноября 1917 года.

26 октября, когда революционным войскам удалось занять почтамт и телеграф, Военно-революционный комитет обратился ко всем почтово-телеграфным служащим с призывом не передавать телеграммы от Временного правительства корниловцам и калединцам, поскольку от этого зависел исход борьбы.

31 октября 1917 года, когда на улицах Москвы еще продолжались бои, ВРК назначил Подбельского московским комиссаром почты и телеграфа. Вспоминая об этом, Вадим Николаевич позднее писал: «Пробираться на телеграф было еще довольно трудно. Темень кругом непроглядная. Всюду трещат выстрелы. Кто стреляет, в кого — сразу не разберешь...

Почти на каждом углу — патруль. Проверка документов, обыски. Мы сели с товарищем-солдатом в санитарную карету и стали пробираться к телеграфу.

На телеграфе караул провел меня в одну из дальних комнат, где, как выяснилось потом, собрался Совет Московского почтово-телеграфного узла.

Я вошел в комнату Совета, отрекомендовался присутствующим и предложил им начать переговоры о дальнейшей работе телеграфа».

Члены Совета ответили: раз правительства Керенского больше не существует, они до созыва Учредительного собрания будут придерживаться позиции нейтралитета.

«На другой день,— заключает Подбельский,— я снова встретился с Советом московского почтово-телеграфного узла, с которым у меня начались длинные и нудные переговоры о признании Советской власти и ее представителя — комиссара.

Ни я, ни противная сторона не решались обострять отношений. Я был один перед лицом весьма хорошо сплоченной массы саботажников и обманутой ими массы...»

1 ноября 1917 года было опубликовано обращение московского комиссара почты и телеграфа к служащим телеграфа. В нем говорилось: «Почта и телеграф в Москве находятся в полном распоряжении Военно-революционного комитета. Безопасность и спокойствие в районе Центрального почтамта и телеграфа обеспечены

прочной охраной революционных войск. Необходимо немедленно же начать правильную работу телеграфа.

Ввиду этого прошу всех служащих телеграфа по возможности немедленно же явиться к исполнению своих обычных служебных обязанностей.

В целях большей безопасности направляться к телеграфу целесообразнее всего со стороны Красных ворот, где караул революционных войск окажет идущим к телеграфу служащим необходимое содействие...»

Обращение возымело действие. Совет почтово-телеграфных организаций Московского узла постановил немедленно возобновить работу почты и телеграфа. Было объявлено о создании коллектива из представителей всех организаций, входящих в Совет, для управления делами почт и телеграфов, а также для постоянной связи с комиссаром В. Н. Подбельским.

Иначе поступило руководство профсоюза почтово-телеграфных служащих: оно саботировало распоряжения новой власти. Да и коллектив представителей почт и телеграфов Московского узла тоже не спешил выполнить данное им обязательство. 7 ноября на заседании Московского ВРК сообщалось, что члены коллектива направляют во все концы страны телеграммы, призывающие к всероссийской политической забастовке против Советской власти. Тогда приказом Подбельского 9 января 1918 года коллектив представителей Московского узла был распущен.

В немногочисленных книгах о В. Н. Подбельском, написанных два-три десятилетия назад, его имя обычно включают в состав Партийного центра и Московского ВРК. Однако более поздние исследования показывают, что это не совсем так. В дни вооруженного восстания в Москве он был членом МК партии большевиков. Как руководитель издательского дела отвечал за ежедневный выход газет «Социал-демократ», «Известий Московского Совета», «Вестника Военно-революционного комитета», многочисленных листовок. Печатные издания выходили регулярно даже в самые тяжелые дни боев. В них публиковались важнейшие приказы и воззвания Военно-революционного комитета.

Поэтому не случайно, когда встал вопрос о комиссаре Москвы по делам печати, у членов Московского ВРК колебаний не было: Вадим Подбельский — опытный журналист, фактический организатор всей партийной печати в городе — кто же, как не он! 2 ноября 1917 года Вадим Николаевич принимает новое назначение и становится, по собственному его выражению, «дважды комиссаром».

После победы восстания в Петрограде, 27 октября 1917 года,

Совет Народных Комиссаров принимает декрет о печати. Закрывается ряд буржуазных газет, которые призывают к свержению новой власти или неповиновению ей. «Терпеть существование этих газет,— отмечает В. И. Ленин,— значит перестать быть социалистом»[1].

Московский комиссар по делам печати заботится об издании книг, о книжной торговле. А дело это было нелегкое — ведь в Москве имелось более 200 книжных магазинов, а тираж выпускаемых книг достигал 38 миллионов экземпляров. По его инициативе библиотечные фонды Москвы постоянно пополнялись новинками, выпущенными после победы революции. К Подбельскому обращались представители различных организаций с просьбами об издании газет и специальных журналов.

И вот уже выходят газеты для военнопленных на чешском, сербскохорватском, румынском и венгерском языках. С середины апреля 1918 года намечается выпуск журнала «Трудовое казачество». И на все эти новые издания нужна бумага, нужны типографии...

В те годы функции органов печати, телеграфа и почты тесно переплетались. Поэтому Московский ВРК вполне закономерно поручил 12 ноября 1917 года Подбельскому руководство Московским отделением Петроградского телеграфного агентства. Всего несколько месяцев исполнял он эти обязанности, но с первых дней особое внимание придавал тому, чтобы передаваемые сообщения были достоверны. Известен случай, когда в феврале 1918 года во время наступления кайзеровских войск Подбельский усомнился в достоверности сообщения, переданного от Троцкого, о том, что «Австро-Венгрия в войне против России не участвует». Именно в этот день состоялся первый разговор по прямому проводу Подбельского с В. И. Лениным.

Владимир Ильич сообщил: «Проверенных новых сведений не имею, кроме того, что немцы, вообще говоря, продвигаются вперед неуклонно, ибо не встречают сопротивления. Я считаю положение чрезвычайно серьезным, и малейшее промедление недопустимо с нашей стороны. Что касается сообщения о неучастии Австро-Венгрии в войне, то я лично, в отличие от Троцкого, не считаю это сообщение проверенным, говорят, перехватили радио и были телеграммы об этом из Стокгольма, но я таких документов не видал»[2]. Буквально через час сообщение о беседе Подбельского с Лениным было передано в редакцию «Известий».

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 54.
[2] Там же. С. 365.

Комиссар Подбельский и в дальнейшем заботится о том, чтобы Московское отделение Петроградского телеграфного агентства передавало лишь достоверную, строго проверенную информацию.

В марте 1918 года руководство партии левых эсеров, несогласное с условиями заключения Брестского мира, отозвало из правительства семь «своих» народных комиссаров, в том числе наркома почт и телеграфов П. П. Прошьяна. Наркомат остался без руководства. И все это — в дни, когда Советское правительство только что переехало в Москву и вопросы почтово-телеграфной связи стояли очень остро...

Управляющий делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевич передал Подбельскому поручение войти в комиссию по подготовке декрета об управлении почтой и телеграфом. Еще до его принятия Совнаркомом проект декрета обсуждался на Московской окружной конференции почтово-телеграфных служащих и был одобрен. Одновременно шел разговор и о кандидатуре будущего наркома. 9 апреля 1918 года на заседании Совнаркома под председательством В. И. Ленина среди других вопросов рассматривалось ходатайство комиссаров Московского почтово-телеграфного округа о назначении на пост наркома почт и телеграфов Н. П. Авилова (Глебова) или московского окружного комиссара В. Н. Подбельского. Совнарком предпочел вторую кандидатуру. Через два дня постановлением ВЦИК В. Н. Подбельский был назначен народным комиссаром почт и телеграфов республики. Ему было в то время 30 лет.

Подбельский продолжает доработку проекта декрета об управлении почтой и телеграфом. На Московской конференции почтово-телеграфных служащих этот проект был обсужден и одобрен. Затем его внимательно прочитал В. И. Ленин и внес в него много поправок. В таком виде декрет был принят Совнаркомом.

Новому наркому досталось тяжелое наследство. Из 10 тысяч учреждений связи лишь $^{1}/_{6}$ приходилась на азиатскую часть страны. Из 140 тысяч верст почтовых путей более трети проходили по проселкам. Необходимо было срочно строить телефонные и телеграфные линии, налаживать почтовые перевозки, а самое главное — перестраивать аппарат народного комиссариата.

Придя в наркомат, Подбельский вновь столкнулся с отказом старых чиновников сотрудничать с новой властью. Он начал с решительной меры — подписал приказ об увольнении всех саботажников. Через 10 дней после назначения Подбельского наркомом была создана коллегия, куда вошли большевики-связисты А. М. Любович и К. Я. Кадлубовский. Позднее в ее состав был

введен один из организаторов радиосвязи, член партии с 1904 года, крупный инженер А. М. Николаев. 18 мая 1918 года Народный комиссариат почт и телеграфов направил в учреждения своей отрасли инструкцию «О порядке введения в почтово-телеграфном ведомстве коллегиальных начал управления».

Во многих документах, начиная с декрета об управлении почтой и телеграфом, проводилась мысль о том, что всю свою работу наркомат ведет в тесной связи с местными органами Советской власти. Эту свою идею Вадим Николаевич Подбельский последовательно проводил в жизнь. В апреле 1918 года на заседании ЦК революционного профсоюза почтовых работников он говорил, что «профессиональный союз не должен стремиться к тому, чтобы всецело возложить на свои плечи управление ведомством, так как у последних масса других, чисто профессиональных дел и задач среди масс».

Новый нарком почт и телеграфов рассматривал почтово-телеграфное ведомство как неотъемлемую часть культуры. Он мечтал о том времени, когда почта будет доставлять адресатам не только письма и телеграммы, но и газеты, и журналы, и книги, и ноты, и медикаменты. В одной из своих статей Подбельский писал: «...почта, телеграф и телефон — для народа! Таков должен быть творческий лозунг социалистического почтово-телеграфного ведомства. Мы должны сделать все от нас зависящее, чтобы этими благами современной культуры могли пользоваться самые широкие массы рабочих и крестьян... Мы должны поставить почту, телеграф на самую совершенную высоту технической организации».

Руководство Наркомата почт и телеграфов разрабатывает четкую программу работы, требует от всех сотрудников высокой исполнительской дисциплины и компетентности. Подбельский выезжает в Курск, Тамбов, Ярославль, Нижний Новгород, Казань и некоторые другие города. И от других работников наркомата он требует, чтобы они регулярно бывали на местах, оказывали местным отделениям связи необходимую помощь, знали кадры, их заботы и трудности. Отчеты о командировках на места регулярно заслушивались на заседаниях коллегии.

Разоренное почтово-телеграфное хозяйство нужно было не только поскорее восстановить, но и поставить ему на службу достижения современной науки и техники. Только в первом полугодии 1918 года было построено 500 верст линий телеграфной связи и открыто 57 новых телеграфных учреждений. Были приняты декреты о централизации радиотелеграфа, о создании Радиотехнического совета и организации Нижегородской радиолаборато-

рии. В программу почтово-телеграфного строительства на первые полтора года было включено открытие новых радиостанций, подготовка кадров радиоспециалистов, расширение научно-исследовательской работы в области радио.

О том, как готовился декрет о централизации радиотелеграфного дела, вспоминал много лет спустя один из ближайших помощников Вадима Николаевича, член коллегии наркомата и председатель Радиосовета А. М. Николаев. Он писал: «В марте 1918 года я был назначен членом коллегии Наркомпочтеля. Тов. Подбельский — нарком почт и телеграфа — поручил мне, как инженеру, заведование техническими отделами электрической связи. Положение проволочной связи было отчаянное, телеграфные линии были разгромлены русскими и иностранными белобандитами, проводить систематический ремонт линии было невозможно... Наименее уязвимой связью могло быть радио, и мысль о применении радио в гражданском ведомстве уже бродила среди радистов... Мне не трудно было убедить т. Подбельского в необходимости широкого применения нового вида связи — радио. После разговора со мной Подбельский имел беседу с Владимиром Ильичем об организации гражданского радио и передаче мощных станций Наркомпочтелю. Возвратившись от Владимира Ильича, т. Подбельский дал мне поручение разработать декрет о централизации радиотелеграфа»[1].

В июле 1918 года декрет был принят Совнаркомом. А за месяц до этого в распоряжение Наркомпочтеля были переданы военные радиостанции — Ходынская, Царскосельская и Тверская. Вокруг Подбельского и Николаева объединились энтузиасты нового дела: крупнейший специалист в области радио инженер М. А. Бонч-Бруевич, начальник Тверской радиостанции В. М. Лещинский, инженер П. А. Остряков и другие.

Были поездки в Тверь, долгие споры, поиски нового места для Тверской радиостанции, создание Нижегородской радиолаборатории. Было немало новых встреч и бесед с В. И. Лениным, внимательно следившим за первыми шагами нового дела и сразу по достоинству оценившим его. И хотя в условиях гражданской войны и хозяйственной разрухи не все планы удалось осуществить, основы радиодела в Советской России закладывались уже тогда, в начале 1918-го...

Основной из политических задач Советской власти было приближение средств связи к населению. «До сих пор,— говорил Подбельский на I пролетарском Всероссийском съезде почтово-теле-

---

[1] *Николаев А. М.* Ленин и радио. М., 1958. С. 6.

графных работников,— почта и телеграф были доступны только более или менее большим центрам, городам и большим селам, а маленькие деревушки и села были от них оторваны. Но недаром рабочие и крестьяне сделали революцию: теперь они должны от нас требовать и ждать, чтобы мы к ним подвигались ближе, и наше ведомство должно обслуживать рабочих и крестьян, заброшенных в самые глухие уголки...»

Еще до Октябрьской революции В. И. Ленин отмечал, что будущее рабоче-крестьянское правительство должно установить государственную монополию на газетные объявления. В первые месяцы Советской власти газеты разных направлений нередко отказывались публиковать объявления новых государственных учреждений. 18 мая 1918 года был опубликован порядок приема и публикации объявлений в органах советской печати. Все они поступали в газеты через учреждения связи.

Рядом декретов, принятых в 1918 году, при почтово-телеграфных учреждениях вводилась справочная служба. Каждый трудящийся получал возможность навести справку о работе любого из советских учреждений. При Наркомате почт и телеграфов создавался отдел рекламы и распространения печати. Вступил в силу декрет о бесплатной пересылке писем, что также способствовало налаживанию и укреплению связей между различными районами страны.

Еще 27 апреля 1918 года на I пролетарском Всероссийском съезде почтово-телеграфных работников, стоящих на платформе Советской власти, нарком почт и телеграфов республики говорил, что важнейшей задачей руководства наркомата становится нормирование труда, введение новой системы оплаты, улучшение условий работы почтово-телеграфных контор, быта сотрудников, их медицинского обслуживания. Основным критерием оплаты труда почтово-телеграфных работников становилась их квалификация, важность выполняемой работы.

Еще в марте 1918 года декретом Совнаркома работники средств связи были освобождены от трудовой повинности, «как исполняющие непрерывную государственную работу». Со второй половины 1918 года они были уравнены с рабочими и служащими железнодорожного и водного транспорта, получавшими усиленный продовольственный паек. Для детей работников связи создавались специальные интернаты, где они жили и учились на полном государственном обеспечении. Нарком лично заботился об организации столовых для работников ведомства.

В сферу непосредственных интересов Подбельского входили и налаживание перевозки почты, и обеспечение нормальной теле-

фонной связи внутри столицы и за ее пределами, и восстановление поврежденных международных линий телеграфа и телефона. Уже в первые месяцы своей работы нарком Подбельский заботился о разработке образцов новых советских марок, что было крайне важно для упорядочения оплаты почтовых отправлений. Недаром в юбилейной серии, выпущенной в 1958 году к столетию почтовой марки, была и марка с портретом В. Н. Подбельского.

Трудно налаживалась работа советских учреждений в 1918 году. Гражданская война, контрреволюционные мятежи, голод, разруха... Интервенты хозяйничали на Севере и Каспии. Белогвардейцы рвались к Царицыну, Тамбову, Москве...

6 июля 1918 года в столице вспыхнул левоэсеровский мятеж. Заседания V съезда Советов были прерваны. Становилось ясно, что мятежники прежде всего попытаются завладеть почтамтом, а также телеграфом и Центральной телефонной станцией в Милютинском переулке. Ведь среди руководителей профсоюза почтово-телеграфных служащих у эсеров есть сторонники. Нужно было немедленно действовать.

Еще до перерыва в работе съезда Подбельский собрал присутствовавших там работников наркомата и попросил срочно принять меры для охраны учреждений связи. Комиссару телеграфа было предложено передавать лишь телеграммы за подписями В. И. Ленина, Я. М. Свердлова и Л. Д. Троцкого. Нарком решил проверить положение на местах. В автомобиле он направился в сторону профсоюза почтовиков, располагавшегося в здании бывшей гостиницы «Прогресс» у Чистых прудов.

Возле гостиницы нарвались на патруль левых эсеров, и Вадиму Николаевичу лишь чудом удалось избежать ареста. Он вбежал в здание гостиницы и выпрыгнул из окна второго этажа в соседний переулок. Шофер был арестован, машина попала в руки мятежников. Подбельский позднее вспоминал:

«...Как только я освободился из-под ареста (это было недалеко от телеграфа), я прибежал на телеграф, чтобы взять десять солдат и попытаться отбить автомобиль и освободить шофера, но начальник караула телеграфа отказался дать мне солдат. Тогда я поспешил на телефонную станцию, откуда удалось отправить отряд латышей к месту моего ареста, но там уже автомобиля и шофера не оказалось — поповцы успели увести автомобиль.

Как раз в это время с телеграфа сообщили, что туда явился отряд в сорок человек и, заявив, что он прислан Подбельским, вошел в помещение телеграфа, не встретив со стороны начальника

караула возражений. Я немедленно созвонился с начальником телеграфа Тимаковым, отправил его на разведку... Тимаков выяснил, что отряд... не понимая сущности борьбы, готов подчиняться распоряжениям нашего комиссара... Я предложил Тимакову постараться изолировать отряд, что Тимакову и удалось сделать... Немедленно же я сообщил о происшедшем Троцкому и попросил его прислать отряд хотя бы в 50 человек верных войск. Не знаю, по каким причинам, но отряд не был прислан в течение нескольких часов, хотя я после этого добивался еще несколько часов присылки его.

...В этот промежуток времени на телеграф уже успел явиться второй отряд Попова, уже во главе с Прошьяном, который и стал распоряжаться на телеграфе...»

Левоэсеровский мятеж был, как известно, подавлен в основном в течение суток, но отбивать у мятежников почтамт и телеграф пришлось два дня.

После ликвидации левоэсеровского мятежа Подбельский попрежнему оставался народным комиссаром почт и телеграфов республики. Одновременно по заданию ЦК и ВЦИК в 1918-м и 1919 году его направляли в качестве особоуполномоченного в районы трудные и опасные: в Ярославль, в Тамбов, город, где он стал профессиональным революционером, где жили его родные. Он умело совмещает обязанности политического комиссара и наркома средств связи. А вернувшись в Москву, вновь погружается в дела своего наркомата: выдвигает новые идеи, новых людей, борется с загрузкой телеграфа многословными, не всегда нужными телеграммами, заботится о создании мощной радиостанции в Москве, той самой станции на Шаболовке, откуда пошло наше телевидение.

Подбельский никогда не забывал о своем основном призвании — журналистике: писал и печатал статьи в журналах, выпустил в 1919 году книгу «Дело связи в Советской России». Свою последнюю статью заканчивал в ночь после февральского субботника 1920 года, ставшего для него роковым...

Судьба Вадима Подбельского была и счастливой и трагической. Счастливой потому, что он не отступал от однажды выбранной цели и многое из задуманного сумел воплотить в жизнь, внеся заметную лепту в общее дело борьбы за лучшее будущее. И не его вина, что идеалы, которым он всегда следовал, оказались впоследствии искаженными или утраченными. Не случайно ему, одному из самых молодых членов правительства, было поручено руко-

водство средствами связи, важнейшими объектами, от обладания которыми во многом зависит победа или поражение революции.

Трагизм его судьбы не только в нелепой случайности, приведшей к столь ранней смерти, но и в том, что имя его, как и многих других первых наркомов, многие из которых подверглись позднее сталинским репрессиям, оказалось надолго забытым. Те немногие книги, которые рассказывают о жизни и делах Вадима Подбельского, выходили в основном в 60-е годы, и выросло новое поколение, которое никогда не слышало о нем. А ведь он принадлежал к той когорте революционеров, которые «действовали упорно, неуклонно среди пролетарских масс, помогая развитию *их* сознания, *их* организации, *их* революционной самодеятельности»[1].

Качурина А. В.—
кандидат
исторических наук

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 82.

Член Комитета по военным и морским делам
Н. И. ПОДВОЙСКИЙ

Следуя правде истории, справедливо будет, наверное, начать очерк с напоминания о мало кому известном факте: среди членов Совнаркома, избранного, по предложению В. И. Ленина, II Всероссийским съездом Советов, Николая Ильича Подвойского не было. Однако имя его как одного из первых руководителей Рабоче-Крестьянской Красной Армии вошло во все энциклопедические справочники и исторические труды.

А теперь факт неизвестный. В докладной записке Совету Народных Комиссаров, относящейся, судя по содержанию, к последним числам января 1918 года и названной «О положении армии в настоящем ее состоянии, вытекающих отсюда последствиях и о постановке работы по организации социалистической Красной Армии», первый советский Верховный главнокомандующий

Н. В. Крыленко указывал, в частности, что в Наркомвоене «фактически руководящую роль получила группа товарищей во главе с Н. И. Подвойским». Тут же рукой автора вписано: «не утвержденная съездом и ЦИК»[1]. Чтобы не возникло впечатления о «самоназначении» Н. И. Подвойского народным комиссаром по военным делам («явочным порядком»), попробуем разобраться, в чем тут дело.

Еще до Октября В. И. Ленина волновал вопрос о необходимости привлечения к управлению будущим государством квалифицированных специалистов, профессионалов, в том числе военного дела. С другой стороны, наблюдая процесс демократизации старой армии, Ленин отмечал: «Только выборных властей солдаты слушаются, только их они *у в а ж а ю т*» [2]. Не случайно поэтому в ленинских «Заметках об организации аппарата управления», написанных 25 или в ночь на 26 октября 1917 года, появилась такая фраза: «Генерал Б[онч]-Бр[уевич] справиться и выдвинуть принцип выдвигания низами начальников вообще»[3]. Первая часть говорит о заботе Ленина, чтобы в руководстве обороной страны был обязательно опытный военный специалист; вторая — раскрывает, почему в первом составе Совнаркома Наркомат по делам военным и морским выглядел несколько необычно — как коллегиальный орган, комитет, состоявший из трех лиц. Заметим сразу, что комитеты в это время получили широкое распространение в вооруженных силах, а персонально все «три лица» являлись военнослужащими, находились на выборных должностях, пользовались авторитетом в войсках.

Н. И. Подвойский военного образования не имел (сын священника, он учился в духовной семинарии, затем — в Ярославском юридическом лицее); в старой армии ни дня не служил; в частях Петроградского гарнизона его знали как одного из руководителей Военной организации РСДРП(б), а затем — активного члена ВРК. Но главное: было у него яркое революционное прошлое, участие в стачечных боях. Были аресты, тюрьмы, эмиграция, не сломившие волю, не поколебавшие безграничной преданности делу партии, в которой он состоял с 1901 года, борьбы за свободу и лучшее будущее народа. Это, конечно, немало. Хотя военные знания и опыт управления войсками для будущего наркомвоена вряд ли оказались бы лишними.

---

[1] ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 466, л. 68 об. В тексте есть фразы: «Так было к концу декабря. С тех пор прошел месяц...»//Там же, л. 66 об.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 199.

[3] Ленинский сборник XXI. С. 91.

Подвойский это понимал. Он прекрасно помнил и писал впоследствии о том, как еще в период подготовки к вооруженному восстанию был очень доволен своим докладом, представившим Ленину «полную картину» работы Военной организации, и как тот буквально забросал его вопросами. Оказалось, что «Военка» уделяла очень мало внимания... военной стороне дела, что являлось как раз ее «прямой обязанностью»[1]. Кто знает, может быть, Ленин вспомнил именно этот эпизод, когда задумывался о персональном составе первого Советского правительства? С другой стороны, Ленин имел возможность убедиться в энергичных действиях Подвойского по организации борьбы с мятежом Керенского — Краснова. Правда, и тогда вождю революции пришлось непосредственно в штабе помогать военному руководству. «Мы разбрасывались, собирали и бросали силы непланомерно, благодаря чему получалась расплывчатость действий и, как следствие, расплывчатость в настроении масс...— признавал Н. И. Подвойский.— Массы не чувствовали железной воли и железного плана... Ленин же гвоздем вколачивал в каждую голову одну мысль — о необходимости все сосредоточить для обороны. Из этой мысли он, далее, разворачивал уже понятный всем план, в котором, как в цельном механизме, невольно каждый находил место для себя, для своего завода, для своей части»[2].

В обоих приведенных случаях нет основания не верить самокритике автора. Хотя известно, что мемуары — источник, требующий проверки. В этом плане характерны воспоминания Н. И. Подвойского, рассказывающие, каким образом он попал в Совнарком.

Утром 27 октября 1917 года, лишь только состоялось избрание первого состава Совнаркома, Ленин, по словам Подвойского, вызвал его в помещение большевистской фракции съезда и спросил мнение «о том, как сконструирован Народный комиссариат по военным и морским делам, справятся ли со своим делом товарищи Антонов-Овсеенко, Дыбенко и Крыленко». При этом Ленин высоко отозвался о Н. В. Крыленко, назвав его «популярнейшим нашим офицером на фронте».

«Я указал,— пишет далее Подвойский,— что кандидатура Крыленко политически является исключительно удачной, то же о Дыбенко, но в деловом отношении, по моему мнению, Крыленко

[1] См.: О военной деятельности В. И. Ленина: (Из воспоминаний Н. И. Подвойского)//Коммунист. 1957. № 1. С. 36.

[2] *Подвойский Н.* Военная организация ЦК РСДРП(б) и Военно-революционный комитет 1917 г.//Красная летопись. 1923. № 8. С. 39.

не сможет справиться в такой критический момент с военным делом.

В это время к нам подошли Невский и Розмирович. Приняв участие в нашем разговоре, они указали Ленину, что он сделал большую ошибку, не предложив в Народный комиссариат по военным и морским делам меня, при этом Розмирович стала говорить Ленину о моей работе по закреплению за нами солдатских масс в качестве руководителя Военной организации и председателя Военно-революционного комитета [1]. Она сказала, что муж ее — Крыленко не способен к планомерной организационной работе, «он разбрасывается и может развалить дело». Невский поддержал ее в части, касавшейся меня. Ленин ответил: мы остановились на самых популярных военных работниках, вы должны были нас скорректировать выставлением желательных кандидатур. Дело все же поправимое. Мы постановим, чтобы в Народный комиссариат по военным и морским делам были дополнительно введены товарищ Подвойский и кого найдут необходимым Военно-революционный комитет и Военная организация»[2].

Если верить мемуарам, Н. И. Подвойский далее сказал Ленину, что ему «совершенно безразлично, в качестве кого работать», но он думает, что на военной работе «был бы наиболее полезен» и что назначение его «вместе с уже назначенной тройкой самым целесообразным образом разрешит вопрос». Закончился разговор якобы приказанием Ленина Подвойскому, чтобы он «не ожидая формального назначения, приступил к работе в Военном комиссариате, не покидая председательствования в Военно-революционном комитете»[3].

Если верить... У нас, честно говоря, это получается с трудом и далеко не всему. Но мы не склонны навязывать читателям свое мнение. Тем более что поручение Ленина Подвойскому подобрать «пополнение» для коллегии Наркомвоенмора сомнения не вызы-

---

[1] Как показывает изучение документов Петроградского ВРК, в нем не было лиц, постояно занимавших (по выбору или назначению) должности председателя и секретаря. В таком качестве могли выступать все члены комитета, находившиеся в данный момент в его помещении, принимавшие (чаще всего коллективно) решения от его имени и подписывавшие соответствующие документы. Зафиксированы ряд случаев, когда ставившие подпись менялись ролями председателя и секретаря (например, 26 октября под документом № 198 стоят подписи председателя Садовского А. Д. и секретаря Подвойского Н. И., а под № 210 — председателя Подвойского Н. И. и секретаря Садовского А. Д.). Правильнее, очевидно, что Подвойский был одним из членов ВРК, исполнявшим периодически обязанности председателя или секретаря.

[2] *Подвойский Н. И.* Год 1917. М., 1958. С. 181.

[3] Там же. С. 182.

вает. Речь может идти только об этической, нравственной стороне вопроса и соответствующих качествах воспоминателя.

Другое дело — в отношении факта, вошедшего в научный оборот, будто бы первое заседание указанной коллегии в полном составе состоялось 27 октября 1917 года. Датировка основана на одной из поздних мемуарных статей Н. И. Подвойского, утверждавшего, что это заседание проходило по указанию В. И. Ленина и на нем «был сконструирован Военный комиссариат»; в его коллегию помимо утвержденных II съездом Советов В. А. Антонова-Овсеенко, П. Е. Дыбенко и Н. В. Крыленко были введены В. Н. Васильевский, К. С. Еремеев, П. Е. Лазимир, К. А. Мехоношин, Н. И. Подвойский и Э. М. Склянский; все девять «полноправных членов этого Совета, равно ответственных за ведение дела», тогда же распределили между собою руководство различными отраслями военного управления; протокол заседания был передан В. И. Ленину, который «согласился с разработанной структурой военного наркомата»[1]. Вот этого, как свидетельствуют другие источники, не было. В тот день могло лишь состояться выдвижение ряда товарищей для работы в Военном комиссариате. А первое заседание коллегии проходило 3 ноября, что подтверждает соответствующий протокол № 1. Правда, Н. И. Подвойский не склонен был откладывать сбор коллегии. Слово — документу, отложившемуся в ЦГАСА.

«В 9 часов. Мы, нижеподписавшиеся, сегодня собрались в комнате заседаний Народных комиссаров по военным и морским делам. Заседание не могло состояться за неприбытием Крыленко, Дыбенко, Антонова (несмотря на их письменное обещание быть на сегодняшнем собрании) и товарища Еремеева, командированного в Москву, и Ховрина, которому не было объявлено о собрании,— постановили: очередное собрание назначить 3-го ноября в 10 часов утра, считая состав его законным при всяком количестве явившихся членов. Подписи: П. Лазимир, К. Мехоношин, Васильевский, Склянский, Н. Подвойский»[2].

Может быть, это несостоявшееся заседание планировалось на 27 октября? Нет. Содержащиеся в документе факты позволили установить, что оно намечалось на 2 ноября. Случайно ли избранные съездом три наркома не откликнулись сразу на приглашение Подвойского? Думается, не случайно. Они не могли не знать, как представлял их Ленину Подвойский в самые напряженные дни.

---

[1] *Подвойский Н. И.* В. И. Ленин и организация Красной Армии//Военная мысль. 1957. № 6; Он же. Год 1917. С. 182—183.

[2] ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 301, л. 5.

Нам об этом тоже несложно узнать из его воспоминаний. Относительно Крыленко говорилось выше. Антонов-Овсеенко был смещен с поста главнокомандующего Петроградским военным округом и заменен по предложению Подвойского... Подвойским; Дыбенко он настаивал предать суду за соглашение с Красновым. Стало быть, вопреки заверениям Подвойского, ничего хорошего от его симбиоза с тремя наркомами ждать не приходилось. Впрочем, он и сам отмечал в мемуарах, что «с первых же дней работа у нас не пошла»[1].

Тем не менее 3, 4 и 5 ноября состоялись заседания коллегии. На всех трех присутствовали лишь Антонов-Овсеенко, Васильевский, Крыленко, Лазимир и Подвойский. Особой роли последнего по протоколам не заметно — наиболее активным был Крыленко. Большое место заняли на заседаниях вопросы внутренней организации деятельности коллегии, получившей название «Совет народных комиссаров по военным и морским делам». В ходе обмена мнениями Н. И. Подвойский высказался за уточнение компетенции коллегии как центрального органа, предложив сразу же выделить функции оперативного руководства — «отделить оборону от военного министерства». Предложение Н. В. Крыленко о распределении между членами коллегии конкретных функций, связанных с деятельностью различных управлений военного министерства, не встретило поддержки у некоторых из присутствовавших (в том числе, видимо, и то, что он предполагал взять на себя общее руководство). Очевидно, в связи с выявившимися разногласиями по оргвопросам решено было соответствующую часть проекта правительственного акта сформулировать «немедленно, совместно с Лениным»[2].

Подвойский выступил главным оппонентом при обсуждении представленного Крыленко проекта декларации «К солдатам революционной армии», критикуя расплывчатость, неконкретность ряда формулировок. Было предложено «точно перечислить» основные направления демократизации армии, каковыми, на взгляд Подвойского, являлись: 1) уравнение материального положения «всех воинских чинов», 2) общегражданская подсудность, 3) выборность начальников. Демократизацию следовало осуществлять, невзирая на «немецкую опасность», так как «армия накануне того, что она разбежится». Крыленко согласился с необходимостью «по каждому пункту» внести «более конкретные указания»[3].

---

[1] *Подвойский Н. И.* Год 1917. С. 183.
[2] ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 21, л. 8 об.
[3] Там же, л. 18.

Три дня заседаний не прошли даром. Выявилась возможность коллективного решения важных вопросов. Наметились и разногласия — в том числе столь серьезные, что для их ликвидации потребовалось обращение к Ленину. Уже в первый день определили регламент дальнейшей работы: заседания Совета предполагалось проводить ежедневно с 10 до 12 и с 18 до 20 часов с присутствием всех членов Совета, «не имеющих специального назначения»; собрания считались правомочными «при всяком числе, но не менее 3-х». Тут же было решено, что «Совет выделяет Бюро (председателя, секретаря и ведающего финансовой частью»; секретариату предстояло организовать канцелярию и представить проект организации работы («распределения по функциям»). Указанный регламент отвечал самым высоким административно-бюрократическим требованиям коллегиальности, но в первые месяцы Великой революции не мог быть осуществлен: слишком много вопросов поставила она перед взявшим власть пролетариатом и его партией.

Уже 7 ноября один из членов коллегии, прапорщик Васильевский (это он в основном вел протоколы первых заседаний), обратился с докладной запиской в Совет народных комиссаров по военным и морским делам, что члены Совета заняты разрешением текущих дел, иногда даже не имеющих отношения к его прямым задачам, действуют без плана и даже не осведомляют о своих распоряжениях. Он предложил ряд мер по налаживанию работы Совета как коллективного органа. В какой-то мере указанные явления могли быть следствием того, что планировавшееся Бюро, очевидно, не было создано — нам не удалось обнаружить ни документов о его создании, ни упоминаний об этом в мемуарах, даже у Н. И. Подвойского. Более того, он писал:

«Необходимо было, чтобы во главе Народного комиссариата стояло одно лицо, уполномоченное самим же Советом проводить единоначалие. Совет это понимал, но и боялся этого шага, неуверенный в его преимуществах. Несколько совещаний, посвященных вопросу о деловом распределении ролей, окончились ничем.

Решение пришло само собой. 7 ноября Крыленко получил приказание Совнаркома отправиться на фронт в качестве главнокомандующего [1] и предложил мне принять его обязанности в Народном комиссариате по военным и морским делам. Я согласился. Таким образом, фактическое управление военным министерством перешло в мои руки»[2].

---

[1] Назначение Н. В. Крыленко Верховным главнокомандующим произошло 9 ноября в ходе переговоров Ленина, Сталина и Крыленко со Ставкой (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 80).

[2] *Подвойский Н. И.* Год 1917. С. 183.

Как все оказалось просто: вместо выборов Советом — Крыленко предложил, Подвойский согласился, Ленин подписал удостоверение, что Н. И. Подвойский является заместителем наркома по военным делам. Правда, не 7 ноября, а 9-го, не наркомом, а заместителем, но не по военным и морским, а лишь по военным — но стоит ли на это обращать внимание? Стоит. Ведь Крыленко и Ленин профессионально знали правовые науки. Впрочем, Подвойский тоже знакомился с ними в Ярославском лицее.

Подвойский уже 11 ноября подписал приказ как наркомвоен, а 23 ноября в связи с отчислением от занимаемой должности генерала А. А. Маниковского приказом № 17 объявил, что «управление военным министерством переходит ко мне и товарищам народного комиссара К. А. Мехоношину, Э. М. Склянскому и Б. В. Легран». С конца ноября Н. И. Подвойский предъявлял Наркомвоен на заседаниях Совнаркома, подписывал в качестве наркома правительственные акты. В проекте декрета о Народном комиссариате по военным делам, готовившемся в первой половине декабря 1918 года, положение Н. И. Подвойского было определено так: «Исполняет обязанности народного комиссара по военным делам. Общее руководство делами военного министерства, председательствование на узком составе коллегии»[1]. Обратим внимание на слова: «исполняет обязанности». Проект не был утвержден, но суть он отразил правильно. Добавим лишь, что в одном из документов, определявших обязанности членов «узкого состава коллегии по общему управлению военным министерством», около фамилии Н. И. Подвойского, помимо указанного выше, значилось: «Прием докладов начальников, комиссаров и коллегий управлений военного министерства»[2]. Отсутствие этого, очевидно, умаляло бы главенствующую роль наркома по отношению к старым военным специалистам.

Завершить рассказ о событиях, связанных с утверждением на наркомовскую должность Н. И. Подвойского, нам бы хотелось тем, что в «Вестнике отдела местного управления Комиссариата внутренних дел» № 1 за 1917 год под заголовком «Постановление Всероссийского съезда Советов» и с преамбулой, взятой действительно из постановления съезда, был опубликован состав Совета Народных Комиссаров на конец года, то есть со всеми изменениями, происшедшими за два месяца. В нем, в частности, указывалось: «По делам военным и морским — комитет в составе

---

[1] ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 343, л. 66; *Крушельницкий А. В.* Народный комиссариат по военным делам в первые месяцы диктатуры пролетариата (конец октября 1917 г.— март 1918 г.). Канд. дисс. М., 1985. С. 73.

[2] ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 51, л. 34.

В. А. Овсеенко-Антонова, Н. В. Крыленко, П. Е. Дыбенко и Н. И. Подвойского».

Одной из главных задач в овладении военным министерством была ликвидация саботажа со стороны его служащих, включая руководящий состав. Н. И. Подвойский выразил свою позицию по этому вопросу на заседании Военно-революционного комитета 9 ноября: «...необходимо коренное изменение политики по отношению лиц, саботирующих власть... пора перейти к более решительным мерам»[1]. Речь шла тогда не о немедленном аресте всех руководителей саботажа — это могло повлечь забастовку служащих и нарушение системы снабжения фронта и тыла всем необходимым, начиная с продовольствия (хотя, заметим, трудности в снабжении имелись уже немалые).

9—10 ноября в военном министерстве проходило совещание представителей управлений в лице их начальников и тех, кто был избран в «Совет делегатов» (коллегиальный орган при генерале Маниковском). Перед совещанием А. А. Маниковский (управляющий военным министерством) и В. В. Марушевский (начальник Генерального штаба) в переговорах с Духониным обещали ему поддержку. Прямой провод контролировался комиссаром ВРК. Узнав о совещании, Крыленко и Подвойский ночью прибыли на него, выступили с разъяснением существа происходящих событий и политики пролетарского государства. Им удалось предотвратить принятие резолюции, гласившей, в частности, о фактическом непризнании Советской власти, отказе от какого-либо контроля с ее стороны, подчинении только Маниковскому, как представителю «преемственной и законной военной власти», недопустимости использования армии в интересах «продолжения гражданской войны» и т. д. Впоследствии, в процессе обсуждения на собраниях по управлениям, соответствующие пункты резолюции были пересмотрены.

Означало ли это прекращение саботажа? Отнюдь нет. В архиве отложилось, например, указание наркомвоена Подвойского о необходимости дать распоряжение об увольнении из действующей армии солдат призыва 1899 года — согласно соответствующему декрету СНК от 10 ноября 1917 года. Нужно ли говорить, как ждали этого указания на фронте?! И хотя распоряжение было не первым, на фронты (как и в тыловые округа) пошло оно... лишь 14 ноября. Марушевский задерживал формирование группы военных экспертов советской делегации на мирные переговоры с немец-

[1] Петроградский Военно-революционный комитет. М., 1966. Т. 2. С. 276.

кими представителями. Маниковский телеграммой от 13 ноября фронтам и округам фактически запретил заменять старый командный состав выборным, препятствуя осуществлению одной из важнейших мер демократизации старой армии. Не случайно на следующий же день приказом № 10 по военному ведомству был утвержден выборный командный состав Московского военного округа. Приказ публиковался за подписью В. И. Ленина.

Это была далеко не единственная из мер пресечения саботажа, применявшихся Н. И. Подвойским. Он, например, лично контролировал все телеграфные переговоры Марушевского. Находил время и для бесед с рядовыми служащими, представителями различных общественных организаций военмина. Так, 21 ноября 1917 года он беседовал с делегатами солдатского комитета Главного артиллерийского управления. За подписью Н. И. Подвойского 18 ноября были посланы пять телеграмм в соединения и части латышских стрелков и в ВРК 12 А — все сходного содержания:

«Для замены офицерского состава учреждениях Военного министерства прошу распоряжения срочно командировать офицеров вполне преданных новому строю республики мое распоряжение в Смольный институт с аттестатами и письменными свидетельствами»[1].

Мы поместили целиком текст одной из телеграмм, наглядно показывающих полное совпадение с замыслом В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого, нашедшим отражение в проекте постановления СНК от 19 ноября «по вопросу о военном министерстве». Четыре из пяти пунктов постановления содержат требование немедленных действий: ареста Маниковского и Марушевского, начала энергичной чистки военного министерства и «удаления ненадежных элементов высшего командного состава», вызова в Петроград надежных элементов из офицеров латышских стрелковых полков и одного полка полностью; последний пункт требовал ежедневных докладов в СНК о «выполнении указанных мер». Нельзя не заметить, однако, что, несмотря на немалую деятельность руководства наркомвоена по овладению военным министерством, указанное постановление заставило самокритично взглянуть на имевшиеся пробелы, недопустимую медлительность, нерешительность, осторожность и т. д. Очевидно, сказались отрицательно и трения внутри самого руководства. Не случайно 21 ноября СНК выразил Н. В. Крыленко, Н. И. Подвойскому и В. А. Антонову-Овсеенко порицание «за недостаточный контроль над военным ведомством». Но это не способствовало их объединению.

---

[1] ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 12, л. 46, 47, 48, 49, 50.

Арест Маниковского и Марушевского, назначение на должности начальника Генштаба и помощника управляющего военным министерством генерала Н. М. Потапова, еще до революции согласившегося сотрудничать с Советской властью, сыграли немалую роль. Вместе с тем надо отдать должное Н. И. Подвойскому, что он чрезвычайно вовремя, 22 ноября, обратился ко всем служащим в министерстве с письменным заявлением, пресекавшим провокационные слухи о предстоящих якобы повальных арестах и увольнениях. Ни один из служащих, разъяснялось в заявлении, не будет уволен или арестован, если впредь будет «исполнять по службе все распоряжения Совета Народных Комиссаров, подчиняться его приказам и в качестве должностного лица добросовестно и всемерно способствовать государственной и организационной работе правительства рабочих и крестьян»; помимо этого увольнения, как и обычно, будут проводиться только в случаях штатных сокращений или неспособности каких-либо определенных лиц [1]. Заявление с одобрением обсуждалось на проходивших в эти дни собраниях служащих министерства.

Советское государство в ту пору стремилось избегать жестокостей, репрессий, особенно к специалистам. Маниковский и Марушевский 30 ноября были освобождены из-под ареста. Первый продолжил службу в Красной Армии, работал в области ее снабжения. Второй... С ним все обернулось иначе. 11 декабря 1917 года Н. И. Подвойский подписал удостоверение, разрешавшее В. В. Марушевскому с супругой выезд в Финляндию. Николай Ильич, видимо, уже подзабыл тогда, как он ратовал за предание суду Дыбенко, отпустившего Краснова. А ведь Марушевский вскоре стал на Севере одним из ярых противников Советской власти и жестоко расправлялся со всеми ее сторонниками...

В одной из докладных записок генерала Н. М. Потапова перечисляются «главнейшие вопросы, затронутые в течение последней недели ноября и первой недели декабря 1917 года». Среди них упразднение Главного военно-судного управления и реорганизация прочих главных управлений военного министерства в смысле введения в них коллегиального начала управления. Трудно переоценить значение такой меры в процессе демократизации старой армии — главного средства ее слома. В первую очередь это осуществлялось в главных управлениях: артиллерийском, военно-техническом, по квартирному довольствию, военно-воздушного флота, военно-санитарном, ветеринарном и интендантском (в остальных пока ограничивались сокращением штатов). При осу-

---

[1] См.: Исторический опыт Великого Октября. М., 1986. С. 170.

ществлении этого мероприятия за подписью Н. И. Подвойского рассылались в ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов, Центральный совет профессиональных союзов и Центральный совет фабзавкомов обращения следующего содержания:

«№ 346 1 декабря

Народный комиссар по военным делам просит вас избрать 2 представителей для постоянной работы в Совете Главного Военно-технического управления, имеющем целью общее руководство и направление работы означенного управления. Каждый представитель считается прикомандированным к Главному Военно-техническому управлению и сохраняет за собой заработную плату или содержание по занимаемой им должности. Члены Совета, не имеющие должности или безработные, получают содержание в соответствующем их труду размере.

При сем прилагается список отделов Главного Технического управления для общего руководства при избрании членов Совета: 1. Автомобильный. 2. Электротехнический. 3. Технический. 4. Инженерный комитет. 5. Административный. 6. Железнодорожный. 7. Крепостной...

Народный комиссар по военным делам Н. И. Подвойский»[1].

В других случаях указывались отделы соответствующих управлений, а также сроки созыва первого заседания Совета и адрес управления (в данном документе они намеренно опущены нами). Имело место и включение в Советы рабочих ряда оборонных предприятий (например, авиационных заводов).

В те же примерно сроки проходила и соответствующая реорганизация Особого совещания по обороне государства (ОСО), связанная с демобилизацией промышленности. Этот орган был призван решать важнейшие вопросы координации Вооруженных Сил и оборонной промышленности (в том числе ассигнований на оборону). 1 декабря из Москвы президиум Совдепа телеграфировал в Совнарком: «Ввиду отсутствия председателя Особого совещания по обороне приостановлена выдача авансов заводскому совещанию. Заводы в критическом положении. Просим принять спешные меры к немедленному назначению председателя». Меры были приняты. 2 декабря ОСО возобновило свою деятельность. На телеграмме появилась резолюция: «Совещание функционирует под моим председательством. Подвойский. 4/XII 917». О функционировании ОСО объявили в печати. Вскоре Н. И. Подвойский понял, какую огромную дополнительную ношу принял на себя. Текущая работа была передана заместителю — инженеру П. А. Козьмину,

[1] ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 16, л. 150.

а 8 декабря представителем Наркомвоена в ОСО назначили С. С. Данилова; затем ввели делегатов от Экономического отдела ЦИК, Центрального совета фабзавкомов, Центрального совета союза металлистов.

Подвойский не боялся работы, не отказывался от поручений. Умел подбирать помощников, организовывать их деятельность. Правда, будучи перегружен, не всегда доводил дело до конца на должном уровне, допускал поспешность. Встретился нам в архиве, к примеру, такой документ. Генерал В. Н. Егорьев телеграфировал из Ставки 13 ноября А. А. Маниковскому: «На Северном и Западном фронтах голод, муки совершенно нет, сухари также съедены. Подвоз с тыла не только не улучшается, но совершенно прекратился, все, что можно было, я передвинул из запасов Юго-Западного и Румынского фронтов. Больше взять нечего. Немедленно нужна помощь с востока»[1]. Читаем резолюцию: «1) поговорить с Мясниковым, 2) в Минске с Позерном, Искофронтом, 3) эксплуатационную комиссию учредить. Н. Подвойский». Журналист, наверное, оценил бы такой совет как первые шаги советского бюрократизма. И правильно. Но историку нужно разобраться, что же произошло дальше? Телеграмма, по которой следовало бы бить в набат, затонула в море других бумаг. Обнаружил ее начальник канцелярии Наркомвоена примерно месяц спустя. Тогда, по его помете, первые два пункта уже отпали, но осталось неясным, кому поручается создание эксплуатационной комиссии? Ответа не последовало.

Мы далеки от мысли, что Н. И. Подвойский не проявлял заботы о продовольственном снабжении армии. В своих воспоминаниях он писал о посылке более чем 7 тысяч матросов и рабочих для реквизиции хлеба у крестьян к 7 ноября 1917 года. В это же время на фронты пошла телеграмма о созыве 15 ноября армейского продовольственного съезда. Но все эти и другие меры, как замечал сам Н. И. Подвойский, «были рассчитаны на более или менее продолжительный срок»[2]. Голод явился одной из причин того, что солдаты массами покидали фронт, не дожидаясь плановой демобилизации. Нужен был хлеб, а не комиссии...

В исторической литературе верно отмечается ведущая организаторская роль Подвойского в управлении старым военным министерством. Многое сделали в этом плане и остальные члены «узкой коллегии» (Легран, Мехоношин, Склянский). Однако не обошлось без гиперболизации. Сомнительно, например, утверждение, что

---

[1] ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 13, л. 6.

[2] *Подвойский Н. И.* Год 1917. С. 185.

указанная коллегия «ежедневно рассматривала и решала сотни текущих вопросов»[1]. Известны восемь протоколов заседаний коллегии в декабре 1917 года. Максимальное число вопросов — 24 — рассмотрено на первом заседании, продолжавшемся с 22 часов 20 минут до 4 часов 25 минут следующего дня (это единственное заседание, на котором присутствовал Подвойский). А всего на восьми заседаниях обсуждалось 73 вопроса: 23 касались финансовой деятельности, 22 — демократизации и демобилизации старой армии, 13 — личного состава, 9 — внутреннего управления аппарата, по 3 — продовольственного снабжения и демобилизации промышленности. Коллегия самостоятельно решила лишь 46 вопросов, из которых 18 были связаны с подготовкой правительственных актов и приказов наркомвоена, последних издано было 14. Персональным инициатором трех из них выступил Н. И. Подвойский.

Чего нельзя не заметить по протоколам — Подвойского как лидера в «узкой коллегии» признавали.

В отношении демократизации и демобилизации старой армии наркомвоен проделал немалую работу, но эта работа чаще носила административный характер, не всегда опиралась на связь с массами. Да и в стиле деятельности членов коллегии, в ее организации требовались перемены. Это стало особенно ясно, когда начала развертываться подготовка к созданию Красной Армии.

Здесь, конечно, тоже не обошлось без разного рода заседаний и совещаний, создания комиссий и других коллегиальных органов. О трех проходивших под председательством Н. И. Подвойского совещаниях с военными специалистами и фронтовыми делегатами Демобилизационной комиссии (8, 14 и 17 декабря) рассказывается в «Краткой справке о деятельности Народного комиссариата по военным делам в первые месяцы после Октябрьской революции»[2]. Давая 29 октября 1918 года Н. М. Потапову задание о составлении этого документа, Подвойский просил, в частности, осветить «совещание с Лениным, где у меня выкристаллизовались тезисы, легшие в основу декрета о Красной Армии и строительства 1-й стадии Красной Армии»[3]. Совещание проходило вечером 22 декабря. В выработанных им «Положениях» говорилось о необходимости издания «Манифеста о социалистической войне», создании новой армии путем организации добровольческих отрядов

[1] *Тарасов Е. П.* Николай Ильич Подвойский: (Очерк военной деятельности). М., 1964. С. 60.

[2] См.: Исторический архив. 1962. № 11. С. 86—87.

[3] Там же. С. 83. Предисловие.

из красногвардейцев и солдат тыловых частей, укрепленных матросами и возглавляемых членами армейских комитетов; предусматривались меры по улучшению снабжения армии, увеличению содержания и пайков солдатам, участвующим в социалистической войне.

Указанные требования в той или иной формулировке вошли в проект «Манифеста о социалистической войне». В машинописную копию текста Н. И. Подвойским и С. И. Одинцовым, управляющим канцелярией Наркомвоена, заверившим эту копию, были внесены отдельные изменения. В проекте имелась фраза: «Совет Народных Комиссаров призывает местные Советы к содействию организации добровольческой революционной армии». Следовательно, предполагалось его издание от имени Советского правительства. 23 декабря, по предложению Подвойского, пункт «О манифесте (от Военного министерства)» был включен Лениным дополнительно в повестку дня заседания СНК. Однако сам манифест не обсуждался. В. И. Ленин указал на несвоевременность его выпуска от имени СНК и предложил прежде провести решение о создании новой армии через местные Советы, в первую очередь Петроградский.

Н. И. Подвойский со свойственной ему энергией принялся за выполнение ленинских указаний. В заседании, состоявшемся 24 или 25 декабря, участвовали представители Наркомвоена, Военной организации при ЦК РСДРП(б) и Главного штаба Красной гвардии Петрограда, в том числе члены Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. И не случайно первое, что явилось результатом обмена мнениями, было заключение о необходимости формирования новой армии. А в конце протокола заседания — опять-таки во исполнение требований СНК и лично В. И. Ленина — записано: «Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов выработать воззвание к петроградскому пролетариату, объявить добровольческий призыв.

Назначить экстренно собрание Петроградского Совета».

Далее в подлиннике дописано рукой Подвойского: «...на 27 декабря. Выполнить т. Юреневу»[1].

Несколько забегая вперед, отметим, что 27 декабря на заседании президиума Петросовета обсуждался доклад Н. И. Подвойского «О создании социалистической армии». 29 декабря этот вопрос выносился на заседание исполкома, на другой день — пленума; в обоих случаях было единодушно одобрено строительство социалистической армии, а также принято обращение к рабочим и сол-

[1] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 1125, л. 5 об.

датам Петрограда о записи в нее. Обращение печаталось в петроградских газетах.

Наряду с «общими мерами», составившими первый раздел протокола и говорившими о необходимости не только создания, но и обеспечения новой армии, ее бойцов, в документе имелся второй раздел, определявший «спешные меры» по подготовке и отправке на фронт по указанию Главковерха пяти эшелонов Красной гвардии (5000 человек). Указывался «предельный срок отправки — 27 декабря», давались конкретные задания по вербовке добровольцев и формированию отрядов, обеспечению их «интендантским довольствием», оружием, транспортом, ведению агитации; по всем вопросам назначались ответственные лица (как правило, по два человека: от Наркомвоена и от Главного штаба Красной гвардии, а в «агитационную часть» — трое от партийных и советских органов).

26 декабря вопрос «о создании социалистической армии» обсуждался на собрании Военной организации при ЦК РСДРП(б). Н. И. Подвойский выступал неоднократно и пространно, горячо и убедительно. Он указал, в частности, на необходимость «влить в ряды уставших товарищей с фронта свежие элементы, цементировать армии», для чего следовало использовать рабочих (в первую очередь из числа безработных), но прошедших «возможно скорее военное обучение», а также матросов. Была выражена уверенность, что «Военная организация даст агитаторов, организаторов, вербовщиков и инструкторов», и предложено «сейчас же... выделить комиссию, которая пойдет с агитаторами Петербургского комитета и Центрального Комитета РСДРП(б) для вербовки сторонников». Во втором выступлении Подвойский еще более конкретизировал вопросы, которые предстояло решить, и разъяснил первый раздел протокола «экстренного заседания» представителей Наркомвоена, Красной гвардии и Военной организации, о котором говорилось выше. При голосовании по этому протоколу пункт первый (о необходимости создания «социалистической гвардии») был принят единогласно при двух воздержавшихся; по второму пункту (о довольствии солдат новой армии) за голосовали 16 человек, воздержалось 28; третий (речь шла об издании документа «о социалистической революционной войне»[1]) был принят большинством. Единогласно — при одном воздержавшемся — прошел пункт об организации штаба «для технической работы по созданию социалистической армии».

Немалую роль в создании новых Вооруженных Сил сыграл

[1] ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 1125, л. 5.

проходивший во второй половине декабря 1917 года — начале января 1918 года общеармейский съезд по демобилизации старой армии, в работе которого участвовал Н. И. Подвойский. Ответы делегатов съезда на ленинскую анкету показали неспособность старой армии к защите революционных завоеваний. Скажем, по вопросу: «Следует ли тотчас перейти к усиленной агитации против аннексионизма немцев и к агитации за революционную войну?» — мнение представителей 9-й армии Румынского фронта оказалось таким: «К агитации против аннексионизма обязательно. К агитации за революционную войну невозможно»[1]. Не без влияния Подвойского большевистской фракции удалось направить внимание съезда на проблемы строительства новой армии. Основные принципы этого строительства, о которых шла речь на собрании «Военки» (комплектование из трудящихся классов, подчинение целям защиты социализма, добровольчество и др.), были одобрены большинством делегатов съезда, принявшего 28 декабря постановление, содержащее раздел «Организация социалистической армии». С воодушевлением восприняли делегаты письмо В. И. Ленина, в котором имелись такие строки:

«Дорогие товарищи!

Тов. Подвойский передал мне ваше предложение, и прошу извинить меня, не брать в дурную сторону, что я вынужден ограничиться письмом к вам. Я горячо приветствую уверенность, что *великая задача создания социалистической армии,* в связи со всеми трудностями переживаемого момента и несмотря на эти трудности, *будет решена вами успешно...*»[2] Остается добавить, что указанные выше принципы одобрило 29 декабря заседание Главного штаба Красной гвардии с представителями 14 районов Петрограда; там же было поддержано и предложение о создании специальной коллегии, в состав которой предполагалось включить четырех представителей Наркомвоена и трех — Главного штаба Красной гвардии.

Итак, заседания и совещания проходили, коллегии и штабы планировалось создавать. А как обстояло дело с отправкой на запад 5 тысяч красногвардейцев? Ведь они должны были не только олицетворять собой социалистическую армию, но и реально укреплять силы фронта. К 27 декабря, как грозился Подвойский, собрать, сформировать в подразделения, вооружить и обмундировать, разумеется, не удалось ни одного эшелона из пяти. Даже в революционном Петрограде. Лишь 1 января 1918 года состоя-

---

[1] ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 68, л. 197.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 224.

лись проводы семисот красногвардейцев. Ленин принял участие в проводах. Он назвал отъезжающих героями-добровольцами «социалистической армии», призванной «оберегать завоевания революции»[1]. Сообщая в Ставку об отъезде этого отряда, К. А. Мехоношин заверил, что к отправке следующих эшелонов будет приступлено... после 5 января.

С горечью читаем в уже упоминавшейся докладной записке Н. В. Крыленко в Совнарком, написанной в конце января 1918 года: «Из 5 тысяч, которые должны были отправиться из Петрограда 27 декабря, были отправлены едва 400». Может быть, кто-то и ошибся в подсчетах, но по сути разница не в числах. Главное: «По свидетельству представителей Красной гвардии на совещании 9 января,— продолжал Крыленко,— запись в Петрограде была приостановлена из-за отсутствия руководящих указаний...»[2]

Доложили. Проводили. Сообщили в прессе. А дальше захлестнули Н. И. Подвойского с товарищами текущие дела. Подготовка декрета. Полемика с Крыленко о размере содержания добровольцам, о конституировании коллегии, о том, сколько должно быть подписей под приказами наркомвоена, кто их может подписывать и т. д. И продолжал расцветать один из самых опасных признаков бюрократизма — расхождение слова и дела. Это было особенно страшно в военном деле, где в конечном счете все связано с жизнью людей, с судьбой государства. Мизерность необходимых положительных результатов. Наказание в феврале.

Подчеркнем: мы не склонны противопоставлять Н. И. Подвойского другим наркомам по военным делам. Недостатки, безусловно, имелись у всех. Но наличие военных знаний и опыта у Антонова-Овсеенко и Крыленко, понимание ими нужд и чаяний солдатских масс, даже нахождение в непосредственной близости к этим массам играли немалую роль. Подвойскому же в строительстве новой армии недоставало военного профессионализма, мешали тяга к административным методам руководства и отсутствие привычки доводить начатое дело до конца. А сколько-нибудь принципиальных расхождений между наркомами и их товарищами по коллегии в вопросах создания новой армии не было. Подвойский указывал на это в записках, относящихся к осени 1918 года:

«Если по основным принципам, на которых должна быть построена армия, все военные политические работники были единодушны, то в вопросе контингента и в вопросе методов, путей, спо-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 216.
[2] ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 466, л. 69.

собов формирования армии мы не имели одной точки зрения, имели существенные расхождения»[1].

Одним из таких «существенных расхождений» являлся вопрос об окладах солдатам новой армии. На «экстренном заседании» было решено, что «на карманные нужды» достаточно 10 рублей (вдвое больше, чем в старой армии). Подвойский исходил при этом из соображений экономии государственных средств. Крыленко со своей стороны, основываясь на мнениях комитетов Северного и Западного фронтов, настаивал на 50 рублях. Такой размер денежного содержания помогал бы вовлечению в новую армию добровольцев.

Важнейшие вопросы строительства новой армии обсуждались на совещаниях фронтовых делегатов III Всероссийского съезда Советов 14 и 15 января 1918 года. Председательствовал Н. В. Крыленко. В протоколе первого заседания более или менее подробно зафиксированы выступления Н. И. Подвойского. Вот первое из них, приведем его полностью (ранее этот документ не публиковался):

«1. Тов. Подвойский развивает мысль о необходимости создания Крестьянской Рабочей Красной Армии и указывает, что Советом Народных Комиссаров была создана комиссия из 4 членов по организации Красной Армии, куда вошли 2 члена из Военного Комиссариата и 2 от Штаба по организации Красной Армии, при этом тов. Подвойский указал на то, что при обсуждении вопроса с Красной Армией Совет Народных Комиссаров рассчитывал на те кадры безработных, которые выкинуты за борт в Петрограде, около 125 тыс. рабочих, и в Москве то же самое, чтобы создать так называемое ядро, из которого будут черпаться запасы для отсылки на фронт — в оставшийся там скелет армии. Далее указал, что в настоящее время работа Штаба Красной Армии сводится исключительно к пропагандистской и агитационной работе, причем упомянул, что ЦК партии (большевиков и левых эсеров) выделили уже кадры агитаторов.

Кроме того, тов. Подвойский говорит, что вербовка добровольцев должна вестись тотчас же вслед за агитационным периодом, и далее подробно останавливается на проекте организации Красной Армии»[2].

Крыленко «горячо возразил» против проекта Подвойского, считая предложенный им план организации Красной Армии «чисто бюрократическим», и огласил свой проект. В исторической лите-

---

[1] Военно-исторический журнал. 1968. № 12. С. 72.

[2] ЦГАСА, ф. 2, оп. 1, д. 6, л. 113.

ратуре интересующийся читатель может ознакомиться с основами этих проектов и убедиться, что в них не было принципиальных расхождений. Поэтому член коллегии Наркомвоена Э. М. Склянский к следующему заседанию сумел подготовить проект декрета о создании Красной Армии, удовлетворивший обе стороны и принятый с одной лишь правкой: исключением слов «без различия национальностей». Одобрили делегаты и предложенный на первом заседании Подвойским проект декрета о создании при Наркомвоене специальной Всероссийской коллегии по организации Красной Армии и предложенное на втором заседании постановление об установлении оклада «бойцам в Красной Армии, не занимающим специальных должностей, в 50 руб. в месяц»[1].

Как принимался декрет об организации РККА на заседании Совнаркома 15 января 1918 года, какую правку внес в его проект В. И. Ленин, широко известно. Подчеркнем лишь, что на основании декрета Красная Армия должна была формироваться по классовому принципу: строиться как единая государственная военная организация с централизованным управлением, казарменным содержанием и полным обеспечением, предназначенным для решения местных задач, и в конечном счете подчиненная Советскому правительству, то есть как регулярная вооруженная сила.

Ну а как обстояло дело с созданием Всероссийской коллегии по организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии? Оно тоже имеет свою историю[2]. Проект декрета, с которым выступал Подвойский 14 января, был подготовлен Временным бюро Агитаторской коллегии, выделенной общеармейским съездом по демобилизации армии и начавшей работу еще 8 января. Первоначально Бюро предполагало, что в состав коллегии войдут четверо членов: по два от Наркомвоена и от Главного штаба Красной гвардии. На первом после утверждения декретов об организации РККА и соответствующей Всероссийской коллегии заседании Наркомвоена было внесено предложение включить в эту коллегию Подвойского и Мехоношина; Крыленко предложил себя и Склянского. Далее предоставим слово документу (докладной записке Крыленко в Совнарком):

«Тов. Подвойским было первоначально выражено согласие, но одновременно было предъявлено требование, чтобы указанные лица не вмешивались более в дела министерства. После же моего категорического отказа и Подвойский, и Мехоношин заявили, что

[1] ЦГАСА, ф. 2, оп. 1, д. 63, л. 2.

[2] Отметим сразу, что имеющиеся в популярной литературе и основанные на мемуарах Н. И. Подвойского сведения, будто бы эта коллегия была создана еще в декабре 1917 г., не подтверждаются источниками.

своей кандидатуры не снимают и на следующем утреннем полном всего комиссариата заседании, произвольно изменив цифру два на три, ввели в состав коллегии по большинству голосов (я в голосовании участия не принимал) меня, Подвойского и Мехоношина; фактически свели, после моего выезда в Ставку, к прежнему положению...»[1] 21 января на заседании Совнаркома было принято постановление о назначении членами Всероссийской коллегии по организации РККА от Наркомвоена К. А. Мехоношина, Н. И. Подвойского и Н. В. Крыленко, от Главного штаба Красной гвардии — В. А. Трифонова и К. К. Юренева. Что касается встречающегося утверждения, будто Н. И. Подвойский являлся председателем Всероссийской коллегии, нам не встречалось документов, подтверждающих его выборы или назначение на этот пост. Мемуары Подвойского в данном случае не могут служить авторитетным источником.

Всероссийская коллегия по организации РККА мыслилась как совершенно новый орган военного управления в масштабе страны, долженствующий прийти на смену аппарату военного министерства. Приказом коллегии № 1, подписанным Подвойским, Трифоновым и Мехоношиным, были назначены ответственные комиссары отделов: организационно-агитационного, формирования и обучения, учетного, снабжения и транспорта (приказ публиковался 23 января 1918 года в газете «Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот»). Впоследствии Н. И. Подвойский отметит: «Всероссийская коллегия по организации Красной Армии ставит в особое положение Организационно-агитационный отдел, во главе которого был поставлен блестяще осуществивший на практике указания Ленина и Сталина тов. Л. М. Каганович»[2].

Сказанное отнюдь не означает отрицания той роли, которую сыграли посланные Всероссийской коллегией на места агитаторы и организаторы из рабочих и солдат в вербовке добровольцев, в создании местных военных отделов. Об этом писалось много. Даже слишком много, если судить по результатам. Для Всероссийской коллегии были типичны недостатки, свойственные всем органам, в руководстве которыми участвовал Подвойский. Прежде всего, беспредельно развертывавшийся аппарат. Так, во главе отдела формирования и обучения стояла коллегия из пяти человек, отдел делился на шесть подотделов; отдел вооружения управлялся коллегией из... 16 человек, представлявших шесть организаций, и т. д. Создание отделов захватило и март. К концу марта общая

---

[1] ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 466, л. 69 об.

[2] Историк-марксист. 1938. Кн. 1(65). С. 35.

численность служащих коллегии достигла 371 человека, но в одном из важнейших отделов — формирования и обучения — насчитывалось всего 26 сотрудников, в транспортном — и того меньше (10). А главное — результаты деятельности данного аппарата сводились лишь к фиксированию того, что делалось на местах, составлению сведений и т. п. Аппарат работал фактически на себя.

Один лишь характерный пример. В начале марта в адрес наштаверха М. Д. Бонч-Бруевича поступила просьба от помощника командующего Псковскими отрядами в связи с усилившейся записью добровольцев командировать «восемь инструкторов Генерального штаба». На телеграмме появились три резолюции: «Прошу т. Подвойского помочь в этом важном деле. М. Бонч-Бруевич. 4.3.». Ниже: «В отдел формирования послать. Н. Подвойский». Еще ниже: «В Лугу 8 генштаба». Ответ Подвойскому из подчиненного отдела поступил... 9 марта: «На тлг Вашу от 4-го сего марта Отдел формирования и обучения сим сообщает, что офицерами Генерального штаба не распоряжается, а также и записавшимися никто не значится. Члены коллегии...» (две подписи). Следующий документ, относящийся к этому же сюжету, датирован 14 марта (то есть еще через пять дней) и имеет гриф «Срочно». Телефонограмма. В отдел формирования: «Немедленно представить списки записавшихся в отделе кадровых быв. офицеров. Наркомвоен Н. Подвойский»[1]. Так и не дождались в Луге инструкторов для формируемых отрядов.

Еще один штрих к портрету Н. И. Подвойского. Нет, не политическому, а нравственному. Хотя нравственность государственного деятеля — тоже вопрос политики.

Бывший инженер-генерал А. В. Шварц (начальник Главного военно-технического управления, впоследствии — военный руководитель Северного участка завесы и Петроградского района), который в начале 1918 года должен был отправиться в служебную командировку в США, 9 января в записке Н. М. Потапову сообщал о неожиданном известии, что «Н. И. Подвойский сделал распоряжение задержать выдачу путевых денег, причем об этом распоряжении я не только не был предупрежден, но и до сих пор Н. И. не нашел нужным поставить меня об этом в известность...»[2] Два месяца спустя в Петроград прибыла делегация латышских стрелков, которой было поручено добиться в Наркомвоене выплаты бойцам жалованья за два месяца. «Гражданин Подвойский,— говорилось в их телеграмме Ленину,— не только отказал нам в

---

[1] ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 21, л. 255.

[2] Там же, д. 24, л. 42.

деньгах, но еще прогнал нашу делегацию...» Ленин впоследствии даст четкое определение этому опасному социальному явлению: «Коммунистическое чванство»[1]. Форм проявления его несть числа и сегодня.

Суровой проверкой профессиональной пригодности наркомвоена для военного руководства явились дни февральских боев с наступавшими кайзеровскими войсками, когда успехи в отдельных ожесточенных сражениях смазывались паникой и повальным бегством частей старой армии: «...она не могла не бежать панически, увлекая за собой и красноармейские отряды»[2],— говорил Ленин. Н. И. Подвойский был одним из тех, кто развил тогда необычайную активность как нарком, как член Всероссийской коллегии по организации Красной Армии, член Комитета революционной обороны Петрограда, член Чрезвычайного штаба. Он принимал сводки, подписывал множество бумаг. Скажем, наштаверх Бонч-Бруевич готовил телеграммы, сообщавшие в войска об очередных назначениях военных специалистов на ответственные посты. Над его подписью появлялись автографы членов Комитета обороны в разных сочетаниях: Подвойский и Радек; Подвойский, Спиридонова, Фишман и т. д. Он часто вел переговоры по прямому проводу, заслушивал сообщения с фронта, передавал новые данные.

Приведем одну характерную выдержку из специального исследования: «В 13 часов 30 мин. 23 февраля Н. И. Подвойский информировал Ревель: «Около Валка геройски дерутся латыши. Остров будет защищаться до последней возможности». Однако в тот же день около 18 часов противнику удалось овладеть городом и железнодорожной станцией Остров, находившейся в 60 километрах от Пскова. Еще через три часа Б. П. Позерн докладывал по прямому проводу Н. И. Подвойскому: «Немцы в 25 верстах от Пскова и идут броневиками по шоссе и по железной дороге поездом. Очевидно, будут в Пскове через несколько часов... гонят вовсю, желая произвести панику внезапным нападением. Силы у нас есть, но все они в состоянии организации»[3]. Добавим: Н. И. Подвойский закончил разговор заверением, что «помощь высылается» (хотя ни одной готовой к выступлению на фронт части в его распоряжении не было) и романтическими призывами: «Нужно, наконец, кликнуть клич на героев, и такие, несомненно, найдутся. Пусть

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 173.
[2] Там же. Т. 35. С. 419.
[3] *Петров В. И.* Отражение страной Советов нашествия германского империализма в 1918 году. М., 1980. С. 99.

агитаторы остановят бегущие части»[1]. Этот разговор происходил вечером 23 февраля. Известно, что Псков в тот день немцам взять не удалось, но в обращение Комитета революционной обороны Петрограда от 24 февраля «просочилась» фраза: «Только что получилось сведение о падении Пскова, находящегося в расстоянии 8 часов пути от столицы»[2]. Как она туда попала?

Л. Д. Троцкий вспоминал, что, наблюдая в те дни за растерянностью и неумелыми действиями помещавшегося в Смольном «штаба», он заметил В. И. Ленину:

— Без серьезных и опытных военных нам из этого хаоса не выбраться...

— Это, по-видимому, верно. Да как бы не предали...

— Приставим к каждому комиссара.

— А то еще лучше двух,— воскликнул Ленин,— да рукастых. Не может быть, чтобы у нас не было рукастых коммунистов[3].

Так возникла идея Высшего Военного Совета (ВВС). А 3 марта был создан и сам Совет. В него вошли: военный руководитель М. Д. Бонч-Бруевич (генерал-лейтенант старой армии) и политические комиссары П. П. Прошьян (от левых эсеров) и К. И. Шутко (от большевиков).

Нужно ли убеждать, что это решение произвело на наркомов по военным делам отнюдь не благоприятное впечатление. В том числе на Подвойского. Сразу выявилось то общее неприязненное отношение к крупным военным специалистам, которое существовало с первых дней: необходимость их использования признавали, с ними советовались, но... старались держать не только под контролем, а и «на дистанции», до руководства не допускать. В генералах продолжали видеть потенциальных врагов Советской власти. Чего стоит, например, попытка обсуждения на одном из декабрьских заседаний коллегии вопроса «о реформах в армии», под которыми подразумевалось... назначение солдат «на должности, занимаемые ранее чинами Генерального штаба»[4]. Как не вспомнить февральский случай, когда солдат не пропустил командира полка в кабинет... к секретарю Подвойского — рядовому Баландину. А чем бы обернулась благословленная Подвойским реформа преобразования военных академий (в том числе Академии Генерального штаба) в гражданские учебные заведения?

Нужно ли разъяснять, что, соглашаясь с необходимостью создания новой армии, наркомвоен в целом не мог перешагнуть через

[1] Директивы командования фронтов Красной Армии. М., 1971. Т. 1. С. 70.
[2] Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 26 февраля.
[3] *Троцкий Л. Д.* О Ленине: Материалы для биографа. М., 1924. С. 76.
[4] ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 18, л. 4.

модель «всеобщего вооружения народа». В одном из проектов документов о Наркомвоене конца 1917 года имелся пункт: «Непосредственное руководство устройством и управлением существующей постоянной армией и создание всеобщего вооружения народа возлагается на Народный комиссариат по военным делам»[1]. А 4 марта Крыленко и Подвойский подписали воззвание, о котором упоминал на VII съезде РКП(б) В. И. Ленин. В этом документе говорилось: «Одним из условий мира является полная демобилизация нашей армии. Мы заменим ее всеобщим обучением всех поголовно обращению с оружием». Воззвание было опубликовано 5 марта в газете «Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот».

К заявлению Н. В. Крыленко об отставке (в связи с созданием ВВС) присоединился и Н. И. Подвойский. Но помыслы у них были разные. Крыленко уже не первый раз просил об отставке (об этом же говорилось в неоднократно цитировавшейся докладной записке в Совнарком от конца января 1918 года). Подвойский, на наш взгляд, надеялся, что его отставка не будет принята, его «уговорят» не уходить с поста наркомвоена. Оставшись в Петрограде, когда правительство и ЦК партии 10—11 марта переехали в Москву, он терпеливо ждал. И дождался. 13 марта Совнарком принял решение, в котором, в частности, говорилось: «Товарища Подвойского, согласно его ходатайству, от должности народного комиссара по военным делам освободить. Народным комиссаром по военным делам назначить товарища Троцкого». На этом, наверно, и можно было бы закончить рассказ о Подвойском-наркоме. Но... не будем спешить.

«Известия ВЦИК», где публиковалось решение, вышли 14 марта, в Петроград могли попасть только через сутки. Однако о столь важном постановлении слухи дошли быстро. В ЦГАСА сохранилась лента переговоров по прямому проводу Н. И. Подвойского и К. А. Механошина (Петроград) с Н. В. Крыленко (Москва), относящаяся к 14 или 15 марта. «Петроградцы» задали ряд вопросов, в том числе: «В связи с походом против военного комиссариата не находите ли необходимым, чтобы кто-нибудь из нас приехал в Москву? Посвящают ли Вас в шахматные ходы и интриги генералов и их братьев?[2].. Будете ли выступать на съезде или советуете кому-нибудь из нас выступить с обрисовкой позиции военного комиссариата, если перемены в комиссариате не персональны, а зависят от занятой комиссариатом антигенеральской позиции?»

[1] ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 40, л. 276.
[2] Очевидный намек на М. Д. и В. Д. Бонч-Бруевичей.

Крыленко ответил, что он уже «окончательно ушел от работы», отставка Подвойского и назначение Троцкого состоялись, на съезде Советов выступать «нет возможности»; «коллегия комиссариата должна решить, считает ли возможным оставаться на своих местах»[1].

И вот мы уже знакомимся с некоторыми указаниями, которые Подвойский давал своему секретарю С. А. Баландину в поезде, мчавшемся к Москве.

«16.3. 14.00. Ежедневно утром и вечером давать письменные сведения:

1) Военное положение на фронтах.

2) По формированию и обучению Красной Армии.

3) По эвакуации броневых сил... складов, снарядов, артиллерийского, инженерного, интендантского имущества, по эвакуации и расквартированию управлений на местах.

4) О начале работ эвакуированных учреждений и развертывании их.

5) Тт. Кедров и Лазимир должны сегодня подписать штаты и положения ЦВТУ и опубликовать их.

6) Дать возможность ЦВТУ эвакуироваться не позднее 17—18/III». Следующая запись, относящаяся к 18 часам 35 минутам, касалась количества бывших офицеров, привлеченных к боевому обучению красноармейцев, выработке мер улучшения этого обучения, разработке плана и инструкции по обучению и т. д.[2]

Через пару дней Подвойский узнает о своем назначении членом Высшего Военного Совета, председателем которого станет Троцкий. 19 марта они подпишут приказ наркомвоена № 1, а 21 марта — обращение «Наша задача». Через три дня «Правда» опубликует его на первой полосе. Заключенные в нем идеи противоречили прежним взглядам Подвойского. Что ж, всякая перестройка требует жертв.

Пройдут годы. Жертвы идей повлекут жертвы людей. Справка о годах смерти коллег Н. Подвойского: Антонов-Овсеенко В. А.— 1939; Кедров М. С.— 1941; Крыленко Н. В.— 1938; Лазимир П. Е.— 1920; Легран Б. В.— 1936; Мехоношин К. А.— 1938; Склянский Э. М.— 1925; Трифонов В. А.— 1938; Юренев К. К.— 1938.

Николай Ильич дожил до 1948 года. Он считал себя учеником Ленина и... верно служил Сталину.

Молодцыгин М. А.—
кандидат исторических наук

---

[1] ЦГАСА, ф. 1, оп. 2, д. 144, л. 49—50.

[2] Там же, оп. 1, д. 21, л. 256.

Народный комиссар почт и телеграфов П. П. ПРОШЬЯН

Прош Перчевич Прошьян (он же Вячеслав, Тер-Погосов, Марат) — член Центрального Комитета партии левых социалистов-революционеров — умирал в госпитале, куда, как нелегальный, поступил под очередной вымышленной фамилией. Ни администрация, ни врачи не подозревали, что безнадежно больной из тифозной палаты — известный борец с самодержавием, боевик, блестящий оратор и публицист. Судьба революционера. Жизнь по подложному паспорту, постоянный риск, тюрьмы и ссылки, побеги и новые аресты. Смерть на баррикадах, эшафоте, тюремной койке. Так боролись и так уходили десятки тысяч. Но драматизм безвременной кончины Прошьяна состоял и в том, что шел не 1905 или 1910 год, а декабрь 1918-го. И умирал он не в лазарете заштатного сибирского городка, а в одной из больниц советской Москвы.

П. П. Прошьян был заметной фигурой в русском революционном движении. Еще в 1905 году двадцатидвухлетним студентом Новороссийского (ныне Одесского) университета он возглавил левое крыло городской эсеровской организации. К этому времени за его плечами было руководство студенческими митингами, налаживание работы подпольной типографии, листовки и воззвания которой транспортировались в Севастополь, Киев, Саратов, попадали в Москву, Петербург.

Любопытный факт. Охранка специально отмечала пропагандистскую деятельность Проша Прошьяна среди портовых рабочих, экипажей судов, резкое осуждение им русско-японской войны, протест против политики погромов и насилия, которую осуществлял министр внутренних дел, шеф отдельного корпуса жандармов В. К. Плеве.

Судя по донесениям, слежка за Прошьяном велась самая тщательная. После поездки в Севастополь в мае 1905 года (она не прошла не замеченной полицией) Прош Перчевич был обречен. Развязка оказалась ускорена участием Прошьяна в попытке освобождения политических заключенных из одесской тюрьмы. Это была дерзкая по замыслу акция: планировалось взорвать одну из стен внешней ограды, захватить вооруженной силой здание. Вначале боевикам сопутствовала удача: удалось установить контакты с арестованными товарищами, собрать необходимые деньги, документы, сговориться о переброске освобожденных в Константинополь. Вмешался случай: сын надзирателя обнаружил нишу, загодя заполненную взрывчаткой. Была устроена засада. Прошьян и еще два человека из его группы — С. Попов и В. Верзилин — были арестованы.

По приговору Одесского военно-окружного суда П. П. Прошьян получил шесть лет каторги. Срок мог быть и большим. Следователи искали, но не нашли прямой связи между восстанием на броненосце «Князь Потемкин-Таврический» и действиями одесских боевиков. И сегодня мы можем лишь предполагать, что она имела место, осуществлялась через В. Б. Спиро, в будущем одного из лидеров левоэсеровской партии, коллеги П. П. Прошьяна по работе во ВЦИК II—IV созывов.

Прош Перчевич отбывал каторгу в нерчинских тюрьмах, самых гиблых, самых страшных в царской России. О режиме, который бытовал в этих местах, красноречиво свидетельствует попытка шести заключенных покончить жизнь самоубийством в знак протеста против зверского обращения администрации. Но Прошьян выдержал все. Товарищам по заключению он запомнился не согбенным узником, а истинным борцом — «счастливым, ярким, свер-

кающим бурным весельем, насмешливым и умным, играющим жизнью, кипящим и спорящим»[1].

Забайкальская каторга была только одним из этапов тяжкого крестного пути этого человека. Ему предстояло пройти Бутырки, Ярославский централ, «Кресты». За непокорность, сопротивление тюремщикам его заковывали в кандалы, лишали переписки, прогулок. В Ярославле он провел три месяца в карцере, без света, без постели. Стойко держал голодовку, терял зрение и вышел из каменного мешка с высоко поднятой головой...

В январе 1910 года П. П. Прошьян был освобожден из тюрьмы и отправлен на поселение в Баргузинский уезд Забайкальской области. Спустя три месяца он бежал. Мороз, снег, тайга, бездорожье сводили к минимуму шансы на успех. Однако жажда свободы, нетерпение, острое желание открытого противоборства чуждой и злой воле победили доводы рассудка...

Прош Перчевич ускользал от преследователей, но постоянная слежка не давала ему закрепиться ни в одном из городов, всерьез включиться в партийную работу. Понимая, что в этой, длящейся уже четыре месяца, гонке проигрыш неминуем, он решает осесть в Москве. Здесь активно действовала крупная эсеровская организация, здесь в это время жили его братья — Эачи и Папак.

Высокие качества организатора, присущие Прошьяну, его редкая мобильность, способность из всех возможных вариантов действия выбрать и осуществить самый рискованный (и, таким образом, неожиданный), определенный артистизм — всего этого оказалось мало: в Москве его арестовали. Полиция действовала по классическому образцу. Разгромив в сентябре 1910 года Московский комитет ПСР, она в каждой из «освободившихся» квартир оставила засаду. В одну из ловушек и угодил Прошьян. Он наотрез отказался давать показания, и только спустя месяц властям удалось установить личность задержанного. Московский окружной суд приговорил его к ссылке в каторжные работы на три года. По окончании срока Прошьян был этапирован в Александровский централ, в распоряжение иркутского губернатора. Жить ему было назначено в Хатынь-Аринске Якутской области.

В 1913 году Прошу Перчевичу исполнилось 30 лет. Девять из них он провел в заключении, в бегах, в Сибири, такой далекой от родного Аштарака, от родителей и братьев. Любя до беспамятства детей, он не сумел, не мог создать семью. У него не было профессии.

Как жить дальше? Близкие ему писали: обратись с просьбой к властям, попроси заменить якутскую ссылку эмиграцией. Мы

---

[1] *Спиридонова М.* Прош Прошьян//Каторга и ссылка. 1924. № 2. С. 219.

тебе поможем, будешь учиться. Прошьян решает бежать, чтобы продолжить борьбу. В Александровском централе он устанавливает контакты с А. Р. Гоцем — одним из лидеров эсеровской партии, получает от него явки в Петербурге, Киеве и Париже. По дороге в ссылку встречается с известным боевиком Б. Н. Моисеенко, делится с ним планами организации террора в округе Нерчинской каторги. Для обоих ясно: понадобятся новые связи и большие средства. Моисеенко советует обратиться к М. А. Натансону — народнику, признанному главе эмиграции в Западной Европе.

Скудость источников не позволяет с определенностью утверждать, что встреча с Моисеенко не имела случайного характера, что он специально искал контактов с Прошьяном. Однако нам известно, что Моисеенко оказался в это время в Восточной Сибири по прямому поручению боевой организации ПСР. В таких случаях вояжер получал деньги, нелегальные документы, адреса явок, разработанные загодя маршруты побегов. И конечно же с ним заранее оговаривалось, с кем он имеет право встретиться, кому может передать средства, фальшивые паспорта и т. п.

Несколько месяцев на поселении прошли для Проша Перчевича в лихорадочной подготовке побега. Размах предстоящей акции сразу же приобрел масштабность, вовлек в свою орбиту значительную часть колонии ссыльных. Первыми из места водворения скрылись Магазинер и Маруся — М. Г. Филиппова, в доме которой в Москве был арестован Прош Перчевич. Затем бежал и Прошьян. Подробности этой его одиссеи неизвестны. Заново он был обнаружен полицией — точнее, ее зарубежной агентурой — уже во Франции, в Париже, в начале 1914 года.

В Париже Прош Перчевич поселился у своего брата, который готовился к поступлению в Сорбонну. Это была большая удача: Прошьян сразу оказался обеспечен жильем, одеждой, необходимыми средствами.

Город жил предчувствием большой войны. Ее неизбежность с особой силой ощущалась в среде политических эмигрантов. Они были хорошо информированы, и каждому предстояло решить вопрос об отношении к надвигавшейся катастрофе, прогнозировать ее влияние на освободительное движение в России.

Надо признаться, что вначале Проша Перчевича волновали иные проблемы. Он твердо решил, получив деньги, явки, заручившись помощью товарищей по партии, переправиться в Россию для организации террористических актов в Восточной Сибири. Он был уверен, что они явятся прологом к развязыванию настоящей

партизанской войны, что нужно только начать активные действия, и успех будет обеспечен.

Нетрудно поставить под сомнение реалистичность замысла Прошьяна. Но ему нельзя отказать в мужестве. Как, впрочем, и в необыкновенной энергии, направленной на практическую сторону дела. Прош Перчевич встречается с М. А. Натансоном, Б. Д. Камковым, посещает эмигрантские центры в Швейцарии и на юге Франции.

27 мая 1914 года заведующий заграничной агентурой доносит директору департамента полиции: «...через некоторое время Прошьян намерен возвратиться в Россию, причем, возможно, поедет через Италию. Он усы и бороду сбрил. Одет в темно-синий пиджачный костюм, мягкую серую фетровую шляпу с черной лентой, желтые полуботинки. Носит золотое пенсне и иногда летнее серое пальто»[1]. Это явно была ориентировка на предмет скорого задержания.

Прошьян проводит некоторое время в Милане — одном из опорных пунктов русской революционной эмиграции, затем возвращается в Париж. Материалы охранки позволяют с большой долей достоверности предположить, что к середине июня 1914 года техническая сторона предприятия, за которое взялся Прош Перчевич, была подготовлена. В том числе и способ нелегального проникновения в Россию. Явно — Прошьян выбрал морской вариант: Генуя — Одесса. В этом была своя логика. Во-первых, летом 1914 года резко ужесточился контроль на сухопутных границах. Во-вторых (и это очень важно), существовали старые связи 1904—1905 годов, обновить которые удалось через эмигрантов (А. Н. Верзилова, М. Коссович и других), покинувших Одессу незадолго до появления Прошьяна во Франции.

16 (29) июня 1914 года из Парижа в Петербург, в департамент полиции, поступила телеграмма: «Прош Прошьян субботу выехал в сопровождении наблюдателя Геную»[2]. Но плану, задуманному в Александровском централе, плану, которому была отдана бездна труда и риска, в осуществление которого оказались втянуты десятки людей, не суждено было сбыться. Вмешалась война. Прош Перчевич, проведя в Генуе около трех недель, вынужден был вернуться в Париж.

Отношение к разразившейся империалистической войне раскололо и без того далекую от единства эсеровскую эмиграцию. В ней определились три направления: социал-шовинистическое, центри-

---

[1] ЦГАОР СССР, ДП, ОО, 9,9 ч. III, 1914, л. 55.
[2] Там же, л. 61.

стское, революционно-интернационалистическое. Крайне правые настаивали на формуле: «сначала победа — потом революция». Центристы предполагали иную платформу: «интересы революции должны быть подчинены интересам обороны». Левые выступали за продолжение, и более того — всемерное усиление борьбы с царизмом, считали, что военное поражение самодержавия будет способствовать углублению кризиса системы, падению самовластия»[1].

П. П. Прошьян не скрывал своих антивоенных настроений, восходящих еще к неприятию русско-японской войны, и безоговорочно примкнул к левым. Однако он решил, что не погрешит против собственных убеждений, если отправится в Сербию, будет там работать братом милосердия в одном из лазаретов. Остановил его М. А. Натансон, в специальном письме заявивший: «...я никогда не думал, что Вы можете пойти на войну, хотя бы и в качестве санитара, и я надеюсь, что Вы не измените своим социалистическим взглядам и останетесь революционером»[2].

Прош Перчевич внял увещеваниям. Поразительно редкий случай! Но в эсеровской среде престиж Марка Андреевича был необычайно высок, его влияние на «молодых» — огромно. Это отмечали многие участники освободительного движения, в том числе Г. Б. Смолянский — один из лидеров левых эсеров, затем — большевик, крупный работник Коминтерна. Вспоминая в середине 20-х годов о своем обращении в эсеровскую веру, он писал, что обязан был этим Натансону, «побелевшему в революционных боях», что именно Марк Андреевич «в глухом швейцарском городке, в старой нише на рейнском мосту» передал ему первую явку в Россию[3].

Не подлежит сомнению, что в эмиграции Прошьян оставался младшим партнером таких лидеров, как Натансон и Камков. Именно они являлись наиболее авторитетными теоретиками левого движения, по праву представляли эсеров-интернационалистов на Циммервальдской конференции. Но, уступая Натансону, Камкову, даже Устинову первенство в разработке программных вопросов, в умении вести печатно и устно полемику с оппонентами, Прош Перчевич лучше других выполнял функции организатора, был незаменим во всем, что предполагало конкретные действия, особенно связанные с риском, высокой мобильностью, с работой в неординарной ситуации.

---

[1] Непролетарские партии России: Урок истории. М., 1984. С. 200.
[2] ЦГАОР СССР, ДП, 9 д-во. 343, отд. 2, 1914, л. 345—345 об.
[3] См.: *Смолянский Г.* Обреченные: Быль. М., 1927. С. 6—7.

Слабым местом его оставалось нетерпение, приверженность к крайне острым формам борьбы, к авантюре. Эта была одна из «родовых» черт эсеровской революционности, свойственная Б. Савинкову, В. Александровичу-Дмитриевскому, И. Каховской и многим другим.

Именно в этом плане следует рассматривать предпринятую Прошьяном летом 1915 года очередную неудачную попытку проникнуть в Россию. Дело, конечно, не в том, что затея была опасна, более того — почти наверняка обречена на провал (департамент полиции был информирован о намерениях П. П. Прошьяна).

Беда состояла в бессмысленности этой акции. Ради нее Прошьян был готов отказаться от большой, к середине 1915 года налаженной и плодотворной работы. Велась она по нескольким направлениям. Прежде всего, левые группы эмигрантов в новых условиях, вызванных войной, должны были позаботиться о связи с революционным подпольем в России, а также между отдельными «колониями» в Европе, разобщенными фронтами. Этим и занимался Прошьян, сосредоточивший в своих руках адреса явок, перевалочных пунктов, знавший начала и концы сложных цепочек, по которым шла — порой кружным путем, через Северную Америку — литература из-за рубежа на родину и информация о событиях в отечестве — за границу.

Кроме того, Прош Перчевич участвовал в пропаганде идей революции, интернационализма в лагерях русских военнопленных. Вместе с ним ее активно вели Б. Д. Камков, А. Е. Смирнов (Пятницкий), А. М. Устинов, В. М. Чернов. Их силами был образован специальный Комитет помощи военнопленным. Охранка отмечала, что задача этой организации — «подготовка народного восстания в России после войны»[1].

Главную роль в этом деле играл А. М. Устинов, сумевший устроиться на службу в канцелярию военного агента при Российской миссии в Берне. Он же взял на себя работу в офицерской среде. О размахе деятельности группы Устинова, Камкова, Прошьяна говорит то, что к осени 1916 года ею было организовано около 400 кружков военнопленных, причем каждый насчитывал от 300 до 400 человек. По свидетельству зарубежной агентуры, в 1915—1916 годах эмигранты «обслуживали» около ста лагерей, в которые было переправлено несколько тысяч экземпляров листовок, газет и брошюр. Особой популярностью солдат пользовался журнал «На чужбине», автором и секретарем редакции которого был «сын армянского писателя, известный революционер, бывший

[1] ЦГАОР СССР, ДП, ОО, оп. 260, д. 75, 1916, л. 1—1 об.

ссыльнопоселенец Прош Перчев Прошьянец, проживающий в Женеве по подложному паспорту на имя Нерсесова».

Нет никакого сомнения, что пропаганда в солдатских массах явилась заметным вкладом в грядущую русскую революцию. Вместе с тем она выводила левоэсеровских лидеров на новый уровень знаний, обогащала опытом, которого так недоставало вчерашним боевикам, публицистам и адвокатам.

...Весной 1917 года Прош Перчевич становится заметной фигурой в эсеровских организациях Севера и Северо-Запада России.

Желчный, остроумный, митинговый оратор, Прошьян завоевывает сердца солдат, матросов, рабочих требованием прекращения империалистической войны, скорейшего созыва Учредительного собрания, немедленной передачи земли крестьянам. Он настаивает на жестком контроле за действиями новой власти, негодует по поводу участия «новоиспеченного эсера» А. Ф. Керенского в буржуазном правительстве князя Львова. Он импонирует слушателям демократичностью, прямотой, смелостью суждений. Его прошлое: каторга, побеги — все внушает уважение.

Проша Перчевича сторонятся соглашатели, он шокирует «порядочную публику», его пытается одернуть Центральный Комитет. Но с ним вынуждены считаться: весна — время бурного строительства эсеровской партии, а Прошьян — организатор от бога. Его энергия, настойчивость, воля цементируют массы, на его счету десятки вновь созданных партийных комитетов. И еще одно. В годы эмиграции Прош Перчевич изредка, от случая к случаю, печатался в зарубежных газетах и журналах. Февраль разбудил в нем дар публициста. Его корреспонденции, заметки, фельетоны, написанные на злобу дня, обрели живость и глубину. Не в последнюю очередь популярность Прошьяна вырастала из присущего ему умения находить общий язык с большевиками, меньшевиками-интернационалистами, вообще с представителями левых партий и течений. Он никогда не был сектантом, а в начале своего революционного пути прошел хорошую школу в рабочих кружках Одессы. Любопытно, что в документах охранки за 1911 год Прош Перчевич значился как социал-демократ.

Популярность популярностью, однако левые радикалы, к которым принадлежал Прошьян, в марте — мае 1917 года оставались малочисленной и недостаточно влиятельной группой.

Чтобы окончательно стать на ноги, нужен был единый общероссийский центр. Лидеры движения сделали ставку на регионы, где явно наметился успех. Одним из них стала Финляндия, точнее, Гельсингфорс — база Балтийского флота, город, в котором кроме военнослужащих находилось несколько тысяч рабочих, обслужи-

вающих порт, судоремонтные мастерские, железнодорожное хозяйство. Сюда-то и были направлены П. П. Прошьян и А. М. Устинов.

К середине лета они добились многого. Была сформирована независимая левоэсеровская организация, создана фракция в Гельсингфорсском Совете, начат выпуск газеты «Социалист-революционер». Прошьян не засиживался на месте, часто бывал в Петрограде, еще чаще — в городах, поселках и воинских частях Северо-Запада. Он и М. А. Спиридонова оказали серьезное влияние на становление левоэсеровской организации Выборга. А это был стратегический центр, месторасположение штаба 42-го армейского корпуса, солдатам которого принадлежало видное место в революционных событиях 1917 года.

Но прежде всего Прошьян и Устинов протянули руку помощи большевикам, которых до этого основательно теснили правые эсеры и меньшевики. Кстати, это обстоятельство подчеркивал в донесениях из Гельсингфорса в ЦК РСДРП(б) В. А. Антонов-Овсеенко [1]. Он отмечал и особую роль Прошьяна, деятельность которого была направлена на всемерное укрепление блока большевиков и левых эсеров. О том же писал Ф. Ф. Раскольников. Он отмечал как знаменательный факт, что в июне 1917 года Устинов и Прошьян поддержали кронштадтцев, преследуемых Временным правительством, что в их речах на митингах не было ни слова полемики с большевиками, а, напротив, полное одобрение большевистских тезисов.

Значило ли это, что Прош Перчевич был готов отказаться от идеологии русских народников, что он уверовал в спасительную силу марксизма? Вовсе нет. Свидетельство тому — содержание его многочисленных публичных выступлений и печатных работ, и особенно статья «Российская революция и Карл Маркс»[2]. Прошьян искал теснейшего сотрудничества с большевиками, поскольку видел в них естественных союзников в борьбе за выход из войны, решении аграрного вопроса в интересах трудящегося крестьянства, в борьбе за организацию власти без участия «министров-капиталистов».

Не надо забывать, что Прош Прошьян был революционером: ему не мог не импонировать радикализм большевиков. По той же причине он кипел яростью против соглашателей, которые, как он считал, торгуют революцией, губят эсеровскую партию, втапты-

[1] См.: Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (март—октябрь 1917 г.). М., 1957. Т. 1. С. 132—133.

[2] См.: Знамя борьбы. 1918. 6 мая.

вают в грязь ее знамена. Он шел на обострение конфликта с Центральным Комитетом, стремился к разрыву с правыми эсерами, поскольку был убежден: осуществление левоэсеровской доктрины открывает единственно возможный путь для выхода из тупика, возрождения авторитета и влияния партии социалистов-революционеров.

Мария Александровна Спиридонова вспоминала впоследствии, что именно Прошьян начал широкую кампанию против Керенского и «писал до того злые и нецензурные статьи на Савинкова, что хохотали вся Финляндия и Петроград и катался в судорогах гнева Центральный Комитет партии социалистов-революционеров. Наступление 18 июня он первый назвал «ножом в спину революции» и в своей поддержке большевиков шел до конца и без колебаний»[1].

Прошьян и Устинов использовали все свое влияние, чтобы защитить В. И. Ленина, большевиков в дни, последовавшие за расстрелом июльской демонстрации в Петрограде. Они выступали на митингах, в Совете, 9 июля на собрании левых эсеров города и гарнизона провели резолюцию, декларирующую официальный разрыв с правыми социалистами-революционерами. Акция солидарности, предпринятая гельсингфорцами, получила резонанс во всей стране, умножила ряды оппозиции.

Но это было прямое, вызывающее неповиновение властям предержащим, бунт против ЦК ПСР, который одобрил репрессивные меры Временного правительства и обязал все организации партии оказывать ему «самую решительную и полную поддержку»[2]. Последствия не заставили себя ждать. Временное правительство бросило за решетку П. П. Прошьяна и А. М. Устинова вместе с большевиками В. А. Антоновым-Овсеенко, А. В. Луначарским, Ф. Ф. Раскольниковым, Л. Д. Троцким и другими.

Заключение в «Крестах» оказалось недолгим. Да и эффект его был совсем не тем, на который рассчитывало правительство. Гельсингфорцы лишь ожесточились, а Совет делегировал своих представителей в Петроград «для принятия мер к освобождению товарищей».

Возвращение Прошьяна и Устинова в Гельсингфорс явилось триумфом левых сил. Тем более ЦК ПСР не мог остаться равнодушным. Он создал специальную комиссию для расследования «дезорганизаторской деятельности» лидеров Северного областного комитета, а когда Прошьян и Устинов отказались давать показа-

[1] *Спиридонова М.* Прош Прошьян//Каторга и ссылка. 1924. № 2. С. 221.
[2] Дело народа. 1917. 8 июля.

ния — исключил их из партии. Но ничего не произошло. Эсеровские организации Финляндии выразили доверие «отступникам», заявили о своем возмущении политикой Центрального Комитета.

Общенациональный кризис осени 1917 года ознаменовался дальнейшим упрочением позиций левых эсеров, ростом их рядов. Ленин считал, что «*внизу,* в пролетариате и крестьянстве, особенно беднейшем», они составляют явное большинство [1].

Набирал силу процесс сближения левых эсеров с большевиками. В нем были заинтересованы обе стороны. Чрезвычайно показательно в этой связи письмо В. И. Ленина И. Т. Смилге — председателю Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии от 27 сентября 1917 года. «Ваше положение исключительно хорошее,— писал Ленин,— ибо Вы можете *начать* сразу осуществлять тот блок с левыми эсерами, который один может нам дать прочную власть в России и большинство в Учредительном собрании. Пока там суд да дело, заключите немедленно такой *блок* у себя...»[2]

Он состоялся и действительно сыграл выдающуюся роль в борьбе за власть Советов. Он состоялся, и заслуга в этом в огромной степени принадлежит Прошьяну.

В этой связи небезынтересно обратиться к отчету об обсуждении текущего момента на заседании Обласкома Финляндии. Состоялось оно 16 октября, и на нем открыто был поставлен вопрос о восстании. Выступавший по этому поводу Прошьян заявил:

— Если будет выступление, то мы должны постараться сделать его организованным, но это в состоянии сделать только съезд Советов. Меня только удивляет поведение большевиков,— добавил Прош Перчевич.— Они почему-то не хотят сказать ни да, ни нет.

Отвечая Прошьяну, Ивар Тенисович Смилга заверил:

— Большевики не готовят никакого выступления, но если съезд Советов выскажется за переход власти Советам, то мы будем в первых рядах вооруженно восставших, ибо только с оружием в руках возможно провести в жизнь постановление съезда Советов [3].

В конце концов, вопреки колебаниям одних и склонности к конспирации (дезинформации?) других, большевики и левые эсеры сговорились. 24 октября собрание Обласкома, Центробалта и Гельсингфорсского Совета объявило, что поддержит Петроград-

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 230.
[2] Там же. С. 266.
[3] Цит. по: *Хесин С. С.* Октябрьская революция и флот. М., 1971. С. 447.

ский ВРК всеми средствами. Вслед за этим началась отправка вооруженных отрядов в Петроград, в стратегически важные пункты вокруг столицы.

«Октябрьский переворот был также делом (Прошьяна), как и партии большевиков»[1],— утверждала М. А. Спиридонова. Да, он был за восстание и участвовал в нем. В сложившейся ситуации радикально-насильственное разрешение конфликта с Временным правительством представлялось Прошьяну не только возможным, но и предпочтительным. В этом он находил поддержку у деятелей среднего партийного звена, тесно связанных с солдатами, крестьянами, рабочими. Его платформу разделяли В. А. Алгасов, В. А. Александрович-Дмитриевский, И. В. Балашов, П. В. Бухарцев, П. Е. Лазимир, Ю. В. Саблин, Г. Б. Смолянский и многие другие.

Иначе складывались отношения с Б. Д. Камковым, В. А. Карелиным, С. Д. Мстиславским, А. А. Шрейдером. В этом была своя логика. Вот характеристика умонастроений вождей левоэсеровского течения накануне Октября, которую дал в беседе с В. И. Лениным один из соратников и единомышленников Прошьяна — П. В. Бухарцев:

— У левых эсеров нет Центрального Комитета и определенной линии. Сегодня они с вами, а завтра против вас. На местах и в массе левые эсеры с вами. Но руководящее ядро не теряет надежду договориться с Черновым и изменить линию партии в целом, в противовес вам. Поэтому левые эсеры колеблются и тянут с восстанием. С вами они боятся потерять лицо партии [2].

Смущало ли Проша Перчевича столь разительное несовпадение оценок и платформ? Нет и нет. Это было не в его характере. Ожесточенные внутренние партийные дискуссии являлись для Прошьяна делом обычным, а лозунг «В борьбе обретешь ты право свое» — универсальной истиной.

Прош Перчевич имел собственное мнение и относительно способа формирования «однородного социалистического правительства». Как и остальные левые эсеры, он считал неправомерным существование однопартийного, чисто большевистского Совета Народных Комиссаров. Однако не испытывал особого восторга от перспективы иметь в «новом кабинете» сильную, доминирующую группу правых эсеров и меньшевиков. Всемерно поддерживая

---

[1] *Спиридонова М.* Прош Прошьян//Каторга и ссылка. 1924. № 2. С. 222.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 4, д. 197, л. 20—21.

идею коалиции, он оставался сторонником создания правительства на базе левого блока.

Прошьян не участвовал в переговорах при Викжеле, на которых его сотоварищи безуспешно пытались провести корабль соглашения между большевистской Сциллой и правосоциалистической Харибдой. Он предпочел сосредоточить основные усилия на работе во Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете, куда был избран на II съезде Советов.

Этот выбор опирался на точный расчет и делал честь политическому реализму Прошьяна. В многопартийном ВЦИК — высшем между съездами Советов законодательном, распорядительном и контролирующем органе — как в зеркале отражались и концентрировались все проблемы революции. Вместе с тем его левоэсеровская фракция являлась реальной силой: она обладала третью мандатов, в ее распоряжении имелись многочисленные газеты, целая сеть периферийных организаций. Прошьян раньше других увидел: фракция ВЦИК потенциально способна стать инициативным, объединяющим центром, вокруг которого только и может сложиться самостоятельная, независимая массовая партия левых эсеров. Но для этого — в качестве первого шага — следовало превратить изначально аморфную группу в некоторое подобие «теневого ЦК». Что и было сделано в кратчайшие сроки. Фракция обрела Президиум, Бюро, военную и иногороднюю комиссии. Ее центральным органом стала газета «Знамя труда».

6 ноября 1917 года Прошьян был избран в Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Его положение как лидера фракции и ВЦИК в целом упрочилось; совместная работа с большевиками стала действительно ежедневной и тесной. Но этому предшествовало участие Прошьяна в ожесточенной дискуссии об образовании «однородного социалистического правительства», развернувшейся на заседаниях Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Они затронули целый спектр проблем: реформу ВЦИК, законотворчество СНК, борьбу с контрреволюцией и т. д.

Прошьян взял слово на пленуме 4 ноября 1917 года. В этом был свой резон: четыре предшествующих заседания, отмеченные противоборством большевиков и левых эсеров, накалили страсти до предела, но одновременно выявили «болевые точки» в споре, наметили возможность компромисса по ряду существенных для обеих сторон вопросов. Многое могло решиться именно 4 ноября. Левые эсеры не без основания рассчитывали, что этот день должен принести им успех: ожидалось, что на заседании ВЦИК состоится отречение от должностей ряда народных комиссаров-большевиков.

Прош Перчевич трижды поднимался на трибуну. Но говорил не о способах конструирования коалиционного правительства (для него это был вопрос решенный), а о закрытии газет, покушении Совнаркома на свободу печати, о «системе репрессий», которые ведут страну к гражданской войне, о необходимости поставить правительство под постоянный контроль ВЦИК. Он напомнил о фактах плодотворного сотрудничества левых партий в канун Октября, отметил неуступчивость большевиков, резкость большевистских резолюций. В заключение Прошьян предупредил, что фракция левых эсеров, несогласная с политикой СНК, намерена отозвать своих представителей из Петроградского военно-революционного комитета и со всех прочих ответственных постов.

Вслед за этим выступил В. П. Ногин, сделавший внеочередное заявление от имени группы народных комиссаров о том, что внутри Совнаркома имеются лица, выступающие за образование социалистического правительства из всех советских партий; в противном случае возможен лишь один путь — сохранение силой чисто большевистского правительства, и по нему как раз и пошел Совет Народных Комиссаров. Мы на него не можем и не хотим вступать, мы не можем нести ответственность за эту политику и поэтому слагаем с себя перед ВЦИК звание народных комиссаров — заключил он [1].

Такая позиция была созвучна левым эсерам, она многократно усиливала демарш, предпринятый Прошьяном.

Всю тяжесть полемики с оппозицией взял на себя В. И. Ленин. Он произнес речь по вопросу о печати, ответил на запросы левых эсеров и заявление группы народных комиссаров. Ленин аргументированно и жестко отвел большинство упреков и обвинений в адрес СНК и правящей партии. Затем он показал реальные возможности сотрудничества партий на платформе II Всероссийского съезда Советов, предложил ряд взаимоприемлемых решений спорных проблем, высказался за передачу А. Л. Колегаеву портфеля народного комиссара земледелия.

Сумел ли Ленин убедить оппонентов? Снимали ли напряженность его рекомендации и определенные уступки, сделанные левым эсерам? На это обязана была ответить специальная комиссия ВЦИК, образованная для «ведения переговоров о составлении правительства». От левых эсеров в нее вошли В. А. Карелин и П. П. Прошьян.

6 ноября 1917 года пленум ВЦИК заслушал доклад комиссии. От ее имени выступил Карелин. Вскользь остановившись на консультациях и переговорах, состоявшихся 5—6 ноября, он конста-

[1] См.: Протоколы ВЦИК II созыва. С. 27.

тировал, что соглашение с правыми социалистическими партиями отпадает и следует добиваться соглашения между левыми. А через три дня Прошьян в сообщении о текущих событиях на объединенном заседании Гельсингфорсского Совета, Центробалта, Комитета армии, флота и рабочих Финляндии высказался за участие в правительстве не только левых эсеров, но и объединенных социал-демократов интернационалистов. Этот тезис, по его предложению, был внесен в резолюцию, принятую собранием практически единогласно.

Выступление Проша Перчевича в Гельсингфорсе примечательно не только своим содержанием. Интересен и в высшей степени характерен сам факт. Прошьян предстает перед нами как человек немедленного действия, политический лидер, не считающий возможным порывать непосредственную, тесную связь со своими единомышленниками, своими избирателями, черпающий силу и уверенность в этом общении.

В ночь с 14 на 15 ноября состоялось совместное заседание ЦК РСДРП(б) и Бюро фракции левых эсеров ВЦИК, а затем президиумов ВЦИК и Чрезвычайного съезда Советов крестьянских депутатов. Они были посвящены условиям и процедуре слияния ВЦИК II созыва и исполкома, который предстояло сформировать на Чрезвычайном крестьянском съезде, расширения состава ВЦИК и участия левых эсеров в Совнаркоме. В первых числах декабря СНК предложил «социалистам-революционерам войти в состав правительства на следующих условиях:

а) Народные комиссары в своей деятельности проводят общую политику Совета Народных Комиссаров;

б) Народным комиссаром юстиции назначается Штейнберг. Декрет о суде не подлежит отмене;

в) Народным комиссаром по городскому и местному самоуправлению назначается Трутовский. В своей деятельности он проводит принцип полноты власти (Советов.— *А. Р.*) как в центре, так и на местах;

г) тт. Алгасов и Михайлов (Карел) входят в Совет Народных Комиссаров как министры без портфеля. Практически работают как члены Коллегии по внутренним делам;

д) Народным комиссаром почт и телеграфов назначается Прошьян;

е) Народным комиссаром по земледелию остается т. Колегаев;

ж) Народным комиссаром по дворцам Республики назначается т. Измайлов. Театры и музеи остаются в ведении Государственной комиссии по народному образованию;

з) Относительно Комитета путей сообщения вопрос остается

пока открытым и решается в зависимости от Всероссийских железнодорожных съездов 10 и 15 декабря»[1].

22 декабря 1917 года Прош Перчевич Прошьян подписал свой первый приказ по министерству почт и телеграфов: «Согласно постановлению Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих и Солдатских депутатов вступаю сего числа в управление министерством, о чем и объявляю»[2].

Прошьян не обладал ни специальными знаниями, ни практическим опытом, которые могли позволить ему сколько-нибудь профессионально руководить ведомством, развивать и совершенствовать всероссийскую службу связи. Думается, этого от него и не ждали. Задача, возложенная на него, заключалась в другом. Он должен был позаботиться, чтобы почта и телеграф не оказались в руках контрреволюции, не стали оружием в борьбе с Советской властью. Он должен был добиться прекращения саботажа старших чиновников, нейтрализовать влияние меньшевиков и правых эсеров в руководстве профсоюза почтовиков и телеграфных служащих, наладить производственную дисциплину. Это — на первых порах и в самом срочном порядке.

Наркомпочтель принадлежал к числу «экономических» наркоматов, прослойка левых эсеров и большевиков в нем была тонкой, много меньшей, чем в Наркомюсте, Наркоминделе или НКВД. К середине 1918 года в числе 277 служащих Наркомпочтеля имелось всего 15 членов РКП(б) и 14 человек — из прочих социалистических партий. Недаром наркомат очень трудно выходил из полосы саботажа: на начало 1918 года все еще не функционировала часть его отделений, десятки чиновников либо уклонялись от службы, либо работали спустя рукава, «отсиживали» время.

Еще сложнее было на местах. Во многих окружных центрах, городах служащие бунтовали, прерывали связь, а Всероссийский почтово-телеграфный союз поощрял их, координировал действия в поддержку саботажников, стремился переложить всю ответственность на Советы, которые якобы творили произвол, увольняли без разбора и даже арестовывали и правого и виноватого. Буквально в первые дни после назначения Прошьяну пришлось ликвидировать очередной и очень опасный конфликт с ЦК профсоюза, который дал указания царицынской, саратовской, харьковской и ревельской организациям о прекращении работ. «К этой

[1] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 1, л. 32—34.
[2] ЦГАНХ, ф. 3527, оп. 23, д. 4702, л. 1.

крайней мере,— говорилось в заявлении Центрального комитета союза в Совнарком,— приходится прибегать в силу того, что теперешняя власть — Совет Народных Комиссаров, и в частности комиссар почт и телеграфов, совершенно не приемлет никаких мер к обузданию провинциальных большевистских властей»[1].

Расследование, начатое коллегией НКПТ еще при Н. П. Авилове (Глебове), выявило целый комплекс проблем, решение которых не терпело отлагательств. Здесь было все: явное несовершенство структуры периферийных учреждений связи, убогая материальная база, развал дисциплины, подчас грубое и неоправданное вмешательство Советов в производственный процесс, нарушение революционной законности. Но главным источником конфликтов, срывов в работе почты, телеграфа и телефона, виновником перманентного саботажа оставалась антисоветская деятельность верхушки профсоюза. Было очевидно: пока существует этот фактор, кардинальный успех остается проблематичным.

В течение месяца Прошьяну удалось справиться с саботажем в столице. Созданная по его инициативе и с его участием «приемная комиссия» отказала в восстановлении в должности нескольким чиновникам, самовольно покинувшим работу, был уволен ряд нерадивых, сделаны многочисленные перемещения внутри наркомата. Начали энергичнее действовать специальные комиссары, командированные в учреждения связи. Отбором и инструктированием их вместе с коллегией занимался Прош Перчевич. Соответствующая информация о кадровых изменениях через циркулярные письма, приказы и т. п. распространялась по всей стране и свидетельствовала о серьезности намерений и решительности нового наркома.

Прошьян действовал не только дисциплинарными мерами. Он — и это, пожалуй, самое важное — установил хороший контакт с исполкомом Совета служащих наркомата, а через него — с некоторыми организациями профсоюза, которые отказались поддержать антисоветски настроенных лидеров. Протоколы заседаний коллегии, переписка и т. п. убеждают: Прош Перчевич нашел общий язык с рядовыми сотрудниками, сумел завоевать уважение специалистов, заставил считаться с собой чиновников. Он внес существенный вклад в подготовку и проведение в феврале 1918 года Всероссийской конференции работников связи, стоящих на платформе Советской власти. Конференция лишила прежний ЦК профсоюза полномочий, избрала Временный революционный центральный комитет, который спустя полтора месяца созвал I Все-

---

[1] ЦГАНХ, ф. 3527, оп. 1, д. 12, л. 1.

российский пролетарский почтово-телеграфный съезд. Он безраздельно поддержал власть Советов, принял устав нового профсоюза, сформировал ЦК из 13 большевиков, восьми левых эсеров, двух анархо-синдикалистов и двух эсеров-максималистов. Эти очень важные для страны и революции решения не в последнюю очередь явились результатом усилий Проша Перчевича. Но возглавил в апреле Наркомпочтель уже не он, а большевик В. Н. Подбельский.

Сказать, что в текущей работе Прошьян опирался на помощь коллегии,— значит сказать явно недостаточно. Во множестве случаев она брала на себя заботы наркома. Что делать, Прошьян буквально разрывался между Наркомпочтелем, Совнаркомом, Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом и ЦК партии левых эсеров.

Первой скрипкой и первым помощником Прошьяна в коллегии был левый эсер Л. Е. Кроник. Талантливый инженер и хороший организатор, он формально возглавил строительную часть наркомата, а фактически подменял главу ведомства по широкому кругу вопросов, связанных с техникой связи, составлением сметы доходов и расходов на первое полугодие 1918 года, определением потребностей на новое почтово-телеграфное и радиооборудование и особенно размещением заказов на его производство. (Перемирие с Германией, демобилизация промышленности позволили использовать высвобождавшиеся мощности военных заводов. Нарком и коллегия оказались достаточно компетентны, чтобы осуществить попытку немедленной реализации открывшихся возможностей.)

Но были области, в которых Прошьян сыграл главную роль. Это кадровая политика, вопросы заработной платы. Затем организация связи для нужд обороны Советской республики от немецкого нашествия; решение проблем почты и телеграфа, возникших как следствие обретения независимости Финляндией, конфронтации с украинской Центральной радой. Выполняя указания СНК, Прошьян много занимался поисками путей сокращения расходов по ведомству. Они, кстати, были очень велики. Более того, 1917 год наркомат закончил с перерасходом в 8 миллионов рублей. По докладу Проша Перчевича на заседании СНК 31 января 1918 года правительство выделило соответствующие средства, но так не могло быть до бесконечности. Прошьян — и это очень характерно для него — с энтузиазмом и действенно помог наладить выпуск «Почтово-телеграфного журнала», он возглавил многотрудную подготовку к переезду (тогда это называлось «к эвакуации») наркомата из Петрограда в Москву.

Ну и конечно, на Прошьяне лежала обязанность представлять наркомат на заседаниях Совета Народных Комиссаров.

Впервые Прош Перчевич принял участие в работе СНК 19 декабря 1917 года и затем в течение трех месяцев участвовал в более чем 30 заседаниях правительства.

Можно выделить несколько крупных проблем, к решению которых Прошьян привлекался особенно часто. Самый обширный блок — это деятельность Наркомпочтеля: борьба с саботажем, введение трудовой повинности в ведомстве, совершенствование оплаты труда служащих, установление новых тарифов на услуги почты, телеграфа и телефона и т. п. Это — организация обороны страны от немецкого нашествия. Энергия и способности Проша Перчевича были оценены по заслугам, и 22 февраля его избрали во Временный Исполнительный Комитет Совета Народных Комиссаров, которому в сложившейся драматической обстановке поручалось «вести всю текущую работу между заседаниями СНК на началах ответственности перед ним». В комитет (иначе — в комиссию) кроме Прошьяна вошли В. И. Ленин, И. В. Сталин, Л. Д. Троцкий и В. Е. Трутовский. Можно предположить, что Прош Перчевич хорошо зарекомендовал себя на новом участке работы, поскольку 4 марта 1918 года декретом Совнаркома он был назначен политическим комиссаром в Высший Военный Совет — орган стратегического руководства Вооруженными Силами Советской республики.

Прошьян имел и другие сложные поручения. Так, 15 февраля 1918 года его включили в Чрезвычайную комиссию по продовольствию.

Прош Перчевич участвовал в законотворчестве Совнаркома. И как автор нескольких декретов, имеющих отношение к Наркомпочтелю, и как заинтересованный оппонент, взыскательный редактор при обсуждении и доработке прочих крупных законодательных актов. Он участвовал в разработке десятка важных законов. Среди них были такие, как декрет об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Договор между Российской и Финляндской социалистическими республиками. В процессе подготовки договора Прошьян выезжал в Финляндию и о результатах своей миссии докладывал в СНК 16 января 1918 года.

В декабре 1917 года на заседаниях правительства, во ВЦИК, на совещаниях представителей Центральных Комитетов большевистской и левоэсеровской партий, на региональных съездах Советов широко обсуждалась проблема Учредительного собрания. В отличие от многих своих коллег по партии, Прош Перчевич вполне разделял взгляды большевиков на судьбу российской консти-

туанты. Он не скрывал своей позиции. Еще в конце ноября 1917 года в докладе на 4-м областном съезде армии, флота и рабочих Финляндии он говорил: «Мы более чем уверены, что Учредительное собрание в большинстве будет кадетско-оборонческое, следовательно, оно не будет выражать воли трудового народа — крестьян и рабочих... Мы должны дать решительный бой всем врагам трудящихся и не должны останавливаться вплоть до его разгона. Если же мы этого не сделаем, то тем самым выпустим из рук власть Советов, а потому потеряем на долгое время все завоеванное нами и тем самым вынесем смертельный приговор революции»[1].

Но если в вопросе об Учредительном собрании большевики-наркомы нашли в Прошьяне последовательного союзника, то иначе сложились отношения при обсуждении в СНК проекта декрета о Турецкой Армении, внесенного Сталиным 23 декабря 1917 года. Источник — протоколы Совнаркома — не раскрывает сути разногласий, но особая точка зрения Прошьяна на неделю задержала принятие этого декрета.

Прош Перчевич резко возражал против документа, подготовленного В. И. Лениным и одобряющего решительные, более того — жестокие действия В. А. Антонова-Овсеенко в борьбе с калединцами. В своем выступлении Прошьян отверг саму возможность применения командующим таких мер, как отдача саботажников в принудительные работы в рудники. Результатом столкновения мнений явился компромисс — дополнение к постановлению СНК о борьбе против Каледина. В нем подчеркивалось, что с созданием революционных трибуналов они возьмут на себя рассмотрение каждого случая назначения на принудительные работы и либо определят срок наказания, либо освободят арестованных.

Прошьян, как и остальные наркомы — левые эсеры, протестовал против 6-го и 8-го пунктов воззвания «Социалистическое Отечество в опасности», требующих расстрела на месте преступления неприятельских агентов, спекулянтов, германских шпионов и т. п. Но на этот раз — безрезультатно.

Таким образом, Прош Перчевич был для большевиков не очень удобным членом Совнаркома. И все же Ленин высоко ценил его. В статье «Памяти Прошьяна», опубликованной в «Правде» 20 декабря 1918 года, он писал, что Прош Перчевич «выделялся сразу глубокой преданностью революции и *социализму*. Не про всех левых эсеров можно было сказать, что они социалисты, даже, пожалуй, про большинство из них сказать этого было нельзя. Но про Прошьяна это надо было сказать, ибо, несмотря на верность

---

[1] Октябрьская революция и армия: Сб. док. М., 1973. С. 185.

его идеологии русских народников, идеологии несоциалистической, в Прошьяне виден был глубоко убежденный социалист.

По-своему, не через марксизм, не от идей классовой борьбы пролетариата, этот человек сделался социалистом, и мне не раз доводилось наблюдать при совместной работе в Совнаркоме, как тов. Прошьян становился решительно на сторону большевиков-коммунистов против своих коллег, левых социалистов-революционеров, когда они выражали точку зрения мелких хозяйчиков и относились отрицательно к коммунистическим мероприятиям в области сельского хозяйства...»[1]

Выступая с политическим отчетом ЦК на II съезде партии левых эсеров, Прошьян утверждал, что «бывшая в начале нашей совместной работы психологическая пропасть между нами и большевиками постепенно исчезла, и в конце концов у нас работа совершенно спаялась». Докладчик отметил многочисленные совместные заседания ЦК обеих партий, стоявших у власти, для решения крупных проблем политического момента и указал, что особенно живо дебатировались вопросы войны и мира, социализации земли, Учредительного собрания. Да, именно они приковывали основное внимание участников правительственной коалиции. Хотя бы потому, что были чрезвычайно остры и при неумелом подходе могли оказаться миной, способной взорвать блок.

Причем меньше всего опасений (и разногласий) у руководителей обеих партий вызывал комплекс вопросов, связанных с выходом из войны. Характерна в этом плане речь М. А. Спиридоновой 8 декабря 1917 года на торжественном заседании в Александринском театре, посвященном заключению перемирия. Мария Александровна говорила об отвратительной кампании лжи, клеветы и ненависти, которой буржуазия окружает деятельность народного правительства — Совета Народных Комиссаров. В заключение она заявила: «но вы все, товарищи, знаете, что СНК ведет честную борьбу за мир, не поступаясь в своей героической, тяжелой борьбе ни одним из принципов революционного социализма. Этому Совету Народных Комиссаров мы, социалисты-революционеры, оказываем полное доверие, всемерную поддержку, и всецело идем за ним.

И так было вплоть до кризиса, связанного с Брестским миром. Именно он явился камнем преткновения, заставил левых эсеров выйти из правительства, разрушил с таким трудом возведенное

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 384.

и сохраняемое в целости здание правительственной коалиции. Ленин считал, что виной тому был субъективизм народников, которые дали ослепить себя призраком «чудовищной силы, именно германского империализма». Иная борьба против этого империализма, кроме повстанческой, и притом непременно в данную минуту, вне учета объективных условий казалась левым эсерам долгом революционера.

Но если голова закружилась у таких холодных и расчетливых политиков, как Штейнберг, Камков, то что же говорить о Прошьяне! От настойчивых попыток убедить Ленина в необходимости слияния обеих партий он перешел — сразу, вдруг и окончательно — на тропу борьбы с большевиками. Это обстоятельство отметил Ленин: «Полное расхождение принес Брестский мир, а из расхождения, при революционной последовательности и убежденности Прошьяна, не могла не произойти прямая, даже военная борьба»[1].

Последний раз Прош Перчевич участвовал в заседании СНК 9 марта 1918 года; через неделю, подчиняясь решению ЦК, он вместе с другими левыми эсерами вышел из состава правительства.

Все оставшееся ему недолгое время жизни он посвятил борьбе за срыв Брестского мира. Именно он был одним из инициаторов подготовки террористических актов против Вильгельма II, Эйхгорна и Мирбаха, именно он был виновен в вооруженном столкновении большевиков и левых эсеров 6 июля 1918 года в Москве.

И это при том, что СНК, большевики, В. И. Ленин выделяли Прошьяна из общего числа левоэсеровских лидеров, стремились найти с ним общий язык, не возражали, когда в мае 1918 года Прош Перчевич занял пост руководителя Комиссариата внутренних дел в Союзе коммун Северной области (Петроград).

Вслед за разгромом левых эсеров в Москве Прошьян перешел на нелегальное положение. Он попытался пробраться в войска, которыми командовал левый эсер М. А. Муравьев. Но не успел. Муравьев, поднявший мятеж в Симбирске, был убит при вооруженном сопротивлении аресту.

Прош Перчевич возвращается в Москву, занимается нелегальной переброской боевиков на Украину, выезжает на места, пытаясь затормозить процесс распада партии. Он предстает перед ее активом на IV съезде, который состоялся 2—7 октября 1918 года. Но у Прошьяна уже нет прежнего ореола: многие делегаты не хотят простить ему авантюры в июле 1918 года. Ему отказывают в избрании в президиум съезда.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 385.

Прошьян делает один из главных докладов — «Левые эсеры и власть Советов в провинции». Но его речь бедна информацией, новыми предложениями. В основе ее — попытка оправдать старый ЦК, обелить себя, М. А. Спиридонову, втоптать в грязь оппонентов по партии — Устинова, Биценко, Мстиславского. Ее содержание — жесточайшая и во многом несправедливая инвектива в адрес народных масс, Советов, большевиков. Прошьян срывает аплодисменты экстремистской части съезда. Но сторонников Прошьяна немного, да это и не те люди, на которых можно рассчитывать в серьезном деле. Это — политическая смерть лидера, тяжкая расплата за далеко не случайную ошибку.

Была ли у Прошьяна возможность взять реванш, найти свое место в революционном строю? Смерть от тифа сняла этот вопрос. В. И. Ленин, считавший, что Прошьяну до июля 1918 года довелось больше сделать для укрепления Советской власти, чем с июля 1918 года для ее подрыва, был уверен: не оборвись трагически жизнь Прошьяна — и его сближение с коммунизмом было бы неизбежно. Кто знает. Мне такая перспектива кажется нереальной.

Разгон А. И.—
доктор исторических наук

Народный комиссар юстиции
П. И. СТУЧКА

Петр Иванович (Янович) Стучка принадлежит к той когорте сподвижников В. И. Ленина, которая вступила на свой революционный путь в 90-е годы прошлого века. Партстаж ему был определен с 1895 года, когда он стал ведущим идеологом «Нового течения» — первого марксистского движения в Латвии.

Происходил Петр Стучка из латышских крестьян, живших на берегах Даугавы, недалеко от Кокнесе. Это место образно описано в эпосе Андрея Пумпура «Лачплесис». Именно там совершил свои подвиги сказочный герой древних латышей, отдав свою жизнь в борьбе с заморским черным рыцарем. Но народ верил в его воскресение.

В детские годы Петр много раз слышал эту быль. Отец, Янис, был страстным приверженцем патриотического движения младо-

латышей, которое боролось за развитие латышской национальной культуры. Он взял с сына клятву — бороться за освобождение латышской земли от ига остзейских баронов. Большое влияние на формирование мировоззрения П. Стучки оказали лидеры радикального крыла младолатышей — особенно педагог и публицист А. Кронвалд.

Будучи студентом юридического факультета Петербургского университета (1884—1888), он познакомился с революционными демократами, в их числе — с Александром Ульяновым. Именно они зажгли в душе П. Стучки первую революционную искру. Но путь народников, тактика террора не нашли в его душе отклика. Став осенью 1888 года ответственным редактором демократической рижской газеты «Диенас лапа» («Дневной листок»), он познакомился с марксистской литературой, с идеями научного социализма. С 1893 года П. Стучка становится убежденным марксистом.

Пожалуй, уместен вопрос: почему он — выходец из состоятельной семьи, кандидат юриспруденции (с 1889 года), преуспевающий адвокат — выбрал тернистый путь революционера-марксиста. Ответ может быть таким: ему присущи были те качества прогрессивной интеллигенции России и Латвии, которые будили в ней дух протеста и мятежа: совесть, непримиримость к тирании и невежеству, стремление к социальной справедливости, научная прозорливость, способность увидеть контуры будущего.

Высланный в 1898 году в Витебск, а потом в Вятскую губернию (Слободск, Вятка), П. Стучка знакомится с русскими социал-демократами, изучает их революционный опыт. Он приходит к выводу, что после полицейского разгрома «Нового течения» (1898 год) латышские марксисты должны создать в Латвии сильное революционное подполье и на его основе — свою пролетарскую партию. Именно на Вятчине П. Стучка пишет первые революционные очерки, которые увидят свет в латышских и русских социал-демократических изданиях в Лондоне. В брошюре «Стачка и бойкот» (1901 год) звучит его интернационалистический призыв: «Латышские товарищи, сплачивайтесь, соединяйтесь! Объединяйтесь и вступайте в союз с сознательными рабочими всей России!» Вместе с журналистами социал-демократами Ф. Розиньшем и Я. Янсоном (Брауном) он — основоположник интернационалистской традиции в латышском рабочем движении. Но ему близки и национальные интересы своего народа, когда он выступает за полное равноправие всех народов, населяющих Российскую империю, за их право самим определять свое место под солнцем.

После окончания срока ссылки, с марта 1903 года П. Стучка и его супруга Дора — сестра поэта Яна Райниса — живут в Ви-

тебске (Рига входила в список тех городов, где ему было запрещено жить). Именно в то время он приобретает славу как юрист — защитник крестьян и ремесленников от произвола имущих классов. Особенно хорошо П. Стучка знал аграрные (земельные) законы. Но и в тот период он ведет революционную пропаганду. Первая часть очерка П. Стучки «Политическая свобода» публикуется в 1904 году на латышском языке.

В июне 1904 года П. Стучка участвует в учредительном съезде Латышской социал-демократической рабочей партии, состоявшемся в Риге, и избирается в состав ее Центрального Комитета. С первого дня своего существования партия объявляет себя частью общероссийского социалистического движения и солидаризируется с РСДРП, однако высказывается за федеративный принцип объединения.

Во время революции 1905—1907 годов П. Стучка активный ее участник в Белоруссии и в Латвии, куда он возвращается в марте 1906 года. Под его руководством проходила подготовка объединения ЛСДРП с РСДРП на основе признания автономии латвийской социал-демократии. П. Стучка по заданию ЦК ЛСДРП в июне 1906 года ездил в Петербург и встретился там с В. И. Лениным. Ленинские советы легли в основу работы III съезда ЛСДРП, который 26 июля 1906 года единогласно проголосовал за объединение. 28 июля под руководством П. Стучки начал свою работу I съезд объединенной Социал-демократии Латышского края (СДЛК).

После поражения революции П. Стучка жил в Петербурге, занимался адвокатурой и принимал активное участие в деятельности питерской организации РСДРП, ее Латышской группы. Именно в этот период (1907—1914 годы) были изданы первые теоретические труды П. Стучки по аграрному и национальному вопросам, в том числе очерк «Национальный вопрос и латышский пролетариат», помещенный во 2-м номере журнала «Просвещение» за 1914 год. П. Стучка активно участвовал в разработке национальной программы РСДРП(б). Суть взглядов П. Стучки по этому вопросу — требование государственной автономии Латвии в составе демократической республики России, равноправие всех народов и гарантии их права развивать свою культуру и пользоваться в общественной жизни родным языком. Только при этом условии, считал он, может утвердиться настоящий интернационализм, произойти сплочение трудящихся в борьбе за социализм.

Активный сотрудник ленинской «Правды», газеты «Звезда» и журнала «Вопросы страхования», а также юридический консультант большевиков — депутатов IV Государственной думы, П. Стуч-

ка много сделал для укрепления дружбы русского и латышского пролетариата. Он не прерывал эту деятельность и в годы первой мировой войны, когда волна шовинизма и национализма захлестнула массы простого народа. «Скоро произойдет отрезвление»— предвидел П. Стучка в 1915 году. Он один из первых большевиков Латвии призвал развернуть революционную агитацию в латышских стрелковых полках, созданных национальной буржуазией. В то время, когда многие социал-демократы видели в стрелках лишь слепое орудие войны, П. Стучка отмечал: латышский стрелок — это одетый в серую солдатскую шинель латышский рабочий и он не потерял свои революционные традиции, он еще проявит их.

После свержения царизма П. Стучка — член исполкома Петроградского Совета, член первого легального Петербургского комитета РСДРП(б), редактор центрального органа СДЛК — газеты «Циня» («Борьба»). На XIII конференции СДЛК (Москва, 19—22 апреля 1917 года) он убедительно пропагандирует ленинские Апрельские тезисы, разрабатывает проект национальной и аграрной платформы СДЛК. Выступление П. Стучки наряду с речами членов ЦК СДЛК Ю. Данишевского и Я. Ленцманиса сыграли решающую роль в том, что II съезд латышских стрелков (15—17 мая) заявил о переходе стрелков на сторону В. И. Ленина.

На V съезде Социал-демократии Латвии (с этого съезда так называлась партия латвийских большевиков) в июле 1917 года П. Стучку вновь избирают в состав ЦК СДЛ, выдвигают кандидатом на пост председателя Рижской городской думы. Выборы ее должны были состояться 21 августа 1917 года, но именно в этот день в Ригу вступают германские войска. П. Стучка пешком, вместе с отступающей русской армией, уходит из города. Вернувшись в Петроград, он разоблачает предательское поведение контрреволюционного командования Северного фронта.

В октябре 1917 года П. Стучку избирают в члены исполкома Советов Северной области. Он активно участвует в подготовке вооруженного восстания против правительства А. Керенского. Позже П. Стучка указывает: если бы большевики не свергли это правительство, оно было бы свергнуто монархистами и тогда бы на всю Россию спустилась ночь черной реакции. Только Октябрь спас российскую революцию от гибели, дал народам России право на самоопределение, на формирование национальной государственности. Иначе они были бы задушены в железных цепях восстановленной «единой неделимой империи», которая не простила бы им активного участия в революции.

В часы восстания П. Стучка находился в Смольном. Его включают в Президиум II Всероссийского съезда Советов, и 26 октября

он произносит речь в поддержку ленинского декрета «О мире». Съезд избирает П. Стучку членом ВЦИК.

В 1917 году Петр Иванович Стучка не раз говорил своим друзьям, что революция, кроме всего прочего, освободила его от нелюбимой адвокатской работы и что он вообще намерен распрощаться с юриспруденцией, чтобы целиком заняться политикой. Но партии большевиков нужен был его большой юридический опыт, его правоведческие знания. И он отдал их делу революции.

15 ноября 1917 года под председательством В. И. Ленина состоялось заседание Совета Народных Комиссаров. Одним из пунктов его повестки дня являлся вопрос о революционных судах и о министерстве юстиции. На заседании временным заместителем народного комиссара юстиции был назначен Петр Иванович Стучка. Работу по организации комиссариата приходилось начинать буквально с пустого места.

О своих первых впечатлениях на этом посту П. И. Стучка впоследствии писал: «На другой день после моего назначения я без лишних церемоний отправился пешком в здание министерства на Екатерининской улице. Может быть, швейцарам и курьерам немного странно показалось, что представитель новой «грозной» власти приходит пешком один, без провожатых и за руку здоровается с ними. Но я должен сознаться, что и я был несколько поражен той приветливой их встречей... Из прочих служащих я в канцелярии никого не нашел... Так мы без кровопролития завоевали центр всего аппарата правосудия, историческое здание министерства юстиции. Я сказал бы, к счастью, без его чиновников...»[1]

В срочном порядке проводилось комплектование комиссариата. В первую очередь была сформирована коллегия: 23 ноября по предложению народного комиссара Совнарком утвердил членами коллегии большевиков адвокатов П. А. Красикова и М. Ю. Козловского. 15 декабря «Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства» опубликовала подписанный П. И. Стучкой план организации комиссариата под названием «Об отмене прежнего деления Комиссариата юстиции на департаменты и об установлении нового деления». Была предусмотрена организация шести отделов: 1) личного состава и судоустройства; 2) законодательных предположений и кодификации; 3) публикации законов; 4) секретариат; 5) административно-хозяйственный; 6) тюремный. Реализация этого плана задержалась, поскольку в ночь с 9 на 10 декаб-

---

[1] *Стучка П. И.* Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964. С. 284—285.

ря между большевиками и левыми эсерами было достигнуто окончательное соглашение о составе правительства, и постановлением ВЦИК от 13 декабря левый эсер И. З. Штейнберг утвержден народным комиссаром по делам юстиции. Лишь после выхода левых социалистов-революционеров из правительства П. И. Стучка 18 марта 1918 года вновь был назначен на пост народного комиссара. 22 марта коллегия комиссариата высказалась за осуществление разработанного П. И. Стучкой еще в декабре плана организации комиссариата.

Протоколы заседаний Совнаркома позволяют составить некоторое представление о П. И. Стучке — члене правительства. В 1917—1918 годах он участвовал в 110 заседаниях Совнаркома.

В ходе Октябрьской революции по всей России создавались новые судебные органы самого различного названия и компетенции, которые в своей деятельности, как правило, стремились отмежеваться от старых законов. Нужно было в этом творчестве масс выявить типичное, закрепить его в законодательстве и таким образом придать всему процессу организованный и планомерный характер. Эту роль прежде всего сыграли декреты о суде. Первый из них — декрет № 1 о суде, проект которого был представлен П. И. Стучкой и М. Ю. Козловским, дал ответ на важнейший и труднейший для революционной практики вопрос — как осуществить на деле вывод марксизма о необходимости «слома» социалистической революцией правовых норм, созданных государством предшествовавшей общественно-экономической формации. В вводной части представленного Совнаркому проекта провозглашалось: «Великая рабочая и крестьянская революция рушит основы старого буржуазного порядка, покоящегося на эксплуатации труда капиталом, и вызывает необходимость коренной ломки старых юридических учреждений и институтов, старых сводов законов, приспособленных к отжившим общественным отношениям, и создания новых, подлинно демократических учреждений и законов. Перед рабочим и крестьянским правительством встает неотложная творческая задача по созданию новых судов и по выработке новых законов, которые должны отразить в себе правосознание народных широких масс».

Проект декрета встретил сильную оппозицию — многие вначале сомневались, можно ли сразу отказаться от старых законов. Только благодаря энергичной поддержке В. И. Ленина первоначальные сомнения постепенно исчезают и члены Совнаркома становятся защитниками декрета. В их числе были А. В. Луначарский, посвятивший ему яркую эмоциональную статью в «Правде», и

Л. Д. Троцкий, внесший в Совнарком проект резолюции в поддержку декрета. 22 ноября 1917 года декрет был принят. Признавая творческую роль правосознания во внедрении принципиально нового механизма правового регулирования, он провозгласил: «Местные суды решают дела именем Российской Республики и руководятся в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию».

П. И. Стучка последовательно признавал руководящими для новых судов нормы нового права. Эта позиция соответствовала взглядам В. И. Ленина, что отчетливо обнаруживается при знакомстве с историей декрета № 2 о суде. Первая редакция проекта декрета была разработана Стучкой в начале декабря 1917 года. С переходом поста народного комиссара юстиции к левым социалистам-революционерам они добивались, чтобы были признаны царские законы в качестве руководства и для пролетарского суда, внесли в проект ряд существенных поправок. П. И. Стучка вошел в Совнарком с протестом, который поддержали другие члены коллегии Наркомюста — большевики. Вопрос в правительстве ставился пять раз, и декрет наконец был принят со значительными поправками, предложенными лично В. И. Лениным, в частности он включил в текст декрета требование «отмены судом устарелых или буржуазных узаконений»[1].

Исключительно важным документом для развития новой, советской государственности являлась Конституция РСФСР 1918 года. Руководящая роль в создании первой Советской Конституции принадлежит В. И. Ленину и ЦК РКП(б). В трудах В. И. Ленина, в разработанных им проектах первых декретов были сформулированы принципы Советской Конституции. Окончательный текст проекта Конституции был разработан специальной комиссией ЦК РКП(б) под председательством В. И. Ленина. Она рассмотрела два проекта Конституции: комиссии ВЦИК и Наркомюста РСФСР. В основу Конституции РСФСР 1918 года лег проект, представленный комиссией ВЦИК, но комиссия ЦК РКП(б) не обошла вниманием и другой проект, созданный под руководством П. И. Стучки.

История создания этого альтернативного проекта следующая. Сразу после III Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Наркомюст приступил к сбору материалов, необходимых для составления проекта Советской

---

[1] Ленинский сборник XXI. С. 217.

Конституции. Центром этой работы становится Отдел законодательных предположений и кодификации, который после образования ВЦИК Комиссии по выработке Конституции Советской республики не только передал ей подготовительные материалы к проекту, но и в дальнейшем тесно сотрудничал с нею. 11 июня на заседании коллегии Наркомюста П. И. Стучка выступил с докладом о Конституции. С этого момента в комиссариате начинается работа над альтернативным проектом. Имеются все основания утверждать, что она велась по заданию Совнаркома, ибо на заседании последнего 28 июня после сообщения П. И. Стучки о проекте Конституции было постановлено: «Обратить внимание всех комиссариатов на необходимость усиленной работы над проектом Конституции. Поручить Комиссариату юстиции сообщить немедленно в другие комиссариаты все уже разработанное им по этому вопросу». Проект Конституции в Наркомюсте разрабатывался при непосредственном участии П. И. Стучки. Сохранился отпечатанный на машинке начальный вариант первой, второй и третьей главы проекта с исправлениями П. И. Стучки, которые учтены в окончательной его редакции. Среди многочисленных поправок П. И. Стучки выделяется написанная им статья 1 первой главы: «Вся власть в пределах РСФСР принадлежит всему рабочему населению страны, объединяющемуся в Советы депутатов». На эту норму обратил внимание В. И. Ленин, и она была включена в Конституцию РСФСР 1918 года в качестве части статьи 10. В текст Конституции был включен и ряд других положений из разработанного в Наркомюсте проекта.

В. И. Ленина заинтересовала и другая сформулированная П. И. Стучкой норма — «По мере установления в других странах социалистической Советской власти РСФСР Республика входит с ними в единый союз — соц. фед. Сов. Республик». Выделяя эту норму при рассмотрении проекта Наркомюста, Владимир Ильич отметил, что речь может идти не только об установлении Советской власти, но гораздо шире — «советской или иной пролетарской». Хотя эта норма и не была включена в Конституцию РСФСР 1918 года, сам факт ее наличия является бесспорным доказательством того, что как В. И. Ленин, так и марксистски мыслящие юристы, цвет которых был сосредоточен в Наркомюсте, не испытывали никаких сомнений по поводу того, что единственно возможной формой государственного единства советских республик является федерация. Следовательно, проводимый И. В. Сталиным впоследствии курс на «автономизацию» представлял отнюдь не закономерную альтернативу исторического процесса, а был нарушением его.

Выяснение роли Отдела законодательных предположений и кодификации в разработке проекта Конституции РСФСР 1918 года позволяет не только восстановить забытые детали этого исторического процесса и воздать должное всем его участникам. Идея П. И. Стучки превратить этот отдел в координационный центр ведомственного нормотворчества представляет практический интерес и ныне, когда мы пожинаем горькие плоды этого нормотворчества в виде сотен тысяч действующих в стране противоречивых инструкций, охватывающих все сферы общественной жизни и тяжелым грузом давящих на перестроечные процессы.

Нарком юстиции предложил сосредоточить разработку проектов нормативных актов ведомств в Отделе законодательных предположений и кодификации, образуя в его составе специализированные отделения. Сам П. И. Стучка на страницах газеты «Известия» писал: «При строительстве рабоче-крестьянской власти я всегда исхожу из общей предпосылки преимущества надлежаще централизованного производства пред разрозненным кустарничеством. Если один и тот же законопроект, одновременно и независимо, разрабатывается в двух или трех ведомствах, я чувствую себя, как член Сов. Нар. Ком., ответственным за непроизводительную трату народных денег. Поэтому я предлагал объединить все эти юридические отделы так, чтобы они работали совместно и под наблюдением единого бюро, но одновременно сохраняли теснейшую связь со своим ведомством»[1]. 22 апреля Совнарком поручил П. И. Стучке провести совещание юридических отделов всех комиссариатов по вопросу об объединении и согласовании действий. И хотя такое совещание и состоялось, однако вследствие сопротивления отдельных комиссариатов проект так и остался нереализованным.

К середине 1918 года завершается начальная стадия становления революционной законности. 18 мая на заседании ЦК РКП(б) под председательством В. И. Ленина принимается постановление, обязывающее членов партии проводить в жизнь и следить за исполнением всех декретов Советской власти.

Соблюдение советских законов отстаивал и П. И. Стучка. Вслед за В. И. Лениным он требовал «неукоснительного подчинения декретам центрального Рабоче-Крестьянского Правительства». Говоря о недопустимости противопоставления личных интересов государственным, П. И. Стучка ратовал за руководящую роль рабочего класса в установлении режима законности: «И, конечно, не пояснениями о законности или незаконности мы устра-

---

[1] Известия ЦИК. 1918. 11 июня.

ним подобные явления. Тут должны вмешаться сознательные рабочие массы сами»[1].

Революционную законность П. И. Стучка рассматривал как требование соблюдения советских законов прежде всего должностными лицами. В выступлении на II Всероссийском съезде областных и губернских комиссаров юстиции он заявил: «Пока декрет существует, нам — блюстителям революционной законности — не следует делать отступлений или вести даже агитацию против того, что мы сами же создали. Надо вести борьбу за лучшее в порядке организационном»[2].

Вопрос о взаимоотношениях П. И. Стучки и И. В. Сталина по-настоящему не исследован. Скудны на этот счет документальные материалы. Но, пожалуй, интересно дело по обвинению Л. Мартова в клевете, которое было рассмотрено в Наркомюсте. Анализ этого дела позволяет предположить, что установлению единоличной диктатуры Сталина в первые месяцы существования Советского государства препятствовала необходимость соблюдать законы, считаться с правовыми нормами. В отличие от последующих лет, когда росчерком его пера или кивком головы решались судьбы тысяч и миллионов людей, И. В. Сталину тогда приходилось действовать наравне с другими гражданами.

Дело началось публикацией в газете «Вперед» статьи Л. Мартова, в которой утверждалось, что Сталин в свое время был исключен из партийной организации за причастность к экспроприациям. И. В. Сталин обратился с жалобой в Московский революционный трибунал. Трибунал на заседании 16 апреля установил, что сообщение, хотя бы и клеветническое, не является преступлением. 17 апреля в Наркомюст поступила кассационная жалоба И. В. Сталина с просьбой представить во ВЦИК заключение по вопросу об отмене приговора революционного трибунала. 18 апреля за подписями П. И. Стучки, М. Ю. Козловского, П. А. Красикова и Д. И. Курского в адрес ВЦИК был направлен документ следующего содержания:

«Коллегия Народного комиссариата юстиции, рассмотрев в заседании от 18 апреля 1918 года жалобу тов. Сталина (Джугашвили) на приговор Московского революционного трибунала от 16 апреля сего года, коим дело по обвинению Юлия Осиповича Цедербаума (Л. Мартова) признано неподсудным революционному трибуналу, и принимая во внимание:

1) что декретом о суде от 24 ноября 1917 г. на революционные

---

[1] Известия ЦИК. 1918. 6 июня.

[2] Материалы Народного комиссариата юстиции. М., 1918. Вып. 3. С. 23.

трибуналы возложено «принятие мер ограждения революции в борьбе против контрреволюционных сил»;

2) что инструкция, изданная народным комиссаром юстиции 21 декабря 1917 года, не дает исчерпывающего перечня дел, подсудных революционному трибуналу;

3) что по принципу Советской власти вся полнота верховной власти в РСФСР принадлежит ВЦИК Советов рабочих, солдатских, красноармейских и крестьянских депутатов постольку, поскольку ВЦИК не передал этой власти тому или иному учреждению;

4) что приговоры революционных трибуналов декретом о суде не объявлены окончательными и не подлежащими обжалованию, а другой инстанции для подачи жалоб не установлено, почему ВЦИК вправе принять на себя рассмотрение жалоб на приговоры революционных трибуналов (см. инструкцию народного комиссара юстиции от 21 декабря 1917 г.);

5) что дело заключается в обвинении Ю. О. Цедербаума (Л. Мартова) в оклеветании в печати тов. Сталина (Джугашвили), занимающего в качестве народного комиссара положение в Крестьянско-Рабочем Правительстве;

6) что клевета на него в газете «Вперед» является не нанесением ему личного оскорбления, но борьбою против него, как представителя Советской власти, почему дело должно быть признано подсудным революционному трибуналу;

7) что, наконец, по основному правилу нового судоустройства революционный трибунал может прекратить то или иное дело только в том случае, если он вовсе не усмотрит в нем состава выдвинутого в жалобе обвинения, в противном же случае он сам должен передать дело в то учреждение, которому дело, по его мнению, подсудно,—

постановила:

предложить ВЦИК Советов рабоч. и солд. красноарм. и крестьянск. депутатов в удовлетворение жалобы тов. Сталина отменить приговор Московского революционного трибунала от 16-го сего апреля и передать дело для нового рассмотрения в тот же трибунал в другом составе»[1].

В июле—августе 1918 года П. И. Стучка являлся председателем Особой следственной комиссии по делу о левых эсерах. И даже в условиях чрезвычайной ситуации он выступал против нарушений прав граждан. 26 июля он пишет в адрес ВЧК: «...я убедился, что порядок задержания и регистрации задержанных, а равно способы

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 93, д. 200, л. 14—15.

их освобождения находятся в крайне примитивном и хаотическом состоянии. Люди, подлежавшие освобождению по нашему постановлению, вследствие одной формальной неурядицы были лишены свободы целыми днями»[1]. Обращение Стучки не подействовало, хотя и Я. Х. Петерс, выполнявший обязанности председателя ВЧК, предложил командировать от Наркомюста в Контрольно-ревизионную коллегию ВЧК постоянного представителя. Тогда П. И. Стучка 20 августа ставит вопрос «о необходимости разгрузки тюрем от содержащихся под арестом без достаточных оснований и числящихся за Всероссийской чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией» на коллегии Наркомюста. Было предложено ВЧК образовать комиссию из представителей ВЧК, НКЮ, Революционного трибунала при ВЦИК для проверки оснований содержания под стражей политических заключенных.

Десять лет спустя П. И. Стучке, председателю Верховного суда РСФСР, вновь пришлось встать на защиту прав советских граждан. На фоне «шахтинского дела» тогда развернулись горячие дискуссии относительно реформы уголовного процесса. Суть предложенной Н. В. Крыленко реформы Уголовно-процессуального кодекса РСФСР заключалась в отмене или существенном ослаблении гарантий законности в судебной деятельности. Он отвергал коллегиальное рассмотрение дел, состязательный принцип сторон, право обвиняемого на защиту. В противовес этому П. И. Стучка отстаивал как «культурные завоевания» такие начала советского уголовного процесса, как неприкосновенность личности, непосредственность, гласность и устность в процессе, право на защиту. По глубокому убеждению П. И. Стучки, нельзя отказывать подсудимым «в минимальных гарантиях правильности приговора». В феврале—апреле 1928 года предложенный Н. В. Крыленко проект Уголовно-процессуального кодекса РСФСР рассматривался на ряде заседаний коллегии Наркомюста РСФСР, на которых с докладами выступили Н. В. Крыленко и П. И. Стучка. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 года удалось отстоять.

Прозвучавшие на апрельском (1929 г.) пленуме ЦК слова И. В. Сталина, что «шахтинцы» сидят во всех отраслях промышленности и проходившие вслед за этим процессы — Трудовой крестьянской партии, Промпартии, с одной стороны, сталинское понимание коллективизации как «насаждения» в деревне крупных коллективных хозяйств и ее проведение насильственными методами, раскулачивание, с другой стороны, породили мутную волну юридического нигилизма. На страницах юридических журналов

[1] ЦГАОР СССР, ф. 353, оп. 2, д. 12, л. 37.

стали раздаваться призывы, чтобы оперативные работники руководствовались не устаревшими нормами советского права, а «революционной целесообразностью переживаемого периода»[1]. В приговорах и постановлениях судов все чаще вместо аргументации встречаются ссылки на усиление сопротивления классового врага. П. И. Стучка в беседах с соратниками сравнивал сложившуюся ситуацию с огромной волной, которой противостоять трудно. Но он устоял: и как председатель Верховного суда РСФСР, и как теоретик — в своих последних выступлениях и статьях он отстаивал революционную законность как непреходящую ценность. Непосредственную связь между решением задач социалистического строительства и успешным функционированием института законности П. И. Стучка объяснял тем, что в результате установления диктатуры пролетариата революционизирующим фактором становится сама государственная власть, «а часть осуществления государственной власти именно заключается в законе, в возможности организованно, в правовом порядке воздействовать на ход развития, прежде всего в классовой борьбе»[2]. Уроки кризиса революционной законности, по его мнению, заключаются в том, что предпосылкой успешного функционирования правового института и осознания его необходимости является «действительно революционный» закон.

Обстоятельный анализ сложившейся к тому времени ситуации П. И. Стучка дал в своей речи на пленуме Верховного суда РСФСР. Считая, что «было бы смешно говорить о применении строгой законности там, где волна Октябрьской революции докатилась до самих низов деревни...», председатель Верховного суда объективную тенденцию развития советского общества видел не в отказе от законов и законности, а в скорейшей отмене устаревших законов. Одновременно он напомнил об отличии революционного закона от буржуазного, а также о том, что революционная законность предполагает революционное толкование закона. «...Мы попрежнему,— со всей определенностью заявил П. И. Стучка,— стоим спокойно на твердой почве, что революционный закон необходим и с ним нужно считаться. Если он даже имеет недостатки, то нельзя просто взять его и перечеркнуть и сказать, что я не считаюсь с законом, закон мне совершенно не нужен. Нужно каждый раз ставить вопрос, что этот закон разрешает; если он в данном случае не подходит и ничего не дает, надо ставить вопрос об отмене или изменении этого закона, даже о неприменении его к конкрет-

[1] Советская юстиция. 1930. № 5. С. 2.
[2] Советское государство и революция права. 1930. № 3. С. 17, 19.

ному делу. Значит, революционная законность и революционный закон будут существовать...»[1]

Наконец, в статье «Революционная законность (Итоги и перспективы)», задав вопросы: «Как быть в будущем с самой революционной законностью? Куда мы идем? В сторону ли ее ослабления или ее усиления?», П. И. Стучка дал на эти вопросы лаконичный, но в то же время исчерпывающий ответ: «В сторону ее усиления».

В первые месяцы существования Советского государства, когда П. И. Стучка возглавлял Народный комиссариат юстиции, были заложены основы советской исправительно-трудовой политики, чтобы добиться перелома не только во всей системе управления местами заключения, но и в самой организации отбывания наказания. Систему наказаний в социалистическом государстве П. И. Стучка предлагал строить с учетом того обстоятельства, что важнейшим фактором перевоспитания правонарушителей является труд. Наказание в виде лишения свободы всегда должно пониматься «как обязательная работа». Кроме того, он выступал за такой вид наказания, как привлечение к принудительной работе, «оставляя осужденного в свободное от работы время на воле». Петр Иванович является также инициатором введения института условного осуждения — «условно не приводить в исполнение постановленный приговор с условием, что обвиняемый не окажется вновь виновным в подобном же преступлении».

Гуманист в вопросах исправительно-трудового права, П. И. Стучка остается таковым и в последние годы своей жизни, когда неуклонно совершался поворот в сторону усиления репрессий. В противовес Н. В. Крыленко, который в 1929 году ратовал за издание законов, предоставляющих судам право присуждать к неопределенно долгой изоляции, П. И. Стучка стремился найти способ «перехода от принудительной работы заключенных к работе добровольной». Система наказаний, по его убеждению, «имеет целью перевести привлеченных к суду и осужденных в общую категорию трудящихся, а вслед за тем найти реальные способы предупреждения необходимости вообще прибегать к таким мерам». Мостиком для такого перехода должна была стать деятельность профсоюзов: «только профсоюзные методы могут безболезненно и успешно вновь организовать перевод с принудительных работ назад или вновь в общую среду трудящихся».

Говоря о периоде пребывания П. И. Стучки в первом Советском правительстве, пожалуй, стоит привести и такой факт: 17 апреля

---

[1] Советская юстиция. 1930. № 7—8. С. 3—4, 6.

исполнился год со дня провозглашения В. И. Лениным Апрельских тезисов. На этот день было назначено очередное заседание Совнаркома, и народные комиссары решили устроить маленькое чествование Владимира Ильича. От имени всех на заседании выступил П. И. Стучка. «Я,— впоследствии вспоминал он,— исходя из того, что Владимир Ильич знал меня слишком хорошо, чтобы заподозрить в намерении ему польстить, решился принять на себя инициативу этого чествования». Чествование, по словам П. И. Стучки, проходило следующим образом: «Заседание открывается, и я прошу слова для внеочередного заявления. Владимир Ильич, ничего не подозревая, дает мне слово, и я начинаю: «Я должен был воспользоваться этим способом получить слово, ибо знаю, что иначе председатель не дал бы слова. (Ильич, вижу, в недоумении.) Сегодня исполняется годовщина со дня провозглашения Владимиром Ильичем тезисов 4 апреля 1917 года (Ильич морщится, но не прерывает), которые я могу по значению их несколько приравнивать к историческим тезисам Мартина Лютера, провозглашенным им ровно 400 лет назад в церковной революции в Германии, насколько вообще можно сравнивать эти две революции. Я полагаю, что этот день, как день начала второго этапа революции, должен быть отмечен в этом собрании». Я кончил. Дружные аплодисменты небольшого собрания. Владимир Ильич прерывает чествование: «Я считаю, что нашему серьезному собранию не подобает заниматься подобными пустяками... Приступаем к порядку дня». Я был несколько смущен. Я боялся, не причинил ли я, того не желая, неприятность нашему любимому вождю. И в глубине сердца я чувствовал, что был прав и что Владимир Ильич не мог не согласиться с оценкой самого события. Но к самому чествованию мы в Совнаркоме больше не вернулись»[1].

Позже сам П. И. Стучка отметил: «Очевидно, неуместно было сравнивать тезисы Лютера и Ленина, разные по своему миропониманию. Но они оба были важными вехами в мировой истории».

В политической биографии П. И. Стучки особенно примечателен период, когда он возглавляет правительство Социалистической Советской Республики Латвии (декабрь 1918 года — январь 1920 года) — национального советского государства. Оно рождалось в ходе восстания против немецких оккупантов и их приспешников из местного дворянства и буржуазии. Решение ЦК СДЛ от 4 декабря 1918 года о создании возглавляемого П. Стучкой Вре-

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 153, оп. 1, д. 26, л. 3.

менного советского правительства, провозглашение 17 декабря подготовленного Стучкой манифеста, освободительный поход латышских стрелков и победа вооруженного восстания рижских рабочих 3 января 1919 года, I съезд Советов Объединенной Латвии (Курземе, Видземе, Латгале) в Риге — это важнейшие рубежи, знаменовавшие путь становления Советской Латвии.

П. Стучка разработал программу деятельности правительства ССРЛ, которая получила одобрение съезда Советов и VI съезда Компартии Латвии (март 1919 г.). Она по своему содержанию как бы состояла из трех частей. Во-первых, программа предусматривала уничтожение власти немецкого дворянства и полное искоренение остатков феодализма, передачу земли и другой частной собственности дворян в руки трудящихся. Эта часть программы была последовательно осуществлена за январь—февраль 1919 года. Во-вторых, намечались мероприятия по национализации промышленности, централизации обмена и распределения, создания сильной системы управления общественными делами, ее аппарата из представителей трудящихся. П. Стучка, разъясняя цель этих мероприятий, подчеркнул: «Мы немедленно берем курс на социализм». Третья часть программы предусматривала восстановление разрушенного войной народного хозяйства, развитие экономики и культуры. В ней указывалось на необходимость возвращения эвакуированного в Россию латвийского пролетариата, обеспечения рабочего класса работой, роста его материального достатка и духовного уровня.

П. И. Стучка выступал за экономическую связь Советской Латвии с Советской Россией, за создание федерации всех советских республик при уважении их суверенитета, национальных интересов.

В будущем он считал возможным образование федерации социалистических государств Европы, страстно ждал победы пролетарской революции в Германии: тогда, по его мнению, Латвия могла бы стать «мостом», соединяющим Советскую Россию с Советской Германией. Мечтой П. Стучки было — с помощью Советских России и Германии создать в Латвии образцовую Трудовую Коммуну.

Поражение немецкого пролетариата и вторжение в Латвию контрреволюционных германских войск в феврале 1919 года вынудило П. Стучку, как и других членов правительства ССРЛ, обратить главное внимание на оборону. В условиях войны ужесточилась классовая борьба. В ответ на зверства немецкой военщины в Латвии был объявлен красный террор. П. Стучка не был сторонником таких мер. Он сделал все от него зависящее, чтобы соблю-

далась революционная законность. Но, к сожалению, местные трибуналы нередко пренебрегали его советами. Левацкий радикализм некоторой части партийных и советских работников нанес моральный и политический ущерб Советской власти.

Неудачи были и в осуществлении аграрной политики. Позднее П. Стучка признал, что нежелание правительства передать конфискованные дворянские земли безземельным и крестьянам в частное владение ослабило союз рабочих и крестьян в Советской Латвии. Только в 1920 году Компартия Латвии отказалась от ориентации на организацию крупных совхозов, высказалась за раздел земли. Это произошло после беседы П. Стучки с В. И. Лениным в дни работы II конгресса Коминтерна. Владимир Ильич помог П. Стучке найти верный путь, что было особенно важно в тот период — после военного поражения Советской Латвии, падения Советской власти и установления парламентской Латвийской республики. Именно П. Стучка, будучи с января 1920 года председателем Заграничного бюро ЦК КП Латвии — секретариата Латсекции Коминтерна, внес большой вклад в разработку новой политической стратегии и тактики латвийских коммунистов. 30 января 1920 года, когда было заключено перемирие между РСФСР и буржуазной Латвийской республикой, П. И. Стучка писал: «Рассеялись иллюзии, что коммунизм может прийти в Латвию извне: нет, из своего рабочего класса, из масс безземельного и малоземельного крестьянства вырастут новые Советы...»[1]

П. Стучка учил латышских коммунистов, защищая экономические и политические интересы пролетариата, участвовать в парламентских институтах. Некоторым деятелям КП Латвии такая тактика тогда казалась недостаточно левой, но П. Стучка был убежден, что партия должна быть везде, где собираются массы, идти вместе с ними, учить их и учиться у них. Главное, писал он,— «не опоздать на поезд» событий, не оказаться вдали от локомотива истории, быть вместе с массами и тогда, когда они ошибаются.

П. Стучка реалистически оценивал положение в тогдашней Латвийской республике, видел не только его недостатки и пороки, но и успехи в налаживании хозяйственной жизни. С 1924 года он пропагандировал лозунг КП Латвии об экономическом сотрудничестве СССР и Латвии, требовал заключения торгового договора, а с 1927 года — и договора о ненападении. Проект программы Компартии Латвии, подготовленный П. Стучкой к VIII съезду КПЛ (январь—февраль 1931 года), содержал ориентацию на воз-

[1] *Стучка П. И.* За Советскую власть в Латвии. Рига, 1964. С. 633.

вращение Латвии в семью советских республик, ее вступление в СССР. Но не путем применения военной силы. П. И. Стучка был решительным противником идеи экспорта революции.

С лета 1924 года П. Стучка — председатель Международной контрольной комиссии Коминтерна. Непреходящее значение имели труды П. И. Стучки, направленные против бюрократизма, командно-административных методов, волевых решений. Он стал одним из популярнейших пропагандистов ленинизма.

Но Стучка все больше чувствовал недружелюбие И. В. Сталина и его ближайших сподвижников В. М. Молотова и Л. М. Кагановича. Не без их ведома с 1930 года в кругах Коминтерна и в Компартии Латвии была развернута критика П. Стучки, его необоснованно обвиняли и в каутскианстве, и в левацких ошибках, и в других отступлениях от ленинизма. После VIII съезда Компартии Латвии он уже не председатель Заграничного бюро ЦК КПЛ. Не была поддержана и его платформа антифашистской борьбы, ибо она оказалась в противоречии со сталинским тезисом о социал-демократах («социал-фашистах») как главных политических противниках коммунистов.

Нельзя не упомянуть и такой факт, как выселение П. И. Стучки из его квартиры, которая приглянулась В. М. Молотову.

П. И. Стучка умер 25 января 1932 года. Его похоронили у Кремлевской стены. Но ни один из тогдашних высоких руководителей ВКП(б) не пришел на похороны. Пришли старые большевики-ленинцы, гвардия Коминтерна, представители трудящихся Латвии и Москвы. Молодое поколение советских юристов провожало в последний путь первого наркома юстиции.

Дрибин Л. Г.—
доктор исторических наук,

Плотниекс А. А.—
доктор юридических наук

Временный заместитель народного комиссара земледелия
А. Г. ШЛИХТЕР

После принятия отставки В. П. Милютина в конце заседания пленума ВЦИК 4 ноября В. И. Ленин предложил резолюцию, в которой на пост народного комиссара земледелия выдвигалась кандидатура левого эсера А. Л. Колегаева. Резолюция собрала 30 голосов. Левые эсеры в голосовании участия не принимали. Их представитель Б. Ф. Малкин заявил: «Наша фракция могла бы принять это предложение при образовании однородной социалистической власти, при немедленном аннулировании декрета о печати и прекращении политики репрессий для того, чтобы возможно было заключить переговоры на основе той резолюции о соглашении, которая принята ЦИК»[1]. Таким образом, участие левых

[1] Протоколы ВЦИК II созыва. С. 33.

эсеров в правительстве ставилось в прямую зависимость от коренных перемен в программе и политике правительства.

А между тем жизнь требовала скорейшего проведения аграрных преобразований. Декрет «О земле» предусматривал создание аграрного законодательства, которое должно было быть утверждено Учредительным собранием. Очевидно, что приступить к его созданию становилось возможно лишь после образования центрального земельного аппарата. В. И. Ленин добивался безотлагательно заняться этим. Кроме того, нужны были разъяснения ходокам и инструктирование провинции о практических мероприятиях, связанных с декретом «О земле». В связи с запросами с мест Ленин стремился быстрее приступить и к разработке нового земельного закона.

Но все упиралось в отсутствие народного комиссара земледелия. Несомненно, большевики испытывали серьезный дефицит аграрников в своих рядах, ибо подходящей кандидатуры не нашлось во всем самом революционном городе. Тогда возникла идея назначить на этот пост большевика А. Г. Шлихтера, в то время комиссара Московского ВРК по продовольствию. В. И. Ленин через А. С. Бубнова торопил Шлихтера чрезвычайно резкой запиской: «Дорогой товарищ! Ужасно ругаю Вас и все ругаем Вас. Нельзя оттягивать и колебаться в такие минуты. Нельзя дезертировать. Вы нужны в министры земледелия и должны выехать сюда **тотчас.** Ругаем Вас за оттяжку жестоко. До скорого свидания. Ваш *Ленин*»[1].

Прочитав письмо, можно подумать, что Шлихтер колебался, волынил, если не хуже. Однако ничего подобного. Шлихтер не колебался и тем более не дезертировал. Просто до той записки он не получал никакого официального уведомления. Получив же письмо от Ленина, он на другой день покинул Москву. Что касается характера ленинского письма, то это стиль Ленина, весьма нетерпеливого человека, когда ради ускорения событий он бывал резок, а иногда и не стеснялся в выражениях.

По прибытии в Петроград Шлихтер 12—13 ноября 1917 года имел беседу с Лениным. Ленин определил основные задачи Наркомата земледелия. Об этой встрече А. Г. Шлихтер писал: «На ближайшем заседании Совнаркома будет оформлено Ваше назначение комиссаром земледелия,— заканчивает наше свидание Ленин.— Но было бы хорошо, если бы вы сейчас же занялись приемом крестьянских делегатов с мест... Затем немедленно же надо

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 2.

взять министерский аппарат в свои руки и спешно выработать «Положение» о земле»[1].

Шлихтер не отказывался от работы и приступил к ней тотчас же. А его оформление последовало незамедлительно. Постановлением Совнаркома от 13 (26) ноября он назначался временным заместителем комиссара земледелия. Так именовались руководители до их утверждения ВЦИК. Таким образом, Александр Григорьевич Шлихтер, известный в годы гражданской войны преимущественно на продовольственном фронте, начал свою государственную деятельность в качестве комиссара земледелия.

Биография Шлихтера — типичная биография революционера. Это был старейший член партии. Родился в украинском городе Лубны в 1868 году. На путь революционера вступил еще в 1887 году. С 1891 года он работал в социал-демократических кружках Украины. В 1895 году последовал второй арест и высылка в Сольвычегодск на пять лет, где вместе с П. Е. Федосеевым и другими организовал социал-демократический кружок. В 1896 году он был переведен в Самару, где участвует в создании группы «искровцев».

Легальная же работа Шлихтера связана со статистической службой. Здесь, в Самаре, он заведовал статистико-экономическим бюро Самарского земства, организовал экспедиционные работы по изучению самарской деревни. На этой основе он пишет ряд экономических работ: «Общественные запашки как система крепостнического фиска», «К характеристике современной общины», «Экономическое значение грунтовых дорог» и др. На основе переписи, проведенной в 1900 году в шести селах Николаевского уезда Самарской губернии, Шлихтер написал большое исследование «Современная община и аграрный вопрос».

По истечении срока ссылки в 1901 году Шлихтер переезжает в Тулу, где входит в состав Тульского комитета РСДРП. В 1902 году Шлихтер в Киеве, где участвует в работе местного комитета РСДРП. Летом 1903 года он был одним из организаторов и руководителей всеобщей забастовки в Киеве. Он служит секретарем «Вестника Юго-Западных дорог», близко сталкивается с железнодорожными рабочими и ведет среди них большую пропагандистскую работу.

В 1905 году он руководит забастовкой служащих Юго-Западной и Киево-Полтавской железных дорог, которая переросла во всеобщую забастовку трудящихся Киева.

Вынужденный затем скрываться, он покидает Киев и уезжает в Швейцарию, а затем возвращается в Петербург, где продолжает

[1] *Шлихтер А. Г.* У Ильича//Воспоминания о Ленине. М., 1957. Т. 2. С. 67.

революционную деятельность. ЦК партии назначает его уполномоченным по руководству Свеаборгским восстанием.

В начале мая 1906 года состоялась первая встреча А. Г. Шлихтера и В. И. Ленина в Петербурге на митинге в Народном доме Паниной. Еще одна встреча состоялась осенью 1907 года при возвращении с партийной конференции, состоявшейся в Гельсингфорсе, когда Ленин остановился на квартире Шлихтера под Выборгом.

В 1908 году Шлихтер был арестован и осужден на пожизненную ссылку в Сибирь.

Во время Февральской революции он — член Красноярского губкома партии и исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов.

В Октябрьские дни 1917 года Шлихтер — член Московского ВРК и комиссар продовольствия Москвы.

Таким образом, В. И. Ленин предлагал А. Г. Шлихтера на пост народного комиссара земледелия потому, что давно и хорошо знал его и как соратника по партии, и как специалиста, изучавшего деревню и, следовательно, вполне пригодного к предстоящей работе.

Шлихтер начал с самого элементарного. Об этих днях он писал: «Одна из служащих канцелярии Совнаркома... узнав о моем назначении, просила меня немедленно принять от нее «дела» и «канцелярию». У меня еще не было квартиры, и вообще я не успел еще как следует оглядеться после бессонной ночи в поезде, но ее порывистое стремление поскорее ввести меня, так сказать, во владение моим новым делом так заразило меня, что я без возражений согласился сразу же приступить к исполнению своих обязанностей.

— Вот ваша канцелярия,— сказала она мне, подведя к одному из шкафов, стоявшему тут же у стены, и раскрывая его,— вот здесь печатные экземпляры обращения к крестьянам с некоторыми руководящими указаниями; это единственное, что мы имеем до сих пор и что мы даем каждому крестьянину, который приходит к нам [1]. А здесь,— продолжала она, показывая на другую полку,— лежат письменные и телеграфные запросы с мест и заявления крестьянских делегатов.

— Это все? — спросил я.

— Все.

— Ну, а где же я мог бы работать? Столик бы мне какой-нибудь и один-два стула,— хлопотал я об оборудовании моей

---

[1] Очевидно, имелся в виду «Ответ на запросы крестьян», составленный В. И. Лениным 5 ноября 1917 г. (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 68—69).

канцелярии, не без смущения оглядывая окружающую обстановку.

Мое смущение было не напрасно, ибо просьба оказалась действительно не из легких для Смольного в те дни: всего было в обрез.

— Кабинета для комиссара земледелия здесь нет; придется вам временно работать здесь же, в общей канцелярии. А стол? — задумалась устроительница моего делового пристанища.— Возьмите себе вот этот столик, который предназначен для посетителей Владимира Ильича, и стулья достанем»[1].

Но работал Шлихтер легко. «И, право же, я затрудняюсь сказать, работалось ли мне... когда-нибудь так весело и с таким деловым зудом, как это было в те 7—8 дней, которые я провел за своим наркомземовским столиком в общей канцелярии Совнаркома»[2].

Вся работа заключалась преимущественно в общении с крестьянскими ходоками. «Целыми фалангами изо дня в день проходили они передо мною,— писал Шлихтер,— столь разнообразные, каждый по-своему, со своими запросами и нуждами, касающимися «своего» села, и в то же время столь похожие один на другого.

— Что же и как оно будет?

— Как ее, землю-то, к примеру, взять?

— Потому, видишь, товарищ, надо, чтобы для всех безобидно...»[3]

В этих словах весь русский крестьянин. Действительно, как ее взять, землю-то? Да взять так, чтобы всем досталось и по-справедливому?

Вторая задача, согласно наказу Ленина, состояла в овладении министерским аппаратом. Но чиновники по-прежнему саботировали. И Шлихтер работал фактически один. Современник тех событий писал: «Советское ведомство земледелия... создавалось в Смольном за простым письменным столом тов. Шлихтером. В этот период вся работа заключалась в налаживании наркоматовского совета «представителями с мест», в овладевании старым аппаратом и подготовке основного положения о земле»[4].

Все эти дни, когда Шлихтер принимал крестьян, интенсивно велись переговоры большевиков с левыми эсерами о заключении соглашения и вхождении последних в правительство. Но те колебались. Поэтому 15 ноября Совнарком поставил вопрос о министерстве земледелия и роли Шлихтера в нем. Совнарком ультима-

---

[1] *Шлихтер А.* Ильич, каким я его знал: кое-что из встреч и воспоминаний. М., 1970. С. 55—56.

[2] Там же. С. 56.

[3] Там же. С. 57.

[4] *Озимый Т.* Дни творений//Сельскохозяйственная жизнь. 1922. № 7. С. 35.

тивно предложил левым эсерам «взять завтра министерство земледелия или предоставить его большевикам и не тормозить работу»[1].

Левые эсеры не дали ответа, и 16 ноября СНК вновь поставил вопрос «О письменном ультиматуме левым эсерам и о посте наркома по министерству земледелия». И поскольку левые эсеры попрежнему молчали, Совнарком постановил: «Предложить Шлихтеру с 17 ноября приступить к энергичной работе по министерству земледелия»[2]. Однако 17 ноября левые эсеры согласились принять пост наркома земледелия. С этого времени они делают решительные шаги по пути соглашения с большевиками.

17 ноября 1917 года ВЦИК постановил: «1. Комиссариат земледелия передается партии левых с.-р. 2. Во все коллегии при Совнар. Ком. левые с.-р. вводят своих представителей. 3. В Комиссариат земледелия большевики вводят своего представителя»[3].

Намеченный народным комиссаром земледелия А. Л. Колегаев до своего назначения к работе не приступал, и Шлихтер продолжал в одиночку формировать аппарат. К этому подталкивало и решение Совнаркома от 15 ноября о переводе наркоматов в помещения соответствующих министерств. Шлихтер в воспоминаниях описывает свою первую встречу с чинами министерства: «Не без любопытства я подъехал одним утром на автомобиле к зданию министерства. Парадный ход оказался запертым. Звоню, безрезультатно: в вестибюле никого не видно. Шофер отправляется на поиски черного хода... И наконец щелкает замок у парадной двери. Меня встречают швейцары в ливреях, видимо смущенные и не знающие, как себя держать со мной.

— Я — народный комиссар. Проводите меня в кабинет бывшего министра.

— Пожалуйте.

В коридоре могильная тишина. Все говорит о том, что здесь не работают.

— Есть у вас кто-нибудь тут? — спрашиваю у швейцара.

— Чиновники все разошлись, а есть только товарищ министра и его секретарь»[4].

Товарищем министра оказался человек, которого Шлихтер знал: известный экономист и статистик П. А. Вихляев. До работы в министерстве он заведовал статистическим бюро Московского губернского земства. Стало быть, Шлихтер встретил коллегу.

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, д. 2, л. 2.
[2] Там же, л. 1—5, 34—37.
[3] Протоколы ВЦИК II созыва. С. 71.
[4] *Шлихтер А.* Ильич, каким я его знал... С. 62.

В бытность свою земским статистиком Шлихтер неоднократно сталкивался с Вихляевым на статистических съездах.

И вот теперь Шлихтер потребовал у секретаря, чтобы «гражданин Вихляев» явился к нему для сдачи дел. Однако секретарь сказал, что «товарищ министра просит вас пожаловать к нему в кабинет». Шлихтер, естественно, отвечал, что в подобных случаях «народные комиссары не ходят для принятия дел, а требуют явиться того, кто должен сдать дела». Но Вихляев не пришел, а через секретаря повторил приглашение в свой кабинет.

Шлихтер отвечал, что «сегодня я ухожу», чтобы дать возможность Вихляеву подумать, но «завтра я снова явлюсь для того, чтобы опять предложить ему немедленно сдать дела».

На следующий день Шлихтер вновь в министерстве. На этот раз Вихляев явился и сказал следующее: «Я пришел к вам не как товарищ министра и не как к комиссару. Я пришел к вам как к своему коллеге по профессии, как статистик к статистику...» Одним словом, Вихляев был как будто озабочен лишь доведением до конца разработки статистической переписи, начатой при Временном правительстве. Шлихтер ничего не имел против и, более того, охотно бы согласился поручить доведение до конца важного дела Вихляеву. Но для этого требовалось в первую очередь отдать немедленное распоряжение от Вихляева персоналу министерства прекратить саботаж. Однако Вихляев отказался выполнить это требование. Шлихтеру оставалось только одно. «На другой или на третий день,— писал он,— был опубликован мой приказ об его увольнении [1]. Этот приказ был единственным актом моего официального выступления в качестве комиссара земледелия. Через 2—3 дня Колегаев вступал в должность комиссара, а я, по предложению Владимира Ильича, должен был остаться в составе членов коллегии Наркомзема в качестве представителя коммунистов» [2].

Однако вскоре работа на продовольственном фронте целиком захватила Шлихтера. 18 декабря 1917 года его назначают народным комиссаром по продовольствию.

И здесь Шлихтер начинает с налаживания продовольственного аппарата, однако острая нужда страны в хлебе потребовала от него практического участия в решении этой проблемы. Вятская

---

[1] 18 ноября 1917 г. А. Г. Шлихтер издал приказ по министерству земледелия об увольнении П. А. Вихляева «за неподчинение Совету Народных Комиссаров» и чиновника по особым поручениям С. Л. Загорского «за отказ исполнить служебное распоряжение комиссара по земледелию» (ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, д. 30, л. 33).

[2] *Шлихтер А.* Ильич, каким я его знал... С. 66.

заготовительная экспедиция под руководством Шлихтера летом 1918 года во многом определила технику взимания продовольственной разверстки, которая была введена Советской властью в январе 1919 года. Недаром Шлихтера называли «отцом продразверстки».

В сущности, продразверстка впервые была введена еще царским правительством в 1916 году, но именно Шлихтер довел технологию ее применения до совершенства. Он, в частности, ввел в заготовку такой эффективный прием, как круговая порука. Сначала, в 1919 году, он, как народный комиссар продовольствия Украины, ввел ее в частный заготовительный аппарат, который применил на Украине. А осенью 1920 года он втягивает в это дело крестьянскую общину. Шлихтер, будучи председателем губисполкома Тамбовской губернии, несмотря на сложность положения, недовольство и волнения крестьян, а может быть, из-за этого отдал приказ о введении круговой поруки всех домохозяев и сельского общества в целом за исполнение продразверстки.

Так или иначе, результаты продразверстки на Тамбовщине сказались быстро: губернию охватили волны крестьянских восстаний на рубеже 1920—1921 годов, вошедших в историю под названием «антоновщина».

Годом же раньше жесткая продовольственная диктатура вкупе с авантюрной земельной политикой Украинского правительства привели к тому, что украинский крестьянин не поддержал Советы в период наступления Деникина.

После окончания гражданской войны Шлихтер направляется на дипломатическую работу. В 1921 году он — член коллегии Наркомата внешней торговли, затем в Хельсинки возглавляет русскую делегацию и является председателем смешанной Российско-Финляндской комиссии по осуществлению мирного договора. В 1922—1923 годах он — полномочный и торговый представитель РСФСР и УССР в Австрии.

Возвратившись в 1923 году на родину, Шлихтер занимает пост председателя Всеукраинского союза потребительских обществ и является одновременно уполномоченным Наркоминдела по УССР, членом коллегии Наркоминдела СССР.

В 1924 году Шлихтер, не порывая с дипломатической работой, назначается ректором Коммунистического университета в Харькове.

В 1927 году Шлихтера назначают народным комиссаром земледелия Украины. Накануне массовой коллективизации, в 1927—1929 годах, он активно содействует строительству тракторных колонн — предшественниц МТС.

Биография Шлихтера во многом напоминает биографию Милютина. Он также должен был содействовать смене «гнилых» кадров старых специалистов-аграрников. Однако, естественно, он, как и Милютин, ни научно-организационной, ни преподавательской работой, ни своими научными трудами не мог превзойти старую школу. Тем не менее в 1928 году Шлихтера избирают действительным членом Академии наук Украинской ССР, а затем и Академии наук Белорусской ССР.

За долгие годы пребывания в партии Шлихтер избирался делегатом V, VI, XIV, XV, XVI и XVII ее съездов, а начиная с 1923 года — всех съездов и конференций Компартии Украины, избирался в ее руководящие органы. С 1923 года Шлихтер состоял членом ЦИК СССР всех созывов и членом Президиума ЦИК УССР всех созывов, членом ЦИК РСФСР ряда созывов. Шлихтер избирался кандидатом в члены Президиума ЦИК СССР, был членом комиссий по выработке Конституции СССР и УССР.

Умер Александр Григорьевич Шлихтер 2 декабря 1940 года в Киеве.

Кабанов В. В.—
доктор исторических наук

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА [1]

19 января 1918 года в Совет Народных Комиссаров вошел А. И. Бриллиантов, и на этом полностью завершился длившийся более месяца процесс формирования нового коалиционного Советского правительства. Как и предполагалось соглашением большевиков и левых эсеров от 9 декабря 1917 года, левые эсеры получили в СНК семь портфелей, или треть мест в коалиционном кабинете.

Они возглавили наркоматы: имуществ Российской Республики (В. А. Карелин), земледелия (А. Л. Колегаев), почт и телеграфов (П. П. Прошьян), местного самоуправления (В. Е. Трутовский), юстиции (И. З. Штейнберг), В. А. Алгасов и А. И. Бриллиантов получили статус наркомов без портфеля и работали в коллегиях: первый — Наркомвнудела, второй — Наркомфина. Как и остальные, они в заседаниях СНК обладали решающим голосом.

Из этого перечня явствует, что по договоренности обеих партий левые эсеры взяли на себя управление чрезвычайно важными в условиях революции ведомствами. Единственное исключение — комиссариат имуществ Российской Республики. Он был довольно-таки искусственным образованием и для левых эсеров оказался важен постольку, поскольку давал право на лишний голос в заседаниях правительства. Нельзя не отметить, что Карелин неохотно взялся за эту работу. В середине января 1918 года в интервью

---

[1] Данный раздел книги выпадает из общей ее структуры. К сожалению, состояние нашей историографии не позволяет дать читателю полноценные, без досадных пробелов, биографические очерки об Алгасове, Бриллиантове, Карелине, Трутовском и Штейнберге. Кстати, по той же причине в энциклопедии «Великая Октябрьская социалистическая революция» (М., 1987) отсутствует самый простой справочный материал об этих наркомах. Поразительно и прискорбно, но мы не знаем даже имени и отчества левого эсера Михайлова, который в течение месяца числился в составе правительства, занимая в нем пост одного из руководителей Нар-

газете «Петроградское эхо» он говорил, что возглавил ведомство лишь по настоянию ЦК ПЛСР и с таким расчетом, чтобы оно не мешало его партийной работе [1].

К работе в Совнаркоме привлекались, участвовали в ряде заседаний, докладывали по специальным вопросам и другие левые эсеры. Особенно часто — заместители наркомов Н. Н. Алексеев (Наркомзем. Участвовал в 11 заседаниях из 52, состоявшихся между 10 декабря 1917 года и 18 марта 1918 года), Г. Д. Закс (Наркомпрос, 11 заседаний), А. А. Шрейдер (Наркомюст, 19 заседаний), члены коллегии Л. Е. Кроник (Наркомпочтель), П. Е. Лазимир (Наркомвнудел), В. А. Александрович-Дмитриевский (ВЧК), а также В. Ф. Зитта, М. А. Левин, С. Д. Мстиславский и другие. При этом Алексееву и Шрейдеру на время отсутствия наркомов земледелия и юстиции постановлением Совнаркома было предоставлено право решающего голоса.

Левые эсеры, вошедшие в Совет Народных Комиссаров, на первый взгляд, выглядели сплоченной, монолитной группой. Прежде всего, это были признанные руководители только что сформированной партии: все они, за исключением Бриллиантова, являлись членами Центрального Комитета ПЛСР.

Но их популярность далеко выходила за пределы партийных структур. Так, пятеро из семи наркомов оказались избранными в ноябре 1917 года во Всероссийское Учредительное собрание: Бриллиантов, Трутовский, Штейнберг — по списку Уфимского Совета крестьянских депутатов, Карелин — харьковской организации эсеров и группы украинских эсеров, Колегаев — Казанского Совета крестьянских депутатов.

Как известно, левоэсеровская фракция Учредительного собрания была до удивления мала, насчитывала едва 40 человек (против 370 эсеров центра и правых). Анализ этого феномена в ряде работ, в том числе в «Тезисах об Учредительном собрании», дал В. И. Ле-

---

комата по военным и морским делам. Кто он? Подлинная ли это фамилия? Почему был лишен мандата? Как сложилась его судьба? Увы, и в биографиях Алгасова и Бриллиантова у нас больше вопросов, чем ответов. Удивляться здесь нечему. После гражданской войны мы постарались прочно забыть многое, что было связано с блоком большевиков и левых эсеров, с коалиционным Советским правительством. Тем более не велся поиск материалов о наркомах — левых эсерах, либо уничтоженных в сталинских застенках, либо оказавшихся в эмиграции. Сегодня у нас нет сомнения, что это «белое пятно» будет ликвидировано. Порукой тому — высокий интерес к истории партии левых эсеров.— *Прим. авт.*

[1] Петроградское эхо. Веч. вып. 1918. 13 января.

нин. Причины сокрушительной неудачи по-своему объясняли и левые эсеры. Выступая на I съезде ПЛСР, В. А. Карелин заявил: «Мы знаем, что на местах список эсеров, проводящих чисто оборончеcкие принципы, имел огромный успех. Будет откровенно сказать, что массы темны, и ореол, которым окружена партия эсеров, привлекает массы, но они не всегда умеют разобраться в том, где правда»[1].

Тем знаменательнее, что пятерым наркомам — левым эсерам все же удалось пробиться — и как раз в провинции — через почти непреодолимый частокол, воздвигнутый на их пути к мандатам.

Наркомы, даже по меркам революции, были молоды: их средний возраст равнялся 31 году. Самому младшему — Карелину едва исполнилось 27. Патриархом являлся пятидесятилетний Бриллиантов. Алгасов, Штейнберг, Колегаев и Трутовский были практически сверстниками, не успевшими перешагнуть тридцатилетний рубеж.

Достаточно единообразно и социальное происхождение этих людей. Пятеро принадлежали к мещанам, двое — Алгасов и Карелин — к дворянам, но их родители зарабатывали на жизнь службой. Отец Алгасова был почтовым чиновником средней руки, а Карелина — дослужился лишь до чина коллежского советника. Никому из будущих наркомов в детстве и юности не пришлось испытать нужды, они росли в сравнительно обеспеченных семьях.

Происхождению соответствовал образовательный ценз. Трое имели высшее, а четверо — Алгасов, Бриллиантов, Колегаев и Прошьян — незаконченное высшее образование. Эти четверо прервали учебу не по своей воле. Завершить курс помешали арест и приговор суда. Правда, Колегаев, находясь в эмиграции, попытался продолжить образование в Парижском университете, но обстоятельства революционной борьбы заставили его выехать в Россию, отказаться от получения диплома. Весьма характерно, что в группе наркомов доминировали выпускники (или недоучившиеся студенты) юридических факультетов университетов.

Участие в революционном движении не дало большинству из них сделать карьеру в избранной специальности. Исключением являлся помощник присяжного поверенного Штейнберг. Но у всех будущих наркомов было одно общее на протяжении ряда лет занятие: они активно сотрудничали в легальной и подпольной периоди-

---

[1] Протоколы I съезда партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). С. 81.

ческой печати. Партийная публицистика для каждого стала не только реализацией недюжинного таланта (Штейнберг), яркого общественного темперамента, но прежде всего — поиском в области теории (Карелин, Колегаев, Трутовский), действенной формой борьбы с самодержавием.

До Февраля 1917 года наибольшие лавры на этом поприще снискал Владимир Евгеньевич Трутовский. Первые его корреспонденции и очерки появились в провинциальных газетах в 1909—1910 годах. В последующем он редактировал газеты петербургской организации эсеров «Бодрая мысль», «Смелая мысль», писал для «Знамени труда» и большевистской «Правды». В 1914 году Трутовский выпустил книгу «Современное земство» — замечательно глубокое исследование, и поныне не утратившее своего значения.

В эмигрантской печати заметную роль сыграли Карелин, Колегаев, Прошьян.

В Харькове во время первой мировой войны большой популярностью пользовалась газета «Утро», в которой в 1915 — начале 1916 года наряду с большевиками Н. Осинским (В. В. Оболенским) и другими работали Алгасов и Карелин. Еще до того, как газета, преследуемая властями, прекратила свое существование, им удалось опубликовать в ней целую серию антивоенных статей, ставших заметным явлением в отечественной журналистике.

1917 год, свержение самодержавия открыли невиданные ранее возможности. Но и потребность в осмыслении поразительных и динамичных перемен возросла многократно. К тому же резко изменилась, стала не просто шире, но и демократичнее читательская аудитория. Нужно сказать, не все прежние теоретики и публицисты из эсеровской партии сумели приспособиться к новой ситуации.

К чести наших героев, они оказались на высоте положения. Чуть ли не ежедневно в петроградских и местных периодических изданиях стали появляться крупные материалы, подписанные Алгасовым, Бриллиантовым, Карелиным. Реже других, но глубже по содержанию, чем это удавалось коллегам, писали Трутовский и Штейнберг [1]. Спектр тем, которым они посвятили свое

---

[1] Штейнбергу было суждено стать наиболее плодовитым и авторитетным историографом партии левых эсеров. Находясь в эмиграции, он опубликовал десятки статей и несколько крупных работ мемуарного характера. В том числе: «От Февраля по Октябрь 1917 года». (Берлин; Милан. Б. г.); «Нравственный лик революции» (Берлин. 1922).

Трутовский в 20-х годах в Советской России кроме книги «Сорочинская трагедия» написал ряд фрагментов мемуаров, закончил их в ссылке в Алма-Ате. Рукопись была изъята во время его ареста в 1937 г. и до сих пор не обнаружена.

перо, был широк, затрагивал насущные заботы и боли дня: проблемы войны и мира, выборы в земство и думы, аграрное движение и т. п.

Летом и осенью 1917 года особую, всероссийскую значимость приобрели две провинциальные газеты с одноименным названием «Социалист-революционер». Одна издавалась при участии Прошьяна в Гельсингфорсе, другая — под редакцией Колегаева в Казани. В эсеровской партии эти газеты считались наиболее радикальными, а их руководители — опасными смутьянами, «мальчишками», от которых можно было ожидать чего угодно: протеста против введения смертной казни, призыва к блоку с большевиками и защите В. И. Ленина от травли в официальной и правосоциалистической прессе, требования немедленного раздела помещичьих земель, объявления летнего наступления на фронте ударом ножа в спину революции, наконец, резкой (и доказательной!) критики в адрес Центрального Комитета и его вождей.

Октябрь заставил каждого переключить преимущественное внимание на работу в Центральном Комитете, Советах. Наркомы стали писать меньше, а если выступали в печати, то по проблемам своего ведомства и много реже — по общеполитическим вопросам.

Левых эсеров — наркомов роднило еще одно обстоятельство. Путь в революцию они начинали в антиправительственных выступлениях учащейся молодежи — студентов, гимназистов. С рабочим движением был тесно связан лишь Прошьян, правда в течение очень короткого времени.

Но все же их корни уходили в иную почву, в иной опыт (который, если речь идет о большевиках, мы всегда — и с полным основанием — отмечаем специально, но опускаем, коль скоро пишем о деятелях иных партий). Все они были детьми первой русской революции, все прошли через ее горнила. Именно она формировала их политическое лицо, ее опыт во многом предопределил поведение каждого и в Феврале, и в Октябре. Даже А. И. Бриллиантов, без серьезных последствий переболевший «весенней лихорадкой» гимназической революционности в 90-х годах и затем надолго отошедший от политики, заново и всерьез вернулся «в строй» в 1904 году. Он выступил одним из организаторов Крестьянского союза, был избран во II Государственную думу. В 1907 году его арестовали, он провел четыре месяца в тюрьме и затем был выслан. Для сравнения укажем, что из 92 большевиков (наркомов и руко-

водителей комиссий СНК в 1917—1918 годах) — 72 процента вступили в РСДРП(б) еще до первой русской революции [1].

Наркомы были молоды. Однако средняя продолжительность их пребывания в партии равнялась почти одиннадцати годам! Колегаеву было 18 лет, когда по поручению Харьковского комитета он стал содержателем явочной квартиры и, как значилось в донесениях полиции, выполнял поручения по распространению «брошюр и журналов преступного содержания». Его и арестовали как раз во время транспортировки нелегальной литературы. Карелин, изгнанный из 6-го класса гимназии в 1906 году, в возрасте 15 лет попал в орбиту смоленской эсеровской организации. А спустя всего четыре года в Париже на собрании старших товарищей, посвященном П. А. Лаврову, он сделал один из основных докладов о теоретическом наследии великого революционера. Тридцатилетний Алгасов, выступая осенью 1917 года на Петроградской страховой конференции, говорил о себе: «Я социалист-революционер, 15 лет состою в партии, член двух комитетов...» Так же рано начинали Бриллиантов, Прошьян, Трутовский. Дальнейшие события показали, что это не были «ошибки молодости», «максимализм юности», но рано сформировавшиеся и прочные убеждения.

Конечно, более десятка лет, отданных активной, порой жестокой борьбе,— это огромный срок. Такое могли выдержать лишь единицы, люди особенно сильные духом, беспредельно верящие в справедливость дела, которому посвятили жизнь.

Было бы наивно видеть в каждом эсере боевика, экспроприатора. Но правдой является то, что принадлежность к партии «святого террора» автоматически влекла за собой особое внимание полиции, предельно суровые приговоры суда, нечеловеческий режим заключения и ссылки.

Например, Карелин. За его плечами не было ничего, что напоминало бы подвиг И. П. Каляева или М. А. Спиридоновой, он и не готовился к нему, занимался пропагандой. И все же провел годы и годы под негласным и гласным наблюдением полиции, неоднократно подвергался обыскам, дважды арестовывался, провел более года в тюрьме и пять лет в ссылке. В стороне от боевой работы держались Бриллиантов, Трутовский, Штейнберг.

А вот Алгасов, Колегаев, Прошьян могли бы являться воплощенной моделью идеального эсера. Они искали опасности, сознательно шли на самые острые формы борьбы, участвовали в экспроприациях, подвергались репрессиям, стойко выносили все удары

[1] См.: *Ирошников М. П.* Председатель Совета Народных Комиссаров Вл. Ульянов (Ленин). Л., 1974. С. 47.

судьбы. Все так. Но по сравнению с масштабами народной революции они оказывались замешаны в сущих пустяках: в подготовке изъятия денег в Читинском казначействе (Колегаев), в нападении на арсенал воинской части (Алгасов).

Расплачиваться за это приходилось не только арестами, заключением, но и невозможностью вести крупную, соразмерную их таланту и мужеству, организаторскую, да и многую иную работу (кроме сугубо нелегальной) в массах. В материалах департамента полиции во множестве имелись подробные «ориентировки» — описание внешности, рода занятий, политической принадлежности на Алгасова, Карелина, Трутовского и других.

Позволю себе краткое отступление. Большевики отвергали тактику индивидуального террора, заговорщические формы борьбы. Им были чужды «алхимики революции», люди, по замечанию Карла Маркса, увлекающиеся «изобретениями»: бомбами, разрушительными машинами, мятежами, которые должны «сотворить революционные чудеса»[1]. Но вот Владимир Ильич Ленин писал: «Само собой разумеется, мы не можем обойтись без романтики. Лучше избыток ее, чем недостаток. Мы всегда симпатизировали революционным романтикам, даже когда были несогласны с ними. Например, мы всегда воздерживались от индивидуального террора. Но мы всегда выражали наше восхищение личным мужеством террористов и их готовностью на жертвы»[2].

Лишь после Февральской революции будущие наркомы всерьез приобщились к массовому движению. Для одних это произошло через организационно-партийную и пропагандистскую работу (Бриллиантов, Карелин, Трутовский, Штейнберг), для других (Алгасов, Колегаев, Прошьян) — партийную и советскую.

Противники войны и коалиции с буржуазией, представители радикального, оппозиционного ЦК ПСР течения, они неизменно третировались руководителями партии. В пору засилья в Советах соглашателей только Алгасову удалось пробиться в Центральный Исполнительный Комитет I созыва. Но, будучи популярны в низовых комитетах, в массе, они были избраны и участвовали на I Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов и I Всероссийском съезде рабочих и солдатских депутатов.

Мы неоднократно подчеркивали: у наркомов — левых эсеров было много общего. И все же по судьбам, революционному опыту,

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 7. С. 288.

[2] Ленинский сборник XXXVII. С. 212.

политическим симпатиям и связям, да и просто по характеру, они оказались очень разными людьми, представляли все разнообразие многочисленных группировок и течений, существовавших в левоэсеровской партии.

Это стало ясно в канун и в дни Октября. Алгасов и Прошьян приняли его органично: дело Октября было им близко. Алгасов, например, являлся членом Петроградского военно-революционного комитета — штаба вооруженного восстания. Оба, прогнозируя состав будущего правительства, склонялись к его конструированию из левых партий: большевиков, левых эсеров, может быть, объединенных социал-демократов интернационалистов. Но ни в коем случае — из правых меньшевиков и эсеров, энесов. Алгасов считал, что эти партии никакого отношения к «революционной демократии не имеют»[1].

Утром 25 октября 1917 года Карелин на совещании эсеровской фракции съезда, высказавшись за участие в правительстве, подчеркнул: «Изоляция большевиков гибельна. Наша основная идея — создание демократического органа власти... Мы играем сейчас роль примирителей, и терять эту роль нельзя. Мы должны предложить большевикам создать блок революционной демократии, и в этот блок мы войдем»[2]. А днем 25 октября, приглашенный вместе с Б. Д. Камковым и В. Б. Спиро на заседание ЦК РСДРП(б), он, как и его товарищи, отверг предложение большевиков войти в правительство, настаивал на формировании СНК на базе всех социалистических партий — вплоть до энесов! Карелин и в дальнейшем не обременял себя поисками компромисса с партией большинства, предпочитая всему обилию оттенков язык ультиматума. Видимо, поэтому лидеры левых эсеров, заинтересованные в прочном, юридически оформленном союзе с большевиками, вывели его из состава группы, которой было поручено вести переговоры по этому вопросу с ЦК РСДРП(б).

Еще большую осторожность, скепсис, нежелание идти на конфликт с ЦК ПСР, который объявил Октябрь злонамеренным большевистским заговором, проявили Трутовский и Штейнберг.

Разность позиций не мешала Алгасову, Камкову, Колегаеву, Прошьяну, Трутовскому и Штейнбергу войти во ВЦИК, избранный II съездом Советов. Бриллиантов присоединился к ним в январе 1918 года (ВЦИК III созыва). Но и во ВЦИК, скованные жесткой партийной дисциплиной, они демонстрировали неодинаковое, по-

---

[1] Протоколы I съезда партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). С. 60.

[2] Знамя труда. 1917. 27 октября.

рой диаметрально противоположное отношение к ключевым вопросам революции: советской федерации, Учредительному собранию, Брестскому миру и т. п.

На арене Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета наиболее заметными фигурами были Прошьян и Штейнберг. Но если Прошьян блестяще проявил себя в области организационной, то истинным парламентским лидером, записным оратором, яростным, опасным для оппонентов (а ими были не только большевики, но и меньшевики, правые эсеры и т. д.: ВЦИК в 1917—1918 годах являл собой учреждение многопартийное) полемистом был Штейнберг. Эта работа как будто была создана для него.

Следует назвать и Алгасова, тесно сотрудничавшего с Я. М. Свердловым и Б. А. Веселовским, которые делили с ним руководство Иногородним отделом ВЦИК. Отдел, как считал Председатель ВЦИК Свердлов, оказывал громадное влияние на события революции через тысячи своих эмиссаров, «разъясняя истинное положение дел, которое освещалось буржуазной печатью в самом фантастическом виде, помогая преодолеть саботаж телеграфных и почтовых чиновников, которые задерживали наши телеграммы и наши сообщения, и вместе с тем инструктируя местные органы Советской власти в борьбе с возникающими затруднениями в управлении страной»[1]. Во всем этом была немалая заслуга Алгасова, который и сам не засиживался в Петрограде, выезжал в Прибалтику, Поволжье и на Украину. Его отчеты об этих командировках — образец глубокого и в основном верного анализа состояния советского строительства, борьбы с контрреволюцией. Вместе с тем они свидетельство неуемной энергии этого человека.

Алгасов неизменно пользовался доверием партии большинства. Ему поручали трудные, порой деликатные, требующие особых, высоких, чистых, человеческих качеств задания. По рекомендации Ленина его ввели в состав Следственной комиссии, получившей от СНК «право обысков, выемок и арестов, без предварительных сношений по сему поводу с каким бы то ни было учреждением»[2]. Думается, работа во ВЦИК предопределила его участие в Совнаркоме в качестве одного из руководителей Наркомата внутренних дел.

Деятельность наркомов — левых эсеров в Совете Народных Комиссаров и поныне почти не изученный фрагмент истории нашей революции, социалистического строительства. Оценить вклад каж-

---

[1] *Свердлов Я. М.* Избр. произв. М., 1959. Т. 2. С. 103.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 388.

дого, сделать это с необходимой глубиной и объективностью сегодня невозможно. Это дело будущего, понадеемся, что не слишком далекого.

Известно, что В. И. Ленин высоко ценил работу Прошьяна. Но это скорее дань желанию и умению Проша Перчевича проводить «общую политику Совета Народных Комиссаров», его четкой социалистической ориентации.

Мне представляется, что результативнее была работа Колегаева. В конечном счете — и наркомюста Штейнберга, наркома по местному самоуправлению Трутовского. С ними было трудно. Только за декабрь 1917 — январь 1918 года Совнарком оказался вынужденным 11 раз рассматривать претензии Штейнберга, пытавшегося поставить под свой контроль ВЧК, лишить ее самостоятельности в борьбе с контрреволюцией, саботажниками, мятежниками и заговорщиками. Наркомюст далеко не во всем был прав. Однако его инициативы заставляли правительство спешить с утверждением новой революционной законности, обеспечили подготовку важного для страны и принятого ВЦИК 15 февраля 1918 года Декрета о суде № 2.

Не раз вразрез с общей политикой Совнаркома пытался действовать Трутовский. Вопреки прямому обязательству, зафиксированному в соглашении партий, проводить на практике «принцип полноты власти (Советов), как в центре, так и на местах»[1], он неохотно расставался с приоритетом городских и земских учреждений, поддерживал, и настойчиво, охотно, проявления местничества, даже сепаратизма. Но было в его бережном отношении к местным самоуправлениям, их опыту и большое рациональное зерно, вошедшее в актив советского государственного строительства.

Разумеется, работа коалиционного правительства имела свою специфику, свои сложности. И все-таки общая ее оценка, которую дал Ленин в отчете СНК III Всероссийскому съезду Советов, была оптимистична. Ленин говорил: «Тот союз, который мы заключили с левыми социалистами-революционерами, создан на прочной базе и крепнет не по дням, а по часам. Если в первое время в Совете Народных Комиссаров мы могли опасаться, что фракционная борьба станет тормозить работу, то уже на основании двухмесячного опыта совместной работы я должен сказать определенно, что у нас по большинству вопросов вырабатывается решение единогласное»[2]

---

[1] Исторические заметки № 117. М., 1989. С. 129.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 264.

Неприятие Брестского мира левыми эсерами разрушило коалиционное Советское правительство. Они вышли из его состава. На заседании СНК 18 марта 1918 года по предложению Свердлова был обсужден «вопрос об общеминистерском кризисе в связи с уходом из правительства всех левых эсеров и некоторых товарищей-большевиков: Коллонтай, Смирнов, Дыбенко, Оболенский...»

Далее в протоколе читаем:

«2. Назначение Народным комиссаром юстиции Стучки (вместо ушедшего Штейнберга).

3. О назначении Наркома земледелия (вместо ушедшего Колегаева). (Постановлено отложить на 2—3 дня, поручить т. Свердлову вступить в официальные переговоры с членом ЦИК т. Середой о возможности назначения его зам. наркома земледелия.)...

8. Вместо Карелина — назначить временным заместителем Народного комиссара Имуществ Республики Малиновского.

9. О назначении Комиссара почт и телеграфов (вместо Прошьяна). Постановили: предложить т. Рябчинскому представить на завтрашнее заседание СНК деловой доклад о мерах, принятых им к установлению строжайшей дисциплины и упорядоченного положения своего ведомства.

10. О Высшем Военном Совете. Прошьян не должен дальше оставаться членом Высшего Военного Совета. Назначить членом ВВС Подвойского.

11. Комиссариат по делам Местного самоуправления — упразднить...»[1]

В документе ничего не сказано об Алгасове и Бриллиантове. Но они были «министрами без портфеля».

Правительственный кризис, вопреки прогнозам и надеждам левых эсеров, легко разрешился новыми назначениями.

Как же сложилась судьба бывших наркомов? Вначале вполне благополучно. Все они остались членами ВЦИК, Прошьян и Трутовский получили мандаты кандидатов в члены Президиума ВЦИК IV созыва. В. А. Карелин и И. З. Штейнберг вошли в так называемую «Повстанческую девятку» — правительство Советской Украины. У нас нет сведений об Алгасове и Бриллиантове, но с большой долей вероятности можно утверждать, что они продолжали занимать руководящие посты в советских учреждениях.

И все же разрыв блока проложил глубокую пропасть между наркомами. Все они выполнили директиву своего Центрального Комитета, но каждый оценил ее по-своему. Алгасов резко возра-

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 1, л. 172—176.

жал и поплатился тем, что на апрельском съезде ПЛСР не был избран в ЦК. С ним был солидарен Колегаев, колебался в оценке этой акции Трутовский. А вот Карелин, Прошьян, Штейнберг готовы были от оппозиции перейти к прямой конфронтации с большевиками.

Как известно, она вылилась в террористический акт против Мирбаха, в вооруженную борьбу на улицах Москвы 6 июля 1918 года. Нелепая авантюра дорого обошлась партии левых эсеров. Замешанные в ней Карелин, Прошьян и Трутовский 27 ноября 1918 года Революционным трибуналом при ВЦИК были приговорены к заключению в тюрьму, с применением принудительных работ, сроком на три года. Все трое еще летом перешли на нелегальное положение и на время оказались вне досягаемости карательных органов.

Алгасов сразу же после путча порвал с левыми эсерами, в 1918 году вступил в РКП(б).

Штейнберг, пройдя через группу «легалистов» — левых эсеров, отказавшихся от борьбы с Советской властью, в 1922 году эмигрировал, жил в Берлине. Это спасло ему жизнь: он умер в своей постели. О Бриллиантове сведения отсутствуют. Все остальные: Алгасов, Карелин, Колегаев, Трутовский — были уничтожены в 1937—1938 годах, а их имена преданы забвению.

В свое время великий Ленин нашел мужество и время сказать несколько теплых и справедливых слов памяти Проша Перчевича Прошьяна. Это и замечательный пример, и горький упрек советской исторической науке.

Разгон А. И.—
доктор исторических наук

Содержание

Первое Советское правительство. Окт. 1917 — июль
П26 1918/Науч. ред. А. П. Ненароков.— М.: Политиздат, 1991.— 461 с.: ил.
ISBN 5—250—00919—0

Предлагаемая книга рассказывает о первом составе Совнаркома, принявшем на себя всю ответственность за судьбу революции, судьбу страны. Он работал до июля 1918 года, когда была принята Конституция РСФСР, обобщившая первый опыт советского государственного строительства. Читатель узнает о многих наркомах, чьи имена долгое время замалчивались.

Книга рассчитана на массового читателя.

П $\frac{0902020000-033}{079(02)-91}$ 232—90 **ББК 63.3(2)711.2**

ПЕРВОЕ
СОВЕТСКОЕ
ПРАВИТЕЛЬСТВО

Октябрь 1917—
июль 1918

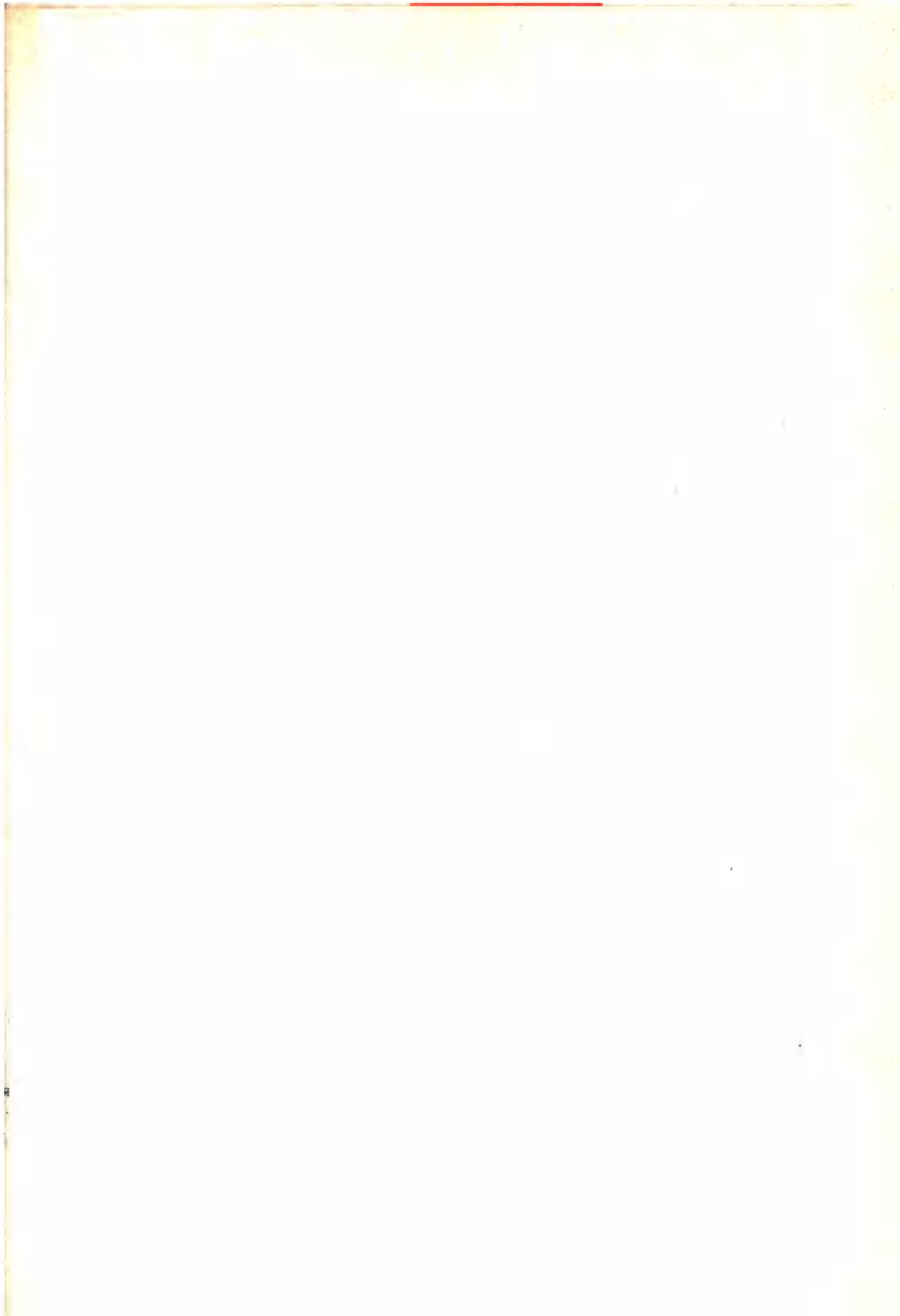
Зав. редакцией *Л. С. Макарова*
Редактор *М. А. Романова*
Младший редактор *Е. В. Печкурова*
Художник *В. И. Примаков*
Художественный редактор *О. Н. Зайцева*
Технический редактор *Е. Ю. Куликова*

ИБ № 8246

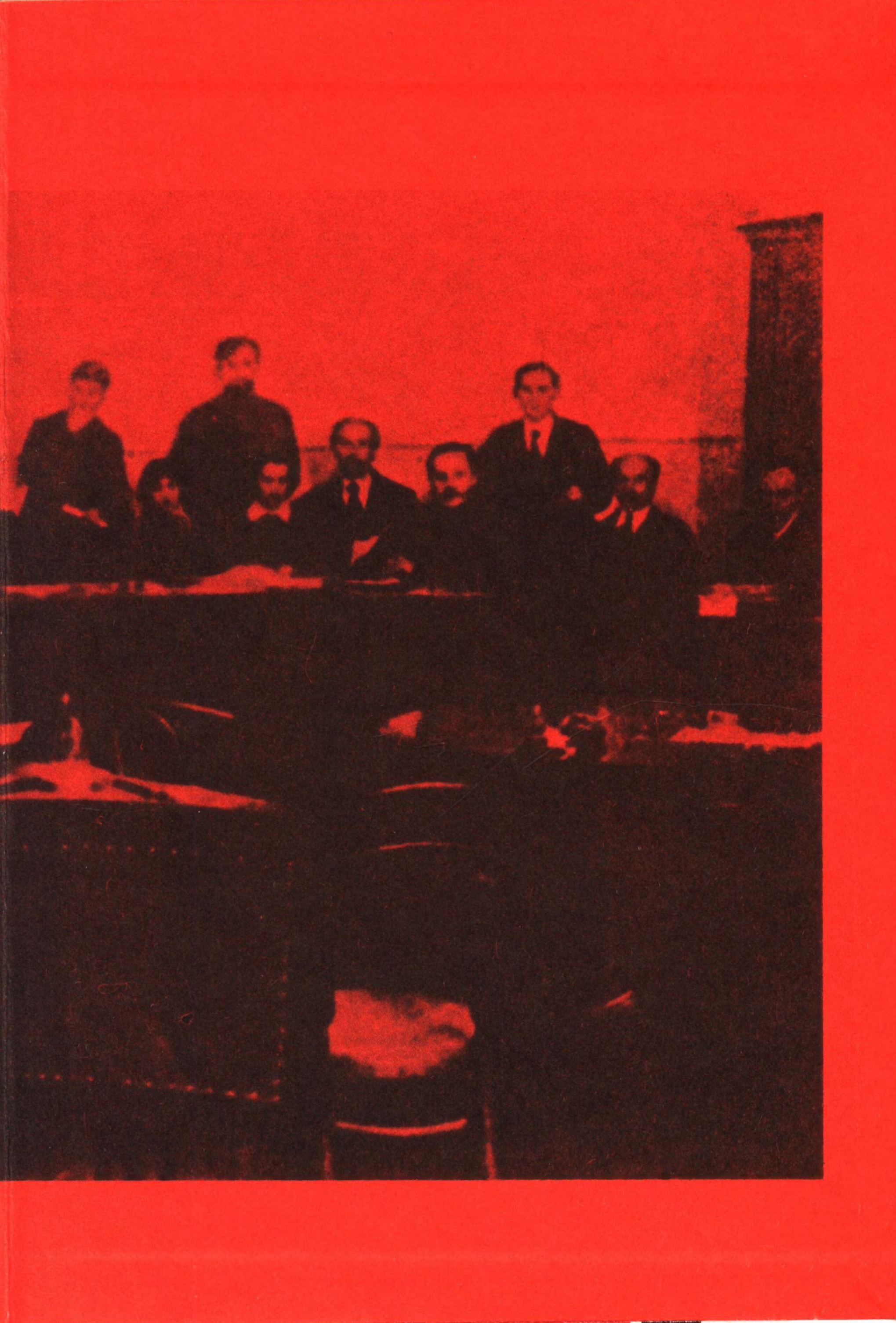
Сдано в набор 23.08.90. Подписано в печать 30.01.91. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная книжно-журнальная. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,97. Уч.-изд. л. 28,60. Тираж 100 000 экз. Заказ № 3923. Цена 2 р. 80 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография издательства «Горьковская правда», 603006, г. Нижний Новгород, ул. Фигнер, 32.

2 р. 80 к.
СОВЕТСКОЕ
ПЕРВОЕ
ПРАВИТЕЛЬСТВО

ПЕРВОЕ СОВЕТСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО